

Джеймс Фенимор Купер Зверобой, или Первая тропа войны

Глава 1

*...Есть наслаждение в бездорожных чащах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне,
И то, чем был, и то к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чуж,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.
Байрон, «Чайльд Гарольд»*

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествием, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период тот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем, четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона¹, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси², не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани³, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров⁴ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же

¹ Гудзон — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

² Покипси — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

³ Олбани — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

⁴ Ван-Ренселеры — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне сливут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохоку⁵ и Скохари⁶. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простиралось далеко вглубь Новой Англии⁷, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁸ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

⁵ Мохок — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

⁶ Скохари — приток Мохока.

⁷ Новая Англия — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁸ Мокасины — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю «охотники за землей»⁹. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии¹⁰, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой¹¹. Шести футов четырех дюймов росту¹², Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величаявая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был совсем иного склада.

Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не

⁹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на ней лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

¹⁰ Колония — здесь: Олбани.

¹¹ Канадой называли тогда французские поселения в Северной Америке на реке Святого Лаврентия.

¹² То есть около 190 сантиметров.

заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹³. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский¹⁴ желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары! — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги минги¹⁵ не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаваарами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием похвастаться и честностью.

Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего

¹³ Вампум — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

¹⁴ Делавары, или пенни-ленепе, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину Делаваара и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

¹⁵ Минги — так презрительно называли делавары гуронов, или венандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII–XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуроно вела длительную борьбу с делаваарами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер¹⁶, Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делаваара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могикане¹⁷: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно

¹⁶ Траппером называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

¹⁷ Могикане — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу — что не так-то легко в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для успокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремьень, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочки.

— Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда речь идет о такой девушке, как Джудит! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший глаза раскрыть. За Джудит уже ухаживали мужчины, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

— Теперь июнь, и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, — ответил невозмутимо Зверобой. — У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о дикой кошке.

— Но не слишком умно с ее стороны сообщать о своем мнении дикой кошке, — проворчал Марч. — Впрочем, ты молод и еще несмышлениш, поэтому я прощаю тебе твое невежество. Послушай, Зверобой, — с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, — послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Джудит создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчика... Что же говорили делавары об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женщинах не хуже, чем белый.

— Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит окружать себя поклонниками и очень ветрена.

— Сущие черти! Впрочем, какой школьный учитель может потягаться с индейцем там, где речь идет о природе! Некоторые думают, что индейцы пригодны только для охоты и для войны, но я говорю, что это мудрецы и разбираются они в мужчинах так же хорошо, как в бобрах, а в женщинах не хуже, чем в тех и других. Характер у Джудит в точности такой!

Говоря по правде, Зверобой, я женился бы на этой девчонке еще два года назад, если бы не две особые причины, и одна из них — в этом самом легкомыслии.

— А в чем же вторая? — спросил охотник, продолжая есть и, очевидно, мало интересуясь разговором.

— А вторая — в том, что я не уверен, пожелает ли она выйти за меня. Плутовка красива и знает это. Юноша! На этих холмах нет дерева более стройного, дуновения ветра более нежного, и ты никогда не видел лани, которая прыгала бы с большей легкостью. Ее бы прославляли в один голос, не будь у нее недостатков, которые слишком бросаются в глаза. Иногда я даю клятву больше не ходить на озеро.

— Вот почему ты всегда возвращаешься к нему! Видишь, никогда не следует клясться.

— Ах, Зверобой, ты новичок в этих делах! Ты такой благонравный, как будто никогда в жизни не покидал города. Я — иное дело. Какая бы мысль ни пришла мне в голову, мне всегда хочется выругаться. Если бы ты знал Джудит, как знаю ее я, то понял бы, что иногда простительно чуточку посквернословить. Случается, что офицеры из фортов на Мохоке приезжают на озеро ловить рыбу и охотиться, и тогда это создание совсем теряет голову. Как она начинает тогда рядиться и какую напускает на себя важность в присутствии своих ухажеров!

— Это не подобает дочери бедного человека, — ответил Зверобой степенно. — Все офицеры — дворянского происхождения и на такую девушку, как Джудит, могут смотреть только с дурными намерениями.

— Это меня и бесит, и успокаивает. Я, правда, побаиваюсь одного капитана, и Джудит должна винить только себя и свою дурь, если я неправ. Но, вообще говоря, я склонен считать ее скромной и порядочной девушкой, хотя даже облака, плывущие над этими холмами, не так переменчивы, как она. Вряд ли довелось ей встретить дюжину белых, с тех пор как она перестала быть ребенком, а поглядел бы ты, как она форсит перед офицерами!

— Я бы давно бросил думать о такой девушке и занялся бы только лесом. Лес никогда не обманет.

— Если бы ты знал Джудит, то понял бы, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Будь я спокоен насчет офицеров, силой бы утащил девчонку к себе на Мохок, заставил бы ее выйти за меня замуж, несмотря на все ее капризы, и оставил бы старика Тома на попечение Хетти, его второй дочери; та хоть и не так красива и бойка, как ее сестрица, зато гораздо лучше понимает свои обязанности.

— Стало быть, еще одна птица из того же гнезда? — с некоторым удивлением спросил Зверобой. — Делаваы говорили мне только об одной.

— Не мудрено, что, когда говорят о Джудит Хаттер, забывают о Хетти Хаттер. Хетти всего лишь мила, тогда как ее сестра... Говорю тебе, юноша, другой такой не сыщешь отсюда до самого моря! Джудит бойка, речиста и лукава, как старый индейский оратор, тогда как бедная Хетти в лучшем случае только «Так указывает компас».

— Что такое? — переспросил Зверобой.

— Да это офицеры ее прозвали: «Так указывает компас». Я полагаю, они хотели этим сказать, что она всегда старается идти в должном направлении, но иногда не знает, как это сделать. Нет, бедная Хетти совсем дурочка и постоянно сбивается с прямого пути то в одну, то в другую сторону. Старый Том очень любит девчонку, да и Джудит тоже, хотя сама она бойка и тщеславна. Не будь этого, я бы не поручился за безопасность Хетти среди людей такого сорта, какой иногда попадает на берегах озера.

— Мне казалось, что люди здесь появляются редко, — сказал Зверобой, видимо обеспокоенный мыслью, что он так близко подошел к границам обитаемого мира.

— Это правда, парень, едва ли два десятка белых видели Хетти. Но двадцать заправских пограничных жителей — охотников-трапперов и разведчиков — могут натворить бед, если постараются. Знаешь, Зверобой, я буду в отчаянии, если, вернувшись после шестимесячной отлучки, застану Джудит уже замужем...

— Девушка призналась тебе в любви или как-нибудь обнадежила тебя?

— Вовсе нет! Право, не знаю, в чем тут дело. Ведь я не дурен собой, парень. Так мне, по крайней мере, кажется, когда я гляжусь в родник, освещенный солнцем. Однако я никогда не мог вынудить у этой плутовки обещание выйти за меня замуж, не мог добиться от нее ласковой улыбки, хотя она готова хохотать целыми часами. Если она осмелилась обвенчаться в мое отсутствие, то узнает все радости вдовства, не дожив и до двадцати лет.

— Неужели, Гарри, ты способен сделать что-либо худое человеку только потому, что он пришелся ей по душе больше, чем ты?

— А почему бы и нет? Если соперник встанет на моем пути, как не отшвырнуть его в сторону? Погляди на меня! Такой ли я человек, чтобы позволить какому-нибудь пронице и плуту, торговцу пушниной, взять надо мной верх в таком важном для меня деле, как расположение Джудит Хаттер. Да ведь мы здесь живем без законов и поневоле должны сами быть и судьями и палачами. Когда в лесу найдут мертвое тело, кто скажет, где убийца, хотя бы в Колонии и занялись этим делом и подняли шум?

— Если убитый окажется мужем Джудит Хаттер, то после всего, что ты сказал мне, я сумею направить людей из Колонии по верному следу.

— Ты, молокосос, мальчишка, гоняющийся за дичью, ты смеешь грозить доносом Гарри Непоседе, будто это так же просто, как свернуть голову цыпленку?!

— Я не побоюсь сказать правду, Непоседа, о тебе, так же как и о любом человеке, кем бы он ни был.

С минуту Марч глядел на товарища с молчаливым изумлением. Потом, схватив Зверобоя обеими руками за горло, он встряхнул его легкое тело с такой силой, словно хотел переломать ему все кости. Марч не шутил: гнев пылал в его глазах. Но Зверобой не испугался. Лицо его не изменилось, рука не дрогнула, и он сказал спокойным голосом:

— Ты можешь трясти меня, Непоседа, пока не расшатаешь гору, и все-таки ничего, кроме правды, из меня не вытрясешь. Весьма вероятно, что у Джудит Хаттер еще нет мужа, которого ты мог бы убить, и у тебя не будет случая подстеречь его. Но если она замужем, я при первой же встрече скажу ей о твоей угрозе.

Марч разжал пальцы и молча сел, не сводя удивленных глаз со своего спутника.

— До сих пор я думал, что мы друзья, — вымолвил он наконец. — Но это моя последняя тайна, которая дошла до твоих ушей.

— Я не желаю знать твои тайны, если все они в том же роде. Я знаю, что мы живем в лесах, Непоседа, и считаем себя свободными от людских законов. Быть может, это отчасти правильно. Но все-таки есть закон, который властвует над всей Вселенной, и тот, кто пренебрегает им, пусть не зовет меня своим другом.

— Черт меня побери, Зверобой, я и не предполагал, что в душе ты близок к моравским братьям¹⁸; а я-то думал, что ты честный, прямодушный охотник, за какого выдаешь себя!

— Честен я или нет, Непоседа, во всяком случае, я всегда буду так же прямодушен на деле, и на словах. Но глупо поддаваться внезапному гневу. Это только доказывает, как мало ты жил среди краснокожих. Без сомнения, Джудит Хаттер еще не замужем, и ты говорил то, что взбрело тебе на язык, а не то, что подсказывает сердце. Вот тебе моя рука, и не будем больше говорить и вспоминать об этом.

Непоседа, как видно, удивился еще больше. Но потом захохотал так добродушно и громко, что даже слезы выступили у него на глазах.

Он пожал протянутую руку, и оба: спутника опять стали друзьями.

— Из-за такой-то пустой мысли ссориться глупо! — воскликнул Марч, снова принимаясь за еду. — Это больше пристало городским законникам, чем разумным людям,

¹⁸ Моравские братья — члены чешской религиозной секты, основанной в XV веке. В XVIII веке они вели миссионерскую работу среди индейцев Северной Америки, главным образом среди делаваров. Моравские братья написали о делаварах несколько книг. Книги эти очень интересны, потому что миссионеры видели делаваров тогда, когда их почти еще не коснулось влияние белых.

которые живут в лесу. Мне рассказывали, Зверобой, что в нижних графствах¹⁹ многие портят себе кровь из-за своих мыслей и доходят при этом до самой крайности.

— Так оно и есть, так оно и есть... От моравских братьев я слышал, что существуют такие страны, где люди ссорятся даже из-за религии, а уж если дело доходит до этого, то смилуйся над ними боже. Однако мы не станем следовать их примеру, особенно из-за мужа, которого у Джудит Хаттер, быть может, никогда и не будет. А меня больше интересует слабоумная сестра, чем твоя красавица. Нельзя остаться равнодушным, встречая ближнего, который хотя и по внешности напоминает самого обыкновенного смертного, но на деле совсем не таков, потому что ему не хватает разума. Это тяжело даже мужчине, но когда это случается с женщиной, с юным, обаятельным существом, то пробуждает самые жалостливые мысли, какие только могут появиться у тебя. Видит бог, Непоседа, эти бедные создания достаточно беззащитны даже в здравом уме. Какая же страшная судьба ожидает их, если этот великий покровитель и вожатый изменяет им!

— Слушай, Зверобой! Ты знаешь, что за народ трапперы — охотники и торговцы пушниной. Их лучший друг не станет отрицать, что они упрямы и любят идти своей дорогой, не слишком считаясь с правами и чувствами других людей. И, однако, я не думаю, чтобы во всей здешней местности нашелся хотя бы один человек, способный обидеть Хетти Хаттер. Нет, даже индеец не решится на это.

— Наконец-то, друг Непоседа, ты начинаешь справедливо судить о делавах и о других союзных им племенах. Рад слышать это. Однако солнце уже перевалило за полдень, и нам лучше снова тронуться в путь, чтобы поглядеть наконец на этих замечательных сестер.

Гарри Марч весело изъявил свое согласие, и с остатками завтрака скоро было покончено. Затем путники навьючили на себя котомки, взяли ружья и, покинув залитую солнечным светом поляну, снова углубились в лесную тень.

Глава 2

*Ты бросаешь зеленый озерный край,
Охотничий дом над водой,
В этот месяц июнь, в этот летний рай,
Дитя, расстаешься со мной.
«Воспоминания женщины»*

Идти оставалось уже немного. Отыскав поляну с родником, Непоседа правильно определил направление и теперь продвигался вперед уверенной поступью человека, знающего, куда ведет дорога.

В лесу стоял глубокий сумрак, однако ноги легко ступали по сухой и твердой почве, не загроможденной валежником. Пройдя около мили, Марч остановился и начал озираться по сторонам. Он внимательно рассматривал окружающие предметы, задерживая иногда взор на древесных стволах, которые валялись повсюду, как это часто бывает в американских лесах, особенно там, где дерево еще не приобрело рыночной ценности.

— Кажется, это то самое место, Зверобой, — наконец произнес Марч. — Вот бук рядом с хемлоком²⁰, вот три сосны, а там, немного поодаль, белая береза со сломанной верхушкой. И, однако, что-то не видно ни скалы, ни пригнутых ветвей, о которых я тебе говорил.

¹⁹ Нижние графства — то есть области, расположенные по нижнему течению рек Гудзона и Саскуиханны. В то время, когда происходит действие романа, нижние графства были более населенными, чем пустынные места в верховьях Саскуиханны, где бродили Зверобой и Непоседа.

²⁰ Хемлок — дерево из породы хвойных, растущее в Северной Америке.

— Сломанные ветви — нехитрая примета для обозначения пути: даже самые неопытные люди знают, что ветви редко ломаются сами собой, — ответил собеседник. — Поэтому они возбуждают подозрение и наводят на след. Делавары доверяют сломанным ветвям только во время всеобщего мира да на проторенной тропе. А буки, сосны и березы можно увидеть всюду, и не по два или по три дерева, а десятками и сотнями.

— Твоя правда, Зверобой, но ты не принимаешь в расчет их расположения. Вот бук и рядом с ним хемлок.

— Да, а вот другой дуб и другой хемлок, любовно обнявшись, как два братца или, пожалуй, поласковее, чем иные братья. А вон еще и другие... Все эти деревья здесь не редкость. Боюсь, Непоседа, что тебе легче выследить бобра или подстрелить медведя, чем служить проводником на такой непроторенной тропе... Ба! Да вон и то, что ты ищешь.

— На этот раз, Зверобой, это одна из твоих делаварских выдумок! Пусть меня повесят, если я вижу здесь что-нибудь, кроме деревьев, которые столпились вокруг нас самым странным образом.

— Глянь-ка сюда, Непоседа! Разве ты не замечаешь вот здесь, на одной линии с этим черным дубом, склонившееся молодое деревце, которое поддерживают ветви кустарника? Это дерево было засыпано снегом и согнулось под его тяжестью; оно никогда не смогло бы снова выпрямиться и окрепнуть. Рука человека помогла ему.

— Это моя рука помогла ему! — воскликнул Непоседа. — Я увидел хрупкое молодое деревце, прикинувшееся к земле, словно живое существо, согбенное горем, и поставил его так, как оно стоит теперь... Ну, Зверобой, я должен признаться, что у тебя в лесу действительно острое зрение.

— Мое зрение становится острее, Непоседа, оно становится острее, я допускаю это, но все же у меня еще глаз ребенка по сравнению с кем-то из моих краснокожих знакомых. Взять хоть Таменунда. Правда, он теперь так стар, что лишь немногие помнят, каким он был во цвете лет, однако ничто не ускользает от его взгляда, больше напоминающего собачье чутье, чем зрение человека. Затем Ункас, отец Чингачгук и законный вождь могикиан; от его взгляда тоже невозможно укрыться. Я делаю успехи... допускаю, что делаю успехи... но мне еще далеко до совершенства.

— А кто такой этот Чингачгук, о котором ты так много толкуешь, Зверобой? — спросил Непоседа, направляясь к выпрямленному деревцу. — Какой-нибудь бродяга-краснокожий, конечно?

— Он самый лучший из бродяг-краснокожих, как ты их называешь. Если бы он мог вступить в свои законные права, то стал бы великим вождем. Теперь же он всего лишь храбрый и справедливый делавар. Правда, все уважают его и даже повинуются ему в некоторых случаях, но все-таки он потомок захудалого рода, представитель исчезнувшего племени. Ах, Гарри Марч, тепло становится на сердце, когда в зимнюю ночь сидишь у них в вигваме²¹ и слушаешь предания о стародавнем величии и могуществе могикиан!

— Слушай, друг Натаниэль, — сказал Непоседа, останавливаясь и заглядывая прямо в лицо товарищу, чтобы придать больше весу своим словам, — если человек верит всему, что другие люди считают нужным говорить в свою пользу, у него создается преувеличенное мнение о них и преуменьшенное о себе. Краснокожие — известные хвастуны, и, по-моему, добрая половина их преданий — пустая болтовня.

— Не стану спорить, Непоседа, ты прав. Они действительно любят похвастать. Это их природная особенность и грешно не давать ей развиваться... Стоп! Вот место, которое мы ищем.

Разговор был прерван этим замечанием, и оба товарища устремили все свое внимание на предмет, находившийся прямо перед ними. Зверобой указал своему спутнику на ствол огромной липы, которая отжила свой век и упала от собственной тяжести. Это дерево,

²¹ Вигвам — жилище индейцев.

подобно миллионам своих собратьев, лежало там, где свалилось, и гнило под действием постоянной смены тепла и холода, дождей и засухи. Тление, однако, затронуло сердцевину еще тогда, когда дерево стояло совершенно прямо, во всей красе своего мощного роста, подобно тому как скрытая болезнь иногда подтачивает жизненные силы человека, а сторонний наблюдатель видит только здоровую внешность. Теперь ствол лежал на земле, вытянувшись в длину на добрую сотню футов, и зоркий взгляд охотника сразу распознал в нем по некоторым признакам то самое дерево, которое разыскивал Марч.

— Ага! Оно-то нам и нужно! — воскликнул Непоседа. — Все в полной сохранности, как будто пролежало в шкафу у старухи. Помоги мне, Зверобой, и через полчаса мы будем уже на воде.

Охотник тотчас же присоединился к товарищу, и оба взялись за работу усердно и умело, как люди, которым все это не в новинку. Прежде всего Непоседа сбросил куски коры, которые прикрывали широкое дупло в одном конце ствола и, по словам Зверобоя, были положены таким образом, что скорее привлекли бы внимание, чем скрыли тайник, если бы мимо прошел какой-нибудь бродяга. Затем они вытащили из дупла изготовленную из коры пирогу со скамьями, веслами и рыболовными принадлежностями, вплоть до крючков и лесок. Пирог был отнюдь не малых размеров, но сравнительно легкая. Природа же наделила Непоседу такой исполинской силой, что, отказавшись от помощи, он без всякого усилия поднял пирогу себе на плечи.

— Иди вперед, Зверобой, — сказал Марч, — и раздвигай кусты, с остальным я и сам управлюсь.

Юноша не возражал, и они тронулись в путь. Зверобой прокладывал дорогу товарищу, сворачивая по его указанию то вправо, то влево. Минут через десять они внезапно увидели яркий солнечный свет и очутились на песчаной косе, которая с трех сторон омывалась водой.

Когда Зверобой увидел это непривычное зрелище, крик изумления вырвался из его уст, — правда, крик негромкий и сдержанный, ибо молодой охотник был гораздо осторожнее и предусмотрительнее, чем необузданный Непоседа. Картина, внезапно открывшаяся перед ними, действительно была так поразительна, что заслуживает особого описания. На одном уровне с косой расстилалась широкая водная поверхность, такая спокойная и прозрачная, что казалась ложем из чистого горного воздуха, окруженным со всех сторон холмами и лесами. В длину озеро имело около трех миль. В ширину оно достигало полумили, а против косы даже более; далее к югу оно суживалось до половины. Берега имели неправильные очертания и изобиловали заливами и острыми низкими мысами. На севере озеро замыкалось одиноко стоящей горой, на запад и на восток от нее простирались низменности, приятно разнообразившие горизонт. Все же общий характер местности был гористый. Высокие холмы или небольшие горы круто поднимались из воды на протяжении девяти десятых берега. И даже в тех местах, где берег был довольно пологий, в некотором отдалении виднелись возвышенности.

Но больше всего в этом пейзаже поражали его величавая пустынность и сладостное спокойствие. Всюду, куда ни кинешь взор, только зеркальная поверхность воды да безмятежное небо в рамке густых лесов. Пышный и плотный покров леса тщательно скрывал от взоров землю. Нигде ни единой прогалины. Повсюду, от берегов до закругленных горных вершин, сплошной зеленой пеленой тянулись леса. Но растительность, казалось, не хотела довольствоваться даже столь полной победой: деревья свисали над самым озером, вытягиваясь по направлению к свету. Вдоль восточного берега можно было целые мили плыть под ветвями темных раббрантовских хемлоков, трепетных осин и меланхолических сосен. Короче говоря, рука человека еще никогда не уродовала этого дикого пейзажа, купающегося в солнечных лучах, этого великолепного лесного величия, нежащегося в июньском благоухании.

— Это грандиозно! Прекрасно! Сам становишься лучше, как поглядишь на это! — восклицал Зверобой, опершись на свой карабин и оглядываясь кругом — направо и налево, на юг и на север, на небо и на землю. — Я вижу, что даже рука краснокожего не тронула

здесь ни единого дерева. Ну, Непоседа, твоя Джудит, должно быть, благонравная и рассудительная девушка, если она, как ты говоришь, провела полжизни в таком благословенном месте.

— Это сушая правда. Но у девчонки есть свои причуды. Впрочем, она не все время живет здесь, — старик Хаттер имеет обыкновение проводить зиму в поселениях колонистов или поблизости от фортов. Нет, нет, Джуди, на свою беду, набралась кое-чего у колонистов и особенно у шаркунов-офицеров.

— В таком случае, Непоседа, вот школа, которая может ее исправить. Скажи, однако, что это вон там, прямо против нас? Для острова это слишком мало, а для лодки слишком велико, хотя стоит как раз посреди озера.

— Щеголи из форта прозвали это замком Водяной Крысы, и сам старик Том скалит зубы, слыша это название, которое как нельзя лучше подходит к его свойствам и привычкам. Это его постоянный дом; у него их два: один, который никогда не двигается с места, и второй, который плавает и поэтому находится то в одной, то в другой части озера. Он называется ковчегом, хотя я не берусь объяснить тебе, что значит это слово.

— Оно пошло от миссионеров, Непоседа; они при мне рассказывали и читали об этой штуке. Они говорят, что земля была когда-то вся покрыта водой и Ной со своими детьми спасся, построив судно, называвшееся ковчегом. Одни делавары верят этому преданию, другие не верят. Мы с тобой белые христиане. Нам подобает верить... Однако не видишь ли ты где-нибудь этот ковчег?

— Он, должно быть, отплыл к югу или стоит на якоре где-нибудь, в заводи. Но наша пирога уже готова, и пара таких весел, как твое и мое, за четверть часа доставит нас к замку.

После этого замечания Зверобой помог товарищу уложить вещи в пирогу, уже спущенную на воду. Затем оба пограничных жителя вошли в нее и сильным толчком отогнали легкое судно ярдов на восемь или десять от берега.

Непоседа сел на корму, Зверобой устроился на носу, и под неторопливыми, но упорными ударами весел пирога начала скользить по водной глади, направляясь к странному сооружению, прозванному замком Водяной Крысы. Обогнув мыс, спутники время от времени переставали грести, оглядываясь на окружающий пейзаж. Перед ними открылся широкий вид на противоположный берег озера и на поросшие лесом горы. Изменились лишь формы холмов и очертания заливов; далеко на юг простиралась долина, которую они раньше не видели. Вся земля казалась одетой в праздничный наряд из зеленой листвы.

— Это зрелище согревает душу! — воскликнул Зверобой, когда они остановились в четвертый или в пятый раз. — Озеро как будто для того и создано, чтобы мы могли поглубже заглянуть в величественные лесные дубравы. И ты говоришь, Непоседа, что никто не считает себя законным владельцем этих красот?

— Никто, кроме короля, парень. У него, быть может, есть какие-то права на это озеро, но он живет так далеко, что его притязания никогда не потревожат старого Тома Хаттера, который владеет всем этим и собирается владеть, покуда будет жив. Том не скваттер²², у него нет земли. Я прозвал его Плавуном.

— Завидую этому человеку! Знаю, что нехорошо, и постараюсь подавить это чувство, но все-таки завидую этому человеку. Не думай, пожалуйста, Непоседа, что я хочу забраться в его мокасины — такой мысли нет у меня на уме, но не завидовать ему не могу. Это естественное чувство; у самых лучших из нас есть такие естественные чувства, которым подчас даешь волю.

— Тебе надо только жениться на Хетти, чтоб наследовать половину этого поместья! — воскликнул Непоседа со смехом. — Очень милая девушка! Не будь у нее сестры красавицы, она могла бы казаться почти хорошенькой; а разума у нее так мало, что ты легко можешь

²² Скваттер — колонист, расчистивший участок девственного леса и занимающийся на этом участке земледелием.

заставить ее смотреть на все твоими глазами. Женись на Хетти, и ручаюсь, что старик уступит тебе дичь, которую ты сможешь подстрелить на расстоянии пяти миль от озера.

— А здесь много дичи? — быстро спросил Зверобой, не обращая внимания на насмешки Марча.

— Да, здесь дичи повсюду полным-полно. Едва ли кто-нибудь хоть раз спускал против нее курок, а что касается трапперов, то они редко сюда забредают. Я бы и сам околачивался здесь, но бобр тянет в одну сторону, а Джуди — в другую. За последние два года эта девчонка стоила мне больше сотни испанских долларов²³, и, однако, я не могу избавиться от желания взглянуть еще раз на ее личико.

— А краснокожие часто посещают это озеро, Непоседа? — спросил Зверобой, думая о своем.

— Они приходят и уходят, иногда в одиночку, иногда небольшими группами. Видимо, ни одно туземное племя в отдельности не владеет этой страной, и потому она попала в руки племени Хаттеров. Старик говорил мне, что некоторые проныры подбивали жителей Мохока на войну с индейцами, чтобы получить от Колонии право на эту землю. Однако ничего не вышло: до сих пор не нашлось человека, настолько сильного, чтобы заняться этим делом. Охотники и поныне имеют право свободно бродить по здешним дебрям.

— Тем лучше, Непоседа, тем лучше. Будь я королем Англии, я издал бы указ, по которому всякий человек, срубивший хоть одно из этих деревьев, не нуждаясь по-настоящему в строевом лесе, должен быть изгнан в пустынные и бесплодные места, где никогда не ступал ни один зверь. Я, право, рад, что Чингачгук назначил мне свидание на этом озере; мне никогда еще не доводилось видеть такое великолепное зрелище.

— Это потому, что ты жил так далеко, среди делаваров, в стране, где нет озер. Но далее к северу и к западу сколько угодно таких водоемов. Ты молод и еще можешь увидеть их много... Да, на свете есть еще другие озера, Зверобой, но нет другой Джудит Хаттер!

В ответ на это замечание Зверобой улыбнулся и поспешно погрузил свое весло в воду, как бы разделяя волнение влюбленного. Оба гребли изо всех сил, пока не очутились в сотне ярдов от «замка», как Непоседа в шутку называл дом Хаттера. Тут они опять бросили весла. Поклонник Джудит подавил свое нетерпение, заметив, что дом в настоящее время, видимо, пуст. Эта новая остановка позволила Зверобою осмотреть своеобразную постройку, которая заслуживает особого описания.

Замок Водяной Крысы — так этот дом был прозван каким-то остряком-офицером — стоял посреди озера на расстоянии четверти мили от ближайшего берега. Во все другие стороны вода простиралась гораздо дальше; до северного конца озера было мили две, и целая миля, если не больше, отделяла дом от восточного берега. Нигде нельзя было заметить никаких признаков острова. Дом стоял на сваях, под ним плескалась вода. Между тем Зверобой уже успел заметить, что озеро отличается изрядной глубиной, и попросил объяснить ему это странное обстоятельство. Непоседа разъяснил загадку, сказав, что в этом месте тянется длинная узкая отмель на протяжении нескольких сот ярдов к северу и к югу и всего в шести или восьми футах от поверхности воды и что Хаттер вколотил сваи в эту отмель и поставил на них свой дом ради пущей безопасности.

Жилье старика раза три поджигали индейцы и охотники, а в стычке с краснокожими он потерял единственного сына. После этого он и переселился на воду. Здесь на него можно напасть только с лодки, а даже скальпы и богатая добыча вряд ли стоят того, чтобы ради них выдалбливать пирогу. Кроме того, в такую драку пускаться небезопасно, потому что у старика Тома много оружия, а стены замка, как ты видишь, достаточно толсты, чтобы защитить человека от пуль.

²³ В XVI–XVII веках основными поставщиками серебра на мировые рынки были испанские владения в Америке-Мексика и Перу. Испанские серебряные монеты (главным образом — пиастры) имели хождение в Европе, Азии и Америке. Часто их называли испанскими долларами.

Зверобой получил от пограничников кое-какие теоретические сведения о военном искусстве, хотя ему до сих пор еще никогда не случалось поднимать руку на человека. Он убедился, что Непоседа несколько не преувеличивает силу позиции Хаттера в военном отношении. И действительно, атаковать «замок», не попав при этом под огонь осажденных, было бы трудно. Немалое искусство сказывалось и в расположении бревен, из которых было построено здание, благодаря чему обороняться в нем было гораздо проще, чем в обычных деревянных хижинах на границе. Все стены «замка» были воздвигнуты из больших сосновых стволов длиной около девяти футов, поставленных стоямя, а не положенных горизонтально, как это водится в тамошних краях. Бревна были обтесаны с трех сторон и по обоим концам снабжены большими шипами. В массивной настилке, прикрепленной к верхним концам свай, Хаттер выдолбил желоба и прочно утвердил в них нижние шипы бревен. На верхние концы этих бревен он положил доски, удерживающие их на месте с помощью такого же приспособления.

Углы постройки Хаттер прочно скрепил настилом и досками. Полы он сделал из обтесанных бревен меньшего размера, а кровлю — из тонких жердей, плотно сдвинутых и основательно прикрытых древесной корой. В конце концов у хозяина получился дом, к которому можно было приблизиться только по воде. Стены из прочно скрепленных между собой бревен имели в толщину не менее двух футов даже в самых тонких местах. Разрушить их могли только напряженные усилия человеческих рук или медленное действие времени. Снаружи постройка выглядела грубой и невзрачной, так как бревна были неодинаковы в обхвате, но внутри дома гладко обтесанная поверхность стен и полов казалась достаточно ровной как на глаз, так и на ощупь. К числу достопримечательностей «замка» принадлежали дымовая труба и очаг. Непоседа обратил на них внимание своего товарища и рассказал, как они были построены. Материалом послужила густая, основательно размешанная глина, которую укладывали в сплетенные из ветвей формы высотой в фут или два и высушивали, начиная с основания.

Когда таким образом вся труба была возведена целиком, под ней развели жаркий огонь и поддерживали до тех пор, пока глина не превратилась в некое подобие кирпича. Это была нелегкая работа, и она не сразу увенчалась полным успехом. Но, заполняя трещины свежей глиной, удалось в конце концов получить довольно прочный очаг и трубу. Эта часть постройки покоилась на бревенчатом полу, поддерживаемом снизу добавочной свайей. Строение имело и другие особенности, о которых лучше будет рассказать дальше.

— Старый Том хитер на выдумки, — прибавил Непоседа, — и он все сердце вложил в эту трубу, которая не раз грозила обвалиться. Но терпение и труд все перетрут, и теперь у него очень уютная хижина, хотя она и может когда-нибудь вспыхнуть, как куча сухих стружек.

— Ты, Непоседа, как видно, знаешь всю историю замка, с его очагом и стенами, — сказал Зверобой улыбаясь. — Неужели любовь так сильна, что заставляет мужчину изучать даже историю жилища своей любезной?

— Отчасти так, парень, — смеясь, сказал добродушный великан, — но кое-что я видел собственными глазами. В то лето, когда старик начал строиться, здесь, у нас на озере, подобралась довольно большая компания, и все мы помогали ему в работе. Немало этих самых бревен я перетаскал на собственных плечах и могу заверить тебя, мастер Натти, что топоры только сверкали в воздухе, когда мы орудовали среди деревьев на берегу. Старый черт не скупился на угощение, а мы так часто ели у его очага, что решили в благодарность построить ему удобный дом, прежде чем уйти в Олбани продавать добытые нами шкуры. Да, много всякой снеди умял я в хижине Тома Хаттера, а Хетти хотя и глуповата, но удивительно ловко умеет обращаться со сковородкой и жаровней.

Беседуя таким образом, они подплыли к «замку» настолько близко, что достаточно было одного удара веслом и пирога стала борт о борт с пристанью. Роль пристани выполняла дощатая платформа перед входом, имевшая около двадцати футов в квадрате.

— Старый Том называет этот причал своей приемной, — заметил Непоседа,

привязывая пирогу. — Я полагаю, что сейчас дома нет ни души. Вся семейка отправилась путешествовать по озеру.

Пока Непоседа топтался на платформе, рассматривая остроги, удочки, сети и другие необходимые принадлежности пограничного жилья, Зверобой вошел в дом, озираясь с любопытством, которое не часто выказывают люди, издавна привыкшие жить среди индейцев. Внутри «замка» все отличалось безукоризненной опрятностью. Жилое помещение, имевшее двадцать футов в ширину и сорок в длину, было разделено на несколько крохотных спаленок, — а комната, в которую проник Зверобой, очевидно, служила для семьи кухней, столовой и гостиной. Мебель разнокалиберная, как это часто встречалось на далеких окраинах. Большая часть вещей отличалась грубой и крайне примитивной выделкой. Впрочем, здесь были также настенные часы в красивом футляре из черного дерева, два или три стула, обеденный стол и бюро с претензиями на не совсем обычную роскошь, очевидно попавшие сюда из какого-то другого жилища. Часы прилежно тикали, но свинцовые стрелки упрямо показывали одиннадцать, хотя по солнцу было видно, что уже перевалило далеко за полдень. Стоял здесь и темный массивный сундук. Кухонная посуда была самая простая и скудная, но каждый предмет имел свое место, и видно было, что его всегда содержат в чистоте и порядке.

Окинув беглым взглядом комнату, Зверобой приподнял деревянную щеколду и вошел в узенький коридорчик, разделявший внутреннюю часть дома на две равные половины. Пограничные обычаи не отличаются особой деликатностью, а так как любопытство молодого человека было сильно возбуждено, то он отворил дверь и проскользнул в спальню.

С первого взгляда было видно, что здесь живут женщины. На простой койке, возвышавшейся всего на фут над полом, была постлана перина, туго набитая перьями дикого гуся. Справа, на деревянных колышках, висели платья; обшитые лентами и другими украшениями, они казались гораздо более изысканными, чем можно было ожидать в подобном месте. На полу стояли хорошенькие башмачки с красивыми серебряными пряжками, какие носили тогда женщины с достатком. Шесть полуоткрытых вееров, ласкавших глаз своими причудливыми, ярко раскрашенными рисунками, красовались на стене. Подушка, лежавшая на правой стороне кровати была покрыта более тонкой накидкой, к тому же отделанной оборкой, чем подушка, лежавшая рядом. Над изголовьем справа был приколот чепчик, кокетливо убранный лентами, и висела пара длинных перчаток, какие в те времена редко носили женщины из трудовых слоев населения. Перчатки эти были пришпилены с явной целью выставить их напоказ хотя бы здесь, за невозможностью показать на руках той, кому они принадлежали. Все это Зверобой рассмотрел с таким вниманием, которое не уступило обычной наблюдательности его друзей-делаваров. Не преминул он так же отметить разницу между двумя сторонами постели, прислоненной изголовьем к стене. На левой стороне все было скромно, непритязательно и привлекало внимание разве что своей необычной опрятностью. Несколько платьев, также висевших на деревянных колышках, были сшиты из более грубой ткани, отличались более грубым покроем, и ничто в них, видимо, не было рассчитано напоказ. Лент там не было и в помине, чепчика или косынки — тоже.

Уже несколько лет миновало, с тех пор, как Зверобой в последний раз входил в комнату, где жили женщины его расы. Это зрелище воскресило в его уме целый рой детских воспоминаний, и он почувствовал сердечное умиление, от которого давно отвык. Он вспомнил свою мать; ее простые наряды тоже висели на деревянных колышках в были очень похожи на платья, очевидно принадлежавшие Хетти Хаттер.

Вспомнил он и о своей сестре, она тоже любила наряжаться, хотя и не так, как Джудит Хаттер. Эти мелкие черты сходства тронули его. С довольно грустным выражением лица он покинул комнату и, о чем-то раздумывая, медленно побрел в «приемную».

— Старик Том занялся новым ремеслом и теперь проделывает опыты с капканами, — сказал Непоседа, хладнокровно рассматривая охотничьи принадлежности пограничного жителя. — Если ты готов остаться в здешних местах, мы можем очень весело и приятно

провести лето. Пока я со стариком буду выслеживать бобров, ты можешь ловить рыбу и стрелять дичь для улады души и тела. Даже самому захудалому охотнику мы даем половину доли; такой же молодец, как ты, имеет право на целую долю.

— Благодарю тебя, Непоседа, благодарю от всего сердца, но я и сам хочу при случае половить бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем, но не потому, что мне везет на охоте, а потому, что убив множество оленей и ланей, я еще ни разу не лишил жизни своего ближнего. Они говорят, что в их преданиях не упоминается о человеке, который пролил бы так много звериной крови, не пролив ни капли людской.

— Надеюсь, они не считают тебя трусом, парень. Робкий мужчина — это все равно что бесхвостый бобр.

— Не думаю, Непоседа, чтобы они считали меня особенным трусом, хотя, быть может, я не слышу у них и особенным храбрецом. Но я не задирист. Когда живешь среди охотников и краснокожих, это лучший способ не испачкать руки в крови. Таким образом, Гарри Марч, совесть остается чиста.

— Ну, а по мне, что зверь, что краснокожий, что француз — все едино. И все же я самый миролюбивый человек во всей Колонии. Я презираю драчунов, как дворовых шавок. Но, когда приходит время спустить курок, не надо быть слишком разборчивым.

— А я считаю, что это можно сделать лишь в самом крайнем случае, Непоседа... Но какое здесь чудесное место! Глаза никогда не устанут любоваться им.

— Это твое первое знакомство с озером. В свое время такое же впечатление оно производило на всех нас. Однако все озера более или менее одинаковы: везде много воды, и земли, и мысов, и заливов.

Это суждение совсем не соответствовало чувствам, наполнявшим душу молодого охотника, и он ничего не ответил, продолжая глядеть в молчаливом восхищении на темные холмы и зеркальную воду.

— Скажи-ка, а что, губернаторские или королевские чиновники дали уже какое-нибудь название этому озеру? — спросил он вдруг, как бы пораженный какой-то новой мыслью. — Если они еще не начали ставить здесь свои шесты, глядеть на компас и чертить карты, то они, вероятно, и не придумали имени для этого места.

— До этого они еще не додумались. Когда я в последний раз ходил продавать пушнину, королевский землемер долго расспрашивал меня об этих краях. Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает — например, что здесь имеются вода и холмы. А в остальном он разбирается не лучше, чем ты в языке мохоков²⁴. Я приоткрыл капкан не шире, чем следовало, намекнув ему, что здесь плоха надежда на очистку леса и обзаведение фермами. Короче говоря, я наговорил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, такая топкая, что, проходя по ней, можно глядеться в лужи, как в зеркало. Он сказал, что они еще не нанесли этого места на свои карты. Я же думаю, что тут вышла какая-то ошибка, так как он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, — правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть. Не думаю, чтобы после моего рассказа он смог внести какие-нибудь поправки.

Тут Непоседа расхохотался от всего сердца: проделки такого рода были совершенно во вкусе людей, страшившихся близости цивилизации, которая ограничивала их собственное незаконное господство. Грубейшие ошибки, которыми изобиловали карты того времени, все без исключения изготовлявшиеся в Европе, служили постоянной мишенью для насмешек со стороны людей, которые хотя и не были настолько образованны, чтобы начертить новые карты, но все же имели достаточно сведений, почерпнутых на месте, чтобы обнаружить чужие промахи. Всякий, кто взял бы на себя труд сравнить эти красноречивые свидетельства топографического искусства прошлого века с более точными картами нашего времени, сразу же убедился бы, что жители лесов имели достаточно оснований относиться критически к

²⁴ Мохоки — индейское племя, обитавшее по берегам Гудзона и его притока — реки Мохок.

этой отрасли знаний колониального правительства. Без всяких колебаний оно помещало реку или озеро на один-два градуса в стороне, даже если они находились на расстоянии дневного перехода от населенной части страны.

— Я надеюсь, что у этого озера еще нет имени, — продолжал Зверобой, — по крайней мере, данного бледнолицыми, потому что такие крестины всегда предвещают опустошение и разорение. Однако краснокожие должны ведь как-нибудь называть это озеро, а также охотники и трапперы. Они любят давать местностям разумные и меткие названия.

— Что касается индейских племен, то у каждого свой язык, и они все называют по-своему. А мы прозвали что озеро Глимерглас — Мерцающее Зеркало, потому что на его поверхности чудесно отражаются прибрежные сосны и кажется, будто холмы висят в нем вершинами вниз.

— Здесь должен быть исток. Я знаю, все озера имеют истоки, и утес, у которого Чингачгук назначил мне свидание, стоит вблизи ручья. Скажи, а этому ручью в Колонии дали какое-нибудь название?

— В этом отношении у них преимущество перед нами, так как они держат в своих руках его более широкий конец. Они и дали ему имя, которое поднялось к истоку; имена всегда поднимаются вверх по течению. Ты, Зверобой, конечно, видел реку Саскуиханну в стране делаваров?

— Видел и сотни раз охотился на ее берегах.

— Это та же самая река, и я предполагаю, что она так же и называется. Я рад, что они сохранили название, данное краснокожими: было бы слишком жестоко отнять у них разом и землю и название.

Зверобой ничего не ответил. Он стоял, опершись на карабин и любясь восхитительным пейзажем. Читатель не должен, однако, предполагать, что только внешняя живописность места так сильно приковала его внимание. Правда, место было прелестно, и теперь оно открылось перед взорами охотника во всей своей красоте: поверхность озера, гладкая, как зеркало, и прозрачная, как чистейший воздух, отражала вдоль всего восточного берега горы, покрытые темными соснами; деревья почти горизонтально свисали над водой, образуя там и сям зеленые листовые арки, сквозь которые сверкала вода в заливах. Глубокий покой, пустынность, горы и леса, не тронутые рукой человека, — одним словом, царство природы — вот что прежде всего должно было пленить человека с такими привычками и с таким складом ума, как у Зверобоя. Вместе с тем он, может быть, и бессознательно, переживал то же, что переживал бы на его месте поэт. Если юноша находил наслаждение в изучении многообразных форм и тайн леса, впервые представших перед ним в таком обнаженном виде — ибо каждому из нас приятно бывает поглядеть с более широкой точки зрения на предмет, издавна занимавший его мысли, — то вместе с тем он чувствовал в внутреннюю прелесть этого ландшафта, испытывая то душевное умиление, которое обычно внушает природа, глубоко проникнутая священным спокойствием.

Глава 3

*...Но не пойти ль нам дичи пострелять?
Хоть мне и жаль беднякам глупым, пестрым,
Природным гражданам сих мест пустынных,
Средь их владений, стрелами пронзать
Округлые бока.*

Шекспир, «Как Вам это понравится»

Гарри Непоседа больше думал о чарах Джудит Хаттер, чем о красотах Мерцающего Зеркала и окружающего его ландшафта. Досыта наглядевшись на рыболовные и охотничьи снасти Плавучего Тома, он пригласил товарища сесть в пирогу и отправиться на поиски

интересовавшего его семейства. Однако, прежде чем отплыть, он внимательно осмотрел все северное побережье озера в морскую подзорную трубу, принадлежавшую Хаттеру. Особенно тщательно обследовал Непоседа все заливы и мысы.

— Так я и думал, — сказал он, откладывая в сторону трубу, — старик отплыл по течению к югу, пользуясь хорошей погодой, и оставил свой замок на произвол судьбы. Что ж, теперь, когда известно, что Хаттера нет в верховьях, мы спустимся на веслах вниз по течению и без труда разыщем его тайное убежище.

— Неужели Хаттер считает нужным прятаться, находясь на этом озере? — спросил Зверобой, усаживаясь в пирогу вслед за товарищем. — По-моему, здесь так безлюдно, что можно заглянуть себе в душу, не опасаясь, что кто-нибудь потревожит тебя в твоих размышлениях.

— Ты забываешь о своих друзьях-мингах и о всех французских дикарях. Есть ли на земле хоть одно местечко, Зверобой, куда бы ни пробрались эти непоседливые плуты! Знаешь ли ты хоть одно озеро или хотя бы звериный водопой, которых бы ни разыскивали эти подлецы! А уж если они разыщут его, то рано или поздно подкрасят воду кровью.

— Конечно, я ничего хорошего не слыхал о них, друг Непоседа, хотя до сих пор мне еще не приходилось встречаться с ними или с какими-нибудь другими смертными на военной тропе. Смею сказать, что эти грабители вряд ли пройдут мимо такого чудесного местечка. Сам-то я никогда не ссорился ни с одним из ирокезских племен, но делавары столько рассказывали мне о мингах, что я считаю их отъявленными злодеями.

— Ты можешь со спокойной совестью повторить то же самое о любом дикаре.

Тут Зверобой запротестовал, и, пока они плыли на веслах вниз по озеру, между ними завязался горячий спор о сравнительных достоинствах бледнолицых и краснокожих. Непоседа разделял все предрассудки и суеверия белых охотников, которые обычно видят в индейцах своих прирожденных соперников и нередко даже прирожденных врагов. Само собой разумеется, он шумел, кричал, обо всем судил с предвзятостью и не мог привести никаких серьезных доводов. Зверобой вел себя в этом споре совсем иначе. Сдержанностью речи, правильностью приговоров и ясностью суждений он показал свое желание прислушиваться к доводам разума, врожденную жажду справедливости, прямоту и то, что он отнюдь не склонен прибегать к словесным уловкам, чтобы отстоять свое мнение или защитить господствующий предрассудок. Все же и он не был свободен от предрассудков. Эти тираны человеческого духа, которые тысячами путей набрасываются на свою жертву, оказали некоторое влияние на молодого человека. Тем не менее он представлял собой чудесный образец того, чем могут сделать юношу естественная доброта и отсутствие дурных примеров и соблазнов.

— Признайся, Зверобой, что каждый минг больше чем наполовину дьявол, — с азартом кричал Непоседа, — хотя тебе во что бы то ни стало хочется доказать, что племя делаваров сплошь состоит чуть ли не из одних ангелов! А я считаю, что этого нельзя сказать даже о белых людях. И белые не без греха, а уж индейцы и подавно. Стало быть, твоим доводам — грош цена. А по-нашему вот как: есть три цвета на земле — белый, черный, красный. Самый лучший цвет белый, и поэтому белый человек выше всех; затем идет черный цвет, и черному человеку можно позволить жить по соседству с белыми людьми, это вполне терпимо и даже бывает полезно; но красный цвет хуже всех, а это доказывает, что индеец — человек только наполовину.

— Бог создал всех одинаковыми, Непоседа.

— Одинаковыми! Значит, по-твоему, негр похож на белого, а я похож на индейца?

— Ты слишком горячишься и не слушаешь меня, Бог создал всех нас белыми, черными и красными, без сомнения имея в виду какую-то мудрую цель. Но чувства у всех людей схожи, хотя я и не отрицаю, что у каждой расы есть свои особенности. Белый человек цивилизован, а краснокожий приспособлен к тому, чтобы жить в пустыне. Так, например, белый считает преступлением снимать скальп с мертвеца, а для индейца — это подвиг.

И опять же: белый не считает для себя возможным нападать из засады на женщин и

детей во время войны, а краснокожий это спокойно делает. Допускаю, что это жестоко; но то, что для них законно, с нашей стороны было бы гнусностью.

— Все зависит от того, с каким врагом мы имеем дело. Оscalпировать дикаря или даже содрать с него всю кожу — для меня то же самое, что отрезать уши у волка, чтобы получить премию, или же снять шкуру с медведя. И, стало быть, ты ошибаешься, защищая краснокожих, потому что даже в Колонии начальство выдает награду за эту работу. Там платят одинаково и за волчьи уши, и за кожу с человеческими волосами.

— И это очень скверно, Непоседа. Даже индейцы говорят, что это позор для белых. Я не стану спорить: действительно, некоторые индейские племена, например минги, по самой природе своей испорчены и порочны. Но таковы и некоторые белые, например, канадские французы. Во время законной войны, вроде той, которую мы начали недавно, долг повелевает нам воздерживаться от всякого сострадания к живому врагу. Но снимать скальпы — это совсем другое дело.

— Сделай милость, одумайся, Зверобой, и скажи: может ли Колония издать нечестивый закон? Разве нечестивый закон не более противоестественная вещь, чем скальпирование дикаря? Закон также не может быть нечестивым, как правда не может быть ложью.

— Звучит это как будто бы и разумно, а приводит к самым неразумным выводам, Непоседа. Не все законы издаются одной и той же властью. Есть законы, которые издаются в Колонии, и законы, установленные парламентом и королем. Когда колониальные законы и даже королевские законы идут против законов божеских, они нечестивы и им не следует повиноваться. Я считаю, что белый человек должен уважать белые законы, пока они не сталкиваются с другими, более высокими законами, а красный человек обязан исполнять свои индейские обычаи с такой же оговоркой. Впрочем, не стоит спорить, каждый вправе думать, что он хочет, и говорить, что он думает. Поищем лучше твоего приятеля, Плавучего Тома, иначе мы не увидим, где он спрятался в этих береговых зарослях.

Зверобой недаром назвал так побережье озера. Действительно, повсюду кусты свешивались над водой, причем их ветви то и дело купались в прозрачной стихии. Крутые берега окаймляла узкая полоса отмели. Так как растительность неизменно стремится к свету, то эффект получился именно такой, о каком мог бы мечтать любитель живописных видов, если бы от него зависела планировка этих пышных лесных зарослей. Многочисленные мысы и заливы делали очертания берега извилистыми и причудливыми.

Приблизившись к западной стороне озера с намерением, как объяснил товарищу Непоседа, сперва произвести разведку, а потом уже появиться в виду у неприятеля, оба искателя приключений напрягли все свое внимание, ибо нельзя было заранее предугадать, что их ждет за ближайшим поворотом. Подвигались они вперед очень быстро, так как исполинская сила Непоседы позволяла ему играть легкой пирогой, как перышком, а искусство его товарища почти уравнивало их столь различные природные данные.

Каждый раз, когда пирога огибала какой-нибудь мыс, Непоседа оглядывался в надежде увидеть ковчег, стоящий на якоре или пришвартованный к берегу. Но надежды его не сбывались. Они проплыли уже мило к южному берегу озера, оставив позади себя «замок», скрывавшийся теперь за шестью мысами. Вдруг Непоседа перестал грести, как бы не зная, какого направления следует держаться.

— Весьма возможно, что старик забрался на реку, — сказал он, внимательно осмотрев весь восточный берег, находившийся от них на расстоянии приблизительно одной мили и доступный для обозрения по крайней мере на половину всего своего протяжения. — Последнее время он много охотился и теперь мог воспользоваться течением, чтобы спуститься вниз по реке на мило или около того, хотя ему трудновато будет выбраться обратно.

— Но где же его искать? — спросил Зверобой. — Ни на берегу, ни между деревьями не видно прохода, через который могла бы вытекать из озера такая река, как Саскуиханна.

— Ах, Зверобой, реки подобны людям: сначала они бывают совсем маленькие, а под конец у них вырастают широкие плечи и большой рот. Ты не видишь истока, потому что он

проходит между высокими берегами, а сосны и кустарники свисают над ними, как кровля над домом. Если старого Тома нет в Крысиной заводи, то, стало быть, он забрался на реку. Поищем-ка его сперва в заводи.

Когда они снова взялись за весла, Непоседа объяснил товарищу, что по соседству с ними находится мелкая заводь, образованная длинной низкой косой и получившая название «Крысиной», потому что там любимое место пребывания водяных крыс. Заводь эта — надежное убежище для ковчега; Хаттер любит останавливаться здесь при удобном случае.

— В этих краях, — продолжал Непоседа, — человек иногда не знает, кто может пожаловать к нему в гости, поэтому весьма желательно получить рассмотреть их, прежде чем они успеют подойти ближе. Эта предосторожность особенно уместна теперь, когда идет война и канадец или минг могут забраться в хижину, не ожидая приглашения. Но Хаттер — превосходный часовой и чует опасность почти так же, как собака — дичь.

— Когда я увидел, как открыто стоит его замок, я подумал, что старик совсем не боится врагов, которые могут забрести на озеро. Впрочем, вряд ли это когда-нибудь случится: ведь озеро расположено далеко от дороги, ведущей к форту и поселению.

— Ах, Зверобой, я убедился, что человек находит врагов гораздо скорее, чем друзей. Просто страшно становится, когда вспомнишь, сколько бывает поводов нажать себе врага и как редко удастся приобрести друга. Одни хватаются за томагавки²⁵ потому, что ты не разделяешь их мыслей; другие — потому, что ты превосходишь их мысли. А я когда-то знал бродягу, который поссорился со своим приятелем потому только, что тот не считал его красивым. Ты, Зверобой, тоже не бог весть какой красавец, и, однако, с твоей стороны было бы очень неразумно сделаться моим врагом только потому, что я тебе об этом говорю.

— Я не желаю быть ни лучше, ни хуже того, каким я создан. Особой красоты во мне, быть может, и нет. По крайней мере, той красоты, о которой мечтают легкомысленные и тщеславные люди. Но надеюсь, что и я не совсем лишен привлекательности благодаря моему доброму поведению. Мало найдется мужчин более видных, чем ты, Непоседа, и я понимаю, что вряд ли кто-нибудь обратит на меня внимание там, где можно поглазеть на тебя, но я не знаю, следует ли считать, что охотник не так ловко обращается с ружьем или добывает меньше дичи только потому, что он не останавливается у каждого родника на своем пути, чтобы полюбоваться на собственную физиономию в воде.

Непоседа громко расхохотался. Слишком беззаботный, чтобы предаваться размышлениям о своем явном физическом превосходстве над Зверобоем, Непоседа все же отлично сознавал это, и когда такая мысль невзначай приходила ему в голову, она доставляла ему удовольствие.

— Нет, нет, Зверобой, ты не красавец и сам можешь в этом убедиться, если поглядишь за борт пироги! — воскликнул он. — Джуди скажет тебе прямо в лицо, только задень ее. Такого бойкого языка не отыскать ни у одной девушки в наших поселениях и даже за их пределами. Поэтому мой тебе совет: никогда не дразни Джудит! А Хетти можешь говорить что угодно, и она все выслушает кротко, как овечка. Нет уж, пусть лучше Джуди не высказывает тебе своего мнения о твоей наружности.

— Вряд ли, Непоседа, она может что-нибудь прибавить к твоим словам.

— Надеюсь, Зверобой, ты не обиделся на мое замечание: ведь я ничего дурного не имел в виду. Ты и сам знаешь, что не блещешь красотой. Почему бы приятелям не поболтать друг с другом о таких пустяках? Будь ты красавцем, я бы первый сказал тебе об этом к полному твоему удовольствию. А если бы Джуди сказала мне, что я безобразен, как смертный грех, я бы счел это за кокетство и не подумал бы поверить ей.

— Баловням природы легко шутить над такими вещами, Непоседа, хотя, быть может, для других это тяжело. Не отрицаю, мне иногда хочется быть покрасивей. Да, хочется, но я всегда успеваю подавить в себе это желание, подумав, как много есть людей, с красивой

²⁵ Томагавк — боевой топор, оружие индейцев.

внешностью, которым, однако, больше нечем похвастать. Не скрою, Непоседа, мне часто хотелось иметь более приятную внешность и походить на таких, как ты. Но я отгонял от себя эту мысль, вспоминая, насколько я счастливее многих. Ведь я мог бы уродиться хромым — и неспособным охотиться даже на белок; или слепым — и был бы в тягость себе самому и моим друзьям: или же глухим, то есть непригодным для войны и разведок, что я считаю обязанностью мужчины в тревожные времена. Да, да, признаюсь, не совсем приятно видеть, что другие красивее тебя, что их приветливее встречают и больше ценят. Но все это можно стерпеть, если человек смотрит своей беде прямо в глаза и знает, на что он способен и в чем его обязанности.

Непоседа, в общем, был добродушным малым, и смиренные слова товарища привели его совсем в другое настроение. Он пожалел о своих неосторожных намеках на внешность Зверобоя и поспешил объявить об этом с той неуклюжестью, которая отличает все повадки пограничных жителей.

— Я ничего дурного не хотел сказать, Зверобой, — молвил он просительным тоном, — и надеюсь, что ты забудешь мои слова. Если ты и не совсем красив, то все же у тебя такой вид, который говорит яснее ясного, что душа у тебя хорошая. Не скажу, что Джуди будет от тебя в восторге, так как это может вызвать в тебе надежды, которые кончатся разочарованием. Но ведь еще есть Хетти, она с удовольствием будет смотреть на тебя, как на всякого другого мужчину. Ты вдобавок такой степенный, положительный, что вряд ли станешь заботиться о мнении Джудит. Хотя она очень хорошенькая девушка, но так непостоянна, что мужчине нечего радоваться, если она случайно ему улыбнется. Я иногда думаю, что плутовка больше всего на свете любит себя.

— Если это так, Непоседа, то боюсь, что она ничем не отличается от королев, восседающих на тронах, и знатных дам из больших городов, — ответил Зверобой, с улыбкой оборачиваясь к товарищу, причем всякие следы неудовольствия исчезли с его честной, открытой физиономии. — Я даже не знаю ни одной делаварки, о которой ты не мог бы сказать то же самое... Но вот конец той длинной косы, о которой ты рассказывал, и Крысиная заводь должна быть недалеко.

Эта коса не уходила в глубь озера, а тянулась параллельно берегу, образуя глубокую уединенную заводь. Непоседа был уверен, что найдет здесь ковчег, который, стоя на якоре за деревьями, покрывавшими узкую косу, мог бы остаться незаметным для враждебного глаза в течение целого лета. В самом деле, место это было укрыто очень надежно. Судно, причаленное позади косы в глубине заводи, можно было бы увидеть только с одной стороны, а именно: с берега, густо поросшего лесом, куда чужаки вряд ли могли забраться.

— Мы скоро увидим ковчег, — сказал Непоседа, в то время как пирога скользила вокруг дальней оконечной косы, где вода была так глубока, что казалась совсем черной. — Старый Том любит забираться в тростники, и через пять минут мы очутимся в его гнезде, хотя сам он, быть может, бродит среди своих капканов.

Марч оказался плохим пророком. Пирога обогнула косу, и взорам обоих путников открылась вся заводь. Однако они ничего не заметили. Безмятежная водная гладь изгибалась изящной волнистой линией; над ней тихо склонялись тростники и, как обычно, свисали деревья. Над всем господствовало умиротворяющее и величественное спокойствие пустыни. Любой поэт или художник пришел бы в восторг от этого пейзажа, только не Гарри Непоседа, который сгорал от нетерпения поскорее встретить свою легкомысленную красавицу.

Пирога двигалась по зеркальной воде бесшумно: пограничные жители привыкли соблюдать осторожность в каждом своем движении. Суденышко, казалось, плыло в воздухе. В этот миг на узкой полосе земли, которая отделяла бухту от озера, хрустнула сухая ветка.

Оба искателя приключений встрепнулись. Каждый потянулся к своему ружью, которое всегда лежало под рукой.

— Для какой-нибудь зверушки это слишком тяжелый шаг, — прошептал Непоседа, — больше похоже, что идет человек.

— Нет, нет! — возразил Зверобой. — Это слишком тяжело для животного, но слишком

легко для человека. Опустив весло в воду и подгони пирогу к берегу. Я сойду на землю и отрежу этой твари путь отступления обратно по косе, будь то минг или выхухоль.

Непоседа повиновался, и Зверобой вскоре высадился на берег. Бесшумно ступая в своих мокалинах, он пробирался по зарослям. Минуту спустя он уже был на самой середине узкой косы и не спеша приближался к ее оконечности; в такой чаще приходилось соблюдать величайшую осторожность. Когда Зверобой забрался в самую глубь зарослей, сухие ветви затрещали снова, и этот звук стал повторяться через короткие промежутки, как будто какое-то живое существо медленно шло вдоль по косе. Услышав треск ветвей, Непоседа отвел пирогу на середину бухты и схватил карабин, ожидая, что будет дальше. Последовала минута тревожного ожидания, а затем из чащи вышел благородный олень, величественной поступью приблизился к песчаному мысу и стал пить воду.

Непоседа колебался не больше секунды. Затем быстро поднял карабин к плечу, прицелился и выстрелил. Эффект, произведенный внезапным нарушением торжественной тишины в таком месте, придавал всей этой сцене необычайную выразительность. Выстрел прозвучал, как всегда, коротко и отрывисто. Затем на несколько мгновений наступила тишина, пока звук, летевший по воздуху над водой, не достиг утесов на противоположном берегу. Здесь колебания воздушных волн умножились и прокатились от одной впадины к другой на целые мили вдоль холмов, как бы пробуждая спящие в лесах громы. Олень только мотнул головой при звуке выстрела и свисте пули — он до сих пор еще никогда не встречался с человеком. Но эхо холмов пробудило в нем недоверчивость. Поджав ноги к телу, он прыгнул вперед, тотчас же погрузился в воду и поплыл к дальнему концу озера. Непоседа вскрикнул и пустился в погоню; в течение двух или трех минут вода пенилась вокруг преследователя и его жертвы. Непоседа уже поравнялся с оконечностью косы, когда Зверобой показался на песке и знаком предложил товарищу вернуться.

— Очень неосторожно с твоей стороны было спустить курок, не осмотрев берега и не убевившись, что там не прячется враг, — сказал Зверобой, когда его товарищ медленно и неохотно повиновался. — Этому я научился от делаваров, слушая их наставления и предания, хотя сам еще никогда не бывал на тропе войны. Да теперь и неподходящее время года, чтобы убивать оленей, и мы не нуждаемся в пище. Знаю, меня называют Зверобоем, и, быть может, я заслужил эту кличку, так как понимаю звериный нрав и целюсь метко. Но, пока мне не понадобится мясо или шкура, я зря не убью животное. Я могу убивать, это верно, но я не мясник.

— Как мог я промазать в этого оленя! — воскликнул Непоседа, срывая с себя шапку и запуская пальцы в свои красивые взъерошенные волосы, как будто желая успокоить свои мысли. — С тех пор как мне стукнуло пятнадцать лет, я ни разу не был так неповоротлив.

— Не горюй! Гибель животного не только не принесла бы никакой пользы, но могла бы и повредить нам — эхо пугает меня больше, чем твой промах, Непоседа. Оно звучит как голос природы, упрекая нас за бесцельный и необдуманный поступок.

— Ты много раз услышишь этот голос, если подольше поживешь в здешних местах, парень, — смеясь, возразил Непоседа. — Эхо повторяет почти все, что говорится и делается на Мерцающем Зеркале при такой тихой летней погоде. Упадет весло, и стук от его падения ты слышишь вновь и вновь, как будто холмы издеваются над твоей неловкостью. Твой смех или свист доносятся со стороны сосен, словно они весело беседуют, так что ты и впрямь можешь подумать, будто они захотели поболтать с тобой.

— Тем больше у нас причин быть осторожными и молчаливыми. Не думаю, что враги уже отыскивали дорогу к этим холмам, — вряд ли они могут от этого что-нибудь выиграть. Но делавары всегда говорили мне, что если мужество — первая добродетель воина, то его вторая добродетель — осторожность. Твой крик в горах может открыть целому племени тайну нашего пребывания здесь.

— Зато он заставит старого Тома поставить горшок на огонь и даст ему знать, что гость близко. Иди сюда, парень, садись в пирогу, и постараемся найти ковчег, покуда еще светло.

Зверобой повиновался, и пирога поплыла в юго-западную сторону. До берега было не

больше мили, а она плыла очень быстро, подгоняемая искусными и легкими ударами весел. Спутники уже проплыли половину пути, когда слабый шум заставил их оглянуться назад: на их глазах олень вынырнул из воды и пошел вброд к суше. Минуту спустя благородное животное отряхнуло воду со своих боков, поглядело вверх на древесные заросли и, выскочив на берег, исчезло в лесу.

— Это создание уходит с чувством благодарности в сердце, — сказал Зверобой, — природа подсказывает ему, что оно избежало большой опасности. Тебе тоже следовало бы разделить это чувство, Непоседа, признавшись, что глаз и рука изменили тебе; твой безрассудный выстрел не принес бы нам никакой пользы.

— Глаз и рука мне вовсе не изменили! — с досадой крикнул Марч. — Ты добился кое-какой славы среди делаваров своим проворством и умением метко стрелять в зверей. Но хотелось бы мне поглядеть, как ты будешь стоять за одной из этих сосен, а размалеванный минг — за другой, оба со взведенными курками, подстерегая удобный момент для выстрела. Только при таких обстоятельствах, Натаниэль, можно испытать глаз и руку, потому что ты испытываешь свои нервы. Убийство животного я никогда не считал подвигом. Но убийство дикаря — подвиг. Скоро настанет время, когда тебе придется испытать свою руку, потому что дело опять дошло до драки.

Вот тогда мы и узнаем, чего стоит на поле сражения охотничья слава. Я не считаю, что глаз и рука изменили мне. Во всем виноват олень: он остался на месте, а ему следовало идти вперед, и поэтому моя пуля пролетела перед ним.

— Будь по-твоему, Непоседа. Я только утверждаю, что это наше счастье. Смею сказать, что я не могу выстрелить в ближнего с таким же легким сердцем, как в зверя.

— Кто говорит о ближних или хотя бы просто о людях! Ведь тебе придется иметь дело с индейцами. Конечно, у всякого человека могут быть свои суждения, когда речь идет о жизни и смерти другого существа, но такая щепетильность неуместна по отношению к индейцу; весь вопрос в том, он ли сдерет с тебя шкуру или ты с него.

— Я считаю краснокожих такими же людьми, как мы с тобой, Непоседа. У них свои природные наклонности и своя религия, но в конце концов не в этом дело, и каждого надо судить по его поступкам, а не по цвету его кожи.

— Все это чепуха, которую никто не станет слушать в этих краях, где еще не успели поселиться моравские братья. Человека делает человеком кожа. Это бесспорно, а то как бы люди могли судить друг о друге? Все живое облечено в кожу для того, чтобы, поглядев внимательно, можно было бы сразу понять, с кем имеешь дело: со зверем или с человеком. По шкуре ты всегда отличишь медведя от кабана и серую белку от черной.

— Правда, Непоседа, — сказал товарищ, оглядываясь и улыбаясь, — и, однако, обе они — белки.

— Этого никто не отрицает. Но ты же не скажешь, что и краснокожий и белый — индейцы.

— Нет, но я скажу, что они люди. Люди отличаются друг от друга цветом кожи, у них разные нравы и обычаи, но, в общем, природа у всех одинакова. У каждого человека есть душа.

Непоседа принадлежал к числу тех «теоретиков», которые считают все человеческие расы гораздо ниже белой. Его понятия на этот счет были не слишком ясны и определения не слишком точны. Тем не менее он высказывал свои взгляды очень решительно и страстно. Совесть обвиняла его во множестве незаконных поступков по отношению к индейцам, и он изобрел чрезвычайно легкий способ успокаивать ее, мысленно лишив всю семью краснокожих человеческих прав. Больше всего его бесило, когда кто-нибудь подвергал сомнению правильность этого взгляда и приводил к тому же вполне разумные доводы. Поэтому он слушал замечания товарища, не думая даже обуздать свои чувства и способы их выражения.

— Ты просто мальчишка, Зверобой, мальчишка, сбитый с толку и одураченный хитростью делаваров и миссионеров! — воскликнул он, не стесняясь, как обычно, в выборе

слов, что случалось с ним всегда, когда он был возбужден. — Ты можешь считать себя братом краснокожих, но я считаю их просто животными, в которых нет ничего человеческого, кроме хитрости. Хитрость у них есть, это я признаю. Но есть она и у лисы и даже у медведя. Я старше тебя и дольше жил в лесах, и мне нечего объяснять, что такое индеец. Если хочешь, чтобы тебя считали дикарем, ты только скажи. Я сообщу об этом Джудит и старику, и тогда посмотрим, как они тебя примут.

Тут живое воображение Непоседы оказало ему некоторую услугу и охладило его гневный пыл. Вообразив, как его земноводный приятель встретит гостя, представленного ему таким образом, Непоседа весело рассмеялся. Зверобой слишком хорошо знал, что всякие попытки убедить такого человека в чем-либо, что противоречит его предрассудкам, будут бесполезны, и потому не испытывал никакого желания взяться за подобную задачу.

Когда пирога приблизилась к юго-восточному берегу озера, мысли Непоседы приняли новый оборот, о чем Зверобой нисколько не пожалел. Теперь уже было недалеко до того места, где, по словам Марча, из озера вытекала река. Оба спутника смотрели по сторонам с любопытством, которое еще больше обострялось надеждой отыскать ковчег.

Читателю может показаться странным, что люди, находившиеся всего в двухстах ярдах от того места, где между берегами высотой в двадцать футов проходило довольно широкое русло, могли его не заметить. Не следует, однако, забывать, что здесь повсюду над водой свисали деревья и кустарники, окружая озеро бахромой, которая скрывала все его мелкие извилины.

— Уже два года я не заходил в этот конец озера, — сказал Непоседа, поднимаясь в пироге во весь рост, чтобы удобнее было видеть. — Ага, вот и утес задирает свой подбородок над водой, река начинается где-то здесь по соседству.

Мужчины снова взяли за весла. Они находились уже в нескольких ярдах от утеса. Он был невелик, не более пяти или шести футов в высоту, причем только половина его поднималась над озером. Непрестанное действие воды в течение веков так сгладило его вершину, что утес своей необычайно правильной и ровной формой напоминал большой пчелиный улей. Пирога медленно проплыла мимо, и Непоседа сказал, что индейцы хорошо знают этот утес и обычно назначают поблизости от него место встреч, когда им приходится расходиться в разные стороны во время охоты или войны.

— А вот и река, Зверобой, — продолжал он, — хотя она так скрыта деревьями и кустами, что это место больше похоже на потаенную засаду, чем на исток из такого озера, как Мерцающее Зеркало.

Непоседа недурно определил характер места, которое действительно напоминало засаду. Высокие берега поднимались не менее как на сто футов каждый. Но с западной стороны выдавался вперед небольшой клочок низменности, до половины суживая русло реки. Над водой свисали кусты; сосны, высотой с церковную колокольню, тянулись к свету, словно колонны, своими перепутанным ветвями, и глазу даже на близком расстоянии трудно было разыскать ложбину, по которой протекала река. С поросшего лесом крутого берега тоже нельзя было обнаружить никаких признаков истока.

Вся картина, открывавшаяся глазу, казалась одним сплошным лиственным ковром.

Пирога, подгоняемая течением, приблизилась к берегу и поплыла под древесным сводом. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь редкие просветы, слабо озаря царившую внизу темноту.

— Самая настоящая засада, — прошептал Непоседа. — Поэтому старый Том и спрятался где-то здесь со своим ковчегом. Мы немного спустимся вниз по течению и, наверное, отыщем его.

— Но здесь негде укрыться такому большому судну, — возразил Зверобой. — Мне кажется, что здесь с трудом пройдет и пирога.

Непоседа рассмеялся в ответ на эти слова, и, как вскоре выяснилось, с полным основанием. Едва только спутники миновали бахромку из кустарников, окаймлявшую берега, как очутились в узком, но глубоком протоке. Прозрачные воды стремительно неслись под

лиственным навесом, который поддерживали своды, образованные стволами древних деревьев. Поросшие кустами берега оставили свободный проход футов двадцати в ширину, а впереди открывалась далекая перспектива.

Наши искатели приключений пользовались теперь веслами лишь для того, чтобы удержать легкое суденышко на середине реки. Пристально разглядывали они каждую извилину берега, но поворот следовал за поворотом, и пирога плыла все дальше и дальше вниз по течению. Вдруг Непоседа, не говоря ни слова, ухватился за куст, и лодка замерла на месте. Очевидно, повод для того был достаточно серьезный.

Зверобой невольно положил руку на приклад карабина. Он не испугался — просто сказала охотничья привычка.

— А вот и старый приятель, — прошептал Непоседа, указывая куда-то пальцем и смеясь от всего сердца, хотя совершенно беззвучно. — Так я и думал: он бродит по колени в тине, осматривая свои капканы. Но убей меня бог, я нигде не вижу ковчега, хотя готов поставить в заклад каждую шкуру, которую добуду этим летом, что Джудит не решится ступать своими хорошенькими маленькими ножками по такой черной грязи! Вероятно, девчонка расчесывает волосы на берегу какого-нибудь родника, где может любоваться своей красотой и набираться презрения к нашему брату, мужчине.

— Ты несправедливо судишь о молодых женщинах. Да, Непоседа, ты преувеличиваешь их недостатки и их совершенства. Смею сказать, что Джудит, вероятно, не так уж восхищается собой и не так уж презирает нас, как ты, видимо, думаешь. Она, очевидно, работает для своего отца в доме, в то время как он работает для нее у капканов.

— Как приятно услышать правду из уст мужчины, хотя бы раз в девичьей жизни! — произнес низкий и мягкий женский голос так близко от пироги, что оба, путника невольно вздрогнули. — А что до вас, мастер Непоседа, то каждое доброе слово вам дается так трудно, что я давно уже не надеюсь услышать его из ваших уст. Последнее такое слово однажды застряло у вас в горле так, что вы едва им не подавились. Но я рада, что вижу вас в лучшем обществе, чем прежде, и что люди, которые умеют уважать женщин и обращаться с ними, не стыдятся путешествовать вместе с вами.

После этой тирады в просвет между листьями выглянуло необычайно хорошенькое юное женское личико, да так близко, что Зверобой мог бы дотянуться до него веслом. Девушка милостиво улыбнулась молодому человеку, а сердитый взгляд, впрочем притворный и насмешливый, который она бросила на Непоседу, придал ее красоте еще большую прелесть, показывая все разнообразие игры ее переменчивой и капризной физиономии.

Только взглядевшись пристальнее, путники поняли, почему девушка смогла появиться так внезапно. Незаметно для себя они очутились борт о борт с ковчегом, который был скрыт кустами, нарочно срезанными для этой цели и так искусно расположенными, что Джудит Хаттер нужно было только раздвинуть листья, заслонявшие оконце, чтобы выглянуть наружу и заговорить.

Глава 4

*Боязливую лань не страшит испуг,
Если в хижину я вхожу,
И майской фиалке я лучший друг,
И тихий ручей лепечет вокруг,
Когда ее сон сторожу.*

Брайент

Ковчег, как все называли плавучий дом Хаттеров, был устроен очень просто. Нижней частью ему служила широкая плоскодонная баржа. Посредине, занимая всю ширину и около

двух третей длины судна, стояла невысокая надстройка, напоминавшая внешним видом «замок», но сколоченная из более тонких досок, которые, однако, могли служить защитой от пуль. Борта баржи были немного выше обычных, а каюта — такой высоты, чтобы в ней можно было только-только стоять выпрямившись. Все это странное сооружение выглядело не слишком неуклюже. Короче говоря, ковчег немногим отличался от современных плоскодонных барок, плавающих по каналам, хотя был гораздо шире и построен грубее, а покрытые корой бревенчатые стены и кровля свидетельствовали о полудиком образе жизни его обитателей. И, однако, немало искусства понадобилось, чтобы соорудить это судно, довольно легкое и достаточно поворотливое при его вместимости. Каюта была перегороджена пополам. Одна половина служила столовой и спальней для отца, в другой жили дочери. Незатейливая кухонная утварь размещалась на корме прямо под открытым небом; не надо забывать, что ковчег был только летним жилищем. Вполне понятно, почему Непоседа назвал это место засадой. Почти везде с крутых берегов свисали над рекой кусты и низкорослые деревья, купавшие свои ветви в глубоких омурах. В одном таком месте Хаттер и поставил на якорь свой ковчег. Это ему удалось без особого труда. Когда судно очутилось под прикрытием деревьев и кустов, достаточно было привязать несколько камней к концам ветвей, чтобы заставить их погрузиться глубоко в реку. Несколько срезанных и умело расположенных кустов довершили остальное. Как уже видел читатель, маскировка была сделана настолько ловко, что ввела в обман даже двух наблюдателей, привыкших к жизни в девственных лесах Америки и как раз в это время искавших спрятанное судно.

То, что ковчег был найден, произвело неодинаковое впечатление на наших путников. Лишь только пирога причалила к просвету между ветвями, служившему входом, как Непоседа перескочил через борт и минуту спустя весело, но несколько язвительно беседовал с Джудит, видимо позабыв обо всем на свете. Совсем иначе вел себя Зверобой. Он медленно и осторожно вошел в ковчег и внимательно, с любопытством рассматривал его устройство. Правда, в его взгляде, брошенном на Джудит, мелькнуло восхищение ее ослепительной и своеобразной красотой, но даже красота девушки ни на секунду не ослабила его интереса к жилищу Хаттеров. Шаг за шагом обследовал он это оригинальное сооружение, ощупывая скрепы и соединения, знакомясь со средствами обороны и вообще не пропустив ни одной мелочи, которая имеет значение для человека, постоянно имеющего дело с подобными предметами. Не оставил он без внимания и маскировку. Он изучил ее во всех подробностях и время от времени что-то бормотал себе под нос. Так как пограничные обычаи очень просты и допускают большую свободу, он осмотрел каюты и, открыв дверь, прошел на другой конец баржи. Здесь он застал вторую сестру, сидевшую под лиственным навесом и занятую каким-то незамысловатым рукоделием.

Зверобой опустил на пол свой карабин и, опершись обеими руками на дуло, стал смотреть на девушку с таким интересом, какого не могла пробудить в нем даже необычайная красота ее сестры. Он заключил из слов Непоседы, что у Хетти разума меньше, чем обычно приходится на долю человека, а воспитание среди индейцев научило его особенно мягко обращаться с теми, кто обижен судьбой. К тому же внешность Хетти Хаттер не могла бы оттолкнуть того, в ком ее положение вызывало участие. Ее отнюдь нельзя было назвать слабоумной в полном смысле этого слова. Она лишь потеряла присущие большинству нормальных людей хитрость и способность к притворству, но зато сохранила простодушие и любовь к правде. Те немногие наблюдатели, которые имели случай видеть эту девушку, часто замечали, что ее понятия о справедливости были почти инстинктивны, а отвращение ко всему дурному составляло отличительную черту ее характера, как бы окружая ее атмосферой чистейшей нравственности. Особенность эта нередко встречается у людей, которые слышат умалишенными.

Наружность у Хетти была привлекательная; она казалась смягченной и более скромной копией своей сестры.

Внешнего блеска, свойственного Джудит, у нее не было, однако спокойное, тихое выражение ее кроткого лица подкупало каждого, кто ее видел; и лишь очень немногие,

поглядев на эту девушку, не проникались к ней глубоким сочувствием. Лицо Хетти было лишено живых красок; невинное воображение не порождало у нее в мозгу мыслей, от которых могли бы зарумяниться ее щеки; добродетель была настолько свойственна ей, что, казалось, превратила кроткую девушку в существо, стоящее выше обыкновенных людских слабостей. Природа и образ жизни сделали Хетти наивным, бесхитростным созданием, а провидение защитило ее от порока.

— Вы Хетти Хаттер? — сказал Зверобой, как бы безотчетно обращаясь с этим вопросом к самому себе и таким ласковым тоном, что, несомненно, должен был завоевать доверие девушки. — Гарри Непоседа рассказывал мне о вас, и я знаю, что вы совсем дитя.

— Да, я Хетти Хаттер, — ответила девушка низким приятным голосом. — Я — Хетти, сестра Джудит Хаттер и младшая дочь Томаса Хаттера.

— В таком случае, я знаю вашу историю. Гарри Непоседа много говорил мне о вас. Вы большей частью живете на озере, Хетти?

— Да. Мать моя умерла, отец ставит капканы, а мы с Джудит сидим дома. А как вас зовут?

— Легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Я еще молод, но у меня уже было больше имен, чем у некоторых величайших вождей в Америке.

— Но ведь вы не отказываетесь от своего имени, прежде чем не заслужите честно другое?

— Надеюсь, что нет, девушка. Мои прозвища приходят ко мне сами собой, и я думаю, что то, которым окрестили меня нынче, удержится недолго, — ведь делавары редко дают человеку постоянную кличку, прежде чем представится случай показать себя в совете или на тропе войны. Мой черед еще не настал. Во-первых, я не родился краснокожим и не имею права участвовать в их советах и в то же время слишком ничтожен, чтобы моего мнения спрашивали знатные люди моего цвета кожи. Во-вторых, война еще только началась — первая за всю мою жизнь, и еще ни один враг не проникал настолько далеко в Колонию, чтобы его могла достать рука даже подлиннее моей.

— Назовите мне ваши имена, — подхватила Хетти, простодушно глядя на него, — и, быть может, я скажу вам, что вы за человек.

— Не отрицаю, это возможно, хотя и не всегда удается. Люди часто заблуждаются, когда судят о своих ближних, и дают им имена, которых те ничуть не заслуживают. Вы можете убедиться в этом, если вспомните имена мингов, которые на их языке означают то же самое, что делаварские имена, — по крайней мере, так мне говорили, потому что сам я мало знаю об этом племени, — но, судя по слухам, никто не может назвать мингов честными, справедливыми людьми. Поэтому я не придаю большого значения именам.

— Скажите мне все ваши имена, — серьезно повторила девушка, ибо ум ее был слишком прост, чтобы отделять вещи от их названий, и именам она придавала большое значение. — Я хочу знать, что следует о вас думать.

— Ладно, не спорю. Вы узнаете все мои имена. Прежде всего я христианин и прирожденный белый, подобно вам, и родители дали мне имя, которое переходит от отца к сыну, как часть наследства. Отца моего звали Бампо, и меня, разумеется, называли так, а при крещении дали имя Натаниэль, или Натти, как чаще всего и называют меня...

— Да, да, Натти и Хетти! — быстро прервала его девушка и, снова улыбнувшись, подняла глаза над рукоделием. — Вы Натти, а я Хетти, хотя вы Бампо, а я Хаттер. Бампо звучит не так красиво, как Хаттер, не правда ли?

— Ну, это дело вкуса. Я согласен, что Бампо звучит не очень громко, и все же многие люди прожили свою жизнь с этим именем. Я, однако, носил его не очень долго: делавары скоро заметили, или, быть может, им только показалось, что я не умею лгать, и они прозвали меня для начала Правдивый Язык...

— Это хорошее имя, — прервала его Хетти задумчиво и с глубокой убежденностью. — А вы мне говорите, что имена ничего не значат!

— Этого я не говорю, потому что, пожалуй, заслужил это прозвище, и лгать мне

труднее, чем другим. Немного спустя делавары увидели, что я скор на ноги, и прозвали меня Голубем; ведь вы знаете, у голубя быстрые крылья и летает он всегда по прямой линии.

— Какое красивое имя! — воскликнула Хетти. — Голуби — милые птички.

— Большинство существ, созданных богом, хороши по-своему, добрая девушка, хотя люди часто уродуют их и заставляют изменять свою природу и внешность. После того как я некоторое время служил гонцом, меня начали брать на охоту, решив, что я проворнее нахожу дичь, чем большинство моих сверстников. Тогда прозвали меня Вислоухим, потому что, как они говорили, у меня собачье чутье.

— Это не так красиво, — ответила Хетти. — Надеюсь, вы недолго носили это имя?

— Пока не разбогател настолько, что купил себе карабин, — возразил собеседник с какой-то гордостью, которая вдруг проглянула сквозь его обычно спокойные и сдержанные манеры. — Тогда увидели, что я могу обзавестись вигвамом, промышлять охотой. Вскоре я получил имя Зверобой и ношу его до сих пор, хотя иные и считают, что больше доблести в том, чтобы добыть скальп ближнего, чем рога оленя.

— Ну, Зверобой, я не из их числа, — ответила Хетти просто. — Джудит любит солдат, и красные мундиры, и пышные султаны, но мне все это не по душе. Она говорит, что офицеры — люди знатные, веселые и любезные, а я дрожу, глядя на них, ведь все ремесло их заключается в том, чтобы убивать своих ближних. Ваше занятие мне больше нравится, и у вас очень хорошее последнее имя, оно гораздо приятнее, чем Натти Бампо.

— Так думать очень естественно для девушки, подобной вам, Хетти, и ничего другого я не ожидал. Говорят, ваша сестра красива, замечательно красива, а красота всегда ищет поклонения.

— Неужели вы никогда не видели Джудит? — спросила девушка с внезапной серьезностью. — Если нет, ступайте сейчас же и посмотрите на нее. Даже Гарри Непоседа не так хорош собой.

Одно мгновение Зверобой глядел на девушку с некоторой досадой. Ее бледное лицо немного зарумянилось, а глаза обычно такие кроткие и ясные, заблестели, выдавая какое-то тайное душевное движение.

— Ах, Гарри Непоседа! — пробормотал он про себя, направляясь через каюту на противоположный конец судна. — Вот что значит приглядная внешность и хорошо подвешенный язык. Легко видеть, куда склоняется сердце этого бедного создания, как бы там ни обстояли дела с твоей Джудит.

Тут любезничанье Непоседы, кокетство его возлюбленной, размышления Зверобоя и кроткие мечтания Хетти были прерваны появлением пироги, в которой владелец ковчега проплыл сквозь узкий проход между кустами, служившими его жилищу чем-то вроде бруствера. Видимо, Хаттер, или Плавающий Том, как его запросто называли охотники, знакомые с его привычками, узнал пирогу Непоседы, потому что он нисколько не удивился, увидев молодого человека на своей барже. Старик приветствовал его не только радушно, но с явным удовольствием, к которому примешивалось легкое сожаление о том, что он не появился на несколько дней раньше.

— Я ждал тебя еще на прошлой неделе, — сказал Хаттер не то ворчливо, не то приветливо, — и очень сердился, что ты не показываешься. Здесь проходил гонец, предупреждавший трапперов и охотников, что у Колонии опять вышли неприятности с Канадой. И я чувствовал себя довольно неуютно в этих горах с тремя скальпами на моем попечении и только с одной парой рук, чтобы защищать их.

— Оно и понятно, — ответил Марч. — Так и надлежит чувствовать родителю. Будь у меня две такие дочки, как Джудит и Хетти, я бы, конечно, сказал то же самое, хоть меня и вовсе не огорчает, когда ближайший сосед живет в пятидесяти милях.

— Однако ты предпочел странствовать по этим дебрям не в одиночку, зная, быть может, что канадские дикари шныряют поблизости, — возразил Хаттер, бросая недоверчивый и в то же время пытливый взгляд на Зверобоя.

— Ну так что ж! Говорят, даже плохой товарищ помогает скоротать дорогу. А этого

юношу я считаю недурным спутником. Это Зверобой, старый Том, охотник, знаменитый среди делаваров, но христианин по рождению и воспитанию, подобно нам с тобой. Этому парню далеко до совершенства, но попадаются люди похуже его в тех местах, откуда он явился, да, вероятно, и здесь он встретит кое-кого не лучше его. Если нам придется защищать наши капканы и наши владения, парень будет кормить всех нас: он мастак по части дичины.

— Добро пожаловать, молодой человек, — пробурчал Том, протягивая юноше жесткую, костлявую руку в знак своего искреннего расположения. — В такие времена всякий белый человек — друг, и я рассчитываю на вашу поддержку. Дети иногда заставляют сжиматься даже каменное сердце, и дочери тревожат меня больше, чем все мои капканы, шкуры и права на эту страну.

— Это совершенно естественно! — воскликнул Непоседа. — Да, Зверобой, мы с тобой еще не знаем такого по собственному опыту, но все-таки я считаю это естественным. Будь у нас дочери, весьма вероятно мы разделяли бы те же чувства, и я уважаю человека, который их испытывает. Что касается Джудит, старик, то я уже записался к ней в солдаты, а Зверобой поможет тебе караулить Хетти.

— Очень вам благодарна, мастер Марч, — возразила красавица своим звучным низким голосом. Произношение у нее было совершенно правильное и доказывало, что она получила лучшее воспитание, чем можно было ожидать, судя по внешнему виду и образу жизни ее отца. — Очень вам благодарна, но Джудит Хаттер хватит мужества и опыта, чтобы рассчитывать скорее на себя, чем на таких красивых ветрогонов, как вы. Если нам придется столкнуться с дикарями, то уж лучше вам сойти с моим отцом на берег, чем прятаться в хижине под предлогом защиты нас, женщин, и...

— Ах, девушка, девушка, — перебил отец, — придержи язык и выслушай слово правды! Дикари бродят где-то по берегу озера. Кто знает, может быть, они уже совсем близко и нам придется скоро о них услышать.

— Если это верно, мастер Хаттер, — сказал Непоседа, переменившись в лице, хотя и не обнаруживая малодушного страха, — если это верно, твой ковчег занимает чрезвычайно неудачную позицию. Маскировка могла ввести в заблуждение меня и Зверобоя, но вряд ли она обманет чистокровного индейца, отправившего на охоту за скальпами.

— Совершенно согласен с тобой, Непоседа, и от всего сердца желал бы, чтобы мы находились теперь где угодно, но только не в этом узком извилистом протоке. Правда, сейчас он скрывает нас, но непременно погубит, если только нас обнаружат. Дикари близко, и нам трудно выбраться из реки, не рискуя быть подстреленными, как дичь у водопоя.

— Но уверены ли вы, мастер Хаттер, что краснокожие, которых вы боитесь, действительно пришли сюда из Канады? — спросил Зверобой почтительно, но серьезно. — Видели вы хотя бы одного из них? Можете ли вы описать их окраску?

— Я нашел следы индейцев по соседству, но не видел ни одного из них. Осматривая свои капканы, я проплыл вниз по протоку милою или около того, как вдруг заметил свежий след, пересекавший край болота и направлявшийся к северу. Какой-то человек проходил здесь меньше чем час назад, и я по размерам сразу узнал отпечаток индейской ступни, даже прежде чем нашел изорванный мокасина, брошенный его хозяином. Я даже видел, где остановился индеец, чтобы сплести себе новый мокасина: его было всего в нескольких ярдах от того места, где он бросил старый.

— Это не похоже на краснокожего, идущего по тропе войны, — возразил Зверобой, покачивая головой. — Во всяком случае, опытный воин сжег, закопал или утопил бы в реке такую улику. Очень возможно, что вы натолкнулись на след мирного индейца. Но на сердце у меня станет гораздо легче, если вы опишете или покажете мне этот мокасина. Я сам пришел сюда, чтобы повидаться с молодым индейским вождем, и он должен был пройти приблизительно в том же направлении, о каком вы говорили. Быть может, это был его след.

— Гарри Непоседа, надеюсь, ты хорошо знаешь этого молодого человека, который назначает свидание дикарям в такой части страны, где он никогда раньше не бывал? —

спросил Хаттер тоном, достаточно ясно свидетельствовавшим об истинном смысле вопроса: грубые люди редко стесняются высказывать свои чувства. — Предательство — индейская повадка, а белые, долго живущие среди индейских племен, быстро перенимают их обычаи и приемы.

— Верно, верно, старый Том, но это не относится к Зверобою, потому что он парень честный, даже если бы у него и не было других достоинств. Я отвечаю за его порядочность, старый Том, хоть не могу поручиться за его храбрость в битве.

— Хотелось бы мне знать, чего ради он сюда приплелся?

— На это легко ответить, мастер Хаттер, — сказал молодой охотник со спокойствием человека, у которого совесть совершенно чиста. — Да и вы, я думаю, вправе спросить об этом. Отец двух таких дочек, который живет на озере, имеет такое же право допрашивать посторонних, как Колония имеет право требовать у французов объяснений, для чего они выставили столько новых полков на границе. Нет, нет, я не отрицаю вашего права знать, почему незнакомый человек явился в ваши места в такое тревожное время.

— Если вы так думаете, друг, расскажите мне вашу историю, не трата лишнего слов.

— Как я уже сказал, это легко сделать, и я все честно расскажу вам. Я еще молод и до сих пор никогда не ходил по тропе войны. Но лишь только к делаварам пришла весть, что им скоро пришлют вампум и томагавк, они поручили мне отправиться к людям моего цвета кожи и получить самые точные сведения о том, как обстоят дела. Так я и сделал. Вернувшись и отдав отчет вождям, я встретил на Скохари королевского офицера, который вез деньги для раздачи дружественным племенам, живущим далее к западу. Чингачгук, молодой вождь, который еще не сразил ни одного врага, тоже решил, что представляется подходящий случай выйти впервые на тропу войны. И один старый делавар посоветовал нам назначить друг другу свидание подле утеса, вблизи истока этого озера. Не скрою, есть у Чингачгука еще и другая цель, но это его тайна, а не моя. И так как она не касается никого из присутствующих, то я больше ничего не скажу...

— Эта тайна касается молодой женщины, — быстро перебила его Джудит и тут же сама рассмеялась над своей несдержанностью и даже немного покраснела, оттого что ей прежде, чем другим, пришла в голову подобная мысль. — Если это дело не связано ни с войной, ни с охотой, то здесь должна быть замешана любовь.

— Тот, кто молод, красив и часто слышит о любви, сразу готов предположить, будто всюду скрываются сердечные чувства, но я ничего не скажу по этому поводу.

Чингачгук должен встретиться со мной завтра вечером, за час до заката, подле утеса, а потом мы пойдем дальше своей дорогой, не трогая никого, кроме врагов короля, которых мы по закону считаем и нашими собственными врагами. Издавна зная Непоседу, который ставил капканы в наших местах, и встретив его на Скохари, когда он собирался идти сюда, я сговорился совершить путешествие вместе с ним. Не столько из страха перед мингами, сколько для того, чтобы иметь доброго товарища и, как он говорит, скоротать вместе длинную дорогу.

— И вы думаете, что след, который я видел, может быть оставлен вашим другом? — спросил Хаттер.

— По-моему, да. Может быть, я заблуждаюсь, а может, и нет. Если бы я поглядел на мокасин, то сразу бы вам сказал, сплетен ли он на делаварский образец.

— Ну так вот он, — сказала проворная Джудит, которая уже успела сбегать за ним в отцовскую пирогу. — Скажите, кого он сулит нам — друга или врага? Я считаю вас честным человеком и верю вам, что бы ни воображал мой отец.

— Ты, Джудит, всегда находишь друзей там, где я подозреваю врагов, — проворчал Том. — Но говорите, молодой человек, что вы думаете об этом мокасине.

— Это не делаварская работа, — ответил Зверобой, внимательно разглядывая изношенный и пришедший в негодность мокасин. — Я еще слишком неопытен и не показал себя на тропе войны, чтобы говорить уверенно, но мне кажется, что мокасин этот сплетен на

севере и попал сюда из Страны Великих Озер²⁶.

— Если это так, то здесь нельзя оставаться ни минуты, — сказал Хаттер, выглядывая из лиственного прикрытия, как будто он уже ожидал увидеть, врагов на другом берегу узкого и извилистого протока. — До ночи осталось не больше часа, а в темноте невозможно двигаться без шума, и он непременно выдаст нас. Слышали вы эхо от выстрела в горах полчаса назад?

— Да, старик, — ответил Непоседа, только теперь сообразивший, какую оплошность он допустил. — Я слышал выстрел, потому что ведь это я спустил курок.

— А я боялся, что стреляют французские индейцы. Все равно — это могло заставить их насторожиться и навести на наш след. Ты худо сделал, выпалив без толку в военное время.

— Я и сам так начинаю думать, дядя Том. Однако если человек даже в безлюдной глуши не смеет выстрелить из страха, что враг услышит его, то на кой черт носить при себе карабин!

Хаттер еще долго совещался с обоими гостями, пока собеседники окончательно не уяснили себе создавшегося положения. Старик растолковал им, как трудно будет вывести в темноте ковчег из такого узкого и быстрого протока, не произведя шума, который неминуемо достигнет индейских ушей. Кто бы ни были пришельцы, бродящие по соседству, они, во всяком случае, станут держаться возможно ближе к озеру или к реке. Берега реки во многих местах заболочены: к тому же она извилиста и так заросла кустами, что по ней при дневном свете можно передвигаться, не подвергаясь ни малейшей опасности быть обнаруженными. Поэтому ушей следует остерегаться гораздо больше, чем глаз, особенно пока судно будет находиться в коротком, и прикрытом лиственным сводом участке протока.

— Место это очень удобно, чтобы расставлять капканы, да и укрыто оно от любопытных глаз гораздо лучше, чем озеро. И все же я никогда не забираюсь сюда, не приняв предварительно всех мер, чтобы выбраться обратно, — продолжал старый чудак. — А выбираться отсюда гораздо легче, подтягивая судно на канате, чем отталкиваясь веслом. Якорь лежит в открытом озере, у начала протока, а здесь вы видите канат, за который можно тянуть. Но без вашей помощи, с одной только парой рук, было бы довольно тяжело протаскать такую баржу вверх по течению. К счастью, Джуди орудует веслом не хуже меня, и когда мы не боимся неприятеля, то выбраться из реки бывает не слишком трудно.

— А что мы выиграем, мастер Хаттер, переменив позицию? — серьезно спросил Зверобой. — Здесь мы хорошо укрыты и, засев в каюте, можем упорно обороняться.

Сам я никогда не участвовал в боях и знаю о них только понаслышке, но мне кажется, что мы могли бы одолеть двадцать мингов под защитой таких укреплений.

— Эх, эх! Никогда не участвовали в боях и знаете о них только понаслышке! Это сразу заметно, молодой человек. Видели вы когда-нибудь озеро пошире этого, прежде чем явились сюда с Непоседой?

— Не могу сказать, чтобы видел, — скромно ответил Зверобой. — В мои годы надо учиться, и я вовсе не желаю возвышать голос в совете, пока не наберусь достаточно опыта.

— Хорошо. В таком случае я объясню вам все невыгоды этой позиции и все преимущества боя на открытом озере. Здесь, видите ли, дикари будут направлять свод выстрелы прямо в цель, и надо полагать, что несколько пуль все же попадут в щели между бревнами. Нам же придется стрелять наугад в лесную чащу. Кроме того, пока я здесь, дикари могут захватить и разграбить замок, и тогда пропадет все мое имущество. А когда мы выйдем на озеро, на нас могут напасть только в лодках или на плотах, и там мы можем заслонить замок ковчегом. Понятно ли все это, юноша?

— Да, это звучит разумно, и я не стану с вами спорить.

— Ладно, старый Том! — крикнул Непоседа. — Если надо убираться отсюда, то, чем скорее мы это сделаем, тем раньше узнаем, суждено ли нам воспользоваться сегодня нашими

²⁶ Страна Великих Озер — побережье озер Верхнего, Онтарио, Эри, Мичигана в Гурона, населенное гуронами, или мингами.

собственными волосами в качестве ночных колпаков.

Предложение это было настолько благоразумно, что никто не подумал возражать против него. После краткого предварительного совещания трое мужчин поспешили сдвинуть ковчег с места.

Причалы были отданы в один миг, и тяжелая машина медленно выплыла из-под прикрытия. Лишь только она освободилась от помехи, которую представляли собой ветви, сила течения почти вплотную прибила ее к западному берегу.

У всех невольно сжалось сердце, когда ковчег, ломая ветви, начал пробираться сквозь кусты и деревья: никто не знал, когда и где может появиться тайный лютый враг. Сумрачный свет, все еще струившийся через нависший лиственный покров и пролагавший себе дорогу сквозь узкий, похожий на ленту просвет над рекой, усиливал ощущение опасности: предметы видны, но очертания их расплывались. Солнце еще не закатилось, но прямые лучи его уже не проникали в долину; вечерние тени начали сгущаться, и лесной сумрак становился еще более жутким и унылым.

Однако мужчины все время вытягивали канат, и ковчег медленно и безостановочно двигался вперед. У баржи было очень широкое днище, поэтому она неглубоко сидела в воде и плыла довольно легко.

Опыт подсказал Хаттеру еще одну меру предосторожности, устранявшую препятствия, которые иначе неизбежно поджидали бы их у каждого изгиба реки. Когда ковчег спускался вниз по течению, Хаттер погрузил в воду на самой середине протока тяжелые камни, привязанные к канату. Благодаря этому образовалась цепь якорей: каждый из них удерживался на месте при помощи предыдущего. Не будь этих якорей, ковчег неминуемо цеплялся бы за берега; теперь же он плыл, легко и обходя их.

Пользуясь всеми выгодами этой уловки и подгоняемые боязнью встретиться с индейцами, Плавучий Том и оба его товарища тянули ковчег вверх по течению с такой быстротой, какую только допустила прочность каната. На каждом повороте протока со дна поднимали камень, после чего курс баржи изменялся и она направлялась к следующему камню. Иногда Хаттер тихим, приглушенным голосом побуждал друзей напрячь все свои силы, иногда предостерегал их от излишнего усердия, которое в данном случае могло быть опасным.

Несмотря на то, что мужчины привыкли к лесам, угрюмый характер густо заросшей и затененной реки усиливал томившее их беспокойство. И когда наконец ковчег достиг первого поворота Саскуиханны, и глазу открылась широкая гладь озера, все испытали чувство облегчения, в котором, быть может, не хотели признаться. Со дна подняли последний камень; канат уже тянулся прямо к якорю, заброшенному, как объяснил Хаттер, в том месте, где начиналось течение.

— Слава богу! — воскликнул Непоседа. — Наконец-то показался дневной свет, и мы скоро сможем увидеть наших врагов, если нам суждено иметь с ними дело!

— Ну, этого еще нельзя сказать, — проворчал Хаттер. — На берегу, у самого истока, осталось одно местечко, где может притаиться целая шайка. Самая опасная минута настанет тогда, когда, миновав эти деревья, мы выйдем на открытое место: тогда враги останутся под прикрытием, а мы будем на виду... Джудит, моя девочка, брось весло и спрячься в каюту вместе с Хетти, и, пожалуйста, не высывайтесь из окошка. Те, с кем, может быть, придется нам встретиться, вряд ли станут любоваться вашей красотой... А теперь, Непоседа, давай-ка тоже войдем внутрь и будем тянуть канат из-за двери; что, по крайней мере, избавит нас от всяких неожиданностей... Друг Зверобой, здесь течение гораздо слабее и канат лежит совершенно прямо, поэтому будет гораздо лучше, если вы станете переходить от окошка к окошку и следить за тем, что делается снаружи. Но помните: прячьте голову, если только вам дорога жизнь. Как знать, когда и где мы услышим о наших соседях.

Зверобой повиновался, не испытывая страха. Он был сильно возбужден, оттого что попал в совершенно новое для него положение. Впервые в жизни он находился поблизости от врага или, во всяком случае, имел все основания предполагать это. Когда он занял место у

окошка, ковчег проходил через самую узкую часть протока, откуда началась река в собственном смысле этого слова и где деревья переплетались наверху, прикрывая проток зеленым сводом.

Ковчег уже оставлял за собой последнюю извилину этого лиственного коридора, когда Зверобой, высмотрев все, что можно было увидеть на восточном берегу реки, прошел через каюту, чтобы взглянуть на западный берег через другое окошко. Он появился у этого наблюдательного пункта как нельзя более вовремя: не успел он приложить глаз к щели, как увидел зрелище, способное, несомненно, напугать такого молодого и неопытного часового. Над водой, образуя дугу, свисало молодое деревце; когда-то оно тянулось к свету, а потом было придавлено тяжестью снега — случай нередкий в американских лесах. И вот на это дерево уже взбиралось человек шесть индейцев, а другие стояли внизу, готовясь последовать за первыми, лишь только освободится место. Индейцы, очевидно, намеревались, перебравшись по стволу, соскочить на крышу ковчега, когда судно будет проплывать под ними. Это не представляло большой трудности, так как по склоненному дереву передвигаться были легко. Ветви служили достаточно прочной опорой рукам, а прыгнуть с такой высоты ничего не стоило. Зверобой увидел эту кучку краснокожих в ту минуту, когда они только что вышли из леса и начали карабкаться по стволу. Давнее знакомство с индейскими обычаями подсказало охотнику, что пришельцы в полной боевой раскраске и принадлежат к враждебному племени.

— Тяни, Непоседа, — закричал он, — тяни изо всех сил, если любишь Джудит Хаттер! Тяни, малый, тяни!

Молодой охотник знал, что обращается к человеку, обладающему исполинской мощью. Призыв прозвучал грозно и предостерегающе. Хаттер и Марч, поняв все его значение, в самый опасный момент из всей мочи налегли на канат. Ковчег пошел вдвое быстрее и наконец выскользнул из-под лесного свода, словно сознавая нависшую над ним беду.

Заметив, что они обнаружены, индейцы издали громкий боевой клич и сломя голову начали прыгать с дерева, стараясь попасть на кровлю ковчега. На дерево уже успели взобраться шесть человек, и они один за другим пытали свое счастье. Но все падали в воду — кто ближе, а кто дальше, в зависимости от того, раньше или позже оказались они на дереве.

Лишь вождь, занимавший наиболее опасный пост впереди всех, прыгнул раньше других и упал на баржу как раз возле кормы. Однако он был так оглушен, что минуту стоял согнувшись, не соображая, что с ним происходит. В это мгновение Джудит, с разгоревшимися щеками и еще более красивая, чем всегда, выскочила из каюты и, собрав все свои силы, одним толчком сбросила индейца за борт, головой прямо в реку. Едва успела она совершить этот решительный поступок, как в ней пробудилась слабая женщина. Она наклонилась над кормой, желая узнать, что стало с упавшим, и выражение ее глаз смягчилось. Лицо девушки зарумянилось от стыда и удивления перед собственной смелостью, и она рассмеялась своим обычным приятным смехом. Все это было делом секунды. Потом рука Зверобоя обхватила ее за талию и увлекла обратно в каюту. Отступление произошло вовремя. Едва они очутились под прикрытием, как весь лес огласился воплями и пули застучали по бревнам.

Тем временем ковчег продолжал продвигаться вперед: после этого небольшого происшествия ему уже не грозила опасность. Как только погасла первая вспышка гнева, дикари прекратили стрельбу, поняв, что лишь зря тратят заряды. Хаттер вытащил из воды последний якорь. Течение здесь было тихое, и судно продолжало медленно плыть вперед, пока не очутилось в открытом озере, хотя настолько близко от берега, что пули представляли еще некоторую угрозу. Хаттер и Марч под прикрытием бревенчатых стен налегли на весла и вскоре отвели ковчег настолько далеко, что враги потеряли желание снова напасть на них.

Глава 5

*Пусть раненый олень ревет,
А уцелевший скачет.
Где спят, а где — ночной обход;
Кому что рок назначит.*
Шекспир, «Гамлет»

На носу баржи состоялось новое совещание, на котором присутствовали Джудит и Хетти. Враг уже не мог напасть неожиданно, но ощущение непосредственной опасности сменилось тягостным сознанием и что на берегу притаилось много индейцев, которые, конечно, не упустят возможности погубить обитателей ковчега. Понятно, что больше всех беспокоился Хаттер, а дочери, привыкшие во всем полагаться на отца, не отдавали себе ясного отчета в том, что им грозило. Старик Хаттер прекрасно сознавал, что два товарища могут покинуть его в любую минуту. Это обстоятельство, как легко мог заметить внимательный наблюдатель, тревожило его сильнее всего.

— У нас есть большое преимущество перед ирокезами и всеми другими врагами, как бы они там ни назывались, — сказал он, — потому что мы наконец, выбрались на чистую воду. На озере нет ни одной лодки, которой я бы не знал. Свою пирогу ты пригнал сюда, Непоседа, на берегу теперь осталось только две, и они так хорошо спрятаны в дуплах деревьев, что как бы индейцы ни старались, они едва ли их отыщут.

— Ну, этого нельзя утверждать, — заметил Зверобой. — Уж если краснокожий задумал что-нибудь отыскать, то чутье у него становится лучше, чем у собаки. Если они вышли на охоту за скальпами и надеются пограбить, то вряд ли какое-нибудь дупло укроет пирогу от их глаз.

— Ты прав, Зверобой! — воскликнул Гарри Марч. — В таких вопросах ты непогрешим, и я рад, очень рад, что моя пирога здесь, у меня под рукой. Я полагаю, старый Том, что если они серьезно решили выкурить нас, то еще до завтрашнего вечера отыщут все пироги, а потому нам не мешает взяться за весла.

Хаттер ответил не сразу. С минуту он молчаливо глядел по сторонам, осматривая небо, озеро и плотно охватывавшую его со всех сторон полосу леса. Нигде он не заметил тревожных примет. Бесконечные леса дремали в глубоком спокойствии. Небеса были безмятежно ясны, их еще золотил свет заходящего солнца, а озеро казалось более прекрасным и мирным, чем в течение всего этого дня. То было зрелище всеобщего умиротворения: оно убаюкивало человеческие страсти, навевало на них священный покой. Какое действие оно произвело на наших героев, покажет дальнейшее повествование.

— Джудит, — сказал отец, закончив недолгий, но внимательный осмотр, — вот-вот наступит ночь. Приготовь нашим друзьям чего-нибудь поесть. После долгого перехода они, должно быть, здорово проголодались.

— Мы не голодны, мастер Хаттер, — заметил Марч. — Мы основательно заправились, когда подошли к озеру. Что до меня, то общество Джуди я предпочитаю даже ужину, приготовленному ею. В такой тихий вечер приятно посидеть рядком.

— Природа остается природой, — возразил Хаттер, — и желудок требует пищи... Джудит, приготовь чего-нибудь поесть, и пусть сестра тебе поможет... Мне надо побеседовать с вами, друзья, — продолжал он, лишь только дочери удалились, — я не хочу, чтобы девочки были при этом. Вы видите, в каком я положении. Мне хотелось бы услышать ваше мнение о том, как лучше поступить. Уже три раза поджигали мой дом, но это было на берегу. Я считал себя в полной безопасности, с тех пор как построил замок и ковчег. Однако раньше все неприятности случались со мной в мирное время, и это были сущие пустяки, к которым должен быть готов всякий, кто живет в лесу. Но теперь дело приняло серьезный оборот, и я надеюсь, что ваши соображения на этот счет облегчат мне душу.

— По-моему, старый Том, и ты сам, и твоя хижина, и твои капканы, и все твои владения попали в отчаянную переделку, — деловито ответил Непоседа, не считавший

нужным стесняться. — Насколько я понимаю, они не стоят сегодня и половины того, что стоили вчера. Я бы не дал за них больше, если бы даже пришлось рассчитывать на шкурами.

— Но у меня дети! — продолжал отец таким тоном, что даже самый проницательный наблюдатель затруднился бы сказать, что это: искусное притворство или же искреннее выражение родительской тревоги. — Дочери, Непоседа, и к тому же хорошие девушки, смею сказать, хоть я их отец.

— Всякий имеет право говорить что угодно, мастер Хаттер, особенно когда ему приходится круто. У тебя и впрямь две дочки, и одна из них по красоте не имеет себе равной на всей границе, хотя манеры у нее могли бы быть получше. А что до бедной Хетти, то она — Хетти Хаттер, и это все, что можно сказать о бедном создании. Я бы попросил у тебя руки Джудит, если бы ее поведение было под стать ее наружности.

— Вижу, Гарри Марч, что на тебя особенно нечего рассчитывать. Вероятно, твой товарищ рассуждает так же, — возразил старик с некоторой надменностью, не лишенной достоинства. — Ладно, буду уповать на провидение, оно, быть может, не останется глухим к отцовским молитвам.

— Если вы подозреваете, что Непоседа собирается бросить вас, — сказал Зверобой с простодушной серьезностью, придававшей еще большее значение его словам, — то я думаю, что вы к нему несправедливы. Я думаю, что вы несправедливы и ко мне, предполагая, что я последую за ним, если он окажется таким бессердечным, что на всей границе — то есть в обширной полосе, где поселения европейских колонистов граничили с девственным лесом. Граница эта непрерывно перемещалась с востока на запад, бросит в беде целое семейство. Я пришел на это озеро, мастер Хаттер, повидаться с другом. Не сомневаюсь поэтому, что завтра на закате солнца найдется еще один карабин, чтобы защищать вас. Правда, этот карабин так же, как и мой, еще не испытан в бою, однако он не раз уже доказал свою меткость на охоте как по мелкой, так и по крупной дичи.

— Стало быть, я могу надеяться, что вы останетесь защищать меня и моих дочерей? — спросил старик с выражением отцовской тревоги на лице.

— Можете, Плавучий Том, если позволите так называть вас. Я буду защищать вас, как брат сестру, как муж жену или как поклонник свою возлюбленную. В этой беде вы можете рассчитывать на меня во всем, и я думаю, что Непоседа изменит своему характеру и своим желаниям, если не скажет вам того же.

— Ну вот еще! — крикнула Джудит, выглядывая из-за двери. — Он непоседа и по прозвищу и по характеру и, уж конечно, не станет сидеть на месте, когда почувствует, что опасность грозит его смазливой физиономии. Ни «старый Том», ни его «девочки» не рассчитывают на мастера Марча: они достаточно его знают. Но на вас они надеются, Зверобой. Ваше честное лицо и честное сердце порука тому, что вы исполните ваше обещание.

Все это было сказано скорее с притворным, чем с искренним гневом на Непоседу. И все же подлинное чувство звучало в словах девушки. Выразительное лицо Джудит достаточно красноречиво говорило об этом. И если Марчу показалось, что еще ни разу он не видел на этом лице такого горделивого презрения (чувство, которое особенно было свойственно красавице), то, уж конечно, еще никогда не светилось оно такой нежностью, как в тот миг, когда голубые глаза взглянули на Зверобоя.

— Оставь нас, Джудит! — строго приказал Хаттер, прежде чем молодые люди успели ответить. — Оставь нас и не возвращайся, пока не приготовишь дичь и рыбу. Девушка избалована лестью офицеров, которые иногда забираются сюда, мастер Марч, и ты не станешь обижаться на ее глупые слова.

— Ничего умнее ты никогда не говорил, старый Том! — возразил Непоседа, которого покорило от замечания Джудит. — Молодцы из форта испортили ее своими чертовскими языками. Я едва узнаю Джуди и скоро стану поклонником ее сестры, она мне гораздо больше по вкусу.

— Рад слышать это, Гарри, и вижу в этом признак того, что ты готов остепениться.

Хетти будет гораздо более верной и рассудительной спутницей жизни, чем Джудит, и, вероятно, охотнее примет твои ухаживания. Я очень боюсь, что офицеры вскружили голову ее сестрице.

— Не может быть на свете более верной жены, чем Хетти, — ответил Непоседа, смеясь, — хотя я не ручаюсь за ее рассудительность. Но все равно Зверобой не ошибся, когда сказал, что вы найдете меня на посту. Я не брошу тебя, дядя Том, каковы бы ни были мои чувства и намерения насчет твоей старшей дочери.

За свою удаль Непоседа пользовался заслуженным уважением среди товарищей, и потому Хаттер с нескрываемым удовольствием выслушал его обещание. Огромная физическая сила Непоседы была неоценимой подмогой даже теперь, когда нужно было только продвинуть ковчег, а как же она сможет пригодиться во время рукопашных схваток в лесу! Ни один военачальник, очутившийся в трудной боевой обстановке, не радовался так, услышав о прибытии подкреплений, как обрадовался Плавучий Том, узнав, что могучий союзник не покинет его. За минуту до того Хаттер готов был ограничиться одной обороной, но лишь только он почувствовал себя в безопасности, как неутомимый дух внушил ему желание перенести военные действия на неприятельскую территорию.

— За скальпы дают большие премии, — заметил он с мрачной улыбкой, как бы ощущая всю силу искушения и в то же время давая понять, что считает не совсем удобным зарабатывать деньги способом, который внушает отвращение всем цивилизованным людям. — Быть может, и не очень хорошо получать деньги за человеческую кровь, но если уж люди начали истреблять друг друга, то почему бы не присоединить маленький кусочек кожи к остальной добыче? Что ты думаешь об этом, Непоседа?

— Думаю, что ты здорово дал маху, старик, назвав дикарскую кровь человеческой кровью, только и всего! Снять скальп с краснокожего, по-моему, все равно что отрезать пару волчьих ушей, и я с легким сердцем готов брать деньги и за то, и за другое. Что касается белых, то это иное дело, потому что в них врожденное отвращение к скальпировке, тогда как индеец бреет себе голову в ожидании ножа и отращивает на макушке чуб, словно для того, чтобы удобнее было схватить его.

— Вот это значит рассуждать, как подобает мужчине, и я сразу понял, что если уж ты на нашей стороне, то будешь помогать нам всем сердцем, — подхватил Том, отбрасывая всякую сдержанность, лишь только заметил настроение товарища. — Это нашествие краснокожих может кончиться так, как им и не снилось. Полагаю, Зверобой, что вы согласны с Гарри и также считаете, что этим способом можно заработать деньги не менее достойно, чем охотой.

— Нет, я этому не сочувствую, — возразил молодой человек. — Я не способен снимать скальпы. Если вы и Непоседа собираетесь заработать деньги, которые посулило колониальное начальство, добывайте их сами, а женщин оставьте на мое попечение. Я не разделяю ваших взглядов на обязанности белого человека, но уверен, что долг сильного заключается в том, чтобы защищать слабого.

— Гарри Непоседа, вот урок, который вам надо затвердить наизусть и применять на деле, — донесся из каюты приятный голос Джудит — явное доказательство того, что она подслушала весь разговор.

— Довольно глупостей, Джудит! — крикнул отец сердито. — Отойди подальше, мы говорим о том, о чем женщинам слушать не следует.

Однако Хаттер даже не оглянулся, чтобы удостовериться, что его приказание исполнено. Он понизил голос и продолжал:

— Молодой человек прав — мы можем оставить детей на его попечение. А моя мысль такова, и, я думаю, ты найдешь ее правильной. На берегу собралось скопище дикарей, среди них есть и женщины. Я не говорил об этом при девочках, они могут расстроиться, когда дойдет до настоящего дела. Я узнал это, рассматривая следы мокасин; возможно, что эти индейцы просто охотники, которые еще ничего не слыхали о войне и о премиях за скальпы.

— В таком случае, старый Том, почему они, вместо того чтобы приветствовать нас,

хотели перерезать нам глотки? — спросил Гарри.

— Мы не знаем, так ли кровожадны были их намерения. Индейцы привыкли нападать врасплох из засады и, наверное, хотели сначала забраться на борт ковчега, а потом поставить нам свои условия. Если дикари стреляли в нас, обманувшись в своих ожиданиях, то это дело обычное, и я не придаю ему большого значения. Сколько раз в мирное время они поджигали мой дом, воровали дичь из моих капканов и стреляли в меня!

— Я знаю, негодяи любят проделывать такие штуки, и мы имеем право платить им той же монетой. Женщины действительно не следуют за мужчинами по тропе войны, так что, может быть, ты и прав.

— Но охотники не выступают в боевой раскраске, — возразил Зверобой. — Я хорошо рассмотрел этих мингов и знаю, что они пустились на охоту за людьми, а не за бобрами или другой дичью.

— А что ты на это скажешь, старик? — подхватил Непоседа.

— Уж если речь идет о зоркости глаза, то я скоро буду верить этому молодому человеку не меньше, чем самому старому поселенцу во всей нашей Колонии. Если он говорит, что индейцы в боевой раскраске, то, стало быть, так оно и есть. Военный отряд повстречался, должно быть с толпой охотников, а среди них, несомненно, есть женщины. Гонец, принесший весть о войне, проходил здесь всего несколько дней назад, и, может быть, воины пришли теперь, чтобы отправить обратно женщин и детей и нанести первый удар.

— Любой согласится с этим, и это истинная правда! — вскричал Непоседа. — Ты угадал, старый Том, и мне хочется послушать, что ты предлагаешь делать.

— Заработать побольше денег на премиях, — отвечал собеседник холодно и мрачно. Лицо его выражало скорее бессердечную жадность, чем злобу или жажду мести. — Если там есть женщины и дети, то, значит, можно раздобыть всякие скальпы: и большие и маленькие. Колония платит за все одинаково...

— Тем хуже, — перебил Зверобой, — тем больше позора для всех нас!

— Обожди, парень, и не кричи, пока не обмозгуешь этого дела, — невозмутимо возразил Непоседа. — Дикари снимают скальпы с твоих друзей-делаваров и могижан; почему б и нам не снимать с них скальпы в свой черед? Признаю, было бы очень нехорошо, если бы мы с тобой отправились за скальпами в селения бледнолицых. Но что касается индейцев, то это статья иная. Человек, который охотится за скальпами, не должен обижаться, если его собственную голову обдерут при удобном случае. Как аукнется, так и откликнется — это известно всему свету. По-моему, это вполне разумно и, надеюсь, не противоречит религии.

— Эх, мастер Марч! — снова раздался голос Джудит. — Очевидно, вы думаете, что религия поощряет грязные поступки.

— Я никогда не спорю с вами, Джудит: вы побеждаете меня вашей красотой, если не можете победить разумными доводами. Канадские французы платят своим индейцам за скальпы, почему бы и нам не платить...

— ...нашим индейцам! — воскликнула девушка, рассмеявшись невеселым смехом. — Отец, отец, брось думать об этом и слушай только советы Зверобоя — у него есть совесть. Я не могу сказать того же о Гарри Марче.

Тут Хаттер встал и, войдя в каюту, заставил своих дочерей удалиться на другой конец баржи, потом запер обе двери и вернулся. Он и Непоседа продолжали разговаривать. Так как содержание их речей выяснится из дальнейшего рассказа, то нет надобности излагать его здесь со всеми подробностями. Сопитание длилось до тех пор, пока Джудит не подала простой, но вкусный ужин. Марч с некоторым удивлением заметил, что самые лучшие куски она подкладывает Зверобою, как бы желая показать, что считает его почетным гостем. Впрочем, давно привыкнув к кокетству своей ветреной красавицы, Непоседа не почувствовал особой досады и тотчас же начал есть с аппетитом, которого не портили соображения нравственного порядка. Зверобой не отставал от него и воздал должное поданным яствам, несмотря на обильную трапезу, которую поутру разделил с товарищем в лесу. Час спустя весь окружающий пейзаж сильно изменился. Озеро по-прежнему оставалось

тихим и гладким, как зеркало, но мягкий полусвет летнего вечера сменился ночной тьмой, и все водное пространство, окаймленное темной рамкой лесов, лежало в глубоком спокойствии ночи. Из леса не доносилось ни пения, ни крика, ни даже шепота. Слышен был только мерный всплеск весел, которыми Непоседа и Зверобой не торопясь подвигали ковчег по направлению к «замку». Хаттер пошел на корму, собираясь взяться за руль. Заметив, однако, что молодые люди и без его помощи идут правильным курсом, он отпустил рулевое весло, уселся на корме и закурил трубку. Он просидел там всего несколько минут, когда Хетти, тихонько выскользнув из каюты, или «дома», как обычно называли эту часть ковчега, устроилась у его ног на маленькой скамейке, которую она принесла с собой. Слабоумное дитя часто так поступало, и старик не обратил на это особого внимания. Он лишь ласково положил руку на голову девушки, и она с молчаливым смирением приняла эту милость.

Помолчав несколько минут, Хетти вдруг запела. Голос у нее был низкий и дрожащий. Он звучал серьезно и торжественно. Слова и мотив отличались необычайной простотой. То был один из тех гимнов, которые нравятся всем классам общества всегда и везде, один из тех гимнов, которые рождены чувством и вызывают к чувству. Хетти научилась ему у своей матери. Слушая эту простую мелодию, Хаттер всегда чувствовал, как смягчается его сердце, дочь отлично знала это и часто этим пользовалась, побуждаемая инстинктом, который часто руководит слабоумными существами, особенно когда они стремятся к добру.

Едва только послышался приятный голос Хетти, как шум весел смолк и священная мелодия одинаково зазвучала в трепетной тишине пустыни. По мере того как Хетти смелела, голос ее становился все сильнее, и скоро весь воздух наполнился смиренным славословием безгрешной души. Молодые люди не оставались безучастными к трогательному напеву: они взяли за весла, лишь когда последний звук песни замер на отдаленном берегу. Сам Хаттер был растроган, ибо, как ни огрубел он вследствие долгой жизни в пустыне, душа его продолжала оставаться той страшной смесью добра и зла, которая так часто бывает свойственна человеческой природе.

— Ты что-то грустна сегодня, девочка, — сказал отец. Когда Хаттер обращался к младшей дочери, его речь обличала в нем человека, получившего в юности кое-какое образование. — Мы только что спаслись от врагов, и нам следует скорее радоваться.

— Ты никогда не сделаешь этого, отец! — сказала Хетти тихо, укоризненным тоном, взяв его узловатую, жесткую руку. — Ты долго говорил с Гарри Марчем, но у вас обоих не хватит духу сделать это.

— Ты не можешь понять таких вещей, глупое дитя... Очень дурно с твоей стороны подслушивать!

— Почему вы с Гарри хотите убивать людей, особенно женщин и детей?

— Тише, девочка, тише! У нас теперь война, и мы должны поступать с нашими врагами так же, как они поступают с нами.

— Это неправда, отец! Я слышала, что говорил Зверобой. Вы должны поступать с вашими врагами так же, как вы бы хотели, чтобы они поступали с вами. Ни один человек не хочет, чтобы враги убили его.

— Во время войны мы должны убивать наших врагов, девочка, иначе они нас убьют. Кто-нибудь да должен начать: кто начнет первый, тот, по всей вероятности, одержит победу. Ты ничего не смыслишь в этих делах, бедная Хетти, и поэтому лучше молчи.

— Джудит говорит, что это нехорошо, отец, а Джудит умнее меня.

— Джудит не посмеет говорить со мной о таких вещах; она действительно умнее тебя и знает, что я этого не терплю. Что ты предпочитаешь, Хетти: потерять собственный скальп, который потом продадут французам, или чтобы мы убили наших врагов и помешали им вредить нам?

— Я не хочу ни того, ни другого, отец. Не убивай их, и они не тронут нас. Торгуй мехами и заработай побольше денег, если можешь, но не торгуй кровью.

— Ладно, ладно, дитя! Поговорим лучше о том, что тебе понятно. Ты рада, что опять видишь нашего старого друга Марча? Ты любишь Непоседу и должна знать, что когда-

нибудь он станет твоим братом, а может быть, и ближе, чем братом.

— Это невозможно, отец, — сказала девушка после продолжительного молчания. — Непоседа имел уже и отца, и мать. У человека не бывает их дважды.

— Так кажется твоему слабому уму, Хетти. Когда Джудит выйдет замуж, отец ее мужа будет ее отцом и сестра мужа ее сестрой. Если она выйдет замуж за Непоседу, он станет твоим братом.

— Джудит никогда не выйдет за Непоседу, — возразила девушка кротко, но решительно. — Джудит не любит Непоседу.

— Этого ты не можешь знать, Хетти. Гарри Марч самый красивый, самый сильный и самый смелый молодой человек из всех, кто когда-либо бывал на озере.

А Джудит замечательная красавица, и я не знаю, почему бы им не пожениться? Он очень ясно намекнул, что готов пойти со мной в поход, если я дам свое согласие на их брак.

Хетти начала ходить взад и вперед, что было у нее признаком душевной тревоги. С минуту она ничего не отвечала. Отец, привыкший к ее странностям и не подозревавший истинной причины ее горя, спокойно продолжал курить.

— Непоседа очень, очень красив, отец! — сказала Хетти выразительно и простодушно, чего никогда не сделала бы, если бы привыкла больше считаться с мнением других людей.

— Говорю тебе, дитя, — пробормотал старый Хаттер, не вынимая трубки изо рта, — он самый смазливый юнец в этой части страны, а Джудит самая красивая молодая женщина, которую я видел, с тех пор как ее бедная мать прожила свои лучшие дни.

— Очень дурно быть безобразной, отец?

— Бывают грехи и похуже, но ты совсем не безобразна, хотя не так красива, как Джудит.

— Джудит счастливее меня оттого, что она так красива?

— Может быть, да, дитя, а может быть, и нет. Но поговорим о другом, в этом ты с трудом разбираешься, бедная Хетти. Как тебе нравится наш новый знакомый, Зверобой?

— Он некрасив, отец. Непоседа красивее Зверобоя.

— Это правда. Но говорят, что он знаменитый охотник. Слава о нем достигла моих ушей, прежде чем я его увидел, и надеюсь, он окажется таким же отважным воином. Однако не все мужчины похожи друг на друга, дитя, и я знаю по опыту — нужно немало времени, чтобы сердце у человека закалилось для жизни в пустыне.

— А у тебя оно закалилось, отец, и у Непоседы тоже?

— Ты иногда задаешь трудные вопросы, Хетти. У тебя доброе сердце, и оно создано скорее для жизни в поселениях, чем в лесу, тогда как твой разум больше годится для леса, чем для поселений.

— Почему Джудит гораздо умнее меня, отец?

— Помоги тебе небо, дитя, — на такой вопрос я не могу ответить. Сам бог наделяет нас и рассудком и красотой. Он дает эти дары тому, кому считает нужным. А ты хотела бы быть умнее?

— О нет! Даже мой маленький разум смущает меня. Чем упорнее я думаю, тем более несчастной себя чувствую. От мыслей нет мне никакой пользы, но мне бы хотелось быть такой же красивой, как Джудит.

— Зачем, бедное дитя? Красота твоей сестры может вовлечь ее в беду, как когда-то вовлекла ее мать. Красота только возбуждает зависть.

— Ведь мать была и добра, и красива, — возразила девушка, и из глаз ее потекли слезы, что случалось всегда, когда она вспоминала о покойнице.

Старый Хаттер при этом упоминании о своей жене хотя и не особенно взволновался, но все же нахмурился и умолк в раздумье. Он продолжал курить, видимо, не желая отвечать, пока его простодушная дочь не повторила своих слов, предполагая, что отец с ней не согласен.

Тогда он выколотил пепел из трубки и, с грубой лаской положив руку на голову дочери, произнес в ответ:

— Твоя мать была слишком добра для этого мира, хотя, может быть, и не все так думают. Красивая внешность не создала ей друзей. Не стоит горевать, что ты не так похожа на нее, как твоя сестра. Поменьше думай о красоте, дитя, и побольше о твоих обязанностях, и тогда здесь, на озере, ты будешь счастливей чем в королевском дворце.

— Я это знаю, отец, но Непоседа говорит, что для молодой женщины красота — это все.

Хаттер издал недовольное восклицание и пошел на нос баржи через каюту. Простодушное признание Хетти в своей склонности к Марчу встревожило его, и он решил немедленно объясниться со своим гостем. Прямота и решительность были лучшими свойствами этой грубой натуры, в котором семена, заброшенные образованием, видимо, постоянно сталкивались с плодами жизни, исполненной суровой борьбы. Пройдя на нос, он вызвался сменить Зверобоя у весла, а молодому охотнику предложил занять место на корме. Старик и Непоседа остались с глазу на глаз.

Когда Зверобой появился на своем новом посту, Хетти исчезла. Некоторое время он в одиночестве направлял медленное движение судна. Однако немного погодя из каюты вышла Джудит, словно она желала развлечь незнакомца, оказавшего услугу ее семейству. Звездный свет был так ярок, что все кругом было ясно видно, а блестящие глаза девушки выражали такую доброту, когда встретились с глазами юноши, что он не мог не заметить этого. Пышные волосы Джудит обрамляли ее одухотворенное приветливое лицо, казавшееся в этот час еще прекраснее.

— Я думала, что умру от смеха, Зверобой, — кокетливо начала красавица, — когда увидела, как этот индеец нырнул в реку! Это был очень видный собой дикарь, — прибавила девушка, считавшая физическую красоту чем-то вроде личной заслуги. — Жаль, мы не могли остановиться, чтобы поглядеть, не слиняла ли от воды его боевая раскраска.

— А я боялся, что они выстрелят в вас, Джудит, — сказал Зверобой. — Очень опасно для женщины выбегать из-под прикрытия на глазах у целой дюжины мингов.

— Почему же вы сами вышли из каюты, несмотря на то что у них были ружья? — спросила девушка, выказав при этом больше интереса, чем ей хотелось. Она произнесла эти слова с притворной небрежностью — результат врожденной хитрости и долгой практики.

— Мужчина не может видеть женщину в опасности и не прийти к ней на помощь.

Сказано это было совсем просто, но с большим чувством, и Джудит наградила собеседника такой милой улыбкой, что даже Зверобой, составивший себе на основании рассказов Непоседы очень худое мнение о девушке, не мог не поддаться ее очарованию. Между ними сразу установилось взаимное доверие, и разговор продолжался.

— Я вижу, что слова у вас не расходятся с делом, Зверобой, — продолжала красавица, усаживаясь у ног молодого охотника. — Надеюсь, мы будем добрыми друзьями. У Гарри Непоседы бойкий язык, и он хоть и великан, а говорит гораздо больше, чем делает.

— Марч — ваш друг, Джудит, а о друзьях нельзя говорить дурно у них за спиной.

— Мы все знаем, чего стоит дружба Непоседы. Потакайте его причудам, и он будет самым милым парнем в целой Колонии, но попробуйте только погладить его против шерсти, тут уж ему с собой не совладать. Я не очень люблю Непоседу, Зверобой, и, говоря по правде, думаю, что он отзывается обо мне не лучше, чем я о нем.

В последних словах прозвучала затаенная горечь.

Если бы ее собеседник лучше знал жизнь и людей, он мог бы заметить по личику, которое она отвернула, по нервному постукиванию маленькой ножки и по другим признакам, что мнение Марча далеко не так безразлично для Джудит, как она утверждала. Читатель со временем узнает, чем это объяснялось — женским ли тщеславием или более глубоким чувством. Зверобой порядком смутился. Он хорошо помнил злые слова Марча. Вредить товарищу он не хотел и в то же время совершенно не умел лгать. Поэтому ему нелегко было ответить.

— Марч обо всех говорит напрямик — о друзьях и о врагах, — медленно и осторожно возразил охотник. — Он из числа тех людей, которые всегда говорят то, что чувствуют в то

время, как у них работает язык, а это часто отличается от того, что он сказал бы, если бы дал себе время подумать. А вот делавары, Джудит, всегда обдумывают свои слова. Постоянные опасности сделали их осмотрительными, и длинные языки не пользуются почетом на их совещаниях у костров.

— Смею сказать, язык у Марча достаточно длинный, когда речь заходит о Джудит Хаттер и о ее сестре, — сказала девушка, поднимаясь с видом беззаботного презрения. — Доброе имя молодых девушек — излюбленный предмет беседы для людей, которые не посмели бы разинуть рот, если бы у этих девушек был брат. Мастер Марч, вероятно, любит злословить на наш счет, но рано или поздно он раскается.

— Ну, Джудит, вы относитесь к этому слишком уж серьезно. Начать с того, что Непоседа не обмолвился ни единым словом, которое могло бы повредить доброму имени Хетти...

— Понимаю, понимаю, — взволнованно перебила Джудит, — я единственная, кого он жалит своим ядовитым языком. В самом деле, Хетти... Бедная Хетти! — продолжала она более тихим голосом. — Ее не может задеть его коварное злословие. Бог никогда не создавал более чистого существа, чем Хетти Хаттер, Зверобой.

— Охотно верю, Джудит, и надеюсь, что то же самое можно сказать о ее красивой сестре.

В голосе Зверобоя слышалась искренность, которая тронула девушку. Тем не менее тихий голос совести не смолк и подсказал ответ, который она и произнесла после некоторого колебания:

— Я полагаю, Непоседа позволил себе какие-нибудь грязные намеки насчет офицеров. Он знает, что они дворяне, а он не может простить ни одному человеку, если тот в каком-нибудь отношении стоит выше его.

— Он, конечно, не мог бы стать королевским офицером, Джудит, но, по правде говоря, разве охотник на бобров не может быть таким же уважаемым человеком, как губернатор? Раз уж вы сами заговорили об этом, то, не отрицаю, он жаловался, что такая простая девушка, как вы, слишком любит красные мундиры и шелковые шарфы. Но в нем говорила ревность, и, я думаю, он скорее горевал, как мать может горевать о собственном ребенке. Быть может, Зверобой не вполне понимал все значение своих слов, которые он произнес очень серьезно. Он не заметил румянца, покрывшего прекрасное лицо Джудит, и ему не могло прийти в голову, какая жестокая печаль заставила эти живые краски тотчас же смениться смертельной бледностью. Минуты две прошли в глубоком молчании; только плеск воды нарушал тишину; потом Джудит встала и почти судорожно стиснула своей рукой руку охотника.

— Зверобой, — быстро проговорила она, — я рада, что лед между нами растаял. Говорят, внезапная дружба кончается долгой враждой, но, я думаю, у нас этого не будет. Не знаю, чем объяснить это, но вы первый мужчина, встретившийся на моем пути, который, очевидно, не хочет льстить мне и не стремится втайне погубить меня. Но ничего не говорите Непоседе, и как-нибудь мы еще побеседуем с вами об этом.

Девушка разжала пальцы и исчезла в каюте. Озадаченный юноша стоял у руля неподвижно, как сосна на холме. Он опомнился, лишь когда Хаттер окликнул его и предложил ему держать правильно курс баржи.

Глава 6

*Так падший ангел говорил скорбя,
По виду чванясь, но на самом деле
Отчаяньем глубоким истомленный...*
Мильтон, «Потерянный рай»

Вскоре после ухода Джудит подул легкий южный ветерок, и Хаттер поднял большой

квадратный парус. Когда-то он развевался на реях морского шлюпа. Океанские бризы продырявили парус, его забраковали и продали.

У старика был также легкий, но прочный брус из тамаракового²⁷ дерева, который в случае надобности он мог укреплять стоймя. С помощью этого нехитрого приспособления парус развевался по ветру. Теперь уже не было надобности работать веслами. Часа через два на расстоянии сотни ярдов в темноте показался «замок». Тогда парус спустили, и ковчег, продолжая плыть вперед, пристал к постройке; здесь его и привязали.

С той поры, как Непоседа и его спутник покинули дом, никто в него не входил. Всюду царила полуночная тишина. Враги были близко, и Хаттер приказал дочерям не зажигать свет. В теплое время года они вообще редко позволяли себе такую роскошь, потому что огонь мог служить маяком, указывающим путь неприятелям.

— При дневном свете, под защитой этих толстых бревен, я не боюсь целого полчища дикарей, — прибавил Хаттер, объяснив гостям, почему он запретил зажигать огонь. — У меня здесь всегда наготове три-четыре добрых ружья, а вот этот длинный карабин, который называется «оленебоем», никогда не дает осечки. Ночью совсем не то. В темноте может невидимо подплыть пирога, а дикари знают столько всяких военных уловок, что я предпочитаю иметь дело с ними при ярком солнце. Я выстроил это жилище, чтобы держать их на расстоянии ружейного выстрела, если дойдет до драки. Некоторые считают, что дом стоит слишком на виду и на слишком открытом месте, но я предпочитаю держаться на якоре здесь, подальше от зарослей и кустарников, и думаю, что это самая безопасная гавань.

— Я слышал, что ты был когда-то моряком, старый Том? — спросил Непоседа со своей обычной резкостью, пораженный двумя-тремя техническими морскими выражениями, которые употребил его собеседник. — И люди думают, что ты мог бы рассказать много диковинных историй о битвах и кораблекрушениях.

— Мало ли на свете людей, Непоседа, — возразил Хаттер уклончиво, — которые всегда суют нос в чужие дела! Кое-кому из них удалось отыскать дорогу в наши леса. Кем я был и что видел в дни моей юности? Какое это имеет значение сейчас, когда поблизости дикари! Гораздо важнее знать, что может случиться в ближайшие двадцать четыре часа, чем болтать о том, что было двадцать четыре года назад.

— Это правильно, да, это совершенно правильно. Здесь Джудит и Хетти, и мы должны их охранять, не говоря уже о наших чубах. Что до меня, то я могу спать в темноте так же хорошо, как и при полуденном солнце. Меня не очень заботит, есть ли под рукой свечка, чтобы можно было видеть, как я закрываю глаза.

Зверобой редко считал нужным отвечать на шутки товарища, а Хаттер, очевидно, не хотел больше обсуждать эту тему, и разговор прекратился. Как только девушки ушли спать, Хаттер пригласил товарищей последовать за ним на баржу. Здесь старик рассказал им о своем плане, умолчав, впрочем, о той его части, которую собирался выполнить лишь с помощью одного Непоседы.

— В нашем положении важнее всего удержать господство на воде, — начал он. — Пока на озере нет другого судна, пирога из древесной коры стоит военного корабля, потому что к замку трудно подобраться вплавь. В здешних местах есть лишь пять пирога; две из них принадлежат мне и одна — Гарри. Все три находятся здесь: одна стоит в доке под домом и две привязаны к барже. Остальные две спрятаны на берегу, в дуплах деревьев, но дикари — хитрые бестии и, наверное, поутру обшарят каждый уголок, если они всерьез решили добраться до наших скальпов...

— Друг Хаттер, — перебил его Непоседа, — еще не родился на свет тот индеец, который сумел бы отыскать тщательно спрятанную пирогу. Я недавно это проделал, и Зверобой убедился, что я могу так спрятать лодку, что сам не в силах отыскать ее.

— Правда твоя, Непоседа, — подтвердил молодой человек, — но ты забываешь, что

²⁷ Тамарак — американская лиственница.

проморгал свой собственный след. А я его заметил. Я совершенно согласен с мастером Хаттером и думаю, что с нашей стороны будет гораздо осторожнее не слишком полагаться на ротозейство индейцев. Если можно пригнать те две пироги к замку, то чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

— И вы согласны помочь нам? — спросил Хаттер, явно удивленный и обрадованный этим предложением.

— Конечно. Я готов участвовать в любом деле, которое прилично белому человеку. Природа велит нам защищать свою жизнь и жизнь других, когда представится такой случай. Я последую за вами, Плавучий Том, хоть в лагерь мингов и постараюсь исполнить мой долг, если дойдет до драки. Но я никогда не принимал участия в битвах и не смею обещать больше, чем могу исполнить.

Всем нам известны наши намерения, а вот силу свою мы познаем, лишь испытав ее на деле.

— Вот это сказано скромно и благопристойно, парень! — воскликнул Непоседа. — Ты еще никогда не слышал звука вражеской пули. И позволь сказать тебе, что этот звук так же отличается от выстрела охотника, как смех Джудит Хаттер в ее веселые минуты от воркотни старой голландской домохозяйки на Махоке. Я не жду, Зверобой, что ты окажешься бравым воином, хотя по части охоты на оленей и ланей тебе нет равного в здешних местах. Но, когда дойдет до настоящей работы, по-моему, ты покажешь тыл.

— Увидим, Непоседа, увидим, — возразил молодой человек смиренно. — Так как я никогда еще не дрался, то не стану и хвастать. Я слышал о людях, которые здорово храбрились перед боем, а в бою ничем не отличились; слышал и о других, которые не спешили восхвалять собственную смелость, но на деле оказывались не так уж плохи.

— Во всяком случае, мы знаем, что вы умеете грести, молодой человек, — сказал Хаттер, — а это все, что от вас требуется сегодня ночью. Не будем терять дорогого времени и перейдем от слов к делу.

Пирога скоро была готова к отплытию, и Непоседа со Зверобоем сели на весла. Однако, прежде чем отправиться в путь, старик, войдя в дом, в течение нескольких минут разговаривал с Джудит. Потом он занял место в пироге, которая отчалила в ту же минуту.

Если бы в этой глуши кто-нибудь воздвиг храм, часы на колокольне пробили бы полночь, когда трое мужчин пустились в задуманную экспедицию. Тьма сгустилась, хотя ночь по-прежнему стояла очень ясная и звезды совершенно достаточно освещали путь нашим искателям приключений. Хаттер один знал места, где были спрятаны пироги, поэтому он правил, в то время как оба его товарища осторожно поднимали и погружали весла. Пирога была так легка, что они гребли без всяких усилий и приблизительно через полчаса подплыли к берегу в одной миле от «замка».

— Положите весла, друзья, — сказал Хаттер тихо. — Давайте немного осмотримся. Теперь нам надо держать ухо востро: у этих тварей носы словно у ищеек.

Внимательный осмотр берегов длился довольно долго. Трое мужчин вглядывались в темноту, ожидая увидеть струйку дыма, поднимающуюся между холмами над затухающим костром, однако не заметили ничего особенного. Они находились на порядочном расстоянии от того места, где встретили дикарей, и решили, что можно безопасно высадиться на берег. Весла заработали вновь, и вскоре киль пироги с еле слышным шуршанием коснулся прибрежной гальки. Хаттер и Непоседа тотчас же выскочили на берег, причем последний взял оба ружья. Зверобой остался охранять пирогу. Дуплистое дерево лежало невдалеке от берега на склоне горы. Хаттер осторожно пробирался вперед, останавливаясь через каждые три шага и прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь вражеская поступь. Однако повсюду по-прежнему господствовала мертвая тишина, и они беспрепятственно добрались до места.

— Здесь, — прошептал Хаттер, поставив ногу на ствол упавшей липы. — Сперва передай мне весла и затем вытащи лодку как можно осторожнее, потому что в конце концов, эти негодяи могли оставить ее нам вместо приманки.

— Держи, старик, мое ружье наготове, прикладом ко мне, — ответил Марч. — Если

они нападут, когда я буду нести лодку, мне хочется, по крайней мере, выпустить в них один заряд. Пошупай, есть ли на полке порох.

— Все в порядке, — пробормотал Хаттер. — Когда взвалишь на себя ношу, иди не торопясь, я буду указывать тебе дорогу.

Непоседа с величайшей осторожностью вытащил из дупла пирогу, поднял ее себе на плечи и вместе с Хаттером двинулся в обратный путь, стараясь не поскользнуться на крутом склоне. Идти было недалеко, но спуск оказался очень трудным, и Зверобойу пришлось сойти на берег, чтобы помочь товарищам протащить пирогу сквозь густые заросли. С его помощью они успешно с этим справились, и вскоре легкое судно уже покачивалось на воде рядом с первой пирогой. Опасаясь появления врагов, трое путников тревожно осматривали прибрежные холмы и леса. Но ничто не нарушало царившей кругом тишины, и они отплыли с такими же предосторожностями, как и при высадке.

Хаттер держал курс прямо к середине озера. Отойдя подальше от берега, старик отвязал вторую пирогу, зная, что теперь она будет медленно дрейфовать, подгоняемая легким южным ветерком, и ее нетрудно будет отыскать на обратном пути. Освободившись от этой помехи, Хаттер направил свою лодку к тому месту, где Непоседа днем так неудачно пытался убить оленя. Расстояние от этого пункта до истока не превышало одной мили, и, следовательно, им предстояло высадиться на вражеской территории. Надо было действовать особенно осторожно.

Однако они благополучно достигли конечности косы и высадились на уже известном нам побережье, усыпанном галькой. В отличие от того места, где они недавно сходили на берег, здесь не нужно было подниматься по крутому склону: горы обрисовывались во мраке приблизительно в одной четверти мили далее к западу, а между их подошвой и побережьем тянулась низина. Длинная, поросшая высокими деревьями песчаная коса имела всего лишь несколько ярдов в ширину. Как и раньше, Хаттер и Непоседа сошли на берег, оставив пирогу на попечение товарища.

Дуплистое дерево, в котором была спрятана пирога, лежало посередине косы. Отыскать его было нетрудно.

Вытащив пирогу, Хаттер и Непоседа не понесли ее в то место, где поджидал Зверобой, а тут же спустили на воду. Непоседа сел на весла и обогнул косу, Хаттер вернулся обратно берегом. Завладев всеми лодками на озере, мужчины почувствовали себя увереннее. Они уже не испытывали прежнего лихорадочного желания скорее покинуть берег и не считали нужным соблюдать прежнюю осторожность. Вдобавок они находились на самом конце узкой полоски земли, и неприятель мог приблизиться к ним только с фронта.

Это, естественно, увеличивало ощущение безопасности. Вот при таких-то обстоятельствах они сошлись на низком мысу, усыпанном галькой, и начали совещаться.

— Ну, кажется, мы перехитрили этих негодяев, — сказал Непоседа, посмеиваясь, — и если они захотят теперь навестить замок, то им придется пуститься вплавь. Старый Том, твоя мысль укрыться на озере, право, недурна. Многие думают, будто земля надежнее воды, но, в конце концов, разум доказывает нам, что это совсем не так. Бобры, крысы и другие смысленные твари ищут спасения в воде, когда им приходится туго. Мы занимаем надежную позицию и можем вызвать на бой всю Канаду.

— Гребите вдоль южного берега, — сказал Хаттер, — надо посмотреть, нет ли где-нибудь индейского лагеря. Но сперва дайте мне заглянуть в глубь бухты — ведь мы не знаем, что тут делается.

Хаттер умолк, и пирога двинулась в том направлении, которое он указал. Но едва гребцы увидели другой берег бухты, как оба разом бросили весла. Очевидно, какой-то предмет в один и тот же миг поразил их внимание. Это был всего-навсего гаснущий костер, который отбрасывал дрожащий слабый свет. Но в такой час и в таком месте это казалось необычайно значительным. Не было никакого сомнения, что костер горит на индейской стоянке. Огонь развели таким образом, что увидеть его можно было только с одной стороны, да и то лишь на самом близком расстоянии — предосторожность не совсем обычная. Хаттер

знал, что где-то там поблизости есть родник с чистой питьевой водой и что там самая рыбная часть озера, поэтому он решил, что в лагере должны находиться женщины и дети.

— Это не военный лагерь, — прошептал он Непоседе. — Вокруг этого костра расположилось на ночлег столько скальпов, что можно заработать уйму денег. Отошли парня с пирогами подальше, от него здесь не будет никакого проку, и приступим тотчас же к делу, как положено мужчинам.

— Твои слова не лишены здравого смысла, старый Том, и мне они по душе. Садись-ка в пирогу, Зверобой, гребь к середине озера и пусти там вторую пирогу по течению таким же манером, как и первую. Затем плыви вдоль берега к входу в заводь, только не огибай мыс и держись подальше от тростников. Ты услышишь наши шаги, а если опоздаешь, я стану подражать крику гагары. Да, пусть крик гагары будет сигналом. Если услышишь выстрел и тебе тоже захочется подраться, что ж, можешь подплыть ближе к берегу, и тогда посмотрим, такая ли у тебя верная рука на дикарей, как на дичь.

— Если вы оба хотите считаться с моими желаниями, то лучше не затевай этого дела, Непоседа.

— Так-то оно так, милый, но с твоими желаниями считаться никто не желает — и крышка! Итак, плыви на середину озера, а когда вернешься обратно, здесь уже начнется потеха.

Зверобой сел за весла очень неохотно и с тяжелым сердцем. Однако он слишком хорошо знал нравы пограничных жителей и не пытался урезонивать их. Впрочем, в тех условиях это было бы не только бесполезно, но даже опасно. Итак, он молча и с прежними предосторожностями вернулся на середину зеркального водного пространства и там опустил третью пирогу, которая под легким дуновением южного ветерка начала дрейфовать к «замку». Как и раньше, это было сделано в твердой уверенности, что до наступления дня ветер отнесет легкие судна не больше чем на одну-две мили и поймать их будет нетрудно. А чтобы какой-нибудь бродяга-дикарь не завладел этими пирогами, добравшись до них вплавь, — что было возможно, хотя и не очень вероятно, — все весла были предварительно убраны.

Пустив порожнюю пирогу по течению, Зверобой повернул свою лодку к мысу, на который указал ему Непоседа. Крохотное суденышко двигалось так легко, и опытная рука гребла с такой силой, что не прошло и десяти минут, как охотник снова приблизился к земле, проплыв за это короткое время не менее полумили. Лишь только его глаза различили в темноте заросли колыхавшихся тростников, которые тянулись в ста футах от берега, он остановил пирогу. Здесь он и остался, ухватившись за гибкий, но прочный стебель тростника, поджидая с легко понятным волнением исхода рискованного предприятия, затеянного его товарищами.

Как мы уже говорили, Зверобой впервые в жизни попал на озеро. Раньше ему приходилось видеть лишь реки и небольшие ручьи, и никогда еще столь обширное пространство лесной пустыни, которую он так любил, не расстилалось перед его взором. Однако, привыкнув к жизни в лесу, он догадывался о всех скрытых в нем тайнах, глядя на лиственный покров. К тому же он впервые участвовал в деле, от которого зависели человеческие жизни. Он часто слышал рассказы о пограничных войнах, но еще никогда не встречался с врагами лицом к лицу.

Итак, читатель легко представит себе, с каким напряжением молодой человек в своей одинокой пироге старался уловить малейший шорох, по которому он мог судить, что творится на берегу. Зверобой прошел превосходную предварительную подготовку, и, несмотря на волнение, естественное для новичка, его выдержка сделала бы честь престарелому воину. С того места, где он находился, нельзя было заметить ни лагеря, ни костра. Зверобой вынужден был руководствоваться исключительно слухом. Один раз ему показалось, что где-то раздался треск сухих сучьев, но напряженное внимание, с которым он прислушивался, могло обмануть его.

Так, в томительном ожидании, минута бежала за минутой. Прошел уже целый час, а все

было по-прежнему тихо. Зверобой не знал, радоваться или печалиться такому промедлению; оно, по-видимому, сулило безопасность его спутникам, но в то же время грозило гибелью существам слабым и невинным. Наконец, часа через полтора после того, как Зверобой расстался со своими товарищами, до слуха его долетел звук, вызвавший у него досаду и удивление. Дрожащий крик гагары раздался на противоположном берегу озера, очевидно неподалеку от истока. Нетрудно было распознать голос этой птицы, знакомый всякому, кто плавал по американским озерам. Пронзительный, прерывистый, громкий и довольно продолжительный, этот крик как будто предупреждает о чем-то. В отличие от голосов других пернатых обитателей пустыни, его довольно часто можно слышать по ночам. И именно поэтому Непоседа избрал его в качестве сигнала. Конечно, прошло столько времени, что оба искателя приключений давно уже могли добраться по берегу до того места, откуда донесся условный зов. И все же юноше это показалось странным.

Если бы в лагере никого не было, они велели бы Зверобою подплыть к берегу. Если же там оказались люди, то какой смысл пускаться в такой далекий обход лишь для того, чтобы сесть в пирогу!

Что же делать дальше? Если он послушается сигнала и отплывет так далеко от места первоначальной высадки, жизнь людей, которые рассчитывают на него, может оказаться в опасности. А если он не откликнется на этот призыв, то последствия могут оказаться в равной степени губительными. Полный нерешимости, он ждал, надеясь, что крик гагары, настоящий или подделанный, снова повторится. Он не ошибся. Несколько минут спустя пронзительный и тревожный призыв опять прозвучал в той же части озера. На этот раз Зверобой был начеку, и слух вряд ли обманывал его. Ему часто приходилось слышать изумительно искусные подражания голосу гагары, и сам он умел воспроизводить эти вибрирующие ноты, тем не менее юноша был совершенно уверен, что Непоседа никогда не сумеет так удачно следовать природе. Итак, он решил не обращать внимания на этот крик и подождать другого, менее совершенного, который должен был прозвучать где-нибудь гораздо ближе.

Едва успел Зверобой прийти к этому решению, как глубокая ночная тишина была нарушена воплем, таким жутким, что он прогнал всякое воспоминание о заунывном крике гагары. То был вопль агонии; кричала женщина или же мальчик-подросток. Этот зов не мог обмануть. В нем слышались и предсмертные муки, и леденящий душу страх.

Молодой человек выпустил из рук тростник и погрузил весла в воду. Но он не знал, что делать, куда направить пирогу. Впрочем, нерешительность его тотчас же исчезла. Совершенно отчетливо раздался треск ветвей, потом хруст сучьев и топот ног. Звуки эти, видимо, приближались к берегу несколько севернее того места, возле которого Зверобою ведено было держаться. Следуя этому указанию, молодой человек погнал пирогу вперед, уже не обращая внимания на то, что его могут заметить. Он вскоре добрался туда, где высокие берега почти отвесно поднимались вверх.

Какие-то люди, очевидно, пробирались сквозь кусты и деревья. Они бежали вдоль берега, должно быть отыскивая удобное место для спуска. В этот миг пять или шесть ружей выпалили одновременно, и, как всегда, холмы на противоположном берегу ответили гулким эхом. Затем раздался крик: они вырываются при неожиданном испуге или боли даже у самых отчаянных храбрецов. В кустах началась возня — очевидно, там двое вступили в рукопашную.

— Скользкий, дьявол! — яростно воскликнул Непоседа. — У него кожа намазана салом. Я не могу схватить его. Ну так вот, получай за свою хитрость!

При этих словах что-то тяжелое упало на мелкие кустарники, растущие на берегу, и Зверобой понял, что его товарищ-великан отшвырнул от себя врага самым бесцеремонным способом. Потом юноша увидел, как кто-то появился на склоне холма и, пробежав несколько ярдов вниз, с шумом бросился в воду. Очевидно, человек заметил пирогу, которая в этот решительный момент находилась уже недалеко от берега. Чувствуя, что если он встретит когда-нибудь своих товарищей, то здесь или нигде. Зверобой погнал лодку вперед, на

выручку. Но не успел он сделать и двух взмахов весла, как послышался голос Непоседы и раздались страшнейшие ругательства; это Непоседа скатился на узкую полосу берега, буквально облепленный со всех сторон индейцами. Уже лежа на земле и почти задушенный своими врагами, силач издал крик гагары, и так неумело, что при менее опасных обстоятельствах это могло бы вызвать смех. Человек, спустившийся в воду, казалось, устыдился своего малодушия и повернул обратно к берегу, на помощь товарищу, но шесть новых преследователей, которые тут же прыгнули на прибрежный песок, набросили на него и тотчас же скрутили.

— Пустите, размалеванные гадины, пустите! — кричал Непоседа, попавший в слишком серьезную переделку, чтобы выбирать свои выражения. — Мало того, что я свалился, как подпиленное дерево, так вы еще душите меня!

Зверобой понял из этих слов, что друзья его взяты в плен и что выйти на берег — значит разделить их участь.

Он находился не далее ста футов от берега. Несколько своевременных взмахов веслом в шесть или восемь раз увеличили расстояние, отделявшее его от неприятеля.

Зверобой не смог бы отступить так безнаказанно, если бы индейцы, на его счастье, не побросали свои ружья во время преследования; впрочем, в разгаре схватки никто из них не заметил пироги.

— Держись подальше от берега, парень! — крикнул Хаттер. — Девочкам теперь не на кого рассчитывать, кроме тебя. Понадобится вся твоя ловкость, чтобы спастись от этих дикарей. Плыви! И пусть бог поможет тебе, как ты поможешь моим детям.

Между Хаттером и молодым человеком не было особой симпатии, но физическая и душевная боль, прозвучавшая в этом крике, в один миг заставила Зверобоя позабыть о неприятных качествах старика. Он видел только страдающего отца и решил немедленно дать торжественное обещание позаботиться об его интересах и, разумеется, сдержать свое слово.

— Не горюйте, Хаттер! — крикнул он. — Я позабочусь о ваших девочках и о замке. Неприятель захватил берег, этого отрицать нельзя, но он еще не захватил воду. Никто не знает, что с нами случится, но я сделаю все, что могу.

— Эх, Зверобой, — подхватил Непоседа громовым голосом, потерявшим, впрочем, обычную веселость, — эх, Зверобой, намерения у тебя благие, но что ты можешь сделать? Даже в лучшие времена от тебя было немного проку, и такой человек, как ты, вряд ли совершит чудо.

Здесь, на берегу, по крайней мере четыре десятка дикарей, и с таким войском тебе не управиться. По-моему, лучше возвращайся прямо к замку, посади девчонок в пирогу, захвати немного провизии и плыви от того уголка озера, где мы были, прямо на Мохок. В течение ближайших часов эти черти не будут знать, где искать тебя, а если и догадаются, им придется бежать вокруг озера, чтобы добраться до тебя. Таково мое мнение, и если старый Том хочет составить завещание и выразить последнюю волю в пользу своих дочек, то он должен сказать то же самое.

— Не делай этого, молодой человек, — возразил Хаттер. — Неприятель повсюду разослал разведчиков на поиски пирога, тебя сразу увидят и возьмут в плен. Отсиживайся в замке и ни под каким видом не приближайся к земле. Продержись только одну неделю, и солдаты из форта прогонят дикарей...

— Не пройдет и двадцати четырех часов, старик, как эти лисицы уже поплывут на плотах штурмовать твой замок! — проговорил Непоседа с такой запальчивостью, какую вряд ли можно было ожидать от человека, взятого в плен и связанного так, что на свободе у него остался только язык. — Совет твой звучит разумно, но приведет к беде. Если бы мы с тобой остались дома, пожалуй, еще можно было продержаться несколько дней. Но вспомни, что этот парень до сегодняшнего вечера никогда не видел врага, и ты сам говорил, что он неженка, которому следовало б жить в городе. Хотя я думаю, что в городах и в наших поселениях совесть у людей не лучше, чем в лесу... Зверобой, дикари знаками приказывают мне подзвать тебя поближе вместе с твоей пирогой, но это не пройдет. Что касается меня и

старого Тома, то никто, кроме самого дьявола, не знает, снимут ли они с нас скальпы сегодня ночью, или пощадят, чтобы сжечь на костре завтра, или же уведут в Канаду. У меня такая здоровенная косматая шевелюра, что дикари, вероятно, захотят сделать из нее два скальпа. Премии — вещь соблазнительная, иначе мы со старым Томом не попали бы в беду... Ага, они снова делают мне знаки, но, если я посоветую тебе плыть к берегу, пусть они не только зажарят, но и съедят меня. Нет, нет, Зверобой, держись подальше, а когда рассветет, ни в коем случае не подплывай к берегу ближе чем на двести ярдов...

Восклицание Непоседы было прервано чьей-то рукой, грубо ударившей его по губам; какой-то индеец, очевидно, немного понимал по-английски и наконец догадался, к чему ведут все эти речи. Потом все дикари скрылись в лесу, а Хаттер и Непоседа, видимо, не оказывали никакого сопротивления. Однако, когда треск ветвей стих, снова послышался голос отца.

«Береги моих детей, и да поможет бог тебе, молодой человек!» — были последние слова, долетевшие до ушей Зверобоя.

Он остался один и понял, что ему придется самому решать, как действовать дальше.

Несколько минут прошло в мертвом молчании. До берега было более двухсот ярдов, и в ночной темноте Зверобой едва-едва различал фигуры дикарей, но даже их смутные очертания несколько оживляли пейзаж и служили контрастом наступившему затем полному одиночеству. Молодой человек вытянулся вперед, затаил дыхание и весь превратился в слух, но до него не донеслось больше ни единого звука, говорящего о близости человека. Казалось, никто никогда не нарушал царившую кругом тишину; в этот миг даже страшный вопль, недавно огласивший молчание лесов, или проклятия Марча были бы утешением для охотника. Им овладело чувство полной заброшенности.

Однако человек с таким душевным и физическим складом, как Зверобой, не мог долго оставаться в оцепенении. Погрузив весло в воду, он повернул пирогу и медленно, в глубокой задумчивости направился к центру озера.

Достигнув места, где он пустил по течению вторую пирогу, найденную в лесу, Зверобой круто повернул к северу, стараясь, чтобы легкий ветерок дул ему в спину. Пройдя на веслах около четверти мили в эту сторону, он заметил немного справа от себя какой-то темный предмет и, сделав поворот, привязал плававшую в воде пирогу к своему суденышку. Затем Зверобой посмотрел на небо, определил направление ветра и выяснил положение обеих пирог. Не заметив нигде ничего, что могло бы заставить его изменить свои планы, он лег и решил несколько часов поспать.

Хотя люди смелые и сильно утомленные спят крепко даже среди опасностей, прошло немало времени, прежде чем Зверобой удалось забыться. События этой ночи были еще свежи в его памяти, и, не переставая в полубытьи думать о них, он словно грезил наяву. Внезапно он совсем пробудился: ему почудилось, будто Непоседа дает сигнал подойти к берегу. Но снова все стало тихо, как в могиле. Пирога медленно дрейфовала к северу, задумчивые звезды в кротком величии мерцали на небе, и водная ширь, со всех сторон окаймленная лесом, покоилась между горами так тихо и печально, как будто ее никогда не волновали ветры и не озаряло полуденное солнце. Прозвучал еще раз дрожащий крик гагары, и Зверобой понял, что заставило его внезапно проснуться. Он поправил свое жесткое изголовье, вытянулся на дне пироги и уснул.

Глава 7

*Леман!²⁸ Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От мутных волн, от суетного света*

²⁸ Леман — женеvское озеро в Швейцарии.

*К тебе пришел я, горная струя.
Неси ж меня, бесшумная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу я,
Сестра, твой голос в их согласном хоре!
Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?*
Байрон, «Чайльд Гарольд»

Уже совсем рассвело, когда молодой человек снова открыл глаза. Он тотчас же вскочил и огляделся по сторонам, понимая, как важно ему поскорее уяснить себе свое положение. Сон его был глубок и спокоен; он проснулся со свежей головой и ясными мыслями, что было необходимо при сложившихся обстоятельствах. Правда, солнце еще не взошло, но небесный свод отливало нежными красками, которые знаменуют начало и конец дня, в воздухе все звенело от птичьего щебета. Этот утренний гимн пернатого племени предупредил Зверобоя о грозившей ему опасности.

Легкий, едва заметный ветерок за ночь немного усилился, а так как пироги двигались на воде словно перышки, то и отплыли вдвое дальше, чем рассчитывал охотник. Совсем недалеко виднелось подножие горы, круто вздымавшейся на восточном берегу, и Зверобой уже явственно слышал пение птиц. Но это было не самое худшее. Третья пирога дрейфовала в том же направлении и теперь медленно подплывала к мысу; еще немного — и она уткнулась бы носом в берег. Лишь внезапная перемена ветра или человеческая рука могли бы отогнать ее от берега. Кроме этого, не было ничего тревожного. «Замок» по-прежнему возвышался на своих сваях приблизительно на одной линии с пирогами и ковчег, пришвартованный к столбам, покачивался на воде там же, где его оставили несколько часов назад.

Понятно, что прежде всего Зверобой занялся передней пирогой, которая была уже почти у самого мыса.

Взмахнув несколько раз веслом, охотник увидел, что судно коснется берега раньше, чем он сможет его нагнать. Как раз в эту минуту ветер совсем некстати вдруг посвежел, и легкая лодочка еще быстрее понеслась к суше. Понимая, что ему не догнать ее, молодой человек благоразумно решил не тратить понапрасну сил. Осмотрев затравку своего ружья и повернув предварительно свою пирогу таким образом, чтобы в нее можно было целить только с одной стороны. Зверобой медленно греб по направлению к мысу. Передняя пирога, никем не управляемая, продолжала плыть вперед и наскочила на небольшой подводный камень в трех или четырех ярдах от берега. Как раз в этот момент Зверобой поравнялся с мысом и повернул к нему нос своей лодки. Желая сохранить при этом полную свободу движений, юноша отвязал ту пирогу, которая шла на буксире. Передняя пирога на одну секунду застряла на камне. Затем накатила незаметная глазу волна, суденышко поплыло вновь и уткнулось в прибрежный песок.

Молодой человек все это заметил, но пульс его не участился и движения рук были по-прежнему спокойны. Если кто-нибудь притаился на берегу, подстерегая пирогу, то следовало очень осторожно подвигаться вперед, если же в засаде никто не сидел, то не к чему было и торопиться. Мыс тянулся как раз против индейской стоянки, расположившейся на другом берегу озера. Быть может, там не было ни души, но следовало приготовиться к худшему, потому что индейцы, наверное, разослали, по своему обычаю, лазутчиков, чтобы добыть лодку, которая могла бы доставить их к «замку». Достаточно было одного взгляда на озеро с любой окрестной возвышенности, чтобы увидеть самый мелкий предмет на его поверхности, и вряд ли можно было надеяться, что пироги останутся незамеченными. Любой индеец по направлению ветра умел определять, в какую сторону поплывет пирога или бревно.

По мере того как Зверобой приближался к земле, он греб все медленнее и медленнее, весь превратившись в слух и зрение, чтобы вовремя заметить угрожающую опасность. Для новичка это была трудная минута. Ведь робкие люди становятся смелее, если знают, что за

ними следят друзья. Зверобоя не подбадривало даже и это. Он был совершенно один, предоставлен лишь своим силам, и ничей дружеский голос не придавал ему храбрости. Несмотря на это, самый опытный ветеран лесных войн не мог бы действовать лучше. Молодой охотник не проявил в данном случае ни безрассудной лихости, ни малодушных колебаний. Он подвигался вперед обдуманно и осторожно, устремив все свое внимание лишь на то, что могло способствовать достижению намеченной цели. Так началась военная карьера этого человека, впоследствии прославившегося в своем кругу не меньше, чем многие герои, имена которых украшают страницы произведений гораздо более знаменитых, чем наша простая повесть.

Очутившись приблизительно в сотне ярдов от суши, Зверобой встал во весь рост, несколько раз взмахнул веслом с такой силой, что суденышко ударилось о берег, и затем быстро бросив орудие гребли, схватился за орудие войны. Он уже поднимал свой карабин, когда громкий выстрел, сопровождавшийся свистом пули, которая пролетела над головой юноши, заставил его невольно отпрянуть назад. В следующее мгновение охотник зашатался и упал на дно пироги. Тотчас же раздался пронзительный вопль, и на открытую лужайку у мыса выскочил из кустов индеец, бежавший прямо к пироге. Молодой человек только этого и ждал. Он снова поднялся и навел ружье на врага. Но Зверобой заколебался, прежде чем спустить курок. Эта маленькая проволочка спасла жизнь индейцу; он умчался обратно под прикрытие с таким же проворством, с каким раньше выскочил оттуда. Тем временем Зверобой быстро приближался к земле, и его пирога подошла к мысу как раз в ту минуту, когда скрылся враг. Никто не управлял судном, и оно пристало к берегу в нескольких ярдах от второй пироги. Индеец, вероятно, еще не успел зарядить ружье, однако у Зверобоя было слишком мало времени, чтобы захватить желанную добычу и отвести ее на безопасное расстояние, прежде чем последует еще один выстрел. Поэтому охотник, не теряя даром времени, бросился в лес и стал под прикрытие.

На самом конце мыса была небольшая лужайка; местами она поросла травой, местами была засыпана прибрежным песком. Лишь с одной стороны ее окаймляла густая бахрома кустов. Миновав этот узкий пояс карликовой растительности, вы сразу же попадали под высокие и угрюмые своды леса. На протяжении нескольких сот ярдов тянулся ровный пологий берег, за которым поднималась крутая гора. Высокие толстые деревья, у подножия которых не рос кустарник, напоминали огромные, неправильно размещенные колонны, поддерживающие лиственный свод. Хотя для своего возраста и своих размеров они стояли довольно тесно друг подле друга, все же между ними оставались порядочные просветы, так что при достаточной зоркости и сноровке можно было без труда разглядеть даже людей, стоявших под прикрытием.

Зверобой знал, что его враг теперь заряжает свое ружье, если он только не пустился наутек. Это предположение подтвердилось: не успел молодой человек встать за дерево, как увидел мельком руку индейца, который забивал пулю в дуло своего ружья, спрятавшись за большим дубом. Проще всего было бы ринуться вперед и на месте покончить с врагом, застигнутым врасплох, но совесть Зверобоя возмутилась при мысли о таком поступке, несмотря на то, что его самого только что чуть не подстрелили из засады. Он еще не привык к беспощадным приемам войны с дикарями, о которых знал лишь понаслышке, и ему казалось неблагородным напасть на безоружного врага. Лицо его покраснелось, брови нахмурились, губы сжались — он собрал все свои силы, но, вместо того чтобы поскорее выстрелить, взял ружье наизготовку и, не отдавая сам себе отчета в своих словах, пробормотал:

— Нет, нет! Пусть краснокожий язычник зарядит свое ружье, и тогда мы посмотрим. Но пироги он не получит!

Индеец был так поглощен своим занятием, что даже не заметил присутствия врага. Он только боялся, как бы кто-нибудь не захватил пирогу и не увел от берега прежде, чем ему удастся помешать этому. Индеец стоял всего в нескольких футах от кустов и, приготовившись к выстрелу, в один миг мог очутиться на опушке. Противник находился в

пятидесяти ярдах от него, а деревья, кроме тех двух, за которыми прятались сражающиеся, были расположены таким образом, что не закрывали поля зрения.

Зарядив наконец ружье, дикарь огляделся по сторонам и пошел вперед, ловко укрываясь от предполагаемой позиции своего врага, но очень неловко от действительной опасности. Тогда Зверобой тоже выступил из-за прикрытия и окликнул его:

— Сюда, краснокожий, сюда, если ты ищешь меня! Я еще не очень опытен в военном деле, но все же не настолько, чтобы остаться на открытом берегу, где меня можно подстрелить, как сову при дневном свете. От тебя одного зависит, быть между нами миру или войне, потому что я не из тех, кто считает подвигом убивать людей в одиночку в лесу.

Индеец удивился, так внезапно заметив угрожавшую ему опасность. Однако он знал немного английский язык и понял общий смысл сказанных ему слов. К тому же он был слишком хорошо вышколен, чтобы обнаружить свой испуг. Он опустил с доверчивым видом приклад ружья и сделал рукой приветственный жест. При этом он не потерял самообладания, подобающего человеку, который считает себя выше всех. Но вулкан, бушевавший в его груди, заставлял глаза его сверкать и ноздри раздуваться, подобно ноздрям хищного зверя, которому неожиданно помешали сделать роковой прыжок.

— Две пироги, — сказал он низким горловым голосом, свойственным людям его расы, и вытянул вперед два пальца во избежание всякой ошибки, — одна мне, другая тебе.

— Нет, нет, минг, это не выйдет! Пироги тебе не принадлежат, и ты не получишь ни одной, пока это зависит от меня. Я знаю, теперь идет война между твоим и моим народом, но это еще не значит, что люди должны убивать друг друга, как дикие звери, встретившиеся в лесу. Ступай своей дорогой, а я пойду моей. Земля достаточно обширна для нас обоих, а если мы встретимся в честном бою, тогда пусть сам бог решает, кому жить, а кому умереть.

— Хорошо! — воскликнул индеец. — Мой брат миссионер. Много говорит. Все о Маниту²⁹.

— Нет, нет, воин. Я недостаточно хорош для моравских братьев. Я вряд ли гожусь, для того чтобы читать в лесу проповеди разным бродягам. Нет, нет, в мирное время я только охотник, хотя при случае мне, может быть, придется сразить одного из твоих соплеменников. Только я предпочел бы сделать это в честном бою, а не ссорясь из-за какой-то жалкой пироги.

— Хорошо! Мой брат молод, но очень мудр. Плохой воин, но хорошо говорит. Вождь в совете.

— Ну, этого я не скажу, — возразил Зверобой, слегка покраснев от плохо скрытой насмешки в словах индейца. — Мне хотелось бы провести свою жизнь в лесу, и провести ее мирно. Все молодые люди должны идти по тропе войны, когда для этого представляется случай, но одно дело война, другое — бессмысленная резня. Сегодня ночью я убедился, что провидение осуждает бесполезное убийство. Поэтому я предлагаю тебе идти твоей дорогой, а я пойду моей, и, надеюсь, мы разойдемся друзьями.

— Хорошо! У моего брата два скальпа — седые волосы под черными. Мудрость старика, язык юноши.

Тут дикарь приблизился, протянув с улыбкой руку и всем своим видом выражая дружелюбие и уважение. Оба обменялись рукопожатиями, уверяя друг друга в своей искренности и в желании заключить мир.

— Каждому свое, — сказал индеец, — моя пирога мне, твоя пирога тебе. Пойдем посмотрим: если она твоя, бери ее; если она моя, я возьму.

— Будь по-твоему, краснокожий. Хотя ты ошибаешься, говоря, что пирога принадлежит тебе. Но за показ денег не берут. Пойдем на берег, и убедись собственными глазами, если не веришь мне.

²⁹ Маниту — имя таинственной колдовской силы, в которую верили некоторые индейцы. Так же назывались духи-покровители, которым поклонялись индейские племена.

Индеец снова воскликнул: «Хорошо!» — и они зашагали рядом по направлению к берегу. Никто из них не выказывал ни малейшего опасения, и индеец шел впереди, как бы желая доказать своему новому знакомому, что не боится повернуться к нему спиной. Когда они выбрались на открытое место, дикарь указал на пирогу Зверобоя и произнес выразительно:

— Не моя — бледнолицого пирога. Та — краснокожего. Не хочу чужой пирога, хочу свою.

— Ты ошибаешься, краснокожий, ты жестоко ошибаешься. Пирогу оставил в тайнике старик Хаттер и она принадлежит ему по всем законам, белым или красным. Взгляни на эти скамьи для сиденья — они говорят за себя. Это неиндейская работа.

— Хорошо. Мой брат еще не стар, но очень мудр. Индейцы таких не делают. Работа белых людей.

— Очень рад, что ты согласен, а то нам бы пришлось поссориться. А теперь каждому свое, и я сейчас же уберу пирогу подальше, чтобы прекратить спор.

С этими словами Зверобой поставил ногу на борт легкой лодки и сильным толчком отогнал ее в озеро футов на сто или более, где, подхваченная течением, она неминуемо должна была обогнуть мыс, не подходя к берегу. Дикарь вздрогнул, увидя это решительное движение. Зверобой заметил, как индеец бросил быстрый, но свирепый взгляд на другую пирогу, в которой лежали весла. Лицо краснокожего, впрочем, изменилось лишь на секунду. Ирокез снова принял дружелюбный вид и приятно осклабился.

— Хорошо, — повторил он еще более выразительно. — Молодая голова, старый ум. Знает, как кончать споры. Прощай, брат. Плыви в свой водяной дом, в Гнездо Водяной Крысы. Индеец пойдет в свой лагерь, скажет вождям: не нашел пироги.

Зверобой с удовольствием выслушал это предложение, так как ему не терпелось поскорее вернуться к девушкам, и он добродушно пожал руку, протянутую индейцем. Повидимому, они расстались друзьями, и в то время как краснокожий спокойно пошел обратно в лес, неся ружье под мышкой и ни разу не оглянувшись, бледнолицый направился к пироге. Свое ружье он нес столь же мирным образом, но не переставал следить за каждым движением индейца. Впрочем, подобная недоверчивость вскоре показалась ему неуместной, и, как бы устыдившись, молодой человек отвернулся и беззаботно шагнул в лодку. Здесь он начал готовиться к отплытию. Так прошло около минуты, когда, случайно обернувшись, он своим быстрым и безошибочным взглядом заметил страшную опасность, грозившую его жизни. Черные свирепые глаза дикаря, как глаза притаившегося тигра, смотрели на него сквозь небольшой просвет в кустах. Ружейная мушка уже опустилась на один уровень с головой юноши.

Тут богатый охотничий опыт Зверобоя оказал ему хорошую услугу. Привыкнув стрелять в оленей на бегу, когда действительное положение тела животного приходится определять скорее по догадке, чем на глаз, Зверобой воспользовался теперь тем же приемом. В одно мгновение он поднял карабин, взвел курок и, почти не целясь, выстрелил в кусты, где, как он знал, должен был находиться индеец и откуда видна была лишь его страшная физиономия. Поднять ружье немного выше или прицелиться более тщательно не было времени. Он проделал это так быстро, что противники разрядили свои ружья в один и тот же момент, и грохот двух выстрелов слился в один звук. Горы послали в ответ одно общее эхо.

Зверобой опустил ружье и, высоко подняв голову, стоял твердо, как сосна в безветренное июньское утро, тогда как краснокожий испустил пронзительный вой, выскочил из-за кустов и побежал через лужайку, потрясая томагавком. Зверобой все еще стоял с разряженным ружьем у плеча, и лишь по охотничьей привычке рука его машинально нащупывала роговую пороховницу и шомпол. Подбежав к врагу футов на сорок, дикарь швырнул в него свой топор. Но взор минга уже затуманился, рука ослабела и дрожала; молодой человек без труда поймал за рукоятку пролетающий мимо томагавк. В эту минуту индеец зашатался и рухнул на землю, вытянувшись во весь рост.

— Я знал это, я это знал! — воскликнул Зверобой, уже готовясь загнать новую пулю в

дуло своего карабина. — Я знал, что этим кончится, когда поймал взгляд этой твари. Человек сразу все замечает и стреляет очень проворно, когда опасность грозит его жизни. Да, я знал, что этим кончится. Я опередил его на одну сотую долю секунды, иначе мне пришлось бы плохо. Пуля пролетела как раз мимо моего бока. Говорите, что хотите, но краснокожий совсем не так ловко обращается с порохом и пулей, как бледнолицый. Видно, нет у них к этому прирожденной способности. Даже Чингачгук хоть и ловок, но из карабина не всегда бьет наверняка.

Говоря это, Зверобой зарядил ружье и швырнул томагавк в пирог. Приблизившись к своей жертве, он в печальной задумчивости стоял над ней, опершись на карабин. В первый раз ему пришлось видеть человека, павшего в бою, и это был первый ближний, на которого он поднял руку. Ощущение было совершенно новым для него, и к торжеству примешивалась жалость. Индеец еще не умер, хотя пуля насквозь прострелила его тело. Он неподвижно лежал на спине, но глаза его наблюдали за каждым движением победителя, как глаза пойманной птицы за движением птицелова. Он, вероятно, ожидал, что враг нанесет ему последний удар, перед тем как снять скальп, или, быть может, боялся, что это жестокое дело совершится еще прежде, чем он испустит дух. Зверобой угадал его мысли и с печальным удовлетворением поспешил успокоить беспомощного дикаря.

— Нет, нет, краснокожий, — сказал он, — тебе больше нечего бояться. Снимать скальпы не в моем обычае.

Я сейчас подберу твой карабин, а потом вернусь и сделаю для тебя все, что могу. Впрочем, мне нельзя здесь слишком долго задерживаться: три выстрела подряд, пожалуй, привлекут сюда кого-нибудь из ваших чертей.

Последние слова молодой человек произнес про себя, разыскивая в это время ружье, которое нашел там, где хозяин его бросил.

Зверобой отнес в пирог ружье индейца и свой карабин, а потом вернулся к умирающему.

— Всякая вражда между нами кончена, краснокожий, — сказал он. — Ты можешь не беспокоиться насчет скальпа и прочих жестокостей. Надеюсь, я сумею вести себя, как подобает белому.

Если бы взгляд мог полностью выражать мысли человека, то, вероятно, невинное тщеславие Зверобоя и его бахвальство своим цветом кожи получили бы маленький щелчок, но он прочитал в глазах умирающего дикаря лишь благодарность и не заметил горькой насмешки, которая боролась с более благородным чувством.

— Воды! — воскликнул несчастный. — Дай бедному индейцу воды!

— Ну, воды ты получишь сколько угодно, хоть выпей досуха все озеро. Я сейчас отнесу тебя туда. Мне так и рассказывали о раненых: вода для них величайшее утешение и отрада.

Сказав это, Зверобой поднял индейца на руки и отнес к озеру. Здесь он прежде всего помог ему утолить палящую жажду, потом сел на камень, положил голову раненого противника к себе на колени и постарался, как умел, облегчить его страдания.

— Грешно было бы с моей стороны не сказать, что пришло твое время, воин, — начал он. — Ты уже достиг средних лет и при твоём образе жизни, наверное, натворил немало. Надо подумать о том, что ждет тебя впереди. Краснокожие, как и белые, в большинстве случаев не думают успокоиться в вечном сне, и те и другие собираются жить в ином мире. Каждого из нас будут судить на том свете по его делам. Я полагаю, ты знаешь об этом довольно и не нуждаешься в проповедях. Ты попадешь в леса, богатые дичью, если был справедливым индейцем, а если нет, то будешь изгнан в пустыню. У меня несколько иные понятия на этот счет. Но ты слишком стар и опытен, чтобы нуждаться в поучениях такого юнца, как я.

— Хорошо! — пробормотал индеец. Голос его сохранил свою силу, хотя жизнь его уже клонилась к закату. — Молодая голова, старая мудрость.

— Когда наступает конец, нам порой утешительно бывает знать, что люди, которых мы

обидели или пытались обидеть, прощают нас. Ну так вот, я совершенно позабыл, что ты покушался на мою жизнь: во-первых, потому, что ты не причинил мне никакого вреда; во-вторых, потому, что ничему другому тебя не учили и мне совсем не следовало бы тебе верить, и, наконец, самое главное, потому, что я не могу таить зло против умирающего, все равно — язычник он или христианин. Итак, успокойся, поскольку речь идет обо мне, а что касается всего прочего, то об этом ты знаешь лучше, чем я.

Подобно большинству людей своего племени и подобно многим из нас, умирающий больше думал об одобрении тех, кого он собирался покинуть, чем об участи, поджидавшей его за могилой. И, когда Зверобой замолчал, индеец пожалел, что никто из соплеменников не видит, с какой твердостью переносит он телесные муки и встречает свой конец. С утонченной вежливостью, которая так часто бывает свойственна индейскому воину, пока его не испортило общение с наихудшей разновидностью белых людей, он постарался выразить свою благодарность.

— Хорошо, — повторил он, ибо это английское слово чаще других употребляется индейцами, — хорошо, молодая голова и молодое сердце. Хотя и старое сердце не проливает слез. Послушай индейца, когда он умирает и не имеет нужды лгать. Как тебя зовут?

— Теперь я ношу имя Зверобой, хотя делавары говорили, что когда я вернусь обратно с военной тропы, то получу более почетное прозвище, если его заслужу.

— Это хорошее имя для мальчика — плохое имя для воина. Ты скоро получишь лучшее. Не бойся! — в своем возбуждении индеец нашел в себе достаточно сил, чтобы поднять руку и похлопать молодого человека по груди. — Верный глаз, палец-молния, прицел-смерть... Скоро — великий воин... Не Зверобой — Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Соколиный Глаз... Пожму руку!..

Зверобой, или Соколиный Глаз, как впервые назвал его индеец (впоследствии это прозвище утвердилось за ним), взял руку дикаря, который испустил последний вздох, с восхищением глядя на незнакомца, проявившего столько проворства, ловкости и твердости в таком затруднительном и новом для него положении.

— Его дух отлетел, — сказал Зверобой тихим и грустным голосом. — Горе мне! Со всеми нами это случится рано или поздно, и счастлив тот, кто независимо от цвета своей кожи достойно встречает этот миг! Здесь лежит тело храброго воина, а его душа уже улетела на небеса, или в ад, или в леса, богатые дичью. Старик Хаттер и Гарри Непоседа попали в беду; им угрожают, быть может, пытки или смерть — и все ради той награды, которую случай предлагает мне, по-видимому, самым законным и благородным образом. По крайней мере, очень многие именно так рассуждали бы на моем месте. Но нет! Ни одного гроша этих денег не пройдет через мои руки. Белым человеком я родился и белым умру, хотя его королевское величество, его губернаторы и советники в колониях забывают ради мелких выгод, к чему обязывает их цвет кожи. Нет, нет, воин, моя рука не прикоснется к твоему скальпу, и твоя душа в пристойном виде может появиться в стране духов.

Сказав это, Зверобой поднялся на ноги. Затем он прислонил мертвеца спиной к небольшому камню и вообще постарался придать ему позу, которая не могла показаться неприличной очень щепетильным на этот счет индейцам. Исполнив этот долг, молодой человек остановился, рассматривая в грустной задумчивости угрюмое лицо своего павшего врага. Привыкнув жить в полном одиночестве, он опять начал выражать вслух волновавшие его мысли и чувства.

— Я не покушался на твою жизнь, краснокожий, — сказал он, — но у меня не было другого выбора: или убить тебя, или быть убитым самому. Каждый из нас действовал сообразно своим обычаям, и никого не нужно осуждать. Ты действовал предательски, потому что такова уж у вас повадка на войне, а я был опрометчив, потому что слишком легко верю людям. Ладно, это моя первая, хотя, по всей вероятности, не последняя стычка с человеком. Я сражался почти со всеми зверями, живущими в лесу — с медведями, волками, пантерами, — а теперь вот пришлось начать и с людьми. Будь я прирожденный индеец, я мог бы рассказать об этой битве или принести скальп и похвастаться своим подвигом в

присутствии целого племени. Если бы врагом был всего-навсего медведь, было бы естественно и прилично рассказывать всем и каждому о том, что случилось. А теперь, право, не знаю, как сказать об этом даже Чингачуку, чтобы не получилось, будто я бахвалюсь. Да и чем мне, в сущности, бахвалиться? Неужели тем, что я убил человека, хотя это и дикарь? И, однако, мне хочется, чтобы Чингачгук знал, что я не опозорил делаваров, воспитавших меня.

Монолог Зверобоя был внезапно прерван: на берегу озера, в ста ярдах от мыса, появился другой индеец. Очевидно, это тоже был разведчик: привлеченный выстрелами, он вышел из лесу, не соблюдая необходимых предосторожностей, и Зверобой увидел его первым. Секунду спустя, заметив охотника, индеец испустил пронзительный крик. Со всех сторон горного склона откликнулась дюжина громких голосов. Медлить было нельзя; через минуту лодка понеслась от берега, подгоняемая сильными и твердыми ударами весла.

Отплыв на безопасное расстояние, Зверобой перестал грести и пустил лодку по течению, а сам начал оглядываться по сторонам. Пирога, которую он отпустил с самого начала, дрейфовала в четверти мили от него и гораздо ближе к берегу, чем это было желательно теперь, когда по соседству оказались индейцы. Другая пирога, та, что пристала к мысу, тоже находилась всего в нескольких ярдах от него. Мертвый индеец в сумрачном спокойствии сидел на прежнем месте; воин, показавшийся из лесу, уже исчез, и лесная чаща снова была безмолвна и пустынна. Эта глубочайшая тишина царила, впрочем, лишь несколько секунд. Неприятельские разведчики выбежали из чащи на открытую лужайку и разразились яростными воплями, увидев своего мертвого товарища. Однако, как только краснокожие приблизились к труп и окружили его, послышались торжествующие возгласы. Зная индейские обычаи, Зверобой сразу догадался, почему у них изменилось настроение. Вой выражал сожаление о смерти воина, а ликующие крики — радость, что победитель не успел снять скальп; без этого трофея победа врага считалась неполной.

Пироги находились на таком расстоянии, что ирокезы и не пытались напасть на победителя; американский индеец, подобно пантере своих родных лесов, редко набрасывается на врага, не будучи заранее уверен в успехе. Молодому человеку не к чему было больше мешкать возле мыса. Он решил связать пироги вместе, чтобы отбуксировать их к «замку». Привязав к корме одну пирогу, Зверобой попытался нагнать другую, дрейфовавшую в это время по озеру. Всмотревшись пристальнее, охотник поразился: судно, сверх ожидания, подплыло к берегу гораздо ближе, чем если бы оно просто двигалось, подгоняемое легким ветерком. Молодой человек начал подозревать, что в этом месте существует какое-то невидимое подводное течение, и быстрее заработал веслами, желая овладеть пирогой, прежде чем та очутится в опасном соседстве с лесом.

Приблизившись, Зверобой заметил, что пирога движется явно быстрее, чем вода, и, повернувшись бортом против ветра, направляется к суше. Еще несколько мощных взмахов весла — и загадка объяснилась: по правую сторону пироги что-то шевелилось: при ближайшем рассмотрении оказалось, что это голая человеческая рука. На дне лодки лежал индеец и медленно, но верно направлял ее к берегу, загребая рукой, как веслом. Зверобой тотчас же разобрался в этой хитроумной проделке. В то время как он схватился со своим противником на мысу, другой дикарь подплыл к лодке и завладел ею. Убедившись, что индеец безоружен, Зверобой, не колеблясь, нагнал удалявшуюся лодку. Лишь только плеск весла достиг слуха индейца, он вскочил на ноги и, пораженный неожиданностью, издал испуганное восклицание.

— Если ты вдоволь позабавился пирогой, краснокожий, — хладнокровно сказал Зверобой, остановив свою лодку как раз вовремя, чтобы избежать столкновения, — если ты вдоволь позабавился пирогой, то с твоей стороны самое благоразумное — снова прыгнуть в озеро. Я человек рассудительный и не жажду твоей крови, хотя немало людей увидели бы в тебе просто ордер на получение денег за скальп, а не живое существо. Убирайся в озеро сию минуту, а не то мы поссоримся!

Дикарь не знал ни слова по-английски, но угадал общий смысл речи Зверобоя по его жестам и выражению глаз. Быть может, и вид карабина, лежавшего под рукой у

бледнолицего, придал прыти индейцу. Во всяком случае, он присел, как тигр, готовящийся к прыжку, испустил громкий вопль, и в ту же минуту его нагое тело исчезло в воде. Когда он вынырнул, чтобы перевести дух, то был уже на расстоянии нескольких ярдов от пироги. Беглый взгляд, брошенный им назад, показал, как сильно он боялся прибытия рокового посланца из карабина своего врага. Но тот не выказывал никаких враждебных намерений. Твердой рукой привязав пирогу к двум другим, Зверобой начал грести прочь от берега. Когда индеец вышел на сушу и встряхнулся, как спаниель³⁰, вылезший из воды, его грозный противник уже находился за пределами ружейного выстрела и плыл по направлению к «замку». По своему обыкновению, Зверобой не упустил случая поговорить с самим собой обо всем происшедшем.

— Ладно, ладно, — начал он, — нехорошо было бы убить человека без всякой нужды. Скальпы меня не прельщают, а жизнь слишком хорошая штука, чтобы белый отнимал ее так, за здорово живешь, у человеческого существа. Правда, этот дикарь — минг, и я не сомневаюсь, что он был, есть и всегда будет сущим гадом и бродягой. Но для меня это еще не повод, чтобы позабыть о моих обязанностях. Нет, нет, пусть его удирает. Если мы когда-нибудь встретимся снова с ружьями в руках, что ж, тогда посмотрим, у кого сердца тверже и глаз быстрее. Соколиный Глаз! Недурное имя для воина и звучит гораздо мужественнее и благороднее, чем Зверобой. Для начала это очень сносное прозвище, и я его вполне заслужил. Будь Чингачгук на моем месте, он, вернувшись домой, похвалился бы своим подвигом и вожди нарекли бы его «Соколиный Глаз». Но мне хвастать не пристало, и потому трудно сказать, каким образом это дело может разгласиться.

Проявив в этих словах слабость, присущую его характеру, молодой человек продолжал грести так быстро, как только это было возможно, принимая во внимание, что на буксире шли две лодки. В это время солнце уже не только встало, но поднялось над горами на востоке и залило волнами яркого света озеро, еще не получившее свое имя. Весь окрестный пейзаж ослеплял своей красотой, и посторонний наблюдатель, не привыкший к жизни в лесах, никогда не мог бы поверить, что здесь только что совершилось дикое, жестокое дело.

Когда Зверобой приблизился к жилищу старого Хаттера, он подумал или, скорее, почувствовал, что внешний вид этого дома странным образом гармонирует с окружающим ландшафтом. Хотя строитель не преследовал иных целей, кроме прочности и безопасности, грубые, массивные бревна, прикрытые корой, выступающая вперед кровля и все контуры этого сооружения выглядели бы живописно в любой местности. А окружавшая обстановка придавала всему облику здания особую оригинальность и выразительность.

Однако когда Зверобой подплыл к «замку», другое зрелище возбудило его интерес и тотчас же затмило все красоты озера и своеобразной постройки. Джудит и Хетта стояли на платформе перед дверью, с явной тревогой ожидая его прибытия. Джудит время от времени смотрела на гребца и на пироги в подзорную трубу. Быть может, никогда эта девушка не казалась такой ослепительно прекрасной, как в этот миг. Румянец, вызванный волнением и беспокойством, ярко пылал на ее щеках, тогда как мягкое выражение ее глаз, свойственное и бедной Хетти, углубилось тревожной заботой. Так показалось молодому человеку, когда пироги поравнялись с ковчегом. Здесь Зверобой тщательно привязал их, прежде чем взойти на платформу.

Глава 8

*Слова его прочнее крепких уз,
Правдивее не может быть оракул,
И сердцем так далек он от обмана,*

³⁰ Спаниели — порода охотничьих собак, которых используют во время охоты на болотную и водяную птицу.

Как от земли далек лазурный свод.
Шекспир, «Два веронца»

Девушки не проронили ни слова, когда перед ними появился Зверобой. По его лицу можно было прочесть все его опасения за судьбу отсутствующих участников экспедиции.

— Отец?! — воскликнула наконец с отчаянием Джудит.

— С ним случилась беда, не к чему скрывать это, — ответил Зверобой, по своему обыкновению, прямо и просто. — Он и Непоседа попали в руки мингов, и одному небу известно, чем это кончится. Я собрал все пироги, и это может служить для нас некоторым утешением: бродягам придется теперь строить плот или добираться сюда вплавь. После захода солнца к нам на помощь явится Чингачгук, если мне удастся посадить его в свою пирогу. Тогда, думаю я, мы оба будем защищать ковчег и замок до тех пор, пока офицеры из гарнизона не услышат о войне и не постараются выволить нас.

— Офицеры! — нетерпеливо воскликнула Джудит, и щеки ее зарумянились еще сильнее, а в глазах мелькнуло живое волнение. — Кто теперь может думать или говорить об этих бессердечных франтах! Мы собственными силами должны защищать замок. Но что же случилось с моим отцом и с бедным Гарри Непоседой?

Тут Зверобой коротко, но толково рассказал обо всем, что произошло ночью, отнюдь не преуменьшая беды, постигшей его товарищей, и не скрывая своего мнения насчет возможных последствий.

Сестры слушали его с глубоким вниманием. Ни одна из них не проявила излишнего беспокойства, которое, несомненно, должно было вызвать подобное сообщение у женщин, менее привычных к опасностям и случайностям пограничной жизни. К удивлению Зверобоя, Джудит волновалась гораздо сильнее. Хетти слушала жадно, но ничем не выдавала своих чувств и, казалось, лишь про себя грустно размышляла обо всем случившемся. Впрочем, обе ограничились лишь несколькими словами и тотчас же занялись приготовлениями к утренней трапезе. Люди, для которых домашнее хозяйство привычное дело, продолжают машинально заниматься им, несмотря даже на душевные муки и скорбь. Простой, но сытный завтрак был съеден в мрачном молчании. Девушки едва притронулись к нему, но Зверобой обнаружил еще одно качество хорошего солдата: он доказал, что даже самые тревожные и затруднительные обстоятельства не могут лишить его аппетита. За едой никто не произнес ни слова, но затем Джудит заговорила торопливо, как это всегда бывает, когда сердечная тревога побеждает внешнее самообладание.

— Отец, наверное, похвалил бы эту рыбу! — воскликнула она. — Он говорит, что в здешних озерах лососина ничуть не хуже, чем в море.

— Мне рассказывали, Джудит, что ваш отец хорошо знаком с морем, — сказал молодой человек, бросая испытующий взгляд на девушку, ибо, подобно всем, знавшим Хаттера, он питал некоторый интерес к его далекому прошлому. — Гарри Непоседа говорил мне, что ваш отец был когда-то моряком.

Сначала Джудит как будто смутилась, затем под влиянием совсем нового для нее чувства внезапно стала откровенной.

— Если Непоседа что-нибудь знает о прошлом моего отца, то жаль, что он не рассказал этого мне! — воскликнула она. — Иногда мне самой кажется, что отец был раньше моряком, а иногда я думаю, что это неправда. Если бы сундук был открыт или мог говорить, он, вероятно, поведал бы нам всю эту историю. Но запоры на нем слишком прочны, чтобы можно было разорвать их, как бечевку.

Зверобой повернулся к сундуку и впервые внимательно его рассмотрел. Краска на сундуке слиняла, и весь он был покрыт царапинами — следствие небрежного обращения, — тем не менее он был сделан из хорошего материала и умелым мастером. Зверобойю никогда не доводилось видеть дорожные вещи такого высокого качества. Дорогое темное дерево было когда-то превосходно отполировано, но от небрежного обращения на нем уцелело

немного лака; всевозможные царапины и выбоины свидетельствовали о том, что сундуку приходилось сталкиваться с предметами еще более твердыми, чем он сам. Углы были прочно окованы — богато разукрашенной сталью, а три замка своим фасоном и отделкой могли бы привлечь внимание даже в лавке антиквара. Сундук был очень велик, и, когда Зверобой встал и попробовал приподнять его, взявшись за одну из массивных ручек, оказалось, что его вес в точности соответствует внешнему виду.

— Видели ли вы когда-нибудь этот сундук открытым? — спросил молодой человек с обычной бесцеремонностью пограничного жителя.

— Ни разу. Отец никогда не открывал его при мне, если вообще когда-нибудь открывал. Ни я, ни сестра не видели его с поднятой крышкой.

— Ты ошибаешься, Джудит, — спокойно заметила Хетти. — Отец поднимал крышку, и я это видела.

Зверобой прикусил язык; он мог, не колеблясь, допрашивать старшую сестру, однако ему казалось не совсем добропорядочным злоупотреблять слабоумием младшей. Но Джудит, не считавшаяся с подобными соображениями, быстро обернулась к Хетти и спросила:

— Когда и где ты видела этот сундук открытым, Хетти?

— Здесь, и много раз. Отец часто открывал сундук, когда тебя нет дома, потому что при мне он делает и говорит все, насколько не стесняясь.

— А что он делает и говорит?

— Этого я тебе не могу сказать, Джудит, — возразила сестра тихим, но твердым голосом. — Отцовские тайны — не мои тайны.

— Тайны? Довольно странно, Зверобой, что отец открывает их Хетти и не открывает мне!

— Для этого у него есть свои причины, Джудит, хоть ты их и не знаешь. Отца теперь здесь нет, и я больше ни слова не скажу об этом.

Джудит и Зверобой переглянулись с изумлением, и на одну минуту девушка нахмурилась. Но вдруг, опомнившись, она отвернулась от сестры, как бы сожалея о ее слабости, и обратилась к молодому человеку.

— Вы рассказали нам только половину вашей истории, — сказала она, — и прервали ее на том месте, когда заснули в пирог, или, вернее говоря, проснулись, услышав крик гагары. Мы тоже слышали крик гагары и думали, что он предвещает бурю, хотя в это время года на озере бури случаются редко.

— Ветры дуют и бури завывают, когда угодно богу — иногда зимой, иногда летом, — ответил Зверобой, — и гагары говорят то, что им подсказывает их природа. Было бы гораздо лучше, если бы люди вели себя так же честно и откровенно. Прислушавшись к птичьему крику и поняв, что это не сигнал Непоседы, я лег и заснул. Когда рассвело, я проснулся и отправился на поиски пирога, чтобы минги не захватили их.

— Вы рассказываете нам не все, Зверобой, — сказала Джудит серьезно. — Мы слышали ружейные выстрелы под горой на восточной стороне: эхо было гулкое и продолжительное и донеслось так скоро после выстрелов, что, очевидно, стреляли где-то вблизи от берега. Наши уши привыкли к таким звукам и обмануться не могли.

— На этот раз ружья сделали свое дело, девушка. Да, сегодня утром они исполнили свою обязанность. Некий воин удалился в счастливые охотничьи угодья, и этим все кончилось.

Джудит слушала затаив дыхание.

Когда Зверобой, по своей обычной скромности, видимо, хотел прервать разговор на эту тему, она встала и, перейдя через горницу, села с ним рядом. Она взяла охотника за его жесткую руку и, быть может бессознательно, сжала ее.

Ее глаза серьезно и даже с упреком поглядели на его загорелое лицо.

— Вы сражались с дикарями, Зверобой, сражались в одиночку, без всякой помощи — сказала она. — Желая защитить нас — Хетти и меня, — быть может, вы смело схватились с врагом. И никто не видел бы вас, никто не был бы свидетелем вашей гибели, если бы

провидение допустило такое великое несчастье!

— Я сражался, Джудит, да, я сражался с врагом, и к тому же первый раз в жизни. Такие вещи вызывают в нас смешанное чувство печали и торжества. Человеческая натура, по моему, воинственная натура. Все, что произошло со мной, не имеет большого значения. Но, если сегодня вечером Чингачгук появится на утесе, как мы с ним условились, и я успею усадить его в лодку незаметно для дикарей или даже с их ведома, но вопреки их воле и желаниям, тогда действительно должно начаться нечто вроде войны, прежде чем минги овладеют замком, ковчегом и вами самими.

— Кто этот Чингачгук? Откуда он явился и почему придет именно сюда?

— Вопрос естественный и вполне законный, как я полагаю, хотя имя этого молодца уже широко известно в его родных местах. Чингачгук по крови могиканин, усыновленный делаварами по их обычаю, как большинство людей его племени, которое уже давно сломилось под натиском белых. Он происходит из семьи великих вождей. Его отец Ункас был знаменитым воином и советником своего народа. Даже старый Таменунд уважает Чингачгука, даром что тот еще слишком молод, чтобы стать предводителем на войне. Впрочем, племя это так рассеялось и стало так малочисленно, что звание вождя у них — пустое слово. Ну, так вот, лишь только нынешняя война началась всерьез, мы с Чингачгуком сговорились встретиться подле утеса близ истока этого озера, сегодня вечером, на закате, чтобы затем пуститься в наш первый поход против мингов. Почему мы выбрали именно здешние места — это наш секрет. Хотя мы еще молоды, но вы сами понимаете — мы ничего не делаем зря, не обдумав все как следует.

— У этого делавара не могут быть враждебные намерения против нас, — сказала Джудит после некоторого колебания, — и мы знаем, что вы наш друг.

— Надеюсь, что меньше всего меня можно обвинить в таком преступлении, как измена, — возразил Зверобой, немного обиженный тем проблеском недоверия, который мелькнул в словах Джудит.

— Никто, не подозревает вас, Зверобой! — пылко воскликнула девушка. — Нет, нет, ваше честное лицо может служить достаточно порукой за тысячу сердец. Если бы все мужчины так же привыкли говорить правду и никогда не обещали того, чего не собираются выполнить, на свете было бы гораздо меньше зла, а пышные султаны и алые мундиры не могли бы служить оправданием для низости и обмана.

Девушка говорила взволнованно, с сильным чувством.

Ее красивые глаза, всегда такие мягкие и ласковые, метали искры. Зверобой не мог не заметить столь необычайного волнения. Но с тактом, который сделал бы честь любому придворному, он не позволил себе хотя бы единым словом намекнуть на это. Постепенно Джудит успокоилась и вскоре возобновила разговор как ни в чем не бывало:

— Я не имею права выпытывать ваши тайны или же тайны вашего друга, Зверобой, и готова принять все ваши слова на веру. Если нам действительно удастся приобрести еще одного союзника-мужчину, это будет великой подмогой в такое трудное время. Если дикари убедятся, что мы можем удержать в своих руках озеро, они предложат обменять пленников на шкуры или хотя бы на бочонок пороха, который хранится в доме. Я надеюсь на это.

На языке у молодого человека уже вертелись такие слова, как «скальпы» и «премии», но, щадя чувства дочерей, он не решился намекнуть на судьбу, которая, по всей вероятности, ожидала их отца. Однако Зверобой был так не искушен в искусстве обмана, что зоркая Джудит прочитала мысль на его лице.

— Я понимаю, о чем вы думаете, — продолжала она поспешно, — и догадываюсь, что бы вы могли сказать, если бы не боялись огорчить меня... то есть нас обоих, так как Хетти любит отца не меньше, чем я. Но мы иначе думаем об индейцах. Они никогда не скальпируют пленника, попавшего к ним в руки целым и невредимым. Они оставляют его в живых — конечно, если свирепая жажда крови внезапно не овладеет ими. Я не боюсь, что они снимут скальп с отца, и за жизнь его я спокойна. Если бы индейцам удалось подобраться к нам в течение ночи, весьма вероятно, мы потеряли бы наши скальпы. Но мужчины, взятые

в плен в открытом бою, редко подвергаются насилиям, по крайней мере до тех пор, пока не наступает время пыток.

— Да, таков их обычай, и так они обыкновенно поступают. Но, Джудит, знаете ли вы, зачем ваш отец и Непоседа ходили к лагерю дикарей?

— Знаю, это было жестокое желание. Но как быть? Мужчины всегда останутся мужчинами. Даже те из них, которые ходят в мундирах, расшитых золотом и серебром, и носят офицерский патент в кармане³¹, совершают такие же жестокости. — Глаза Джудит вновь засверкали, но отчаянным усилием воли она овладела собой. — Я всегда начинаю сердиться, когда подумаю, как гадки мужчины, — прибавила она, стараясь улыбнуться, что ей плохо удалось. — Все это глупости! Что сделано, то сделано, и причитаниями тут не поможешь. Но индейцы придают так мало значения пролитой крови и так высоко ценят храбрость, что, если бы они знали о замысле своих пленников, они даже стали бы уважать их за это.

— До поры до времени, Джудит, да, до поры до времени. Но, когда это чувство проходит, тогда рождается жажда мести. Нам с Чингачгуком надо постараться освободить Непоседу и вашего отца, потому что минги, без сомнения, проведут на озере еще несколько дней, желая добиться полного успеха.

— Значит, вы думаете, что на вашего делавара можно положиться, Зверобой? — задумчиво спросила девушка.

— Как на меня самого! Ведь вы говорите, что не сомневаетесь во мне, Джудит!

— В вас? — она опять схватила его руку и сжала ее с горячностью, которая могла бы пробудить тщеславие у человека, менее простодушного и более склонного гордиться своими хорошими качествами. — Я так же могла бы сомневаться в собственном брате! Я знаю вас всего лишь день, Зверобой, но за этот день вы внушили мне такое доверие, какое другой не мог бы внушить за целый год. Впрочем, ваше имя было мне известно. Гарнизонные франты частенько рассказывали об уроках, которые вы давали им на охоте, и все они называли вас честным человеком.

— А говорили они когда-нибудь о себе, девушка? — спросил Зверобой поспешно и рассмеялся своим тихим сердечным смехом. — Говорили ли они о себе? Меня не интересует, что они говорили обо мне, потому что я стреляю недурно, но какого мнения господ офицеры о своей собственной стрельбе? Они уверяют, что оружие — главный инструмент их ремесла. И, однако, иные из них совсем не умеют обращаться с ним.

— Надеюсь, это не относится к вашему другу Чингачгуку... Кстати, что значит это имя по-английски?

— Великий Змей. Так прозвали его за мудрость и хитрость. Настоящее его имя Ункас, все мужчины в их семье носят имя Ункас, пока не заслужат своими делами другого прозвища.

— Раз он действительно так мудр, то будет нам полезен, если только ему не помешают его собственные дела.

— В конце концов, ничего худого не случится, если я расскажу вам все. Очень может быть, что вы даже придумаете, как помочь нам. Поэтому я открою этот секрет вам и Хетти в надежде, что вы будете хранить его, как свой собственный. Надо вам сказать, что Чингачгук очень видный собой индеец, и на него часто заглядываются молодые женщины его племени. Ну так вот, есть там один вождь, а у вождя — дочь, по имени Уа-та-Уа, что по-английски значит: «Тише, о тише!», это самая красивая девушка в стране делаваров. Все молодые воины мечтали взять ее себе в жены. Но случилось так, что Чингачгук полюбил Уа-та-Уа и Уа-та-Уа полюбила Чингачгука. — Зверобой на мгновение смолк. Хетти Хаттер, покинув свое место, подошла к охотнику и жадно слушала, как ребенок, увлеченный сказкой,

³¹ В те времена в английской и других армиях чины продавались. Можно было купить патент, дававший его владельцу право на чин офицера.

которую рассказывает мать.

— Да, он полюбил ее, и она полюбила его, — продолжал Зверобой, бросив дружелюбный и одобрительный взгляд на простодушную девушку. — А когда так случается и старшины не возражают, то молодую парочку редко удается разлучить. Само собой разумеется, Чингачгук не мог захватить подобный приз, не нажив множества врагов из числа тех, которые добивались того же, что и он. Некто Терновый Шип, как зовут его по-английски, или Йокоммон, как его называют индейцы, ближе всех принял к сердцу это дело, и мы подозреваем его руку во всем, что случилось дальше. Два месяца назад Уа-та-Уа отправилась с отцом и матерью на ловлю лососей к Западным ручьям, где, как вам известно, водится пропасть рыбы, и вдруг девушка там исчезла. Несколько недель подряд мы ничего не знали о ней, но дней десять назад гонец, проходивший через земли делаваров, рассказал нам, что Уа-та-Уа украли у ее родителей и что она теперь находится во власти враждебного племени, которое приняло ее в свою среду и хочет выдать замуж за одного молодого минга. Гонец сообщил, что охотники из этого племени должны месяца два провести в здешних местах, прежде чем вернуться обратно в Канаду, и, если мы отправимся туда на поиски девушки, нам, быть может, удастся ее выручить.

— А какое вам дело до этого, Зверобой? — спросила Джудит с некоторым беспокойством.

— Все, что касается моего друга, касается и меня. Я пришел сюда помочь Чингачгуку и, если удастся, спасти девушку. Это доставит мне почти такую же радость, как если бы я освободил мою собственную возлюбленную.

— А где же ваша возлюбленная, Зверобой?

— Она в лесу, Джудит, она падает с ветвей деревьев вместе с каплями дождя, она росой ложится на траву, она плывет с облаками по голубому небу, она поет вместе с птицами, она течет звонкими ручьями, из которых я утоляю жажду, она во всех прекрасных дарах, которыми мы обязаны благому провидению.

— Вы хотите сказать, что до сих пор не любили ни одной женщины, а любили только охоту и жизнь лесу?

— Вот именно, вот именно! Нет, нет, я еще не хворал этой болезнью и надеюсь остаться в добром здоровье, по крайней мере, до конца войны. Дело Чингачгука и без того потребует много хлопот, так что лишний груз на шее мне ни к чему.

— Девушка, которая когда-нибудь победит вас, Зверобой, завоюет, по крайней мере, честное сердце, сердце, не знающее измены и лукавства. А такой победе может позавидовать каждая женщина.

Когда Джудит говорила эти слова, ее красивое лицо гневно хмурилось и горькая улыбка скользила по губам.

Собеседник заметил эту перемену, и, хотя он не привык угадывать тайны женского сердца, врожденная деликатность подсказала ему, что лучше всего переменить тему разговора.

Так как до часа, назначенного Чингачгуком, было еще довольно далеко, у Зверобоя осталось достаточно времени, чтобы изучить все средства обороны «замка» и принять необходимые меры, какие требовались обстоятельствами. Впрочем, Хаттер, с его богатым опытом, так все предусмотрел, что невозможно было изобрести что-нибудь новое в этом отношении. «Замок» находился так далеко от берега, что выстрелов оттуда нечего было бояться. Правда, пуля из мушкета достала бы на таком расстоянии, но о точном прицеле не могло быть речи, и даже Джудит пренебрегала опасностью с этой стороны.

Итак, пока в руках наших друзей оставалась крепость, им ничто не угрожало. Конечно, нападающие, подплыв к «замку», могли бы его штурмовать, или поджечь, или же прибегнуть еще к каким-либо уловкам, внушенным индейским коварством. Но против пожара Хаттер принял все нужные предосторожности, да и сама постройка, если не считать берестяной кровли, не так-то легко бы загорелась. В полу было проделано несколько отверстий, и под рукой находились ведра с веревками. В случае пожара любая из девушек легко могла

потушить огонь, не дав ему разгореться. Джудит, зная все оборонительные планы отца и достаточно смелая, чтобы принимать участие в их выполнении, рассказала Зверобой о них во всех подробностях и тем избавила его от напрасной траты сил и времени на личный осмотр.

Днем бояться было нечего. Помимо пирога и ковчега, на всем озере не было видно ни единого судна. Правда, плот можно было построить довольно быстро — у самой воды валялось множество деревьев. Однако, если бы дикари серьезно решились на штурм, им вряд ли удалось бы до наступления темноты подготовить необходимые средства переправы. Тем не менее недавняя гибель одного из воинов могла придать им прыти, и Зверобой полагал, что наступающая ночь будет решающей. Поэтому юноша очень хотел, чтобы его другомиканин прибыл поскорее. С нетерпением поджидал он солнечного заката.

В течение дня обитатели «замка» продумали план обороны и закончили необходимые для этого приготовления. Джудит была очень оживлена, и, видимо, ей было приятно совещаться обо всем с новым знакомым. Его равнодушие к опасности, мужественная преданность и невинное простодушие заинтересовали и пленили ее. Зверобой казалось, что время идет очень медленно, но Джудит не замечала этого, и, когда солнце начало склоняться к лесистым вершинам западных холмов, она выразила удивление, что день кончился так скоро. Зато Хетти была задумчива и молчалива. Она никогда не была болтлива, и если иногда становилась разговорчивой, то лишь под влиянием какого-нибудь события, возбуждавшего ее бесхитростный ум. В этот памятный день она словно на несколько часов лишилась языка. Тревога за участь отца ничем не нарушила привычек обеих сестер. Да они, впрочем, и не ожидали никаких дурных последствий от его пребывания в плену, и Хетти раза два выражала надежду, что Хаттер сумеет освободиться. Джудит была не так спокойна на этот счет, но и она полагала, что ирокезы захотят получить выкуп за пленников, как только убедятся, что никакие военные хитрости и уловки не помогут им захватить «замок». Зверобой, однако, считал все эти надежды просто девическими фантазиями и продолжал серьезно и упорно готовиться к обороне.

Наконец пришло время отправиться на место свидания с миканином, или делаваром, как чаще называли Чингачгука. Зверобой предварительно обдумал план действий, подробно растолковал его обеим сестрам, и все трое дружно и ревностно принялись за работу. Хетти перешла в ковчег, связала вместе две пироги и, спустившись в одну из них, направила их в некое подобие ворот в палисаде, окружавшем «замок». Затем она привязала обе лодки под домом цепями, которые были прикреплены к бревнам. Палисад состоял из древесных стволов, прочно вбитых в ил, и служил двойной цели: он ограждал небольшое замкнутое пространство, которым можно было пользоваться для различных надобностей, и вместе с тем мешал неприятелю приблизиться к лодкам. Таким образом пироги, введенные в док, до некоторой степени были защищены от посторонних глаз, а если бы их и увидели, то вывести их оттуда при закрытых воротах было бы трудно. Джудит, сев в третью пирогу, также выехала за ворота, а Зверобой в это время запирали в доме все окна и двери. Там все было массивно и крепко и засовами служили стволы небольших деревьев. Поэтому, после того как Зверобой закончил свою работу, потребовалось бы не меньше двух часов, чтобы проникнуть внутрь постройки, даже если бы осаждающие могли пустить в ход еще какие-нибудь инструменты, кроме боевых топоров, и не встретили бы при этом никакого сопротивления. Все эти меры предосторожности Хаттер изобрел после того, как во время частых отлучек его раза два обокрали белые бродяги, которых много шатается на границе.

Как только жилище было наглухо закрыто изнутри, Зверобой подошел к люку спустился в пирогу Джудит. Тут он запер подъемную дверь массивной балкой и здоровенным замком. Хетти тоже перебралась в эту пирогу, и они выплыли за пределы палисада. Потом замкнули ворота и ключи отнесли в ковчег. Теперь внутри жилища можно было проникнуть лишь с помощью взлома или тем же путем, каким Зверобой выбрался оттуда.

Разумеется, Зверобой захватил с собой подозрную трубу и теперь, насколько это было

возможно, внимательно разглядывал побережье. Нигде не было видно ни единого живого существа, только несколько птиц порхало в тени деревьев, как бы спасаясь от послеполуденного зноя. Особенно тщательно Зверобой осмотрел соседние с «замком» места, чтобы выяснить, не сооружается ли где-нибудь плот. Но повсюду царило пустынное спокойствие. Здесь надо в нескольких словах объяснить, в чем заключалась главная трудность для наших друзей. Тогда как зоркие глаза неприятеля имели полную, возможность наблюдать за ними, все передвижения мингов были скрыты покровом густого леса. Воображение невольно преувеличивало число врагов, таившихся в лесной чаще, в то время как любой наблюдатель, занявший позицию па берегу, ясно видел, как слаб гарнизон, оборонявший «замок».

— До сих пор нигде никто не шевельнулся! — воскликнул Зверобой, опустив наконец трубу и собираясь войти в ковчег. — Если бродяги замышляют недоброе, они слишком хитры, чтобы действовать открыто. Быть может, они уже мастерят в лесу плот, но еще не перетасили его на озеро. Они не могут догадаться, что мы собираемся покинуть замок, а если бы догадались, то им неоткуда узнать, куда мы хотим плыть.

— Совершенно верно, Зверобой, — подхватила Джудит, — и теперь, когда все готово, мы должны, не боясь погони, двинуться вперед, иначе мы опоздаем.

— Нет, нет, это надо делать с оглядкой. Хоть дикари еще и не знают, что Чингачгук поджидает нас на утесе, но у них есть глаза и ноги. Они увидят, куда мы плывем, и, уж конечно, последуют за нами. Я, впрочем, постараюсь надуть их и буду направлять баржу то туда, то сюда, пока они не устанут, гоняясь за нами.

Зверобой, насколько мог, исполнил свое обещание. Не прошло и пяти минут, как друзья вошли в ковчег и отчалили от «замка». С севера дул легкий ветерок. Смело развернув парус, молодой человек направил нос неуклюжего судна таким образом, что, учитывая силу течения, они должны были приблизиться к восточному берегу миль в двух ниже «замка». Ковчег не отличался быстроходностью, но все же мог плыть со скоростью от трех до четырех миль в час. А между «замком» и утесом было лишь немногим больше двух миль. Зная пунктуальность индейцев, Зверобой очень точно рассчитал время, чтобы в зависимости от обстоятельств достигнуть назначенного места лишь с небольшим опозданием или же немного ранее назначенного часа. Когда молодой охотник поднял парус, солнце стояло высоко над западными холмами: до заката оставалось еще часа два. После пятиминутных наблюдений Зверобой убедился, что баржа плывет с достаточной скоростью.

Стоял чудесный июньский день, и пустынное водное пространство меньше чем когда-либо напоминало арену жестокой поверхности озера, как бы не желая возмущать его зеркальную гладь. Даже леса, казалось, дремали на солнце, над северной частью горизонта, словно ее поместили там нарочно для украшения пейзажа. Иногда водяные птицы мелькали над озером, а порою можно было видеть одинокого ворона, парившего высоко над деревьями и зорким взглядом окидывавшего лес в надежде заметить живое существо, которым он смог бы поживиться.

Читатель, наверное, заметил, что, несмотря на свойственную резкость и порывистость в обращении, Джудит выражалась значительно грамотнее и изысканнее, чем окружавшие ее мужчины, в том числе и ее отец.

По своему воспитанию Джудит и ее сестра вообще заметно выделялись среди девушек их круга.

Офицеры ближнего гарнизона не очень преувеличивали, когда уверяли Джудит, что даже в городе найдется не много дам с такими манерами.

Своим воспитанием девушки обязаны были матери.

Кем была их мать, знал только старый Хаттер. Она умерла два года назад, и, как об этом рассказывал Гарри, муж похоронил ее на дне озера. Пограничные жители часто обсуждали между собой вопрос, почему он так поступил: из презрения ли к предрассудкам или из нежелания утруждать себя рытьем могилы?

Джудит никогда не посещала то место, где опустили в воду ее мать, но Хетти

присутствовала при погребении и часто на закате или при свете луны направляла туда свой челн. Целыми часами смотрела она в прозрачную воду, словно надеясь увидеть смутный образ той, которую она так нежно любила с детских лет и до печального часа — вечной разлуки.

— Скажите, неужели мы должны подплыть к утесу как раз в ту минуту, когда зайдет солнце? — спросила Джудит молодого человека. Они стояли рядом на корме: он — с рулевым веслом, а она — с рукодельем; девушка вышивала узоры на своем платье, что было неслыханным новшеством в лесах. — Разве несколько минут могут изменить дело? А ведь очень опасно долго оставаться близко от берега.

— В этом-то и вся трудность, Джудит. Утес находится как раз на расстоянии ружейного выстрела от мыса, и потому к нему нельзя подплыть ни слишком быстро, ни на очень долгое время. Когда вы имеете дело с индейцами, надо все предугадать и все высчитать заранее: у краснокожих такая уж натура, что они любят разные хитрости. Теперь, как видите, Джудит, я правлю совсем не к утесу, гораздо восточнее его, чтобы дикари побежали в ту сторону и зря натрудили бы себе ноги.

— Значит, вы уверены, что они видят нас и следят за нашими передвижениями, Зверобой? А я-то надеялась, что они, может быть, ушли в лес и на несколько часов оставили нас в покое.

— О нет! Только женщина может так подумать. Находясь на тропе войны, индеец никогда не перестает следить за врагом. В эту самую минуту глаза их устремлены на нас, хотя нас защищает озеро. Мы должны подплыть к утесу, рассчитав время самым точным образом и направив врагов на ложный след. Говорят, у мингов хорошие носы, но рассудок белого человека всегда может потягаться с их чутьем.

В то время, как Джудит охотно и оживленно разговаривала со своим собеседником, Хетти сидела молча, погруженная в какие-то размышления. Только один раз подошла она к Зверобою и задала ему несколько вопросов относительно его намерений. Охотник ответил ей, и девушка вернулась на свое место; напевая вполголоса заунывную песню, она снова принялась шить грубую куртку для отца.

Так проходило время, и, когда алое солнце опустилось за сосны, покрывавшие западные холмы, иначе говоря, минут за двадцать до заката, ковчег поравнялся с тем мысом, где Хаттер и Непоседа попали в плен. Направляя судно то в одну, то в другую сторону, Зверобой старался скрыть истинную цель его плавания. Ему хотелось, чтобы индейцы, несомненно, наблюдавшие за его маневрами, вообразили, будто он намерен вступить с ними в переговоры вблизи этого пункта, и поспешили бы в эту сторону в надежде воспользоваться благоприятным случаем. Хитрость эта была очень ловко придумана: преследователям пришлось бы сделать большой крюк, чтобы обойти стороной извилистый, да к тому же и топкий берег бухты. Прежде чем индейцы добрались бы до утеса, ковчег уже успел бы там причалить. Желая ввести неприятеля в обман, Зверобой держался возможно ближе к западному побережью. Затем, велев Джудит и Хетти войти в каюту, а сам, спрятавшись за прикрытием, он внезапно повернул судной направился прямо к истоку. К счастью, ветер немного усилился, и ковчег, пошел с такой быстротой, что Зверобой почти не сомневался в успехе своего предприятия.

Глава 9

*Улыбка легкая без слов
Взошла над морем, как рассвет,
Земля с десятков островов
Шлет радостный привет.
И, славой яркою горя,
Ты нежишь земли и моря!
«Небеса»*

Читатель легче поймет события, изложенные в этой главе, если у него перед глазами будет хотя бы беглый набросок окружающего пейзажа. Надо вспомнить, что очертания озера были неправильны. В общем, оно имело овальную форму, но заливы и мысы, которые украшали его, разнообразили берега. Поверхность чудесного водного пространства сверкала, как драгоценный камень, в последних лучах заходящего солнца, а холмы, одетые богатейшей лесной растительностью, казалось улыбались сияющей улыбкой. За редкими исключениями, берега круто поднимались из воды, и даже в тех местах, где холмы не замыкали кругозора, над озером свисала бахрома из листьев. Деревья, росшие на склонах, тянулись к свету, так что их длинные ветви и прямые стволы склонялись над землей под острым углом. Мы имеем ввиду только лесные гиганты — сосны, достигающие в высоту от ста до полутора футов, — низкорослая растительность попросту купала свои нижние ветви в воде.

Ковчег занимал теперь такое положение, что «замок» и вся северная часть озера были скрыты от него мысом. Довольно высокая гора, поросшая лесом, ограничивала кругозор в этом направлении. В одной из прошлых глав мы уже рассказывали, как река вытекала из озера под лиственными сводами, и упоминали также об утесе, стоявшем вблизи истока, неподалеку от берега. Это был массивный одинокий камень, его основание покоилось на дне озера. Он, видимо, остался здесь с тех времен, когда воды, пролагая себе путь в реку, размывали вокруг мягкую землю. Затем под непрерывным воздействием стихий он приобрел с течением веков свою теперешнюю форму. Высота этого утеса над водой едва превышала шесть футов; своими очертаниями он напоминал пчелиный улей или копну сена. Лучше всего сравнить его именно с копной, так как это дает представление не только о его форме, но и о размерах.

Утес стоял и до сих пор стоит, ибо мы описываем действительно существующий пейзаж — в пятидесяти футах от берега, и летом здесь озеро не глубже двух футов, хотя в другие времена года круглая каменная верхушка совсем погружается в воду. Некоторые деревья так далеко вытягиваются вперед, что даже на близком расстоянии не видно пространства между утесом и берегом. Особенно далеко вытягивается и свисает над утесом одна высокая сосна; под ее величественным балдахином в течение многих веков восседали лесные вожди, когда Америка еще жила в одиночестве, неизвестная всему остальному миру.

В двухстах или трехстах ярдах от берега Зверобой свернул парус и бросил якорь, лишь только тогда заметил, что ковчег плывет прямо по направлению к утесу. Судно пошло несколько медленнее, когда рулевой повернул его носом против ветра. Зверобой отпустил канат и позволил неуклюжему кораблю медленно дрейфовать к берегу. Так как у судна была неглубокая осадка, то маневр удался. Когда молодой человек заметил, что корма находится в пятидесяти-восьмидесяти футах от желанного места, он остановил ковчег.

Зверобой торопился: он был уверен, что враги не спускают глаз с судна и гонятся за ним по берегу. Он думал, однако, что ему удалось сбить мингов с толку. При всей своей прозорливости они вряд ли могли догадаться, что именно утес является целью его плавания, если только один из пленников не выдал им эту тайну. Но такое предательство казалось Зверобоем невероятным.

Как ни спешил Зверобой, все же, прежде чем подойти к берегу, он принял некоторые меры предосторожности на случай поспешного отступления.

Держа карабин наготове, он поставил Джудит у окошечка, обращенного к суше. Отсюда хорошо были видны и утес и береговые заросли, и девушка могла вовремя предупредить о приближении друга или недруга.

Ее сестру Зверобой тоже поставил на вахту. Он поручил ей наблюдать за деревьями: враги могли забраться на верхушки и занять командную позицию над судном, — и тогда оборона была бы невозможна.

Солнце уже покинуло озеро и долину, но до полного заката оставалось еще несколько минут, а молодой охотник слишком хорошо знал индейскую точность, чтобы ожидать от

своего друга малодушной спешки. Но удастся ли окруженному врагами Чингачгук ускользнуть от их козней? Вот в чем был вопрос. Он не знал, какие события разыгрались за последние четыре часа, и вдобавок был еще неопытен на тропе войны. Правда, делавару было известно, что ему предстоит иметь дело с шайкой индейцев, похитивших его невесту, но разве мог он знать истинные размеры опасности или каково точное положение, занятое друзьями и врагами! Коротко говоря, оставалось лишь положиться на выучку и на врожденную хитрость индейца, потому что совсем избежать страшного риска все равно было невозможно.

— Нет ли кого-нибудь на утесе, Джудит? — спросил Зверобой. Он приостановил движение ковчега, считая неблагоразумным подплывать без нужды слишком близко к берегу. — Вы не видите делаварского вождя?

— Никого не вижу, Зверобой. Ни на утесе, ни на берегу, ни на деревьях, ни на озере — нигде никаких признаков человека.

— Прячьтесь получше, Джудит, прячьтесь получше, Хетти: у ружья зоркий глаз, проворные ноги и смертоносный язык. Прячьтесь получше, но смотрите внимательно и будьте начеку. Я буду в отчаянии, если с вами случится какая-нибудь беда.

— А вы, Зверобой! — воскликнула Джудит, отвернув свое хорошенькое личико от солнышка, чтобы бросить ласковый и благодарный взгляд на молодого человека. — Разве вы прячетесь и заботитесь о том, чтобы дикари не заметили вас? Пуля может убить вас так же, как любую из нас, а удар, который поразит вас, почувствуем мы все.

— Не бойтесь за меня, Джудит, не бойтесь, добрая девушка, не смотрите в эту сторону, хотя у вас такой милый и приятный взгляд, но следите во все глаза за утесом, за берегом и...

Слова Зверобой были прерваны тихим восклицанием девушки, которая, повинувшись его беспокойному жесту, снова устремила взгляд в противоположную сторону.

— В чем дело, что случилось, Джудит? — поспешно спросил он. — Вы что-нибудь увидели?

— На утесе человек! Индейский воин в боевой раскраске и с оружием.

— Где у него соколиное перо? — тревожно спросил Зверобой, выпуская канат и готовясь подплыть ближе к месту условленной встречи. — Прямо на макушке или ближе к левому уху?

— Ближе к левому уху. Он улыбается и бормочет слово «могиканин».

— Слава богу! Наконец-то это Змей! — воскликнул Зверобой, ослабляя канат, скользивший у него в руках. На противоположном конце судна послышался шум, произведенный легким прыжком, и он снова натянул канат.

Дверь каюты быстро приотворилась, и в узкую щель стремительно вошел индейский воин. Он остановился перед Зверобоем и тихонько промолвил: «У-у-ух!» В следующую секунду Джудит и Хетти громко вскрикнули, и воздух огласился воем двадцати дикарей, которые прыгали с веток, свисавших над берегом. Некоторые из них второпях падали прямо в воду, головой вниз.

— Тяните, Зверобой! — крикнула Джудит, поспешно захлопнув дверь каюты, чтобы враги не вломились туда тем же путем, каким только что вошел Чингачгук. — Тяните изо всех сил! Дело идет о жизни и смерти! Все озеро полно дикарей, они бегут вброд прямо к нам.

Молодые люди — ибо Чингачгук немедленно поспешил на помощь своему другу, — не ожидая нового призыва, принялись за работу с усердием, говорившим, что они отлично понимают, как велика опасность. Нелегко было сразу преодолеть силу сопротивления такой тяжелой махины. Зато, сдвинув ковчег с места, уже почти ничего не стоило заставить его идти по воде с необходимой скоростью.

— Тяните, Зверобой, ради всего святого! — опять закричала Джудит у окошечка. — Эти негодяи бросаются в воду, словно собаки, преследующие дичь! Ага, баржа тронулась! А у индейца, что ближе всех к нам, вода уже дошла до подмышек, но все-таки они рвутся вперед и хотят захватить ковчег.

Тут раздался приглушенный крик, потом веселый смех. Девушка, которую вначале испугали отчаянные усилия преследователей, смеялась над их явной неудачей. Баржа скользила по глубокой воде с быстротой, делавшей тщетными все покушения врагов. Стены каюты мешали мужчинам видеть, что творилось за кормой. Они были вынуждены по-прежнему обращаться с вопросами к девушкам.

— Ну что же, Джудит? Что же дальше? Минги все еще гонятся за нами или мы и на этот раз отделались от них? — спросил Зверобой, услышав испуганное восклицание и радостный смех девушки.

— Они исчезли. Последний только что юркнул в кусты. Вот-вот он скроется в тени деревьев. Вы встретились с вашим другом, и теперь мы в безопасности.

Друзья сделали еще одно усилие, подтянули ковчег и подняли якорь. А когда баржа, проплыв еще некоторое расстояние, остановилась, они вторично забросили якорь. Тут впервые после встречи они позволили себе немного отдохнуть. Плавающий дом находился теперь в нескольких сотнях футов от берега и служил такой надежной защитой от пуль, что уже не было нужно надрываться по-прежнему.

Обмен приветствиями, последовавший между друзьями, был весьма характерен для обоих. Чингачгук, высокий, красивый, богатырски сложенный индейский воин, сперва заботливо осмотрел карабин и, убедившись, что порох на полке не отсырел, бросил беглый, но внимательный взгляд по сторонам — на оригинальное жилище и на обеих девушек. Он не промолвил при этом ни слова и постарался не обнаружить недостойного мужчины любопытства, задавая какие-либо вопросы.

— Джудит и Хетти, — сказал Зверобой со свойственной ему непринужденной вежливостью, — это могикийский вождь, вы слышали о нем от меня. Его зовут Чингачгук, что означает «Великий Змей». Так его прозвали за мудрость, осмотрительность и хитрость. Это мой самый старый и самый близкий друг. Я узнал его по соколиному перу, которое он носит возле левого уха, тогда как другие воины носят его на темени.

И Зверобой рассмеялся добродушным смехом, радуясь, что благополучно встретился с другом при таких опасных обстоятельствах. Чингачгук хорошо понимал и довольно свободно говорил по-английски, но, подобно большинству индейцев, неохотно изъяснялся на этом языке. Ответив с подобающей вождю учтивостью на сердечное рукопожатие Джудит и на ласковый кивок Хетти, он отошел в сторону, видимо поджидая минуты, когда друг сочтет нужным поделиться с ним своими планами и рассказать обо всем, что произошло за время их разлуки. Зверобой понял, чего он хочет, и обратился к девушкам.

— Как только зайдет солнце, ветер утихнет, — сказал он, — поэтому не стоит сейчас грести против него. Через полчаса, самое большее, наступит полночный штиль или же ветер подует с южного берега. Тогда мы и пустимся в обратный путь к замку. А теперь мы с делаваром хотим потолковать о наших делах и условимся о том, что предпринять дальше.

Никто не возражал, и девушки, удалившись в каюту, чтобы приготовить ужин, а молодые люди уселись на носу баржи и начали беседовать. Они говорили на языке делаваров. Но это наречие мало известно даже людям ученым, и мы передадим этот разговор по-английски.

Не стоит, впрочем, излагать со всеми подробностями начало этой беседы, так как Зверобой рассказал о событиях, уже известных читателю. Отметим лишь, что он ни единым словом не обмолвился о своей победе над ирокезом. Когда Зверобой кончил, заговорил делавар. Он выражался внушительно и с большим достоинством.

Рассказ его был ясен и короток и не прерывался никакими случайными отступлениями. Покинув вигвамы своего племени, он направился прямо в долину Саскуиханны. Он достиг берегов этой реки всего на одну милю южнее ее истока и вскоре заметил след, указывавший на близость врагов. Подготовленный к подобной случайности, ибо цель его экспедиции в том и заключалась, чтобы выследить ирокезов, он обрадовался своему открытию и принял необходимые меры предосторожности. Пройдя вверх по реке до истока и заметив местоположение утеса, он обнаружил другой след и несколько часов подряд наблюдал за врагами, подстерегая удобный случай встретиться со своей любезной или же добыть

вражеский скаल्प; и неизвестно еще, к чему он больше стремился. Все время он держался возле озера и несколько раз подходил так близко к берегу, что мог видеть все, что там происходило. Лишь только появился в виду ковчег, как он начал следить за ним, хотя и не знал, что на борту этого странного сооружения ему предстоит встретиться с другом. Заметив, как ковчег лавирует то в одну, то в другую сторону, делавар решил, что судном управляют белые; это позволило ему угадать истину. Когда солнце склонилось к горизонту, он вернулся к утесу и, к своему удовольствию, снова увидел ковчег, который, видимо, поджидал его.

Хотя Чингачгук в течение нескольких часов внимательно наблюдал за врагами, их внезапное нападение в тот момент, когда он переправился на баржу, было для него такой же неожиданностью, как и для Зверобоя. Он мог объяснить это лишь тем, что врагов гораздо больше, чем он первоначально предполагал, и что по берегу бродят другие партии индейцев, о существовании которых ему ничего не было известно. Их постоянный лагерь — если слово «постоянный» можно применить к становищу, где бродячая орда намеревалась провести самое большое несколько недель, — находился невдалеке от того места, где Хаттер и Непоседа попали в плен, и, само собой разумеется, по соседству с родником.

— Хорошо, Змей, — промолвил Зверобой, когда индеец закончил свой недолгий, но полный воодушевления рассказ, — хорошо, Змей. Ты бродил вокруг становища мингов и, может быть, расскажешь нам что-нибудь о пленниках: об отце этих молодых женщин и о молодом парне, который, как я полагаю, приходится одной из них женихом.

— Чингачгук их видел. Старик и молодой воин — поникий хемлок и высокая сосна.

— Ну, не совсем так, делавар: старик Хаттер, правда, клонится книзу, но еще много прочных бревен можно вытесать из такого ствола. Что касается Гарри Непоседы, то по росту, силе и красоте он и впрямь украшение человеческого леса. Скажи, однако: они были связаны, их подвергали пыткам? Я спрашиваю от имени молодых женщин, которым, смею сказать, очень хочется обо всем знать.

— Нет, Зверобой, мингов слишком много, им нет нужды сажать дичь в клетку. Одни караулят, другие спят, третьи ходят на разведку, иные охотятся. Сегодня бледнолицых принимают как братьев, завтра с них снимут скальпы.

— Джудит и Хетти, утешительная новость для вас: делавар говорит, что вашему отцу и Гарри Непоседе индейцы не сделали ничего худого. Они, конечно, в неволе, но, вообще говоря, чувствуют себя не хуже, чем мы.

— Рада слышать это, Зверобой, — ответила Джудит. — И так как теперь к нам присоединился ваш друг, то я нисколько не сомневаюсь, что нам скоро удастся выкупить пленников. Если в лагере есть женщины, то у меня найдутся наряды, от которых у них разгорятся глаза, а на худой конец мы откроем сундук, там, я думаю, хранятся вещи, способные соблазнить даже вождей.

— Джудит, — улыбаясь, сказал молодой человек, глядя на нее с выражением живого любопытства, которое, несмотря на вечерний сумрак, не ускользнуло от пронизательных взоров девушки, — Джудит, хватит ли у вас духу отказаться от нарядов, чтобы освободить пленников, даже если один из них ваш отец, а другой добивается вашей руки?

— Зверобой, — отвечала Джудит после минутной заминки, — я буду с вами откровенна. Признаюсь, было время, когда наряды были мне дороже всего на свете.

Но с некоторых пор я чувствую в себе перемену. Хотя Гарри Непоседа ничто для меня, я бы все отдала, чтобы его освободить. И, если я готова это сделать для хвастуна, забияки, болтуна Непоседы, в котором, кроме красивой внешности, ничего нет хорошего, можете представить себе, на что я готова ради моего отца.

— Это звучит прекрасно и вполне соответствует женской натуре. Такие чувства встречаются даже среди делаварских девушек. Мне часто, очень часто приходилось видеть, как они жертвовали своим тщеславием ради сердечной привязанности. Женщины и с красной и с белой кожей созданы для того, чтобы чувствовать и повиноваться чувствам.

— А отпустят ли дикари нашего отца, если мы с Джудит отдадим им все наши платья? — спросила Хетти своим невинным, кротким голосом.

— В это дело могут вмешаться женщины, милая Хетти, да, могут вмешаться женщины... Но скажи мне, Змей, много ли скво среди этих негодяев?

Делавар слушал и понимал все, что при нем говорили, хотя с обычной индейской степенностью и замкнутостью сидел, отвернувшись и как будто ничуть не интересуясь разговором, который его не касался. Однако на вопрос друга он сразу ответил со свойственной ему отрывистой манерой.

— Шесть, — сказал он, протягивая вперед все пальцы левой руки и большой палец правой. — И еще одна. — Тут он выразительно прижал руку к сердцу, намекая этим поэтическим и вместе с тем естественным жестом на свою возлюбленную.

— Значит, ты видел ее, вождь? Быть может, тебе удалось рассмотреть ее хорошенькое личико или близко подойти к ней, чтобы спеть ей на ухо одну из тех песен, которые она так любит?

— Нет, Зверобой, там слишком много деревьев, и ветви их покрыты листвой, как небо облаками вовремя грозы. Но (тут молодой воин повернулся к другу, и улыбка внезапно озарила его свирепое, раскрашенное, да и от природы сумрачное, смуглое лицо ясным светом теплого человеческого чувства) Чингачгук слышал смех Уа-та-Уа, он узнал его среди смеха ирокезских женщин. Он прозвучал в его ушах как щебетание малиновки.

— Ну, я могу довериться уху влюбленного, а делаварское ухо различает все звуки, которые оно когда-либо слышало в лесах... Не знаю, почему это так, Джудит, но, когда молодые люди — я разумею и юношей и девушек — начинают испытывать нежные чувства друг к другу, просто удивительно, каким приятным кажется им смех или голос любимой. Мне приходилось видеть, как суровые воины прислушивались к болтовне и смеху молодых девушек, словно к музыке, которую можно услышать в старой голландской церкви на главной улице в Олбани, где я бывал не раз, продавая меха и дичь.

— А вы, Зверобой, — сказала Джудит быстро и с несвойственной ей серьезностью, — неужели вы никогда не чувствовали, как приятно слушать смех любимой девушки!

— Господи помилуй, Джудит! Да ведь я никогда не жил среди людей моего цвета кожи так долго, чтобы испытывать подобные чувства. Вероятно, они естественны и законны, но для меня нет музыки слаще пения ветра в лесных вершинах или журчания искрящегося, холодного, прозрачного ручья. Пожалуй, — продолжал он с задумчивым видом, опустив голову, — мне приятно еще слушать залиvistый лай хорошей гончей, когда нападешь на след жирного оленя. А вот голос собаки, не имеющей нюха, меня нисколько не тревожит. Ведь такая тявкает без толку, ей все равно, бежит ли впереди олень или вовсе нет.

Джудит встала и, о чем-то размышляя, медленно отошла в сторону. Легкий дрожащий вздох вырвался из ее груди, но это не было ее обычное, тонко рассчитанное кокетство.

Хетти, как всегда, слушала с простодушным вниманием, хотя ей казалось странным, что молодой человек предпочитает мелодию лесов песням девушек или их невинному смеху. Привыкнув, однако, во всем подражать примеру сестры, она вскоре последовала за Джудит в каюту, там села и начала упорно обдумывать какую-то затаенную мысль.

Оставшись одни, Зверобой и Чингачгук продолжали беседу.

— Давно ли молодой бледнолицый охотник пришел на это озеро? — спросил делавар, вежливо подождав сначала, чтобы его друг заговорил первым.

— Только вчера в полдень, Змей, хотя за это время успел достаточно повидать и сделать.

Взгляд, который Чингачгук бросил на товарища, был таким острым, что, казалось, пронизывал сгустившийся ночной мрак. Искоса поглядев на индейца, Зверобой увидел два черных глаза, устремленных на него, как зрачки пантеры или загнанного волка. Он понял значение этого пылающего взора и ответил сдержанно:

— Так оно и было, как ты подозреваешь, Змей, да, нечто в этом роде. Я встретил врага и не стану скрывать, что одолел его.

У индейца вырвалось восторженное восклицание; положив руку на плечо друга, он с нетерпением спросил, удалось ли тому добыть скальп противника.

— Ну, насчет этого я готов заявить в лицо всему племени делаваров, старому Таменунду и твоему отцу, великому Ункасу, что такие дела не приличествуют белым. Как видишь, Змей, мой скальп остался у меня на голове, а только он и подвергался опасности в данном случае.

— Воин не пал? Зверобой не оправдал прозвища, которое ему дали, он был недостаточно зорок или недостаточно проворен с ружьем?

— Ну нет, ты ошибаешься! Смею сказать, что минг убит.

— Вождь? — спросил индеец со страстным нетерпением.

— Этого я не могу тебе сказать. Он был ловок, коварен, тверд сердцем и, может быть, пользовался большой известностью среди своего народа, чтобы заслужить это звание. Он дрался храбро, хотя глаз его был не настолько быстр, чтобы опередить того, кто прошел военную выучку вместе с тобой, делавар.

— Моему другу и брату удалось захватить тело?

— В этом не было никакой надобности — минг умер у меня на руках. Надо теперь же сказать всю правду: он сражался, как подобает краснокожему, а я сражался, как подобает белому.

— Хорошо! Зверобой бледнолиц, и у него белые руки. Делавар снимет скальп, повесит его на шест и пропоет песню в честь Зверобоя, когда мы вернемся к нашему народу. Честь принадлежит племени, ее не следует терять.

— Это легче сказать, чем сделать. Тело минга осталось в руках его друзей и, без сомнения, спрятано в какой-нибудь дыре, где даже при всей твоей делаварской хитрости вряд ли удастся добыть его скальп.

Молодой человек коротко, но ясно рассказал своему другу о событиях этого утра, ничего не утаив, но по возможности уклоняясь от принятого среди индейцев бахвальства. Чингачгук снова выразил свое удовольствие, узнав, какой чести удостоился его друг. Затем оба встали, так как наступил час, когда ради большей безопасности следовало отвести ковчег подальше от берега.

Было уже совсем темно; небо затянулось тучами, звезды померкли. Как всегда после захода солнца, северный ветер стих и с юга повеяла легкая воздушная струя. Эта перемена благоприятствовала намерениям Зверобоя, он поднял якорь, и баржа тотчас же начала дрейфовать вверх по озеру. Когда подняли парус, скорость судна увеличилась до двух миль в час. Итак, не было никакой нужды работать веслами. Зверобой, Чингачгук и Джудит уселись на корме; охотник взялся за руль. Затем они начали совещаться о том, что делать дальше и каким образом освободить друзей.

Джудит принимала живое участие в этой беседе. Делавар без труда понимал все, что она говорила, но отвечал на своем языке, и его сжатые и меткие замечания должен был переводить Зверобой. За последние полчаса Джудит много выиграла в мнении своего нового знакомого. Она быстро решала вопросы, предлагала смелые и уверенные планы, и все ее суждения были глубоко продуманы. Сложные и разнообразные события, которые произошли после их встречи, одиночество девушки и зависимое положение заставили ее относиться к Зверобою как к старому, испытанному другу, и она доверилась ему всей душой. До сих пор Джудит относилась к мужчинам настороженно, но теперь она отдалась под покровительство молодого человека, очевидно не таившего против нее никаких дурных намерений. Его честность, наивная поэзия его чувств и даже своеобразие его речи — все это способствовало возникновению привязанности, такой же чистой, как внезапной и глубокой. До встречи со Зверобоем у Джудит было много поклонников и ценителей ее красоты, но все они смотрели на нее как на хорошенькую игрушку, и она сомневалась в искренности их напыщенных и приторных комплиментов. Красивое лицо и мужественная фигура Непоседы не искупали неприятного впечатления от его шумной и грубой манеры держаться. Зверобой же был для Джудит олицетворением прямооты, и его сердце казалось ей прозрачным, как кристалл. Даже его равнодушие к ее красоте, вызывавшей восхищение всех мужчин, подстрекало тщеславие молодой девушки и еще сильнее раздувало в ней искру нежного чувства.

Так прошло около получаса; все это время ковчег медленно скользил по воде. Тьма сгушалась вокруг.

На южном берегу уже начинали теряться в отдалении темные лесные массивы, а горы отбрасывали тень, закрывавшую почти все озеро. Впрочем, на самой его середине, где на водную поверхность падал тусклый свет, еще струившийся с неба, узкая и слабо мерцавшая полоса тянулась по прямой линии с севера на юг. По этому подобию Млечного Пути и подвигался ковчег, что значительно облегчало работу рулевого. Джудит и Зверобой молча любовались торжественным спокойствием природы.

— Какая мрачная ночь! — заметила Джудит после долгой паузы. — Надеюсь, нам удастся найти «замок».

— Да, вряд ли мы его проглядим, если будем держаться по самой середине озера, — отозвался молодой человек. — Сама природа указала нам здесь дорогу, и, как бы ни было темно, нам нетрудно следовать по ней.

— Вы ничего не слышите, Зверобой? Мне кажется, будто вода плещет где-то совсем близко от нас.

— Правда. Что-то действительно движется в воде. Должно быть, рыба. Эти создания гоняются друг за дружкой совсем как люди или звери на суше. Вероятно, одна из них подпрыгнула в воздух, а потом опять погрузилась в свою стихию. Никто из нас, Джудит, не должен покидать свою стихию, природа всегда возьмет свое... Тсс! Слушайте! Это похоже на шум весла, которым действуют очень осторожно...

Тут делавар склонился над бортом и многозначительно показал пальцем куда-то в темноту. Зверобой и Джудит взглянули в этом направлении, и оба одновременно увидели пирогу. Очертания этого неожиданного соседа были очень неясны и легко могли ускользнуть от неопытных глаз. Но пассажиры ковчега сразу разглядели пирогу; в ней стоял, выпрямившись во весь рост, человек и работал веслом. Разумеется, нельзя было узнать, не притаился ли еще кто-нибудь на дне лодки. Уйти на веслах от легкой пироги было невозможно, и мужчины схватились за карабины, готовясь к бою.

— Я легко могу свалить гребца, — прошептал Зверобой, — но сперва мы окликнем его и спросим, что ему надо. — Затем, возвысив голос, он произнес внушительным тоном:

— Стоп! Если ты подплывешь ближе, я должен буду стрелять, и тебя ожидает неминуемая смерть. Перестань грести и отвечай!

— Стреляйте и убейте бедную, беззащитную девушку, — ответил мягкий и трепещущий женский голос, — но бог вам этого никогда не простит! Ступайте вашей дорогой, Зверобой, а мне позвольте идти моей.

— Хетти! — одновременно воскликнули охотник и Джудит.

Зверобой бросился к тому месту, где была привязана пирога, которую они вели на буксире. Пирога исчезла, и молодой человек сразу понял, в чем дело. Что касается беглянки, то, испугавшись угрозы, она перестала греметь и теперь смутно выделялась во мраке, как туманный призрак, поднявшийся над водой. Парус тотчас же спустился, чтобы помешать ковчегу обогнать пирогу. К несчастью, это было сделано слишком поздно: инерция и напор ветра погнали судно вперед, и Хетти очутилась с подветренной стороны. Но она все еще оставалась на виду.

— Что это значит, Джудит? — спросил Зверобой. — Почему ваша сестра отвязала лодку и покинула нас?

— Вы знаете, что она слабоумная. Бедная девочка! У нее свои понятия о том, что надо делать. Она любит меня больше, чем дети обычно любят своих родителей, и, кроме того...

— В чем же дело, девушка? Сейчас такое время, что надо говорить всюду правду.

Джудит не хотелось выдавать тайну сестры, и она немного колебалась, прежде чем заговорила опять. Но, уступая требованиям Зверобоя и сама отлично понимая, какому риску они все подвергаются из-за неосторожности Хетти, она не могла долее молчать.

— Я боюсь, что бедная простушка Хетти неспособна понять, что за тщеславие, пустота и ветреность прячутся за красивой внешностью Гарри Непоседы. Она говорит о нем во сне, а

иногда выражает свои чувства даже наяву.

— Значит, вы предполагаете, Джудит, что ваша сестра затеяла какое-то нелепое дело, чтобы спасти отца и Непоседу, и одна из наших пироги может попасть из-за этого в руки к мингам?

— Боюсь, что так, Зверобой. Бедная Хетти вряд ли сумеет перехитрить дикарей.

Пирога с фигурой Хетти, стоявшей на корме, продолжала смутно маячить во мраке. Но, по мере того как ковчег удалялся, очертания пироги расплывались в ночной тьме. Было совершенно очевидно, что нельзя терять времени, иначе она окончательно исчезнет во мраке. Отложив ружья в сторону, мужчины взяли за весла и начали поворачивать баржу, по направлению к пироге. Джудит, привыкшая к такого рода работе, побежала на другой конец ковчег и поместилась на возвышении, которое можно было бы назвать «капитанским мостиком». Испуганная всеми этими приготовлениями, поневоле сопровождавшимися шумом, Хетти встрепелась, как птичка, встревоженная приближением неожиданной опасности.

Зверобой и его товарищ гребли со всей энергией, на какую только были способны, а Хетти слишком волновалась, так что погоня, вероятно, вскоре закончилась бы тем, что беглянку поймали бы, если бы она несколько раз совершенно неожиданно не изменяла направления. Эти повороты дали ей возможность выиграть время и заставили ковчег и пирогу войти в полосу глубокой тьмы, очерченной тенями холмов. Расстояние между беглянкой и ее преследователями постепенно увеличивалось, пока наконец Джудит не предложила друзьям бросить весла, так как она совершенно потеряла пирогу из виду.

Когда она сообщила эту печальную весть, Хетти находилась еще так близко, что могла слышать каждое слово сестры, хотя Джудит старалась говорить как можно тише. В то же мгновение Хетти перестала грести и затаив дыхание ждала, что будет дальше. Над озером воцарилась мертвая тишина. Пассажиры ковчег тщетно напрягали зрение и слух, стараясь определить местонахождение пироги. Джудит склонилась над бортом в надежде уловить какой-нибудь звук, позволивший бы определить направление, по которому удалялась сестра, тогда как оба ее спутника, тоже наклонившись, старались смотреть параллельно воде, ибо так было легче всего заметить любой предмет, плавающий на ее поверхности. Однако все было напрасно, и усилия их не увенчались успехом. Все это время Хетти, не догадываясь опуститься на дно пироги, стояла во весь рост, приложив палец к губам и глядя в ту сторону, откуда доносились голоса, словно статуя, олицетворяющая глубокое и боязливое внимание. У нее хватило смекалки отвязать пирогу и бесшумно отплыть от ковчег, но дальше, как видно, все способности изменили ей. Даже повороты пироги были скорее следствием нетвердости ее руки и нервного возбуждения, чем сознательного расчета.

Пауза длилась несколько минут, в течение которых Зверобой и индеец совещались на делаварском наречии. Затем они снова взяли за весла, стараясь по возможности не производить шума. Ковчег медленно направился на запад, к вражескому лагерю. Подплыв на близкое расстояние к берегу, где мрак был особенно густой, судно простояло на месте около часа в ожидании Хетти. Охотник и индеец полагали, что, как только девушка решит, что ей больше не грозит преследование, она направится именно в эту сторону. Однако и этот маневр не удался. Ни единый звук, ни единая промелькнувшая по воде тень не указывали на приближение пироги. Разочарованный этой неудачей и сознавая, как важно вернуться в крепость, прежде чем она будет захвачена неприятелем, Зверобой направил судно обратно к «замку», с беспокойством думая, что его старания овладеть всеми пирогами, находившимися на озере, будут сведены на нет неосторожным поступком слабоумной Хетти.

Глава 10

*Но в этой дикой чаще
Кто может глазу доверять иль уху?
Скалистые провалы и пещеры*

*На шелест листьев, крики птиц ночных,
Треск сучьев резкий, завыванья ветра
Протяжным отвечают эхом.*
Джоанна Бэйлли

Страх и в то же время расчет побудили Хетти положить весло, когда она поняла, что преследователи не знают, в каком направлении им двигаться. Она оставалась на месте, пока ковчег плыл к индейскому лагерю. Потом, девушка снова взялась за весло и осторожными ударами погнала пирогу к западному берегу. Однако, желая обмануть преследователей, которые, как она правильно угадала, вскоре сами приблизились к этому берегу, Хетти направилась несколько дальше к северу, решив высадиться на мысе, который выдавался далеко в озеро приблизительно в одной миле от истока.

Впрочем, она хотела не только замести следы: при всей своей простоте Хетти Хаттер была одарена от природы инстинктивной осторожностью, которая так часто свойственна слабоумным. Девушка отлично понимала, что прежде всего надо не дать ирокезам возможности захватить пирогу. И давнее знакомство с озером подсказало ей, как проще всего сочетать эту важную задачу с ее собственным замыслом.

Как мы уже сказали, мыс, к которому направилась Хетти, выдавался далеко в воду. Если пустить оттуда пирогу по течению в то время, когда дует южный ветерок, то, судя по всему, эта пирога должна была, плывя прямо от берега, достигнуть «замка», стоявшего с подветренной стороны. Хетти решила так и поступить.

Не раз наблюдая за движением бревен, проплывавших по озеру, она знала, что на рассвете ветер обычно меняется, и не сомневалась, что если даже пирога и минует в темноте «замок», то Зверобой, который утром, несомненно, будет внимательно осматривать в подозрную трубу озеро и его лесистые берега, успеет остановить легкое суденышко, прежде чем оно достигнет северного побережья.

Девушке понадобилось около часа, чтобы добраться до мыса. И расстояние было порядочное, да и в темноте она гребла не так уверенно. Ступив на песчаный берег, она уже собиралась оттолкнуть пирогу и пустить ее по течению. Но не успела она еще этого сделать, как вдруг услышала тихие голоса, казалось доносившиеся со стороны деревьев, которые высились позади нее. Испуганная неожиданной опасностью, Хетти хотела снова прыгнуть в пирогу, чтобы искать опасения в бегстве, как вдруг ей почудилось, что она узнает мелодичный голос Джудит. Наклонившись над водой, чтобы лучше слышать, Хетти поняла, что ковчег приближается с юга и непременно пройдет мимо мыса, ярдах в двадцати от того места, где она стояла. Это было все, чего она желала; пирога поплыла по озеру, оставив ее на узкой береговой полоске.

Совершив этот самоотверженный поступок, Хетти не считал нужным удалиться. Деревья со склонившимися ветвями и кустарники могли бы скрыть ее даже при полном дневном свете, а в темноте там ничего нельзя было разглядеть даже на расстоянии нескольких футов. Кроме того, ей достаточно было пройти каких-нибудь два десятка шагов, чтобы углубиться в лес. Поэтому Хетти не двинулась с места, в тревоге ожидая последствий своей уловки и решив окликнуть пассажиров ковчега, если они проплывут мимо, не заметив пирогу.

На ковчеге снова подняли парус. Зверобой стоял на носу рядом с Джудит, а делавар — у руля. По-видимому, судно подошло слишком близко к берегу в соседнем заливе в надежде перехватить Хетти. И теперь беглянка совершенно ясно расслышала, как молодой охотник приказал своему товарищу изменить направление, чтобы не натолкнуться на мыс.

— Держи дальше от берега, делавар, — в третий раз повторил Зверобой по-английски, чтобы и Джудит могла его понять, — держи дальше от берега, мы здесь зацепились за деревья, и надо высвободить мачту из ветвей... Джудит, вот пирога!

Он произнес последние слова с величайшей серьезностью и тотчас же схватился за

ружье. Догадливая девушка мигом сообразила, в чем дело, и сказала своему спутнику, что пирога эта, наверное, та самая, в которой бежала ее сестра.

— Поворачивай баржу, делавар! Правь прямо, как летит пуля, пущенная в оленя... Вот так, готово!

Пирогу схватили и привязали к борту ковчега, спустили парус и остановили ковчег при помощи весел.

— Хетти! — крикнула Джудит. В ее голосе звучали любовь и тревога. — Слышишь ли ты меня, сестра? Ради бога, отвечай, чтобы я еще раз могла услышать твой голос! Хетти, милая Хетти!

— Я здесь, Джудит, здесь на берегу! Не стоит гнаться за мной, я все равно спрячусь в лесу.

— О, Хетти, что ты делаешь! Вспомни, что скоро полночь, а по лесу бродят минги и хищные звери.

— Никто не причинит вреда бедной полоумной девушке, Джудит. Я иду помочь моему отцу и бедному Гарри Непоседе. Их будут мучить и убьют, если никто не позаботится о них.

— Мы все заботимся о них и завтра начнем с индейцами переговоры о выкупе. Вернись обратно, сестра! Верь нам, мы умнее тебя и сделаем для отца все, что только возможно.

— Знаю, что вы умнее меня, Джудит, ведь я очень глупа. Но я должна идти к отцу и бедному Непоседе. А вы со Зверобоем удерживайте замок. Оставьте меня на милость божью.

— Бог с нами везде, Хетти: и на берегу, и в замке. Грешно не надеяться на его милость. Ты ничего не сможешь сделать в темноте — ты собьешься с дороги в лесу и погибнешь от голода.

— Бог не допустит, чтобы это случилось с бедной девушкой, которая идет спасать своего отца. Я постараюсь найти дикарей.

— Вернись только на эту ночь. Утром мы высадим тебя на берег и позволим тебе действовать по-твоему.

— Ты так говоришь, Джудит, и так ты думаешь, но не сделаешь. Твое сердце оробеет, и ты будешь думать только о томагавках и ножах для скальпировки. Кроме того, я хочу сказать индейскому вождю кое-что, и все наши желания исполнятся; я боюсь, что могу позабыть это, если не скажу тотчас же. Ты увидишь, он позволит отцу уйти, как только услышит мои слова.

— Бедная Хетти! Что можешь ты сказать свирепому дикарю, чтобы заставить его отступить от кровавых замыслов?

— Я скажу ему слова, которые напугают его и заставят отпустить нашего отца, — решительно ответила простодушная девушка. — Вот увидишь, сестра, он будет послушен, как ребенок.

— А не скажете ли вы мне, Хетти, что вы собираетесь там говорить? — спросил Зверобой. — Я хорошо знаю дикарей и могу представить себе, какие слова способны подействовать на их кровавую натуру.

— Ну хорошо, — доверчиво ответила Хетти, понижая голос. — Хорошо, Зверобой, вы, по-видимому, честный и добрый молодой человек, и я вам все скажу. Я не буду говорить ни с одним из дикарей, пока не окажусь лицом к лицу с их главным вождем. Пусть донимают меня расспросами, сколько им угодно. Я ничего не отвечу, а буду только требовать, чтобы меня отвели к самому мудрому и самому старому. Тогда, Зверобой, я скажу ему, что бог не прощает убийства и воровства. Если отец и Непоседа отправились за скальпами, то надо платить добром за зло: так приказывает библия, а кто не исполняет этого, тот будет наказан. Когда вождь услышит мои слова и поймет, что эта истинная правда, — как вы полагаете, много ли времени ему понадобится, чтобы отослать отца, меня и Непоседу на берег против замка, велев нам идти с миром?

Хетти, явно торжествуя, задала этот вопрос. Затем простодушная девушка залилась смехом, представив себе, какое впечатление произведут ее слова на слушателей. Зверобой был ошеломлен этим доказательством ее слабоумия. Но Джудит хотела помешать нелепому

плану, играя на тех же чувствах, которые его породили. Она поспешно окликнула сестру по имени, как бы собираясь сказать ей что-то очень важное. Но зов этот остался без ответа. По треску ветвей и шуршанию листьев было слышно, что Хетти уже покинула берег и углубилась в лес. Погоня за ней была бы бессмысленна, ибо изловить беглянку в такой темноте и под прикрытием такого густого лиственного покрова было, очевидно, невозможно: кроме того, сами они ежеминутно рисковали бы попасть в руки врагов.

Итак, после короткого и невеселого совещания они снова подняли парус, и ковчег продолжал плыть к обычному месту своих стоянок. Зверобой молча радовался, что удалось вторично завладеть пирогой, и обдумывал план дальнейших действий. Ветер начал свежеть, лишь только судно отдалилось от мыса, и менее чем через час они достигли «замка».

Здесь все оказалось в том же положении; чтобы войти в дом, пришлось повторить все сделанное при уходе, только в обратном порядке. Джудит в эту ночь легла спать одна и оросила слезами подушку, думая о невинном заброшенном создании, о своей подруге с раннего детства; горькие сожаления мучили ее, и она заснула. Когда уже почти рассвело, Зверобой и делавар расположились в ковчеге. Здесь мы и оставим их погруженными в глубокий сон, честных, здоровых и смелых людей, чтобы вернуться к девушке, которую мы в последний раз видели среди лесной чащи.

Покинув берег, Хетти не колеблясь направилась в лес, подгоняемая боязнью погони. Однако под ветвями деревьев стояла такая густая тьма, что подвигаться вперед можно было лишь очень медленно. С первых же шагов девушка побрела наугад. К счастью, рельеф местности не позволил ей уклониться далеко в сторону от избранного направления. С одной стороны ее путь был обозначен склоном холма, с другой стороны проводником служило озеро. В течение двух часов подряд простосердечная, наивная девушка пробиралась по лесному лабиринту, иногда спускаясь к самой воде, а иногда карабкаясь по откосу. Ноги ее скользили, она не раз падала, хотя при этом не ушибалась. Наконец Хетти так устала, что уже не могла идти дальше. Надо было отдохнуть. Она села и стала спокойно готовить себе постель, так как привычная пустыня не страшила ее никакими воображаемыми ужасами. Девушка знала, что по всему окрестному лесу бродят дикие звери, но хищники, нападающие на человека, были редки в тех местах, а ядовитых змей не встречалось вовсе. Обо всем этом она не раз слышала от отца. Одинокое величие пустыни скорее успокаивало, чем пугало ее, и она готовила себе ложе из листьев с таким хладнокровием, как будто собиралась лечь спать под отцовским кровом.

Набрав ворох сухих листьев, чтобы не спать на сырой земле, Хетти улеглась. Одета она была достаточно тепло для этого времени года, — но в лесу всегда прохладно, а ночи в высоких широтах очень свежи. Хетти предвидела это и захватила с собой толстый зимний плащ, который легко мог заменить одеяло. Укрывшись, она через несколько минут уснула так мирно, словно ее охраняла родная мать.

Часы летели за часами, и ничто не нарушало сладкого отдыха девушки. Кроткие глаза ни разу не раскрылись, пока предрассветные сумерки не начали пробиваться сквозь вершины деревьев; тут прохлада летнего утра, как всегда, разбудила ее. Обычно Хетти вставала, когда первые солнечные лучи касались горных вершин.

Но сегодня она слишком устала и спала очень крепко; она только пробормотала что-то во сне, улыбнулась ласково, как ребенок в колыбельке, и, продолжая дремать, протянула вперед руку. Делая этот бессознательный жест, Хетти прикоснулась к какому-то теплomu предмету. В следующий миг что-то сильно толкнуло девушку в бок, как будто какое-то животное старалось заставить ее переменить положение. Тогда, пролепетав имя «Джудит», Хетти наконец проснулась и, приподнявшись, заметила, что какой-то темный шар откатился от нее, разбрасывая листья и ломая упавшие ветви. Открыв глаза и немного придя в себя, девушка увидела медвежонка из породы обыкновенных бурых американских медведей.

Он стоял на задних лапах и глядел на нее, как бы спрашивая, не опасно ли будет снова подойти поближе. Хетти обожала медвежат. Она уже хотела броситься вперед и схватить маленькое существо, но тут громкое ворчание предупредило ее об опасности. Отступив на

несколько шагов, девушка огляделась по сторонам и невдалеке от себя увидела медведицу, следившую сердитыми глазами за всеми ее движениями. Дуплистое дерево, давшее когда-то приют пчелиному рою, недавно было повалено бурей, и медведица с двумя медвежатами лакомялась медовыми сотами, оказавшимися в ее распоряжении, не переставая в то же время ревниво наблюдать за своим третьим, опрометчивым малышом.

Человеческому уму непонятны и недоступны все побуждения, которые управляют действиями животных.

Медведица, обычно очень свирепая, когда ее детеныши подвергаются действительной или мнимой опасности, в данном случае не сочла нужным броситься на девушку.

Она оставила соты, подошла к Хетти футов на двадцать и встала на задние лапы, раскачиваясь всем телом с видом сварливого неудовольствия, но ближе не подходила.

К счастью, Хетти не вздумала бежать. Поэтому медведица вскоре снова опустилась на все четыре лапы и, собрав детенышей вокруг себя, позволила им сосать молоко. Хетти была в восторге, наблюдая это проявление родительской нежности со стороны животного, которое, вообще говоря, отнюдь не славится сердечной чувствительностью. Когда один из медвежат оставил мать и начал кувыркаться и прыгать вокруг нее, девушка опять почувствовала сильнейшее искушение схватить его на руки и поиграть с ним. Но, снова услышав ворчание, она, к счастью, отказалась от этого опасного намерения. Затем, вспомнив о цели своего похода, она повернулась спиной к медведице и пошла к озеру, сверкавшему между деревьями. К ее удивлению, все медвежье семейство поднялось и последовало за ней, держась на небольшом расстоянии позади. Животные внимательно следили за каждым ее движением, как будто их чрезвычайно интересовало все, что она делала. Таким образом, под конвоем медведицы и ее медвежат девушка прошла около мили, то есть по крайней мере втрое больше того, что могла бы пройти за это время в темноте. Потом она достигла ручья, впадавшего в озеро между крутыми, поросшими лесом берегами. Здесь Хетти умылась; утолив жажду чистой горной водой, она продолжала путь, освеженная и с более легким сердцем, по-прежнему в сопровождении своего странного эскорта.

Теперь дорога ее лежала вдоль широкой плоской террасы, тянувшейся от самой воды до подножия невысокого склона, откуда начиналась вторая терраса с неправильными очертаниями, расположенная немного выше. Это было в той части долины, где горы отступают наискось, образуя начало низменности, которая лежит между холмами к югу от озера. Здесь Хетти и сама бы смогла догадаться, что она приближается к индейскому лагерю, если бы даже медведи и не предупредили ее о близости людей. Понюхав воздух, медведица отказалась следовать далее, хотя девушка не раз оборачивалась назад и подзывала ее знаками и даже своим детским, слабеньким голоском. Девушка продолжала медленно пробираться вперед сквозь кусты, когда вдруг почувствовала, что ее останавливает человеческая рука, легко опустившаяся на ее плечо.

— Куда идешь? — спросил торопливо и тревожно мягкий женский голос. — Индеец, краснокожий, злой воин — там!

Этот неожиданный привет испугал девушку не больше, чем присутствие диких обитателей леса. Правда, Хетти несколько удивилась. Но ведь она была уже отчасти подготовлена к подобной встрече, а существо, остановившее казалось самым безобидным из всех когда-либо появлявшихся перед людьми в индейском обличье. Это была девушка немного старше Хетти, с улыбкой такой же ясной, как улыбка Джудит в ее лучшие минуты, с голосом, звучавшим как музыка и выражавшим покорную нежность, которая так характерна для женщины тех народов, где она бывает только помощницей и служанкой воина. Красота — не редкость среди американских туземок, пока на них не легли все тяготы супружества и материнства. В этом отношении первоначальные владельцы страны не многим отличаются от своих более цивилизованных преемников.

На девушке, так внезапно остановившей Хетти, была миткалевая мантилья, доходившая до талии; короткая юбка из голубой шерсти, обшитая золотым позументом, спускалась чуть ниже колен. Гамаша из той же ткани и мокасины из оленьей шкуры

дополняли наряд индианки. Волосы, заплетенные в длинные черные косы, падали на плечи и на спину и были разделены пробором над низким гладким лбом, что смягчало выражение глаз, в котором хитрость сочеталась с простодушием. Лицо у девушки было овальное, с точными чертами, зубы ровные, белые. Голос у нее был нежный, как вздохи ночного ветерка, что вообще характерно для женщины индейской расы, но он был так замечателен в этом отношении, что девушке дали прозвище Уа-та-Уа, которое по-английски можно перевести: «Тише, о тише!»

Короче, это была невеста Чингачгука. Ей удалось усыпить бдительность своих похитителей, и она получила разрешение прогуливаться в окрестностях лагеря. Эта поблажка, впрочем, вполне соответствовала обычаям индейцев, к тому же они знали, что в случае бегства нетрудно будет отыскать девушку по следу. Следует также напомнить, что ирокезы, или гуроны, как правильное называть их, не догадывались о том, что на озере появился ее жених. Да и сама она ничего об этом не знала.

Трудно сказать, кто из девушек обнаружил больше самообладания при этой неожиданной встрече — бледнолицая или краснокожая. Во всяком случае, Уа-та-Уа лучше знала, чего она хочет. Когда она была ребенком, ее отец долго служил как воин у колониального начальства. Сама она прожила несколько лет по соседству с фортом и выучилась английскому языку, на котором говорила отрывисто, как все индейцы, но совершенно бегло, и притом очень охотно, в отличие от большинства представителей своего племени.

— Куда идешь? — повторила Уа-та-Уа, ответив ласковой улыбкой на улыбку Хетти. — В той стороне злой воин. Добрый воин далеко.

— Как тебя зовут? — совсем по-детски спросила Хетти.

— Уа-та-Уа. Я не минг, я добрая делаварка — друг ингизов. Минги жестокие, любят скальпы для крови; делавары любят для славы. Иди сюда, здесь нет глаз.

Уа-та-Уа повела свою новую подругу к озеру и спустилась на берег, чтобы укрыться под деревьями от посторонних взоров. Здесь девушки сели на упавшее дерево, вершина которого купалась в воде.

— Зачем ты пришла? — тревожно спросила молодая индианка. — Откуда ты пришла?

Со своей обычной простотой и правдивостью Хетти поведала ей свою историю. Она рассказала, в каком положении находится ее отец, и заявила, что хочет помочь ему и, если это возможно, добиться его освобождения.

— Зачем твой отец приходил в лагерь мингов прошлой ночью? — спросила индейская девушка с такой же прямоотой. — Он знает — теперь военное время, и он не мальчик, у него борода. Шел — знал, что у ирокезов есть ружья, томагавки и ножи. Зачем он приходит ночью, хватается меня за волосы и хочет снять скальп с делаварской девушки?

Хетти от ужаса едва не упала в обморок.

— Неужели он схватил тебя? Он хотел снять с тебя скальп?

— Почему нет? Скальп делавара можно продать, как и скальп минга. Губернатор не знает разницы. Очень худо для бледнолицего ходить за скальпами. Не его обычай. Так мне всегда говорил добрый Зверобой.

— Ты знаешь Зверобоя? — спросила Хетти, зарумянившись от удивления и радости. — Я его тоже знаю. Он у нас в ковчеге с Джудит и делаваром, которого зовут Великим Змеем. Этот Змей тоже красивый и смелый воин.

Хотя природа одарила индейских красавиц темным цветом лица, щеки Уа-та-Уа покрылись еще более густым румянцем при этих словах, а ее черные, как агат, глаза засверкали живым огнем. Предостерегающе подняв палец, она понизила свой и без того тихий и нежный голос до едва слышного шепота.

— Чингачгук! — сказала она, произнося это суровое имя такими мягкими горловыми звуками, что оно прозвучало почти как, музыка. — Его отец Ункас, великий вождь Махикани, самый близкий к старому Таменунду! Ты знаешь Змея?

— Он пришел к нам вчера вечером и пробыл со мной в ковчеге два или три часа, пока я

не покинула их. Я боюсь, Уа-та-Уа, что он явился сюда за скальпами, так же как мой бедный отец и Гарри Непоседа.

— А почему бы и нет? Чингачгук — красивый воин, очень красивый, скальпы приносят ему славу. Он, конечно, будет искать их.

— В таком случае, — серьезно сказала Хетти, — он не менее жесток, чем все другие. Бог не простит краснокожему то, чего не прощает белому.

— Неправда! — возразила делаварская девушка с горячностью, граничащей почти с исступлением. — Говорю тебе, неправда! Маниту улыбается, когда молодой воин приходит с тропы войны с двумя, с десятью, с сотней скальпов на шесте! Отец Чингачгука снимал скальпы, дед снимал скальпы — все великие вожди снимали скальпы, и Чингачгук от них не отстанет.

— Тогда его должны мучить по ночам дурные сны. Нельзя быть жестоким и надеяться на прощение.

— Он не жесток, не за что его винить! — воскликнула Уа-та-Уа, топнув своей маленькой ножкой по песку и тряхнув головой. — Говорю тебе, Змей храбр. На этот раз он вернется домой с четырьмя — нет, с двумя скальпами.

— И для этого он пришел сюда? Неужели он отправился так далеко, через горы, долины, реки и озера, чтобы мучить своих ближних и заниматься этим гадким делом?

Этот вопрос сразу потушил загоревшийся было гнев оскорбленной индейской красавицы. Сперва она подозрительно оглянулась по сторонам, как опасаясь нескромных ушей, затем пытливо поглядела в лицо своей подруги и наконец с девической кокетливостью и женской стыдливостью закрыла лицо обеими руками рассмеялась таким музыкальным смехом, что его следовало бы назвать мелодией лесов.

Впрочем, боязнь быть услышанной быстро положила конец этому наивному изъяслению сердечных чувств. Опустив руки, это порывистое существо снова пытливо уставилось в лицо подруги, как бы спрашивая, можно ли доверить ей важную тайну. Хетти не могла похвастать такой ослепительной красотой, как Джудит, но многие считали, что внешность младшей сестры больше располагала в ее пользу. На ее лице отражалась вся неподдельная искренность ее характера, и в то же время в нем не было неприятного выражения, которое часто бывает свойственно слабоумным. Повинуясь внезапному порыву нежности, Уа-та-Уа обняла Хетти с таким чувством, непосредственность которого могла сравниться только с его горячностью.

— Ты добрая, — прошептала молодая индианка, — ты добрая, я знаю. Так давно Уа-та-Уа не имела подруги, сестры, кого-нибудь, чтобы рассказать о своем сердце! Ты моя подруга, правда?

— У меня никогда не было подруги, — ответил Хетти, с непритворной сердечностью отвечая на горячие объятия. — У меня есть сестра, но подруги нет. Джудит любит меня, и я люблю Джудит. Но мне бы хотелось иметь и подругу. Я буду твоей подругой от всего сердца, потому что мне нравится твой голос, и твоя улыбка, и то, как ты судишь обо всем, если не считать скальпов...

— Не говори больше о скальпах, — ласково перебила ее Уа-та-Уа. — Ты бледнолицая, а я краснокожая — у нас разные обычаи. Зверобой и Чингачгук большие друзья, но у них неодинаковый цвет кожи. Уа-та-Уа и... Как твое имя, милая бледнолицая?

— Меня зовут Хетти, хотя в библии это имя пишется «Эйфирь».

— Почему? Нехорошо так. Совсем не надо писать имена. Моравские братья пробовали научить Уа-та-Уа писать, но я им не позволила. Нехорошо делаварской девушке знать больше, чем знает воин; это очень стыдно. Мое имя Уа-та-Уа, я буду звать тебя Хетти.

Закончив к обоюдному удовольствию предварительные переговоры, девушки начали рассуждать о своих надеждах и намерениях. Хетти рассказала новой подруге более подробно обо всем, что она собиралась сделать для отца, а делаварка поделилась своими планами, связанными с появлением юного воина. Бойкая Уа-та-Уа первая начала задавать вопросы. Обняв Хетти за талию, она наклонила голову, заглядывая в лицо подруги, и заговорила более

откровенно.

— У Хетти — не только отец, но и брат, — сказала она. — Почему не говоришь о брате, а только об отце?

— У меня нет брата. Говорят, был когда-то, но умер много лет назад; теперь лежит в озере рядом с матерью.

— Нет брата, но есть юный воин. Любишь его, почти как отца, а? Очень красивый и храбрый; может быть вождем, если он такой, каким кажется.

— Грешно любить постороннего мужчину, как отца, и потому я стараюсь сдерживаться, — возразила совестливая Хетти, которая не умела скрывать свои чувства даже с помощью простых недомолвок, хотя ей было очень стыдно. — Но мне иногда кажется, что я не совладаю бы с собой, если бы Непоседа чаще приходил на озеро. Я должна сказать тебе всю правду, милая Уа-та-Уа: упала бы и умерла в лесу, если бы он об этом узнал.

— А почему сам не спросит? На вид такой смелый, почему не говорит так же смело? Юный воин должен спросить девушку: девушке не пристало говорить об этом первой. И у мингов девушки стыдятся этого.

Это было сказано горячо и с благородным негодованием, но не произвело особого впечатления на простодушную Хетти.

— О чем спросить меня? — встрепелась она в сильнейшем испуге. — Спросить меня, люблю ли я его также, как своего отца? О, надеюсь, он никогда не задаст мне такой вопрос! Ведь я должна буду ему ответить, а это меня убьет.

— Нет, нет, не убьет, — возразила индианка, невольно рассмеявшись. — Быть может, покраснеешь, быть может, будет стыдно, но ненадолго; затем станешь счастливее, чем когда-либо. Молодой воин должен сказать девушке, что он хочет сделать ее своей женой; иначе она никогда не поселится у него в вигваме.

— Гарри не хочет жениться на мне. Никто и никогда не женится на мне.

— Почему ты знаешь? Быть может, каждый мужчина готов жениться на тебе, и мало-помалу язык скажет, что чувствует сердце. Почему никто не женится на тебе?

— Говорят, я слабоумная. Отец часто говорит мне это, а иногда и Джудит, особенно если рассердится. Но я верю не столько им, сколько матери. Она только раз сказала мне это. И при этом горько плакала, как будто сердце у нее разрывалось на части. Тогда я поняла, что я действительно слабоумна.

В течение целой минуты Уа-та-Уа молча глядела в упор на милую, простодушную девушку. Наконец делаварка поняла все; жалость, уважение и нежность одновременно вспыхнули на ее груди. Вскочив на ноги, она объявила, что немедленно отведет свою новую подругу в индейский лагерь, находившийся по соседству. Она внезапно переменяла свое прежнее решение, так как была уверена, что ни один краснокожий не причинит вреда существу, которое Великий Дух обезоружил, лишив сильнейшего орудия защиты — рассудка.

В этом отношении почти все первобытные народы похожи друг на друга; Уа-та-Уа знала, что слабоумные и сумасшедшие внушают индейцам благоговение и никогда не навлекают на себя насмешек и преследований, как это бывает среди более образованных народов.

Хетти без всякого страха последовала за своей подругой. Она сама желала поскорее добраться до лагеря и нисколько не боялась враждебного приема.

Пока они медленно шли вдоль берега под нависшими ветвями деревьев. Хетти не переставала разговаривать. Но индианка, поняв, с кем имеет дело, больше не задавала вопросов.

— Но ведь ты не слабоумная, — говорила Хетти, — и потому Змей может жениться на тебе.

— Уа-та-Уа в плену, а у мингов чуткие уши. Не говори им о Чингачгукке. Обещай мне это, добрая Хетти!

— Знаю, знаю, — ответила Хетти шепотом, стараясь выразить этим, что понимает всю

необходимость молчания. — Знаю: Зверобой и Змей собираются похитить тебя у ирокезов, а ты хочешь, чтобы я не открывала им этого секрета.

— Откуда ты знаешь? — торопливо спросила индианка; на один миг ей пришло в голову, что ее подруга далеко не так уж слабоумна, и это немножко раздосадовало ее. — Откуда ты знаешь? Лучше говорить только об отце и Непоседе; минг поймет это, а ничего другого он не поймет. Обещай мне не говорить о том, чего ты сама не понимаешь.

— Я это понимаю и должна говорить об этом. Зверобой все рассказал отцу в моем присутствии. И так как никто не запретил мне слушать, то я слышала все, как и тогда, когда Непоседа разговаривал с отцом о скальпах.

— Очень плохо, когда бледнолицые говорят о скальпах, очень плохо, когда молодые женщины подслушивают. Я знаю, Хетти, ты теперь любишь меня, а среди индейцев так уж повелось: чем больше любишь человека, тем меньше говоришь о нем.

— У белых совсем не так: мы больше всего говорим о тех, кого любим. Но я слабоумная и не понимаю, почему у красных людей это бывает иначе.

— Зверобой называет это обычаем. У одних обычай — говорить, у других обычай — держать язык за зубами. Твой обычай среди мингов — помалкивать. Если Хетти хочет увидеть Непоседу, то Змей хочет увидеть Уа-та-Уа. Хорошая девушка никогда не говорит о секретах подруги.

Это Хетти поняла и обещала делаварке не упоминать в присутствии, мингов о Чингачгук и о том, почему он появился на озере.

— Быть может, он освободит Непоседу, и отца, именно, если ему позволят действовать по-своему, — прошептала Уа-та-Уа Хетти, когда они подошли уже настолько близко к лагерю, что могли расслышать голоса женщин, занятых работами по хозяйству. — Помни это, Хетти, и приложи два или даже двадцать пальцев ко рту. Без помощи Змея не бывать твоим друзьям на воле.

Она, конечно, не могла придумать лучшего средства, чтобы добиться молчания Хетти, для которой важнее всего было освобождение отца и молодого охотника. С невинным смехом бледнолицая девушка кивнула головой и обещала исполнить желание подруги. Успокоившись на этот счет, Уа-та-Уа не стала более мешкать и, нисколько не скрываясь, направилась к лагерю.

Глава 11

*О глупый! Ведь король нов королями
Приказ свой на скрижалях написал:
Чтоб ты не убивал! И ты преступишь
Его закон в угоду человеку?
О, берегись: его рука карает
И на ослушника ложится тяжело.
Шекспир, «Король Ричард III»*

Отряд индейцев, в который довелось попасть Уа-та-Уа, еще не вступил на тропу войны; это было видно хотя бы из того, что в его состав входили женщины. То была небольшая часть племени, отправившаяся на охоту к рыбную ловлю в английские владения, где ее и застало начало военных действий. Прожив таким образом зиму и весну до некоторой степени за счет неприятеля, ирокезы решили перед уходом нанести прощальный удар. В маневре, целью которого было углубиться так далеко во вражескую территорию, также проявилась замечательная индейская прозорливость. Когда гонец возвестил о начале военных действий между англичанами и французами и стало ясно, что в эту войну будут вовлечены все племена, живущие под властью враждующих держав. Упомянутая нами партия ирокезов кочевала по берегам озера Онайда, находящегося на пятьдесят миль ближе к их собственной

территории, чем Глиммерглас. Бежать прямо в Канаду значило подвергнуться опасности немедленного преследования. Вожди предпочли еще дальше углубиться в угрожаемую область, надеясь, что им удастся отступить, передвигаясь в тылу своих преследователей, вместо того чтобы иметь их у себя за спиной.

Присутствие женщин делало необходимой эту военную хитрость; наиболее слабые члены племени не могли бы, конечно, уйти от преследования врагов. Если читатель, вспомнит, как широко простирались в те давние времена американские дебри, ему станет ясно, что даже целое племя могло в течение нескольких месяцев скрываться в этой части страны. Встретить врага в лесу было не более опасно, чем в открытом море во время решительных военных действий.

Стоянка была временная и при ближайшем рассмотрении оказалась всего-навсего наспех разбитым бивуаком, который был, однако, оборудован достаточно хорошо для людей, привыкших проводить свою жизнь в подобной обстановке. Единственный костер, разведенный посредине лагеря у корней большого дуба, удовлетворял потребности всего табора. Погода стояла такая теплая, что огонь нужен был только для стряпни. Вокруг было разбросано пятнадцать-двадцать низких хижин — быть может, правильнее назвать их шалашами, — куда хозяева забирались на ночь и где они могли укрываться во время ненастья. Хижины были построены из древесных ветвей, довольно искусно переплетенных и прикрытых сверху корой, снятой с упавших деревьев, которых много в каждом девственном лесу. Мебели в хижинах почти не было. Возле костра лежала самодельная кухонная утварь. На ветвях висели ружья, пороховницы и сумки. На тех же крючьях, сооруженных самой природой, были подвешены две-три олени туши.

Так как лагерь раскинулся посреди густого леса, его нельзя было окинуть одним взглядом: хижины, одна за другой, вырисовывались на фоне угрюмой картины. Если не считать костра, здесь не было ни общего центра, ни открытой площадки, где могли бы собираться жители; все казалось потаенным, темным и коварным, как сами ирокезы. Кое-где ребяташки перебегали из хижины в хижину, придавая этому месту некоторое подобие домашнего уюта. Подавленный смех и низкие голоса женщин нарушали время от времени сумрачную тишину леса. Мужчины ели, спали или чистили оружие. Говорили они мало и держались особняком или небольшими группами в стороне от женщин. Привычка к бдительности и сознание опасности, казалось, не покидали их даже во время сна.

Когда обе девушки приблизились к лагерю, Хетти тихонько вскрикнула, заметив своего отца. Он сидел на земле, прислонившись спиной к дереву, а Непоседа стоял возле него, небрежно помахивая прутиком. По-видимому, они пользовались такой же свободой, как остальные обитатели лагеря: человек, незнакомый с обычаями индейцев, легко мог бы принять их за гостей, а не за пленников.

Уа-та-Уа подвела подругу поближе к обоим бледнолицым, а сама скромно отошла в сторону, не желая стеснять их. Но Хетти не привыкла ластиться к отцу и вообще проявлять как-нибудь свою любовь к нему. Она просто подошла к нему и теперь стояла, не говоря ни слова, как немая статуя, олицетворяющая дочернюю привязанность. Старика как будто нисколько не удивило и не испугало ее появление. Он давно привык подражать невозмутимости индейцев, хорошо зная, что лишь этим способом можно заслужить их уважение. Сами дикари, неожиданно увидев незнакомку в своей среде, тоже не обнаружили ни малейших признаков беспокойства. Короче говоря, прибытие Хетти при столь исключительных обстоятельствах произвело не больше эффекта, чем приближение путешественника к дверям салуна в европейской деревне. Все же несколько воинов собрались а кучку и по тем взглядам, которые они бросали на Хетти, разговаривая между собой, видно было, что именно она является предметом их беседы. Это кажущееся равнодушие вообще характерно для североамериканского индейца, но в данном случае многое следовало приписать тому особому положению, в котором находился отряд. Ирокезам были хорошо известны все силы, находившиеся в «замке», кроме Чингачгука. Поблизости не было ни другого племени, ни отряда войск, и зоркие разведчики стояли на

страже вокруг озера, день и ночь наблюдая за малейшими движениями тех, кого без всякого преувеличения можно было теперь назвать осажденными.

В глубине души Хаттер был очень тронут поступком Хетти, хотя и принял его с кажущимся равнодушием. Старик припомнил кроткую мольбу, с какой она обратилась к нему, когда он покидал ковчег, и постигшая его неудача сообщила этой просьбе особый смысл, о чем он легко мог позабыть в случае успеха. Хаттер знал непоколебимую преданность своей простодушной дочери и понимал, что ею руководило совершенное бескорыстие.

— Нехорошо, Хетти, — сказал он укоризненно, имея в виду дурные последствия, грозившие самой девушке. — Это очень свирепые дикари: они никогда не прощают оскорбления, нанесенного им, и не склонны помнить оказанную им услугу.

— Скажи мне, отец, — спросила девушка, украдкой оглядываясь по сторонам, как бы опасаясь, что ее подслушают, — позволил ли вам бог совершить то жестокое дело, ради которого вы пришли сюда? Мне это надо знать, чтобы свободно говорить с индейцами.

— Тебе не следовало приходить сюда, Хетти. Эти скоты не поймут твоих чувств и намерений.

— Но все-таки чем кончилось это дело, отец? Как видно, ни тебе, ни Непоседе не удалось добыть скальпов?

— На этот счет ты можешь быть совершенно спокойна, дитя. Я схватил молодую девушку, которая пришла с тобой, но ее визг быстро привлек целую стаю диких кошек, бороться с которыми оказалось не под силу христианину. Если это может утешить тебя, то мы оба так же невинны по части скальпов, как, несомненно, останемся невинны и по части получения премий.

— Спасибо тебе за это, отец! Теперь я смело буду говорить с ирокезским вождем — совесть моя будет спокойна. Надеюсь, Непоседа тоже не успел причинить никакого вреда индейцам?

— На этот раз, Хетти, — откликнулся молодой человек, — вы попали в самую точку. Непоседе не повезло, и этим все сказано. Много видывал я шквалов на воде и на суше, но, сколько помнится, ни один из них не мог бы сравниться с тем, что налетел на нас позапрошлой ночью в обличье этих индейских горлопанов. Да что тут говорить, Хетти! Разума у вас мало, но все-таки и вы можете иметь кое-какие человеческие понятия. Теперь я вас попрошу вдуматься в наше положение. Мы со стариком Томом, вашим батюшкой, явились сюда за законной добычей, о которой говорится в прокламации губернатора.

Ничего худого мы не замыслили. Но тут на нас напали твари, больше похожие на стаю голодных волков, чем на обыкновенных дикарей, и скрутили нас обоих, словно баранов; и произошло это гораздо скорее, чем я могу рассказать вам эту историю.

— Но ведь вы теперь свободны, Гарри, — возразила Хетти, застенчиво поглядывая на молодого великана. — У вас не связаны ни руки, ни ноги.

— Нет, Хетти, руки и ноги у меня свободны, но этого мало, потому что я не могу пользоваться ими так, как мне бы хотелось. Даже у этих деревьев есть глаза и язык.

Если старик или я вздумаем тронуть хотя бы один прутик за пределами нашей тюрьмы, нас сгребут раньше, чем мы успеем пуститься наутек. Мы не сделаем и двух шагов, как четыре или пять ружейных пуль полетят за нами с предупреждением не слишком торопиться. Во всей колонии нет такой надежной кутузки. Я имел случай познакомиться на опыте с парочкой-другой тюрем и потому знаю, из какого материала они построены и что за публика их караулит.

Дабы у читателя не создалось преувеличенного представления о безнравственности Непоседы, нужно сказать, что преступления его ограничивались драками и скандалами, за которые он несколько раз сидел в тюрьме, откуда почти всегда убегал, проделывая для себя двери в местах, не предусмотренных архитектором. Но Хетти ничего не знала о тюрьмах и плохо разбиралась в разного рода преступлениях, если не считать того, что ей подсказывало бесхитростное и почти инстинктивное понимание различия между добром и злом. Поэтому

грубая острота Непоседы до нее не дошла. Уловив только общий смысл его слов, она ответила:

— Так гораздо лучше, Непоседа. Гораздо лучше, если отец и вы будете сидеть смирно, пока я не поговорю с ирокезом. И тогда все мы будем довольны и счастливы. Я не хочу, чтобы вы следовали за мной. Нет, предоставьте мне действовать по-моему. Как только я все улажу и вам позволят возвратиться в замок, я приду и скажу вам об этом.

Хетти говорила с такой детской серьезностью и так была уверена в успехе, что оба ее собеседника невольно начали рассчитывать на благополучный исход ее ходатайства, не подозревая, на чем оно основывалось. Поэтому, когда она захотела покинуть их, они не стали ей перечить, хотя видели, что девушка направилась к группе вождей, которые совещались в сторонке, видимо обсуждая причины ее внезапного появления.

Оставив свою новую подругу, Уа-та-Уа приблизилась к двум-трем старейшим воинам; один из них был всегда ласков к ней и даже предлагал принять ее в свой вигвам как родную дочь, если она согласится стать гуронкой. Направив свои шаги в их сторону, девушка рассчитывала, что к ней обратятся с расспросами. Она была слишком хорошо воспитана, согласно понятиям своего народа, чтобы самовольно поднять голос в присутствии мужчин, но врожденный такт и хитрость позволили ей привлечь внимание воинов, не оскорбляя их гордости. Ее притворное равнодушие возбудило любопытство, и едва Хетти подошла к своему отцу, как делаварская девушка уже очутилась в кружке воинов, куда ее подозвали почти незаметным, но выразительным жестом. Здесь ее стали расспрашивать о том, где встретилась она со своей товаркой и почему привела ее в лагерь. Только это и нужно было Уа-та-Уа. Она объяснила, каким образом заметила слабоумие Хетти, причем постаралась преувеличить его степень, и затем вкратце рассказала, зачем девушка явилась во вражеский стан. Слова ее произвели то самое впечатление, на которое она и рассчитывала. Добившись своего, делаварка отошла в сторону и принялась готовить завтрак, желая предложить его гостю. Однако бойкая девушка ни на минуту не переставала следить за обстановкой, подмечая каждое изменение в лицах вождей, каждое движение Хетти и все мельчайшие подробности, которые могли иметь отношение к ее собственным интересам или к интересам ее новой приятельницы.

Когда Хетти приблизилась к вождю, кружок индейцев расступился перед ней с непринужденной вежливостью, которая сделала бы честь и самым благовоспитанным белым людям. Поблизости лежало упавшее дерево, и старший из воинов неторопливым жестом предложил девушке усестись на нем, а сам ласково, как отец, занял место рядом с ней. Остальные столпились вокруг них с выражением серьезного достоинства, и девушка, достаточно наблюдательная, чтобы заметить, чего ожидают от нее, начала излагать цель своего посещения.

Однако в тот самый миг, когда она уже раскрыла рот, чтобы заговорить, старый вождь ласковым движением руки предложил ей помолчать еще немного, сказал несколько слов одному из своих подручных и затем терпеливо дождался, пока молодой человек привел к нему Уа-та-Уа.

Вождю необходимо было иметь переводчика: лишь немногие из находившихся здесь гурунов понимали по-английски, да и то с трудом.

Уа-та-Уа была рада присутствовать при разговоре, особенно в качестве переводчицы. Девушка знала, какой опасностью грозила всякая попытка обмануть одну из беседующих сторон, тем не менее решила использовать все средства и пустить в ход все уловки, какие могло подсказать ей индейское воспитание, чтобы скрыть появление своего жениха на озере и цель, ради которой он туда пришел. Когда она приблизилась, угрюмый старый воин с удовольствием посмотрел на нее, ибо он с тайной гордостью лелеял надежду вскоре привить этот благородный росток к стволу своего собственного племени. Усыновление чужих детей так же часто практикуется и так же безоговорочно признается среди американских племен, как и среди тех наций, которые живут под сенью гражданских законов.

Лишь только делаварка села рядом с Хетти, старый вождь предложил ей спросить «у

красивой бледнолицей», зачем она явилась к ирокезам и чем они могут служить ей.

— Скажи им, что я младшая дочь Томаса Хаттера. Томас Хаттер — старший из пленников; ему принадлежат замок и ковчег, и он больше всех имеет право считаться хозяином этих холмов и этого озера, потому что давно поселился в здешних местах, давно тут охотится и ловит рыбу. Они поймут, кого ты называешь Томасом Хаттером, если ты им объяснишь. А потом скажи, что я пришла сюда убедить их не делать ничего худого отцу и Непоседе, но отпустить их с миром и обращаться с ними как с братьями, а не как с врагами. Скажи им все это и не бойся ни за себя, ни за меня. Бог нас защитит.

Делаварка исполнила ее желание, постаравшись по возможности буквально точно передать слова своей подруги на ирокезском наречии, которым владела совершенно свободно. Вожди выслушали это заявление с величавой серьезностью; двое или трое, немного знавшие по-английски, беглыми, но многозначительными взглядами выказали свое одобрение переводчице.

— А теперь, Уа-та-Уа, — продолжала Хетти, лишь только ей дали понять, что она может говорить дальше, — а теперь мне хочется, чтобы ты слово в слово передала краснокожим то, что я скажу. Сначала скажи им, что отец и Непоседа явились сюда, желая добыть как можно больше скальпов. Злой губернатор обещал деньги за скальпы, независимо от того, будут ли это скальпы воинов или женщин, мужчин или детей, и любовь к золоту была так сильна в их сердцах, что они не могли ей противиться. Скажи им это, милая Уа-та-Уа, как ты слышала от меня, слово в слово.

Сначала делаварка не решалась дословно перевести эту речь. Но, заметив, что индейцы, говорящие по-английски, отчасти поняли слова Хетти, она вынуждена была повиноваться. Вопреки всему, что мог бы ожидать цивилизованный человек, откровенное признание в том, что замыслили пленники, не произвело дурного впечатления на слушателей. Они, вероятно, считали подобный поступок проявлением доблести и не хотели осуждать других за то, что без всякого колебания могли сделать сами.

— А теперь, Уа-та-Уа, — продолжала Хетти, заметив что вожди поняли ее слова, — ты должна сказать им кое-что поважнее. Они знают, что отец и Непоседа не успели причинить им зло, поэтому нельзя на них за это сердиться. Впрочем, если бы они даже убили нескольких детей или женщин, это ничего бы не изменило, и то, что я хочу сказать, осталось бы в полной силе. Но сперва спроси, Уа-та-Уа, знают ли они, что существует бог, царящий над всей землей, верховный владыка всех людей — красных и белых.

Делаварка, видимо, была несколько удивлена этим вопросом, однако перевела его по возможности точно и получила утвердительный ответ, высказанный с величайшей серьезностью.

— Очень хорошо, — продолжала Хетти, — теперь мне легче будет исполнить мой долг. Великий Дух, как вы называете нашего бога, приказал написать книгу, которую мы называем библией. В этой книге содержатся его заповеди и правила, которыми должны руководствоваться все люди не только в своих поступках, но даже в помыслах и желаниях. Вот эта святая книга. Скажи вождям, что я сейчас им прочитаю кое-что, начертанное на ее страницах.

Так Хетти вынула из коленкорového чехла маленькую английскую библию с таким благоговением, с каким католик мог бы прикоснуться к частице мощей. Пока она медленно раскрывала книгу, угрюмые вожди, не сводя глаз, следили за каждым ее движением. Когда они увидели маленький томик, у двух или трех вырвалось тихое восклицание. Хетти с торжеством протянула им библию, как бы ожидая, что один вид ее должен произвести чудо.

Затем, видимо несколько не удивленная и не обиженная равнодушием большинства индейцев, она с живостью обратилась к делаварке:

— Вот эта святая книга, Уа-та-Уа. Эти слова и строчки, эти стихи и главы — все исходит от самого бога.

— А почему Великий Дух не дал этой книги индейцам? — спросила Уа-та-Уа с прямою неискушенного ума.

— Почему? — ответила Хетти, несколько сбита с толку этим неожиданным вопросом. — Как — почему? Да ведь ты знаешь, что индейцы не умеют читать.

Делаварку, может быть, и не удовлетворило это объяснение, но она не сочла нужным настаивать на своем. Она терпеливо сидела, ожидая дальнейших доводов бледнолицей энтузиастки.

— Ты можешь сказать вождям, что в этой книге людям велено прощать врагов, обращаться с ними как с братьями, никогда не причинять вреда ближним, особенно из мести или по внушениям злобы. Как ты думаешь, можешь ли ты перевести это так, чтобы они поняли?

— Перевести могу, но понять им будет трудно.

Тут Уа-та-Уа, как умела, перевела слова Хетти насторожившимся индейцам, которые отнеслись к этому с таким же удивлением, с каким современный американец услышал бы, что великий властитель всех человеческих дел — общественное мнение — может заблуждаться. Однако два-три индейца, уже встречавшиеся с миссионерами, шепнули несколько слов своим товарищам, и вся группа приготовилась внимательно слушать дальнейшие пояснения. Прежде чем продолжать, Хетти серьезно спросила у делаварки, понятны ли вождям ее слова, и, получив уклончивый ответ, была вынуждена им удовольствоваться.

— А теперь я прочитаю воинам несколько стихов, которые им следует знать, — продолжала девушка еще более торжественно и серьезно, чем в начале своей речи. — И пусть они помнят, что это собственные слова Великого Духа. Во-первых, он заповедал всем: «Люби ближнего, как самого себя». Переведи им это, милая Уа-та-Уа.

— Индеец не считает белого человека своим ближним, — ответила делаварская девушка гораздо более решительно, чем прежде, — для ирокеза ближний — это ирокез, для могиканина — могиканин, для бледнолицего — бледнолицый. Не стоит говорить об этом вождю.

— Ты забываешь, Уа-та-Уа, что это собственные слова Великого Духа, и вожди обязаны повиноваться им так же, как все прочие люди. А вот и другая заповедь: «Если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую».

— Что это значит? — торопливо переспросила Уа-та-Уа.

Хетти объяснила, что эта заповедь повелевает не гневаться за обиду, повелевает быть готовым вынести новые насилия со стороны оскорбителя.

— А вот и еще, Уа-та-Уа, — прибавила она, — «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим вас, молитесь за тех, кто презирает и преследует вас».

Сильное возбуждение охватило Хетти: глаза ее заблестели, щеки зарумянились, и голос, обычно такой тихий и певучий, стал сильнее и выразительнее. Уже давно мать научила ее читать библию, и теперь она перелистывала страницы с изумительным проворством. Делаварка не могла бы перевести и половины того, что Хетти говорила в своем благочестивом азарте. Удивление сковало язык Уа-та-Уа так же, как и вождям, и юная энтузиастка совсем обессилела от волнения, прежде чем переводчица успела пробормотать хотя бы слово. Но затем делаварка вкратце перевела главную сущность сказанного, ограничившись, впрочем, тем, что всего больше поразило ее собственное воображение.

Вряд ли нужно объяснять здесь читателю, какое впечатление могло произвести все это на индейских воинов, которые считали своим главным нравственным долгом никогда не забывать благодарений и никогда не прощать обид. К счастью, зная уже о слабоумии Хетти, гуруны ожидали от нее какого-нибудь чудачества, и все, что в ее словах показалось им нелепым и несвязным, они объяснили тем обстоятельством, что девушка одарена умом совсем иного склада, чем другие люди. Все же здесь присутствовали два или три старика, которые уже слышали нечто подобное от миссионеров и готовы были обсудить на досуге вопрос, казавшийся им таким занятным.

— Так, значит, это и есть Добрая Книга бледнолицых? — спросил один из вождей, взяв

томик из рук Хетти, которая с испугом глядела на него, в то время как он перелистывал страницы. — Это закон, по которому живут мои белые братья?

Уа-та-Уа, к которой, по-видимому, был обращен этот вопрос, ответила утвердительно, добавив, что канадские французы уважают эту книгу, так же как и индизы.

— Передай моей юной сестре, — произнес гурон, глядя на Уа-та-Уа, — что сейчас я открою рот и скажу несколько слов.

— Пусть ирокезский вождь говорит — моя бледнолицая подруга слушает, — ответила делаварка.

— Я рада слышать это! — воскликнула Хетти. — Бог смягчил его сердце, и теперь он отпустит отца и Непоседу.

— Так, значит, это закон бледнолицых? — продолжал вождь. — Этот закон приказывает человеку делать добро всем обижающим его. И когда брат просит ружье, закон приказывает отдать также и пороховницу? Таков ли закон бледнолицых?

— Нет, совсем не таков, — ответила Хетти серьезно, когда ей перевели эти слова. — Во всей книге нет ни слова о ружьях; порох и пули неуютны Великому Духу.

— Тогда почему же бледнолицые пользуются и тем и другим? Если им приказано отдавать вдвое против того, что у них просят, почему они берут вдвое с бедного индейца, который не просит ничего? Они приходят со стороны солнечного восхода со своей книгой в руках и учат краснокожего читать ее. Но почему сами они забывают о том, что говорит эта книга? Когда индеец отдает им все, что имеет, им и этого мало. Они обещают золото за скальпы наших женщин и детей, хотя называют нас зверями за то, что мы снимаем скальпы с воинов, павших на войне. Мое имя Райвенон — «Расщепленный Дуб».

Когда эти страшные вопросы были переведены Хетти, она совсем растерялась. Люди гораздо более искушенные, чем эта бедная девушка, не раз становились в тупик перед подобными возражениями, и нечего удивляться, что при всей своей искренности и убежденности она не знала, что ответить.

— Ну что я ему скажу? — пролепетала она умоляюще. — Я знаю, что все прочитанное мной в этой книге — правда, и, однако, этому нельзя верить, если судить по действиям тех людей, которым была дана книга.

— Таков уж разум у бледнолицых, — возразила Уа-та-Уа иронически, — что хорошо для одной стороны, может быть плохо для другой.

— Нет, нет, Уа-та-Уа, не существует двух истин, как это ни странно. Я уверена, что прочитала правильно, и кто может быть так зол, чтобы исказить божье слово! Этого никогда не бывает.

— Бедной индейской девушке кажется, что у белых всяко бывает, — ответила Уа-та-Уа. — Про одну и ту же вещь иной раз они говорят, что она белая, а иной раз — что черная. Почему же этого никогда не бывает?

Хетти все больше и больше смущалась. Наконец, испугавшись, что жизнь ее отца и жизнь Непоседы подвергнутся опасности из-за какой-то ошибки, которую она совершила, Хетти залилась слезами. Ирония и холодное равнодушие делаварки исчезли в один миг. Снова превратившись в нежную подругу, она крепко обняла огорченную девушку и постаралась утешить ее.

— Перестань плакать, не плачь, — сказала она, вытирая слезы Хетти, словно маленькому ребенку, и прижимая ее к своей горячей груди. — Ну о чем горевать! Не ты написала эту книгу и не ты виновата, что бледнолицые злы. Есть злые краснокожие, есть злые белые. Не в цвете кожи все добро, и не в цвете кожи все зло. Вожди хорошо знают это.

Хетти скоро оправилась, и мысли ее снова вернулись к главной цели ее посещения. Увидев, что вокруг нее по-прежнему стоят сумрачные вожди, девушка снова попыталась убедить их.

— Слушай, Уа-та-Уа, — сказала она, сдерживая рыдания и стараясь говорить внятно, — скажи вождям, что нам нет дела до того, как поступают дурные люди; слова Великого Духа — это слова Великого Духа, и никто не смеет поступать дурно только

потому, что другой человек раньше него тоже поступил дурно. «Воздай добром за зло», говорит книга, и это закон для красного человека, так же как и для белого человека.

— Ни у делаваров, ни у ирокезов никто не слышал о подобном законе, — ответила Уа-та-Уа, стараясь ее утешить. — Не стоит говорить о нем вождям. Скажи им что-нибудь такое, чему они могут поверить.

Впрочем, делаварка хотела было уже начать переводить, как прикосновение пальцев старого вождя заставило ее обернуться. Тут она заметила, что один из воинов, незадолго перед тем отделившийся от кружка, возвращается в сопровождении Хаттера и Непоседы. Поняв, что их тоже подвергнут допросу, она смолкла с обычной безропотной покорностью индейской женщины. Через несколько секунд пленники уже стояли лицом к лицу с вождями племени.

— Дочь, — сказал старший вождь, обращаясь к молоденькой делаварке, — спроси у Седой Бороды, зачем он пришел в наш лагерь.

Уа-та-Уа задала этот вопрос на ломаном английском языке, но все-таки достаточно понятно. Хаттер был по натуре слишком крут и упрям, чтобы уклоняться от ответственности за свои поступки. Кроме того, хорошо зная взгляды дикарей, он понимал, что ничего не добьется изворотливостью или малодушной боязнью их гнева. Итак, не колеблясь, он признался во всем, сославшись в оправдание лишь на высокие премии, обещанные начальством за скальпы. Это чистосердечное заявление было встречено ирокезами с явным удовольствием, вызванным, впрочем, не столько моральным преимуществом, которое они таким образом получили, сколько доказательством, что им удалось взять в плен человека, способного возбудить их интерес и достойного стать жертвой их мстительности. Непоседа, допрошенный в свою очередь, также во всем покаялся. При других обстоятельствах он скорее прибегнул бы к каким-нибудь уверткам, чем его более солидный товарищ, но, понимая, что всякое запирательство теперь бесполезно, волей-неволей последовал примеру Хаттера.

Выслушав их ответы, вожди молча удалились, считая для себя вопрос решенным.

Хетти и делаварка остались теперь наедине с Хаттером и Непоседой. Никто, по-видимому, не стерег их, хотя в действительности все четверо находились под бдительным и непрерывным надзором. Индейцы заранее приняли необходимые меры, чтобы помешать мужчинам завладеть ружьями, находившимися неподалеку, и этим как будто все ограничилось. Но оба пленника, хорошо зная индейские обычаи, понимали, как велика разница между видимостью и действительностью. Не переставая думать о бегстве, они понимали тщетность любой необдуманной попытки. И Хаттер и Непоседа пробыли в лагере довольно долго и были достаточно наблюдательны, чтобы заметить, что Уа-та-Уа тоже пленница. Поэтому Хаттер говорил при ней гораздо откровеннее, чем в присутствии других индейцев.

— Я не браню тебя, Хетти, за то, что ты пришла сюда, намерения у тебя были хорошие, хотя и не совсем разумные, — начал отец, сев рядом с дочерью и взяв ее за руку. — Но проповедью и библией не своротишь индейца с его пути. Дал тебе Зверобой какое-нибудь поручение к нам? Есть ли у него план, чтобы освободить нас?

— В этом все дело, — вмешался Непоседа. — Если ты поможешь нам, девушка, отойти хоть на полмили, хоть на четверть мили от лагеря, я ручаюсь за остальное. Быть может, старику потребуется немножко больше, но для человека моего роста и моих лет этого вполне достаточно.

Хетти печально поглядывала то на одного, то на другого, но не могла ответить на вопрос беспечного Непоседы.

— Отец, — сказала она, — ни Зверобой, ни Джудит не знали о моем уходе, пока я не покинула ковчег. Они боятся, что ирокезы построят плот и подплывут к замку, поэтому они больше думают о защите, чем о том, как бы помочь вам.

— Нет, нет, нет! — торопливо, но вполголоса сказала Уа-та-Уа, опустив лицо к земле, чтобы наблюдавшие исподтишка индейцы не заметили движение ее губ. — Нет, нет, нет,

Зверобой не такой человек! Он не думает только о том, чтобы защитить себя, когда его друг в опасности. Хочет помочь другу и всех собрать в хижине.

— Это звучит недурно, старый Том, — вполголоса сказал Непоседа, смеясь и подмигивая. — Дай мне в друзя сообразительную скво, и я справлюсь с самим дьяволом, не говоря уже об ирокезах.

— Не говори громко, — сказала Уа-та-Уа, — кое-кто из ирокезов знает язык ингизов и почти все его понимают.

— Значит, ты наш друг, молодка? — спросил Хаттер с внезапно пробудившимся интересом. — Если так, то можешь рассчитывать на хорошую награду. И нет ничего легче, как отправить тебя обратно к твоему племени, если только нам с тобой удастся добраться до замка. Верни нам ковчег и пироги, и мы будем владеть озером назло дикарям всей Канады. Нас оттуда можно взять только артиллерией.

— А если вы снова сойдете на берег за скальпами? — ответила Уа-та-Уа с холодной иронией, которая, видимо, была ей свойственна в большей степени, чем многим представительницам ее пола.

— Ну-ну, ведь это была ошибка. Немного толку в жалобах и еще того меньше в насмешках.

— Отец, — сказала Хетти, — Джудит собирается открыть большой сундук; она надеется отыскать там вещи, в обмен за них дикари отпустят вас на волю.

Мрачная тень пробежала по лицу Хаттера, и он пробормотал чуть слышно несколько слов, выражавших крайнее неудовольствие.

— А почему бы и не открыть сундук? — вмешалась Уа-та-Уа. — Жизнь дороже старого сундука. Скальпы дороже старого сундука. Если не позволишь дочке открыть его, Уа-та-Уа не поможет тебе убежать.

— Вы сами не знаете, о чем просите, глупые девчонки, а раз не знаете, то и не говорите... Мне не очень нравится спокойствие дикарей, Непоседа! Очевидно, они замышляют что-то важное. Если вы хотите что-нибудь предпринять, то надо делать это поскорее. Как ты думаешь, можно ли положиться на эту молодую женщину?

— Слушайте, — сказала Уа-та-Уа быстро и с серьезностью, доказывавшей, как искренни были ее чувства, — Уа-та-Уа не ирокезка, она делаварка, у нее делаварское сердце, делаварские чувства. Она тоже в плену. Один пленник помогает другому пленнику. Теперь не надо больше говорить. Дочка, оставайся с отцом. Уа-та-Уа пойдет искать друга, потом скажет, что надо делать.

Это было произнесено тихим голосом, но отчетливо и внушительно.

Затем девушка встала и спокойно направилась в свой шалаш, как бы потеряв всякий интерес к тому, что делали бледнолицые.

Глава 12

*Отцом все время бредит, обвиняет
Весь свет во лжи, себя колотит в грудь,
Без основания злится и лепечет
Бессмыслицу. В ее речах сумбур,
Но кто услышит, для того находка.*
Шекспир, «Гамлет»

Мы оставили обитателей «замка» и ковчег погруженными в сон. Правда, раза два в течение ночи то Зверобой, то делавар поднимались и осматривали неподвижное озеро, затем, убедившись, что все в порядке, возвращались к своим тюфякам и вновь засыпали, как люди, не желающие даже в самых трудных обстоятельствах отказываться от своего права на отдых. Однако при первых проблесках зари белый охотник встал и начал готовиться к

наступающему дню. Его товарищ, который за последние ночи спал лишь урывками, продолжал нежиться под одеялом, пока не взошло солнце. Джудит в это утро встала также позднее обыкновенного, потому что долго не могла сомкнуть глаз. Но лишь только солнце взошло над восточными холмами, все трое были уже на ногах. В тамошних местах даже завязтые лентяи редко остаются в своих постелях после появления великого светила.

Чингачгук приводил в порядок свой лесной туалет, когда Зверобой вошел в каюту и протянул ему грубый, но удобный костюм, принадлежавший Хаттеру.

— Джудит дала мне это для тебя, вождь, — сказал он, бросая куртку и штаны к ногам индейца. — С твоей стороны было бы неосторожно разгуливать здесь в боевом наряде и в раскраске. Смой страшные узоры с твоих щек и надень эту одежду. Вот и шляпа, которая сделает тебя похожим на ужасно нецивилизованного представителя цивилизации, как говорят миссионеры. Вспомни, что Уа-та-Уа близко. А помня о девушке, мы не должны забывать и о других. Я знаю, тебе не по нутру носить одежду, скроенную не по вашей краснокожей моде. Но тут ничего не поделаешь: одевайся, если даже тебе будет немного противно.

Чингачгук, или Змей, поглядел на костюм Хаттера с искренним отвращением, но понял, что переодеться полезно и, пожалуй, даже необходимо. Заметив, что в «замке» находится какой-то неизвестный краснокожий, ирокезы могли встревожиться, и это неизбежно должно было направить их подозрение на пленницу.

А уж если речь шла о его невесте, вождь готов был снести все, что угодно, кроме неудачи. Поэтому, иронически осмотрев различные принадлежности костюма, он выполнил указания своего товарища и вскоре остался краснокожим только по цвету лица. Но это было не особенно опасно, так как за неимением подозрительной трубы дикари с берега не могли как следует рассмотреть ковчег. Зверобой же так загорел, что лицо у него было, пожалуй, не менее красным, чем у его товарища-могиканина. Делавар в новом наряде двигался так неуклюже, что не раз в продолжение дня вызывал улыбку на губах у своего друга.

Однако Зверобой не позволил себе ни одной из тех шуток, которые в таких случаях непременно слышались бы в компании белых людей. Гордость вождя, достоинство воина, впервые ступавшего по тропе войны, и значительность положения делали неуместным всякое балагурство.

Трое островитян — если можно так назвать наших друзей — сошлись за завтраком серьезные, молчаливые и задумчивые. По лицу Джудит было видно, что она провела тревожную ночь, тогда как мужчины сосредоточенно размышляли о том, что ждет их в недалеком будущем. За столом Зверобой и девушка обменялись несколькими вежливыми замечаниями, но ни одним словом не обмолвились о своем положении. Наконец Джудит не выдержала и высказала то, что занимало ее мысли в течение всей бессонной ночи.

— Будет ужасно, Зверобой, — внезапно воскликнула девушка, — если что-нибудь худое случится с моим отцом и Хетти! Пока они в руках у ирокезов, мы не можем спокойно сидеть здесь. Надо придумать какой-нибудь способ помочь им.

— Я готов, Джудит, служить им, да и всем вообще, кто попал в беду, если только мне укажут, как это сделать. Оказаться в лапах у краснокожих — не шутка, особенно если люди сошли на берег ради такого дела, как старый Хаттер и Непоседа. Я это отлично понимаю и не пожелал бы попасть в такую переделку моему злейшему врагу, не говоря уже о тех, с кем я путешествовал, ел и спал. Есть у вас какой-нибудь план, который я и Змей могли бы выполнить?

— Я не знаю других способов освободить пленников, кроме подкупа ирокезов. Они не устоят перед подарками, а мы можем предложить им столько, что они, наверное, предпочтут удалиться с богатыми дарами взамен двух бедных пленников, если им вообще удастся увести их.

— Это было бы неплохо, Джудит, да, это было бы неплохо. Только бы у нас нашлось достаточно вещей для обмена. У вашего отца удобный и удачно расположенный дом, хотя с первого взгляда никак не скажешь, что в нем достаточно богатств для выкупа. Есть, впрочем,

ружье, «оленебой»... оно может нам пригодиться; кроме того, как я слышал, здесь имеется бочонок с порохом.

Однако двух взрослых мужчин не обменяешь на безделицу, и кроме того...

— И кроме того — что? — нетерпеливо спросила Джудит, заметив, что Зверобой не решается продолжать, вероятно, из боязни огорчить ее.

— Дело в том, Джудит, что французы выплачивают премии, так же как и англичане, и на деньги, вырученные за два скальпа, можно купить целый бочонок пороха и ружье, хотя, пожалуй, не такое меткое, как «оленебой», но все-таки бочонок хорошего пороха и довольно изрядное ружье. А индейцы не слишком разбираются в огнестрельном оружии и не всегда понимают разницу между тем, что действительно хорошо или только таким кажется.

— Это ужасно... — прошептала девушка, пораженная простотой, с какой ее собеседник привык говорить о происходящих событиях. — Но вы забываете о моих платьях, Зверобой. А они, я думаю, могут соблазнить ирокезских женщин.

— Конечно, могут, Джудит, конечно, могут, — отвечал охотник, впившись в нее острым взглядом, как будто ему хотелось убедиться, что она действительно способна на такую жертву. — Но уверены ли вы, девушка, что у вас хватит духу распрощаться с вашими нарядами для такой цели? Много есть на свете мужчин, которые слынут храбрецами, пока не очутятся лицом к лицу с опасностью; знавал я также людей, которые считали себя очень добрыми и готовыми все отдать бедняку, когда слушали рассказы о чужом жестокосердии, но кулаки их сжимались крепко, как лесной орех, когда речь заходила об их собственном имуществе. Кроме того, вы красивы, Джудит, — можно сказать, необычайно красивы, — а красивые женщины любят, все, что их украшает. Уверены ли вы, что у вас хватит духу расстаться с вашими нарядами?

Лестные слова о необычайной красоте девушки были сказаны как нельзя более кстати, чтобы смягчить впечатление, произведенное тем, что молодой человек усомнился в ее достаточной преданности дочернему долгу. Если бы кто-нибудь другой позволил себе так много, комплимент его, весьма вероятно, прошел бы незамеченным, а сомнение, выраженное им, вызвало бы вспышку гнева. Но даже грубоватая откровенность, которая так часто пробуждала простодушного охотника выкладывать напрямик свои мысли, казалась девушке неотразимо обаятельной. Правда, она покраснела и глаза ее на миг заплыли огнем. Но все-таки она не могла по-настоящему сердиться на человека, вся душа которого, казалось, состояла из одной только правдивости и мужественной доброты. Джудит посмотрела на него с упреком, но, сдержав резкие слова, просившиеся на язык, заставила себя ответить ему кротко и дружелюбно.

— Как видно, вы благосклонны лишь к делаварским женщинам, Зверобой, если серьезно так думаете о девушке вашего собственного цвета, — сказала она с деланным смехом. — Но испытайте меня. И, если увидите, что я пожалею какую-нибудь ленту или перо, шелковую или кисейную тряпку, тогда думайте, что хотите, о моем сердце и смело говорите об этом.

— Вот это правильно! Самая редкая вещь на земле — это воистину справедливый человек. Так говорит Таменунд, мудрейший пророк среди делаваров. И так должен думать всякий, кто имел случай жить, наблюдать и действовать среди людей. Я люблю справедливого человека, Змей; глаза его не покрыты тьмой, когда он смотрит на врагов, и они сияют, как солнце, когда они обращены к друзьям. Он пользуется разумом, который ему даровал бог, чтобы видеть все вещи такими, каковы они есть, а не такими, какими ему хочется их видеть. Довольно легко встретить людей, называющих себя справедливыми, но редко-редко удастся найти таких, которые и впрямь справедливы. Как часто я встречал индейцев, девушка, которые воображали, будто исполняют волю Великого Духа, тогда как на самом деле они только старались действовать по своему собственному желанию и произволу! Но по большей части они так же не видели этого, как мы не видим сквозь эти горы реку, текущую по соседней долине, хотя всякий, поглядев со стороны, мог бы заметить это так же хорошо, как мы замечаем сор, проплывающий по воде мимо этой хижины.

— Это правда, Зверобой! — подхватила Джудит, и светлая улыбка прогнала всякий след неудовольствия с ее лица. — Это правда! И я надеюсь, что по отношению ко мне вы всегда будете руководствоваться любовью к справедливости. И больше всего надеюсь, что вы будете судить меня сами и не станете верить гадким сплетням.

Болтливый бездельник, вроде Гарри Непоседы, способен очернить доброе имя молодой женщины, случайно, не разделяющей его мнение о собственной особе.

— Слова Гарри Непоседы для меня не евангелие, Джудит, но человек и похуже его может иметь глаза и уши, — степенно возразил охотник.

— Довольно об этом! — вскричала Джудит. Глаза ее загорелись, а румянец залил не только щеки, но и виски. — Поговорим лучше о моем отце и о выкупе за него. Значит, по-вашему, Зверобой, индейцы не согласятся отпустить своих пленников в обмен на мои платья, на отцовское ружье и на порох. Им нужно что-нибудь подороже. Но у нас есть еще сундук.

— Да, есть еще сундук, как вы говорите, Джудит. И когда приходится выбирать между чьей-нибудь тайной и скальпом, то большинство людей предпочитают сохранить скальп. Кстати, батюшка давал вам какие-нибудь указания насчет этого сундука?

— Никогда. Он, как видно, рассчитывал на его замки и на стальную оковку.

— Редкостная вещь, любопытной формы, — продолжал Зверобой, приближаясь к сундуку, чтобы рассмотреть его как следует. — Чингачгук, такое дерево не растет в лесах, по которым мы с тобой бродили. Это не черный орех, хотя на вид оно так же красиво — пожалуй, даже красивее, несмотря на то что оно закоптилось и повреждено.

Делавар подошел поближе, пощупал дерево, поскоблил его поверхность ногтем и с любопытством погладил рукой стальную оковку и тяжелые замки массивного ларя.

— Нет, ничего похожего не растет в наших местах, — продолжал Зверобой. — Я знаю всевозможные породы дуба, клена, вяза, липы, ореха, но такого дерева до сих пор никогда не встречал. За один этот сундук, Джудит, можно выкупить вашего отца.

— Но, быть может, эта сделка обойдется нам дешевле, Зверобой. Сундук полон всякого добра, и лучше расстаться с частью, чем с целым. Кроме того, не знаю почему, но отец очень дорожит этим сундуком.

— Я думаю, он ценит не самый сундук, судя по тому, как небрежно он с ним обращается, а то, что в нем находится. Здесь три замка, Джудит. А где ключ?

— Я никогда не видела ключа. Но он должен быть где-нибудь здесь. Хетти говорила, что часто видела этот сундук открытым.

— Ключи не летают по воздуху и не плавают в воде, девушка. Если есть ключ, должно быть и место, где он хранится.

— Это правда. И, вероятно, мы без труда найдем его, если поищем.

— Это должны решить вы, Джудит, только вы. Сундук принадлежит вам или вашему батюшке, и Хаттер ваш отец, а не мой. Любопытство — слабость, свойственная женщине, а не мужчине, и все права на вашей стороне. Если в сундуке спрятаны ценные вещи, то очень разумно с вашей стороны будет употребить их на то, чтобы выкупить их хозяина или хотя бы сохранить его скальп. Но это вы должны решить, а не я. Когда нет налицо законного хозяина капкана, или оленьей туши, или пироги, то по лесным законам его наследником считается ближайший родственник. Итак, решайте, нужно ли открывать сундук.

— Надеюсь, Зверобой, вы не думаете, что я стану колебаться, когда жизнь моего отца в опасности?

— Да, конечно. Но, пожалуй, старый Том может осудить вас за это, когда вернется в свою хижину. Очень часто люди не одобряют того, что делается для их же блага. Смею сказать, даже луна выглядела бы совсем иначе, чем теперь, если бы мы могли взглянуть на нее с другой стороны.

— Зверобой, если удастся отыскать ключ, я разрешаю вам открыть сундук и достать оттуда вещи, которые, по вашему мнению, пригодятся для того, чтобы выкупить отца.

— Сперва найдите ключ, девушка; обо всем прочем мы потолкуем после... Змей, у тебя глаза, как у мухи, и сметки тоже достаточно. Не можешь ли ты догадаться, где Плавучий Том

хранит ключи от сундука, которым он так дорожит?

До сих пор делавар не принимал участия в беседе.

Когда же обратились непосредственно к нему, он отошел от сундука, поглощавшего все его внимание, и начал оглядываться по сторонам, стараясь определить место, где бы мог храниться ключ. Джудит и Зверобой тоже не сидели сложа руки, и вскоре все трое занялись деятельными поисками. Ясно было, что такой ключ не мог храниться в обычном шкафу или ящике, каких было много в доме, поэтому никто туда и не заглянул. Искали главным образом в потайных местах, наиболее подходящих для этой цели. Всю комнату основательно осмотрели, однако без успеха. Тогда перешли в спальню Хаттера. Эта часть дома была обставлена лучше, так как здесь находились кое-какие вещи, которыми постоянно пользовалась покойная жена хозяина. Обшарили и эту комнату, но желанного ключа так и не нашли. Затем вошли в спальню дочерей. Чингачгук тотчас же заметил, как велика разница между убранством той части комнаты, которую занимала Джудит, и той, которая принадлежала Хетти. У него вырвалось тихое восклицание, и, указав на обе стороны, он прибавил что-то вполголоса, обращаясь к своему другу на делаварском наречии.

— Ага, вот что ты думаешь, Змей! — ответил Зверобой. — Вполне возможно, что так оно и есть. Одна сестра любит наряды — пожалуй, даже слишком, как говорят некоторые, — а другая тиха и смиренна, хотя, в конце концов, смею сказать, что у Джудит есть свои достоинства, а у Хетти — свои недостатки.

— А Слабый Ум видела сундук открытым? — спросил Чингачгук с любопытством во взгляде.

— Конечно; это я слышал из ее собственных уст, да и ты тоже. По-видимому, отец вполне полагается на ее скромность, а старшей дочке не слишком верит.

— Значит, он прячет ключ только от Дикой Розы? — спросил Чингачгук, который уже начал с такой галантностью называть Джудит в разговорах с другом.

— Вот именно! Одной он верит, а другой — нет. Это бывает и у красных и у белых, Змей; все племена и народы одним людям верят, а другим отказывают в доверии.

— Где же, как не в простых платьях, можно надежнее всего спрятать ключ от взоров Дикой Розы?

Зверобой быстро обернулся и, с восхищением глядя на друга, весело рассмеялся.

— Да, ты заслужил свое прозвище, Змей, оно тебе очень пристало! Конечно, любительница нарядов никогда не станет трогать такие затрапезные платья, какие носит бедняжка Хетти. Смею уверить, что с тех пор как Джудит свела знакомство с офицерами, ее нежные пальчики никогда не прикасались к такой дерюге, как эта юбка. Сними-ка с колышка эти платья, и увидим — пророк ли ты.

Чингачгук повиновался, но ключа не нашел. Рядом с платьями на другом колышке висел мешок, сшитый из грубой материи и, по-видимому, пустой. Друзья начали его ощупывать. Заметив это, Джудит поспешила избавить их от бесполезных хлопот.

— Зачем вы роетесь в вещах бедной девочки? Там не может быть того, что мы ищем.

Едва успели эти слова сорваться с прелестных уст, как Чингачгук достал из мешка желанный ключ. Джудит была достаточно догадлива, чтобы понять, почему ее отец использовал такое незащищенное место в качестве тайника. Кровь бросилась ей в лицо — быть может, столько же от досады, сколько от стыда. Она закусил губу, но не проронила ни звука. Зверобой и его друг были настолько деликатны, что ни улыбкой, ни взглядом не показали, как ясно они понимают причины, по которым старик пустился на такую хитрую уловку. Зверобой, взяв находку из рук индейца, направился в соседнюю комнату и вложил ключ в замок, желая убедиться, действительно ли они нашли то, что им нужно. Сундук был заперт на три замка, но все они открывались одним ключом.

Зверобой снял замки, откинул пробой, чуть-чуть приподнял крышку, чтобы убедиться, что ничто более не удерживает ее, и затем отступил от сундука на несколько шагов, знаком предложив другу последовать его примеру.

— Это фамильный сундук, Джудит, — сказал он, — и очень возможно, что в нем

хранятся фамильные тайны. Мы со Змеем пойдем в ковчег взглянуть на пироги и на весла, а вы сами поищите, не найдется ли в сундуке вещей, которые могут пригодиться для выкупа. Когда кончите, кликните нас, и мы вместе обсудим, велика ли ценность этих вещей.

— Стойте, Зверобой! — воскликнула девушка. — Я ни к чему не прикоснусь, я даже не приподниму крышку, если вас здесь не будет. Отец и Хетти сочли нужным прятать от меня то, что лежит в сундуке, и я слишком горда, — чтобы рыться в их тайных сокровищах, если только этого не требует их собственное благо. Я ни за что не открою одна этот сундук. Оставайтесь со мной. Мне нужны свидетели.

— Я думаю, Змей, что девушка права. Взаимное доверие — залог безопасности, но подозрительность заставляет нас быть осторожными. Джудит вправе просить нас остаться здесь; и, если в сундуке скрываются какие-нибудь тайны мастера Хаттера, что ж, они будут вверены двум парням, молчаливее которых нигде не найти... Мы останемся с вами, Джудит, но сперва позвольте нам поглядеть на озеро и на берег, потому что такой сундучище нельзя разобрать в одну минуту.

Мужчины вышли на платформу. Зверобой начал осматривать берег в подзорную трубу, индеец оглядывался по сторонам, стараясь заметить какие-нибудь признаки, изобличающие происки врагов. Не заметив, однако, ничего подозрительного и убедившись, что до поры до времени им не грозит опасность, три обитателя «замка» снова собрались у сундука с намерением немедленно открыть его.

Сколько Джудит себя помнила, она всегда питала какое-то безотчетное уважение к этому сундуку. Ни отец, ни мать не говорили о нем в ее присутствии, словно заключили между собой безмолвное соглашение никогда не упоминать о сундуке, даже если речь заходила о вещах, лежавших возле него или на его крышке. Джудит настолько к этому привыкла, что до самого недавнего времени ей не казалось это странным. Надо сказать, что Хаттер и его старшая дочь никогда не были настолько близки, чтобы поверять друг другу тайны. Случалось, что он бывал добр и приветлив, но обычно обращался с ней строго и даже сурово. Молодая девушка никогда не могла позволить себе держаться с отцом просто и доверчиво. С годами скрытность между ними увеличивалась. Загадочный сундук с самого детства сделался для Джудит чем-то вроде семейной святыни, которую запрещено было даже называть по имени. Теперь наступила минута, когда тайна этой святыни должна раскрыться сама собой.

Видя, что оба приятеля с безмолвным вниманием следят за всеми ее движениями, Джудит положила руку на крышку и попробовала приподнять ее. Ей, однако, не удалось сделать это, хотя все запоры были сняты. Девушке представилось, будто какая-то сверхъестественная сила не позволяет довести до конца святотатственное покушение.

— Я не могу приподнять крышку! — сказала она. — Не лучше ли нам отказаться от нашего намерения и придумать другой способ для освобождения пленников?

— Нет, Джудит, это не так. Нет более надежного и легкого способа, чем богатый выкуп, — ответил молодой охотник. — А крышку держит ее собственная тяжесть, потому что дерево оковано железом.

Сказав это, Зверобой сам взялся за крышку, откинул ее к стене и тщательно укрепил, чтобы она случайно не захлопнулась. Джудит затрепетала, бросив первый взгляд внутрь сундука, но на мгновение почувствовала облегчение, увидев, что все, что лежало там, было тщательно прикрыто холстиной, подоткнутой на углах. Сундук был полон почти доверху.

— Ну, здесь битком набито! — сказал Зверобой, тоже заглядывая внутрь.

— Надо приняться за дело с толком и не торопясь. Змей, принеси-ка сюда две табуретки, а я тем временем расстелю на полу одеяло. Мы начнем нашу работу аккуратно и со всеми удобствами.

Делавар повиновался. Зверобой учтиво пододвинул табурет Джудит, сам уселся на другом и начал приподнимать холщовую покрывку. Он действовал решительно, но осторожно, боясь, что внутри хранятся какие-нибудь бьющиеся предметы.

Когда убрали холстину, то прежде всего бросились в глаза различные принадлежности

мужского костюма. Все они были сшиты из тонкого сукна и, по моде того времени, отличались яркими цветами и богатыми украшениями. Мужчин особенно поразил малиновый кафтан; петли его были обшиты золотым позументом. Это, однако, был не военный мундир, а гражданское платье, принадлежавшее эпохе, когда общественное положение больше чем в наши дни сказывалось на одежде. Несмотря на привычку к самообладанию, Чингачгук не мог удержаться от восклицания восхищения, когда Зверобой развернул кафтан. Роскошь этого наряда несказанно поразила индейца. Зверобой быстро обернулся и с некоторым неудовольствием поглядел на друга, выказавшего такой признак слабости. Затем, по своему обыкновению, задумчиво пробормотал себе под нос:

— Такая уж у тебя натура! Краснокожий любит рядиться, и осуждать его за это нельзя. Это необычный предмет одежды, а необычные вещи вызывают необычные чувства... Я думаю, это нам пригодится, Джудит, потому что во всей Америке не найдется индейца, чье сердце устояло бы перед такими красками и такой позолотой. Если этот кафтан был сшит для вашего отца, вы унаследовали от него вашу страсть к нарядам.

— Этот кафтан не мог быть сшит для моего отца, — быстро ответила девушка, — он слишком длинный, а мой отец невысокого роста и плотный.

— Да, сукна пошло вдоволь, и золотого шитья не пожалели, — ответил Зверобой, смеясь своим тихим веселым смехом. — Змей, этот кафтан сшит на человека твоего сложения. Мне хотелось бы увидеть его на тебе.

Чингачгук согласился без всяких отговорок. Он сбросил с себя грубую поношенную куртку Хаттера и облачился в кафтан, сшитый когда-то для знатного дворянина. Это выглядело довольно смешно. Но люди редко замечают недостатки своей внешности или своего поведения, и делавар с важным видом стал изучать происшедшую с ним перемену в дешевом зеркале, перед которым обычно брился Хаттер. В этот миг он вспомнил об Уа-та-Уа, и мы должны признаться — хотя это и не совсем вяжется с серьезным характером воина, — что ему захотелось показаться ей в этом наряде.

— Раздевайся, Змей, раздевайся! — продолжал безжалостный Зверобой. — Такие кафтаны не для нашего брата. Тебе к лицу боевая раскраска, соколиные перья, одеяло и вампум, а мне — меховая куртка, тугие гетры и прочные мокасины. Да, мокасины, Джудит! Хотя мы белые, но живем в лесах и должны принаравливаться к лесным порядкам ради удобства и дешевизны.

— Не понимаю, Зверобой, почему одному можно носить малиновый кафтан, а другому нельзя! — возразила девушка. — Мне очень хочется поглядеть на вас в этом щегольском наряде.

— Поглядеть на меня в кафтане, сшитом для лорда? Ну, Джудит, вам придется подождать, пока я совсем не выживу из ума. Нет, нет, девушка, уже как я привык жить, так и буду жить, или я никогда больше не подстрелю ни одного оленя и не поймаю ни одного лосося. В чем я провинился перед вами? Почему вам хочется видеть меня в таком шутовском наряде, Джудит?

— Я думаю, Зверобой, что не только лживые и бессердечные франты из форта имеют право рядиться. Правдивость и честность тоже могут требовать для себя наград и отличий.

— А какая для меня особая награда, Джудит, если я выряжусь во все красное, словно вождь мингов, только что получивший подарки из Квебека? Нет, нет, пусть уж я останусь таким, как есть, от переодевания я все равно лучше не стану. Положи кафтан на одеяло, Змей, и посмотрим, что еще есть в этом сундуке.

Соблазнительное одеяние, которое, разумеется, никогда не предназначалось для Хаттера, отложили в сторону, и осмотр продолжался. Вскоре из сундука извлекли все мужские костюмы; по качеству они ничем не уступали кафтану. Затем появились женские платья, и прежде всего великолепное платье из парчи, немного испортившееся от небрежного хранения. При виде его из уст Джудит невольно вырвалось восторженное восклицание. Девушка очень увлекалась нарядами, и ей никогда не приходилось видеть таких дорогих и ярких материй даже на женах офицеров и других дамах, живших за стенами

форта. Ее охватил почти детский восторг, и она решила тотчас же примерить туалет, столь мало подходивший ее привычкам и образу жизни. Она убежала к себе в комнату и там, проворно скинув свое чистенькое холстинковое платье, облеклась в ярко окрашенную парчу. Наряд этот пришелся ей как раз впору. Когда она вернулась, Зверобой и Чингачгук, которые коротали без нее время, рассматривая мужскую одежду, вскочили в изумлении и в один голос так восторженно вскрикнули, что глаза Джудит заблестели, а щеки покрылись румянцем торжества. Однако, притворившись, будто она не замечает произведенного ею смятения, девушка снова села с величавой осанкой королевы и выразила желание продолжать осмотр сундука.

— Ну, девушка, — сказал Зверобой, — я не знаю лучшего способа договориться с мингами, как послать вас — то есть от французских колониальных властей Канады — на берег в таком виде и сказать, что к нам приехала королева. За такое зрелище они отдадут и старика Хаттера, и Непоседу, и Хетти.

— До сих пор я думала, что вы не способны льстить, Зверобой, — сказала девушка, тронутая его восторгом больше, чем ей хотелось показать. — Я уважала вас главным образом за вашу любовь к истине.

— Но это истинная правда, Джудит! Никогда еще мои глаза не видели такого очаровательного создания, как вы в эту минуту. Видывал я в свое время и белых и красных красавиц, но еще не встречал ни одной, которая могла бы сравниться с вами, Джудит!

Зверобой не преувеличивал. В самом деле, Джудит никогда не была так прекрасна, как в эту минуту. Охотник еще раз пристально взглянул на нее, в раздумье покачал головой и затем снова склонился над сундуком.

Достав несколько мелочей женского туалета, столь же изящных, как и парчовое платье, Зверобой молча сложил их у ног Джудит, как будто они принадлежали ей по праву. Девушка схватила перчатки и кружева и дополнила ими свой и без того богатый костюм. Она притворялась, будто делает это ради шутки, но в действительности ей не терпелось еще больше принарядиться, раз выпала такая возможность. Когда из сундука вынули все мужские и женские платья, показалась другая холстина, прикрывавшая все остальное. Заметив это, Зверобой остановился, как бы сомневаясь, следует ли осматривать вещи дальше.

— Я полагаю, у каждого есть свои тайны, — сказал он, — и каждый имеет право хранить их. Мы уже достаточно порылись в сундуке и, по-моему, нашли в нем то, что нам нужно. Поэтому, мне кажется, лучше больше ничего не трогать и оставить мастеру Хаттеру все, что лежит под этой покрывалкой.

— Значит, вы хотите, Зверобой, предложить эти костюмы ирокезам в виде выкупа? — быстро спросила Джудит.

— Конечно, мы забрались в чужой сундук, но лишь для того, чтобы оказать услугу хозяину. Один этот кафтан может привести в трепет главного вождя мингов. А если при нем случайно находится его жена или дочка, то это платье способно смягчить сердце любой женщины, живущей между Олбани и Монреалем. Для нашей торговли достаточно будет этих двух вещей, другие товары нам не понадобятся.

— Это вам так кажется, Зверобой, — возразила разочарованная девушка. — Зачем индейской женщине такое платье? Разве она сможет носить его в лесной чаще? Оно быстро запачкается в грязи и дыму вигвама, да и какой вид будут иметь красные руки в этих коротких кружевных рукавах!

— Все это верно, девушка! Вы могли бы даже сказать, что такие пышные наряды совсем непригодны в наших местах. Но какое нам дело до того, что станет с ними, если мы получим то, что нам нужно! Не знаю, какой прок вашему отцу от такой одежды... Его счастье, что он сохранил вещи, не имеющие никакой цены для него самого, хотя очень ценные для других. Если нам удастся выкупить его за эти тряпки, это будет очень выгодная сделка. Мы пожертвуем сущими пустяками, а в придачу получим даже Непоседу.

— Значит, по-вашему, Зверобой, в семействе Томаса Хаттера нет никого, кому бы это

платье было к лицу? И неужели вам хоть изредка не было бы приятно посмотреть на его дочь в этом наряде?

— Я понимаю вас, Джудит! Я понимаю, что вы хотите сказать, мне понятны и ваши желания. Я готов признать, что вы в этом платье прекрасны, как солнце, когда оно встает или закатывается в ясный октябрьский день. Однако ваша красота гораздо больше украшает этот наряд, чем этот наряд вас. По-моему, воин, впервые отправляющийся на тропу войны, поступает неправильно, если он размалевывает свое тело яркими красками, как старый вождь, испытанный в боях, который знает, что он при случае не ударит лицом в грязь. То же самое можно сказать обо всех нас — о белых и красных. Вы дочка Томаса Хаттера, а это платье сшито для дочери губернатора или какой-нибудь другой знатной дамы. Его надо носить в изящной обстановке, в обществе богачей. На мой взгляд, Джудит, скромная девушка лучше всего выглядит, когда она скромно одета. Кроме того, если в Колонии есть хоть одна женщина, которая не нуждается в нарядах и может рассчитывать на свое собственное хорошенькое личико, то это вы.

— Я сейчас же сброшу с себя эти тряпки, Зверобой, — воскликнула девушка, стремительно выбегая из комнаты, — и никогда больше не покажусь в них ни одному человеку!

— Таковы они все, Змей, — сказал охотник, обращаясь к своему другу и тихонько посмеиваясь, лишь только красавица исчезла. — Я, однако, рад, что девушка согласилась расстаться с этой мишурой, ведь в ее положении не годится носить такие вещи. Да она и без них достаточно красива. Уа-та-Уа тоже выглядела бы очень странно в таком платье, не правда ли, делавар?

— Уа-та-Уа — краснокожая девушка, Зверобой, — возразил индеец. — Подобно молодой горлице, она должна носить свое собственное оперение. Я прошел бы мимо, не узнав ее, если бы она нацепила на себя такую шкуру. Надо одеваться так, чтобы друзья наши не имели нужды спрашивать, как нас зовут. Дикая Роза очень хороша, но эти яркие краски не делают ее более благоуханной.

— Верно, верно, так оно и есть. Когда человек нагибается, чтобы сорвать землянику, он не ожидает, что найдет дыню; а когда он хочет сорвать дыню, то бывает разочарован, если оказывается, что она перезрела, хотя перезрелые дыни часто бывают красивее на вид.

Мужчины начали обсуждать вопрос, стоит ли еще рыться в сундуке Хаттера, когда снова появилась Джудит, одетая в простое холстинковое платье.

— Спасибо, Джудит, — сказал Зверобой, ласково беря ее за руку. — Я знаю, женщине нелегко расстаться с таким богатым нарядом. Но, на мой взгляд, вы теперь красивее, чем если бы у вас на голове была надета корона, а в волосах сверкали драгоценные камни. Все дело теперь в том, нужно ли приподнять эту крышку, чтобы посмотреть, не найдется ли там еще чего-нибудь для выкупа мастера Хаттера. Мы должны себе представить, как бы он поступил на нашем месте.

Джудит была счастлива. Скромная похвала молодого человека произвела на нее гораздо большее впечатление, чем изысканные комплименты ветреных льстецов, которыми она была до сих пор окружена. Искусный и ловкий льстец может иметь успех до тех пор, пока против него не обратят его же собственное оружие. Человек прямой и правдивый нередко может обидеть, высказывая горькую правду, однако тем ценнее и приятнее его одобрение, потому что оно исходит от чистого сердца. Все очень скоро убеждались в искренности простодушного охотника, поэтому его благосклонные слова всегда производили хорошее впечатление. В то же время своей откровенностью и прямоотой суждений юноша мог бы нажить себе множество врагов, если бы его характер не возбуждал невольного уважения. Ему нередко приходилось иметь дело с военными и с гражданскими властями, и у всех он в короткое время завоевал безграничное доверие. Джудит тоже дорожила его мнением и была рада, когда он похвалил ее.

— Если мы узнаем, что хранится в этом сундуке, Зверобой, — сказала девушка, немного успокоившись, — легче будет решить, как нам поступать дальше.

— Это довольно разумно, девушка. Рыться в чужих секретах свойственно белым, а не краснокожим.

— Любопытство — чувство естественное и свойственно всем. Когда я жила вблизи форта, то заметила, что большинство тамошних жителей интересуется секретами своих соседей.

— Да, и часто придумывают их, когда не могут доискаться правды. В этом-то и состоит разница между индейским джентльменом и белым джентльменом. Вот, например, Змей поспешил бы отвернуться в сторону, если бы ненароком заглянул в вигвам другого вождя. А в поселениях белых, где все напускают на себя такую важность, поступают совершенно иначе. Уверяю вас, Джудит, Змею никогда не придет в голову, что среди делаваров есть какой-нибудь вождь, стоящий настолько выше его, что имеет смысл утруждать свои мысли и язык, судача о нем и о его поступках, да и вообще о всяких пустяках, которыми интересуется человек, когда у него нет других, более серьезных занятий. Тот, кто так поступает, ничем не отличается от самого обыкновенного негодяя, какой бы щегольской наряд он ни носил и как бы он ни чванился.

— Но это не чужой вигвам, этот сундук принадлежит моему отцу; это его вещи, и мы хотим оказать ему услугу.

— Верно, девушка, верно. Когда все будет у нас перед глазами, мы действительно сможем лучше решить, что надо отдать в виде выкупа и что оставить себе.

Джудит была далеко не так бескорыстна, как старалась это показать. Она помнила, что Хетти уже успела удовлетворить свое любопытство, и поэтому была рада случаю увидеть то, что уже видела ее сестра. Итак, все согласились, что надо продолжать осмотр, и Зверобой приподнял вторую холщовую крышку.

Когда занавес снова взвился над тайнами сундука, на свет божий прежде всего появилась пара пистолетов, украшенных изящной серебряной насечкой. В городе они, должно быть, стоили недешево, но в лесах редко пользовались оружием такого рода. Только офицеры, приезжавшие из Европы, были до такой степени убеждены в превосходстве лондонских обычаев, что не считали нужным отказываться от них даже на далекой американской окраине.

Что же произошло, когда были найдены эти игрушки, выяснится в следующей главе.

Глава 13

*Из дуба грубый старый стул,
Подсвечник (кто его согнул?),
Кровать давно минувших лет,
Еловый ящик (крышки нет),
Щипцы, скрепленные кой-как,
Без острия тупой тесак,
Тарелка, что видала виды,
Там библии и с ней Овидий.
Свифт, «Опись»*

Вынув из сундука пистолеты, Зверобой протянул их делавару и предложил полюбоваться ими.

— Детское ружье, — сказал Змей, улыбаясь и взяв в руки оружие с таким видом, как будто это была игрушка.

— Нет, Змей, эта штучка сделана для мужчины и может повалить великана, если уметь с ней обращаться. Погоди, однако... Белые удивительно беспечно хранят огнестрельное оружие в сундуках и по углам. Дай-ка, я осмотрю их.

Сказав это, Зверобой взял пистолет из рук приятеля и взвел курок. На полке был порох, сплюснутый и затвердевший, как шлак, под действием времени и сырости. При помощи

шомпола легко было убедиться, что оба пистолета заряжены, хотя, по словам Джудит, они много лет пролежали в сундуке. Это открытие озадачило индейца, который привык ежедневно обновлять затравку своего ружья и тщательно осматривать его.

— Белые люди очень небрежны, — сказал Зверобой, покачивая головой, и чуть ли не каждый месяц в их поселениях кто-нибудь за это расплачивается. Просто удивительно, Джудит, да, просто удивительно! Сплошь да рядом бывает, что хозяин выпалит из ружья в оленя или в другого крупного зверя, порой даже в неприятеля, и из трех выстрелов два раза промахнется. И тот же самый человек, забыв по оплошности, что ружье заряжено, убивает наповал своего ребенка, брата или друга. Ну ладно, мы окажем хозяину услугу, разрядив эти пистолеты. И так как для нас с тобой, Змей, это новинка, давай-ка попробуем руку на какой-нибудь цели. Подсыпь на полку свежего пороху, я сделаю то же самое, и тогда мы посмотрим, кто из нас лучше управляется с пистолетом. Что касается карабина, то этот спор давно между нами решен.

Зверобой от всего сердца рассмеялся над собственным бахвальством, и минуты через две приятели стояли на платформе, выбирая подходящую мишень на палубе ковчега. Подстрелаемая любопытством, Джудит присоединилась к ним.

— Отойдите подальше, девушка, отойдите чуть подальше, — сказал Зверобой, — эти пистолеты уже давно заряжены, и при выстреле может случиться какая-нибудь неприятность.

— Так не стреляйте хоть вы, Зверобой! Отдайте оба пистолета делавару или, еще лучше, разрядите их не стреляя.

— Это будет против обычая, и некоторые люди, пожалуй, скажут, что мы трусили, хотя сам я не разделяю такого глупого мнения. Мы должны выстрелить, Джудит, да, мы должны выстрелить. Хотя предвижу, что никому из нас не придется особенно хвастать своим искусством.

Джудит была очень смелая девушка, она привыкла постоянно иметь дело с огнестрельным оружием и, в отличие от многих женщин, совсем не боялась его. Ей не раз приходилось разряжать винтовку, и при случае она могла даже подстрелить оленя. И так, она не стала спорить, но отступила немного назад и стала рядом с Зверобоем, оставив индейца одного на краю платформы. Чингачгук несколько раз поднимал пистолет, пробовал навести его обеими руками, принимал одну неуклюжую позу за другой и, наконец, спустил курок, почти не целясь. В результате он не только не попал в полено, служившее мишенью, но даже не задел ковчега. Пуля запрыгала по поверхности воды, словно камень, брошенный человеческой рукой.

— Недурно, Змей, очень недурно, — сказал Зверобой, беззвучно смеясь по своему обыкновению. — Ты попал в озеро; для иных стрелков и это подвиг. Я заранее знал, что так будет, и сказал об этом Джудит. Краснокожие не привыкли к короткоствольному оружию. Ты попал в озеро, и это все же лучше, чем попасть просто в воздух.

Теперь отойди назад — мы посмотрим, чего стоят привычки белых при стрельбе из белого оружия.

Зверобой прицелился быстро и уверенно. Едва только ствол поднялся вровень с мишенью, раздался выстрел.

Но пистолет разорвало, и обломки подстели в разные стороны. Одни упали на кровлю «замка», другие на ковчег и один в воду. Джудит вскрикнула и, когда мужчины с испугом обратились к ней, девушка была бледна как смерть и дрожала всем телом.

— Она ранена, да, Змей, бедная девочка ранена, хотя нельзя было предвидеть, что это может случиться на том месте, где она стояла. Отнесем ее в каюту, постараемся сделать для нее все, что только можно.

Джудит позволила отнести себя в хижину, выпила глоток воды из фляжки, которую поднес ей Зверобой, и, не переставая дрожать, разрыдалась.

— Надо потерпеть, бедная Джудит, да, надо потерпеть, — сказал Зверобой, утешая ее. — Не стану уговаривать вас не плакать: слезы нередко облегчают девичью душу... А

куда ее ранило, Змей? Я не вижу крови, не вижу и дыры на платье.

— Я не ранена, Зверобой, — пролепетала девушка сквозь слезы, — я просто испугалась, и больше ничего, уверяю вас. Слава богу, я вижу, что никто не пострадал от этой глупой случайности!

— Это, однако, очень странно! — воскликнул ничего не подозревавший простодушный охотник. — Я думал, Джудит, что такую девушку, как вы, нельзя напугать треском разорвавшегося оружия. Нет, я не считал вас такой трусихой. Хетти, конечно, могла испугаться, но вы слишком умны и рассудительны, чтобы бояться, когда опасность уже миновала... Приятно смотреть на молодых девушек, вождь, но они очень непостоянны в своих чувствах.

Стыд сковал уста Джудит. В ее волнении не было никакого притворства; все объяснилось внезапным непреодолимым испугом, который был непонятен и ей самой, и ее двум товарищам. Однако, отерев слезы, она снова улыбнулась и вскоре уже могла смеяться над собственной глупостью.

— А вы, Зверобой, — наконец удалось произнести ей, — вы и вправду не ранены? Просто чудо: пистолет разорвался у вас в руке, а вы не только остались в живых, но даже ничуть не пострадали.

— Подобные чудеса нередко случаются с теми, кому часто приходится иметь дело со старым оружием. Первое ружье, которое мне дали, сыграло со мной такую же шутку, и, однако, я остался жив, хотя и не настолько невредим, как сегодня. Томас Хаттер потерял один из своих пистолетов. Но произошло это потому, что мы хотели услужить ему, а стало быть, он не вправе жаловаться, теперь подойдите поближе, и давайте посмотрим, что там еще осталось в сундуке.

Джудит тем временем оправилась от своего волнения, снова села на табурет, и осмотр продолжался.

Первым делом из сундука извлекли какую-то вещь, завернутую в сукно. Когда сукно развернули, там оказался один из тех математических приборов, которые в то время были в ходу у моряков. На нем были медные детали и разные украшения.

Зверобой и Чингачгук воскликнули от изумления и восторга, увидев незнакомую им вещь: она была до блеска натерта и вся сверкала. За ней, очевидно, в свое время тщательно ухаживали.

— Такие штуки постоянно носят при себе землемеры, Джудит, — сказал Зверобой, поворачивая блестящую вещицу в руках, — я часто видел их приборы. Надо сказать, что люди они злые и бессердечные; приходя в лес, они пролагают дорогу для опустошений и грабежа. Но ни у кого из них не было такой красивой игрушки. Это, однако, наводит меня на мысль, что Томас Хаттер пришел в здешнюю пустыню с недобрыми намерениями. Не замечали ли вы в вашем отце жадности землемера, девушка?

— Он не землемер, Зверобой, и, конечно, не умеет пользоваться этим прибором, хотя и хранит его у себя.

Неужели вы думаете, что Томас Хаттер когда-нибудь носил этот костюм? Это одежда ему так же не по росту, как этот прибор не по его знаниям.

— Пожалуй, так оно и есть, Змей. Старик неведомо какими путями унаследовал вещи, принадлежавшие кому-то другому. Говорят, что он был моряком, и, без сомнения этот сундук и все, что заключается в нем... А это что такое? Это что-то еще более удивительное, чем медь и черное дерево, из которого сделан прибор!

Зверобой развязал маленький мешочек и начал вынимать оттуда одну за другой шахматные фигурки³². Искусно выточенные из слоновой кости, эти фигурки были больше обыкновенных. Каждая по форме соответствовала своему названию: на конях сидели всадники, туры помещались на спинах у слонов, и даже у пешек были человеческие головы и

³² Старинные шахматные фигуры, о которых рассказывает Купер, по форме отличались от современных.

бюсты. Игра была неполная, некоторые фигурки поломались, но все они заботливо хранились в мешочке. Даже Джудит ахнула, увидев эти незнакомые ей предметы, а удивленный и восхищенный Чингачгук совсем позабыл свою индейскую выдержку.

Он поочередно брал в руки каждую фигурку и любовался ею, показывая девушке наиболее поразившие его подробности. Особенно приглянулись ему по вкусу слоны. Не переставая повторять «у-у-ух-у-у-ух», он гладил их пальцем по хоботам, ушам и хвостам. Не оставил он без внимания и пешки, вооруженные луками. Эта сцена длилась несколько минут; Джудит и индеец не помнили себя от восторга. Зверобой сидел молчаливый, задумчивый и даже мрачный, хотя глаза его следили за каждым движением молодой девушки и делавара. Ни восклицания удовольствия, ни слова одобрения ни вырвалось из его уст. Наконец товарищи обратили внимание на его молчание, и тогда он заговорил, впервые после того как нашли шахматы.

— Джудит, — спросил он серьезно и встревожено, — беседовал ли когда-нибудь с вами отец о религии?

Девушка густо покраснела. Однако Зверобой уже настолько заразил ее своей любовью к правде, что она, не колеблясь, отвечала ему совершенно искренне и просто:

— Мать говорила о ней часто, отец — никогда. Мать учила нас молитвами нашему долгу, но отец ни до, ни после ее смерти ни разу не говорило нами об этом.

— Так я и думал, так я и думал. Он не признает бога, такого бога, которого подобает чтить человеку. А эти вещицы — идолы.

Джудит вздрогнула и на один миг, кажется, серьезно обиделась. Затем, немного подумав, она рассмеялась:

— И вы думаете, Зверобой, что эти костяные игрушки — боги моего отца? Я слыхала об идолах и знаю, что это такое.

— Это идолы! — убежденно повторил охотник. — Зачем бы ваш отец стал хранить их, если он им не поклоняется?

— Неужели он держал бы своих богов в мешке и запирали бы их в сундук? — возразила девушка. — Нет, нет, Зверобой, мой бедный отец повсюду таскает с собой своего бога, и этот бог его собственная корысть. Фигурки действительно могут быть идолами, я сама так думаю, судя по тому, что я слышала и читала об идолопоклонстве. Но они попали сюда из какой-то далекой страны и достались Томасу Хаттеру, когда он был моряком.

— Я очень рад, право, я очень рад слышать это, Джудит, потому что вряд ли я мог бы заставить себя прийти на помощь белому язычнику. У старика кожа такого же цвета, что и у меня, и я готов помогать ему, но мне не хотелось бы иметь дело с человеком, который отрекся от своей веры... Это животное, как видно, очень нравится тебе, Змей, хотя оно всего-навсего идол...

— Это слон, — перебила его Джудит. — Я часто видела в гарнизонах картинки, изображавшие этих животных, а у матери была книжка, в которой рассказывалось о них. Отец сжег эту книгу вместе с другими книгами: он говорил, что матушка слишком любила читать. Это случилось незадолго до того, как мать умерла, и я иногда думаю, что эта потеря ускорила ее кончину.

— Ну, слон или не слон, во всяком случае это идол, — возразил охотник, — и не подобает христианину держать его у себя.

— Хорошо для ирокеза, — сказал Чингачгук, неохотно возвращая слона, которого его друг положил обратно в мешочек. — За этого зверя можно купить целое племя, можно купить даже делаваров.

— Пожалуй, ты прав. Это понятно всякому, кто знает натуру индейцев, — ответил Зверобой. — Но человек, сбывающий фальшивую монету, поступает так же дурно, как тот, кто ее делает. Знаешь ли ты хоть одного честного индейца, который не погнушался бы продать шкуру енота, уверяя, что это настоящая куница, или выдать норку за бобра? Я знаю, что несколько штук этих идолов, быть может даже один только слон, дадут нам возможность выкупить Томаса Хаттера на волю. Но совесть не позволяет пускать по рукам такие худые

деньги. Я думаю, ни одно индейское племя не предается настоящему идолопоклонству, но некоторые из них так близки к этому, что белые люди обязаны как можно старательнее оберегать их от искушения.

— Но, Зверобой, быть может, эти костяные фигурки совсем не идолы! — воскликнула Джудит. — Теперь я вспоминаю, что видела у офицеров в гарнизоне игру в гуси и лисицу, немного похожую на эту... А вот еще что-то твердое, завернутое в сукно и, вероятно, имеющее отношение к вашим идолам.

Зверобой взял пакет из рук девушки и, развернув его, достал большую шахматную доску с квадратами из слоновой кости и черного дерева. Подробно обсудив все это, охотник, хотя и с некоторыми колебаниями, присоединился наконец к мнению Джудит и призвал, что мнимые идолы, быть может, не что иное, как изящно выточенные фигурки из какой-то неведомой игры.

У Джудит хватило достаточно такта, чтобы не злоупотреблять своей победой, и она больше ни единым словом не упомянула о забавной ошибке своего друга.

Догадка о назначении диковинных маленьких фигурок решила вопрос о выкупе. Зная слабости и вкусы индейцев, нельзя было сомневаться, что в первую очередь слоны возбуждают их алчность. К счастью, налицо оказались все четыре туры, и потому решено было предложить сначала их в качестве выкупа. Остальные фигурки вместе с другими вещами, хранившимися в сундуке, поспешили убрать с глаз долой, с тем чтобы обратиться к ним лишь в случае крайности. Все в сундуке привели в порядок, и, если бы Хаттер снова вернулся в «замок», он вряд ли догадался бы, что чья-то посторонняя рука прикасалась к его заветному сокровищу. Разорвавшийся пистолет мог разоблачить тайну, но его все-таки положили на место рядом с уцелевшим пистолетом, а шесть пакетов, лежавших на самом дне сундука, так и не развернули. Когда со всем этим было покончено, крышку опустили, повесили на место замки и заперли их на ключ. Потом ключ положил обратно в холщовый мешок. За разговорами и за укладкой вещей прошло больше часа. Зверобой первый заметил, как много времени потрачено понапрасну, и сказал товарищам, что надо скорее приступить к выполнению намеченного плана. Чингачгук остался в спальне Хаттера, куда поставили слонов. Делавару хотелось полюбоваться этими удивительными и неизвестными ему животными; кроме того, может быть, он инстинктивно чувствовал, что его присутствие не особенно желательно белым друзьям и что они предпочитают остаться наедине.

— Ну, Джудит, — сказал Зверобой после разговора, продолжавшегося гораздо дольше, чем он сам предполагал, — очень приятно болтать с вами и обсуждать все эти вопросы, но долг призывает нас в другое место. В это время Непоседа и ваш отец, не говоря уже о Хетти...

Слова замерли у него на губах, потому что в этот самый миг на платформе послышались легкие шаги, чья-то фигура заслонила свет, падавший сквозь дверь, и перед ними появилась Хетти собственной персоной. У Зверобоя вырвалось тихое восклицание, а Джудит вскрикнула, когда рядом с сестрой внезапно вырос индейский юноша лет пятнадцати — семнадцати. Оба они были обуты в мокасины и ступали почти бесшумно. Несмотря на внезапность их появления, Зверобой не растерялся. Прежде всего он быстро произнес несколько слов на делаварском наречии, посоветовав приятелю до поры до времени не покидать заднюю комнату. Затем он подошел к двери, чтобы удостовериться, как велика опасность. Однако снаружи не было ни души. Взглянув на крайне простое приспособление, несколько напоминающее плот и колыхавшееся на воде рядом с ковчегом, Зверобой тотчас же смекнул, каким способом Хетти добралась до «замка». Два высохших сосновых ствола были скреплены шипами и лыком, а сверху на них поместили маленькую платформу, сплетенную из ветвей речного орешника. Хетти посадили на кучку бревен, и юный ирокез, работая веслом, пригнал к «замку» этот примитивный, медленнодвигающийся, но надежный плот. Внимательно осмотрев его и убедившись, что поблизости нет еще других индейцев, Зверобой покачал головой и, по своему обыкновению, пробормотал сквозь зубы:

— Вот что значит рыться в чужом сундуке! Если бы мы были начеку, то не дождались бы такого сюрприза. На примере этого мальчика мы видим, что может произойти, когда за дело возьмутся старые воины. Однако перед нами теперь открытый путь для переговоров, и я хочу послушать, что скажет Хетти.

Оправившись от изумления и страха, Джудит с искренней радостью приветствовала сестру. Прижимая Хетти к груди, она целовала ее, как в те дни, когда обе были еще детьми. Хетти была спокойна, так как в том, что случилось, для нее не было ничего неожиданного. По приглашению сестры она села на табурет и стала рассказывать о своих приключениях. Едва успела она начать свою повесть, как Зверобой вернулся и тоже стал внимательно слушать ее. Молодой ирокез стоял у дверей, относясь ко всему происходящему с совершеннейшим равнодушием.

В рассказе девушки, до того момента, когда мы покинули лагерь после ее беседы с вождями, для нас нет ничего нового. Продолжение этой истории надо передать ее собственными словами.

— Когда я прочитала вождям несколько мест из библии, Джудит, ты не заметила бы в них никакой перемены, — сказала она, — но зерно было брошено, оно дало всходы... Я недолго побывала с отцом и Непоседой, а потом пошла завтракать с Уа-та-Уа. Когда мы поели, вожди подошли к нам, и тут мы увидели плоды посева. Они сказали, что все прочитанное мной по книге — правда, и велели вернуться обратно и повторить то же самое великому воину, который убил одного из их храбрецов, а также передать вам, что они очень рады побывать у нас в замке и послушать, как я опять стану читать им эту священную книгу. Но вы должны дать им несколько пирога, чтобы они могли доставить сюда отца и Гарри, а также своих женщин. И тогда все мы будем сидеть здесь на платформе перед замком и слушать гимны бледнолицему Маниту. А теперь, Джудит, скажи, слыхала ли ты о каком-нибудь другом событии, которое бы так ясно доказывало могущество библии?

— В самом деле, это было бы настоящим чудом, Хетти! Но все это лишь хитрость и коварство. Они стараются взять нас обманом, так как не могут взять силой.

— Ты сомневаешься в могуществе библии, сестра, если судишь о дикарях так жестоко.

— Я не сомневаюсь в могуществе библии, бедная Хетти, но сильно сомневаюсь в честности индейцев, и особенно ирокезов... Что вы скажете об этом предложении, Зверобой?

— Сперва дайте мне поговорить немножко с Хетти, — ответил охотник. — Мне хочется знать, был этот плот уже готов, когда вы завтракали, девушка, или вам пришлось идти пешком по берегу до места, находящегося прямо против нас?

— О нет, Зверобой! Плот был уже готов и покачивался на воде. Разве это не чудо, Джудит?

— Да, да, индейское чудо, — подхватил охотник. — Они мастера на такого рода чудеса. Стало быть, плот был уже совсем готов и только дожидался на воде своей поклажи?

— Все было так, как вы говорите. Плот находился вблизи лагеря, индейцы посадили меня на него, там были лыковые веревки, и воины доволокли плот до места напротив замка, а затем велели этому юноше перевезти меня.

— Стало быть, весь лес полон бродяг, поджидающих, чем кончится это чудо. Теперь понятно, в чем дело, Джудит. Прежде всего я постараюсь отделаться от этого молодого канадского кровопийцы, а потом мы обсудим, как нам быть. Вам и Хетти придется уйти отсюда, но сперва принесите мне слонов, которыми любитесь Змей; ведь этого прыгуна нельзя оставить одного ни на минуту, иначе он возьмет у нас займы пирогу, не спрашивая дозволения.

Джудит принесла шахматные фигурки и вместе с сестрой удалилась к себе в комнату. Зверобой знал с грехом пополам большинство индейских наречий этого края и довольно бегло говорил по-ирокезски. Кивнув головой юноше, он предложил ему сесть на сундук и затем внезапно поставил перед ним двух слонов. До этого мгновения молодой дикарь оставался безучастен. Почти все вещи в ковчеге были для него совершенно в новинку, но он с философским глубокомыслием сохранял полнейшее самообладание. Правда, Зверобой

подметил, что черные глаза ирокеза впились в оборонительные приспособления и в оружие, но с таким невинным видом, с такой небрежной, скучающей повадкой, что лишь человек, прошедший такую же школу, мог бы кое о чем догадаться.

Однако когда взор дикаря упал на игрушки из слоновой кости и он увидел изображения каких-то неведомых, чудесных зверей, удивление и восхищение овладели им.

Молодой ирокез испустил крик восторга, но тотчас же спохватился, как человек, совершивший что-то очень неприличное. Он не сводил глаз со слонов и после короткого колебания решился даже потрогать одного из них. Зверобой не прерывал его в течение добрых десяти минут, зная, что парень так внимательно рассматривает эти диковины потому, что хочет точно и подробно рассказать о них своим вождям. Наконец, решив, что времени прошло вполне достаточно и желаемый эффект достигнут, охотник положил палец на голое колено юноши и привлек к себе его внимание.

— Слушай, — сказал он. — Мне нужно поговорить с моим юным другом из Канады. Пусть он забудет на минуту об этой удивительной штуке.

— А где другой бледнолицый брат? — спросил мальчик, оглядываясь по сторонам и невольно высказывая мысль, которая была у него на уме до того, как он увидел шахматные фигурки.

— Он спит или собирается уснуть; во всяком случае, он в комнате, где обыкновенно спят мужчины, — отвечал Зверобой. — А откуда мой юный друг знает, что здесь есть другой бледнолицый?

— Я видел его с берега. У ирокезов острые глаза — видят сквозь облака, видят дно великого источника.

— Ладно, ирокез пришел сюда. Двое бледнолицых находятся в плену в лагере твоих отцов, мальчик.

Юноша равнодушно кивнул головой, но спустя минуту расхохотался, как будто его восхитила мысль о ловкости людей его племени.

— Можешь ли ты рассказать мне, мальчик, что собираются делать ваши вожди со своими пленниками? Или они еще сами этого не решили?

Индеец взглянул на охотника с некоторым изумлением, а потом хладнокровно приложил указательный палец к голове чуть-чуть повыше левого уха и очертил круг вокруг своей макушки с точностью и быстротой, говорившей о том, как он хорошо изучил это совсем особое искусство своего народа.

— Когда? — спросил Зверобой, у которого судорожно сжалось горло при виде такого равнодушия к человеческой жизни. — А почему бы вам не отвести их с собой в ваши вигвамы?

— Дорога длинна и полна бледнолицых. Вигвамы полны, а скальпы дороги. Мало скальпов, дают за них много золота.

— Ладно, все понятно, да, совершенно понятно. Яснее нельзя высказаться. Теперь ты знаешь, парень, что старший из ваших пленников приходится отцом двум девушкам, которые здесь живут, а младший — жених одной из них. Девушки, естественно, хотят спасти скальпы своих близких людей и в качестве выкупа дают двух костяных зверей по одному за каждый скаल्प. Ступай обратно, скажи об этом твоим вождям и принеси мне их ответ до захода солнца.

Мальчик согласился с готовностью, не оставлявшей ни малейшего сомнения в том, что он точно и быстро выполнит поручение. На один миг он позабыл любовь к славе и врожденную ненависть к англичанам и английским индейцам, так ему хотелось добыть для своих сородичей редкостное сокровище. Зверобой остался доволен произведенным впечатлением. Правда, парень предложил взять с собой одного из слонов в качестве образца, но бледнолицый брат был слишком осмотрителен, чтобы на это согласиться. Зверобой хорошо знал, что слон, по всей вероятности, никогда не доберется по назначению, если доверить его подобным рукам. Это мелкое недоразумение, впрочем, быстро уладилось, и мальчик начал готовиться к отплытию. Остановившись на платформе и уже собираясь

ступить на плот, он вдруг передумал и вернулся обратно с просьбой одолжить ему пирогу, потому что это могло-де ускорить переговоры. Зверобой спокойно ответил отказом, и, помешкав еще немного, мальчик стал грести прочь от «замка» по направлению к густым зарослям на берегу, до которого было не больше полумили. Зверобой сел на табурет и следил за удалявшимся посланцем, пока тот не исчез из виду. Потом охотник окинул внимательным взглядом всю линию берега, насколько хватал глаз, и долго сидел, облокотившись на колено и опершись подбородком на руку.

В то время как Зверобой вел переговоры с мальчиком, в соседней комнате разыгралась сцена совсем другого рода. Хетти спросила, где находится делавар, и, когда сестра сказала ей, что он спрятался, она направилась к нему. Чингачгук встретил посетительницу ласково и почтительно. Он знал, что она собой представляет и, кроме того, его симпатии к этому невинному существу укреплялись надеждой услышать какие-нибудь новости о своей невесте. Войдя в комнату, девушка села, пригласила индейца занять место рядом, но продолжала молчать, предполагая, что вождь первый обратится к ней с вопросом. Однако Чингачгук не понял ее намерений и продолжал почтительно ожидать, когда ей будет угодно заговорить.

— Вы Чингачгук, Великий Змей делаваров, не правда ли? — начала наконец девушка, по своему обыкновению совершенно просто.

— Чингачгук, — с достоинством ответил делавар. — Это означает «Великий Змей» на языке Зверобоя.

— Ну да, это и мой язык. На нем говорят и Зверобой, и отец, и Джудит, и я, и бедный Гарри Непоседа.

Вы знаете Гарри Марча, Великий Змей? Впрочем, нет, вы его не знаете, потому что иначе он бы тоже рассказал мне о вас.

— Называл ли чей-нибудь язык имя Чингачгука Поникшей Лилии? (Ибо вождь этим именем решил называть бедную Хетти.) Провела ли маленькая птичка это имя среди ирокезов?

Сначала Хетти ничего не ответила. Она опустила голову, и щеки ее зарумянились. Потом она поглядела на индейца, улыбаясь наивно, как ребенок, и вместе с тем сочувственно, как взрослая женщина.

— Моя сестра, Поникшая Лилия, слышала такую птичку! — прибавил Чингачгук так ласково и мягко, что мог бы удивить всякого, кто привык слышать раздражающие вопли, так часто вырывавшиеся из той же самой глотки. — Уши моей сестры были открыты, почему же она потеряла язык?

— Вы Чингачгук, да, вы Чингачгук. Здесь нет другого индейца, а она верила, что должен прийти Чингачгук.

— Чин-гач-гук, — медленно произнес вождь свое имя, подчеркивая каждый слог. — Великий Змей — на языке ингизов.

— Чин-гач-гук, — повторила Хетти столь же выразительно. — Да, Уа-та-Уа называла это имя, и, должно быть, это вы.

— «Уа-та-Уа» звучит сладко для ушей делаvara.

— Вы произносите не совсем так, как я. Но все равно, я слышала, как поет птичка, о которой вы говорите, Великий Змей.

— Может ли моя сестра повторить слова песни? О чем больше всего поет птичка, как она выглядит, часто ли смеется?

— Она пела «Чин-гач-гук» чаще, чем что-либо другое и смеялась от всего сердца, когда я рассказала ей, как ирокезы бежали за вами по воде и не могли поймать вас. Надеюсь, что эти бревна не имеют ушей, Змей?

— Не бойся бревен, бойся сестры в соседней комнате. Не бойся ирокеза — Зверобой заткнул глаза и уши чужой скотине.

— Я понимаю вас, Змей, и я понимала Уа-та-Уа. Иногда мне кажется, что я совсем не так слабоумна, как говорят. Теперь глядите на потолок... Но вы пугаете меня, вы смотрите

так страшно, когда я говорю об Уа-та-Уа.

Индеец постарался умерить блеск своих глаз и сделал вид, будто повинуется желанию девушки.

— Уа-та-Уа велела мне сказать потихоньку, что вы не должны доверять ирокезам. Они гораздо хитрее, чем все другие индейцы, которых она знает. Затем она сказала, что есть большая яркая звезда, которая поднимается над холмом час спустя после наступления темноты. (Уа-та-Уа имела в виду планету Юпитер, хотя сама не подозревала об этом). И когда звезда покажется на небе, девушка будет ждать вас у того места, где я сошла на берег прошлой ночью, и вы должны приплыть за нею в пироге.

— Хорошо, Чингачгук теперь достаточно понял, но он поймет лучше, если сестра пропоет ему еще раз.

Хетти повторила свои слова, рассказала более подробно, о какой звезде шла речь, и описала то место на берегу, к которому индеец должен был пристать. Затем она пересказала со всей обычной бесхитростной манерой весь свой разговор с индейской девушкой и воспроизвела несколько ее выражений, чем сильно порадовала сердце жениха. Кроме того, она достаточно толково сообщила о том, где расположился неприятельский лагерь и какие передвижения произошли там начиная с самого утра. Уа-та-Уа пробыла с нею на плоту, пока он не отвалил от берега, и теперь, без сомнения, находилась где-то в лесу против «замка». Делаварка не собиралась возвращаться в лагерь до наступления ночи; она надеялась, что тогда ей удастся ускользнуть от своих подруг и спрятаться на мысу. Видимо, никто не подозревал о том, что Чингачгук находится поблизости, хотя все знали, что какой-то индеец успел пробраться в ковчег прошлой ночью, и догадывались, что именно он появлялся у дверей «замка» в одежде бледнолицего. Все же на этот счет оставались еще кое-какие сомнения, ибо в это время года белые люди часто приходили на озеро, и, следовательно, гарнизон «замка» легко мог усиливаться таким образом. Все это Уа-та-Уа рассказала Хетти, пока индейцы тянули плот вдоль берега. Так они прошли около шести миль — времени для беседы было более чем достаточно.

— Уа-та-Уа сама не знает, подозревают ли они ее и догадываются ли о вашем прибытии, но она надеется, что нет. А теперь, Змей, после того как я рассказала так много о вашей невесте, — продолжала Хетти, бессознательно взяв индейца за руку и играя его пальцами, как дети играют пальцами родителей, — вы должны кое-что обещать мне. Когда женитесь на Уа-та-Уа, вы должны быть ласковы с ней и улыбаться ей так, как улыбаетесь мне. Не надо глядеть на нее так сердито, как некоторые вожди глядят на своих жен. Обещаете вы мне это?

— Всегда буду добрым с Уа! Слишком нежная, сильно скрутишь — она сломается.

— Да, а поэтому надо улыбаться ей. Вы и не знаете, как ценит девушка улыбку любимого человека. Отец едва улыбнулся мне, пока я была с ним, а Гарри громко говорил и смеялся. Но я не думаю, чтобы он улыбнулся хоть разочек. Знаете ли вы разницу между улыбкой и смехом?

— Смех лучше. Слушай Уа: смеется — думаешь, птица поет.

— Я знаю, ее смех очень приятен, но вы должны улыбаться. А еще, Змей, вы не должны заставлять ее таскать тяжести и жать хлеб, как это делают другие индейцы. Обращайтесь с ней, как бледнолицые обращаются со своими женами.

— Уа-та-Уа не бледнолицая; у нее красная кожа, красное сердце, красные чувства. Все красное. Она должна таскать малыша.

— Каждая женщина охотно носит своего ребенка, — сказала Хетти улыбаясь, — и в этом нет никакой беды. Но вы должны любить Уа, быть ласковым и добрым с нею, потому что сама она очень ласкова и добра.

Чингачгук важно кивнул головой в ответ и затем, по-видимому, решил, что тему эту лучше оставить. Прежде чем Хетти успела возобновить свой рассказ, послышался голос Зверобоя, призывавший краснокожего приятеля в соседнюю комнату. Змей поднялся со своего места, услышав этот зов, а Хетти вернулась к сестре.

Глава 14

*Смотрите, что за страшный зверь,
Такого еще не было под солнцем!
Как ящерица узкий, рыба голова!
Язык змеи, внутри тройные ногти,
А сзади длинный хвост к нему привешен!*
Меррак

Выйдя к другу, делавар прежде всего поспешил сбросить с себя костюм цивилизованного человека и снова превратился в индейского воина. На протесты Зверобоя он ответил, что ирокезам уже известно о присутствии в «замке» индейца. Если бы делавар и теперь продолжал свой маскарад, ирокезам это показалось бы более подозрительным, чем его открытое появление в качестве одного из представителей враждебного племени. Узнав, что вождю не удалось проскользнуть в ковчег незамеченным, Зверобой перестал спорить, понимая, что скрываться дальше бесполезно. Впрочем, Чингачгук хотел снова появиться в облике сына лесов не только из одной осторожности: им двигало более нежное чувство. Он только что узнал, что Уа-та-Уа здесь — на берегу озера, как раз против «замка», и вождю было отрадно думать, что любимая девушка может теперь увидеть его. Он расхаживал по платформе в своем легком туземном наряде, словно лесной Аполлон, и сотни сладостных мечтаний теснились в душе влюбленного и смягчали его сердце. Все это ровно ничего не значило, в глазах Зверобоя, думавшего больше о насущных заботах, чем о причудах любви. Он напомнил товарищу, насколько серьезно их положение, и пригласил его на военный совет. Друзья сообщили друг другу все, что им удалось выведать от своих собеседников. Чингачгук услышал всю историю переговоров о выкупе и, в свою очередь, рассказал Зверобою о том, что ему говорила Хетти. Охотник принял близко к сердцу тревоги своего друга и обещал ему помочь во всем.

— Это наша главная задача, Змей, да ты и сам это знаешь. В борьбу за спасение замка и девочек старого Хаттера мы вступили случайно. Да, да, я постараюсь помочь маленькой Уа-та-Уа, этой поистине самой доброй и самой красивой девушке вашего племени. Я всегда поощрял твою склонность к ней, вождь; такой древний и знаменитый род, как ваш, не должен угаснуть. Я очень рад, что Хетти встретила с Уа-та-Уа; если Хетти и не слишком хитра, зато у твоей невесты хитрости и разума хватит на обеих. Да, Змей, — сердечно рассмеялся он, — сложи их вместе, и двух таких умных девушек ты не найдешь во всей колонии Йорк.

— Я отправлюсь в ирокезский лагерь, — серьезно ответил делавар. — Никто не знает Чингачгука, кроме Уа, а переговоры о жизни пленников и об их скальпах должен вести вождь. Дай мне диковинных зверей и позволь сесть в пирогу.

Зверобой опустил голову и начал водить концом удочки по воде, свесив ноги с края платформы и болтая ими, как человек, погруженный в свои мысли. Не отвечая прямо на предложение друга, он, по обыкновению, начал беседовать с самим собой.

— Да, да, — говорил он, — должно быть, это и называют любовью. Мне приходилось слышать, что любовь иногда совсем помрачает разум юноши, и он уже не в состоянии что-либо соображать и рассчитывать. Подумать только, что Змей до такой степени потерял и рассудок, и хитрость, и мудрость! Разумеется надо поскорее освободить Уа-та-Уа и выдать ее замуж, как только мы вернемся домой, или вождю от этой войны не будет никакой пользы. Да, да, он никогда не станет снова мужчиной, пока это бремя не свалится с его души и он не придет в себя. Змей, ты теперь не способен рассуждать серьезно, и потому я не стану отвечать на твое предложение. Но ты вождь, тебе придется скоро водить целые отряды по военной тропе, поэтому я спрошу тебя: разумно ли показывать врагу свои силы прежде, чем

началась битва?

— Уа! — воскликнул индеец.

— Ну да, Уа. Я хорошо понимаю, что все дело в Уа, и только в Уа. Право, Змей, я очень тревожусь и стыжусь за тебя. Никогда я не слышал таких глупых слов из уст вождя, и вдобавок вождя, который уже прославился своей мудростью, хотя он еще молод и неопытен. Нет, ты не получишь пирогу, если только голос дружбы и благоразумия чего-нибудь да стоит.

— Мой бледнолицый друг прав. Облако прошло над годовой Чингачгука, глаза его померкли, и слабость прокралась в его ум. У моего брата сильная память на хорошие дела и слабая на дурные. Он забудет.

— Да, это нетрудно. Не будем больше говорить об этом, вождь. Но, если другое такое же облако проплывет над тобой, постарайся отойти в сторону. Облака часто застилают даже небо, но, когда они помрачают наш рассудок, это уже никуда не годится. А теперь садись со мной рядом, и потолкуем немного о том, что нам делать, потому что скоро сюда явится посол для переговоров о мире, или же нам придется вести кровавую войну. Как видишь, эти бродяги умеют ворочать бревнами не хуже самых ловких сплавщиков на реке, и ничего мудреного не будет, если они нагрянут сюда целой ватагой. Я полагаю, что умнее всего будет перенести пожитки старика Тома в ковчег, запереть замок и уплыть в ковчеге. Это подвижная штука, и с распушенным парусом мы можем провести много ночей, не опасаясь, что канадские волки отыщут дорогу в нашу овчарню.

Чингачгук с одобрением выслушал этот план.

Было совершенно очевидно, что, если переговоры закончатся неудачей, ближайшей же ночью начнется штурм. Враги, конечно, понимали, что, захватив «замок», они завладеют всем его богатством, в том числе и вещами, предназначенными для выкупа, и в то же время удержат в своих руках уже достигнутые ими преимущества. Надо было во что бы то ни стало принять необходимые меры; теперь, когда выяснилось, что ирокезов много, нельзя было рассчитывать на успешное отражение ночной атаки. Вряд ли удастся помешать неприятелю захватить пироги и ковчег, а засев в нем, нападающие будут так же хорошо защищены от пуль, как и гарнизон «замка». Зверобой и Чингачгук уже начали подумывать, чтобы затопить ковчег на мелководье и самим отсиживаться в «замке», убрав туда пироги. Но, поразмыслив немного, они решили, что такой способ обороны обречен на неудачу: на берегу легко было собрать бревна и построить плот любых размеров. А ирокезы непременно пустят в ход это средство, понимая, что настойчивость их не может не увенчаться успехом. Итак, во зрелом обсуждении, два юных дебютанта в искусстве лесной войны пришли к выводу, что ковчег является для них единственно надежным убежищем. О своем решении они немедленно сообщили Джудит. У девушки не нашлось серьезных возражений, и все четверо стали готовиться к выполнению своего плана.

Читатель легко может себе представить, что имущество Плавучего Тома было невелико. Наиболее существенным в нем были две кровати, кое-какое платье, оружие, скудная кухонная утварь, а также таинственный и лишь до половины обследованный сундук. Все это вскоре собрали, а ковчег пришвартовали к восточной стороне дома, чтобы с берега не заметили, как выносят из «замка» вещи. Решили, что не стоит сдвигать с места тяжелую и громоздкую мебель, так как она вряд ли понадобится в ковчеге, а сама по себе не представляет большой ценности.

Переносить вещи приходилось с величайшими предосторожностями. Правда, большую часть их удалось передать в окно, но все же прошло не меньше двух или трех часов, прежде чем все было сделано. Тут осажденные заметили плот, приближавшийся к ним со стороны берега. Зверобой схватил трубу и убедился, что на плоту сидят два воина, видимо безоружные. Плот подвигался очень медленно; это давало важное преимущество обороняющимся, так как ковчег двигался гораздо быстрее и с большей легкостью. В распоряжении обитателей «замка» оставалось достаточно времени, чтобы подготовиться к приему опасных посетителей; все было закончено задолго до того, как плот подплыл на

близкое расстояние. Девушки удалились в свою комнату. Чингачгук стал в дверях, держа под рукой несколько заряженных ружей. Джудит следила в окошко. Зверобой поставил табурет на краю платформы и сел, небрежно держа карабин между коленями.

Плот подплыл поближе, и обитатели «замка» напрягли все свое внимание, чтобы убедиться, нет ли у гостей при себе огнестрельного оружия. Ни Зверобой, ни Чингачгук ничего не заметили, но Джудит, не доверяя своим глазам, высунула в окошко подзорную трубу и направила ее на ветви хемлока, которые устилали плоти служили сиденьем для гребцов. Когда медленно подвигавшийся плот очутился на расстоянии пятидесяти футов от «замка», Зверобой окликнул гуронов и приказал им бросить весла, предупредив, что он не позволит им высадиться. Ослушаться этого требования было невозможно, и два свирепых воина в ту же минуту встали со своих мест, хотя плот еще продолжал тяжело двигаться вперед.

— Вожди вы или нет? — спросил Зверобой с величественным видом. — Вожди ли вы? Или минги послали ко мне безыменных воинов для переговоров? Если так, то чем скорее вы поплывете обратно, тем раньше здесь появится воин, с которым я могу говорить.

— У-у-ух! — воскликнул старший индеец, обводя огненным взором «замок» и все, что находилось вблизи от него. — Мой брат очень горд, но мое имя Расщепленный Дуб, и оно заставляет бледнеть делаваров.

— Быть может, это правда, Расщепленный Дуб, а быть может, и ложь, но я вряд ли побледнею, поскольку и так родился бледным. Но что тебе здесь понадобилось и зачем ты подплыл к легким пирогам из коры на бревнах, которые даже невыдолблены?

— Ирокезы не утки, чтобы гулять по воде. Пусть бледнолицые дадут им пирогу, и они приплывут в пироге.

— Неплохо придумано, но только этот номер не пройдет. Здесь всего лишь четыре пирога, и так как нас тоже четверо, то как раз приходится по пирогу на брата.

Впрочем, спасибо за предложение, хотя мы просим разрешения отклонить его. Добро пожаловать, ирокез, на твоих бревнах!

— Благодарю! Юный бледнолицый воин уже заслужил какое-нибудь имя? Как вожди называют его?

Зверобой колебался одно мгновение, но вдруг им овладел приступ человеческой слабости. Он улыбнулся, пробормотал что-то сквозь зубы, затем гордо выпрямился и сказал:

— Минг, подобно всем, кто молод и деятелен, я был известен под разными именами в различные времена. Один из ваших воинов, дух которого вчера утром отправился к предкам в места, богатые дичью, сказал, что я достоин носить имя Соколиный Глаз. И все потому, что зрение мое оказалось острее, чем у него, в ту минуту, когда между нами решался вопрос о жизни и смерти.

Чингачгук, внимательно следивший за всем происходящим; услышал эти слова и понял, на чем была основана мимолетная слабость его друга. При первом же удобном случае он расспросил его более подробно. Когда молодой охотник признался во всем, индейский вождь счел своим долгом передать его рассказ своему родному племени, и с той поры Зверобой получил новую кличку. Однако, поскольку это случилось позже, мы будем продолжать называть молодого охотника тем прозвищем, под которым он был впервые представлен читателю.

Ирокез был изумлен словами бледнолицего. Он знал о смерти своего товарища и без труда понял намек. Легкий крик изумления вырвался у дикого сына лесов. Потом последовали любезная улыбка и плавный жест рукой, который сделал бы честь даже восточному дипломату. Оба ирокеза обменялись вполголоса несколькими словами и затем перешли на тот край плота, который был ближе к платформе.

— Мой брат Соколиный Глаз послал гуронам предложение, — продолжал Расщепленный Дуб, — и это радует их сердца. Они слышали, что у него есть изображения зверей с двумя хвостами. Не покажет ли он их своим друзьям?

— Правильнее было бы сказать — врагам, — возразил Зверобой. — Слово — только

пустой звук, и никакого вреда от него быть не может. Вот одно из этих изображений. Я брошу его тебе, полагаясь на твою честность. Если ты не вернешь мне его, нас рассудит карабин.

Ирокез, видимо, согласился на это условие. Тогда Зверобой встал, собираясь бросить одного из слонов на плот. Обе стороны постарались принять все необходимые предосторожности, чтобы фигурка не упала в воду. Частое упражнение делает людей весьма искусными, и маленькая игрушка из слоновой кости благополучно перекочевала из рук в руки. Затем на плоту произошла занятная сцена. Удивление и восторг снова одержали верх над индейской невозмутимостью: два угрюмых старых воина выказывали свое восхищение более откровенно, чем мальчик. Он умел обуздывать свои чувства — в этом проявлялась недавняя выучка, тогда как взрослые мужчины с прочно установившейся репутацией не стыдились выражать свой восторг. В течение нескольких минут они, казалось, забыли обо всем на свете — так заинтересовали их драгоценный материал, тонкость работы и необычный вид животного. Для нее губа американского оленя, быть может, всего больше напоминает хобот слона, но этого сходства было явно недостаточно, чтобы диковинный, неведомый зверь казался индейцам менее поразительным, чем дольше рассматривали они шахматную фигурку, тем сильнее дивились, эти дети лесов отнюдь не сочли сооружение, возвышающееся на шее слона, неотъемлемой частью животного. Она была хорошо знакома с лошадьми и выючными волами и видели в Канаде крепостные башни. Поэтому ноша слона несколько не поразила их. Однако они, естественно, предположили, будто фигурка изображает животное, способное таскать на спине целый форт, и это еще больше потрясло их.

— У моего бледнолицего друга есть еще несколько таких зверей? — спросил наконец старший ирокез заискивающим тоном.

— Есть еще несколько штук, минг, — отвечал Зверобой. — Однако хватит и одного, чтобы выкупить пятьдесят скальпов.

— Один из моих пленников — великий воин: высокий, как сосна, сильный, как лось, быстрый, как лань, свирепый, как пантера. Когда-нибудь будет великим вождем, будет командовать армией короля Георга.

— Та-та-та, минг! Гарри Непоседа — это только Гарри Непоседа, и вряд ли из него получится кто-нибудь поважнее капрала, да и то сомнительно. Правда, он довольно высок ростом. Но от этого мало толку: он лишь стучается головой о ветки, когда ходит по лесу. Он действительно силен, но сильное тело — это еще не сильная голова, и королевских генералов производят в чины не за их мускулы. Согласен, он очень проворен, но ружейная пуля еще проворнее, а что касается жестокости, то она совсем не пристала солдату. Люди, воображающие, что они сильнее всех, часто сдаются после первого пинка. Нет, нет, ты никогда и никого не заставишь поверить, будто скальп Непоседы стоит дороже, чем шапка курчавых волос, прикрывающая пустую голову.

— Мой старший пленник очень умен, он король озера, великий воин, мудрый советник.

— Ну, против этого тоже можно кое-что возразить, минг. Умный человек не попался бы так глупо в западню, как мастер Хаттер. У этого озера только один король, но он живет далеко отсюда и вряд ли когда-нибудь увидит его. Плавающий Том — такой же король здешних мест, как волк, крадущийся в чаще, — король лесов. Зверь с двумя хвостами с избытком стоит двух этих скальпов.

— Но у моего брата есть еще один зверь! И он отдаст двух (тут индеец протянул вперед два пальца) за старого отца.

— Плавающий Том не отец мне, и от этого он ничуть не хуже. Но отдать за его скальп двух зверей, у каждого из которых два хвоста, было бы ни с чем не сообразно. Подумай сам, минг, можем ли мы пойти на такую невыгодную сделку?

К этому времени Расщепленный Дуб уже оправился от изумления и снова начал, по своему обыкновению, лукавить, чтобы добиться наиболее выгодных условий соглашения. Не стоит воспроизводить здесь со всеми подробностями последовавший за этим прерывистый

диалог, во время которого индеец всячески старался выиграть упущенные на первых порах преимущества. Он даже притворился, будто сомневается, существуют ли живые звери, похожие на эти фигурки, и заявил, что самые старые индейцы никогда не слыхивали о таких странных животных. Как часто бывает в подобных случаях, он начал горячиться во время этого спора, ибо Зверобой отвечал на все его коварные доводы и увертки со своей обычной спокойной прямоотой и непоколебимой любовью к правде. О том, что такое слон, он знал немногим больше, чем дикарь, но был уверен, что точеные фигурки из слоновой кости должны представлять в глазах ирокеза такую же ценность, как мешок с золотом или кипа бобровых шкур в глазах торговца. Поэтому Зверобой решил, что будет гораздо благоразумнее не проявлять сразу особой уступчивости, тем более что было много почти неодолимых препятствий для обмена даже в том случае, если бы удалось сговориться.

Ввиду этих трудностей он предпочел придержать остальные шахматные фигурки в резерве, как средство уладить дело в последний момент.

Наконец дикарь объявил, что дальнейшие переговоры бесполезны: он не может, не опозорив своего племени, отказаться от славы и от награды за два отличных мужских скальпа, получив за это в обмен такую пустяковину, как две костяные игрушки.

Теперь обе стороны испытывали то, что обычно испытывают люди, когда сделка, которую каждый из них страстно желает заключить, готова расстроиться из-за излишнего упрямства, проявленного при переговорах. Это разочарование, однако, произвело весьма различное действие на участников спора. Зверобой казался встревоженным и грустным. Он беспокоился об участии пленников и всей душой сочувствовал обеим девушкам, поэтому срыв переговоров глубоко огорчил его. Что касается индейца, то неудача пробудила в нем дикую жажду мести. Он громко объявил, что не скажет больше ни слова, но при этом злился и на самого себя, и на своего хладнокровного противника, выказавшего сейчас гораздо больше выдержки и самообладания, чем краснокожий вождь. Когда гурон отводил плот от платформы, голова его потупилась и глаза загорелись, хотя он заставил себя дружески улыбнуться и вежливо помахать рукой на прощание.

Понадобилось некоторое время, чтобы привести плот в движение. Пока этим занимался второй индеец, Расщепленный Дуб в молчаливом бешенстве раздвигал ногами ветви, лежавшие между бревнами, а сам не отрывал пронизывающего взгляда от хижины, платформы и фигуры своего противника. Тихим голосом он быстро сказал товарищу несколько слов и, как разъяренный зверь, продолжал разгребать ветви. Тут обычная бдительность Зверобоя несколько ослабела: он размышлял, как бы возобновить переговоры, не давая противной стороне слишком больших преимуществ. На его счастье, ясные глаза Джудит оставались зоркими, как всегда. В то мгновение, когда молодой охотник совсем позабыл, что необходимо быть настороже, и его враг уже готовился к бою, девушка крикнула взволнованным голосом:

— Берегитесь, Зверобой! Я вижу в трубу ружья, спрятанные между ветвями, ирокез старается вытащить их ногами!

Как видно, неприятели догадались отправить к «замку» посланца, понимавшего по-английски. Все предшествующие переговоры велись на ирокезском наречии, но, судя по тому, как внезапно Расщепленный Дуб прекратил свою предательскую работу и как быстро выражение мрачной свирепости уступило на его физиономии место любезной улыбке, было совершенно ясно, что он понял слова девушки. Движением руки он велел своему товарищу положить весла, перешел на тот край плота, который был ближе к платформе, и заговорил снова.

— Почему Расщепленный Дуб и его брат позволили облаку встать между ними? — спросил он. — Оба они мудры, храбры и великодушны. Им надо расстаться друзьями. Один зверь будет ценой одного пленника.

— Ладно, минг, — ответил охотник, обрадованный возможностью возобновить переговоры на любых условиях и готовый облегчить заключение сделки маленькой надбавкой. — Ты увидишь, что бледнолицые умеют давать настоящую цену, когда к ним

приходят с открытым сердцем и с дружески протянутой рукой. Оставь у себя зверя, которого ты забыл вернуть, когда собирался отплыть, да и я забыл потребовать его обратно, потому что мне неприятно было расстаться с тобой в гневе. Покажи его своим вождям. Когда доставишь сюда наших друзей, ты получишь еще двух других, и... — тут он колебался одно мгновение, не зная, разумно ли будет идти на слишком большие уступки, но затем решительно продолжал: — и, если мы увидим их здесь до заката, у нас, быть может, найдется еще и четвертый для круглого счета.

На этом они и покончили. Последние следы неудовольствия исчезли с темного лица ирокеза, и он улыбнулся столь же благосклонной, хоть и не столь привлекательной улыбкой, как у самой Джудит Хаттер.

Шахматная фигурка, которую он держал в руках, снова подверглась подробнейшему осмотру, и восторженное восклицание доказало, как он обрадовался неожиданному соглашению. После этого индейцы, кивнув головой на прощание, тихонько поплыли к берегу.

— Можно ли хоть в чем-нибудь положиться на этих негодяев? — спросила Джудит, когда они с Хетти снова вышли на платформу и встали рядом с Зверобоем, следившим за медленно удалявшимся плотом. — Я боюсь, что они оставят у себя игрушку и пришлют кровавое доказательство того, что им удалось перехитрить нас.

Они способны сделать это ради простого бахвальства. Я не раз слышала о таких историях.

— Без сомнения, Джудит, без всякого сомнения! Но я совсем не знаю краснокожих, если этот двуххвостый зверь не взбудоражит все племя, подобно пруту, вставленному в пчелиный улей. Вот, например, Змей: человек крепкий, как камень, и в обычных житейских делах любопытный лишь в пределах благоразумия. Но и он так увлекся этой выточенной из костяшки тварью, что мне просто стыдно стало за него. Однако здесь заговорило врожденное чувство, а человека нельзя осуждать за врожденные чувства, если они естественны. Чингачгук скоро преодолеет свою слабость и вспомнит, что он вождь из знаменитого рода, обязанный блюсти славу своего имени. Ну, а бездельники минги не успокоятся, пока не завладеют всеми точеными костяшками из кладовых Томаса Хаттера.

— Они видели только слонов и не имеют представления ни о чем другом.

— Это верно, Джудит. Но все-таки алчность — ненасытное чувство. Они скажут: если у бледнолицых есть диковинные звери с двумя хвостами, то, как знать, быть может, у них есть и с тремя хвостами или, пожалуй, даже с четырьмя. Школьные учителя назвали бы это натуральной арифметикой. Дикари ни за что не успокоятся, пока не доищутся правды.

— Как вы думаете, Зверобой, — спросила Хетти, по своему обыкновению, бесхитростно и просто, — неужели ирокезы не отпустят отца и Непоседу? Я прочитала им самые лучшие стихи из всей библии, и вы видите, что они уже сделали.

Охотник, как всегда, ласково выслушал замечание Хетти. Некоторое время он молча размышлял о чем-то. Легкий румянец покрыл его щеки, когда он наконец ответил:

— Я не знаю, должен ли белый человек стыдиться того, что он не умеет читать. Но такова уж моя судьба, Джудит. Я знаю, вы очень искусны в такого рода вещах, а я умею читать только то, что написано на холмах и долинах, на вершинах гор и потоках, на лесах и источниках. Отсюда можно узнать не меньше, чем из книг. И, однако, иногда мне кажется, что для белого человека чтение — природный дар. Когда от моравских братьев я в первый раз услышал слова, которые повторяет Хетти, мне захотелось самому прочитать их. Но летняя охота, рассказы индейцев, их уроки и другие заботы всегда мешали мне.

— Хотите, я буду учить вас, Зверобой? — спросила Хетти очень серьезно. — Говорят, я слабоумная, но читать умею так же хорошо, как Джудит. Если вы научитесь читать библию дикарям, то когда-нибудь сможете спасти этим свою жизнь и, во всяком случае, спасете себе душу. Мать много раз говорила мне это.

— Благодарю вас, Хетти, благодарю вас от всего сердца. Теперь, как видно, наступают крутые времена, и некогда заниматься такими делами. Но, когда у нас опять настанет мир, я

приду погостить к вам на озеро, и мы соединим приятное с полезным. Быть может, мне следует стыдиться этого, Джудит, но правда выше всего.

Что касается ирокезов, то вряд ли они позабудут зверя с двумя хвостами ради двух-трех стихов из библии. Думаю, что скорее всего они вернут нам пленников, а потом будут ждать удобного случая, чтобы захватить их обратно вместе с нами и со всем, что есть в замке, да еще с ковчегом в придачу. Однако мы должны как-нибудь умаслить этих бродяг: прежде всего — для того чтобы освободить вашего отца и Непоседу и затем — чтобы сохранить мир, по крайней мере, до тех пор, пока Змей успеет освободить свою суженую. Если индейцы очень обозлятся, они сразу же отошлют всех своих женщин и детей обратно в лагерь, а если мы сохраним с ними приятельские отношения, то сможем встретить Уа-та-Уа на месте, которое она указала. Чтобы наша сделка не сорвалась, я готов отдать хоть полдюжины фигурок, изображающих стрелков с луками; у нас в сундуке их много.

Джудит охотно согласилась, она готова была пожертвовать даже расшитой парчой, лишь бы выкупить отца и доставить радость Зверобойу.

Надежда на успех приободрила всех обитателей «замка», хотя по-прежнему надо было следить в оба за всеми передвижениями неприятеля. Однако час проходил за часом, и солнце уже начало склоняться к вершинам западных холмов, а никаких признаков плота, плывущего обратно, все еще не было видно. Осматривая берег в подзорную трубу, Зверобой наконец открыл среди густых и темных зарослей одно место, где, как он предполагал, собралось много ирокезов. Место это находилось неподалеку от тростников, откуда впервые появился плот, а легкая рябь на поверхности воды указывала, что где-то очень близко ручей впадает в озеро. Очевидно, дикари собрались здесь, чтобы обсудить вопрос, от которого зависела жизнь или смерть пленников. Несмотря на задержку, еще не следовало терять надежды, и Зверобой поспешил успокоить своих встревоженных товарищей.

По всей вероятности, индейцы оставили пленников в лагере и запретили им следовать за собой по лесу. Нужно было немало времени, чтобы отправить посланца в лагерь и привести обоих бледнолицых на то место, откуда они должны были отплыть. Утешая себя, обитатели «замка» вновь запаслись терпением и без особой тревоги следили за тем, как солнце постелено приближается к горизонту.

Догадка Зверобоя оказалась правильной. Незадолго до того, как солнце совсем село, плот снова появился у края зарослей.

Когда ирокезы подплыли ближе, Джудит объявила, что ее отец и Непоседа, связанные по рукам и ногам, лежат на ветвях посреди плота. Ирокезы, вероятно, понимали, что ввиду позднего времени следует торопиться, и всюю налегали на грубые подвиги весел. Благодаря этим усилиям плот подошел к «замку» вдвое быстрее, чем в прошлый раз.

Даже после того как условия были приняты и частично выполнены, выдача пленников представила немалые трудности. Ирокезы были вынуждены почти всецело положиться на честность своих противников. Краснокожие согласились на это очень неохотно и только по необходимости. Они понимали, что, как только Хаттер и Непоседа будут освобождены, гарнизон «замка» станет вдвое сильнее, чем отряд, находящийся на плоту. О спасении бегством в таком случае не могло быть и речи, так как белые имели в своем распоряжении три пироги из коры, не говоря уже об оборонительных сооружениях дома и ковчега. Все это было слишком ясно для обеих сторон, и весьма вероятно, что сделку так и не удалось бы довести до конца, если бы честное лицо Зверобоя не оказало своего обычного действия на индейца.

— Мой брат знает, что я ему верю, — сказал Расщепленный Дуб, выступая вперед вместе с Хаттером, которому только что развязали ноги, чтобы позволить ему подняться на платформу. — Один скальп — один зверь...

— погоди, минг, — прервал его охотник. — Придержи-ка пленника одну минутку. Я должен сходить за товаром для расплаты.

Это было лишь предложением. Войдя в дом, Зверобой приказал Джудит собрать все огнестрельное оружие и сложить его в комнате девушек. Затем он очень серьезно поговорил

о чем-то с делаваром, стоявшим по-прежнему на страже у входа, положил в карман три слона и вернулся на платформу.

— Добро пожаловать обратно на старое пепелище, мастер Хаттер, — сказал Зверобой, помогая старику взобраться на платформу и в то же время потихоньку сунув в руку Расщепленному Дубу второго слона. — Ваши дочери очень рады видеть вас; да вот здесь и Хетти, она может сказать сама.

Тут охотник замолчал и разразился своим сердечным беззвучным смехом. Индейцы только что развязали путы, связывавшие Непоседу, и поставили его на ноги. Но лыковые веревки были стянуты так туго, что молодой великан еще не мог владеть своими членами и представлял собою в этот миг весьма беспомощную и довольно комическую фигуру. Это непривычное зрелище и, особенно, озадаченная физиономия Непоседы рассмешили Зверобоя.

— Ты, Гарри, напоминаешь сосну у опушки леса во время сильного ветра, — сказал Зверобой, несколько умеряя свою несвоевременную веселость больше из уважения к другим присутствующим, чем к освобожденному пленнику. — Я, однако, рад видеть, что индейские цирюльники не причесали тебе волос, когда ты наведлся к ним в лагерь.

— Слушай, Зверобой! — возразил Непоседа грозно. — С твоей стороны было бы умнее поменьше смеяться и побольше радоваться. Хоть раз в жизни веди себя, как подобает христианину, а не смешливой девчонке-школьнице, к которой учитель повернулся спиной. Скажи-ка лучше, сохранились ли у меня ступни на ногах. Я вижу их, но совсем не чувствую, как будто они разгуливают где-то на берегах Мохока.

— Ты вернулся цел и невредим, Непоседа, и это не пустяки, — ответил охотник, незаметно вручая индейцу вторую половину обещанного выкупа и в то же время знаком приказывая ему немедленно удалиться. — Ты вернулся цел и невредим, и ноги у тебя целы, и только ты немного одеревенел от повязок. Природа скоро приведет твою кровь в движение, и тогда ты сможешь танцевать, празднуя самое удивительное и необыкновенное освобождение из волчьего логова.

Зверобой развязал руки своим друзьям, лишь только они поднялись на платформу. Теперь они стояли, притопывая ногами и потягиваясь, ворча, ругаясь и всеми способами стараясь восстановить нарушенное кровообращение. А индейцы тем временем удалялись от «замка» с такой же поспешностью, с какой раньше приближались к нему. Плот уже успел отплыть на добрую сотню ярдов, когда Непоседа, случайно взглянув в ту сторону, заметил, с каким проворством индейцы спасаются от его мести. Он уже двигался довольно свободно, хотя все еще очень неуклюже. Однако, не обращая на это внимание, он схватил карабин, лежавший на плече у Зверобоя, и попытался прицелиться. Но молодой охотник был проворнее его. Он вырвал ружье из рук богатыря, хотя дуло уже успело наклониться в намеченном направлении. Вряд ли Зверобоем удалось бы одержать победу в этой борьбе, если бы Непоседа как следует владел своими руками. В тот миг, когда ружье выскользнуло у него из рук, великан уступил и двинулся по направлению к двери, на каждом шагу поднимая ноги на целый фут, так как они еще не избавились от оцепенения. Однако Джудит опередила его, весь запас оружия, лежавший наготове на случай внезапного возобновления враждебных действий, был уже убран и спрятан по приказанию Зверобоя. Благодаря этой предосторожности Марч лишился возможности осуществить свои намерения. Потеряв надежду на скорое мщение, Непоседа сел, и, подобно Хаттеру, в течение получаса растирал себе руки и ноги, чтобы снова получить возможность владеть ими.

Тем временем плот исчез, и ночь начала раскидывать свои тени по лесам. Девушки занялись приготовлением ужина, а Зверобой подсел к Хаттеру и рассказал ему в общих чертах о всех событиях, которые произошли за этот день, и о мерах, которые пришлось принять, чтобы спасти его детей и имущество.

Глава 15

*Пока Эдвард у вас король,
Не будет вам покоя:
Погибнут ваши сыновья,
Польется кровь рекою.
Вы добрых бросили владык,
Вы продали их дело;
Как я, восстаньте на врага
И в бой за правду смело!*

Чаттетон

Солнце закатилось, и лучи его больше не золотили края редких облаков, сквозь которые струился тускнеющий свет. Но над самой головой небо затянулось густыми, тяжелыми облаками, предвещавшими темную ночь. Поверхность озера была еле подернута мелкой рябью. В воздухе чувствовалось легкое движение, которое вряд ли можно было назвать ветром; но все же, сырое и медленное, оно обладало некоторой силой. Люди, находившиеся в «замке», были мрачны и молчаливы, как окружающий их пейзаж. Освобожденные из плена чувствовали себя униженными, обесчещенными и томились жаждой мести. Они помнили лишь унижительное обращение, которому подвергались в последние часы неволи, совсем забыв о том, что до тех пор ирокезы относились к ним достаточно снисходительно. Совесть, этот остроглазый наставник, напоминала им, что они пострадали даром, и все же они думали не о собственной вине, а о том, как бы отомстить врагу. Остальные сидели в задумчивости. Зверобой и Джудит предавались грустным размышлениям, хотя и по весьма разным причинам. Хетти же была совершенно счастлива. Делавар рисовал в своем воображении картины блаженства, которые сулила ему скорая встреча с невестой. При таких обстоятельствах и в таком настроении обитатели «замка» уселись за вечернюю трапезу.

— Знаешь, старый Том, — вскричал вдруг Непоседа, разражаясь громким хохотом, — ты был здорово похож на связанного медведя, когда лежал растянувшись на хемлоковых ветках, и я только удивлялся, почему ты не рычишь! Ну да ладно, с этим покончено. Ни слезами, ни жалобами, горю теперь не поможешь. Но еще остался этот плут, Расщепленный Дуб, который привез нас сюда. У него замечательный скальп, я сам готов заплатить за него дороже, чем колониальное начальство. Да, в таких делах я чувствую себя щедрым, как губернатор, и готов тягаться с ним дублоном за дублон. Джудит, милочка, вы сильно горевали обо мне, когда я находился в руках у этих Филиппштейнов?

Филиппштейнами называлось семейство немцев, проживавшее на Мохоче. Непоседа питал к этим людям величайшую антипатию и в простоте душевной смешивал их с филистимлянами, врагами народа израильского.

— Озеро поднялось от наших слез, Гарри Марч, вы сами могли видеть это с берега, — ответила Джудит с напускным легкомыслием, далеко не соответствовавшим ее истинным чувствам. — Конечно, мы с Хетти очень жалели отца, но, думая о вас, мы прямо-таки заливались слезами.

— Мы жалели бедного Гарри так же, как отца, Джудит, — простодушно заметила ничего не понимавшая сестра.

— Верно, девочка, верно! Ведь мы жалеем всякого, кто попал в беду, не так ли? — быстро и несколько укоризненно подхватила Джудит, немного понизив голос. — Во всяком случае, мастер Марч, мы рады видеть вас я еще больше рады, что вы освободились из рук Филиппштейнов.

— Да, это дрянная публика, ничуть не лучше того выводка, который гнездится на Мохоче. Дивлюсь, право, Зверобой, как это тебе удалось выручить нас! За эту небольшую услугу прощаю тебе, что ты помешал мне расквитаться с тем бродягой. Поделись с нами твоим секретом, чтобы при случае мы могли сделать для тебя то же самое. Чем ты их умаслил — ложью или лестью?

— Ни тем, ни другим, Непоседа! Мы выкупили вас и заплатили такую высокую цену, что очень прошу тебя на будущее время: берегись и не попадайся снова в плен, иначе наших капиталов не хватит.

— Выкупили? Значит, старому Тому пришлось раскошелиться, потому что за все мое барахло не выкупить даже шерсти, не только шкуры. Такие хитрые бродяги не могли, конечно, за даровщинку отпустить парня, связанного по рукам и ногам и оказавшегося в их полной власти. Но деньги — это деньги, и устоять против них было бы как-то неестественно. В этом отношении индеец и белый одним миром мазаны. Надо признаться, Джудит, что в конце концов натура у всех одинакова.

Тут Хаттер встал и, сделав знак Зверобойю, увел его во внутреннюю комнату. Расспросив охотника, он узнал, какой ценой было куплено их освобождение. Старик не выказал ни досады, ни удивления, услышав о набеге на сундук, и только любопытствовал, до самого ли дна были обследованы вещи и каким образом удалось отыскать ключ. Зверобой рассказал обо всем со своей обычной правдивостью, так что к нему невозможно было придаться. Разговор вскоре окончился, и собеседники возвратились в комнату, служившую одновременно приемной и кухней.

— Не знаю, право, мир у нас теперь с дикарями или война! — воскликнул Непоседа, в то время как Зверобой, который в течение минуты к чему-то внимательно присушивался, направился вдруг к выходной двери. — Выдача пленных как будто свидетельствует о дружелюбных намерениях, и, после того как люди заключили честную торговую сделку, они обычно расстаются друзьями, по крайней мере до поры до времени. Поди сюда, Зверобой, скажи нам твое мнение, с некоторых пор я начал ценить тебя гораздо выше, чем прежде.

— Вот ответ на твой вопрос, Непоседа, если тебе уж так не терпится снова полезть в драку.

С этими словами Зверобой кинул на стол, о который товарищ его опирался локтем, нечто вроде миниатюрной свирели, состоящей из дюжины маленьких палочек, крепко связанных ремнем из оленьей шкуры. Марч поспешно схватил эту вещицу, поднес ее к сосновому полену, пылавшему в очаге — единственному источнику света в комнате, — и убедился, что концы палочек вымазаны кровью.

— Если это не совсем понятно по-английски, — сказал беззаботный житель границы, — то по-индейски это яснее ясного. В Йорке это называют объявлением войны, Джудит... Как ты нашел эту штуку, Зверобой?

— Очень просто, Непоседа. Ее положили минуту назад на то место, которое ты называешь приемной Плавучего Тома.

— Каким образом она туда попала? Ведь не свалилась же она с облаков, Джудит, как иногда падают маленькие лягушата! Да притом и дождя ведь нет... Ты должен объяснить, откуда взялась эта вещица, Зверобой!

Зверобой подошел к окошку и бросил взгляд на темное озеро, затем, как бы удовлетворенный тем, что там увидел, подошел ближе к Непоседе и, взяв в руки пучок палочек, начал внимательно его рассматривать.

— Да, это индейское объявление войны, — сказал Зверобой, — и оно доказывает, как мало ты пригоден для военного дела, Гарри Марч. — Вещица эта находится здесь, а ты и понятия не имеешь, откуда она взялась. Дикари оставили скальп у тебя на голове, но, должно быть, заткнули тебе уши. Иначе ты услышал бы плеск воды, когда этот парнишка снова подплыл сюда на своих бревнах. Ему поручили бросить палочки перед нашей дверью, а это значит: торговля кончилась, война начинается снова, приготовьтесь.

— Поганные волки! Дайте-ка сюда мой карабин, Джудит: я пошлю бродягам ответ через их собственного посланца.

— Этого не будет, пока я здесь, мастер Марч, — холодно сказал Зверобой, движением руки останавливая товарища. — Доверие за доверие, с кем бы мы ни имели дело — с краснокожим или с христианином. Мальчик зажег ветку и подплыл при свете, чтобы предупредить нас заранее. И никто не смеет причинить ему ни малейшего вреда, пока он

исполняет подобное поручение. Впрочем, не стоит тратить попусту слов: мальчик слишком хитер, чтобы позволить своему факелу гореть теперь, когда он сделал свое дело. А ночь так темна, что тебе в него не попасть.

— Она темна для ружья, но не для пироги, — ответил Непоседа, направляясь огромными шагами к двери с карабином в руках. — Не жить тому человеку, который помешает мне снять скальп с этой гадины! Чем больше ты их раздавишь, тем меньше их останется, чтобы жалить тебя в лесу.

Джудит дрожала как осиновый лист, сама не зная почему. Впрочем, были все основания ожидать, что начнется драка: если Непоседа, сознавая свою исполинскую силу, был неукротим и свиреп, то в манерах Зверобоя чувствовалась спокойная твердость, не склонная ни на какие уступки. Серьезное и решительное выражение лица молодого охотника испугало Джудит больше, чем буйство Непоседы. Гарри стремительно бросился к тому месту, где были привязаны пироги; однако Зверобой уже успел быстро сказать что-то Змею по-делаварски. Впрочем, бдительный индеец первый услышал всплески весел и раньше других вышел на платформу. Свет факела возвестил о приближении посланца. Когда мальчик бросил палочки к его ногам, это ничуть не рассердило и не удивило делаvara. Он просто стоял наготове с карабином в руке и следил, не скрывается ли за этим вызовом какая-нибудь ловушка. Зверобой окликнул делаvara, и тот, быстрый, как мысль, бросился в пирогу и убрал весла прочь. Непоседа пришел в ярость, видя, что его лишили возможности преследовать мальчика. С шумными угрозами он приблизился к индейцу, и даже Зверобой на миг стало страшно при мысли о том, что может произойти. Марч уже поднял руки, стиснув свои огромные кулаки. Все ожидали, что он опрокинет делаvara на пол. Зверобой не сомневался, что за этим последует неминуемое кровопролитие. Но даже Непоседа смутился, увидев непоколебимое спокойствие вождя. Он понял, что такого человека нельзя оскорбить безнаказанно. Весь свой гнев он обратил поэтому на Зверобоя, которого не так боялся. Неизвестно, чем закончилась бы ссора, но, к счастью, она не успела разгореться.

— Непоседа, — произнес мягкий и нежный голос, — грешно сердиться, бог этого не простит. Ирокезы хорошо обращались с вами и не сняли вашего скальпа, хотя вы с отцом сами хотели сделать это с ними.

Давно известно, какое умиротворяющее действие оказывает кротость на бурные порывы страсти. К тому же Хетти своей недавней самоотверженностью и решительностью внушила к себе уважение Непоседы, которым прежде не пользовалась. Возможно, что ее влиянию способствовало и заведомое слабоумие, так как оно исключало какое-либо сомнение в чистоте ее намерений. Впрочем, каковы бы ни были в данном случае причины, следствия вмешательства Хетти не замедлили сказаться. Вместо того чтобы схватить за горло своего недавнего спутника, Непоседа повернулся к девушке и излил ей свое огорчение.

— Обидно, Хетти, — воскликнул он, — сидеть в кутузке или попусту гоняться за бобрами и нигде не находить их, но еще обиднее поймать какую-нибудь зверюгу в расставленный тобой же капкан, а потом видеть, как она оттуда выбирается! Если считать на деньги, то шесть первосортных шкур уплыли от нас на бревнах, в то время как достаточно двадцати хороших ударов веслом, чтобы догнать их. Я говорю: если считать на деньги, потому что мальчишка сам по себе не стоит ни одной шкуры... Ты подвел товарища, Зверобой, позволив такой добыче ускользнуть от моих пальцев, да и твоих тоже.

Зверобой ответил ему спокойно, но так твердо, как позволяют человеку только врожденное бесстрашие и сознание собственной правоты:

— Я совершил бы большую несправедливость. Непоседа, если бы поступил иначе, и ни ты и ни кто другой не имеет права требовать этого от меня. Парень явился сюда по законному делу, и последний краснокожий, который бродит по лесу, счел бы для себя позором не оказать уважение званию посла. Но он уже далеко, мастер Марч, и не стоит спорить, как две бабы, о том, чего уже нельзя изменить.

Сказав это, Зверобой отвернулся, как человек, принявший решение не тратить слов попустому, а Хаттер потянул Непоседу за рукав и увел его в ковчег. Там они долго сидели и

совещались. Тем временем индеец и его друг тоже о чем-то таинственно беседовали.

До появления звезды оставалось еще часа три или четыре, но Чингачгуку не терпелось поделиться со Зверобоем своими планами и надеждами. Джудит тоже пришла в более кроткое расположение духа и внимательно слушала безыскусственный рассказ Хетти обо всем, что случилось с нею после того, как она высадилась на берег. Лес не очень пугал девушек, воспитанных под его сенью и привыкших ежедневно глядеть с озера на его пышную громаду или блуждать в его темных чащах. Но старшая сестра чувствовала, что не осмелилась бы пойти одна в индейский лагерь. Хетти мало рассказывала об Уа-та-Уа. Она упомянула лишь о доброте и приветливости делаварки и об их первой встрече в лесу. Но тайну Чингачгука Хетти оберегала так умело и с такой твердостью, что многие гораздо более умные девушки могли бы ей позавидовать.

Когда Хаттер вновь появился на платформе, все умолкли.

Старик собрал вокруг себя всех и вкратце рассказал о том, что он намерен предпринять. Хаттер полностью одобрил план Зверобоя покинуть на ночь «замок» и искать приюта в ковчеге. Он, как и все остальные, считал, что это единственный надежный способ избежать гибели. Раз уж дикари занялись постройкой плотов, они, несомненно, попытаются овладеть «замком». Присылка окровавленных палочек достаточно ясно свидетельствовала о том, что они верят в успешный исход этой попытки. Короче говоря, старик думал, что наступающая ночь будет решающей, и просил всех возможно скорее приготовиться к тому, чтобы покинуть «замок» по крайней мере на некоторое время, если не навсегда.

Когда Хаттер умолк, все торопливо, но тщательно начали готовиться в путь. «Замок» заперли уже описанным выше способом; вывели из дока пироги и привязали их к ковчегу; перенесли в каюту кое-что из необходимых вещей, еще остававшихся в доме, погасили огонь и затем перебрались на судно.

От близкого соседства прибрежных холмов, поросших соснами, ночь казалась гораздо темнее, чем это обычно бывает на озерах. Только на самой середине водной поверхности тянулась более светлая полоса; берега же тонули во мраке, потому что там ложились тени, отбрасываемые холмами. Отмель и «замок», стоявший на ней находились в более светлой полосе, но все-таки ночь была так темна, что ковчег отплыл совершенно незаметно. Наблюдатель, находившийся на берегу, не мог бы видеть судна еще и потому, что оно двигалось на фоне темных холмов, которые тянулись по горизонту во всех направлениях. На американских озерах чаще всего дует западный ветер, но так как горы образуют здесь многочисленные извилины, то сплошь и рядом трудно определить действительное направление воздушных потоков, ибо оно изменяется на коротких расстояниях и через небольшие промежутки времени. Это относится главным образом к легким колебаниям атмосферы, а не к постоянно дующим ветрам. Однако, как известно, в гористых местностях и в узких водных бассейнах порывы сильного ветра тоже бывают неустойчивы и неопределенны.

На этот раз, как только ковчег отвалил от «замка», даже сам Хаттер не решился бы сказать, в какую сторону дует ветер. Обычно в таких случаях направление ветра определяют, наблюдая за облаками, плывущими над вершинами холмов. Но теперь весь небесный свод казался одной сплошной сумрачной громадой. В небе не было видно ни единого просвета, и Чингачгук начинал серьезно опасаться, что отсутствие звезды помешает его невесте вовремя явиться на место условленной встречи. Хаттер между тем поднял парус, видимо, с единственным намерением отплыть подальше от «замка», потому что оставаться в непосредственном соседстве с ним было опасно: когда баржа начала повиноваться рулю и парус как следует раздулся, выяснилось, что ветер дует на юго-восток. Это соответствовало общим желаниям, и судно почти час свободно скользило по озеру. Затем ветер переменялся, и ковчег стало понемногу относить в сторону индейского лагеря. Зверобой с неослабным вниманием следил за всеми движениями Хаттера и Непоседы. Сначала он не знал, чему приписать выбор направления — случайности или обдуманному намерению, теперь же он был уверен во втором. Хаттер прекрасно знал свое озеро, и ему легко было обмануть

всякого, не привыкшего маневрировать на воде. Если он действительно затаил намерение, о котором подозревал Зверобой, то было совершенно очевидно, что не пройдет и двух часов, как судно очутится в какой-нибудь сотне ярдов от берега, прямо против индейской стоянки. Но еще задолго до того, как ковчег успел достигнуть этого пункта, Непоседа, знавший немного по-алгонкински³³, начал таинственно совещаться с Чингачгуком. О результате этого совещания молодой вождь сообщил затем Зверобою, который оставался холодным, чтобы не сказать враждебным, свидетелем всего происходящего.

— Мой старый отец и мой юный брат, Высокая Сосна (так делавар прозвал Марча), желают видеть скальпы гуронов на своих поясах, — сказал Чингачгук своему другу. — Для нескольких скальпов найдется место и на кушаке Змея, и его народ станет искать их глазами, когда он вернется в свою деревню. Нехорошо, если глаза их долго будут оставаться в тумане, они должны увидеть то, что ищут. Я знаю, у моего брата белые руки; он не захочет вредить даже мертвецу; он будет ждать нас. Когда мы вернемся, он не закроет своего лица от стыда за друга. Великий Змей могиканин должен быть достоин чести ходить по тропе войны вместе с Соколиным Глазом.

— Да, да, Змей, я вижу, как обстоит дело. Это имя ко мне прилипнет, и когда-нибудь я буду зваться Соколиным Глазом, а не Зверобоем. Ладно, коли человеку достается такое прозвище, то как бы ни был он скромен, он должен принять его. Что касается охоты за скальпами, то это соответствует твоим обычаям, и я не вижу тут ничего худого. Только не будь жесток, Змей, не будь жесток, прошу тебя. Право, твоя индейская честь не понесет никакого ущерба, если ты проявишь капельку жалости. Ну, а что касается старика, отца этих молодых девушек, которому не мешало бы иметь лучшие чувства, и Гарри Марча, который — Сосна он или не Сосна — мог бы приносить плоды, более приличные христинскому дереву, то я предаю их в руки бледнолицего бога. Если бы не окровавленные палочки, никто из вас не посмел бы выступить сегодня ночью против мингов: это значило бы обесчестить нас и замарать нашу добрую славу. Но тот, кто жаждет крови, не должен роптать, если она проливается в ответ на его призыв. Однако не будь жесток, Змей! Не начинай своего поприща воплями женщин и плачем детей! Веди себя так, чтобы Уа-та-Уа улыбалась, а не плакала, когда встретится с тобой. Ступай, и да хранит тебя Маниту!

— Мой брат останется здесь. Уа скоро выйдет на берег, и Чингачгук должен торопиться.

Затем индеец присоединился к своим товарищам. Спустив предварительно парус, все трое вошли в пирогу и отчалили от ковчега. Хаттер и Марч не сказали Зверобою ни о цели своей поездки ни о том, сколько времени они пробудут в отсутствии. Все это они поручили индейцу, и он выполнил задачу со своим обычным немногословием. Не успели весла двенадцать раз погрузиться в воду, как пирога исчезла из виду.

Зверобой постарался поставить ковчег таким образом, чтобы он по возможности не двигался. Затем он уселся на корме и предался горьким думам. Однако вскоре к нему подошла Джудит, пользовавшаяся каждым удобным случаем, чтобы побыть наедине с молодым охотником.

Предпринимая свой второй набег на индейский лагерь, Хаттер и Непоседа руководствовались теми же самыми побуждениями, которые внушили им в первую попытку; к ним лишь отчасти примешивалась жажда мести. В этих грубых людях, столь равнодушных к правам и интересам краснокожих, говорило единственное чувство — жажда наживы. Правда, Непоседа в первые минуты после освобождения был очень зол на индейцев, но гнев скоро уступил место привычной любви к золоту, к которому он стремился скорее с необузданной алчностью расточителя, чем с упорным вожделением скупца. Короче говоря, лишь исконное презрение к врагу да ненасытная жадность побудили обоих искателей

³³ Алгонкины — общее наименование многочисленных индейских племен, занимавших обширные земли от острова Ньюфаундленд до реки Огайо и от Атлантического побережья до Скалистых гор.

приключений так поспешно отправиться в новую экспедицию против гуронов. Они знали, что большинство ирокезских воинов, а может быть, даже и все они должны были собраться на берегу, прямо против «замка». Хаттер и Марч надеялись, что благодаря этому нетрудно будет снять несколько скальпов с беззащитных жертв. Хаттер, только что расставшийся со своими дочерьми, был уверен, что в лагере нет никого, кроме детей и женщин, на что он и намекнул в разговоре с Непоседой. Чингачгук во время своего объяснения со Зверобоем не обмолвился об этом ни единым словом. Хаттер правил пирогой. Непоседа мужественно занял свой пост на носу, а Чингачгук стоял посередине. Мы говорим «стоял», ибо все трое настолько привыкли иметь дело с верткими пирогами, что могли стоять, выпрямившись во весь рост, даже в темноте. Они осторожно подплыли к берегу и беспрепятственно высадились. Тут все трое взяли оружие наизготовку и, словно тигры, начали пробираться к лагерю. Индеец шел впереди, а Хаттер и Марч крадучись ступали по его следам, стараясь не производить ни малейшего шума. Случалось, впрочем, что сухая ветка потрескивала под тяжестью великана Непоседы или под нетвердыми шагами старика, но осторожная поступь могиканина так легка, словно он шагал по воздуху. Прежде всего нужно было найти костер, который, как известно, находился в самой середине лагеря. Острые глаза Чингачгука наконец заметили отблеск огня. То был очень слабый свет, едва пробивавшийся из-за древесных стволов, не зарево, а, скорее, тусклое мерцание, как и следовало ожидать в этот поздний час, ибо индейцы обычно ложатся и встают вместе с солнцем.

Лишь только появился этот маяк, охотники за скальпами начали подвигаться вперед гораздо быстрее и увереннее. Через несколько минут они уже очутились вблизи ирокезских шалашей, расположенных по кругу. Здесь путники остановились, чтобы осмотреться по сторонам и согласовать свои действия. Тьма стояла такая глубокая, что можно было различить только мерцание угольев, озарявшее стволы соседних деревьев, и бесконечный лиственный полог, над которым нависло сумрачное небо. Один шалаш находился совсем под боком, и Чингачгук рискнул забраться в него. Движения индейца, приближавшегося к месту, где можно было встретиться с врагом, напоминали гибкие движения кошки, подбирающейся к птице. Подойдя вплотную к шалашу, он опустил на четвереньки: вход был так низок, что иначе нельзя было попасть внутрь. Прежде чем заглянуть в отверстие, служившее дверью, он чутко прислушался в надежде уловить ровное дыхание спящих. Однако ни звука не долетело до его чуткого уха, и змея в образе человека просунула голову в хижину, так же как это делает обыкновенная змея, заглядывая в птичье гнездо. Эта смелая попытка не вызвала никаких опасных последствий; осторожно пошарив рукой по сторонам, индеец убедился, что хижина пуста. Делавар с той же осторожностью обследовал еще две или три хижины, но и там никого не оказалось. Тогда он вернулся к товарищам и сообщил, что гуроны покинули лагерь.

Дальнейший осмотр это подтвердил, и теперь лишь оставалось вернуться к пироге.

Стоит упомянуть мимоходом, как по-разному отнеслись к своей неудаче наши искатели приключений. Индейский вождь, высадившийся на берег только для того, чтобы приобрести воинскую славу, стоял неподвижно, прислонившись спиной к дереву и ожидая решения товарищей. Он был огорчен и несколько удивлен, но с достоинством перенес разочарование, утешая себя сладкой надеждой на то, что должна принести ему сегодняшняя ночь. Правда, делавар не мог больше рассчитывать, что, встретив возлюбленную, представит ей наглядные доказательства своей ловкости и отваги. Но все-таки он увидит сегодня избранницу своего сердца, а воинскую славу он рано или поздно все равно приобретет. Зато Хаттер и Непоседа, которыми двигало самое низменное из человеческих побуждений — жажда наживы, едва могли подавить свою досаду. Они суетливо бегали из хижины в хижину в надежде найти позабытого ребенка или беззаботно спящего взрослого, они срывали свою злобу на ни в чем не повинных индейских шалашах и часть из них буквально разнесли на куски и раскидали по сторонам. От горя они начали ссориться и осыпать друг друга яростными упреками. Дело могло дойти до драки, но тут вмешался делавар, напомнив, какими опасностями чревато подобное поведение, и указав, что надо скорее возвращаться на судно. Это положило конец

спору, и через несколько минут все трое уже плыли обратно к тому месту, где рассчитывали найти ковчег.

Как мы уже говорили, вскоре после отплытия охотников за скальпами к Зверобою подошла Джудит. Некоторое время девушка молчала, и охотник не догадывался, кто вышел из каюты. Но затем он услышал богатый переливами, выразительный голос старшей сестры.

— Как ужасна для женщин такая жизнь, Зверобой! — воскликнула она. — Дай бог мне поскорее умереть!

— Жизнь — хорошая вещь, Джудит, — ответил охотник, — как бы мы ни пользовались ею. Но скажите, чего бы вы хотели?

— Я была бы в тысячу раз счастливее, если бы жила поближе к цивилизованным местам, где есть фермы, церкви и города... где мой сон по ночам был бы сладок и спокоен. Гораздо лучше жить возле форта, чем в этом мрачном месте.

— Ну нет, Джудит, я не могу так легко согласиться с вами. Если форты защищают нас от врагов, то они часто дают в своих стенах приют врагам другого рода. Не думаю, чтобы для вас или для Хетти было хорошо жить по соседству с фортом. И я должен сказать, что, по-моему, вы одно время жили слишком близко от него...

Зверобой говорил, как всегда, серьезно и убежденно. Темнота скрывает от него румянец, заливший щеки девушки. Огромным усилием воли Джудит постаралась сдержать свое внезапно участившееся дыхание.

— Что касается ферм, — продолжал охотник, — то они по-своему полезны, и найдется немало людей, готовых прожить там всю свою жизнь. Но стоит ли заниматься расчисткой почвы, когда в лесу можно добыть вдвое больше добра. Если вы любите свежий воздух, простор и свет, то найдете их на полянах и на берегах ручьев, а для тех, кто слишком уж требователен по этой части, существуют озера. Но на каких расчищенных местах встретите вы настоящую густую тень, веселые родники, стремительные ручьи и величественные тысячелетние деревья! Вы не найдете их там, зато увидите изуродованные стволы, покрывающие землю, словно надгробные плиты на кладбище. Мне кажется, что люди, которые живут в подобных местах, должны постоянно думать о своем конце и о неизбежной всеобщей гибели, вызываемой не действием времени и природы, а опустошением и насилием. Что касается церквей, то, вероятно, от них должна быть какая-нибудь польза, иначе добрые люди не стали бы их строить. Но особенной необходимости в них нет. Говорят, это храмы господ бога, но, по-моему, Джудит, вся земля — это храм для людей со здравым умом. Ни крепости, ни церкви не делают нас счастливее. К тому же в наших поселках все враждует друг с другом, а в лесах царит согласие. Крепости и церкви всегда стоят рядом, и, однако, они явно противоречат друг другу: церкви должны служить делу мира, а крепости строятся для войны. Нет, нет, я предпочитаю лесную чащу!

— Женщины не созданы для кровопролитий, а им не будет конца, пока длится эта война.

— Если вы разумеете белых женщин, я согласен с вами — вы недалеки от истины. Но если говорить о краснокожих скво, то им такие дела как раз по нраву. Ничто не может сделать такой счастливой Уа-та-Уа, будущую жену нашего делавара, как мысль, что в эту самую минуту он бродит вокруг лагеря своих заклятых врагов, охотясь за скальпами.

— Послушайте, Зверобой, она ведь женщина! Неужели она не тревожится, зная, что ее любимый подвергает свою жизнь опасности?

— Она не думает об опасности, Джудит, она думает о славе. И когда сердце полно таким чувством, в нем не остается места для страха.

Уа-та-Уа — ласковое, кроткое, веселое создание, но она мечтает о славе не меньше, чем любая делаварская девушка. Через час она должна встретить Змея на том месте, где Хетти высадила на берег, и я не сомневаюсь, что она теперь волнуется, как всякая женщина. Но она была бы еще более счастлива, если бы знала, что в этот самый миг ее возлюбленный выслеживает минга, надеясь раздобыть его скальп.

— Если вы и впрямь верите этому, Зверобой, то я не удивляюсь, что вы придаете такое

значение природным склонностям. По-моему, любая белая девушка пришла бы в отчаяние, зная, что ее жениху грозит смертельная опасность. Мне кажется, что и вы, хотя и кажетесь всегда таким невозмутимым и спокойным, не могли бы не тревожиться, зная, что ваша Уа-та-Уа в опасности.

— Это другое дело, это совсем другое дело, Джудит. Женщина слишком слабое и нежное создание, чтобы подвергаться такому риску, и мужчина обязан заботиться о ней. Я даже думаю, что это одинаково соответствует натуре и краснокожего и белого. Но у меня нет своей Уа-та-Уа, да, вероятно, никогда и не будет.

— А вот Гарри Непоседе решительно все равно, кто его жена — индейская скво или губернаторская дочка, лишь бы только она была хоть чуточку смазлива и стряпала бы обеды для его ненасытного желудка.

— Вы несправедливы к Марчу, Джудит, да, очень несправедливы. Бедный малый сохнет по вас. А когда мужчина отдает свое сердце такому существу, как вы, то ни ирокезская, ни делаварская девушка не сможет заставить его изменить этому чувству. Вы можете сколько вашей душе угодно смеяться над такими людьми, как Непоседа и я, потому что вы неотесанны и не учились по книгам, но и у нас есть свои достоинства. Не надо презирать честное сердце, девушка, если даже оно не привыкло к разным тонкостям, которые нравятся женщинам...

— Смеяться над вами, Зверобой?! Неужели вы хоть на одну минуту можете подумать, что я способна поставить вас на одну доску с Гарри Марчем? Нет, нет, я не так глупа! Никто не может сравнить ваше честное сердце, мужественную натуру и простодушную правдивость с шумливым себялюбием, ненасытной жадностью и заносчивой жестокостью Гарри Марча. Самое лучшее, что можно сказать о нем, заключается в двух его кличках — Торопыга и Непоседа, которые не означают ничего особенно хорошего. Даже мой отец, хотя он и занимается в эту минуту тем же самым делом, что и Гарри, отлично понимает разницу между вами. Я знаю наверное, потому что он сам сказал мне об этом.

Джудит была пылкая и порывистая девушка. Она не привыкла к условностям, которые сдерживают проявление девичьих чувств в цивилизованном кругу. Ее свободные и непринужденные манеры были гораздо выше пошлых ухищрений кокетства или же черствой, бессердечной надменности. Она даже схватила обеими руками грубую руку охотника и сжала ее с такой горячностью и силой, что невозможно было усомниться в искренности ее слов. Хорошо еще, что избыток чувства помешал ей высказаться до конца, потому что иначе она, вероятно, повторила бы здесь все, что сказал ей отец: старик не только провел благоприятное для охотника сравнение между ним и Непоседой, но даже со своей обычной прямолинейной грубостью в немногих словах посоветовал дочери отказаться от Марча и выйти замуж за Зверобоя. Джудит ни за что не сказала бы об этом никому из мужчин, но невинная простота Зверобоя внушала ей безграничное доверие. Однако она оборвала себя на полуслове, выпустила руку молодого человека и приняла холодный, сдержанный вид, более подобающий ее полу и врожденной скромности.

— Благодарю вас, Джудит, благодарю вас от всего сердца, — ответил охотник. Скромность помешала ему истолковать в лестном для себя смысле слова и поступки девушки. — Благодарю вас, если все, что вы сказали, действительно правда. Гарри — мужчина видный, он словно самая высокая сосна на этих горах, и недаром Змей прозвал его так. Но одним нравится красивая внешность, а другим — только хорошее поведение. У Гарри есть уже одно из этих преимуществ, и от него самого зависит приобрести другое или... Тсс... тс... тс... Это голос вашего отца, девушка, и кажется, он на что-то сердит.

— О господи, когда ж кончится этот ужас! — воскликнула Джудит, пряча лицо в колени и затыкая уши. — Иногда мне хочется, чтобы у меня не было отца!

Это было сказано с величайшей горестью. Неизвестно, что могло бы еще сорваться с ее губ, если бы у нее за спиной не прозвучал вдруг ласковый, тихий голос:

— Джудит, мне следовало бы прочитать одну главу из библии отцу и Гарри, это удержало бы их от новой поездки для такого страшного дела... Позовите их сюда, Зверобой,

скажите им, что очень хорошо будет для них обоих, если они вернутся и выслушают мои слова.

— Ах, бедная Хетти, вы плохо знаете, что такое жажда золота и жажда мести... Но все-таки у них что-то там неладно, Джудит. Ваш отец и Непоседа ревут, как медведи. Чингачгук почему-то молчит. Не слышен его боевой клич, который должен был пронестись над горами.

— Быть может, небесное правосудие наказало Чингачгука, и его смерть спасла жизнь многим невинным.

— Нет, нет, если таков закон, то пострадать должен был не только Змей. До драки у них, конечно, не дошло; вероятно, в лагере никого не оказалось и они возвращаются не солоно хлебавши. Вот почему Непоседа рычит, а Змей безмолвствует.

В это мгновение послышался всплеск весла, брошенного в воду: это Марч с досады позабыл о всякой осторожности. Зверобой убедился в правильности своей догадки.

Так как ковчег плыл по течению невядалеке от пироги, то через несколько минут охотники услышали тихий голос Чингачгука. Он указывал Хаттеру, куда надо править. Затем пирога причалила к барже, и искатели приключений поднялись на борт. Ни Хаттер, ни Непоседа ни словом не заикнулись о том, что с ними случилось. Лишь делавар, проходя мимо своего друга, промолвил вполголоса: «Костер погашен». Это не вполне соответствовало действительности, но Зверобой все-таки понял, что произошло.

Теперь возник вопрос, что делать дальше. После короткого и весьма мрачного совещания Хаттер решил, что благоразумнее всего провести ночь в непрерывном движении и таким образом избежать внезапной атаки. Затем он объявил, что они с Марчем намерены лечь спать, чтобы вознаградить себя за бессонную ночь, проведенную в плену. Ветер не унимался, и решили плыть прямо вперед, пока ковчег не приблизится к другому берегу. Договорившись об этом, бывшие пленники помогли поднять паруса, а потом растянулись на тюфяках, предоставив молодому охотнику и Чингачгуку следить за движением баржи. Зверобой и делавар охотно согласились, так как, в ожидании встречи с Уа-та-Уа, они и не думали спать. Друзей несколько не огорчило, что Джудит и Хетти остались на палубе.

Некоторое время баржа дрейфовала вдоль западного берега, подгоняемая легким южным ветерком. Скорость судна не превышала двух миль в час, но этого было вполне достаточно, чтобы вовремя добраться к назначенному месту.

Зверобой и Чингачгук изредка обменивались короткими замечаниями, думая о том, как освободить Уа-та-Уа. Внешне индеец казался совершенно спокойным, но с минуты на минуту им все больше овладевало внутреннее волнение. Зверобой стоял у руля, направляя ковчег поближе к берегу. Это позволяло держаться в тени, отбрасываемой лесами, и давало возможность заметить малейшие признаки нового индейского становища на берегу. Таким образом они обогнули низкий мыс и поплыли уже по бухте, на севере которой и находилось место, бывшее конечной целью их плавания. Оставалось пройти еще около четверти мили, когда Чингачгук молча подошел к своему другу и указал рукой прямо вперед: у кустарника, окаймлявшего южный берег мыса, горел огонек. Не оставалось сомнения, что индейцы внезапно перенесли свой лагерь на то самое место, где Уа-та-Уа назначила свидание.

Глава 16

*В долине солнце и цветы,
Я слышу голос нежный,
И сказку мне приносишь ты,
И отдых безмятежный.*

Вордсвор Т.

Открытие это имело чрезвычайно важное значение в глазах Зверобоя и его друга. Во-первых, они опасались, как бы Хаттер и Непоседа, проснувшись и заметив новое

местоположение индейского лагеря, не вздумали учинить на него новый налет; затем чрезвычайно увеличивался риск высадки на берег для встречи с Уа-та-Уа; наконец, в результате перемены вражеской позиции могли возникнуть всевозможные непредвиденные случайности. Делавар знал, что час свидания приближается, и не думал больше о воинских трофеях. Он прежде всего договорился со своим другом о том, чтобы не будить Хаттера и Гарри, которые могли бы расстроить его план.

Ковчег продвигался вперед очень медленно. Оставалось не менее четверти часа ходу до мыса, и у обитателей ковчега было достаточно времени для размышлений. Индейцы думали, что бледнолицые по-прежнему находятся в «замке»; желая скрыть свой костер, они зажгли огонь на самой южной оконечности мыса. Здесь он был так хорошо защищен густым кустарником, что даже Зверобой, лавируя влево, то вправо, временами терял его из виду.

— Это хорошо, что они расположились так близко от воды, — сказал Зверобой, обращаясь к Джудит. — Очевидно, минги уверены, что мы все еще сидим в замке, и наше появление с этой стороны будет для них полнейшей неожиданностью. Какое счастье, что Гарри Марч и ваш отец спят, а то они непременно захотели бы опять отправиться за скальпами!.. Ага, кусты снова закрыли костер, и его теперь совсем не видно.

Зверобой помедлил немного, желая убедиться, что ковчег действительно находится там, где нужно. Затем он подал сигнал, после чего Чингачгук бросил якорь и спустил парус.

Место, где стоял теперь ковчег, имело свои выгоды и недостатки. Костер был скрыт отвесным берегом, который находился, быть может, несколько ближе к судну, чем это было желательно. Однако немного дальше начинался глубокий омут, а при создавшихся обстоятельствах следовало по возможности не бросать якорь на слишком глубоком месте. Кроме того, Зверобой знал, что на расстоянии нескольких миль в окружности нет ни одного плота; и, хотя деревья свисали в темноте почти над самой баржей, до нее нелегко было добраться без помощи лодки. Густая тьма, царившая вблизи леса, служила надежной защитой, и следовало остерегаться только шума, чтобы избежать опасности быть окруженными. Все это Зверобой растолковал Джудит, объяснив заодно, что нужно делать в случае тревоги. Он считал, что спящих следует разбудить только в самом крайнем случае.

— Теперь, Джудит, мы с вами все выяснили, а мне и Змею пора спуститься в пирог, — закончил охотник. — Правда, звезды еще не видно, но скоро она взойдет, хотя нам вряд ли удастся разглядеть ее сквозь облака. К счастью, Уа-та-Уа очень шустрая девушка и способна даже видеть то, что не находится прямо у нее под носом. Ручаюсь вам, она не опоздает ни на минуту и ни на шаг не сойдет с правильного пути, если только подозрительные бродяги-минги не всполошились и не задумали использовать девушку как приманку для нас или не запрятали ее, чтобы склонить ее сердце в пользу гуронского, а не могиканского мужа...

— Зверобой, — перебила его девушка, — это очень опасное предприятие. Почему вы непременно должны принимать в нем участие?

— Как почему? Разве вы не знаете, что мы хотим похитить Уа-та-Уа, нареченную невесту нашего Змея, на которой он собирается жениться, лишь только мы вернемся обратно к его племени?

— Все это касается только делаваара. Ведь вы же не собираетесь жениться на Уа-та-Уа, вы не обручены с нею. Почему двое должны рисковать своей жизнью и свободой, когда с этим отлично может справиться и один?

— Ага, теперь я понимаю, Джудит, да, теперь начинаю понимать. Вы считаете, что раз Уа-та-Уа невеста Змея, то это касается только его, и если он один может справиться с пирогой, то пусть и отправляется один за девушкой. Вы забываете, однако, что только за этим мы и явились сюда на озеро, и не очень-то благородно было бы с моей стороны идти на попятный лишь потому, что дело выходит трудноватое. Притом если любовь много значит для некоторых людей, особенно для молодых женщин, то для иных и дружба чего-нибудь да стоит. Смеею сказать, делавар может один грести в пироге, один может похитить Уа-та-Уа, и, пожалуй, довольно охотно все это сделает без моей помощи. Но не так-то легко ему одному

бороться с препятствиями, избегать засад и драться с дикарями, если у него за спиной не будет верного друга, хотя этот друг — всего-навсего такой человек, как я. Нет, нет, Джудит, вы сами не покинули бы в такой час человека, который надеется на вас, и, значит, не можете требовать этого от меня.

— Я боюсь... что вы правы, Зверобой. И, однако, мне не хочется, чтобы вы ездили. Обещайте мне, по крайней мере, одно: не доверяйтесь дикарям и не предпринимайте ничего, кроме освобождения девушки. На первый раз и этого довольно.

— Спаси вас господь, девушка! Можно подумать, что это говорит Хетти, а не бойкая и храбрая Джудит Хаттер! Но страх делает умных глупцами и сильных слабыми. Да, я на каждом шагу вижу доказательства этого. Очень мило с вашей стороны, Джудит, тревожиться из-за ближнего, и я всегда будут повторять, что вы добрая и милая девушка, какие бы глупые истории про вас ни распускали люди, завидующие вашей красоте.

— Зверобой! — торопливо сказала Джудит, задышавшись от волнения. — Неужели вы верите всему, что рассказывают про бедную девушку, у которой нет матери? Неужели злой язык Гарри Непоседы должен загубить мою жизнь?

— Нет, Джудит, это не так. Я сам говорил Непоседе, что некрасиво позорить девушку, если не удастся склонить ее к себе честным путем, и что даже индеец бывает сдержан, когда речь идет о добром имени молодой женщины.

— Он не посмел бы так болтать, был бы у меня брат! — вскричала Джудит, и глаза ее загорелись. — Но, видя, что единственный мой покровитель — старик, слух у которого притупился так же, как и чувства, Марч решил не стесняться.

— Не совсем так, Джудит, не совсем так. Любой честный человек, будь то брат или посторонний, вступится за такую девушку, как вы, если кто-нибудь будет ее порочить. Непоседа всерьез хочет жениться на вас, а если он иногда немножко вас поругивает, то лишь из ревности. Улыбнитесь ему, когда он проснется, пожмите ему руку хоть наполовину так крепко, как недавно пожали мою, — и, клянусь жизнью, бедный малый забудет все на свете, кроме вашей красоты. Сердитые слова не всегда исходят от сердца. Испытайте Непоседу, Джудит, когда он проснется, и вы увидите всю силу вашей улыбки.

Зверобой, по своему обыкновению, беззвучно засмеялся и затем сказал внешне невозмутимому, но в действительности изнывавшему от нетерпения индейцу, что готов приступить к делу. В то время как молодой охотник спускался в пирог, девушка стояла неподвижно, словно камень, погруженная в мысли, которые пробудили в ней слова ее собеседника. Простодушие охотника совершенно сбило ее с толку. В своей узком кружке Джудит до сих пор была очень искусной укротительницей мужчин, но теперь она следовала внезапному сердечному порыву, а не обдуманному расчету. Мы не станем отрицать, что некоторые из размышлений Джудит были очень горьки, хотя лишь в дальнейших главах нашей повести сможем объяснить, насколько заслуженны и насколько глубоки были ее страдания.

Чингачгук и его бледнолицый друг отправились в свою рискованную, трудную экспедицию с таким хладнокровием и с такой осмотрительностью, которые могли бы сделать честь даже опытным воинам, проделывающим двадцатую боевую кампанию. Индеец расположился на носу пироги, а Зверобой орудовал рулевым веслом на корме. Таким образом, Чингачгук должен был первым высадиться на берег и встретить свою возлюбленную. Охотник занял свой пост, не сказав ни слова, но подумал про себя, что человек, поставивший на карту так много, как поставил индеец, вряд ли может достаточно спокойно и благоразумно управлять пирогой. Начиная с той минуты, когда оба искателя приключений покинули ковчег, они всеми своими повадками напоминали двух хорошо вышколенных солдат, которым впервые приходится выступать против настоящего неприятеля. До сих пор Чингачгуку еще ни разу не приходилось стрелять в человека. Правда, появившись на озере, индеец несколько часов бродил вокруг вражеского становища, а позднее даже решился проникнуть в него, но обе эти попытки не имели никаких последствий. Теперь же предстояло добиться ощутительного и важного результата или же

испытать постыдную неудачу. От исхода этого предприятия зависело, будет ли Уа-та-Уа освобождена или же останется надолго в плену. Одним словом, это была первая экспедиция двух молодых и честолюбивых лесных воинов.

Вместо того чтобы плыть прямо к мысу, отстоявшему от ковчега на какую-нибудь четверть мили, Зверобой направил нос пироги по диагонали к центру озера, желая занять позицию, с которой можно было бы приблизиться к берегу, имея перед собой врагов только с фронта.

К тому же место, где Хетти высадилась на берег и где Уа-та-Уа обещала встретить своих друзей, находилось на верхней оконечности продолговатого мыса. Если бы наши искатели приключений не проделали этого подготовительного маневра, им пришлось бы обогнуть почти весь мыс, держась у самого берега. Необходимость подобной меры была так очевидна, что Чингачгук продолжал спокойно грести, хотя направление было намечено без предварительного совета с ним и, по-видимому, уводило его в сторону, совершенно противоположную той, куда гнало нетерпеливое желание. Уже через несколько минут пирога отплыла на необходимое расстояние, молодые люди, словно по молчаливому уговору, перестали грести, и лодка остановилась. Тьма казалась еще непрогляднее. Все же с того места, где находились теперь наши герои, еще можно было различить очертания гор. Но напрасно делавар поворачивал лицо к востоку в надежде увидеть мерцание обетованной звезды. Хотя в этой части неба тучи над горизонтом немного поредели, облачная завеса по-прежнему закрывала небосклон.

«Замок» скрывался во мраке, и оттуда не долетало ни единого звука. Хотя ковчег находился недалеко от лодки, его тоже не было видно: тень, падавшая с берега, окутала его непроницаемой завесой.

Охотник и делавар начали вполголоса совещаться: они старались определить, который может быть час. Зверобой полагал, что до восхода звезды остается еще несколько минут, но его нетерпеливому другу казалось, что уж очень поздно и что его возлюбленная давно поджидает их на берегу. Как и следовало ожидать, индеец одержал верх в этом споре, и Зверобой согласился направить пирогу к намеченному месту встречи. Лодкой нужно было управлять с величайшей ловкостью и осмотрительностью. Весла бесшумно поднимались и снова погружались в воду.

Ярдах в ста от берега Чингачгук отложил весло в сторону и взялся за карабин. Подплыв ближе к поясу тьмы, охватывавшему леса, они выяснили, что отклонились слишком далеко к северу и что надо изменить курс. Теперь казалось, будто пирога плывет сама, повинаясь какому-то инстинкту, — так осторожны и свободны были все ее движения. Наконец нос пироги уткнулся в прибрежный песок в том самом месте, где прошлой ночью высадилась Хетти. Вдоль берега тянулась узкая песчаная полоса, но кое-где над водой свисали кусты, толпившиеся у подножия высоких деревьев.

Ступая по колени в воде, Чингачгук выбрался на берег и осторожно обследовал его. Однако поиски его не увенчались успехом: Уа-та-Уа нигде не было.

Вернувшись обратно, он застал своего приятеля на берегу. Они снова начали шепотом совещаться. Индеец высказал опасение, что произошла какая-то ошибка насчет места встречи. Зверобой же думал, что назначенный час еще не настал. Внезапно он запнулся на полуслове, схватил делавара за руку, заставив его повернуться к озеру, и указал куда-то над вершинами восточных холмов. Там, за холмами, облака слегка рассеялись, и между ветвями сосен ярко сияла вечерняя звезда. Это было очень приятное предзнаменование, и молодые люди, опершись на ружья, напрягли все свое внимание, надеясь услышать звук приближающихся шагов. Наконец до слуха их донеслись чьи-то голоса, негромкий визг детей и низкий приятный смех индейских женщин. Наши друзья поняли, что поблизости расположен лагерь, — американские индейцы обычно очень осторожны и редко разговаривают во весь голос. Отблеск пламени, озарявший нижние ветви деревьев, говорил о том, что в лесу горит костер. Однако с того места, где стояли два друга, трудно было определить, какое расстояние отделяет их от этого костра. Раза два им казалось, что кто-то

направляется в их сторону, но то был обман зрения, а может быть, кто-то действительно отошел от огня, а потом повернул обратно.

Прошло около четверти часа в томительном ожидании и тревоге. Зверобой предложил вернуться вдвоем в лодку, обогнуть мыс и выплыть на такое место, откуда можно было бы видеть индейский лагерь, и тогда уже постараться выяснить причину отсутствия Уа-та-Уа. Однако делавар наотрез отказался, ссылаясь на то, что девушка будет в отчаянии, если придет на свидание и не застанет их там. Зверобой нашел опасения своего друга основательными и вызвался отправиться один. Делавар же решил остаться в прибрежных зарослях, рассчитывая на счастливую случайность. Договорившись об этом, они расстались.

Усевшись на корме, Зверобой бесшумно отчалил от берега, соблюдая необходимые предосторожности. Трудно было придумать более удобный способ разведки. Кусты создавали достаточно надежное прикрытие, так что не было необходимости отплывать далеко от берега. Лодка двигалась так бесшумно, что ни один звук не мог возбудить подозрения. Самая опытная и осторожная нога рискует наступить на ворох листьев или переломить сухую ветку, пирога же из древесной коры скользит по водной глади бесшумно, как птица. Зверобой оказался почти на прямой линии между ковчегом и лагерем, как вдруг он заметил отблеск костра. Произошло это так внезапно и неожиданно, что Зверобой даже испугался, не слишком ли он неосторожно появился так близко к огню. Но он тотчас же сообразил, что, покуда индейцы держатся в середине освещенного круга, они вряд ли смогут его заметить. Убедившись в этом, он поставил лодку так, чтобы она не двигалась, и начал свои наблюдения.

Несмотря на все наши усилия, нам, очевидно, не удалось познакомить читателя с характером этого необыкновенного человека, если приходится повторить здесь, что при всем своем незнании света и простодушии он обладал весьма глубоким и развитым поэтическим инстинктом. Зверобой любил леса за их прохладу, величавое уединение и безграничную ширь. Он редко шел лесом, чтобы не остановиться и не полюбоваться каким-нибудь особенно красивым видом, и при этом испытывал наслаждение, хотя не старался уяснить себе его причины.

Неудивительно, что при таком душевном складе и такой мужественной твердости, которую не могла поколебать никакая опасность, охотник начал любоваться зрелищем, развернувшимся перед ним на берегу и заставившим его на одну минуту позабыть даже о цели своего появления в этом месте. Пирога колыхалась на воде у самого входа в длинную естественную аллею, образованную деревьями и кустами, окаймлявшими берег, и позволявшую совершенно ясно видеть все, что делалось в лагере. Индейцы лишь недавно разбили лагерь на новом месте и, заканчивая разные хозяйственные дела, еще не разбрелись по своим шалашам. Большой костер служил источником света и очагом, на котором готовились незатейливые индейские блюда. Как раз в это мгновение в огонь подбросили охапку сухих ветвей, и яркое пламя взметнулось высоко в ночную тьму. Из мрака выступили величественные лесные своды, и на всем пространстве, занятом лагерем, стало так светло, как будто зажгли сотни свечей.

Между тем суета уже прекратилась, и даже самый голодный ребенок успел наесться до отвала. Наступил час отдыха и всеобщего безделья, которое обычно следует за обильной трапезой, когда дневные труды окончены. Охотники и рыбаки вернулись с богатой добычей.

Пищи было вдоволь, а так как в диком быту это самое важное, то чувство полного довольства оттеснило на второй план все другие заботы. Зверобой с первого взгляда отметил, что многих воинов не было. Его старый знакомец, Расщепленный Дуб, был, однако, здесь и восседал на переднем плане картины, которую с восторгом написал бы Сальватор Роза³⁴.

³⁴ Сальватор Роза (1615–1673) — итальянский художник. Прославился картинами из жизни пастухов, солдат, бродяг и разбойников. С замечательным мастерством изображал дикие ущелья, глухие заросли, скалы и горы.

Грубое лицо дикаря, освещенное пламенем костра, сияло от удовольствия; он показывал своему соплеменнику фигурку слона, которая произвела сенсацию среди ирокезов. Какой-то мальчик с простодушным любопытством заглядывал через его плечо, дополняя центральную группу. Немного поодаль восемь или десять воинов лежали на земле или же сидели, прислонившись к соснам, как живое олицетворение ленивого покоя. Ружья их стояли тут же, у деревьев. Но внимание Зверобоя больше всего привлекала группа, состоявшая из женщин и детей. Там собрались все женщины лагеря; к ним, естественно, присоединились и юноши. Они, по обыкновению, смеялись и болтали, однако человек, знакомый с обычаями индейцев, мог заметить, что в лагере не все в порядке. Молодые женщины, видимо, были в довольно веселом настроении, но у старухи, сидевшей в стороне, был угрюмый и настороженный вид. Зверобой тотчас же догадался, что она выполняет какую-то неприятную обязанность, возложенную на нее вождями. Какого рода эта обязанность, он, конечно, не знал, но решил, что дело касается кого-нибудь из девушек.

Глаза Зверобоя искали зорко и тревожно невесту делаvara. Ее не было видно, хотя огонь озарял довольно широкое пространство вокруг костра. Раза два охотник встрепнулся: ему почудилось, будто он узнает ее смех, но его просто обманула мягкая певучесть, свойственная голосам индейских женщин. Наконец старуха заговорила громко и сердито, и тогда охотник заметил под деревьями две или три темные фигуры, к которым, видимо, и были обращены упреки; они послушно приблизились к костру. Первым выступил из темноты молодой воин, за ним следовали две женщины; одна из них оказалась делаваркой. Теперь Зверобой понял все: за девушкой наблюдали, может быть, ее молодая подруга и уж наверняка старая ведьма. Юноша, вероятно, был поклонником Уа-та-Уа или же ее товарки. Гуроны узнали, что друзья делаварской девушки находятся неподалеку. Появление на озере неизвестного краснокожего заставило гуронов еще больше насторожиться, поэтому Уа-та-Уа не могла, очевидно, ускользнуть от своих сторожей, чтобы вовремя прийти на свидание.

Зверобой заметил, что девушка беспокоится; она раза два посмотрела вверх сквозь древесные ветви, как бы надеясь увидеть звезду, которую сама же избрала в качестве условного знака. Все ее попытки, однако, были тщетны, и, погуляв с напускным спокойствием еще некоторое время по лагерю, она и ее подруга расстались со своим кавалером и заняли места среди представительниц своего пола. Старуха тотчас же перебралась поближе к костру — явное доказательство того, что она наблюдала за делаваркой. Положение Зверобоя было очень затруднительно. Он отлично знал, что Чингачгук ни за что не согласится вернуться в ковчег, не сделав какой-нибудь отчаянной попытки освободить свою возлюбленную. Великодушие побуждало и Зверобоя принять в этом участие. Судя по некоторым признакам, женщины собирались идти спать. Если он останется на месте, то при ярком свете костра легко сможет заметить, в каком шалаше или под каким деревом ляжет Уа-та-Уа.

С другой стороны, если он будет слишком медлить, друг его может потерять терпение и совершить какой-нибудь опрометчивый поступок. Зверобой боялся, что с минуты на минуту на заднем плане картины появится могучая фигура делаvara, бродящего, словно тигр вокруг овечьего загона. Тщательно взвесив все это, охотник решил, что лучше будет вернуться к другу и умерить его пыл своим хладнокровием и выдержкой. Понадобились одна-две минуты, чтобы привести этот план в исполнение. Пирога подплыла к песчаному берегу минут через десять или пятнадцать после того, как отчалила от него.

Вопреки своим ожиданиям, Зверобой нашел индейца на своем посту. Чингачгук не покинул его из боязни, что невеста появится во время его отсутствия. Зверобой в коротких словах рассказал делаvarу, что делается в лагере.

Назначив свидание, Уа-та-Уа думала, что ей удастся незаметно скрыться из лагеря и прийти в условленное место, никого не встретив. Внезапная перемена стоянки расстроила все ее планы. Теперь нужно было действовать гораздо более осмотрительно. Старуха, караулившая Уа-та-Уа, создавала новый повод для беспокойства. Обсудив наскоро все эти обстоятельства, Зверобой и Чингачгук пришли к окончательному решению.

Не тратя попусту слов, они приступили к действиям. Прежде всего друзья поставили пирогу у берега таким образом, чтобы Уа-та-Уа могла увидеть ее, если она придет на место свидания до их возвращения; потом они осмотрели свое оружие и вошли в лес. Мыс, выдававшийся в озеро, тянулся почти на два акра. Половину этого пространства сейчас занимал ирокезский лагерь.

Там росли главным образом дубы. Как это обычна бывает в американских лесах, высокие стволы дубов были лишены ветвей, и только наверху шелестели густые и пышные кроны. Внизу, если не считать густого прибрежного кустарника, растительность была скудная, но деревья стояли гораздо теснее, чем в тех местах, где уже успел погулять топор. Голые стволы поднимались к небу, слишком высокие, прямые, грубо отесанные колонны, поддерживающие лиственный свод. Поверхность мыса была довольно ровная, лишь на самой середине возвышался небольшой холм, отделявший северный берег от южного. На южном берегу гуроны и развели свой костер, воспользовавшись этой складкой местности, чтобы укрыться от врагов. Не следует при этом забывать одного: краснокожие по-прежнему считали, что враги их находятся в «замке», стоявшем значительно северней.

Ручеек, сбегавший со склона холма, прокладывал себе путь по южному берегу мыса. Ручеек этот протекал немного западнее лагеря и впадал в озеро невдалеке от костра. Зверобой подметил все эти топографические особенности и постарался растолковать их своему другу.

Под прикрытием холма, расположенного позади индейского становища Зверобой и Чингачгук незаметно двигались вперед... Холм мешал свету от костра распространяться прямо над землей. Два смельчака крадучись приближались к лагерю. Зверобой решил, что не следует выходить из кустов, против которых стояла пирога: этот путь слишком быстро вывел бы их на освещенное место, потому что холм не примыкал к самой воде. Для начала молодые люди двинулись вдоль берега к северу и дошли почти до основания мыса. Тут они очутились в густой тени у подножия пологого берегового склона.

Выбравшись из кустов, друзья остановились, чтобы оглядеться. За холмом все еще пылал костер, отбрасывая свет на вершины деревьев. Багровые блики, трепетавшие в листве, были очень эффектны, но наблюдателям они только мешали. Все же зарево от костра оказывало друзьям некоторую услугу, так как они оставались в тени, а дикари находились на свету. Пользуясь этим, молодые люди стали приближаться к вершине холма. Зверобой, по собственному настоянию, шел впереди, опасаясь, как бы делавар, обуреваемый слишком пылкими чувствами, не совершил какого-нибудь опрометчивого поступка. Понадобилось не более минуты, чтобы достичь подножия невысокого склона, и затем наступил самый опасный момент. Держа ружье наготове и в то же время не выдвигая слишком далеко вперед дула, охотник с величайшей осторожностью подвигался вперед, пока наконец не поднялся достаточно высоко, чтобы заглянуть до ту сторону холма. При этом весь он оставался в тени, и только голова его очутилась на свету. Чингачгук стал рядом с ним, и оба замерли на месте, чтобы еще раз осмотреть лагерь. Желая, однако, укрыться от взгляда какого-нибудь слоняющегося без дела индейца, они поместились в тени огромного дуба.

Теперь перед ними открылся весь лагерь. Темные фигуры, которые Зверобой приметил раньше из пироги, находились всего в нескольких шагах от него, на самой вершине холма. Костер ярко пылал. Вокруг, на бревнах, расположились тринадцать воинов. Они о чем-то серьезно беседовали, и слон переходил из рук в руки. Первоначальный восторг индейцев несколько остыл, и теперь они обсуждали вопрос о том, действительно ли существует на свете такой диковинный зверь и как он живет. Догадки их были столь же правдоподобны, как добрая половина научных гипотез, но только гораздо более остроумны. Впрочем, как бы ни ошибались индейцы в своих выводах и предположениях, нельзя отказать им в искренней заинтересованности, с какой они обсуждали этот вопрос. На время они забыли обо всем остальном, и наши искатели приключений не могли выбрать более благоприятного момента, чтобы незаметно приблизиться к лагерю.

Расстояние от костра, у которого грелись ирокезские воины, и до дуба, скрывавшего

Зверобоя и Чингачгука, не превышало тридцати ярдов. На полдороге между костром и дубом сидели, собравшись в кружок, женщины, поэтому надо было соблюдать величайшую осторожность и не производить ни малейшего шума. Женщины беседовали очень тихо, но в глухой лесной тишине можно было уловить даже обрывки их речей. Беззаботный девичий смех порой долетал, как мы знаем, даже до пироги. Зверобой почувствовал, как трепет пробежал по телу его друга, когда тот впервые услышал сладостные звуки, вылетающие из уст делаварки. Охотник даже положил руку на плечо индейца, как бы умоляя его владеть собой. Но тут разговор стал серьезнее, и оба вытянули шеи, чтобы лучше слышать.

— У гуронов есть еще и не такие удивительные звери, — презрительно сказала одна девушка: женщины, как и мужчины, рассуждали о слоне и его свойствах. — Пускай делавары восхищаются этой тварью, но никто из гуронов завтра уже не будет говорить о ней. Наши юноши в одно мгновение подстрелили бы это животное, если бы оно осмелилось приблизиться к нашим вигвамам.

Слова эти, в сущности, были обращены к Уа-та-Уа, хотя говорившая произнесла их с притворной скромностью и смирением, не поднимая глаз.

— Делавары не пустили бы таких тварей в свою страну, — возразила Уа-та-Уа. — У нас нет даже их изображения. Наши юноши прогнали бы зверей, выбросили бы их изображения.

— Делаварские юноши! Все ваше племя состоит из баб. Даже олени не перестают пастись, когда чувствуют, что к ним приближаются ваши охотники. Кто слышал когда-нибудь имя хоть одного молодого делаварского воина? — Ирокезка сказала это, добродушно посмеиваясь, но вместе с тем довольно едко. По ответу Уа-та-Уа видно было, что стрела попала в цель.

— «Кто слышал когда-нибудь имя хоть одного молодого делаварского воина?» — повторила она с живостью. — Сам Таменунд, хотя он теперь так же стар, как сосны на холмах, как орлы, парящие в воздухе, был в свое время молод. Его имя слышали все от берегов Великого Соленого Озера³⁵ до Пресных Западных Вод³⁶. А семья Ункасов? Где найдется другая, подобная ей, хотя бледнолицые разрыли их могилы и попрали ногами их кости! Разве орлы летают так высоко? Разве олени бегают так проворно? Разве пантера бывает так смела? Разве этот род не имеет юного воина? Пусть гуронские девы шире раскроют глаза, и они увидят Чингачгука, который строен, как молодой ясень, и тверд, как орех.

Когда девушка, употребляя обычные для индейцев образные выражения, объявила своим подругам, что если они шире раскроют глаза, то увидят делавара, Зверобой толкнул своего друга пальцем в бок и залился сердечным, добродушным смехом. Индеец улыбнулся, но слова говорившей были слишком лестны для него, а звук ее голоса слишком сладостен, чтобы его могло рассмешить это действительно комическое совпадение. Речь, произнесенная Уа-та-Уа, вызвала возражения, завязался жаркий спор. Однако участники его не позволяли себе тех грубых выкриков и жестов, которыми часто грешат представительницы прекрасного пола в так называемом цивилизованном обществе. В самом разгаре этой сцены делавар заставил друга нагнуться и затем издал звук, настолько похожий на верещание маленькой американской белки, что даже Зверобой показалось, будто это зацокало одно из тех крохотных существ, которые перепрыгивали с ветки на ветку над его головой. Никто из гуронов не обратил внимания на этот привычный звук, но Уа-та-Уа тотчас же смолкла и сидела теперь совершенно неподвижно. У нее, впрочем, хватило выдержки не повернуть голову. Она услышала сигнал, которым влюбленный так часто вызывал ее из вигвама на тайное свидание, и этот стрекочущий звук произвел на нее такое же впечатление, какое в

³⁵ Великое Соленое Озеро — так индейцы называли Атлантический океан.

³⁶ Пресные Западные Воды — Миссисипи.

стране песен производит на девушек серенада.

Теперь Чингачгук не сомневался, что Уа-та-Уа знает о его присутствии, и надеялся, что она будет действовать гораздо смелее и решительнее, стараясь помочь ему освободить ее из плена.

Как только прозвучал сигнал, Зверобой снова выпрямился во весь рост, и от него не ускользнула перемена, происшедшая в поведении девушки. Для вида она все еще продолжала спор, но уже без прежнего воодушевления и находчивости, давая очевидный перевес своим противницам и как бы соблазняя их возможностью легкой победы. Правда, раза два врожденное остроумие подсказывало ей ответы, вызывавшие смех. Но эти шаловливые выпады служили ей лишь для того, чтобы скрыть свои истинные чувства. Наконец спорщицы утомились и все разом встали, чтобы разойтись по своим местам. Только тут Уа-та-Уа осмелилась повернуть лицо в ту сторону, откуда донесся сигнал. При этом движения ее были совершенно непринужденны: она потянулась и зевнула, как будто ее одолевал сон. Снова послышалось верещание белки, и девушка поняла, где находится ее возлюбленный. Но она стояла у костра, озаренная ярким пламенем, а Чингачгук и Зверобой притаились в темноте, и ей было трудно увидеть их головы, подымавшиеся над вершинами холма. К тому же дерево, за которым прятались наши друзья, было прикрыто тенью огромной сосны, возвышавшейся между ними и костром.

Зверобой это принял в расчет и потому решил притаиться именно здесь. Приближался момент, когда Уа-та-Уа должна была начать действовать. Обычно она проводила ночь в маленьком шалаше. Сожительницей ее была упомянутая нами старая ведьма. Если Уа-та-Уа войдет в шалаш, а страдающая бессонницей старуха ляжет поперек входа, как это водится у индейцев, то все надежды на бегство будут разрушены. А девушке в любую минуту могли приказать ложиться спать. К счастью, в эту минуту кто-то из воинов окликнул старуху и велел ей принести воды.

На северной стороне мыса протекал чудесный родник. Старуха сняла с ветки тыквенную бутылку и, приказав делаварке идти с ней рядом, направилась к вершине холма. Она хотела спуститься по склону и пройти к источнику самым близким путем.

Наши друзья вовремя заметили это и отступили назад, в темноту, прячась за деревьями, пока обе женщины проходили мимо.

Старуха быстро шагала вперед, крепко держа делаварку за руку. Когда она очутилась под деревом, за которым скрывались Чингачгук и Зверобой, индеец схватился за томагавк, намереваясь раскроить голову старой ведьме. Но Зверобой понимал, какой опасностью грозит этот поступок: единственный вопль, вырвавшийся у жертвы, мог бы привлечь к ним внимание всех воинов. Помимо всего, ему было противно это убийство и из соображений человеколюбия. Он удержал руку Чингачгука и предупредил смертельный удар. Когда женщины проходили мимо, снова раздалось верещание белки. Гуронка остановилась и посмотрела на дерево, откуда, казалось, долетел звук. В этот миг она была всего в шести футах от своих врагов. Она высказала удивление, что белка не спит в такой поздний час, и заметила, что это не к добру. Уа-та-Уа отвечала, что за последние двадцать минут она уже три раза слышала крик белки и что, вероятно, зверек надеется получить крошки, оставшиеся от недавнего ужина. Объяснение показалось старухе правдоподобным, и они снова двинулись к роднику.

Мужчины крадучись последовали за ними. Наполнив водой тыквенную бутылку, старуха уже собиралась идти обратно, по-прежнему держа девушку за руку, но тут ее внезапно схватили за горло с такой силой, что она невольно выпустила свою пленницу. Старуха едва дышала, и лишь хриплые, kloкочущие звуки вырывались из ее горла. Змей обвил рукой талию своей возлюбленной и понес ее через кустарники на северную оконечность мыса. Здесь он тотчас же свернул к берегу и побежал к пироге. Можно было выбрать и более короткий путь, но тогда ирокезы заметили бы место посадки. Зверобой продолжал, как на клавишах органа, играть на горле старухи, иногда позволяя ей немного передохнуть и затем опять крепко сжимая свои пальцы. Однако старая ведьма сумела

воспользоваться передышкой и издала один или два пронзительных вопля, которые всполошили весь лагерь. Зверобой явственно услышал тяжелый топот воинов, отбегавших от костра, и через минуту двое или трое из них показались на вершине холма. Черные фантастические тени резко выделялись на светлом фоне. Пришло и для охотника время пуститься наутек. От досады еще раз стиснув горло старухи и дав ей на прощание пинка, от которого она повалилась навзничь, он побежал к кустам, держа ружье наизготовку и втянув голову в плечи, словно затравленный лев.

Глава 17

*Вы, мудрые святоши разных стран,
Вас ждал обман, вас покори́л обман.
Довольно? Иль покуда ваша грудь
Трепещет, снова стоит вас надуть?*
Мур

Костер, пирога и ручей, подле которого Зверобой начал свое отступление, образовали треугольник с более или менее равными сторонами. От костра до пироги было немного ближе, чем от костра до источника, если считать по прямой линии. Но для беглецов эта прямая линия не существовала. Чтобы очутиться под прикрытием кустов, им пришлось сделать небольшой крюк, а затем обогнуть все береговые извилины. Итак, охотник начал отступление в очень невыгодных для себя условиях. Зная обычаи индейцев, он это отчетливо сознавал: в случае внезапной тревоги, особенно когда дело происходит в лесной чаще, они никогда не забывают выслать фланкеров³⁷, чтобы настигнуть неприятеля в любом пункте, и по возможности обойти его с тыла.

Несомненно, индейцы и сейчас прибегли к этому маневру. Топот ног доносился и с покатого склона, и из-за холма. До слуха Зверобоя долетел звук удаляющихся шагов даже с оконечности мыса. Во что бы то ни стало надо было спешить, так как разрозненные отряды преследователей могли сойтись на берегу, прежде чем беглецы успеют сесть в пирогу.

Несмотря на крайнюю опасность, Зверобой помедлил секунду, прежде чем нырнуть в кусты, окаймлявшие берег. На вершине холма все еще обрисовывались четыре темные фигуры. Они отчетливо выделялись на фоне костра, и, по крайней мере, одного из этих индейцев нетрудно было уложить наповал. Они стояли, всматриваясь во мрак и пытаясь найти упавшую старуху. Будь на месте охотника человек менее рассудительный, один из них неизбежно погиб бы. К счастью Зверобой проявил достаточно благоразумия. Хотя дуло его карабина было направлено в переднего преследователя, он не выстрелил, а бесшумно скрылся в кустах. Достигнуть берега и добежать до того места, где его поджидал Чингачгук, уже сидевший в пироге вместе с Уа-та-Уа, было делом минуты. Положив ружье на дно ее, Зверобой уже нагнулся, чтобы сильным толчком отогнать пирогу от берега, как вдруг здоровенный индеец, выбежавший из кустов, прыгнул, как пантера, ему на спину. Все повисло на волоске. Один ложный шаг мог все погубить. Руководимый великодушным чувством, которое навеки обессмертило бы древнего римлянина, Зверобой, чье простое и скромное имя, однако, осталось бы в неизвестности, если бы не наша непритязательная повесть, вложил всю свою энергию в последнее отчаянное усилие и оттолкнул пирогу футов на сто от берега, а сам свалился в озеро, лицом вперед; его противник, естественно, упал вместе с ним.

Хотя уже в нескольких ярдах от берега было глубоко, вода в том месте, где свалились оба врага, доходила им только по грудь. Впрочем, и этой глубины было совершенно

³⁷ Фланкерами называются бойцы, выдвигаемые вперед по флангам главного отряда.

достаточно, чтобы погубить Зверобоя, который лежал под индейцем. Однако руки его оставались свободными, а индеец был вынужден разомкнуть свои цепкие объятия, чтобы поднять над водой голову. В течение полминуты длилась отчаянная борьба, похожая на барахтанье аллигатора, схватившего мощную добычу не по силам себе. Потом индеец и Зверобой вскочили и продолжали бороться стоя. Каждый крепко держал противника за руки, чтобы помешать ему воспользоваться в темноте смертоносным ножом. Неизвестно еще, кто бы вышел победителем из страшного поединка, но тут с полдюжины дикарей бросились в воду на помощь своему товарищу, и Зверобой сдался в плен с достоинством столь же изумительным, как и его самоотверженность.

Через минуту новый пленник стоял уже у костра. Поглощенные борьбой и ее результатом, индейцы не заметили пирогу, хотя она стояла так близко от берега, что делавар и его невеста слышали каждое слово, произнесенное ирокезами.

Итак, индейцы покинули место схватки. Почти все вернулись к костру, и лишь немногие еще искали Уа-та-Уа в густых зарослях. Старуха уже настолько отдышалась и опаматовалась, что смогла рассказать, каким образом была похищена девушка. Но было слишком поздно преследовать беглецов, ибо, как только Зверобоя увели в кусты, делавар погрузил весло в воду и, держа курс к середине озера, бесшумно погнал легкое судно прочь от берега, пока не очутился в полной безопасности от выстрелов. Затем он направился к ковчегу.

Когда Зверобой подошел к костру, его окружили восемь свирепых дикарей, среди которых находился его старый знакомый, Расщепленный Дуб. Бросив взгляд на пленника, индеец шепнул что-то своим товарищам, и раздались тихие, но дружные восклицания радости и удивления. Они узнали, что тот, кто недавно убил одного из индейских воинов на другом берегу озера, попался теперь в их руки и всецело зависит от их великодушия или мстительности. Со всех сторон на пленника устремились взгляды, полные злобы, смешанной с восхищением. Можно сказать, что именно эта сцена положила начало той грозной славе, которой Зверобой, или Соколиный Глаз, как его называли впоследствии, пользовался среди индейских племен Нью-Йорка и Канады.

Руки у охотника не были связаны, и, когда у него отобрали нож, он мог свободно ими действовать. Единственные меры предосторожности, принятые по отношению к нему, заключались в том, что за ним установили неусыпный надзор; ему стянули лодыжки крепкой лыковой веревкой, не столько с целью помешать ходить, сколько для того, чтобы лишить его возможности спастись бегством. Впрочем, Зверобоя связали лишь после того, как его опознали. В сущности, это был молчаливый знак преклонения — перед его мужеством, и пленник мог лишь гордиться подобным отличием. Если бы его связали перед тем, как воины улеглись спать, в этом не было бы ничего необычного, но путы, наложенные тотчас же после взятия в плен, доказывали, что имя его уже широко известно. Когда молодые индейцы стягивали ему ноги веревкой, он спрашивал себя, удостоился ли бы Чингачгук такой же чести, попади он во вражеские руки.

В то время как эти своеобразные почести воздавались Зверобою, он не избегнул и кое-каких неприятностей, связанных с его положением. Ему позволили сесть на бревно возле костра, чтобы просушить платье. Недавний противник стоял против него, поочередно протягивая к огню части своего незатейливого одеяния и то и дело ощупывая шею, на которой еще явственно виднелись следы вражеских пальцев. Остальные воины совещались с товарищами, которые только что вернулись с известием, что вокруг лагеря не обнаружено никаких следов второго удалца. Тут старуха, которую звали Медведицей, приблизилась к Зверобою; она угрожающе сжимала кулаки, глаза ее злобно сверкали. Она начала пронзительно визжать и не остановилась, пока не разбудила всех, кто находился в пределах досягаемости ее крикливой глотки. Тогда она стала описывать ущерб, который ее особа понесла в борьбе. Ущерб был не материальный, но, конечно, должен был возбудить ярость женщины, которая давно уже перестала привлекать мужчин какими-либо приятными свойствами и вдобавок была не прочь сорвать на всяком подвернувшемся ей под руку свою

злобу за суровое и пренебрежительное обхождение, которое ей приходилось сносить в качестве бесправной жены и матери. Хотя Зверобой и не принадлежал к числу ее постоянных обидчиков, все же он причинил ей боль, а она была не такая женщина, чтобы забывать оскорбления.

— Бледнолицый хорек, — вопила разъяренная фурия, потрясая кулаками перед лицом смотревшего на нее с невозмутимым видом охотника. — Ты даже не баба! Твои друзья делавары — бабы, а ты их овца. Твой собственный народ отрекся от тебя, и ни одно краснокожее племя не пустит тебя в свои вигвамы. Вот почему ты прячешься среди воинов, одетых в юбки. Ты думаешь, что ты убил храбреца, покинувшего нас? Нет, его великая душа содрогнулась от презрения при мысли о битве с тобой и предпочла лучше оставить тело. Земля отказалась впитать кровь, которую ты пролил, когда его душа отлетела.

Что за музыку я слышу? Это не вопль краснокожего.

Ни один красный воин не будет стонать, как свинья. Эти стоны вырываются из горла у бледнолицего, из груди ингиза, и этот звук приятен, как девичье пение! Пес! Вонючка! Сурок! Выдра! Еж! Свинья! Жаба! Паук! Ингиз!

Тут старуха, почти задохнувшись, истощила весь запас ругательств и вынуждена была на мгновение умолкнуть. Однако она по-прежнему размахивала кулаками перед самым носом пленника, и ее сморщенная физиономия кривилась от свирепой злобы. Зверобой отнесся ко всем этим бессильным попыткам оскорбить его со спокойной выдержкой.

Впрочем, от дальнейших оскорблений его избавил Расщепленный Дуб, который отогнал ведьму, а сам спокойно опустился на бревно рядом с пленником. Старуха удалилась, но охотник знал, что отныне она будет всячески досаждать ему.

Расщепленный Дуб после короткой паузы заговорил со Зверобоем. Их диалог мы, как всегда, переводим на наш язык для удобства читателей, не изучавших североамериканских индейских наречий.

— Мой бледнолицый брат — желанный гость здесь, — сказал индеец, кивая головой и улыбаясь так дружелюбно, что нужны были и проницательность Зверобоя, чтобы разгадать в этом фальшь, и немало философского спокойствия, чтобы, разгадав, не оробеть. — Да, он желанный гость. Гуроны развели жаркий костер, чтобы белый человек мог просушить свою одежду.

— Благодарю, гурон или минг, как там тебя зовут! — возразил охотник. — Благодарю и за привет и за огонь. И то и другое хорошо в своем роде, а огонь особенно приятен человеку, искупавшемуся только что в таком холодном озере, как Мерцающее Зеркало. Даже гуронское тепло может быть приятно тому, в чьей груди бьется делаварское сердце.

— Бледнолицый... Но есть же у моего брата какое-нибудь имя? Такой великий воин не мог прожить, не получив прозвища!

— Минг, — сказал охотник, причем маленькая человеческая слабость сказала в блеске его глаз и в румянце, покрывшем его щеки, — минг, один из ваших храбрецов дал мне прозвище Соколиный Глаз — я полагаю, за быстроту и меткость прицела, — когда голова его покоилась на моих коленях, прежде чем дух отлетел в места, богатые дичью.

— Хорошее имя! Сокол разит без промаха. Соколиный Глаз — не баба. Почему же он живет среди делаваров?

— Я понимаю тебя, минг. Но все это ваши дьявольские выдумки и пустые обвинения. Я поселился с делаварами еще в юности и надеюсь жить и умереть среди этого племени.

— Хорошо! Гуроны такие же краснокожие, как и делавары. Соколиный Глаз скорее похож на гурона, чем на женщину.

— Я полагаю, минг, ты знаешь, куда клонишь. Если же нет, то это известно только сатане. Однако, если ты хочешь добиться чего-нибудь от меня, говори яснее, так как в честную сделку нельзя вступать с завязанными глазами или с кляпом во рту.

— Хорошо! У Соколиного Глаза не лживый язык, и он привык говорить, что думает. Он знаком с Водяной Крысой (этим именем индейцы называли Хаттера). Он жил в его вигваме, но он не друг ему. Он не ищет скальпов, как несчастный индеец, но сражается, как

мужественный бледнолицый. Водяная Крыса ни белый, ни краснокожий, он ни зверь, ни рыба — он водяная змея: иногда живет на озере, иногда на суше. Он охотится за скальпами, как отщепенец. Соколиный Глаз может вернуться и рассказать ему, что перехитрил гуронов и убежал. И когда глаза Водяной Крысы затуманятся, когда из своей хижины он не сможет больше видеть лес, тогда Соколиный Глаз отомкнет двери гуронам. А как мы поделим добычу, спросишь ты? Что ж, Соколиный Глаз унесет все самое лучшее, а гуроны подберут остальные. Скальпы можно отправить в Канаду, так как бледнолицый в них не нуждается.

— Ну что ж, Растепленный Дуб, все это достаточно ясно, хотя и сказано по-ирокезски. Я понимаю, чего ты хочешь, и отвечу тебе, что это такая дьявольщина, которая превзошла самые сатанинские выдумки мингов. Конечно, я легко мог бы вернуться к Водяной Крысе и рассказать, будто мне удалось удрать от вас. Я мог бы даже нажать кое-какую славу этим подвигом.

— Хорошо! Мне и хочется, чтобы бледнолицый это сделал.

— Да, да, это достаточно ясно. Больше не нужно слов. Я понимаю, чего ты от меня добиваешься. Войдя в дом, поев хлеба Водяной Крысы, пошутив и посмеявшись с его хорошенькими дочками, я могу напустить ему в глаза такого густого тумана, что он не разглядит даже собственной двери, не то что берега.

— Хорошо! Соколиный Глаз должен был родиться гуроном. Кровь у него белая только наполовину.

— Ну, тут ты дал маху, гурон. Это все равно, как если бы ты принял волка за дикуую кошку. Так, значит, когда глаза старика Хаттера затуманятся и его хорошенькие дочки крепко заснут, а Гарри Непоседа, или Высокая Сосна, как вы его здесь окрестили, не подозревая об опасности, будет уверен, что Зверобой бодрствует на часах, мне придется только поставить где-нибудь факел в виде сигнала, отворить двери и позволить гуронам проломить головы всем находящимся в доме?

— Именно так, мой брат не ошибся. Он не может быть белым! Он достоин стать великим вождем среди гуронов!

— Смею сказать, это было бы довольно верно, если бы я мог проделать все то, о чем мы говорили... А теперь, гурон, послушай хоть раз в жизни несколько правдивых слов из уст простого человека. Я родился христианином и не могу и не хочу участвовать в подобном злодействе.

Военная хитрость вполне законна. Но хитрость, обман и измена среди друзей созданы только для дьяволов. Я знаю, найдется немало белых людей, способных дать вам, индейцам, ложное понятие о нашем народе; но эти люди изменили своей крови, это отщепенцы и бродяги. Ни один настоящий белый не может сделать то, о чем ты просишь, и уж если говорить начистоту, то и ни один настоящий делавар. Разве что минги на это способны.

Гурон выслушал эту отповедь с явным неудовольствием. Однако он еще не отказался от своего замысла и был настолько хитер, чтобы не потерять последние шансы на успех, преждевременно выдав свою досаду. Принужденно улыбаясь, он слушал внимательно и затем некоторое время что-то молча обдумывал.

— Разве Соколиный Глаз любит Водяную Крысу? — вдруг спросил он. — Или, может быть, он любит дочерей?

— Ни то, ни другое, минг. Старый Том не такой человек, чтобы заслужить мою любовь. Ну, а если говорить о дочках, то они, правда, довольно смазливы, чтобы приглянуться молодому человеку. Однако есть причины, по каким нельзя сильно полюбить ни ту, ни другую. Хетта — добрая душа, но природа наложила тяжелую печать на ум бедняжки.

— А Дикая Роза? — воскликнул гурон, ибо слава о красоте Джудит распространилась между скитавшимися по лесной пустыне индейцами не меньше, чем между белыми колонистами. — Разве Дикая Роза недостаточно благоуханна, чтобы быть приколотой к груди моего брата?

Зверобой был настоящим рыцарем по натуре и не хотел ни единым намеком повредить

доброму имени беспомощной девушки, поэтому, не желая лгать, он предпочел молчать. Гурон не понял его побуждений и подумал, что в основе этой сдержанности лежит отвергнутая любовь. Все еще надеясь обольстить или подкупить пленника, чтобы овладеть сокровищами, которыми его фантазия наполнила «замок», индеец продолжал свою атаку.

— Соколиный Глаз говорит как друг, — промолвил он. — Ему известно, что Расщепленный Дуб хозяин своего слова. Они уже торговали однажды, а торговля раскрывает душу. Мой друг пришел сюда на веревочке, за которую тянула девушка, а девушка способна увлечь за собой даже самого сильного воина.

— На этот раз, гурон, ты немножко ближе к истине, чем в начале нашего разговора. Это верно. Но никакой конец этой веревочке не прикреплен к моему сердцу, и Дикая Роза не держит другой конец.

— Странно! Значит, мой брат любит головой, а не сердцем. Неужели Слабый Ум может вести за собой такого сильного воина?

— И опять скажу: отчасти это правильно, отчасти ложно. Веревочка, о которой ты говоришь, прикреплена к сердцу великого делавара, то есть, я разумею, одного из членов рода могикан, которые живут среди делаваров после того, как истребили их собственное племя, — отпрыска семьи Ункасов. Имя его Чингачгук, или Великий Змей. Он-то и пришел сюда, притянутый веревочкой, а я последовал за ним или, вернее, явился немного раньше, потому что я первый прибыл на озеро. Влекла меня сюда только дружба. Но это достаточно сильное побуждение для всякого, кто имеет какие-нибудь чувства и хочет жить немножко и для своих ближних, а не только для себя.

— Но веревочка имеет два конца; один был прикреплен к сердцу могиканина, а другой...

— А другой полчаса назад был здесь, возле этого костра. Уа-та-Уа держит его в своей руке, если не в своем сердце.

— Я понимаю, на что ты намекаешь, брат мой, — важно сказал индеец, впервые как следует поняв действительный смысл вечернего приключения. — Великий Змей оказался сильнее: он потянул крепче, и Уа-та-Уа была вынуждена покинуть нас.

— Не думаю, чтобы ему пришлось сильно тянуть, — ответил охотник, рассмеявшись своим обычным тихим смехом, и притом с такой сердечной веселостью, как будто он не находился в плену и ему не грозили пытки и смерть. — Не думаю, чтобы ему пришлось сильно тянуть, право, нет! Помоги тебе бог, гурон! Змей любит девчонку, а девчонка любит его, и всех ваших гуронских хитростей не хватит, чтобы держать врозь двух молодых людей, когда такое сильное чувство толкает их друг к другу.

— Значит, Соколиный Глаз и Чингачгук пришли в наш лагерь лишь за этим?

— В твоем вопросе содержится и ответ, гурон. Да! Если бы вопрос мог говорить, он самовольно ответил бы к полному твоему удовольствию. Для чего иначе нам было бы приходить? И опять-таки это не совсем точно; мы не входили в ваш лагерь, а остановились вон там, у сосны, которую ты можешь видеть по ту сторону холма. Там мы стояли и следили за всем, что у вас делается. Когда мы приготовились, Змей подал сигнал, и после этого все шло как по маслу, пока вон тот бродяга не вскочил мне на спину. Разумеется, мы пришли именно для этого, а не за каким-нибудь другим делом и получили то, за чем пришли. Бесполезно отрицать это; Уа-та-Уа сейчас вместе с человеком, который скоро станет ее мужем, и, что бы там ни случилось со мной, это уже дело решенное.

— Какой знак или же сигнал сообщил девушке, что друг ее близко? — спросил старый гурон с не совсем обычным для него любопытством.

Зверобой опять рассмеялся.

— Ваши белки ужасно шаловливы, минг! — воскликнул он. — В ту пору, когда белки у других народов сидят по дуплам и спят, ваши прыгают по ветвям, верещат и поют, так что даже делаварская девушка может понять их музыку. Существуют четвероногие белки, так же как и двуногие белки, и чего только не бывает, когда крепкая веревочка протягивается между двумя сердцами!

Гурон был, видимо, раздосадован, хотя ему и удалось сдержать открытое проявление недовольства. Вскоре он покинул пленника и, присоединившись к другим воинам, сообщил им все, что ему удалось выведать. Гнев у них смешивался с восхищением перед смелостью и удачей врагов. Три или четыре индейца взбежали по откосу и осмотрело дерево, под которым стояли наши искатели приключений. Один из ирокезов даже спустился вниз и обследовав отпечатки ног вокруг корней, желая убедиться в достоверности рассказа. Результат этого обследования подтвердил слова пленника, и все вернулись к костру с чувством непрерывно возрастающего удивления и почтительности. Еще тогда, когда наши друзья следили за ирокезским лагерем, туда прибыл гонец из отряда, предназначенного для действий против «замка». Теперь этого гонца отослали обратно. Очевидно, он удалился с вестью обо всем, что здесь произошло.

Молодой индеец, которого мы видели в обществе делаварки и еще одной девушки, до сих пор не делал никаких попыток заговорить со Зверобоем. Он держался особняком даже среди своих приятелей и, не поворачивая головы, проходил мимо молодых женщин, которые, собравшись кучкой, вполголоса беседовали о бегстве своей недавней товарки. Похоже было, что женщины скорее радуются, чем досадуют на все случившееся. Их инстинктивные симпатии были на стороне влюбленных, хотя гордость заставляла желать успеху родному племени.

Возможно также, что необычайная красота Уа-та-Уа делала ее опасной соперницей для младших представительниц этой группы, и они ничуть не жалели, что делаварка больше не стоит на их пути. В общем, однако, преобладали более благородные чувства, ибо ни природная дикость, ни племенные предрассудки, ни суровая доля индейских женщин не могли победить душевной мягкости, свойственной их полу. Одна девушка даже расхохоталась, глядя на безутешного поклонника, который считал себя покинутым. Ее смех, вероятно, пробудил энергию юноши и заставил его направиться к бревну, на котором по-прежнему сидел пленник, сушивший свою одежду.

— Вот Ягуар! — сказал индеец, хвастливо ударив себя рукой по голой груди, в полной уверенности, что это имя должно произвести сильное впечатление.

— А вот Соколиный Глаз, — спокойно возразил Зверобой. — У меня зоркое зрение. А мой брат далеко прыгает?

— Отсюда до делаварских селений. Соколиный Глаз украл мою жену. Он должен привести ее обратно, или его скальп будет висеть на шесте и сохнуть в моем вигваме.

— Соколиный Глаз ничего не крал, гурон. Он родился не от воров, и воровать не в его привычках. Твоя жена, как ты называешь Уа-та-Уа, никогда не станет женой канадского индейца. Ее душа все время оставалась в хижине делавара, и наконец тело отправилось на поиски души. Я знаю, Ягуар очень проворен, но даже его ноги не могут угнаться за женскими желаниями.

— Змей делаваров просто собака; он жалкий утенок, который держится только на воде; он боится стоять на твердой земле, как подобает храброму индейцу!

— Ладно, ладно, гурон, это просто бесстыдно с твоей стороны, потому что час назад Змей стоял в ста футах от тебя, и, не удержав я его за руку, он прощупал бы прочность твоей шкуры ружейной пулей. Ты можешь пугать девчонок в поселках рычанием ягуара, но уши мужчины умеют отличать правду от неправды.

— Уа-та-Уа смеется над Змеем! Она понимает, что он хилый и жалкий охотник и никогда не ступал по тропе войны.

— Почему ты знаешь, Ягуар? — со смехом возразил Зверобой. — Почему ты знаешь? Как видишь, она ушла на озеро и, вероятно, предпочитает форель ублюдку дикой кошки. Что касается тропы войны, то, признаюсь, ни я, ни Змей не имеем опыта по этой части. Но ведь теперь речь идет не об этой тропе, а о том, что девушки в английских селениях называют большой дорогой к браку. Послушай моего совета, Ягуар, и поищи себе жену среди молодых гурунок; ни одна делаварка не пойдет за тебя добровольно.

Рука Ягуара опустилась на томагавк, и пальцы его судорожно сжали рукоятку, словно

он колебался между благоразумием и гневом. В этот критический момент подошел Расщепленный Дуб. Повелительным жестом он приказал молодому человеку удалиться и занял прежнее место на бревне, рядом со Зверобоем.

Некоторое время он сидел молча, сохраняя важную осанку индейского вождя.

— Соколиный Глаз прав, — промолвил наконец ирокез. — Зрение его так зорко, что он способен различить истину даже во мраке ночи. Он сова: тьма ничего не скрывает от него: он не должен вредить своим друзьям. Он прав.

— Я рад, что ты так думаешь, минг, — ответил охотник, — потому что, на мой взгляд изменник гораздо хуже труса. Я равнодушен к Водяной Крысе, как только один бледнолицый может быть равнодушен к другому бледнолицему. Но все же я отношусь к нему не так плохо, чтобы завлечь его в расставленную тобой ловушку. Короче говоря, помоему, в военное время можно прибегать к честным уловкам, но не к измене. Это уж беззаконие.

— Мой бледнолицый брат прав: он не индеец, он не должен изменять ни своему Маниту, ни своему народу.

Гуруны знают, что взяли в плен великого воина, и будут обращаться с ним как должно. Если его станут пытаться, то прибегнут лишь к таким пыткам, каких не выдержат обыкновенному человеку; а если его примут как друга, то это будет дружба вождей.

Выражая столь своеобразно свое почтение пленнику, гурун исподтишка следил за лицом собеседника, желая подметить, как тот примет подобный комплимент. Однако серьезность и видимая искренность гуруна не позволили бы человеку, не искушенному в притворстве, разгадать его истинные побуждения. Проницательности Зверобоя оказалось для этого недостаточно, и, зная, как необычно индейцы представляют себе почет, воздаваемый пленникам, он почувствовал, что кровь стынет в его жилах. Несмотря на это, ему удалось так хорошо сохранить невозмутимый вид, что даже такой зоркий враг не заметил на лице бледнолицего ни малейших признаков малодушия.

— Я попал к вам в руки, гурун, — ответил наконец пленник, — и, полагаю, вы сделаете со мной то, что найдете нужным. Не стану хвастать, что буду твердо переносить мучения, — я никогда не испытывал этого, а ручаться за себя заранее не может ни один человек. Но я постараюсь не осрамить воспитавшего меня племени. Однако должен теперь же заявить, что, поскольку у меня белая кровь и белые чувства, я могу не выдержать и забыться.

Надеюсь, вы не возложите за это вину на делаваров или их союзников и друзей — могикан. Всем нам более или менее свойственна слабость, и я боюсь, что белый не устоит перед жестокими телесными муками, в то время как краснокожий может петь песни и хвастать своими подвигами даже в зубах у своих врагов.

— Посмотрим! Соколиный Глаз бодр духом и крепок телом. Но зачем гурунам мучить человека, которого они любят? Он не родился их врагом, и смерть одного воина не может рассорить его с ними навеки.

— Тем лучше, гурун, тем лучше! Но я не хочу, чтобы между нами остались какие-нибудь недомолвки. Очень хорошо, что вы не сердитесь на меня за смерть воина, павшего в бою. Но все-таки я не верю, что между нами нет вражды, — я хочу сказать, законной вражды. Если у меня и есть индейские чувства, что это делаварские чувства, и предоставляю вам судить, могу ли я быть другом мингов.

Зверобой умолк, ибо некий призрак внезапно предстал перед ним и заставил его на один миг усомниться в безошибочности своего столь прославленного зрения. Хетти Хаттер стояла возле костра так спокойно, как будто была одной из ирокезок.

В то время как охотник и индеец старались подметить следы волнения на лицах друг друга, девушка незаметно приблизилась к ним со стороны южного берега, примерно с того места, против которого стоял на якоре ковчег. Она подошла к костру с бесстрашием, свойственным ее простодушному нраву, и с уверенностью, вполне оправдывавшейся обхождением, которое она недавно встретила со стороны индейцев. Расщепленный Дуб тотчас же узнал вновь пришедшую и, окликнув двух или трех младших воинов, послал их на

разведку, чтобы выяснить, не служит ли это внезапное появление предвестником новой атаки. Потом он знаком предложит Хетти подойти поближе.

— Надеюсь, Хетти, ваше посещение говорит о том, что Змей и Уа-та-Уа в безопасности, — сказал Зверобой. — Не думаю, чтобы вы опять сошли на берег с той же целью, что и в первый раз.

— На этот раз сама Джудит велела мне прийти сюда, Зверобой, — ответила Хетти. — Она сама отвезла меня на берег в пироге, лишь только Змей познакомил ее с Уа-та-Уа и рассказал обо всем, что случилось. Как прекрасна Уа-та-Уа сегодня ночью, Зверобой, и насколько счастливей она теперь, чем тогда, когда жила у гуронов!

— Это вполне естественно, девушка. Да, таковы уж свойства человеческой природы. Уа-та-Уа теперь со своим женихом и не боится больше, что ее выдадут замуж за минга. Я полагаю, что даже Джудит могла бы подурнеть, если бы думала, что ее красота должна достаться гуруну. Готов поручиться, что Уа-та-Уа очень счастлива теперь, когда она вырвалась из рук язычников и находится с избранным ею воином... Так вы говорите, что сестра велела вам сойти на берег? Зачем?

— Она приказала мне повидаться с вами, а также предложить дикарям еще несколько слонов в обмен на вашу свободу. Но я принесла сюда библию. От нее будет больше пользы, чем от всех слонов, хранящихся в отцовском сундуке.

— А ваш отец и Непоседа знают, как у нас обстоят дела, моя добрая маленькая Хетти?

— Нет, не знают. Они оба спят. Джудит и Змей думали, что лучше не будить их, потому что, если Уа-та-Уа скажет им, как мало воинов осталось в лагере и как там много женщин и детей, они снова захотят охотиться за скальпами. Джудит не давала мне покоя, пока я не согласилась сойти на берег и посмотреть, что случилось с вами.

— Это замечательно со стороны Джудит. Но почему она так беспокоится обо мне?.. Ага, теперь я вижу, в чем тут дело. Да, я вижу это совершенно ясно. Вы понимаете, Хетти: ваша сестра боится, что Гарри Марч проснется и очертя голову сунется прямо сюда, полагая, что раз я был его путевым товарищем, то он обязан помочь мне. Гарри сорвиголова, это верно, но не думаю, чтобы он стал лезть из-за меня на рожон.

— Джудит совсем не думает о Непоседе, хотя Непоседа много думает о Джудит, — сказала Хетти невинно и с непоколебимой уверенностью.

— Я уже слышал об этом раньше, да, я слышал об этом раньше от вас, девушка, но вряд ли это так. Кто долго жил среди индейцев, тот умеет распознавать, что творится в женском сердце. Хотя сам я никогда не собирался жениться, но любил наблюдать, как такие дела делаются у делаваров. А в этом отношении что бледнолицая натура, что краснокожая — все едино. Когда зарождается чувство, молодая женщина начинает задумываться и видит и слышит только воина, которому отдано сердце. Затем следует грусть, и вздохи, и все прочее в том же роде, особенно в тех случаях, когда не удастся сразу объяснить начистоту. Девушка ходит вокруг да около, шпыняет юношу и находит в нем разные недостатки, порицая именно то, что ей больше всего нравится. Некоторые юные существа как раз этим способом проявляют свою любовь, и я думаю, что Джудит из их числа. Я слышал, как она говорила, будто Непоседа совсем нехорош собою, а уж если молодая женщина решится такое сказать, то это поистине значит, что она далеко зашла.

— Молодая женщина, которой нравится Непоседа, охотно скажет, что он красив. Я думаю, что он красив, Зверобой, и уверена, что так должен думать всякий, у кого есть глаза во лбу. Но Гарри Марч не нравится Джудит, и вот причина, почему она находит в нем разные недостатки.

— Ладно, ладно! Милая маленькая Хетти все толкует на свой лад. Если мы проспорим до самой зимы, все равно каждый останется при своем, а поэтому не стоит тратить понапрасну слов. Я убежден, что Джудит здорово влюблена в Непоседу и рано или поздно выйдет за него замуж. А сужу я об этом по тому, как она его ругает. Теперь запомните, что я скажу вам, девушка, только делайте вид, будто ничего не понимаете, — продолжал этот человек, такой нечуткий во всех делах, в которых мужчина обычно быстро разбирается, и

такой зоркий там, где огромное большинство людей ничего не замечает. — Я вижу теперь, что замышляют эти бродяги. Расщепленный Дуб оставил нас и толкует о чем-то с молодыми воинами. Они слишком далеко, и я отсюда ничего не слышу, однако догадываюсь, о чем он говорит. Он приказывает смотреть за вами в оба и выследить место, куда причалит пирога. А затем уже они постараются захватить всех и все, что только смогут. Мне очень жаль, что Джудит прислала вас, я думаю, ей хочется, чтобы вы вернулись обратно.

— Я все улажу, Зверобой, — сказала девушка многозначительно. — Вы можете положиться на меня: уж я знаю, как обойти самого хитрого индейца. Да, я слабоумная, но все-таки тоже кое-что смыслю, и вы увидите, как ловко я вернусь обратно, когда выполню свое поручение.

— Ах, бедная моя девочка, боюсь, что все это легче сказать, чем сделать! Этот лагерь — гнездо ядовитых гадин, и они не стали добрее после побега Уа-та-Уа. Я очень рад, что Змею удалось удрать вместе с девушкой. Потому что теперь, на худой конец, есть на свете двое счастливых людей. А попади он в лапы мингов, было бы двое несчастных и еще некто третий, кто чувствовал бы себя совсем не так, как это приятно мужчине.

— Теперь вы напомнили мне о поручении, о котором я чуть не забыла, Зверобой. Джудит велела спросить, что, по вашему мнению, сделают с вами гуруны, если не удастся выкупить вас на свободу. Не может ли она как-нибудь помочь вам? Что она должна сделать для вас?

Вот для этого она меня и прислала.

— Это вы так думаете, Хетти. Молодые женщины привыкли придавать большое значение тому, что действует на их воображение. Однако не в этом дело. Думайте как хотите, но только будьте осторожны и постарайтесь, чтобы минги не захватили пирогу. Когда вернетесь в ковчег, скажите всем, чтобы они были настороже и все время меняли место стоянки, особенно по ночам. Очень скоро войска, стоящие на реке, услышат об этой шайке индейцев, и тогда ваши друзья могут ожидать помощи. Отсюда только один переход до ближайшего форта, и храбрые солдаты, конечно, не будут лежать на боку, узнав, что враг близко. Таков мой ответ. Вы можете также сказать вашему отцу и Непоседе, что охота за скальпами — теперь уже дело пропадающее, потому что минги начеку. До прихода войск спасти ваших друзей может только широкая полоса воды между ними и дикарями.

— А что же я должна сказать Джудит о вас, Зверобой? Я знаю, она пришлет меня обратно, если я не скажу ей всю правду.

— Тогда скажите ей всю правду. Не вижу причины, почему бы Джудит Хаттер не выслушать обо мне правду вместо лжи. Я в плену у индейцев, и одному небу известно, что будет со мной. Слушайте, Хетти! — тут он понизил голос и стал шептать ей на ухо: — Вы немножко не в своем уме, но вы тоже знаете индейцев. Я попал к ним в лапы после того, как убил одного из их лучших воинов, и они старались запугать меня, чтобы я выдал им вашего отца и все, что находится в ковчеге. Я раскусил этих негодяев так же хорошо, как будто они все сразу выложили начистоту. По одну сторону от меня они поставили алчность, по другую — страх и думали, что моя честность не устоит перед таким выбором. Но передайте вашему отцу и Непоседе, что все это бесполезно. Ну, а Змей сам это знает.

— Но что передать Джудит? Она непременно пришлет меня обратно, если я не сумею ответить на все ее вопросы.

— Что ж, Джудит можете сказать то же самое. Конечно, дикари станут пытаться меня, чтобы отомстить за смерть своего воина, но я буду бороться против природной слабости как только могу. Скажите Джудит, чтобы она не беспокоилась обо мне. Я знаю, мне придется трудненько, потому что белому не свойственно хвастать и петь во время пыток: он к этому не привык. Но все-таки скажите Джудит, чтобы она не беспокоилась. Я надеюсь, что выдержу. А если даже ослабею и выдам свою белую натуру стоном и оханьем, быть может даже слезами, все-таки никогда не паду так низко, чтобы изменить друзьям. Когда дело дойдет до прижигания раскаленными шомполами и выдергивания волос с корнем, белая натура может проявить себя оханьем и жалобами. Но на этом торжество негодяев кончится.

Ничто не заставит честного человека изменить своему долгу.

Хетти слушала с неослабным вниманием, и на ее кротком личике отразилось глубокое сочувствие пленнику.

В первую минуту она, видимо, растерялась, не зная, что делать дальше. Потом, нежно взяв Зверобоя за руку, предложила ему свою библию и посоветовала читать ее во время пыток. Когда охотник чистосердечно напомнил ей, что это выше его умения, Хетти даже вызвалась остаться при нем и лично исполнить эту священную обязанность. Это предложение было ласково отклонено.

В это время к ним направился Расщепленный Дуб.

Зверобой посоветовал девушке поскорее уйти и еще раз велел передать обитателям ковчега, что они могут рассчитывать на его верность.

Тут Хетти отошла в сторону и приблизилась к группе женщин с такой доверчивостью, словно она век с ними жила. Старый гурун снова занял свое место подле пленника.

Он стал задавать новые вопросы с обычным лукавством умудренного опытом индейского вождя, а молодой охотник то и дело ставил его в тупик с помощью того приема, который является наиболее действенным для разрушения козней и изощреннейшей дипломатии цивилизованного мира, а именно: отвечал правду, и только правду.

Глава 18

*Вот так она жила, там умерла. Ни стыд
Не страшен ей, ни скорбь. Она была не тою,
Кто годы целые душевный груз влачит
В холодном сердце, кто живет, пока землею
Не скроет старость их. Ее любовь в зенит
Взошла так быстро — но так сладостно! С такою
Любовью жить нельзя! И сладко спит она
На берегу, где взор ласкала ей волна.
Байрон, «Дон-Жуан»*

Молодые индейцы, посланные в разведку после внезапного появления Хетти, вскоре вернулись и донесли, что им ничего не удалось обнаружить. Один из них даже пробрался по берегу до того места, против которого стоял ковчег, но в ночной тьме не заметил судна. Другие долго рыскали в окрестностях, но повсюду тишина ночи сливалась с безмолвием пустынных лесов.

Ирокезы решили, что девушка, как и в прошлый раз, явилась одна. Они не подозревали, что ковчег покинул «замок». В эту самую ночь они задумали одно предприятие, которое сулило им верный успех, поэтому ограничились тем, что выставили караулы, и затем все, кроме часовых, начали готовиться к ночному отдыху.

Ирокезы не забыли принять все необходимые меры, чтобы помешать побегу пленника, не причиняя ему бесполезных страданий. Хетти дали звериную шкуру и разрешили устроиться среди индейских женщин. Она постелила себе постель на груде сучьев немного поодаль от хижин и вскоре погрузилась в глубокий сон.

В лагере было всего тринадцать мужчин; трое из них одновременно стояли на часах. Один расхаживал в темноте, однако неподалеку от костра. Он должен был стеречь пленника, поддерживать огонь в костре, чтобы он не слишком разгорался, но и не угасал, и, наконец, следить за всем, что делалось в лагере. Второй часовой ходил от одного берега к другому, у самого основания мыса; третий стоял на противоположном конце мыса, чтобы оградить лагерь от новых неожиданностей, вроде тех, которые уже произошли этой ночью. Такая бдительность не в обычае у дикарей, которые больше рассчитывают на тайну своих передвижений. Но сейчас гуруны очутились совсем в особом положении. Врагам стало известно их местопребывание, а переменить его в этот час было нелегко. Кроме того,

индейцы надеялись, что события, которые должны были в это время разыгаться в верхней части озера, целиком поглотят внимание бледнолицых и их единственного краснокожего союзника. При этом Расщепленный Дуб принимал во внимание, что самый опасный враг, Зверобой, находился в их руках.

Быстрота, с какой засыпают и просыпаются люди, приученные постоянно быть настороже, принадлежит к числу наиболее загадочных особенностей нашей природы. Лишь только голова коснется подушки, сознание погасает, и, однако, в нужный час дух пробуждает тело с такой точностью, как будто все это время он стоял на страже. Так всегда бывало и с Хетти Хаттер. Как ни слабы были ее душевные способности, они все же проявили достаточно активности, чтобы заставить девушку открыть глаза ровно в полночь. Хетти проснулась и, покинув ложе из сучьев и звериных шкур, направилась прямо к костру, чтобы подбросить в него дров; верно, ночная свежесть заставила ее продрогнуть. Пламя метнулось кверху и осветило смуглое лицо стоявшего на страже гурона; его глаза засверкали, отражая огонь, как зрачки пантеры, которую преследуют в ее логове горящими сучьями. Но Хетти не почувствовала никакого страха и подошла к индейцу. Ее движения были так естественны, все в ней было так далеко от коварства или обмана, что воин вообразил, будто девушка просто встала, потревоженная ночным холодом, — случай, нередкий в лагере и менее всего способный вызвать подозрение. Хетти заговорила с индейцем, но он не понимал по-английски. Тогда она поглядела на спящего пленника и медленно и печально побрела прочь.

Девушка не думала таиться. Самая простая хитрость, безусловно, была бы ей не по силам. Зато поступь у нее была легкая и почти неслышная. Она направилась к дальней оконечности мыса, к тому месту, где Уа-та-Уа села в лодку, и часовой видел, как ее тоненькая фигурка постепенно исчезает во мраке. Однако, это его не встревожило, и он не покинул своего поста. Ирокез знал, что оба его товарища бодрствуют, и не мог предположить, что девушка, дважды по собственной воле являвшаяся в лагерь и один раз покинувшая его совершенно свободно, решила искать спасения в бегстве.

Хетти не слишком хорошо разбиралась в малознакомой местности. Однако она нашла дорогу к берегу и пошла вдоль воды, направляясь к северу. Вскоре она натолкнулась на бродившего по прибрежному песку второго часового. Это был еще совсем юный воин; услышав легкие шаги, приближавшиеся к нему по береговой гальке, он проворно подошел к девушке. Тьма стояла такая густая, что в тени деревьев невозможно было узнать человека, не прикоснувшись к нему рукой. Молодой гурон выказал явное разочарование, заметив наконец, с кем ему довелось встретиться. Говоря по правде, он поджидал свою возлюбленную, с которой надеялся скоротать скуку ночного дежурства. Внезапное появление девушки в этот час ничуть не удивило ирокеза. Одинокое прогулки в глухую полночь не редкость в индейской деревне или лагере: там каждый ест, спит и бодрствует, когда ему вздумается. Слабоумие Хетти и сейчас сослужило ей хорошую службу. Разочаровавшись в своих ожиданиях и желая отделаться от непрошеной свидетельницы, молодой воин знаком приказал девушке идти дальше вдоль берега. Хетти повиновалась. Но, уходя, она вдруг заговорила по-английски своим нежным голосом, который разносился довольно далеко в молчании ночи:

— Если ты принял меня за гуронскую девушку, воин, то я не удивлюсь, что теперь ты сердисься. Я Хетти Хаттер, дочка Томаса Хаттера, и никогда не выходила ночью на свидание к мужчине. Мать говорила, что это нехорошо, скромные молодые женщины не должны этого делать. Я хочу сказать: скромные белолицые женщины, потому что я знаю, что в других местах иные обычаи. Нет, нет, я Хетти Хаттер и не выйду на свидание даже к Гарри Непоседе, хотя бы он на коленях просил меня об этом. Мать говорила, что это нехорошо.

Рассуждая вслух таким образом, Хетти дошла до места, к которому недавно причалила пирога и где благодаря береговым извилинам и низко нависшим деревьям часовой не заметил бы ее даже среди бела дня. Но слуха влюбленного достиг уже звук чьих-то других шагов, и он отошел так далеко, что почти не слышал серебристого голоса. Однако, поглощенная своими мыслями, Хетти продолжала говорить. Ее слабый голос не мог

проникнуть в глубь леса, но над водой он разносился несколько дальше.

— Я здесь, Джудит, — сказала она. — Возле меня никого нет. Гурон, стоящий на карауле, пошел встречать свою подружку. Ты понимаешь, индейскую девушку, которой мать никогда не говорила, что нехорошо выходить ночью на свидание к мужчине.

Тихое предостерегающее восклицание, долетевшее с озера, заставило Хетти умолкнуть, а немного спустя она заметила смутные очертания пирога, которая бесшумно приближалась и вскоре зашуршала по песку своим берестяным носом. Лишь только легкое суденышко ощутило на себе тяжесть Хетти, оно немедленно отплыло кормой вперед, как бы одаренное своей собственной жизнью и волей, и вскоре очутилось в сотне ярдов от берега. Затем пирога повернулась и, описав широкую дугу с таким расчетом, чтобы с берега уже нельзя было услышать звук голосов, направилась к ковчегу. Вначале обе девушки хранили молчание, но затем Джудит, сидевшая на корме и правившая с такой ловкостью, которой мог бы позавидовать любой мужчина, произнесла слова, вертевшиеся у нее на губах с той самой минуты, когда сестры покинули берег.

— Мы здесь в безопасности, Хетти, — сказала она, — и можем разговаривать, не боясь, что нас подслушают.

Говори, однако, потише — в безветренную ночь звуки разносятся далеко над водой. Когда ты была на берегу, я подплыла совсем близко, так что слышала не только голоса воинов, но даже шуршание твоих башмаков по песку еще прежде, чем ты успела заговорить.

— Я думаю, Джудит, гуроны не знают, что я ушла от них.

— Очень возможно, Хетти. Влюбленный бывает плохим часовым, если только он не караулит свою подружку. Но скажи, видела ли ты Зверобоя? Говорила ли с ним?

— О да! Он сидел у костра, и ноги его были связаны, но руками он мог делать все, что хотел.

— Но что он сказал тебе, дитя? Говори скорее! Умираю от желания узнать, что он велел передать мне.

— Что он велел передать тебе, Джудит? Вообрази, он сказал, что не умеет читать. Подумать только! Белый человек не может прочесть даже библию! Должно быть, у него никогда не было ни матери, ни сестры.

— Теперь не время вспоминать об этом, Хетти. Не все мужчины умеют читать. Правда, мать научила нас разным вещам, но отец не много смыслит в книгах и, как ты знаешь, тоже едва умеет разбирать библию.

— О, я никогда не думала, что все отцы хорошо читают, но матери должны уметь читать. Как же они станут учить своих детей? Наверное, Джудит, у Зверобоя никогда не было матери, не то он тоже умел бы читать.

— Ты сказала ему, что это я послала тебя на берег, и объяснила ему, как страшно я огорчена его несчастьем? — спросила сестра с нетерпением.

— Кажется, сказала, Джудит. Но ведь ты знаешь, я слабоумная и легко могу все позабыть. Я сказала ему, что это ты отвезла меня на берег. И он много говорил мне разных слов, от которых вся кровь застыла у меня в жилах. Все это он велел передать своим друзьям. Я полагаю, что ты тоже ему друг, сестра.

— Как можешь ты мучить меня, Хетти! Конечно, я ему самый верный друг на земле.

— Мучить тебя? Да, да, я теперь вспоминаю. Как хорошо, что ты сказала это слово, Джудит, потому что теперь у меня в голове все опять прояснилось! Ну да, он говорил, что дикари будут мучить его, но что он постарается вынести это, как подобает белому мужчине, и что нам нечего бояться...

— Говори все, милая Хетти! — вскричала сестра, задыхаясь от волнения. — Неужели Зверобой и вправду сказал, что дикари собираются пытать его? Пожалуйста, вспомни хорошенько, Хетти, потому что это страшная и серьезная вещь.

— Да, сказал. Я вспомнила об этом, когда ты стала говорить, будто я мучаю тебя. Ах, мне ужасно жалко его! Но сам Зверобой говорил об этом очень спокойно. Зверобой не так красив, как Гарри Непоседа, но он гораздо более спокойный.

— Он стоит миллиона таких Гарри! Да, он лучше всех молодых людей, вместе взятых, которые когда-либо приходили на озеро. — сказала Джудит с энергией и твердостью, изумившими сестру. — Зверобой — правдивый человек. В нем нет ни крупицы лжи. Ты, Хетти, еще и не знаешь, какое это достоинство мужчины — говорить всегда только правду. Но если узнаешь... Впрочем, нет, надеюсь, ты этого никогда не узнаешь. Кто даст такому существу, как ты, жестокий урок недоверия и жалобы?!

Джудит закрыла в темноте лицо руками и тихонько застонала. Внезапный приступ волнения продолжался, однако, всего один миг, и она заговорила спокойней, хотя голос у нее стал низким и хриплым и потерял свою обычную и чистоту и звонкость.

— Тяжело бояться правды, Хетти, — сказала она, — и все же я боюсь правды Зверобоя больше, чем любого врага. Невозможно, хитрить, сталкиваясь с такой правдивостью, честностью, с такой непоколебимой прямоотой. И, однако, ведь мы не совсем неровня друг другу, сестра. Неужели Зверобой так уж во всех отношениях выше меня?

Джудит не привыкла говорить о себе с таким смирением и искать поддержки у Хетти. К тому же, надо заметить, что, обращаясь к ней, Джудит редко называла ее сестрой. Известно, что в американских семьях даже при совершенном равенстве отношений сестрой обычно называет младшая старшую. Незначительные отступления от общепринятых правил иногда сильнее поражают наше воображение, чем более существенные перемены. В простоте своего сердца Хетти подивилась, и на миг в ней проснулось честолюбие. Ответ ее прозвучал так же необычно, как и вопрос. Бедная девушка изо всех сил старалась говорить как можно более вразумительно.

— Выше тебя, Джудит? — повторила она с гордостью. — Да в чем же Зверобой может быть выше тебя? Он даже не умеет читать, а с нашей матерью не могла сравниться ни одна женщина в здешних местах. Я думаю, он не только не считает себя выше тебя, но даже вряд ли выше меня. Ты красива, а он урод...

— Нет, он не урод, Хетти, — перебила Джудит, — у него только очень простое лицо. Однако на этом лице такое честное выражение, которое гораздо лучше всякой красоты. Помоему, Зверобой красивей, чем Гарри Непоседа.

— Джудит Хаттер, ты пугаешь меня! Непоседа самый красивый человек в мире. Он даже красивей тебя, потому что, как ты знаешь, красота мужчины всегда более ценна, чем красота женщины.

Это невинное проявление сердечной склонности не понравилось старшей сестре.

— Теперь, Хетти, ты начинаешь говорить глупости, и давай лучше об этом не толковать. Непоседа вовсе не самый красивый человек на свете, немало найдется мужчин и получше его. И в гарнизоне форта... — на этом слове Джудит запнулась, — в нашем гарнизоне есть офицеры гораздо более красивые, чем он. Но почему ты считаешь, что я ровня Зверобою? Скажи мне об этом. Мне неприятно слушать, как ты восторгаешься Гарри Непоседой: у него нет ни чувств, ни воспитанности, ни совести. Ты слишком хороша для него, и следовало бы сказать ему это при случае.

— Я? Джудит, что с тобой? Ведь я совсем некрасивая, да к тому же и слабоумная.

— Ты добрая, Хетти, а это гораздо больше того, что можно сказать о Гарри Марче. У него смазливая физиономия и статная фигура, но у него нет сердца... Но довольно об этом. Скажи лучше, в чем я могу сравниться со Зверобоем?

— Подумать только, о чем ты спрашиваешь, Джудит! Он не умеет говорить и выражается еще хуже, чем Непоседа; Гарри ведь тоже не всегда произносит правильно слова. Ты заметила это?

— Разумеется. Он груб в своих речах, как и во всем остальном. Но, я думаю, ты льстишь мне, Хетти, думая, что я могу сравниться с таким человеком, как Зверобой. Допустим, что я лучше воспитана. В известном смысле, пожалуй, я красивей его... Но его правдивость, его правдивость — вот в чем такая ужасающая разница между нами! Ладно, не будем больше говорить об этом. Постараемся лучше придумать, каким образом вырвать его из рук гуронов. Отцовский сундук пока еще в ковчеге, и можно попробовать соблазнить их

новыми слонами. Хотя боюсь, Хетти, что за подобную безделицу нельзя выкупить на волю такого человека, как Зверобой. Кроме того, быть может, отец и Непоседа совсем не намерены так хлопотать о Зверобое, как он хлопотал о них.

— Но почему, Джудит? Непоседа и Зверобой — приятели, а приятели всегда должны помогать друг другу.

— Увы, бедная Хетти, ты плохо знаешь людей. Приятелей иногда надо остерегаться больше, чем явных врагов, а приятельниц — тем более. Но завтра я снова отвезу тебя на берег, и ты постарайся что-нибудь сделать для Зверобоя. Его не будут мучить, пока Джудит Хаттер жива и в состоянии придумать средство, чтобы помешать этому.

Беседа их стала бессвязной, но они продолжали разговаривать, пока старшая сестра не выведала у младшей все, что та успела запомнить. Когда Джудит наконец удовлетворила свое любопытство (впрочем, это не совсем подходящее слово, ибо любопытство ее казалось совершенно ненасытным и не могло быть полностью удовлетворено), когда она уже была не в силах придумать новые вопросы, пирога направилась к барже. Непроницаемая темнота ночи и черные тени, падавшие на воду от холмов и лесистого берега, очень затрудняли розыски судна. Джудит умело правила пирогой из древесной коры; она была настолько легка, что для управления ею требовалось скорее, искусство, чем сила. Закончив разговор с Хетти и решив, что пора возвращаться, она налегла на весла. Но ковчега нигде не было видно. Несколько раз сестрам мерещилось, будто он вырисовывается во мраке, словно низкая черная скала, но всякий раз оказывалось, что это был лишь обман зрения. Так в бесплодных поисках прошло полчаса, пока наконец девушки не пришли к весьма неприятному выводу, что ковчег покинул свою стоянку.

Попав в такое положение, большинство молодых женщин так испугались бы, что думали бы только о собственном спасении. Но Джудит нисколько не растерялась, а Хетти тревожил лишь вопрос о том, что побудило отца переменить стоянку.

— Но ведь не может быть, Хетти, — сказала Джудит, убедившись после многократных попыток, что ковчег найти не удастся, — ведь не может быть, чтобы индейцы приблизились к нашим на плотках или вплавь и захватили их во время сна!

— Не думаю, чтобы Уа-та-Уа и Чингачгук легли спать, не рассказав друг другу обо всем, что случилось с ними за время долгой разлуки. А как по-твоему, сестра?

— Быть может, и нет, дитя. У них много поводов, чтобы не уснуть. Но делавара могли застать врасплох в не во время сна, особенно когда его мысли заняты совсем другим. Однако мы должны были бы услышать шум: крики и ругань Гарри Непоседы разбудили бы эхо на восточных холмах, словно удар грома.

— Непоседа часто грешит, произнося нехорошие слова, — смиренно и печально призналась Хетти.

— Нет, нет, нельзя было захватить ковчег без всякого шума! Я отъехала меньше часа назад и все время внимательно прислушивалась. И, однако, трудно поверить, чтобы отец мог бросить собственных детей.

— Быть может, он думал, что мы спим у себя в каюте, Джудит, и решил подплыть ближе к замку. Ведь ты знаешь — ковчег часто передвигается по ночам.

— Это правда, Хетти, должно быть, так оно и было. Южный ветерок немного усилился, и они, вероятно, отплыли вверх по озеру...

Тут Джудит запнулась, ибо едва она произнесла последнее слово, как вся окрестность внезапно озарилась ослепительной вспышкой. Затем прогремел ружейный выстрел, и горное эхо на восточном берегу повторило этот звук. Миг спустя пронзительный женский вопль прозвучал в воздухе. Грозная тишина, наступившая вслед за тем, показалась еще более зловещей. Несмотря на всю свою решительность, Джудит не смела перевести дух, а бледная Хетти закрыла лицо руками и дрожала всем телом.

— Это кричала женщина, Хетти, — сказала Джудит очень серьезно, — кричала от боли. Если ковчег снялся с якоря, то при таком ветре он мог отплыть только к северу, а выстрел и крик донеслись со стороны мыса. Неужели что-нибудь худое случилось с Уа-та-

Уа?

— Поплывем туда и посмотрим, в чем дело, Джудит. Быть может, она нуждается в нашей помощи. Ведь, кроме нее, на ковчеге только мужчины.

Медлить было нельзя, и Джудит сейчас же опустила весло в воду. По прямой линии до мыса было недалеко, а волнение, охватившее девушек, не позволяло им тратить драгоценные минуты на бесполезные предосторожности. Они гребли, не считаясь с опасностью, но индейцы не заметили их приближения. Вдруг сноп света, брызнувший из прогалин между кустами, ударил прямо в глаза Джудит. Ориентируясь на него, девушка подвела пирогу настолько близко к берегу, насколько это допускало благоразумие.

Взорам сестер открылось неожиданное лесное зрелище. На склоне холма собрались все обитатели лагеря. Человек шесть или семь держали в руках смолистые сосновые факелы, бросавшие мрачный свет на все происходившее под сводами леса. Прислонившись спиной к дереву, сидела молодая женщина. Ее поддерживал тот самый часовой, чья оплошность позволила Хетти убежать. Молодая ирокезка умирала, по ее голой груди струилась кровь. Острый специфический запах пороха еще чувствовался в сыром и душном ночном воздухе. Джудит с первого взгляда все разгадала. Ружейная вспышка мелькнула над водой невдалеке от мыса: стрелять могли либо с пироги, либо с ковчега, проплывавшего мимо. Должно быть, внимание стрелка привлекли неосторожные восклицания и смех, ибо вряд ли он мог видеть что-нибудь в темноте.

Вскоре голова жертвы поникла и подкошенное смертью тело склонилось на сторону. Затем погасли все факелы, кроме одного. Мертвое тело понесли в лагерь, и печальный кортеж, сопровождавший его, можно было разглядеть лишь при тусклом мерцании единственного светильника.

Джудит вздрогнула и тяжело вздохнула, снова погрузив весло в воду. Пирога бесшумно обогнула оконечность мыса. Сцена, которая только что поразила чувства девушки и теперь преследовала ее воображение, казалась ей еще страшнее, даже чем агония и смерть несчастной ирокезки. При ярком свете факелов Джудит увидела статную фигуру Зверобоя, стоявшего возле умирающей с выражением сострадания и как бы некоторого стыда на лице. Впрочем, он не выказывал ни страха, ни растерянности, но по взглядам, устремленным на него со всех сторон, легко было догадаться, какие свирепые страхи бушевали в сердцах краснокожих. Казалось, пленник не замечал этих взглядов, но в памяти Джудит они запечатлелись неизгладимо.

Возле мыса девушки никого не встретили. Молчание и тьма, такие глубокие, как будто лесная тишина никогда не нарушалась и солнце никогда не светило над этой местностью, царили теперь над мысом, над сумрачными водами и даже на хмуром небе. Итак, ничего не оставалось делать; надо было думать только о собственной безопасности, а безопасность можно было найти только на самой середине озера. Отплыв туда на веслах, Джудит позволила пироге медленно дрейфовать по направлению к северу, и, поскольку это было возможно в их положении и в их состоянии духа, сестры предались отдыху.

Глава 19

*Проклятье!
С оружием встать у входа! Все погибло,
Коль страшный звон не смолкнет. Офицер
Напугал что-то или вдруг наткнулся
На гнусную засаду. Эй, Ансельмо,
Бери твой взвод и — напрямик на башню.
Всем остальным со мною быть.
Байрон, «Марино Фальери»*

Предположение Джудит о том, при каких обстоятельствах закончила свой жизненный путь индейская девушка, оказалось совершенно правильным. Проспав несколько часов подряд, старик Хаттер и Марч проснулись. Случилось это всего через несколько минут после того, как девушка снова покинула ковчег и отправилась на поиски младшей сестры. Чингачгук и его невеста находились в это время уже на борту. От делаваара старик узнал о новом местоположении индейского лагеря, обо всех происшедших недавно событиях и об исчезновении своих дочерей. Но он ничуть не встревожился: старшая дочь была рассудительна, а младшая уже однажды побывала у дикарей, и они не причинили ей вреда. Да и долгая привычка ко всякого рода опасностям успела притупить его чувства. Как видно, старика не очень огорчало, что Зверобой попал в плен. Ибо, хотя он отлично понимал, какую помощь оказал бы ему молодой охотник, если бы пришлось обороняться от индейцев, различие во взглядах не могло вызвать между обоими мужчинами особенной симпатии. Он бы очень обрадовался, узнав раньше о местонахождении лагеря, но теперь гуронов встревожил побег Уа-та-Уа и высадка на берег была связана со слишком большим риском. Волей-неволей пришлось Тому Хаттеру отказаться на эту ночь от жестоких замыслов, внушенных пребыванием в плену и корыстолюбием. В таком настроении он уселся на носу баржи. Вскоре к нему подошел Непоседа, предоставив всю корму в полное распоряжение Змея и Уа-та-Уа.

— Зверобой поступил как мальчишка, отправившись к дикарям в такой час и угодив к ним в лапы, точно лань, провалившаяся в яму, — проворчал старик, который, как водится, замечал соринку в глазу ближнего, тогда как у себя в глазу не видел даже бревна. — Если за эту глупость ему придется расплатиться собственной шкурой, пусть пеняет на себя.

— Так уж повелось на свете, старый Том, — откликнулся Непоседа. — Каждый должен выплачивать долги и отвечать за свои грехи. Удивительно только, как такой хитрый и ловкий парень мог попасть в ловушку. Неужели у него не нашлось лучшего занятия, чем бродить в полночь вокруг индейского лагеря, не имея других путей к отступлению, кроме озера? Или он вообразил себя оленем, который, прыгнув в воду, может сбить со следа и спокойно уплыть от опасности? Признаюсь, я был лучшего мнения о сметливости этого малого. Что ж, придется простить маленькую ошибку новичку. Скажи лучше, мастер Хаттер, не знаешь ли ты случайно, куда девались девчонки? Ни Джудит, ни Хетти не подают признаков жизни, хотя я только что обошел ковчег и заглянул во все щели.

Хаттер, сославшись на делаваара, коротко рассказал, как его дочери уплыли в пироге, как вернулась Джудит, высадив сестру на берегу, и как в скором времени отправилась за ней обратно.

— Вот что значит хорошо подвешенный язык, Плавающий Том! — воскликнул Непоседа, скрежеща зубами от досады. — Вот что значит хорошо подвешенный язык, и вот до чего доходят глупые девичьи причуды! Мы с тобой тоже были в плену (теперь Непоседа соблаговолил вспомнить об этом), мы тоже были в плену, и, однако, Джудит и пальцем не шевельнула, чтобы помочь нам. Этот заморыш Зверобой просто околдовал ее. Теперь и он, и она, и ты, и все вы должны держать ухо востро. Я не такой человек, чтобы снести обиду, и заранее говорю тебе: держи ухо востро!.. Распускай парус, старик, — подплывем немножко ближе к косе и посмотрим, что там делается.

Хаттер не возражал и, стараясь не шуметь, снялся с якоря. Ветер дул к северу, и скоро во мраке начали смутно вырисовываться очертания деревьев, покрывавших мыс. Плавающий Том, стоя у руля, подвел судно настолько близко к берегу, насколько это позволяли глубина воды и свисающие над ней деревья. В тени, падавшей от берега, трудно было что-нибудь различить. Но молодой ирокез, стоявший на часах, успел заметить верхние части паруса и каюты. Пораженный этим, он невольно издал тихое восклицание. С той дикой необузданностью, которая являлась самой сущностью его характера, Непоседа поднял ружье и выстрелил.

Слепая случайность направила пулю прямо в девушку. Затем произошла только что описанная сцена с факелами...

В ту минуту, когда Непоседа совершил этот акт безрассудной жестокости, пирога Джудит находилась в какой-нибудь сотне футов от места, откуда только что отплыл ковчег. Мы уже описали ее дальнейшее странствие и теперь должны последовать за ее отцом и его спутниками. Крик — оповестил их о том, что шальная пуля Гарри Марча попала в цель и что жертвой ее оказалась женщина. Сам Непоседа был озадачен столь непредвиденными последствиями, и какое-то время противоречивые чувства боролись в его груди. Сперва он расхохотался весело и неудержимо. Затем совесть — этот сторож, поставленный в душе каждого провидением, — больно ударила его по сердцу. На мгновение душа этого человека, в котором сочетались цивилизованность и варварство, превратилась в настоящий хаос, и он сам не знал, что думать о том, что случилось. Потом гордость и упрямство снова приобрели над ним обычную власть. Он вызывающе стукнул прикладом ружья по палубе баржи и с напускным равнодушием стал насвистывать песенку. Ковчег тем временем продолжал плыть и уже достиг горла залива возле оконечности мыса.

Спутники Непоседы отнеслись к его поступку далеко не так снисходительно, как он, видимо, рассчитывал. Хаттер начал сердито ворчать, потому что этот бесполезный выстрел должен был сообщить борьбе еще большую непримиримость. Старик, впрочем, сдержался, потому что без Зверобоя помощь Непоседы стала вдвое ценнее. Чингачгук вскочил на ноги, забыв на минуту о старинной вражде своего племени к гурунам. Однако он вовремя опомнился. Но не так было с Уа-та-Уа. Выбежав из каюты, девушка очутилась возле Непоседы почти в то самое мгновение, когда его ружье опустилось на палубу. С великодушной горячностью женщины, с бесстрашием, делавшим честь ее сердцу, делаварка осыпала великана упреками.

— Зачем ты стрелял? — говорила она. — Что сделала тебе гуронская девушка? Зачем ты убил ее? Как ты думаешь, что скажет Маниту? Что скажут ирокезы? Ты не приобрел славы, не овладел лагерем, не взял пленных, не выиграл битвы, не добыл скальпы! Ты ровно ничего не добился. Кровь вызывает кровь. Что бы ты чувствовал, если бы убили твою жену? Кто пожалеет тебя, когда ты станешь плакать о матери или сестре? Ты большой, как сосна, гуронская девушка — маленькая, тонкая березка. Для чего ты обрушился на нее всей тяжестью и сломил ее? Ты думаешь, гуруны забудут это? Нет! Нет! Краснокожие никогда не забывают. Никогда не забывают друга, никогда не забывают врага. Почему ты так жесток, бледнолицый?

За всю свою жизнь Непоседа впервые был так ошарашен; он никак не ожидал такого стремительного и пылкого нападения делаварской девушки. Правда, у нее был союзник — его собственная совесть. Девушка говорила очень серьезно, с таким глубоким чувством, что он не мог рассердиться. Мягкость ее голоса, в котором звучала и правдивость и душевная чистота, усугубляла тяжесть упреков. Подобно большинству людей с грубой душой, Непоседа до сих пор смотрел на индейцев лишь с самой невыгодной для них стороны. Ему никогда не приходило в голову, что искренняя сердечность является достоянием всего человечества, что самые высокие принципы — правда, видоизмененные обычаями и предрассудками, но по-своему не менее возвышенные — могут руководить поведением людей, которые ведут дикий образ жизни, что воин, свирепый на поле брани, способен поддаваться самым мягким и нежным влияниям в минуты мирного отдыха. Словом, он привык смотреть на индейцев, как на существа, стоящие лишь одной ступенькой выше диких лесных зверей, и готов был соответственным образом поступать с ними каждый раз, когда соображения выгоды или внезапный каприз подсказывали ему это. Впрочем, красивый варвар хотя и был пристыжен упреками, которые он выслушал, но ничем не обнаружил своего раскаяния. Вместо того чтобы ответить на простой и естественный порыв Уа-та-Уа, он отошел в сторону, как человек считающий ниже своего достоинства спорить с женщиной.

Между тем ковчег подвигался вперед, и, в то время как под деревьями разыгрывалась печальная сцена с факелами, он уже вышел на открытый плес. Плавающий Том продолжал вести судно прочь от берега, боясь неминуемого возмездия. Целый час прошел в мрачном молчании. Уа-та-Уа вернулась к своему тюфяку, а Чингачгук лег спать в передней части

баржи. Только Хаттер и Непоседа бодрствовали. Первый стоял у руля, а второй размышлял о случившемся со злобным упрямством человека, не привыкшего каяться. Но неугомонный червь точил его сердце. В это время Джудит и Хетти достигли уже середины озера и расположились на ночлег в дрейфующей пироге.

Ночь была тихая, хотя облака затянули небо. Сезон бурь еще не наступил. Внезапные шквалы, налетающие в июне на североамериканские озера, бывают порой довольно сильны, но бушуют недолго. В эту ночь над вершинами деревьев и над зеркальной поверхностью озера чувствовалось лишь движение сырого, насыщенного мглистым туманом воздуха.

Эти воздушные течения зависели от формы прибрежных холмов, что делало неустойчивыми даже свежие бризы и низводило легкие порывы ночного воздуха до степени капризных и переменчивых вздохов леса.

Ковчег несколько раз сбивался с курса, поворачивая то на восток, то даже на юг. Но в конце концов судно поплыло на север. Хаттер не обращал внимания на неожиданные перемены ветра. Чтобы расстроить коварные замыслы врага, это большого значения не имело. Хаттеру важно было лишь, чтобы судно все время находилось в движении, не останавливаясь ни на минуту. Старик с беспокойством думал о своих дочерях и, быть может, еще больше о пироге. Но, в общем, неизвестность не очень страшила его, ибо, как мы уже говорили, он твердо рассчитывал на благоразумие Джудит.

То было время самых коротких ночей, и вскоре глубокая тьма начала уступать место первым проблескам рассвета. Если бы созерцание красоты природы могло смирять человеческие страсти и укрощать человеческую свирепость, то для этой цели как нельзя лучше подходил пейзаж, который начал вырисовываться перед глазами Хаттера и Непоседы, по мере того как ночь сменялась утром. Как всегда, на небе, с которого уже исчез угрюмый мрак, появились нежные краски. Однако оно еще не успело озариться ослепительным блистанием солнца, и все предметы казались призрачными. Прелесть и упоительное спокойствие вечерних сумерек прославлены тысячами поэтов. И все же наступающий вечер не пробуждает в душе таких кротких и возвышенных мыслей, как минуты, предшествующие восходу летнего солнца. Вечерняя панорама постепенно исчезает из виду, тогда как на утренней заре показываются сначала тусклые, расплывчатые очертания предметов, которые становятся все более и более отчетливыми, по мере того как светлеет. Мы видим их в волшебном блеске усиливающегося, а не убывающего света. Птицы перестают петь свои гимны, отлетая в гнезда на ночлег, но еще задолго до восхода солнца они начинают звонкоголосо приветствовать наступление дня, «пробуждая радость жизни среди долин и вод».

Однако Хаттер и Непоседа глядели на это зрелище, не испытывая того умиления, которое доступно лишь людям, чьи намерения благородны, а мысли безгрешны. А ведь они не просто встречали рассвет, они встречали его в условиях, которые, казалось, должны были сообщить десятикратную силу его чарам. Только один предмет, созданный человеческими руками, которые так часто портят самые прекрасные ландшафты, высился перед ними, и это был «замок». Все остальное сохраняло тот облик, который дала ему природа. И даже своеобразное жилище Хаттера, выступая из мрака, казалось причудливым, изящным и живописным. Но зрители этого не замечали. Им были недоступны поэтические волнения, и в своем закоренелом эгоизме они давно потеряли всякую способность умиляться, так что даже на природу смотрели лишь с точки зрения своих наиболее низменных желаний.

Когда рассвело настолько, что можно было совершенно ясно видеть все, происходившее на озере и на берегах, Хаттер направил нос ковчега прямо к «замку», намереваясь обосноваться в нем на целый день. Там он скорее всего мог встретиться со своими дочерьми, и, кроме того, в «замке» легче было обороняться от индейцев.

Чингачгук уже проснулся, и слышно было, как Уа-та-Уа гремит на кухне посудой. До «замка» оставалось не более мили, а ветер дул попутный, так что они могли достигнуть цели, пользуясь только парусом. В эту минуту в широкой части озера показалась пирога Джудит, обогнавшая в темноте баржу. Хаттер взял подзорную трубу и с тревогой глядел в нее, желая

убедиться, что обе его дочери находятся на легком суденышке. Тихое восклицание радости вырвалось у него, когда он заметил над бортом пироги клочок платья Джудит. Через несколько секунд девушка поднялась во весь рост и стала оглядываться по сторонам, видимо желая разобраться в обстановке. Немного спустя показалась и Хетти.

Хаттер отложил в сторону трубу, все еще наведенную на фокус. Тогда Змей поднес ее к своему глазу и тоже направил на пирогу. Он впервые держал в руках такой инструмент, и по восклицаниям «У-у-ух!», по выражению лица и по всей повадке делавара Уа-та-Уа поняла, что эта диковинка привела его в восхищение. Известно, что североамериканские индейцы, в особенности те из них, которые одарены от природы гордым нравом или занимают у себя в племени высокое положение, отличаются поразительной выдержкой и притворяются равнодушными при виде потока чудес, обступающих их каждый раз, когда они посещают селения белых. Чингачгук был достаточно хорошо вышколен, чтобы не обнаружить своих чувств каким-нибудь неподобающим образом. Но для Уа-та-Уа этот закон не имел обязательной силы. Когда жених объяснил ей, что надо навести трубу на одну линию с пирогой и приложить глаз к тому концу, который уже, девушка отшатнулась в испуге. Потом она захлопала в ладоши, и из груди ее вырвался смех, обычный спутник бесхитростного восторга. Через несколько минут она уже научилась обращаться с инструментом и стала направлять его поочередно на каждый предмет, привлекавший ее внимание. Устроившись у одного из окон, Уа-та-Уа и делавар сперва рассмотрели все озеро, потом берега и холмы и, наконец, «замок». Вглядевшись в него внимательнее, девушка опустила трубу и тихим, но чрезвычайно серьезным голосом сказала что-то своему возлюбленному. Чингачгук немедленно поднес трубу к глазам и смотрел в нее еще дольше и пристальнее. Они снова начали о чем-то таинственно перешептываться, видимо, делясь своими впечатлениями. Затем молодой воин отложил трубу в сторону, вышел из каюты и направился к Хаттеру и Непоседе. Ковчег медленно, но безостановочно подвигался вперед, и до «замка» оставалось не больше полумили, когда Чингачгук приблизился к двум бледнолицым, которые стояли на корме. Движения его были спокойны, но люди, хорошо знавшие привычки индейцев, не могли не заметить, что он хочет сообщить нечто важное. Непоседа был скор на язык и заговорил первый.

— В чем дело, краснокожий? — закричал он со своей обычной грубоватой развязностью. — Ты заметил белку на дереве или форель под кормой нашей баржи? Теперь, Змей, ты знаешь, какие глаза у бледнолицых, и больше не станешь удивляться, что они издали высматривают землицу краснокожих.

— Не надо плыть к замку, — выразительно сказал Чингачгук, лишь только собеседник дал ему возможность вставить слово. — Там гуруны.

— Ах ты, черт! Если это правда, Плавающий Том, то мы чуть было не сунули головы в хорошую западню... Там гуруны? Что ж, это возможно. Но я во все глаза гляжу на старую хижину и не вижу ничего, кроме бревен, воды, древесной коры да еще двух или трех окон и двери в придачу.

Хаттер попросил, чтобы ему дали трубу, и внимательно осмотрел «замок», прежде чем решился высказать свое мнение. Затем он довольно небрежно объявил, что не согласен с индейцем.

— Должно быть, ты глядел в трубу не с того конца, делавар, — подхватил Непоседа, — потому что мы со стариком не замечаем на озере ничего подозрительного.

— На воде не остается следов! — бойко возразила Уа-та-Уа. — Остановите лодку, туда нельзя, там гуруны.

— Ага, сговорились повторять одну и ту же сказку и думают, что люди поверят им. Надеюсь, Змей, что и после свадьбы ты и твоя девчонка будете петь в один голос, так же как и теперь. Там гуруны, говоришь ты? Что об этом говорит: запоры, цепи или бревна? Во всей Колонии нет ни одной кутузки с такими надежными замками, а у меня по тюремной части есть некоторый опыт.

— Разве не видишь мокасина? — нетерпеливо спросила Уа-та-Уа. — Посмотри и

увидишь...

— Дай-ка сюда трубу, Гарри, — перебил ее Хаттер, — и спусти парус. Индейская женщина редко вмешивается в мужские дела, и уж коли вмешается, то не зря. Так и есть: возле одной из свай плавает мокасин. Может быть, действительно без нас в замке побывали гости. Впрочем, мокасины здесь не в новинку — я сам ношу их, Зверобой носит, и ты, Марч, носишь. Даже Хетти часто надевает их вместо ботинок. Вот только на Джудит я никогда не видел мокасинов.

Непоседа спустил парус. Ковчег находился в это время ярдах в двухстах от «замка» и продолжал по инерции двигаться вперед, но так медленно, что это не могло возбудить никаких опасений. Теперь все поочередно брались за подозрную трубу, тщательно осматривая «замок» и все вокруг него. Мокасин, тихонько качавшийся на воде, еще сохранял свою первоначальную форму и, должно быть, почти не промок внутри. Он зацепился за кусок коры, отставшей от одной из свай у края подводного палисада, и это помешало ему уплыть дальше по течению. Мокасин мог попасть сюда разными путями. Неверно было бы думать, что его непременно обронил враг. Мокасин мог свалиться с платформы, когда Хаттер был еще в «замке», а затем незаметно приплыть на то место, где его впервые заметили острые глаза Уа-та-Уа. Он мог приплыть из верхней или нижней части озера и случайно зацепиться за палисад. Он мог выпасть из окошка. Наконец, он мог свалиться прошлой ночью с ноги разведчика, которому пришлось оставить его в озере, потому что кругом была непроглядная тьма.

Хаттер и Непоседа высказывали по этому поводу всевозможные предположения. Старик считал, что появление мокасина — плохой признак; Гарри же относился к этому со своим обычным легкомыслием. Что касается индейца, то он полагал, что мокасин этот — все равно что человеческий след, обнаруженный в лесу, то есть нечто само по себе угрожающее. Наконец, чтобы разрешить все недоумения, Уа-та-Уа вызвалась подплыть в пироге к палисаду и выловить мокасин из воды. Тогда по украшениям легко будет определить, не канадского ли он происхождения. Оба бледнолицых приняли это предложение, но тут вмешался делавар. Если необходимо произвести разведку, заявил он, то пусть лучше опасности подвергнется воин. И тем спокойным, но не допускающим возражения тоном, каким индейские мужья отдают приказания своим женам, он запретил невесте сесть в пирогу.

— Хорошо, делавар, тогда ступай сам, если жалеешь свою скво, — сказал бесцеремонный Непоседа. — Надо подобрать этот мокасин, или Плавучему Тому придется торчать здесь до тех пор, пока не остынет печка в его хижине. В конце концов, это всего лишь кусок оленьей шкуры, и, как бы он ни был скроен, он не может напугать настоящих охотников, преследующих дичь. Ну что ж, Змей, кому лезть в пирогу: мне или тебе?

— Пусти краснокожего. Его глаза острее, чем у бледнолицего, и лучше видят все хитрости гурунов.

— Ну нет, брат, с этим я буду спорить до последнего дыхания! Глаза белого человека, и нос белого человека, и уши белого человека гораздо лучше, чем у индейца, если только у этого человека достаточно опыта. Много раз я проверял это на деле, и всегда оказывалось, что я прав. Впрочем, по-моему, даже самый жалкий бродяга, будь он делавар или гурун, способен отыскать дорогу к хижине и вернуться обратно. А потому, Змей, берись за весло, и желаю тебе удачи.

Лишь только смолк бойский язык Непоседы, Чингачгук сел в пирогу и опустил весло в воду. Уа-та-Уа, как и подобает индейской девушке, глядела на отъезжающего воина с молчаливой покорностью, но это не мешало ей испытывать опасения, свойственные ее полу. В продолжение всей минувшей ночи, вплоть до момента, когда они заинтересовались подозрной трубой, Чингачгук обращался со своей невестой с такой мужественной нежностью, что она сделала бы честь даже человеку с уточненными чувствами. Но теперь перед непоколебимой решимостью воина отступили малейшие признаки слабости. Хотя Уа-та-Уа застенчиво старались заглянуть ему в глаза, когда пирога отделилась от борта ковчега,

гордость не позволила воину ответить на этот тревожный любящий взгляд.

Делавар имел все основания быть серьезно озабоченным: Если враги действительно завладели «замком», то ему придется плыть под дулами их ружей и без всяких прикрытий, играющих такую большую роль в индейской военной тактике. Короче говоря, предприятие было чрезвычайно опасное, и если бы здесь находился его друг Зверобой или же сам Змей имел за плечами десятилетний военный опыт, он ни за что бы не отважился на такую рискованную попытку. Но гордость индейского вождя была возбуждена соперничеством с белыми. Индейское понятие о мужском достоинстве помешало делавару бросить прощальный взгляд на Уа-та-Уа, однако ее присутствие, по всей вероятности, в значительной мере повлияло на его решение.

Чингачгук смело греб прямо к «замку», не спуская глаз с многочисленных бойниц, проделанных в стенах здания. Каждую секунду он ждал, что увидит высунувшееся наружу ружейное дуло или услышит сухой треск выстрела. Но ему удалось благополучно добраться до свай. Там он очутился в некоторой степени под прикрытием, так как верхняя часть палисада отделяла его от комнат, и возможность нападения значительно уменьшилась. Нос пироги был обращен к северу, мокасин плавал невдалеке. Вместо того чтобы сразу же подобрать его, делавар медленно проплыл вокруг всей постройки, внимательно осматривая каждую вещь, которая могла бы свидетельствовать о присутствии неприятеля или о вторжении, совершившемся ночью. Однако он не заметил ничего подозрительного. Глубокая тишина царила в доме.

Ни единый запор не был сдвинут со своего места, ни единое окошко не было разбито. Дверь, по-видимому, находилась в том же положении, в каком ее оставил Хаттер, и даже на воротах дока по-прежнему висели все замки. Одним словом, самый бдительный глаз не обнаружил бы здесь следов вражеского вала, если не считать плавающего мокасина.

Делавар испытывал некоторое недоумение, не зная, что делать дальше. Проплывая перед фасадом «замка», он уже готов был шагнуть на платформу, припасть глазом к одной из бойниц и посмотреть, что творится внутри. Однако он колебался. У делаvara не было еще опыта в такого рода делах, но он знал так много историй об индейских военных хитростях и с таким страстным интересом слушал рассказы о проделках старых воинов, что не мог совершить теперь грубую ошибку, подобно тому как хорошо подготовленный студент, правильно начав решать математическую задачу, не может запутаться при ее окончательном решении. Раздумав выходить из пироги, вождь медленно плыл вокруг палисада. Приблизившись к мокасину с другой стороны, он — ловким, почти незаметным движением весла перебросил в пирогу этот зловещий предмет. Теперь он мог вернуться, но обратный путь казался еще более опасным: его взгляд уже не был прикован к бойницам. Если в «замке» действительно кто-нибудь находится, он не может не понять, зачем туда приезжал Чингачгук. Поэтому обратно надо было плыть совершенно спокойно и уверенно, как будто осмотр «замка» рассеял последние подозрения индейца. Итак, делавар начал спокойно грести, направляясь прямо к ковчегу и подавляя желание бросить назад беглый взгляд или ускорить движение весла.

Ни одна любящая жена, воспитанная в самой утонченной и цивилизованной среде, не встречала мужа, возвращавшегося с поля битвы, с таким волнением, с каким Уа-та-Уа глядела, как Великий Змей делаваров невредимым подплывает к ковчегу. Она сдерживала свои чувства, хотя радость, сверкавшая в ее черных глазах, и улыбка на красивых губах говорили языком, хорошо понятным влюбленному.

— Ну что же, Змей? — крикнул Непоседа. — Какие новости о водяных крысах? Оскалили они зубы, когда ты плыл вокруг их логова?

— Мне там не нравится, — многозначительно ответил делавар. — Слишком тихо, так тихо, что можно видеть тишину.

— Ну, знаешь ли, это совсем по-индейски! Как будто что-нибудь бывает тише полной пустоты! Если у тебя нет лучших доводов, старому Тому остается только поднять парус и позавтракать под своей кровлей. Что же случилось с мокасином?

— Здесь, — ответил Чингачгук, протягивая для всеобщего обозрения свою добычу.

Осмотрев мокасин, Уа-та-Уа с уверенностью заявила, что он шит гуроном, потому что на носке совсем особым образом расположены иглы дикобраза. Хаттер и делавар согласились с ней. Однако отсюда еще не следовало, что владелец мокасина находится в доме. Мокасин мог приплыть издалека или свалиться с ноги разведчика, который покинул «замок», выполнив свое поручение. Короче говоря, находка ничего не объясняла, хотя и внушала сильные подозрения.

Однако всего этого было недостаточно, чтобы заставить Хаттера и Непоседу отказаться от своих намерений. Они подняли парус, и ковчег начал приближаться к «замку». Ветер дул по-прежнему очень слабо, и судно двигалось так медленно, что можно было самым внимательным образом осмотреть постройку снаружи. Кругом царила все такая же гробовая тишина, и трудно было себе представить, что в доме или поблизости от него скрывается какое-нибудь живое существо.

В отличие от Змея, чье воображение было так возбуждено индейскими рассказами, что он готов был видеть нечто искусственное в естественной тишине, оба бледнолицых не замечали ничего угрожающего в спокойствии, свойственном неодушевленным предметам. К тому же весь окрестный пейзаж настраивал на мирный, успокоительный лад. День едва занялся, и солнце еще не взошло над горизонтом, но небо, воздух, леса и озеро были уже залиты тем мягким светом, который предшествует появлению великого светила. В такие минуты все видно совершенно отчетливо, воздух приобретает хрустальную прозрачность, и, хотя краски кажутся блеклыми и смягченными, а очертания предметов еще сливаются, вся перспектива открывается глазу как нерушимая моральная истина — без всяких украшений и без ложного блеска. Короче говоря, все чувства обретают свою первоначальную ясность и безошибочность, подобно уму, переходящему от мрака сомнений к спокойствию и к миру бесспорной очевидности. Однако впечатление, которое такой пейзаж обычно производит на людей, одаренных нормальным нравственным чувством, как бы не существовало для Хаттера и Непоседы. Зато делавар и его невеста, хоть и привыкли к обаянию пробуждающегося утра, не оставались безучастными к красоте этого часа. Молодой воин ощутил в душе жажду мира; никогда за всю свою жизнь не помышлял он так мало о воинской славе, как в то мгновение, когда удалился вместе с Уа-та-Уа в каюту, а баржа уже терлась бортом о края платформы. От этих мечтаний его пробудил грубый голос Непоседы, отдавшего приказание причалить.

Чингачгук повиновался. Вовремя — как он переходил на нос баржи, Непоседа уже стоял на платформе и притопывал ногами, с удовольствием чувствуя под собой неподвижный пол. Со свойственной ему шумной и бесцеремонной манерой он выражал таким образом свое полное презрение ко всему племени гуронов. Хаттер подтянул пирогу к носу баржи и собирался снять запоры с ворот, чтобы пробраться внутрь дома. Марч, который вышел на платформу только ради бессмысленной бравады, толкнул ногой дверь, чтобы испытать ее прочность, а затем присоединился к Хаттеру и стал помогать ему открывать ворота. Читатель должен вспомнить, что иным способом попасть в дом было невозможно; должен также он вспомнить, и каким образом хозяин загораживал вход в свое жилище, когда оставлял его пустым, и особенно в тех случаях, когда грозила опасность.

Спустившись в пирогу, Хаттер сунул конец веревки в руки делавару, велел пришвартовать ковчег к платформе и спустить парус. Однако, вместо того чтобы подчиниться этим распоряжениям, Чингачгук оставил парус полоскаться на мачте и, набросив веревочную петлю на верхушку одной из свай, позволил судно свободно дрейфовать, пока не привел его в такое положение, что к нему можно было подобраться только на лодке или по вершине палисада. Такого рода маневр требовал немалой ловкости, и, во всяком случае, вряд ли его удалось бы проделать перед лицом отважного врага. Прежде чем Хаттер успел раскрыть ворота дока, ковчег и «замок» очутились на расстоянии десяти-двенадцати футов друг от друга; их разделял частокол из ветвей.

Баржа плотно прижалась к нему, и он образовал нечто вроде бруствера высотой почти в

рост человека, прикрывая те части судна, которые не были защищены каютой.

Делавар был очень доволен этим неожиданно выросшим перед ним оборонительным сооружением. Когда Хаттер ввел наконец свою пирогу в ворота дока, молодому воину пришло в голову, что, если бы ему помогал Зверобой, они сумели бы защитить такую позицию от атак самого сильного гарнизона, засевшего в «замке». Даже теперь он чувствовал себя в сравнительной безопасности и уже не испытывал прежней мучительной тревоги за судьбу Уа-та-Уа.

Однако удара веслом было достаточно, чтобы провести пирогу от ворот до трапа, находившегося под домом. Здесь Хаттер застал все в полной исправности: ни висячий замок, ни цепь, ни засовы не были повреждены. Старик достал ключ, отомкнул замок, убрал цепь и опустил трап. Непоседа просунул голову в люк и, ухватившись руками за его край, влез в комнату. Несколько секунд спустя в коридоре, разделявшем комнаты отца и дочерей, послышались его богатырские шаги. Потом раздался победный крик.

— Ступай сюда, старый Том! — весело орал необузданный лесной житель. — Все твои владения в порядке и пусты, как орех, который провел полчаса в зубах у белки. Делавар хвастает, будто он способен видеть тишину. Пошли его сюда, он сможет даже пощупать ее.

— Тишину в том месте, где ты находишься, Гарри Марч, — возразил Хаттер, просовывая голову в люк, и его голос начал звучать глухо и неразборчиво для тех, кто оставался снаружи, — тишину в том месте, где ты находишься, можно и видеть и щупать; она не похожа ни на какую другую тишину.

— Ладно, ладно, старина, полезай сюда, и давай-ка откроем окна и двери, чтобы впустить немножко свежего воздуха. В трудные времена люди быстро становятся друзьями, однако твоя дочка Джудит совсем отбилась от рук, и моя привязанность к твоему семейству здорово ослабела после ее вчерашних выходок. Если так будет продолжаться, то не успеешь ты прочитать и десяти заповедей, как я удеру на реку, предоставив тебе вместе с ковчегом твоим, и с капканами твоими, и с детьми твоими, с рабами и рабынями твоими, с волами твоими и ослами твоими обороняться от ирокезов как знаешь. Открой окошко, Плавающий Том, я ощупью проберусь вперед и отопру входную дверь.

Наступило минутное молчание, и затем раздался глухой шум, как будто от падения тяжелого тела. Громкое проклятие вырвалось у Непоседы, после чего внутри дома вдруг словно все ожило. В характере этого шума, который так внезапно и — прибавим мы — так неожиданно даже для делавара нарушил недавнюю тишину, невозможно было ошибиться. Он напоминал битву тигров в клетке. Раз два прозвучал индейский боевой клич, но тотчас же стих, как будто глотки, выпускавшие его, ослабели или кто-то сдавил их. Затем снова послышалась грубая ругань Непоседы. Казалось, чьи-то тела с размаху валились на пол, затем тотчас же поднимались, и борьба продолжалась снова. Чингачгук не знал, что делать. Все оружие осталось в ковчеге. Хаттер и Непоседа вошли в дом, не захватив с собой ружей. Не было никакой возможности передать их им в руки. Сражавшиеся в буквальном смысле этого слова очутились в клетке; было одинаково немыслимо как проникнуть в дом, так и выбраться оттуда. Кроме того, в ковчеге находилась Уа-та-Уа, и это парализовало решимость индейца. Чтобы избавиться, по крайней мере, от этой заботы, молодой вождь приказал девушке сесть в пирогу и присоединиться к дочерям Хаттера, которые, ничего не подозревая, быстро приближались к «замку». Но девушка наотрез отказалась подчиниться. В ту минуту никакая земная сила, кроме грубого физического воздействия, не заставила бы ее покинуть ковчег. Нельзя было терять время попусту, и делавар, не зная, как помочь своим друзьям, перерезал веревку и сильным толчком отогнал баржу футов на двадцать от свай. Тут он схватился за весла, и ему удалось отвести ковчег в наветренную сторону, если только здесь уместно употребить это выражение, так как движение воздуха было едва заметно. Когда ковчег очутился в сотне ярдов от платформы, индеец перестал грести и тотчас же спустил парус. Джудит и Хетти наконец заметили, что в «замке» творится что-то неладное, и остановились приблизительно на тысячу футов дальше к северу.

Яростная драка в доме не унималась. В такие минуты события как бы сгущаются и так

стремительно следуют одно за другим, что автору трудно за ними поспеть. С того момента, когда впервые послышался шум, и до того, когда делавар прекратил свои неуклюжие попытки справиться с большими веслами, прошло не больше трех или четырех минут, но, очевидно, сражающиеся уже успели израсходовать почти весь запас своих сил. Не слышно было больше проклятий и ругани Непоседы, и даже шум борьбы несколько утих. Тем не менее схватка все еще продолжалась с непоколебимым упорством. Вдруг дверь широко распахнулась, и бой перешел на платформу, под открытое небо.

Какой-то гурун отодвинул засовы, и следом за ним три или четыре воина выскочил и на узкую площадку, радуясь возможности спастись от ужасов, творившихся внутри. Затем кто-то с неимоверной силой выбросил тело еще одного гуруна, которое вылетело в двери головой вперед. Наконец показался Гарри Марч, рычащий, как лев, и успевший на один миг освободиться от своих многочисленных противников. Хаттера, очевидно, уже схватили и связали.

Наступила пауза, напоминавшая затишье среди бури. Все испытывали потребность перевести дух.

Бойцы стояли, поглядывая друг на друга, как свирепые псы, только что разомкнувшие свои челюсти и поджидающие удобного случая снова вцепиться во вражескую глотку. Мы воспользуемся этой паузой, чтобы рассказать, каким образом индейцы овладели «замком». Сделаем это тем охотнее, что необходимо объяснить читателю, почему такое неистовое столкновение было в то же время почти бескровным.

Расщепленный Дуб и особенно его товарищ — он производил впечатление лица подчиненного и, по-видимому, был занят исключительно работой на плоту — очень внимательно все высмотрели во время двукратной поездки в «замок». Мальчик тоже доставил подробные и весьма ценные сведения. Получив общее представление о том, как построен и как запирается дом, гуруны уже могли с достаточной уверенностью действовать в темноте. Хотя Хаттер, переправляя свое имущество на борт ковчега, поставил судно у восточной стены «замка», за ним наблюдали так пристально, что эта предосторожность оказалась бесполезной. Разведчики, рассеявшись по западному и по восточному берегам озера, следили за всеми действиями обитателей «замка». Лишь только стемнело, плоты с обоих берегов отправились на рекогносцировку, и Хаттер проплыл в каких-нибудь пятидесяти футах от них, ничего не заметив. Ирокезы лежали, вытянувшись плашмя на бревнах, так что в темноте их тела и плоты совершенно сливались с водой.

Встретившись возле «замка», оба индейских отряда поделились своими наблюдениями и затем, не колеблясь, подплыли к постройке.

Как и следовало ожидать, она оказалась пустой.

Затем оба плота направились к берегу за подмогой, а два дикаря, оставшиеся у «замка», поспешили использовать все выгоды своего положения. Им удалось взобраться на кровлю и приподняв несколько широких кусков коры, проникнуть на чердак. К ним присоединились товарищи, подоспевшие с берега. С помощью боевых топоров в бревенчатом потолке прорубили дыру, и человек восемь самых сильных индейцев вскочили в комнату.

Тут они засели с оружием и припасами, готовые, в зависимости от обстоятельств, выдержать осаду или же произвести вылазку. Всю ночь воины спокойно спали, как это свойственно индейцам, когда они пребывают в боевой готовности. На рассвете они увидели возвращающийся ковчег. Предводитель гурунов, поняв, что двое бледнолицых собираются проникнуть в дом через трап, немедленно принял соответствующие меры. Опасаясь дикой свирепости своих соплеменников, он отобрал у них все оружие, даже ножи, и припрятал в укромное место. Вместо оружия он заранее приготовил лыковые веревки. Разместившись в трех комнатах, индейцы ждали только сигнала, чтобы наброситься на своих будущих пленников. Когда отряд забрался в дом, воины, оставшиеся снаружи, уложили кору на место, тщательно уничтожили все внешние следы своего вторжения и воротились на берег. Если бы ирокезы, засевшие в «замке», знали о смерти девушки, ничто, вероятно, не могло бы спасти жизнь Хаттера и Непоседы. Но это злополучное событие произошло уже после того, как

была устроена засада, и вдобавок на расстоянии нескольких миль от лагеря, разбитого против «замка».

Глава 20

*Я сделал все, теперь прощай!
Напрасен был мой труд,
Я уйду, мой милый край,
Меня за морем ждут, —
Увы! —
Меня за морем ждут.
Шотландская баллада*

В предыдущей главе мы оставили противников на их узком ристалище. Они тяжело переводили дыхание. Непоседа, отличавшийся чудовищной силой, владел, кроме того, всеми приемами кулачного боя, столь распространенного в тогдашней Америке и особенно на границе. Такое преимущество делало борьбу для него менее неравной, чем можно было ожидать, и только благодаря этому он смог продержаться так долго против численно превосходящего врага, ибо индейцы тоже недаром славятся своей силой и ловкостью в атлетических упражнениях. Никто из участников свалки серьезно не пострадал, хотя несколько дикарей были не один раз сбиты с ног. Тот, кого Непоседа швырнул на платформу, мог до поры до времени считаться выбывшим из строя; из остальных кое-кто прихрамывал, да и самому Марчу схватка стоила немало шишек и синяков. Всем необходимо было хоть немного прийти в себя, и бой на время приостановился.

При таких обстоятельствах перемирие, чем бы оно ни было вызвано, не могло долго продолжаться: слишком тесна была арена борьбы и слишком велика опасность какой-нибудь вероломной уловки. Несмотря на невыгоду своего положения, Непоседа первый возобновил боевые действия. Руководствовался ли он при этом сознательным расчетом или же все, что произошло потом, было лишь плодом закоренелой ненависти к индейцам, этого мы сказать не можем. Как бы там ни было, он яростно устремился вперед и в первую минуту всех разметал. Он схватил стоявшего рядом с ним гуруна за пояс, приподнял над платформой и швырнул в озеро, словно ребенка.

Несколько секунд спустя та же участь постигла двух других, причем второй сильно ушибся, натолкнувшись с размаху на своего товарища, барахтавшегося в воде.

Оставалось еще четверо врагов. Гарри Марч, снабженный лишь тем оружием, каким одарила людей сама природа, надеялся легко справиться в рукопашной схватке и с этими краснокожими.

— Ура, старый Том! — закричал он. — Канальи полетели в озеро, и скоро я всех их заставлю поплавать.

При этих словах страшный удар ногой прямо в лицо опрокинул обратно в воду индейца, который, схватившись за край платформы, пробовал вскарабкаться наверх. Когда разошлись круги над местом падения, сквозь прозрачную стихию Мерцающего Зеркала можно было увидеть темное беспомощное тело, лежавшее на отмели. Скрюченные пальцы хватали песок и подводные травы, как бы стараясь удержать отлетающую жизнь этими последними судорогами.

Удар в живот заставил другого индейца изогнуться наподобие раздавленного червя, и таким образом у Непоседы осталось только два полноценных противника. Впрочем, один из них был не только самым высоким и самым могучим среди гурунов, но и наиболее опытным воином, закаленным в боях и долгих походах. Он полностью оценил гигантскую мощь своего неприятеля и поэтому берег силы. Вдобавок наряд его как нельзя лучше соответствовал условиям подобного поединка, ибо на теле у него не было ничего, кроме

перевязки вокруг бедер. Он стоял теперь на платформе, словно нагая и прекрасная модель для статуи. Даже для того, чтобы только схватить его, требовались ловкость и недюжинная сила. Гарри Марч, однако, не колебался ни одного мгновения. Едва успел он покончить с одним врагом, как немедленно обрушился на нового, еще более грозного врага, стараясь столкнуть и его в воду. Борьба, завязавшаяся между ними, была ужасна. Движения обоих атлетов были так стремительны, что дикарь, который уцелел последним, не мог никак вмешаться, даже если бы у него и хватило для этого смелости. Удивление и страх сковали его силы. Это был неопытный юнец, и кровь стыла в его жилах, когда он видел бурю страстей, разыгравшуюся в такой необычайной форме.

Сперва Непоседа хотел положить на обе лопатки своего противника. Он схватил его за руку и за горло и со всем проворством и силой американского пограничного жителя пытался подставить ему подножку. Прием этот не увенчался успехом, ибо на гуроне не было одежды, за которую можно было уцепиться, а ноги его проворно увертывались от ударов. Затем произошло нечто вроде свалки, если это слово можно применить там, где в борьбе участвуют только два человека. Тут уж ничего нельзя было различить, ибо тела бойцов принимали такие разнообразные позы и так извивались, что совершенно ускользали от наблюдения. Эта беспорядочная и свирепая потасовка продолжалась, впрочем, не больше минуты. Взбешенный тем, что он оказался бессильным против ловкости обнаженного врага, Непоседа отшвырнул от себя гурона, и тот ударился о бревна хижины. Удар был так жесток, что индеец на секунду потерял сознание. Из груди его вырвался глухой стон — несомненное свидетельство того, что краснокожий совсем изнемог в битве. Понимая, однако, что спасение зависит от присутствия духа, он снова ринулся навстречу противнику. Тогда Непоседа схватил его за пояс, приподнял над платформой, грохнул об пол и навалился на него всей тяжестью своего огромного тела. Индеец, совершенно оглушенный, очутился теперь в полной власти бледнолицего врага. Сомкнув руки вокруг горла своей жертвы, Гарри стиснул их с таким остервенением, что голова гурона перегнулась через край платформы. Секунду спустя его глаза выкатились из орбит, язык высунулся, ноздри раздулись, словно вот-вот были готовы лопнуть. В это мгновение кто-то ловко продел лыковую веревку с мертвой петлей на конце между руками Непоседы. Конец проскользнул в петлю, и локти великана оттянулись назад с такой неудержимой силой, что даже он не мог ей противиться. Тотчас же вторая петля стянула лодыжки, и тело его покатилося по платформе, беспомощное, как бревно.

Противник, освободившись от Непоседы, однако, не поднялся. Голова его по-прежнему беспомощно свисала над краем платформы, и на первых порах казалось, что у него сломана шея. Он не сразу очнулся. Прошло несколько часов, прежде чем он смог встать на ноги. Уверяют, что он никогда до конца не оправился ни телом, ни духом после этого чересчур близкого знакомства со смертью.

Своим поражением Непоседа был обязан той ярости, с которой он сосредоточил все свои силы на поверженном враге. В то время как он всецело был охвачен жадной убийства, двое индейцев, сброшенных в воду, взобрались на сваи, перешагнули по ним на платформу и присоединились к своему товарищу, единственному, еще оставшемуся на ногах. Тот уже настолько опомнился, что успел схватить заранее приготовленные лыковые веревки. Как только явилась подмога, веревки были пущены в ход. В один миг положение дел изменилось коренным образом. Непоседа, уже собиравшийся торжествовать победу, память о которой хранилась бы веками в преданиях тамошней области, очутился теперь в плену, связанный и беспомощный. Но так страшна была только что прекратившаяся борьба и такую чудовищную силу проявил бледнолицый, что даже теперь, когда он лежал связанный, как овца, индейцы продолжали глядеть на него боязливо и почтительно. Беспомощное тело их самого сильного воина все еще было распростерто на платформе, а когда они взглянули на озеро, отыскивая товарища, которого Непоседа так бесцеремонно столкнул в воду, то увидели его неподвижную фигуру, запутавшуюся в подводных травах. Таким образом, победа, которую они одержали, ошеломила гуронов не меньше, чем поражение.

Чингачгук и его невеста следили за борьбой из ковчега. Когда гуроны начали стягивать

веревкой руки Непоседы, делавар схватил ружье. Но прежде чем он успел взвести курок, бледнолицый был уже крепко связан, и непоправимая беда совершилась.

Чингачгук мог бы еще уложить одного из своих врагов, однако добыть его скальп было невысказано. Молодой вождь охотно рискнул бы своей жизнью, чтобы получить такой трофей, но теперь он считал излишним убивать неизвестного ему индейца. Один взгляд на Уа-та-Уа парализовал мелькнувшую было у него мысль о мщении. Читателю известно, что Чингачгук почти не умел обращаться с большими веслами ковчега, хотя и весьма искусно орудовал маленьким веслом пироги. Быть может, не существует другого физического упражнения, которое представляло бы для начинающего такие трудности, как гребля. Даже опытный моряк может потерпеть неудачи при попытке подражать ловким движениям гондольера. При отсутствии надлежащей сноровки трудно справиться и с одним большим веслом, а тут приходилось одновременно грести двумя громадными веслами. Правда, делавару удалось сдвинуть с места ковчег, однако эта попытка внушила ему недоверие к собственными силами, и он сразу понял, в какое трудное положение попадут он и Уа-та-Уа, если гуроны воспользуются пирогой, все еще стоявшей возле трапа. В первую минуту Чингачгук хотел было посадить свою невесту в единственную пирогу, оставшуюся в его распоряжении, и направиться к восточному берегу в надежде добраться оттуда сухим путем до делаварских селений. Но различные соображения помешали ему решиться на этот неосторожный шаг. Делавар не сомневался, что разведчики наблюдают за озером с обеих сторон и что ни одна пирога не сможет приблизиться к берегу так, чтобы ее не увидели с холмов. Невозможно было скрыться с глаз индейцев, а Уа-та-Уа была не настолько сильна, чтобы бежать сухим путем от опытных воинов. В этой части Америки индейцы еще не пользовались лошадьми, и беглецам пришлось бы рассчитывать только на свои ноги. Наконец — и это было отнюдь немаловажное обстоятельство — делавар помнил об участии своего верного друга Зверобоя, которого никоим образом нельзя было покинуть в несчастье.

Уа-та-Уа рассуждала и чувствовала не совсем так, но пришла к тому же заключению. Опасность, грозившая ей самой, смущала ее гораздо меньше, чем боязнь за обеих сестер, внушавших ей живейшую симпатию. Когда борьба на платформе прекратилась, девушки уже находились ярдах в трестах от «замка». Тут Джудит перестала грести, так как только сейчас увидела, что происходит. Она и Хетти стояли, в пироге, выпрямившись во весь рост, и старались рассмотреть, что делается на платформе, но это плохо удавалось им, так как стены «замка» в значительной мере скрывали от них место боя. Своей временной безопасностью пассажиры ковчега и пироги были обязаны яростному натиску Непоседы; в другом случае индейцы немедленно взяли бы девушек в плен. Сделать это было бы очень легко, раз к дикарям попала пирога. Но тяжелые потери, понесенные во время боя, сломили отвагу гуронов. Нужно было некоторое время, чтобы оправиться, от последствий свалки, тем более что вожак индейского отряда пострадал больше всех.

Все же Джудит и Хетти следовало немедленно искать спасения в ковчеге, представлявшем собой хотя и временный, но все-таки надежный приют. Уа-та-Уа побежала на корму и стала махать руками, тщетно умоляя девушек описать круг около «замка» и приблизиться к ковчегу с восточной стороны. Но они не поняли ее сигналов. Джудит еще не уяснила себе как следует положение вещей и не хотела принять окончательное решение. Вместо того чтобы повиноваться призывам Уа-та-Уа, она предпочла держаться поодаль и, медленно работая веслами, направилась к северу, иначе говоря — к самой широкой части озера, где перед ней открывался более обширный горизонт и всего легче было спастись бегством.

В этот миг на востоке над соснами показалось солнце, и тотчас же подул легкий южный бриз, как обычно бывает в этот час в эту пору года. Чингачгук не стал терять времени на закрепление паруса. Прежде всего он решил отвести ковчег подальше от «замка», чтобы враги могли добраться до него только в пироге, которая по прихоти военного счастья так некстати попала в их руки. Увидев, что ковчег отдалился от «замка», гуроны, казалось, вышли из оцепенения. Тем временем баржа повернулась кормой к ветру, который, как на

грех, дул в нежелательном направлении и подогнал судно на несколько ярдов к платформе. Тут Уа-та-Уа решила предупредить жениха, чтобы он как можно скорее укрылся от вражеских пуль. Это было наиболее грозной опасностью в ту минуту, тем более что Уа-та-Уа, как заметил делавар, ни за что не хотела спрятаться сама, пока он оставался под выстрелами. Поэтому Чингачгук, предоставив барже свободно двигаться, втащил невесту в каюту и немедленно запер дверь. Затем он начал оглядываться, отыскивая оружие.

Положение враждующих сторон было теперь так своеобразно, что заслуживает особого описания. Ковчег находился ярдах в шестидесяти к югу от «замка», иначе говоря, с наветренной стороны, причем парус был распущен. К счастью, руль не был закреплен и поэтому не препятствовал зигзагообразным движениям никем не управляемой баржи. Парус свободно полоскался по ветру, хотя оба боковых каната были туго натянуты. Благодаря этому плоскодонное судно, которое сидело не глубже чем на три или на четыре дюйма в воде, медленно повернулось носом в подветренную сторону. Ковчег двигался, однако, очень тихо, потому что ветер был не только очень слаб, но, как всегда, переменчив, и раза два парус повисал словно тряпка. Однажды его даже откинуло в наветренную сторону.

Судно медленно повернулось, избежав непосредственного столкновения с «замком», только носовая часть застряла между двумя сваями, выступавшими на несколько футов вперед. В это время делавар пристально глядел в бойницу, подстерегая удобный момент для выстрела, гуроны, засевшие в «замке», были заняты тем же. Обессиленный в схватке индейский воин, которого не успели подобрать, сидел, прислонившись спиной к стене, а Непоседа, беспомощный, как бревно, и связанный, как баран, которого тащат на бойню, лежал на самой середине платформы. Чингачгук мог бы подстрелить индейца в любой момент, но до скальпа и на этот раз нельзя было бы добраться, а молодой воин не хотел наносить удар, который не сулил ему ни славы, ни выгоды.

— Отцепись от этих кольев, Змей, если только ты Змей, — простонал Непоседа, которому тугие путы уже начали причинять сильнейшую боль. — Отцепись от кольев, освободи нос баржи, и ты поплывешь прочь. А когда сделаешь это для себя, прикончи этого издыхающего мерзавца ради меня.

Слова Непоседы привлекли внимание Уа-та-Уа, и, взглянув на него, она вмиг все поняла. Ноги пленника были туго связаны крепкой лыковой веревкой, а локти скручены за спиной, но все же он мог двигать пальцами и запястьями рук. Приложив губы к бойнице, Уа-та-Уа сказала тихим, но внятным голосом:

— Почему бы тебе не скатиться и не упасть на баржу? Чингачгук застрелит гулона, если тот погонится за тобой.

— Ей-богу, девушка, это очень толковая мысль, и я постараюсь привести ее в исполнение, если ваша баржа подплывет чуточку ближе. Подложи-ка тюфяк, чтобы мне было мягче падать.

Это было сказано в самый подходящий момент, ибо, утомившись от ожидания, все индейцы почти одновременно спустили курки, никому, однако, не причинив вреда, хотя несколько пуль влетело в бойницы. В грохоте выстрелов Уа-та-Уа расслышала не все слова Непоседы, Делаварка отодвинула засов двери, ведущей па корму, но не решалась выйти на палубу. Нос ковчега продолжал еще цепляться за сваи, но все слабее и слабее, тогда как корма, медленно описывая полукруг, приближалась к платформе. Непоседа, лежавший теперь лицом прямо к ковчегу, не переставал вертеться и корчиться. В то же время он следил за движениями баржи. Наконец, увидев, что судно освободилось и начало скользить вдоль свай, Непоседа понял, что пора приспела. Отчаянная попытка, которую он предпринял, была единственным шансом спастись от мучений и смерти и как нельзя более соответствовала неудержимой удали этого человека.

Итак, дождавшись того мгновения, когда корма почти коснулась платформы, Непоседа опять начал корчиться, словно от невыносимой боли, громко проклиная всех индейцев вообще и гуронов в особенности, и затем быстро покатился по направлению к барже. К несчастью, плечи Непоседы были гораздо шире, чем его ноги, поэтому он катился не по

прямой линии и достиг края платформы совсем не в том месте, где рассчитывал. А так как быстрота движения и необходимость спешить не позволяли ему осмотреться, то он упал в воду.

В эту минуту Чингачгук, по требованию своей невесты, снова открыл огонь по гуронам. Они считали, что пленник надежно связан, и в пылу боя не заметили, как он исчез. Но Уа-та-Уа принимала близко к сердцу успех своего плана и следила за движениями Непоседы, как кошка за мышью. В тот миг, когда он покатился, она уже угадала неизбежный результат, тем более что баржа начала теперь двигаться довольно быстро. Делаварка старалась что-нибудь придумать, чтобы спасти пленника. С инстинктивной находчивостью она открыла дверь в тот самый момент, когда карабин Чингачгука загремел у нее над ухом, к под прикрытием стен каюты пробралась на корму как раз вовремя, чтобы увидеть падение Непоседы в озеро. Нога ее случайно коснулась одного из свободно болтавшихся углов паруса. Схватив веревку, прикрепленную к этому углу, девушка бросила ее беспомощному Непоседе. Идя камнем ко дну, он успел, однако, вцепиться в веревку не только пальцами, но и зубами.

Непоседа был опытный пловец. Спутанный по рукам и ногам, он инстинктивно прибегнул к единственному приему, который могли бы ему подсказать законы физики и обдуманый расчет. Вместо того чтобы барахтаться и окончательно потопить себя бесполезными усилиями, он позволил своему телу погрузиться возможно глубже и, когда веревка коснулась его, почти целиком ушел под воду, если не считать головы. В этом положении, двигая кистями рук, как рыба плавниками, он вынужден был бы ожидать, пока его выудят гуроны, если бы не получил помощь со стороны. Но ковчег поплыл, веревка натянулась и потащила Непоседу на буксире. Движение баржи помогало ему удерживать голову над водой. Человека выносливого можно тащить целые мили этим странным, но простым способом.

Как уже было сказано, гуроны не заметили внезапного исчезновения пленника. На первых порах он был скрыт от их взоров выступающими краями платформы; затем, когда ковчег двинулся вперед, Непоседа скрылся за сваями. Кроме того, гуроны были слишком поглощены желанием подстрелить своего врага-делавара. Больше всего их интересовало, удастся ли ковчегу отцепиться от свай, и они перебрались в северную часть «замка», чтобы использовать находившиеся там бойницы. Чингачгук тоже ничего не знал об участии Непоседы. Когда ковчег проплыл мимо «замка», дымок ружейных выстрелов то и дело вырывался из бойниц. Наконец, к удовольствию одной стороны и к огорчению другой, баржа отделилась от свай и со все возрастающей скоростью начала двигаться к северу.

Только теперь узнал Чингачгук от Уа-та-Уа, в какое угрожающее положение попал Непоседа. Но показаться на корме сейчас — значило неминуемо погибнуть от пуль.

К счастью, веревка, за которую цеплялся утопающий, была прикреплена к нижнему углу паруса. Делавар отвязал ее, и Уа-та-Уа тотчас же начала подтягивать к барже барахтавшееся в воде тело. В эту минуту Непоседа плыл на буксире в пятидесяти-шестидесяти футах за кормой, и только голова его поднималась над водой.

Он уже был довольно далеко от «замка», когда гуроны наконец заметили его. Они подняли отвратительный вой и начали обстреливать то, что всего правильнее будет назвать плавучей массой. Как раз в этот миг Уа-та-Уа начала подтягивать веревку — это, вероятно, и спасло Непоседу. Первая пуля ударила о воду как раз в том месте, где широкая грудь молодого великана была явственно видна сквозь прозрачную стихию. Пуля пробила бы его сердце, если бы она была пущена под менее острым углом. Но теперь, вместо того чтобы проникнуть в воду, она скользнула по гладкой поверхности, рикошетом отскочила кверху и засела в бревнах каюты, вблизи того места, где минуту назад стоял Чингачгук, отвязывая от паруса веревку. Вторая, третья, четвертая пули натолкнулись на то же препятствие, хотя Непоседа совершенно явственно ощущал всю силу их ударов, ложившихся так близко от его груди.

Заметив свою ошибку, гуроны переменили тактику и целились теперь в ничем не

прикрытую голову. Но Уа-та-Уа продолжала тянуть веревку, мишень благодаря этому переместилась, и пули по-прежнему попадали в воду. Секунду спустя Непоседа был уже в безопасности: его отбуксировали к противоположному борту ковчега. Что касается делаваара и его невесты, то они оставались под защитой каюты. Гораздо скорее, чем мы пишем эти строки, они подтянули огромное тело Непоседы к самому борту. Чингачгук держал наготове острый нож и проворно разрезал лыковые путы.

Поднять Непоседу на палубу оказалось не такой уж легкой задачей, ибо руки у молодого охотника затекли. Тем не менее все было сделано как раз вовремя. Обессиленный и беспомощный Непоседа тяжело повалился на палубу. Тут мы поставим его собираться с духом и восстанавливать кровообращение, а сами будем продолжать рассказ о событиях, которые следовали одно за другим слишком быстро, чтобы мы имели право позволить себе дальнейшую отсрочку.

Потеряв из виду тело Непоседы, гуруны завывали от разочарования. Затем трое наиболее проворных поспешили к трапу и сели в пирогу. Тут, однако, они немного замешкались, так как нужно было захватить оружие и отыскать весла. Тем временем Непоседа очутился на барже, и делавар снова успел зарядить все свои ружья. Ковчег продолжал двигаться по ветру. Теперь он уже удалился ярдов на двести от «замка» и продолжал плыть все дальше и дальше, хотя так медленно, что едва бороздил воду. Пирога Джудит и Хетти находилась на четверть мили к северу от ковчега: очевидно, девушки совершенно сознательно держались в отдалении. Джудит не знала, что произошло в «замке» и в ковчеге, и боялась подплыть ближе. Девушки направлялись к восточному берегу, стараясь в то же время держаться с наветренной стороны по отношению к ковчегу. Таким образом, они оказались до некоторой степени между двумя враждующими сторонами. Благодаря длительной практике девушки орудовали веслами с необычным искусством. Джудит довольно часто брала призы на гребных гонках, состязаясь с молодыми людьми, приезжавшими на озеро.

Выбравшись из палисада, гуруны очутились на открытом озере. Здесь уже надо было плыть к ковчегу без всякого прикрытия. Это сразу охладило боевой пыл краснокожих. В лодке из древесной коры их ничто не защищало от пуль, и врожденная индейская осторожность не допускала подобного риска. Вместо того чтобы гнаться за ковчегом, три воина повернули к восточному берегу, держась на безопасном расстоянии от ружья Чингачгука. Этот маневр ставил девушек в чрезвычайно опасное положение, ибо они могли очутиться между двух огней. Джудит немедленно начала отступление к югу, держась невдалеке от берега. Высадиться она не смела, решив сделать это лишь в самом крайнем случае. На первых порах индейцы почти не обращали внимания на вторую пирогу; они хорошо знали, кто там находится, и потому не придавали захвату ее большого значения, особенно теперь, когда ковчег со своими воображаемыми сокровищами и с двумя такими бойцами, как делавар и Непоседа, находился у них перед глазами. Но атаковать ковчег было опасно, хотя и соблазнительно, поэтому, проплыв за ним около часу на безопасном расстоянии, гуруны внезапно изменили тактику и погнались за девушками.

Когда они решились на это, положение участвующих в деле обеих сторон существенным образом изменилось.

Ковчег, подгоняемый ветром и течением, проплыл около полумили и очутился теперь к северу от «замка». Лишь только делавар заметил, что девушки избегают его, он, не умея справиться с неповоротливым судном и зная, что всякая попытка уйти от легких лодок из древесной коры обречена на неудачу, спустил парус в надежде, что это побудит сестер приблизиться к барже. Эта демонстрация, впрочем, осталась без всяких последствий, если не считать того, что она позволила ковчегу держаться ближе к месту действия и сделала его пассажиров свидетелями начавшейся погони. Пирога Джудит находилась ближе к восточному берегу и приблизительно на четверть мили южнее, чем лодка с гурунами. Девушки были почти на одинаковом расстоянии и от «замка», и от ирокезской пироги. При таких условиях началась погоня.

В тот момент, когда гуруны изменили план действий, их пирога была не в особенно

выгодном положении. Они захватили с собой только два весла, и третий человек являлся лишним и бесполезным грузом. Далее, разница в весе между сестрами и тремя мужчинами, особенно при чрезвычайной легкости обоих судов, почти свела на нет преимущество в физической силе, бывшее на стороне гуронов, и делала состязание отнюдь не таким неравным, как можно было ожидать. Джудит берегла свои силы, пока не приблизилась вторая пирога и не раскрылись намерения индейцев. Тогда она стала умолять Хетти всеми силами помочь ей.

— Зачем нам бежать, Джудит? — спросила простодушная девушка. — Гуроны никогда не обижали и, вероятно, никогда не обидят меня.

— Быть может, это верно по отношению к тебе, Хетти, но я — это дело другое. Стань на колени и молись, а потом помоги грести. Когда будешь молиться, думай обо мне, дорогая девочка.

Джудит сочла необходимым говорить в таком тоне, потому что знала набожность сестры, которая, не помолившись, не приступала ни к одному делу.

На этот раз Хетти, однако, молилась недолго, и вскоре пирога пошла гораздо быстрее. Все же обе стороны берегли свои силы, понимая, что погоня будет долгой и утомительной. Подобно двум военным кораблям, которые готовятся к бою, Джудит и индейцы, казалось, хотели предварительно проверить скорость движения друг друга, прежде чем начать решительную схватку. Через несколько минут индейцы убедились, что девушки хорошо владеют веслами и что настичь их будет нелегко.

В начале погони Джудит свернула к восточному берегу со смутной мыслью, что, может быть, лучше искать спасения в лесу. Но, подплыв к суше, она убедилась, что неприятельские разведчики неотступно следят за ней, и отказалась от мысли прибегнуть к такому отчаянному средству. В это время у нее еще были свежие, нерастраченные силы, и она надеялась благополучно уйти от преследователей. Воодушевляемая этой мыслью, девушка налегла на весла, отдалилась от прибрежных зарослей, под сенью которых уже готова была скрыться, и снова направилась к центру озера. Этот момент показался гуронам наиболее подходящим, чтобы ускорить преследование, тем более что водная поверхность расстилалась перед ними во всю ширь и сами они оказались теперь между беглянками и берегом. Обе пироги стремительно ринулись вперед. Недостаток физических сил Джудит возмещала ловкостью и самообладанием. На протяжении полумили индейцам не удалось приобрести существенных преимуществ, но долгое напряжение явно утомило обе стороны. Тут гуроны сообразили, что, передавая весло из рук в руки, они могут поочередно отдыхать, не уменьшая скорости движения пироги; Джудит по временам оглядывалась назад и заметила эту уловку. Девушка не рассчитывала уже на успешный исход бегства, понимая, что к концу погони силы ее, очевидно, не смогут сравниться с силами мужчин, сменявших друг друга. Все же она продолжали упорствовать.

Индейцам не удалось подплыть к девушкам ближе чем на двести ярдов, хотя они шли за пирогой по прямой линии, в кильватере, как говорят моряки. Джудит, однако, видела, что расстояние между ней и гуронами постепенно сокращается. Она была не такая девушка, чтобы сразу потерять мужество. И, однако, ей вдруг захотелось сдаться, чтобы ее поскорей отвели в лагерь, где, как она знала, находился в плену Зверобой. Но мысль, что она может еще предпринять какие-нибудь шаги для его освобождения, заставила ее возобновить борьбу. Гуроны увидели, что наступил момент, когда надо напрячь все силы, если они хотят избежать позора быть побежденными женщиной. Мускулистый воин, взбешенный этой унижительной мыслью, сделал слишком резкое движение и переломил весло, которое ему вручил товарищ. Это решило исход состязания. Пирога с тремя мужчинами и только одним веслом, очевидно, не могла настичь двух таких беглянок, как дочери Томаса Хаттера.

— Смотри, Джудит! — воскликнула Хетти. — Я надеюсь, теперь ты уверуешь в силу молитвы. Гуроны сломали весло и не смогут догнать нас!

— Я никогда в этом не сомневалась, бедная Хетти. Иногда на душе у меня горько, и мне хочется молиться и меньше думать о своей красоте. Теперь мы в безопасности. Нужно

только отплыть немного южнее и перевести дух.

Индейцы разом прекратили погоню, словно корабль, случайно вышедший из-под ветра и потерявший поэтому приобретенную скорость. Вместо того чтобы гнаться за пирогой Джудит, легко скользившей в южном направлении, гуроны повернули к «замку» и вскоре там причалили. Девушки продолжали плыть вперед и остановились только тогда, когда расстояние между ними и неприятелем устранило всякие опасения, что погоня может возобновиться. Впрочем, дикари, как видно, и не собирались продолжать преследование. Час спустя переполненная людьми пирога покинула «замок» и направилась к берегу.

Девушки со вчерашнего дня ничего не ели. Они повернули обратно к ковчегу, убедившись, наконец, по его маневрам, что он находится в руках друзей.

Несмотря на то что «замок» казался пустым, Джудит приближалась к нему с величайшими предосторожностями. Ковчег теперь находился в одной миле к северу, но он держал курс на «замок» и плыл так правильно, что, очевидно, на веслах сидел белый. Очутившись в сотне ярдов от «замка», девушки описали круг, желая убедиться, что там действительно никого нет. По соседству не было видно ни единой пироги, и это дало им смелость подплывать все ближе и ближе, пока наконец, обогнув сваи, пирога не причалила к самой платформе.

— Войди в дом, Хетти, — сказала Джудит, — и посмотри, не остались ли там дикари; они не причинят тебе вреда. А если увидишь хоть одного, дай мне знать. Не думаю, чтобы они стали стрелять в бедную, беззащитную девушку. Я буду спасаться от них, пока сама не решу, что пора явиться к ним в лагерь.

Хетти повиновалась, а Джудит лишь только сестра вышла на платформу, отплыла на несколько ярдов и остановилась в полной готовности к бегству. Но в этом не было никакой надобности: через минуту Хетти вернулась и сказала, что в доме им не угрожает опасность.

— Я побывала во всех комнатах, Джудит, — сказала она, — и все они пусты, кроме отцовской спальни. Отец у себя и спит, но не так спокойно, как бы мне хотелось.

— Неужели с отцом что-то случилось? — спросила Джудит, вскакивая на платформу.

Девушка с трудом произнесла эти слова, ибо нервы ее были в таком состоянии, что она легко пугалась.

Хетти, видимо, была чем-то расстроена. Она бросила по сторонам беглый взгляд, словно не желала, чтобы кто-нибудь, кроме Джудит, ее услышал.

— Ты ведь знаешь, что делается с отцом, когда он выпьет, — сказала она наконец. — Он тогда сам не понимает, что говорит и делает... И мне кажется, что он пьян.

— Это странно. Неужели дикари напоили его, а потом бросили? Ах, Хетти, тяжело дочери смотреть на отца в таком виде! Мы не подойдем к нему, пока он не проснется.

Тут стон, долетевший из внутренней комнаты, заставил Джудит изменить свое решение. Обе девушки подошли к отцу, которого они не раз видели в положении, низводящем человека до уровня скота.

Он сидел, прислонившись спиной к стене, в углу комнатки, и голова его тяжело свешивалась на грудь.

Подчиняясь внезапному порыву, Джудит бросилась вперед и сдернула с отца колпак, нахлобученный на голову и закрывавший лицо почти до самых плеч.

Она увидела ободранное, трепещущее мясо, обнаженные вены и мышцы...

Хаттер был скальпирован, хотя все еще жив...

Глава 21

*Им легко издеваться, когда он убит,
Осквернять молчанье могил,
Но ему все равно, на холме он лежит,
Где британец его схоронил.*

Неизвестный автор

Читатель должен представить себе весь ужас, который испытывали дочери, неожиданно увидя потрясающее зрелище, описанное в конце последней главы. Мы не станем распространяться об их чувствах, о проявлениях дочерней преданности и будем продолжать наш рассказ, пропуская наиболее отталкивающие подробности разыгравшейся здесь сцены. Изуродованная голова с ободранной кожей была перевязана, запекшаяся кровь стерта с лица страдальца, ему были оказаны другие услуги в том же роде, и лишь потом сестры задались вопросом, что же случилось с их отцом. Как ни просты были совершившиеся факты, они во всех своих подробностях стали известны лишь несколько лет спустя; мы, однако, изложим их теперь же в немногих словах. В борьбе с гурунами Хаттер получил удар ножом от того старого воина, который из предосторожности отобрал оружие у всех своих подчиненных, но оставил его у себя. Натолкнувшись на упорное сопротивление своего противника, гурон решил дело ударом ножа. Случилось это как раз в тот момент, когда дверь отворилась и Непоседа вырвался наружу. Вот почему ни старого индейца, ни его врага не было на платформе в то время, когда там шла борьба. Хаттер совершенно обессилел, а его победителю было стыдно показаться со следами свежей крови на руках, после того как он так убеждал молодых воинов захватить пленников живьем. Когда три гурона вернулись после неудачной погони за девушками и решено было, покинув «замок», присоединиться к отряду, оставшемуся на берегу, Хаттера попросту скальпировали, чтобы приобрести этот освященный обычай трофеем. Затем его оставили умирать медленной смертью, — случай, не редкий в этой части Американского континента. Однако если бы ранения, причиненные Хаттеру, ограничились верхней частью головы, он мог бы еще поправиться, но удар ножом оказался смертельным.

— Ах, Джудит! — воскликнула слабоумная сестра, когда они оказали несчастному первую помощь. — Отец охотился за скальпами, а где теперь его собственный скальп? Библия могла бы предсказать ему это ужасное наказание!

— Тише, Хетти, тише! Он открывает глаза. Он может услышать и понять тебя. Ты совершенно права, но слишком ужасно говорить об этом.

— Воды, — прошептал Хаттер, делая отчаянное усилие, и голос его звучал еще довольно твердо для человека, уже находящегося при смерти. — Воды!.. Глупые девчонки, неужели вы позволите мне умереть от жажды.

Дочери тотчас же принесли воды и подали ее раненому; это был первый глоток, полученный им после долгих часов мучительных страданий. Вода освежила пересохшее горло и на минуту оживила умирающего. Глаза его широко раскрылись, и он бросил на дочерей тот беспокойный, затуманенный взгляд, которым обычно сопровождается переход души от жизни к смерти.

— Батюшка, — сказала Джудит, потрясенная ужасным положением отца, и собственным бессилием оказать пострадавшему какую-либо действительную помощь. — Батюшка, что сделать для вас? Чем можем мы с Хетти облегчить ваши мучения?

— «Батюшка»... — медленно повторил старик. — Нет, Джудит, нет, Хетти, я вам не отец. Она была вашей матерью, но я вам не отец. Загляните в сундук, там все... Дайте мне еще воды.

Девушки выполнили его желание. Джудит, у которой сохранились более ранние воспоминания, чем у сестры, испытала неизъяснимую радость, услышав эти слова.

Между нею и ее мнимым отцом никогда не было особой симпатии. Подозрения не раз мелькали в ее уме, когда она вспоминала подслушанные ею разговоры отца и матери. Было бы преувеличением сказать, что она никогда не любила старика, но, во всяком случае, надо признаться: она теперь радовалась, что природа не наложила на нее долга любить его. Хетти испытывала совсем другие чувства. Она была не способна к тем тонким различиям, которые умела делать ее сестра, но натура у нее была глубоко привязчива, и она по-настоящему любила своего мнимого отца, хотя и не так нежно, как покойную мать. Ей больно было

слышать, что он не имеет права на ее любовь. Смерть и эти слова как бы вдвойне лишали ее отца. Не будучи в силах совладать с собой, бедная девушка отошла в сторону и горько заплакала.

Это несходство в настроении у обеих девушек заставило их в течение долгого времени хранить молчание.

Джудит часто подавала воду страдальцу, но не хотела докучать ему расспросами, отчасти щадя его, но еще больше, говоря по правде, из боязни, как бы дальнейшие объяснения не изгнали приятной уверенности, что она не дочь Томаса Хаттера. Наконец Хетти осушила свои слезы, подошла ближе и села на стул рядом с умирающим, который лежал, вытянувшись во весь рост, на полу.

Подушкой ему служила грудка оставшейся в доме старой одежды.

— Отец! — сказала она. — Разрешите называть вас отцом, хоть вы и говорите, будто вы не отец мне. Отец, позвольте почитать вам библию. Мать всегда говорила, что библия приносит утешение страждущим. Она часто тосковала, страдала и тогда заставляла меня читать библию. Это всегда приносило ей облегчение. Много раз мать слушала меня, когда слезы лились у нее из глаз, а под конец начинала улыбаться и радоваться. Отец, вы и не знаете, какую пользу может принести вам библия, потому что никогда не испытывали этого! Теперь я прочитаю вам главу, которая смягчит ваше сердце, как смягчила сердце гуронов.

Нет надобности объяснять, что бедная Хетти отнюдь не вникала в смысл библии.

Выбирая какое-нибудь место для чтения, она руководствовалась только своим инстинктом. На этот раз ей пришлось в голову, что покойная мать больше всего любила книгу Иова и всегда перечитывала ее с новыми наслаждением. Хетти знала ее почти наизусть и теперь начала уверенно читать:

— «Погибни день, в который родился я, и ночь, которая сказала: зачался человек. Ночь та будет тьмою, и...»

Тут болезненные стоны умирающего на минуту прервали чтение. Хаттер бросил вокруг себя беспокойный, блуждающий взгляд, но вскоре нетерпеливым движением руки подал знак, чтобы чтение продолжалось. Исполненная необыкновенного одушевления, Хетти громким и твердым голосом прочла все те главы, где страдалец Иов, проклявший день своего рождения, примиряется наконец со своей совестью.

— Вы теперь чувствуете себя лучше, батюшка? — спросила Хетти, закрывая книгу. — Матушке всегда было лучше, когда она читала библию...

— Воды... — перебил Хаттер. — Дай мне воды, Джудит. Неужели мой язык всегда будет так гореть? Хетти, в библии, кажется, есть рассказ о человеке, который просил остудить ему язык, в то время как сам он жарился на адском огне.

Джудит, потрясенная, отвернулась, а Хетти поспешила отыскать это место и громко прочитала его несчастной жертве собственной алчности.

— Это то самое, бедная Хетти, да, это то самое. Теперь мой язык остудился, но что будет потом?

Эти слова заставили умолкнуть даже простодушную Хетти. Она не нашла, что ответить на вопрос, проникнутый таким глубоким отчаянием. Сестры ничем не могли помочь страдальцу. Лишь время от времени они подносили воду к его пересохшим губам. Тем не менее Хаттер прожил дольше, чем смели надеяться девушки, когда нашли его. По временам он невнятно говорил что-то, хотя гораздо чаще губы его шевелились беззвучно. Джудит напряженно прислушивалась и могла разобрать слова: «муж», «смерть», «пират», «закон», «скальпы» и несколько других в том же роде, хотя они и не составляли законченных фраз, имеющих определенное значение. Все же эти слова были достаточно выразительны, чтобы их могла понять девушка, до которой не раз доходили слухи, рисующие прошлое ее мнимого отца довольно мрачными красками.

Так прошел мучительный час. Сестры совсем не думали о гулонах и не боялись их возвращения. Казалось, горе охраняло девушек от этой опасности. Когда наконец послышался плеск весел, то даже Джудит, которая одна имела основание бояться врагов, не

вздрагнула — она тотчас же поняла, что приближается ковчег. Девушка смело вышла на платформу, ибо, если бы оказалось, что гуроны захватили судно, все равно бежать было невозможно. Джудит чувствовала в себе уверенность и спокойствие, которые иногда дает человеку крайнее несчастье. Но пугаться было нечего: Чингачгук, Уа-та-Уа и Непоседа — все трое стояли на палубе баржи и внимательно вглядывались в «замок», желая убедиться, что враги действительно удалились. Увидев, что гуроны отплыли и к «замку», приблизилась пирога с девушками. Марч решил направить баржу к платформе. В двух словах он объяснил Джудит, что бояться нечего, и затем поставил судно на место его обычной стоянки.

Джудит ни слова не сказала о положении своего отца, но Непоседа слишком хорошо знал ее и сразу понял, что стряслась какая-то беда. Он вошел в дом, но уже не с таким развязным видом, как обычно, и, очутившись в комнате, увидев Хаттера, лежавшего на спине, а рядом с ним Хетти, которая заботливо отгоняла от него мух.

События этого утра вызвали значительную перемену в поведении Непоседы. Несмотря на умение плавать и готовность, с которой он прибегнул к единственному средству своего спасения, его беспомощное положение в воде, когда он был связан по рукам и ногам, произвело на Марча такое же впечатление, какое близость неминуемой кары производит на большинство преступников. Страх смерти и сознание полной физической беспомощности еще жили в его воображении. Отвага этого человека была в значительной мере следствием его физической мощи, а отнюдь не твердости воли или силы духа. Герои такого рода обычно теряют значительную долю своего мужества, когда им изменяют телесные силы. Правда, Непоседа был теперь и свободен и крепок по-прежнему, но то, что произошло, еще не изгладилось из его памяти. Впрочем, если бы ему суждено было прожить целое столетие, то и тогда все пережитое за несколько мгновений, проведенных в озере, должно было бы оказать благотворное влияние если не на его манеру держаться, то, во всяком случае, на характер.

Непоседа был глубоко потрясен и удивлен, застав своего старого приятеля в таком отчаянном состоянии. Во время борьбы с гуронами в «замке» он был слишком занят, чтобы интересоваться судьбой товарища.

Индейцы старались захватить его самого живьем, не прибегая к оружию. Вполне естественно, что Непоседа думал, будто Хаттер попросту попал в плен, тогда как ему самому удалось спастись благодаря своей неимоверной физической силе и счастливому стечению обстоятельств. Смерть в торжественной тишине комнаты была для него в новинку. Хотя Непоседа и привык к сценам насилия, но ему еще никогда не приходилось сидеть у ложа умирающего и следить за тем, как пульс постепенно становится все слабее и слабее. Несмотря на перемену в его чувствах, манеры у него остались в значительной степени прежними, и неожиданное зрелище заставило его произнести следующую весьма характерную речь.

— Вот так штука, старый Том! — сказал он. — Так, значит, бродяги не только одолели тебя, но и распорядились с тобой по-свойски. Правда, я считал, что ты в плену, но никогда не думал, что тебе придется так круто.

Хаттер раскрыл остекленевшие глаза и дико посмотрел на говорившего. Целая волна бессвязных воспоминаний, видимо, поднялась в его уме при взгляде на бывшего товарища. Казалось, он боролся с осаждавшими его видениями, но был уже не способен отличить фантастические образы от действительности.

— Кто ты такой? — хрипло прошептал он, так как силы совсем изменили ему и он уже не мог говорить полным голосом. — Кто ты такой? Ты похож на штурмана «Снега», он тоже был великан и едва не одолел нас.

— Я твой товарищ, Плавающий Том, и не имею ничего общего с каким-то снегом. Теперь лето, а Гарри Марч с первыми морозами всегда покидает эти холмы.

— Я знаю тебя, ты Гарри Непоседа. Я продам тебе скальп. Отличный скальп взрослого мужчины. Сколько дашь?

— Белый Том! Торговля скальпами оказалась совсем не такой выгодной, как мы

думали. Я твердо решил бросить это дело и заняться каким-нибудь другим, менее кровавым ремеслом.

— Удалось тебе раздобыть хоть один скальп? Что чувствует человек, когда снимает чужой скальп? Я теперь знаю, что он чувствует, когда потеряет свой собственный: огонь и пламя в мозгу и мучительное сжатие сердца. Нет, нет, Гарри, сперва убивай, а потом скальпируй!

— О чем толкует старик, Джудит? Он говорит так, как будто это занятие ему опротивело не меньше, чем мне. Почему вы перевязали голову? Или дикари раскроили ее своими томагавками?

— Они сделали с ним то, Гарри Марч, что вы хотели сделать с ними. Они содрали кожу и волосы с его головы, чтобы получить деньги от губернатора Канады, как вы хотели содрать кожу с головы гурона, чтобы получить деньги от губернатора Йорка.

Джудит изо всех сил старалась сохранить внешнее спокойствие, но чувства, обуревавшие ее в эту минуту, не позволяли ей говорить без едкой горечи. Хетти посмотрела на нее с упреком.

— Не годится дочке Томаса Хаттера говорить такие слова, когда Томас Хаттер лежит и умирает у нее на глазах, — возразил Непоседа.

— Слава богу, это не так! Какое бы пятно ни лежало на памяти моей бедной матери, я, во всяком случае, не дочь Томаса Хаттера.

— Не дочь Томаса Хаттера?! Не отрекайтесь от старика в его последние минуты, Джудит, потому что такой грех бог никогда не простит. Если вы не дочь Томаса Хаттера, так чья же вы дочь?

Этот вопрос заставил несколько присмиреть неукротимую Джудит; радуясь избавлению от отца, которого она никогда не могла любить по-настоящему, девушка совсем не подумала, кто же должен занять его место.

— Я не могу сказать вам, Гарри, кто был мой отец, — ответила она более мягко. — Надеюсь, по крайней мере, что это был честный человек.

— Чего вы не можете сказать про старого Хаттера? Ладно, Джудит, не отрицаю, что о старике Томе ходили разные слухи, но никто не застрахован от царапин. Есть люди, которые рассказывают разные гадости даже обо мне; да и вы, при всей вашей красоте, не избежали этого.

Трудно сказать, какие последствия могли вызвать эти слова при уже известной нам горячности Джудит и при ее застарелой неприязни к говорившему, но как раз в этот миг всем присутствующим стало ясно, что приближается последняя минута Томаса Хаттера. Джудит и Хетти стояли у смертного одра своей матери и хорошо знали все признаки неизбежного конца. Хаттер широко раскрыл глаза и в то же время начал шарить вокруг себя руками — несомненное доказательство, что зрение уже изменяет ему. Минуту спустя дыхание его начало учащаться, затем последовала пауза и наконец последний долгий вздох, с которым, как думают, душа покидает тело. Эта внезапная смерть предотвратила начавшуюся было ссору.

День закончился без дальнейших происшествий. Гуронам удалось захватить одну пирогу, и они, видимо, решили этим удовольствоваться и отказались от немедленного нападения на «замок». Приблизиться к нему под ружейным огнем было небезопасно, и этим, вероятно, и объясняется наступивший перерыв в военных действиях. Тем временем шла подготовка к погребению Томаса Хаттера. Похоронить его на берегу было невозможно, и, кроме того, Хетти хотелось, чтобы его тело покоилось рядом с телом матери на дне озера. Она напонила, что сам он называл озеро «семейным кладбищем». К счастью она выразила свое желание в отсутствие сестры, которая непременно воспротивилась бы ее намерению. Но Джудит не вмешивалась в приготовления к похоронам, и все было сделано без ее участия и совета.

Чтобы совершить этот примитивный обряд, назначили час солнечного заката. Трудно было избрать для этого более подходящий момент, даже если бы речь шла о том, чтобы

отдать последний долг праведной и чистой душе. Смерти присуще какое-то величавое достоинство, побуждающее живых людей смотреть с благоговейным уважением на бранные останки своих близких. Все мирские отношения теряют свое значение, опускается некая завеса, и отныне репутация усопшего не зависит больше от человеческих суждений. Когда Джудит сказали, что все готово, она, повинаясь зову сестры, вышла на платформу и только тут впервые увидела все приготовления. Тело лежало на палубе, завернутое в простыню. К нему привязали тяжелые камни, взятые из очага, чтобы оно тотчас же пошло ко дну. Ни в чем другом не было нужды, хотя Хетти держала под мышкой свою неизменную библию. Наконец все перешли на борт ковчега, и это странное жилище, давшее последний приют бранным останкам своего хозяина, тронулось с места. Непоседа стоял на веслах. В его могучих руках они двигались с такой же легкостью, как будто он правил пирогой. Делавар оставался безучастным зрителем. Ковчег подвигался вперед торжественно, как погребальная процессия; весла мерно погружались в воду. Окрестный пейзаж как нельзя более соответствовал предстоящему обряду. Ни единой складки не было видно на зеркальной поверхности озера, и широкая панорама лесов в меланхолическом спокойствии окружала печальную церемонию. Джудит была растрогана до слез, и даже Непоседа, сам не зная почему, испытывал глубокое волнение. Внешне Хетти казалась совершенно спокойной, но сердечная скорбь ее была гораздо сильнее, чем у сестры. Уа-та-Уа, серьезная и внимательная, с интересом следила за всем, ибо хотя она часто видела похороны бледнолицых, но никогда не присутствовала при таком странном погребении. Делавар, тоже сосредоточенный и задумчивый, сохранял, однако, полнейшую невозмутимость.

Хетти исполняла обязанности лоцмана, указывая Непоседе, куда нужно править, чтобы найти то место в озере, которое она привыкла называть «могилой матери». Читатель помнит, что «замок» стоял на южной оконечности отмели, тянувшейся приблизительно на полмили к северу. В дальнем конце этого мелководья Плавающий Том заблигорассудил в свое время похоронить останки жены и сына. Его собственное тело должно было теперь улечься рядом с ними. Хетти руководствовалась различными приметам на берегу, чтобы отыскать это место, хотя положение дома, общее направление отмели — все помогало ей, а вода была так прозрачна, что можно было видеть даже дно. Благодаря этому девушка без труда руководила движением ковчега и в нужное время, приблизившись к Марчу, прошептала:

— Теперь, Гарри, перестаньте грести. Мы миновали камень, лежащий на дне, и могила матери уже недалеко.

Марч тотчас же бросил весла, опустил в воду якорь и взял в руки канат, чтобы остановить баржу. Ковчег медленно повернулся, и, когда он совершенно перестал двигаться, Хетти вышла на корму и указала пальцем в воду, причем слезы струились из ее глаз от неудержимой скорби. Джудит тоже присутствовала на этом месте. Это объяснялось отнюдь не равнодушием к памяти покойной, ибо девушка любила свою мать и горько оплакивала ее кончину, но она испытывала отвращение ко всему, связанному со смертью. Кроме того, в ее жизни со времени этих похорон произошли события, которые усилили это чувство и заставили ее держаться подальше от места, где покоились останки той, чьи суровые уроки делали еще более глубокими угрызения ее совести. С Хетти дело обстояло иначе. В ее простой и невинной душе воспоминания о матери не пробуждали иных чувств, кроме тихой скорби. Целое лето она почти ежедневно посещала это место после наступления темноты и, заботливо поставив лодку на якорь таким образом, чтобы не потревожить тела, вела воображаемые беседы с покойницей, пела гимны и повторяла молитвы, которым в детстве выучила ее мать.

Хетти пережила самые счастливые часы своей жизни в этом мнимом общении с духом матери. Незаметно для нее самой индейские предания смешались в ее уме с христианскими поверьями. Однажды она даже хотела совершить над материнской могилой один из тех обрядов, которые, как она знала, совершают дикари. Но, поразмыслив немного, отказалась от этой затеи.

Марч опустил глаза и сквозь прозрачную, как воздух, воду увидел то, что Хетти

называла «могилой матери».

Это была низкая продолговатая земляная насыпь, в одном конце которой белел кусочек простыни, служившей покойнице саваном. Опустив труп своей жены на дно, Хаттер привез с берега землю и бросал ее в озеро, пока она совершенно не покрыла тело. Даже самые грубые и распущенные люди становятся сдержаннее, когда присутствуют при погребальных церемониях. Марч не испытывал ни малейшего желания отпустить какую-нибудь из своих грубых шуток и был готов исполнить свою обязанность в пристойном молчании. Быть может, он размышлял о страшной каре, постигшей его старого приятеля, и это напоминало ему о грозной опасности, которой недавно подверглась его собственная жизнь. Он знаком дал понять Джудит, что все готово, и получил от нее приказ действовать. Без посторонней помощи, полагаясь исключительно на свою гигантскую силу, Непоседа поднял труп и отнес его на конец баржи. Два конца веревки были подведены под ноги и плечи покойника, как их обычно подводят под гроб, и затем тело медленно погрузилось на дно.

— Не туда, Гарри Марч, не туда! — сказала Джудит, невольно содрогаясь. — Не кладите его так близко к матери!

— Почему, Джудит? — спросила Хетти строго. — Они вместе жили и должны лежать рядом после смерти.

— Нет, нет, Гарри Марч, дальше, гораздо дальше! Бедная Хетти, ты сама не знаешь, что говоришь. Позволь мне распорядиться этим.

— Я знаю, что я глупая, Джудит, а ты очень умная, но, конечно, муж должен лежать рядом с женой. Мать говорила, что так всегда хоронят людей на христианских кладбищах.

Этот маленький спор велся очень серьезно, но пониженными голосами, как будто говорившие опасались, что мертвец может подслушать их. Джудит не решалась слишком резко противоречить сестре в такую минуту, но ее выразительный жест заставил Марча опустить покойника на некотором расстоянии от могилы его жены. Затем Марч вытащил веревки, и церемония закончилась.

— Вот и пришел конец Плавучему Тому! — воскликнул Непоседа, склоняясь над бортом и глядя на труп сквозь воду. — Том был славный товарищ на войне и очень искусный охотник. Не плачьте, Джудит, не печальтесь, Хетти! Рано или поздно все мы должны умереть, и, когда наступает назначенный срок, причитаниями и слезами не вернешь мертвеца к жизни. Конечно, вам тяжело расставаться с отцом; с большинством отцов трудно бывает расставаться, особенно незамужним дочкам, но против этой беды есть одно надежное средство, а вы обе слишком молоды и красивы, чтобы не найти этого средства в самом скором времени. Когда вам, Джудит, угодно будет выслушать то, что хочет сказать честный и скромный человек, я потолкую с вами с глазу на глаз.

Джудит не обратила внимания на эту неуклюжую попытку Непоседы утешить ее, хотя, разумеется, поняла общий смысл его слов. Она плакала, вспоминая о нежности своей матери, и давно забытые уроки и наставления воскресали в ее уме. Однако слова Непоседы заставили ее вернуться к действительности и при всей своей неуместности не возбудили того неудовольствия, которого можно было ожидать от девушки с таким пылким характером. Напротив, какая-то внезапная мысль, видимо, поразила ее. Один миг она пристально глядела на молодого человека, затем вытерла глаза и направилась на другой конец баржи, знаком велел ему следовать за нею. Здесь она села и движением руки предложило Марчу занять место рядом с собой. Решительность и серьезность ее манер несколько смутили собеседника, и Джудит была вынуждена сама начать разговор.

— Вы хотите потолковать со мной о браке, Гарри Марч, — сказала она, — и вот я пришла сюда, чтобы над могилой моих родителей... о нет, о нет! — над могилой моей бедной милой матери выслушать то, что вы хотите сказать.

— Вы как-то странно держите себя, Джудит, — ответил Непоседа, взволнованный гораздо больше, чем ему хотелось показать. — Но что правда, то правда, а правда всегда должна выйти наружу. Вы хорошо знаете, что я давно уже считаю вас самой красивой из всех женщин, на которых только глядели мои глаза, и я никогда не скрывал этого ни здесь,

на озере, ни в компаниях охотников и трапперов, ни в поселениях.

— Да, да, я уже слышала об этом прежде и полагаю, что это верно, — ответила Джудит с лихорадочным нетерпением.

— Когда молодой человек ведет такие речи, обращаясь к молодой женщине, то следует предполагать, что он имеет на нее виды.

— Правда, правда, Непоседа, об этом вы говорили мне уже не раз.

— Ладно; если это приятно, то я полагаю, что ни одна женщина не станет жаловаться на то, что слышит это слишком часто. Все говорят, что так уж устроен ваш пол: вы любите слушать, когда вам повторяют вновь и вновь, в сотый раз, что вы нравитесь мужчине, и предпочитаете этому только разговоры о вашей собственной красоте.

— Несомненно, в большинстве случаев мы любим и то и другое, но сегодня совсем необычный день, Непоседа, и не стоит тратить слов попусту. Я бы хотела, чтобы вы говорили без обиняков.

— Вы всегда поступали по-своему, Джудит, и я подозреваю, что будете поступать так и впредь. Я часто повторял вам, что вы мне нравитесь больше, чем кто-либо из других молодых женщин, или, уж если говорить всю правду, гораздо больше, чем все молодые женщины, вместе взятые. Но вы должны были заметить, Джудит, что я никогда не просил вас выйти за меня замуж.

— Я заметила это, — сказала девушка, причем улыбка появилась на ее красивых губах, несмотря на необычайное и все возрастающее волнение, которое заставило ее щеки пылать румянцем и зажгло глаза ослепительным блеском. — Я заметила и считала это довольно странным со стороны такого решительного и бесстрашного человека, как Гарри Марч.

— Для этого была своя причина, девушка, и это причина смущает меня даже теперь... Пожалуйста, не краснейте и не смотрите так сердито, потому что есть мысли, которые долго таятся в уме у мужчины, и есть слова, которые застревают у него в глотке, но есть также чувства, которые могут одолеть и то и другое, и этим чувствам я должен подчиниться. У вас больше нет ни отца, ни матери, Джудит, и вы с Хетти больше не можете жить здесь одни, если даже будет заключен мир и ирокезы угомонятся. Мало того что вы будете голодать, не пройдет и недели, как вас обеих заберут в плен или снимут с вас скальпы. Наступило время подумать о перемене жизни и о муже. Согласитесь выйти за меня, и все прошлое будет забыто.

Джудит с трудом сдерживала свое волнение при этом безыскусственном объяснении в любви, хотя, очевидно, добивалась его и теперь слушала с вниманием, которое могло бы пробудить надежду. Но она едва дождалась, когда молодой человек кончит говорить, — так хотелось ей поскорее ответить.

— Этого довольно, Непоседа, — сказала она, поднимая руку как бы для того, чтобы заставить его замолчать. — Я поняла вас так хорошо, словно вы мне говорили об этом целый месяц. Вы предпочитаете меня другим девушкам и хотите сделать меня своей женой.

— Вы высказали мою мысль гораздо лучше, чем мог бы высказать ее я сам, Джудит, и потому считайте, пожалуйста, что все эти слова произнесены мной именно так, как вы хотели их услышать.

— Все ясно, Непоседа, и этого с меня довольно. Здесь не место шутить или обманывать вас. Выслушайте мой ответ, который во всех смыслах будет таким же искренним, как ваше предложение. Существует одна причина, Марч, по которой я никогда...

— Мне кажется, я понимаю вас, Джудит, но я готов забыть об этой причине, которая касается только меня. Да не краснейте, пожалуйста, словно небо на закате, потому что я вовсе не хочу обижать вас...

— Я не краснею и не обижаюсь, — сказала Джудит, стараясь сдержать свое негодование. — Существует причина, по которой я не могу быть вашей женой, Непоседа.

Этой причины вы, видимо, не замечаете, и потому я обязана объяснить ее вам так же откровенно, как вы просили меня выйти за вас замуж. Я не люблю вас, и наверное, никогда не полюблю настолько, чтобы выйти замуж. Ни один мужчина не может пожелать себе в

жены девушку, которая не предпочитает его всем другим мужчинам. Я говорю вам это напрямик и полагаю, что вы должны быть мне благодарны за мою искренность.

— О, Джудит, вот что наделали эти щеголи — красномундирники из форта! В них ведь все зло!

— Тише, Марч! Не клеветайте на дочь у могилы ее матери. Я хочу расстаться с вами по-хорошему, не заставляйте же меня призывать проклятия на вашу голову. Не забывайте, что я женщина, а вы мужчина и что у меня нет ни отца, ни брата, который мог бы отомстить вам за ваши слова.

— Ладно, я больше ничего не скажу. Но повремените, Джудит, и обдумайте как следует мое предложение.

— Мне для этого не нужно времени. Я уже давно все обдумала и только ждала, когда вы выскажетесь начистоту, чтобы ответить также начистоту. Мы теперь понимаем друг друга, и потому не стоит понапрасну тратить слова.

Взволнованная сосредоточенность девушки испугала молодого человека, потому что никогда прежде он не видел ее такой серьезной и решительной. Во время их предыдущих разговоров она обычно встречала его ухаживания уклончиво или насмешливо, но Непоседа считал это женским кокетством и полагал, что она легко согласится выйти за него замуж. Он сам колебался, нужно ли делать ей предложение, и никогда не предполагал, что Джудит откажется стать женой самого красивого мужчины во всей пограничной области. А ему пришлось выслушать отказ, и притом в таких решительных выражениях, что ни для каких надежд не оставалось более места. Он был так унижен и озадачен, что не пытался переубедить ее.

— Теперь Мерцающее Зеркало потеряло для меня всю свою привлекательность! — воскликнул он после минутного молчания. — Старый Том умер, гуронов на берегу не меньше, чем голубей в лесу, и вообще здесь совсем неподходящее для меня место.

— Тогда уходите. Здесь вам угрожает множество опасностей, и ради чего станете вы рисковать своей жизнью для других? Да я и не думаю, чтобы вы могли оказать нам какую-нибудь серьезную услугу. Уходите сегодня же ночью; мы никогда не станем упрекать вас в неблагодарности или в недостатке мужества.

— Если я уйду, то с тяжелым сердцем, и это из-за вас, Джудит: я бы предпочел взять вас с собой.

— Об этом не стоит больше говорить, Марч. Лишь только стемнеет, я отвезу вас на берег в одной из наших пирог. Оттуда вы можете пробраться к ближайшему форту. Когда придете на место и вышлете сюда отряд...

Джудит запнулась при этих словах, так как ей не хотелось сделать себя мишенью для пересудов и подозрений со стороны человека, который не слишком благосклонно смотрел на ее знакомство с гарнизонными офицерами. Непоседа, однако, понял ее намек и ответил совершенно просто, не пускаясь в рассуждения, которых опасалась девушка.

— Я понимаю, что вы хотите сказать и почему не договариваете до конца. Если я благополучно доберусь до форта, отряд будет выслан для поимки этих бродяг, и я приду вместе с ним, потому что мне хочется увидеть вас и Хетти в полной безопасности, прежде чем мы расстанемся навеки.

— Ах, Гарри Марч, если бы вы всегда так говорили, я могла бы питать к вам совсем другие чувства!

— Неужели теперь слишком поздно, Джудит? Я грубый житель лесов, но все мы меняемся, когда с нами начинают обходиться иначе, чем мы привыкли.

— Слишком поздно, Марч! Я никогда не буду питать к вам или к другому мужчине — за одним-единственным исключением — тех чувств, которые вы бы желали найти во мне. Ну вот, я сказала достаточно, не задавайте мне больше никаких вопросов. Лишь только стемнеет, я или делавар свезем вас на берег; вы проберетесь оттуда на берега Мохока, к ближайшему форту, и вышлете нам подмогу. А теперь, Непоседа... Ведь мы друзья, и я могу довериться вам, не правда ли?

— Разумеется, Джудит, хотя наша дружба стала бы гораздо горячее, если бы вы согласились смотреть на меня так, как я смотрю на вас.

Джудит колебалась. Казалось, в ней происходила какая-то сильная внутренняя борьба. Затем, как бы решив отбросить в сторону всякую слабость и во что бы то ни стало добиться своей цели, она заговорила более откровенно.

— Вы там найдете капитана по имени Уэрли, — сказала она, бледнея и дрожа всем телом. — Я думаю, что он пожелает вести отряд, но я бы предпочла, чтобы это сделал кто-нибудь другой. Если капитана Уэрли можно удержать от этого похода, то я буду очень счастлива.

— Это гораздо легче сказать, чем сделать, Джудит, потому что офицеры не всегда могут поступать, как им заблагорассудится. Майор отдает приказ, а капитаны, лейтенанты и прапорщики должны повиноваться. Я знаю офицера, о котором вы говорите, — это краснощекий, веселый, разбитной джентльмен, который хлещет столько мадеры, что может осушить весь Мохок, и занятный рассказчик. Все тамошние девушки влюблены в него и говорят, что он влюблен во всех девушек. Нисколько не удивляюсь, что этот волокита не нравится вам, Джудит.

Джудит ничего не ответила, хотя вздрогнула всем телом. Ее бледные щеки сперва стали алыми, а потом снова побелели, как у мертвой.

«Увы, моя бедная мать! — сказала она мысленно. — Мы сидим над твоей могилой, но ты и не знаешь, до какой степени позабыты твои уроки и обманута твоя любовь...»

Почувствовав у себя в сердце этот укус никогда не умирающего червя, она встала со своего места и знаком дала понять Непоседе, что ей больше нечего сказать.

Глава 22

...Та минута

В беде, когда обиженный перестает

О жизни размышлять, миг делает его

Властителем обидчика...

Колридж

Все это время Хетти сидела на носу баржи, печально глядя на воду, покоившую в себе тела матери и того человека, которого она так долго считала своим отцом. Уа-та-Уа, ласковая и спокойная, стояла рядом, но не пыталась ее утешить. По индейскому обычаю, она была сдержанна в этом отношении, а обычай ее пола побуждал девушку терпеливо ожидать того момента, когда можно будет выразить свое сочувствие поступками, а не словами. Чингачгук держался несколько поодаль: он вел себя как воин, но чувствовал как человек.

Джудит подошла к сестре с видом торжественного достоинства, обычно мало свойственным ей; и хотя следы пережитого волнения еще были видны на ее красивом лице, она заговорила твердо и без колебаний. В этот миг Уа-та-Уа и делавар направились на корму к Непоседе.

— Сестра, — сказала Джудит ласково, — мне надо о многом поговорить с тобой; мы сядем в пирогу и отплывем немного от ковчега; секреты двух сирот не предназначены для посторонних ушей.

— Конечно, Джудит, но родители могут слушать эти секреты. Прикажи Непоседе поднять якорь и отвести отсюда ковчег, а мы останемся здесь, возле могил отца и матери, и обо всем поговорим друг с другом.

— Отца... — повторила Джудит медленно, причем впервые со времени разговора с Марчем румянец окрасил ее щеки. — Он не был нашим отцом, Хетти! Мы это слышали из его собственных уст в его предсмертные минуты.

— Неужели ты радуешься, Джудит, что у тебя нет отца? Он заботился о нас, кормил,

одевал и любил нас; родной отец не мог сделать больше. Я не понимаю, почему он не был нашим отцом.

— Не думай больше об этом, милое дитя. Сделаем так как ты сказала. Мы останемся здесь, а ковчег пусть отплывет немного в сторону. Приготовь пирогу, а я сообщу Непоседе и индейцам о нашем желании.

Все это было быстро сделано; подгоняемый мерными ударами весел, ковчег отплыл на сотню ярдов, оставив девушек как бы парящими в воздухе над тем местом, где покоились мертвецы: так подвижно было легкое судно и так прозрачна стихия, поддерживавшая его.

— Смерть Томаса Хаттера, — начала Джудит после короткой паузы, которая должна была подготовить сестру к ее словам, — изменила все наши планы на будущее, Хетти. Если он и не был нашим отцом, то мы все-таки сестры и потому должны жить вместе.

— Откуда я знаю, Джудит, что ты не обрадовалась бы, услышав, что я не сестра тебе, как обрадовалась тому, что Томас Хаттер, как ты его называешь, не был твоим отцом! Ведь я полоумная, а кому приятно иметь полоумных родственников! Кроме того, я некрасива, по крайней мере не так красива, как ты, а тебе, вероятно, хотелось бы иметь красивую сестру.

— Нет, нет, Хетти! Ты, и только ты, моя сестра — мое сердце, моя любовь подсказывают мне это, — и мать была вправду моей матерью. Я рада и горжусь этим, потому что такой матерью можно гордиться. Но отец не был нашим отцом.

— Тише, Джудит! Быть может, его дух блуждает где-нибудь поблизости, и горько будет ему слышать, что дети произносят такие слова над его могилой. Мать часто повторяла мне, что дети никогда не должны огорчать родителей, особенно когда родители умерли.

— Бедная Хетти! Оба они, к счастью, избавлены теперь от всяких тревог за нашу судьбу. Ничто из того, что я могу сделать или сказать, не причинит теперь матери ни малейшей печали — в этом есть, по крайней мере, некоторое утешение, — и ничто из того, что можешь сказать или сделать ты, не заставит ее улыбнуться, как, бывало, она улыбалась, глядя на тебя при жизни.

— Этого ты не знаешь, Джудит. Мать может видеть нас. Она всегда говорила нам, что бог видит все, что бы мы ни делали. Вот почему теперь, когда она покинула нас, я стараюсь не делать ничего такого, что могло бы ей не понравиться.

— Хетти, Хетти, ты сама не знаешь, что говоришь! — пробормотала Джудит, побагровев от волнения. — Мертвецы не могут видеть и знать того, что творится здесь.

Но не станем больше говорить об этом. Тела матери и Томаса Хаттера покоятся на дне озера. Но мы с тобой, дети одной матери, пока что еще живем на земле, и надо подумать, как нам быть дальше.

— Если мы даже не дети Томаса Хаттера, Джудит, все же никто не станет оспаривать наших прав на его собственность. У нас остался замок, ковчег, пироги, леса и озеро — все то, чем он владел при жизни. Что мешает нам остаться здесь и жить совершенно так же, как мы жили до сих пор?

— Нет, нет, бедная сестра, отныне это невозможно. Две девушки не будут здесь в безопасности, если даже гуронам не удастся захватить нас. Даже отцу порой приходилось трудно на озере, а нам об этом и думать нечего. Мы должны покинуть это место, Хетти, и перебраться в селения колонистов.

— Мне очень грустно, что ты так думаешь, — возразила Хетти, опустив голову на грудь и задумчиво глядя на то место, где еще была видна могила ее матери. — Мне очень грустно слышать это. Я предпочла бы остаться здесь, где, если и не родилась, то, во всяком случае, провела почти всю мою жизнь. Мне не нравятся поселки колонистов, они полны пороков и злобы. Я люблю деревья, горы, озеро и ручьи, Джудит, и мне будет очень горько расстаться с этим. Ты красива, и ты не полоумная; рано или поздно ты выйдешь замуж, и тогда у меня будет брат, который станет заботиться о нас обеих, если женщины действительно не могут жить одни в таком месте, как это.

— Ах, если бы это было возможно, Хетти, тогда воистину я чувствовала бы себя в тысячу раз счастливей в здешних лесах, чем в селениях колонистов! Когда-то я думала

иначе, но теперь все изменилось. Но где тот мужчина, который превратит для нас это место в райский сад?

— Гарри Марч любит тебя, сестра, — возразила бедная Хетти, машинально отдирая кусочки коры от пироги. — Я уверена, он будет счастлив стать твоим мужем; а более сильного и храброго юноши нельзя встретить в здешних местах.

— Мы с Гарри Марчем понимаем друг друга, и не стоит больше говорить об этом. Есть, правда, один человек... Ну да ладно! Мы должны теперь же решить, как будем жить дальше. Остаться здесь — то есть это значит оставаться здесь одним — мы не можем, и, чего доброго, нам уж никогда более не представится случай вернуться сюда обратно. Кроме того, пришла пора, Хетти, разузнать все, что только возможно, о наших родственниках и семье. Мало вероятно, чтобы у нас совсем не было родственников, и они, очевидно, будут рады увидеть нас. Старый сундук теперь — наша собственность, мы имеем право заглянуть в него и узнать все, что там хранится. Мать была так не похожа на Томаса Хаттера, и теперь, когда известно, что мы не его дети, я горю желанием узнать, кто был наш отец. Я уверена, что в сундуке есть бумаги, а в них подробно говорится о наших родителях и о других родственниках.

— Хорошо, Джудит, ты лучше меня разбираешься в таких вещах, потому что ты гораздо умнее, чем обычно бывают девушки, — мать всегда говорила это, — а я всего-навсего полоумная. Теперь, когда отец с матерью умерли, мне нет дела ни до каких родственников, кроме тебя, и не думаю, чтобы мне удалось полюбить людей, которых я никогда не видела. Если ты не хочешь выйти замуж за Непоседу, то, право, не знаю, какого другого мужа ты могла бы себе найти, а потому боюсь, что нам, в конце концов, придется покинуть озеро.

— Что ты думаешь о Зверобое, Хетти? — спросила Джудит, опуская голову по примеру своей простенькой сестры и стараясь таким образом скрыть свое смущение. — Хотелось бы тебе, чтобы он стал твоим братом?

— О Зверобое? — повторила Хетти, глядя на сестру с притворным удивлением. — Но, Джудит, Зверобой совсем не красив и не годится для такой девушки, как ты.

— Но он не безобразен, Хетти, а красота для мужчин не много значит.

— Ты так думаешь, Джудит? По-моему, все же на всякую красоту приятно полюбоваться. Мне кажется, если бы я была мужчиной, то заботилась бы о своей красоте гораздо больше, чем теперь. Красивый мужчина выглядит гораздо приятнее, чем красивая женщина.

— Бедное дитя, ты сама не знаешь, что говоришь. Для нас красота кое-что значит, но для мужчины это пустяки. Разумеется, мужчина должен быть высоким, — но найдется немало людей, таких же высоких, как Непоседа; и проворным — я знаю людей, которые гораздо проворнее его; и сильным — что же, не вся сила, какая только есть на свете, досталась ему; и смелым — я уверена, что могу назвать здесь юношу, который гораздо смелее его.

— Это странно, Джудит! До сих пор я думала, что на всей земле нет человека сильнее, красивей, проворней и смелей, чем Гарри Непоседа. Я, по крайней мере, уверена, что никогда не встречала никого, кто бы мог с ним сравниться.

— Ладно, ладно, Хетти, не будем больше говорить об этом! Мне неприятно слушать, когда ты рассуждаешь таким образом. Это не подобает твоей невинности, правдивости и сердечной искренности. Пусть Гарри Марч уходит отсюда. Он решил покинуть нас сегодня ночью, и я нисколько не жалею об этом. Жаль только, что он зря пробыл здесь так долго.

— Ах, Джудит, этого я и боялась! Я так надеялась, что он будет моим братом!

— Не стоит теперь думать об этом. Поговорим лучше о нашей бедной матери и о Томасе Хаттере.

— В таком случае, говори поласковее, сестра, потому что — кто знает! — может быть, их души видят и слышат нас. Если отец не был нашим отцом, все же он был очень добр к нам, давал нам пищу и кров. Они похоронены в воде, а потому мы не можем поставить на их

могилах надгробные памятники и поведать людям обо всем этом.

— Теперь их это мало интересует. Утешительно думать, Хетти, что, если мать даже совершила в юности какой-нибудь тяжелый проступок, она потом искренне раскаивалась в нем; грехи ее прощены.

— Ах, Джудит, детям не пристало говорить о грехах родителей! Поговорим лучше о наших собственных грехах.

— О твоих грехах, Хетти? Если существовало когда-нибудь на земле безгрешное создание, так это ты. Хотела бы я иметь возможность сказать то же самое о себе! Но мы еще посмотрим. Никто не знает, какие перемены в женском сердце может вызвать любовь к доброму мужу.

Мне кажется, дитя, что я теперь люблю наряды гораздо меньше, чем прежде.

— Очень жаль, Джудит, что даже над могилами родителей ты способна думать о платьях. Знаешь, если ты действительно разлюбила наряды, то останемся жить здесь, а Непоседа пусть идет куда хочет.

— От всей души согласна на второе, но на первое никак не могу согласиться, Хетти. Отныне мы должны жить, как подобает скромным молодым женщинам. Значит, нам никак нельзя остаться здесь и служить мишенью для сплетен и шуток грубых и злых на язык трапперов и охотников, которые посещают это озеро. Пусть Непоседа уходит, а я уж найду способ повидаться со Зверобоем, и тогда вопрос о нашем будущем разрешится быстро. Но солнце уже село, а ковчег отплыл далеко; давай вернемся и посоветуемся с нашими друзьями. Сегодня ночью я загляну в сундук, а завтра мы решим, что делать дальше. Что касается гуронов, то их легко будет подкупить теперь, когда мы можем распоряжаться всем нашим имуществом, не опасаясь Томаса Хаттера. Если только мне удастся вызволить Зверобоя, мы с ним за какой-нибудь час поймем друг друга.

Джудит говорила твердо и решительно, зная по опыту, как нужно обращаться со своей слабоумной сестрой.

— Ты забываешь, Джудит, что привело нас сюда! — укоризненно возразила Хетти. — Здесь могила матушки и только что рядом с ней мы опустили тело отца. В этом месте нам не подобает так много говорить о себе. Давай лучше помолимся, чтобы господь бог не забыл нас и научил, куда нам ехать и что делать.

Джудит невольно отложила в сторону весло, а Хетти опустилась на колени и вскоре погрузилась в свои благоговейные, простые молитвы. Когда она поднялась, щеки ее пылали. Хетти всегда была миловидной, а безмятежность, которая отражалась на ее лице в эту минуту, делала его положительно прекрасным.

— Теперь, Джудит, если хочешь, мы уедем, — сказала она. — Руками можно поднять камень или бревно, но облегчить сердце можно только молитвой. Почему ты молишься не так часто, как бывало в детстве, Джудит?

— Ладно, ладно, дитя, — сухо отвечала Джудит, — сейчас это не имеет значения. Умерла мать, умер Томас Хаттер, и пришло время, когда мы должны подумать о себе.

Пирого медленно тронулась с места, подгоняемая веслом старшей сестры; младшая сидела в глубокой задумчивости, как бывало всегда, когда в ее мозгу зарождалась мысль, более отвлеченная и более сложная, чем обычно.

— Не знаю, что ты разумеешь под нашей будущностью, Джудит, — сказала она вдруг. — Мать говорила, что наше будущее — на небесах, но ты, видимо, думаешь, что будущее означает ближайшую неделю или завтрашний день.

— Это слово означает все, что может случиться и в том, и в этом мире, милая сестра. Это — торжественное слово, Хетти, и особенно, я боюсь, для тех, кто всего меньше думает о нем. Для нашей матери будущим стала теперь вечность. Для нас это — все, что может случиться с нами, пока мы живем на этом свете... Но что такое? Гляди: какой-то человек плывет к замку, вон там, в той стороне, куда я показываю; он теперь скрылся. Но, ей-богу, я видела, как пирога поравнялась с палисадом!

— Я уже давно заметила его, — ответила Хетти спокойно, ибо индейцы нисколько не

пугали ее, — но я не думала, что можно говорить о таких вещах над могилой матери. Пирога приплыла из индейского лагеря, и там сидит только один человек; кажется, это Зверобой, а не ирокез.

— Зверобой! — воскликнула Джудит с необычайным волнением. — Этого быть не может! Зверобой в плену, и я все время только о том и думаю, как бы его освободить. Почему ты воображаешь, что это Зверобой, дитя?

— Ты можешь судить об этом сама, сестра: пирога снова видна, она уже проплыла мимо замка.

В самом деле, легкая лодка миновала неуклюжее строение и теперь направлялась прямо к ковчегу; все находившиеся на борту судна собрались на корме, чтобы встретить пирогу. С первого взгляда Джудит поняла, что сестра права и в пироге действительно Зверобой. Он, однако, приближался так спокойно и неторопливо, что она удивилась: человек, которому силой или хитростью удалось вырваться из рук врагов, вряд ли мог действовать с таким хладнокровием. К этому времени уже почти совсем стемнело, и на берегу ничего нельзя было различить. Но на широкой поверхности озера еще кое-где мерцали слабые отблески света. По мере того как становилось темнее, тускнели багровые блики на бревенчатых стенах ковчега и расплывались очертания пироги, в которой плыл Зверобой. Когда обе лодки сблизились — ибо Джудит и ее сестра налегли на весла, чтобы догнать неожиданного посетителя, прежде чем он доберется до ковчега, — даже загорелое лицо Зверобоя показалось светлее, чем обычно, под этими красными бликами, трепетавшими в сумрачном воздухе. Джудит подумала, что, быть может, радость встречи с ней внесла свою долю в это необычное и приятное выражение. Она не сознавала, что ее собственная красота тоже много выиграла от той же самой естественной причины.

— Добро пожаловать, Зверобой! — воскликнула девушка, когда пироги поравнялись. — Мы пережили печальный и ужасный день, но с вашим возвращением одной бедой, по крайней мере, становится меньше. Неужели гуруны стали человечней и отпустили вас? Или вы сбежали от них только благодаря собственной смелости и ловкости?

— Ни то, ни другое, Джудит, ни то, ни другое. Минги по-прежнему остались мингами: какими они родились, такими и умрут; вряд ли их натура когда-нибудь изменится. Что ж, у них свои природные склонности, а у нас свои, Джудит, и не годится говорить худо о своих ближних, хотя если уж выложить всю правду, то мне довольно трудно хорошо думать или хорошо отзываться об этих бродягах. Перехитрить их, конечно, можно, и мы со Змеем их впрямь перехитрили, когда отправились на выручку его суженой... — Тут охотник засмеялся своим обычным беззвучным смехом. — Но обмануть тех, кто уже один раз был обманут, — дело нелегкое. Даже олени узнают все уловки охотника после одного охотничьего сезона, а индеец, у которого однажды раскрылись глаза на вашу хитрость, никогда больше не закрывает их, пока остается на том же самом месте. Я знал белых, которые позволяли одурачить себя во второй раз, но с краснокожим этого не бывает. Всему, что они знают, они научились на практике, а не по книгам; опыт — лучший учитель, мы хорошо запоминаем его уроки.

— Все это верно, Зверобой. Но если вы не убежали от дикарей, то каким образом вы очутились здесь?

— Это очень естественный вопрос, и вы очаровательно задали его. Вы удивительно хороши в этот вечер, Джудит, или Дикая Роза, как Змей называет вас, и я смело могу сказать это, потому что действительно так думаю. Вы вправе называть мингов дикарями, потому что у них поистине дикие чувства, и они всегда будут поступать жестоко, если вы им дадите для этого повод. В недавней схватке они понесли кое-какие потери и готовы отомстить за них любому человеку английской крови, который попадется к ним в руки. Я, право, думаю, что для этой цели они готовы удовольствоваться даже голландцем.

— Они убили отца, это должно было утолить их жажду крови, — укоризненно заметила Хетти.

— Я это знаю, девушка, я знаю всю историю отчасти потому, что видел кое-что с

берега, так как они привели меня туда из лагеря, а отчасти по их угрозам и другим речам. Что делать, жизнь — очень ненадежная штука. Наше знакомство началось необычайным образом, и для меня это нечто вроде предсказания, что отныне я обязан заботиться, чтобы в вашем вигваме всегда была пища. Воскресить мертвеца я не могу, но что касается заботы о живых, то на всей границе вряд ли вы найдете человека, который мог бы помериться со мной... Хотя, впрочем, я говорю это, чтобы вас утешить, совсем не для хвастовства.

— Мы понимаем вас, Зверобой, — возразила Джудит поспешно. — Дай бог, чтобы у всех людей был такой же правдивый язык и такое же благородное сердце!

— Разумеется, в этом смысле люди очень отличаются друг от друга, Джудит. Знавал я таких, которым можно доверять лишь до тех пор, пока вы не спускаете с них глаз; знавал и других, на обещания которых, хотя бы их дали вам при помощи маленького кусочка вампума, можно было так же полагаться, как будто все дело уже решили в вашем присутствии. Да, Джудит, вы были совершенно правы, когда сказали, что на одних людей можно полагаться, а на других нет.

— Вы совершенно непонятное существо, Зверобой, — сказала девушка, несколько сбивая с толку детской простотой характера, которую так часто обнаруживал охотник. — Вы совершенно загадочный человек, и я часто не знаю, как понимать ваши слова. Но вы, однако, не сказали, каким образом попали сюда.

— О, в этом нет ничего загадочного, если даже я сам загадочный человек, Джудит! Я в отпуску.

— В отпуску? Я понимаю, что значит это слово, когда речь идет о солдатах. Но мне непонятно, что оно означает в устах пленника.

— Оно означает то же самое. Вы совершенно правы: солдаты пользуются этим словом точно так же, как пользуюсь им я. Отпуск — значит позволение покинуть лагерь или гарнизон на некоторое, точно определенное время; по истечении этого срока человек обязан вернуться обратно и опять положить на плечо мушкет или же подвергнуться пыткам, в зависимости от того, солдат он или пленник. Так как я пленник, то мне предстоит испытать участь пленника.

— Неужели гуроны отпустили вас одного, без конвоя?

— Конечно. Я не мог бы явиться сюда иначе, если бы, впрочем, мне не удалось вырваться силой или с помощью хитрости.

— Но что для них служит порукой вашего возвращения?

— Мое слово, — ответил охотник просто. — Да, признаюсь, я дал им слово, и дураки были бы они, если бы отпустили меня без него. Ведь тогда бы я не должен был вернуться обратно и на собственной шкуре испытать всю ту дьявольщину, которую способна изобрести их злоба: нет, я бы вскинул винтовку на плечо и постарался бы пробраться в делаварские деревни. Но, господи помилуй, Джудит, они знают это не хуже нас с вами и, уж конечно, скорее позволили бы волкам вырыть из могил кости отцов, чем дать мне уйти, не взяв с меня обещания вернуться.

— Неужели вы действительно собираетесь совершить этот самоубийственный и безрассудный поступок?

— Что?

— Я спрашиваю: неужели вы намерены снова отдаться в руки безжалостных врагов, чтобы только сдержать свое слово?

Несколько секунд Зверобой глядел на свою красивую собеседницу с видом серьезного неудовольствия. Потом выражение его честного, простодушного лица изменилось, точно под влиянием какой-то внезапной мысли, и он рассмеялся своим обычным смехом.

— Я сначала не понял вас, Джудит, да, не понял. Вы думаете, что Чингачгук и Гарри Непоседа не допустят этого. Но, вижу, вы еще плохо знаете людей. Делавар — последний из людей, кто бы стал возражать против того, что сам он считает своим долгом, а Марч не заботится ни о ком, кроме себя самого, и не будет тратить много слов по такому поводу. Впрочем, если бы он и вздумал заспорить, из этого ничего бы не вышло. Но нет, он больше

думает о своих барышах, чем о своем слове, а что касается моих обещаний или ваших, Джудит, или чьих бы то ни было, они его нисколько не интересуют. Итак, не волнуйтесь за меня, девушка. Меня отправят обратно на берег, когда кончится срок моего отпуска; а если даже возникнут какие-нибудь трудности, то я не даром вырос и, как это говорится, получил образование в лесу, так что уж сумею выпутаться.

Джудит молчала. Все ее существо, существо женщины, которая впервые в жизни начала поддаваться чувству, оказывающему такое могущественное влияние на счастье или несчастье представительниц ее пола, возмущалось при мысли о жестокой участи, которую готовил себе Зверобой. В то же время чувство справедливости побуждало ее восхищаться этой непоколебимой и вместе с тем такой непритязательной честностью. Она сознавала, что всякие доводы бесполезны, да в эту минуту ей бы не хотелось умалить какими-нибудь уговорами горделивое достоинство и самоуважение, сказавшиеся в решимости охотника. Она еще надеялась, что какое-нибудь событие помешает ему отдать себя на закляние; прежде всего она хотела подробно узнать, как обстоит дело, чтобы затем поступать сообразно обстоятельствам.

— Когда кончается ваш отпуск, Зверобой? — спросила она, когда обе пироги направились к ковчегу, подгоняемые едва заметными движениями весел.

— Завтра в полдень, и ни минутой раньше. Можете поверить мне, Джудит, что я не отдамся в руки этим бродягам даже на секунду раньше, чем это необходимо. Они уже побаиваются, что солдаты из соседнего гарнизона вздумают навестить их, и не хотят больше терять понапрасну время. Мы договорились, что, если я не сумею добиться исполнения всех их требований, меня начнут пытать, как только солнце склонится к закату, чтобы и они могли пуститься в обратный путь на родину с наступлением темноты.

Это было сказано торжественно, как будто душу пленника тяготила мысль об ожидающей его участи, и вместе с тем так просто, без всякого бахвальства своим будущим страданием, что должно было скорее предотвращать, чем вызывать открытые изъявления сочувствия.

— Значит, они хотят отомстить за своих убитых? — спросила Джудит слабым голосом.

Ее неукротимый дух подчинился влиянию спокойного достоинства и твердости собеседника.

— Совершенно верно, если можно по внешним признакам судить о намерениях индейцев. Впрочем, они думают, что я не догадываюсь об их замыслах. Но человек, который долго жил среди краснокожих, так же не может обмануться в их чувствах, как хороший охотник не может сбиться со следа или добрая собака — потерять чутье. Сам я почти не надеюсь на спасение; женщины здорово разозлились на нас за бегство Уа-та-Уа, а я помог-таки девчонке выбраться на волю. К тому же прошлой ночью в лагере совершилось жестокое убийство, и этот выстрел был, можно сказать, направлен прямо мне в грудь. Однако будь что будет! Змей и его невеста находятся в безопасности, и в этом есть маленькое утешение.

— О, Зверобой, они, вероятно, раздумали убивать вас, иначе они не отпустили бы вас до завтра!

— Я этого не думаю, Джудит, нет, я этого не думаю. Минги утверждают, что я убил одного из самых лучших и самых смелых их воинов, и они поймали меня вскоре после этого. Если бы с тех пор прошел месяц или около того, гнев их успел бы немного поостыть, и мы могли бы встретиться более дружелюбно. Но случилось не так. Однако, Джудит, мы говорим только обо мне, а ведь у вас было достаточно собственных неприятностей, и вам не мешает немного посоветоваться с другом о ваших делах... Значит, старика похоронили в воде? Я так и думал, там должно покоиться его тело.

— Да, Зверобой, — ответила Джудит чуть слышно. — Мы только что исполнили этот долг. Вы совершенно правы, полагая, что я хочу посоветоваться с другом, и этот друг — вы. Гарри Непоседа намерен покинуть нас; когда он уйдет и мы немного успокоимся после недавнего торжественного обряда, я надеюсь, вы согласитесь поговорить со мной один час наедине. Мы с Хетти просто не знаем, что нам делать.

— Это вполне естественно, все случилось так внезапно и так страшно... Но вот ковчег, и мы еще побеседуем, когда для этого представится более удобный случай.

Глава 23

*На горной высоте грохочет гром,
Но мир в долине, под горою.
Коль ты вступил на лед — скользи по нем.
Коль славы захотел, то будь героем...*
Томас Черчьярд

Встреча Зверобоя с друзьями на барже была тревожна и печальна. Могиканин и его подруга сразу заметили по его обращению, что он не был счастливым беглецом. Несколько отрывочных слов объяснили им, что значит «отпуск», о котором говорил их друг.

Чингачгук призадумался; Уа-та-Уа, по своему обыкновению, старалась выразить Зверобоем свое сочувствие разными мелкими услугами, в которых обнаруживается женское участие.

Однако через несколько минут они уже выработали нечто вроде общего плана действий на предстоящий вечер, и неосведомленному наблюдателю могло со стороны показаться, будто на барже все идет обычным порядком. Сумерки сгущались, и поэтому решили подвести ковчег к «замку» и поставить его на обычной стоянке. Решение это объяснялось отчасти тем, что все пироги уже опять были в руках их хозяев, но главным образом — чувством уверенности, которое возникло после сообщения Зверобоя. Он знал, как обстоят дела у гуронов, и был убежден, что этой ночью они не предпримут никаких военных действий; потери, которые они понесли, заставляли их до поры до времени воздержаться от дальнейших враждебных попыток. Зверобой должен был передать осажденным предложение осаждающих, в этом и заключалась главная цель его прибытия в «замок». Если предложение будет принято, война тотчас же прекратится. Казалось в высшей степени невероятным, чтобы гуроны прибегли к насилию до возвращения своего посланца.

Как только ковчег был установлен на своем обычном месте, обитатели «замка» обратились к своим повседневным делам; поспешность в важных решениях столь же несвойственна белым жителям пограничной области, как и их краснокожим соседям. Женщины занялись приготовлением к вечерней трапезе; они были печальны и молчаливы, но, как всегда, с большим вниманием относились к удовлетворению важнейшей естественной потребности.

Непоседа чинил свои мокасины при свете лучины, Чингачгук сидел в мрачной задумчивости, а Зверобой, в чьих движениях не чувствовалось ни хвастовства, ни озабоченности, рассматривал «оленебой» — карабин Хаттера, о котором мы уже упоминали и который впоследствии так прославился в руках человека, знакомившегося теперь впервые со всеми его достоинствами. Это ружье было намного длиннее обычного и, очевидно, вышло из мастерской искусного мастера. Кое-где оно было украшено серебряной насечкой, но все же показалось бы довольно заурядной вещью большинству пограничных жителей. Главные преимущества этого ружья состояли в точности прицела, тщательной отделке частей и превосходном качестве металла. Охотник то и дело подносил приклад к плечу; жмуря левый глаз, он смотрел на мушку и медленно поднимал кверху дуло, как бы целясь в дичь. При свете лучины, зажженной Непоседой, он проделывал все эти маневры с серьезностью и хладнокровием, которые показались бы трогательным любому зрителю, знавшему трагическое положение этого человека.

— Славное ружьецо, Непоседа! — воскликнул наконец Зверобой. — Правда, жаль, что оно попало в руки женщин. Охотники уже рассказывали мне о нем, и я слышал, что оно несет верную смерть, когда находится в надежных руках. Взгляни-ка на этот замок — даже

волчий капкан не снабжен такой точно работающей пружиной, курок и собачка действуют разом, словно два учителя пения, запевающие псалом на молитвенном собрании. Я никогда не видел такого точного прицела, Непоседа, можешь быть в этом уверен.

— Да, старый Том не раз хвалил мне это ружье, хоть сам он и не был мастак по огнестрельной части, — ответил Марч, продевая ремешки из оленьей кожи в дырочки мокасины с хладнокровием профессионального башмачника. — Он был неважный стрелок, это надо признать, но у него были свои хорошие стороны, так же как и дурные. Одно время я надеялся, что Джудит придет счастливая мысль подарить мне «оленебой».

— Правда твоя, Непоседа; никогда нельзя заранее сказать, что сделает молодая женщина. Может быть, ты, чего доброго, еще получишь это ружьецо. Все же эта штучка так близка к совершенству, что жаль будет, если она не достигнет его полностью.

— Что ты хочешь этим сказать? Уж не думаешь ли ты, что на моем плече это ружье будет выглядеть хуже, чем на плече у всякого другого?

— О том, как оно будет выглядеть, я ничего не скажу. Оба вы недурны собой и можете, как это говорится, составить красивую парочку. Но все дело в том, как ты будешь с ним обращаться. В иных руках это ружье может за один день убить больше дичи, чем в твоих за целую неделю, Гарри. Я видел тебя на работе; помнишь того оленя, в которого ты стрелял недавно?

— Теперь не такое время года, чтобы охотиться на оленей. А кто же станет стрелять дичь, когда для этого еще не наступило подходящее время! Я просто хотел пугнуть эту тварь и думаю, ты признаешь, что это мне, во всяком случае, удалось.

— Ладно, ладно, будь по-твоему. Но это значительное оружие, и если оно достанется человеку с твердой рукой и быстрым глазом, то сделает его королем лесов.

— Тогда возьмите его, Зверобой, и будьте королем лесов, — сказала Джудит, которая слушала разговор, не сводя глаз с честной физиономии охотника. — Лучших рук для него не отыщешь, и я надеюсь, что ружье останется в них пятьдесят лет кряду.

— Джудит, неужели вы говорите серьезно? — воскликнул Зверобой, удивившись до такой степени, что он даже позабыл свою обычную сдержанность. — Это истинно королевский подарок, и принять его может только настоящий король.

— За всю мою жизнь я не говорила так серьезно, Зверобой, и прошу вас принять мой подарок.

— Ладно, девушка, ладно; мы еще найдем время потолковать об этом...

Ты не должен сердиться, Непоседа: Джудит — бойкая молодая женщина, и у нее есть смекалка. Она знает, что ружье ее отца гораздо больше прославится в моих руках, чем в твоих, и поэтому не горюй. В других делах, более для тебя подходящих, она, наверное, отдаст предпочтение тебе.

Непоседа сердито проворчал что-то сквозь зубы; но он слишком торопился закончить свои приготовления и покинуть озеро, чтобы терять время на спор по такому поводу. Вскоре был подан ужин; его съели в молчании, как всегда делают люди, для которых пища есть только средство для подкрепления сил. Впрочем, сейчас печаль и озабоченность усиливали общее нежелание начинать беседу, ибо Зверобой, в отличие от людей своего звания, не только любил сам поболтать за столом, но часто вызывал на оживленный разговор и своих товарищей.

Когда трапеза была окончена и незатейливая посуда убрана со стола, все собрались на платформе, чтобы выслушать рассказ Зверобоя о цели его посещения. Было очевидно, что он не спешит с этим делом, но Джудит очень волновалась и не могла согласиться на дальнейшую отсрочку. Из ковчега и хижины принесли стулья, и все шестеро уселись кружком возле двери, следя за выражением лиц друг друга, насколько это было возможно при слабом свете звезд. Вдоль берегов, под холмами, как всегда, простирался мрак, но посреди озера, куда не достигали прибрежные тени, было немного светлее, и тысячи дрожащих звезд танцевали в прозрачной стихии, которую слегка волновал ночной ветерок.

— Ну, Зверобой, — начала Джудит, не в силах долее бороться со своим

нетерпением, — ну, Зверобой расскажите нам, что говорят гуроны и почему они отпустили вас на честное слово. Какой пароль они вам дали?

— Отпуск, Джудит, отпуск! Это слово имеет такое же значение для пленника, отпущенного на волю, как для солдата, которому разрешили на некоторое время оставить знамя. В обоих случаях человек дает обещание вернуться обратно. А «пароль», я думаю, слово голландское и имеет какое-то отношение к гарнизонной службе. Конечно, разница тут невелика, поскольку важна суть, а не название... Ладно, раз я обещал передать вам слова гуронов, то и передам. Пожалуй, не стоит больше мешкать. Непоседа скоро отправится в путь по реке, а звезды всходят и заходят, как будто им нет дела до индейцев и их посланий. Увы, это — неприятное поручение, из него не выйдет никакого толку, но все же я должен выполнить его.

— Послушай, Зверобой, — властным тоном сказал Непоседа, — ты молодец на охоте и недурной спутник для парня, проходящего по шестьдесят миль в день. Но ты страшно медленно выполняешь поручения, особенно такие, которые, по-твоему, встретят не особенно хороший прием. Если ты обязался передать нам что-нибудь, то говори прямо и не виляй, словно адвокат, делающий вид, будто не понимает английского языка, на котором объясняется голландец, — а все для того, чтобы содрать с того себе куш побольше.

— Я понимаю тебя, Непоседа. Это прозвище тебе сегодня как нельзя лучше подходит, потому что ты не желаешь терять время понапрасну. Но перейдем сразу к делу, так как мы и собрались здесь для совета. Ибо собрание наше можно назвать советом, хотя среди нас женщины. Вот как обстоят дела. Вернувшись из замка, минги тоже созвали совет, и по их угрюмым лицам ты бы сразу понял, что на душе у них довольно кисло. Никто не хочет быть побитым, и в этом краснокожий ничем не отличается от бледнолицего. Ну да ладно. После того как они накурились и произнесли свои речи и костер уже начал гаснуть, все было решено. Как видно, старики рассудили, что такому человеку, как я, можно дать отпуск. Минги очень проницательны — наизлейший их враг это должен признать. Вот они и решили, что я такой человек; а ведь не часто бывает, — прибавил охотник с приятным сознанием, что вся его прежняя жизнь оправдывает подобное доверие, — а ведь не часто бывает, чтобы они оказали такую честь бледнолицему. Но как бы там ни было, они не побоялись объясниться со мной начистоту. По-ихнему вот как обстоит дело. Они воображают, будто озеро и все, что на нем находится, теперь в их полной власти. Томас Хаттер умер, а насчет Непоседы они полагают, что он достаточно близко познакомился сегодня со смертью и не захочет возобновить это знакомство до конца лета. Итак, они считают, что все ваши силы состоят из Чингачгука и трех молодых женщин. Хотя им известно, что делавар знатного рода и происходит от знаменитых воинов, все же они знают, что он впервые вышел на тропу войны. А девушек минги, разумеется, ценят несколько не выше, чем своих собственных женщин...

— Вы хотите сказать, что они презирают нас? — перебила Джудит, и глаза у нее засверкали так ярко, что все это могли заметить.

— Это будет видно дальше. Они полагают, что все озеро находится в их власти, и потому прислали меня сюда вот с этим вампумом, — сказал охотник, показывая делавару пояс из раковин, — и велели передать следующие слова: скажи Змею, что для новичка он действовал недурно; теперь он может вернуться через горы в свои деревни, и никто не станет отыскивать его след. Если ему удалось добыть скальп, пусть заберет его с собой; у храбрых гуронов есть сердце в груди, и они понимают, что молодой воин не захочет возвращаться домой с пустыми руками. Если он достаточно проворен, пусть вернется сюда обратно и приведет с собой отряд для погони за нами. Однако Уа-та-Уа должна вернуться к гуронам. Когда она их покинула ночью, то по ошибке унесла с собой кое-что, не принадлежащее ей.

— Это ложь! — сказала Хетти очень серьезно. — Уа-та-Уа не такая девушка, чтобы таскать чужие вещи...

Неизвестно, что сказала бы она дальше, но тут делаварка, смеясь и в то же время пряча свое лицо от стыда, приложила руку к губам Хетти, чтобы заставить ее замолчать.

— Вы не понимаете гуронов, бедная Хетти, — возразил Зверобой, — они редко называют вещи своими именами. Уа-та-Уа унесла с собой сердце юного гурона, а потому они требуют, чтобы она вернулась и положила сердце бедного молодого человека на то место, где он в последний раз видел его. Змей, говорят они, достаточно отважный воин, чтобы найти себе столько жен, сколько пожелает, но этой жены он не получит. Так, по крайней мере, я их понял.

— Очень мило и любезно с их стороны думать, что молодая женщина позабудет свои сердечные склонности только для того, чтобы этот несчастный юноша мог получить обратно свое потерянное сердце! — сказала Джудит насмешливо, но потом горечь прозвучала в ее словах:

— Женщина остается женщиной, все равно — красная она или белая; ирокезские вожди плохо знают женское сердце, Зверобой, если воображают, будто оно может позабыть старые обиды или истинную любовь.

— По-моему, это очень верно сказано относительно некоторых женщин, Джудит, хотя я знаю таких, которые способны и на то и на другое. Второе мое поручение относится к вам, Джудит. Они говорят, что Водяная Крыса, как они называют вашего отца, скрылся в своей норе на дне озера, никогда не вынырнет обратно, а его детеныши скоро будут нуждаться в вигвамах, если не в пище. Они думают, что гуронские шалаши гораздо лучше, чем хижины Йорка, и хотят, чтобы вы перешли к ним жить. Они признают, что у вас белая кожа, но думают, что молодые женщины, которые так долго жили в лесах, заблудятся на расчищенном месте. Один великий воин из их числа недавно потерял свою жену и будет рад пересадить Дикую Розу к своему очагу. Что касается Слабого Ума, то ее всегда будут чтить и о ней всегда будут заботиться все красные воины. Они полагают, что все добро вашего отца должно перейти в распоряжение племени, но ваши собственные вещи вы можете, как всякая женщина, отнести в вигвам супруга. Кроме того, они недавно потеряли молодую девушку, погибшую насильственной смертью, и две бледнолицы должны занять опустевшее место.

— И вы взялись передать мне такое предложение?! — воскликнула Джудит, хотя в тоне, которым она произнесла эти слова, чувствовалось больше горя, чем гнева. — Неужели я такая девушка, что соглашусь сделаться рабыней индейца?

— Если вы требуете, чтобы я честно высказал вам мою мысль, Джудит, то я отвечу, что, по-моему, вы вряд ли согласитесь стать рабыней мужчины, будь то краснокожий или же белый. Вы, однако, не должны сердиться на меня за то, что я передал вам это поручение слово в слово, как его услышал. Только на этом условии я получил отпуск, а обещания свои надо выполнять, хотя бы они были даны врагу. Я сказал вам, что гуроны говорят, но не сказал, что, по-моему, вы должны им ответить.

— Ага, послушаем, что скажет Зверобой! — вмешался Непоседа. — Мне, право, не терпится узнать, какие ответы ты для нас придумал. Впрочем, мое решение уже готово, и я могу объявить его хоть сейчас.

— И я тоже, Непоседа, уже решил про себя, что должны были бы ответить вы все, и ты в особенности. Будь я на твоём месте, я бы сказал: «Зверобой, передай бродягам, что они не знают Гарри Марча. Он настоящий человек! Натура белого не позволяет ему покидать женщин своего племени в минуту опасности. Поэтому считайте, что я отказываюсь от договора, который вы предлагаете, даже если, сочиняя его, вам пришлось выкурить целый пуд табаку».

Марч был несколько смущен этими словами, произнесенными с такой горячностью, что невозможно было усомниться в их значении. Если бы Джудит немножко поощрила его, он без всяких колебаний остался бы, чтобы защищать ее и сестру, но теперь чувство досады взяло верх. Во всяком случае, в характере Непоседы было слишком мало рыцарского, чтобы он согласился рисковать жизнью, не видя в этом для себя никакой ощутительной пользы. Поэтому неудивительно, что в ответе его разом прозвучали и затаенные мысли, и та вера в собственную гигантскую силу, которая хоть и не всегда побуждала его быть мужественным, зато обычно превращала Непоседу в нахала по отношению к тем, с кем он разговаривал.

— Ты еще юнец, Зверобой, но по опыту знаешь, что значит побывать в руках у мужчины, — сказал он угрожающим тоном. — Так как ты не я, а всего-навсего посредник, посланный сюда дикарями к нам, христианам, то можешь сказать своим хозяевам, что они знают Гарри Марча, и это доказывает, что они не дураки, да и он тоже. Он достаточно человек, чтобы рассуждать по-человечески, и потому понимает, как безумно сражаться в одиночку против целого племени. Если женщины отказываются от него, то должны быть готовы к тому, что и он откажется от них. Если Джудит согласна изменить свое решение, что же, милости просим, пусть идет со мной на реку, и Хетти тоже. Но, если она не хочет, я отправлюсь в путь, лишь только неприятельские разведчики начнут устраиваться на ночлег под деревьями.

— Джудит не переменит своего решения и не желает путешествовать с вами, мастер Марч! — задорно возразила девушка.

— Стало быть, все ясно, — продолжал Зверобой невозмутимо. — Гарри Непоседа сам отвечает за себя и может делать, что ему угодно. Он предпочитает самый легкий путь, хотя вряд ли сможет идти по нему с легким сердцем. Теперь перейдем к Уа-та-Уа. Что ты скажешь, девушка? Согласна ты изменить своему долгу, вернуться к мингам и выйти замуж за гурона, и все это не ради любви к человеку, с которым тебе предстоит жить, а из любви к своему собственному скальпу?

— Почему ты так говоришь об Уа-та-Уа? — спросила девушка несколько обиженным голосом. — Ты думаешь, что краснокожая женщина поступает, как жена капитана, которая готова шутить и смеяться с первым встречным офицером?

— Что я думаю, Уа-та-Уа, до этого здесь никому нет дела. Я должен передать гуронам твой ответ, а для этого ты должна объявить его. Честный посланец передаст все, что ты скажешь, слово в слово.

Уа-та-Уа больше не колебалась. Глубоко взволнованная, она поднялась со скамьи и высказала свои мысли и намерения красиво и с достоинством на языке родного племени.

— Передай гуронам, Зверобой, — сказала она, — что они невежественны, как кроты: они не умеют отличить волка от собаки. Среди моего народа роза умирает на том же стебле, на котором она распустилась; слезы ребенка падают на могилы родителей; колосья вызревают на том месте, где брошено семя. Делаварских девушек нельзя посылать, словно вампумы, из одного племени в другое. Они похожи на цветы жимолости: всего слаще они пахнут в своих родимых лесах; молодые люди родного племени хранят эти цветы на груди ради их благоухания; и всего сильнее они благоухают на своем родном стебле. Даже реполов и куница из года в год возвращаются в свои старые гнезда: неужели женщина будет бессердечнее птицы? Пересади сосну в глинистую почву, и она пожелтеет; ива никогда не будет цвести на холмах; тамарак всего пышнее разрастается в болоте; племена, обитающие у моря, любят слушать, как ветер шумит над соленой водой. Что такое гуронский юноша для девушки из рода ленни-ленапов? Он может быть очень быстр, все равно ее глаза не будут следовать за ним во время состязания в беге: эти глаза устремлены назад, к хижинам делаваров. Он может петь сладкие песни для девушек Канады, но в ушах Уа музыкой звучит только тот язык, который она слышала в детстве. Но если бы даже гурон родился среди народа, кочевавшего когда-то по берегам Великого Соленого Озера, все равно это было бы бесполезно, если бы он не принадлежал к семье Ункасов. Молодая сосна поднимается так же высоко, как ее отцы. Уа-та-Уа имеет в груди только одно сердце и может любить только одного мужа.

Зверобой с непритворным восхищением слушал эту в высшей степени характерную речь, и, когда девушка смолкла, он ответил на ее красноречие своим обычным веселым, но беззвучным смехом.

— Это стоит всех вампумов, какие только имеются в наших лесах! — воскликнул он. — Я полагаю, вы не поняли ни слова, Джудит; но если вы заглянете в свое сердце и вообразите, что враг предлагает вам отказаться от избранного вами мужчины и выйти замуж за другого, то, ручаясь, вы поймете самую суть того, что сказала Уа-та-Уа. Никто не

сравнится с женщиной в красноречии, если только она говорит то, что по-настоящему чувствует. Впрочем, если она только говорит серьезно, а не просто болтает, потому что болтовней большинство женщин способно заниматься целые часы подряд. Но искреннее глубокое чувство всегда находит подходящие слова. А теперь, Джудит, выслушав ответ краснокожей девушки, я должен обратиться к бледнолицей, хотя, впрочем, это вряд ли подходящее название для такого цветущего лица, как ваше. Вас недаром прозвали Дикой Розой. Раз уж зашла речь о цветах, то, по-моему, Хетти следовало бы называть Жимолостью.

— Если бы с такими словами ко мне обратился один из гарнизонных франтов, я бы высмеяла его, Зверобой. Но, когда их произносите вы, я знаю, что им можно верить, — ответила Джудит, очень польщенная этим безыскусственным и красноречивым комплиментом. — Однако слишком рано требовать от меня ответа: Великий Змей еще не говорил.

— Змей?! Господи, да я могу передать индейцам его речь, не услышав из нее ни слова. Признаюсь, я вовсе не думал обращаться к нему с вопросом, хотя, впрочем, это не совсем правильно, потому что правда выше всего, а я обязан передать мингам то, что он скажет, слово в слово. Итак, Чингачгук, поделись с нами твоими мыслями на этот счет. Согласен ты отправиться через горы в свои родные деревни, отдать Уа-та-Уа гуруну и объявить дома вождям, что если они поторопятся, то, быть может, успеют ухватить один из концов ирокезского следа дня через два или три, после того как неприятель покинет это место?

Так же как и его невеста, молодой вождь встал, чтобы произнести свой ответ с надлежащей выразительностью и достоинством. Девушка говорила, скрестив руки на груди, как бы силясь сдержать бушевавшее внутри волнение. Но воин протянул руку вперед со спокойной энергией, сообщавшей его речи особую силу.

— Вампум надо отправить в обмен на вампум, — сказал он, — посланием ответить на послание. Слушай, что Великий Змей делаваров хочет сказать мнимым волкам Великих Озер, воюющим нынче в наших лесах. Они не волки; они собаки, которые пришли сюда, чтобы руки делаваров обрубили им уши и хвосты. Они способны воровать молодых женщин, но уберечь их не могут. Чингачгук берет свое добро там, где находит его; он не просит для этого позволения у канадских дворняжек. Если у него в сердце таятся нежные чувства, до этого нет дела гурунам. Он высказывает их той, которая может понять их; он не станет трезвонить о них по лесам, чтобы его услышали те, кому внятны только вопли ужаса. То, что происходит в его хижине, не касается даже вождей его собственного племени и тем более гуронских плутов...

— Назови их бродягами, Змей! — перебил Зверобой, не будучи в силах сдержать свое восхищение. — Да, назови их отъявленными бродягами! Это слово легко перевести, и оно будет всего ненавистнее их ушам. Не бойся за меня, я перескажу им твое послание слово за словом, мысль за мыслью, оскорбление за оскорблением; ничего лучшего они не заслуживают. Только назови их бродягами раза два: это заставит все их соки подняться от самых нижних корней к самым верхним веткам.

— И тем более гуронских бродяг, — продолжал Чингачгук, охотно подчиняясь требованию своего друга. — Передай гуронским собакам — пусть воют погромче, если хотят, чтобы делавар разыскал их в лесу, где они прячутся, как лисицы, вместо того чтобы охотиться, как подобает воинам. Когда они стерегли в своем становище делаварскую девушку, стоило охотиться за ними; но теперь я о них забуду, если они сами не станут шуметь. Чингачгуку не нужно трудиться и ходить в свои деревни, чтобы призвать сюда новых воинов; он сам может идти по их следу; если они не скроют этого следа под землей, он пойдет по нему вплоть до Канады. Он возьмет с собой Уа-та-Уа, чтобы она жарила для него дичь; они вдвоем прогонят всех гурунов обратно в их страну.

— Вот настоящее спешное донесение, как оно называется на языке офицеров! — воскликнул Зверобой. — Оно разгорячит кровь гурунам, особенно в той части, где Змей говорит, что Уа-та-Уа тоже пойдет по следу, пока гуроны не уберутся восвояси. Но, увы, громкие слова не всегда влекут за собой громкие дела. Дай бог, чтобы мы хоть наполовину

были так хороши, как обещаем... А теперь, Джудит, ваш черед говорить, потому что гуроны ждут ответа от вас всех, за исключением, может быть, бедной Хетти.

— А почему вы не хотите выслушать Хетти, Зверобой? Она часто говорит очень разумно. Индейцы могут с уважением отнестись к ее словам, потому что они чтят людей, которые находятся в ее положении.

— Это верно, Джудит, и очень хорошо придумано. Краснокожие уважают несчастных всякого рода, а таких, как Хетти, в особенности. Итак, Хетти, если вы хотите что-нибудь сказать, я передам ваши слова гуронам с такой же точностью, как если бы их произнес школьный учитель или миссионер.

Один миг девушка колебалась. Затем ответила своим ласковым и мягким голосом так же серьезно, как все говорившие до нее.

— Гуроны не понимают разницы между белыми людьми и краснокожими, — сказала она, — иначе они не просили бы меня и Джудит прийти и поселиться в их деревне. У красных людей одна земля, а у нас — другая. Мы должны жить отдельно. Мать всегда говорила, что мы непременно должны жить с христианами, если это только возможно, и потому мы не можем переселиться к индейцам. Это наше озеро, и мы не оставим его. Здесь могилы наших отца и матери, и даже самый плохой индеец предпочитает жить поближе к могилам своих отцов. Я схожу к ним опять и почитаю им библию, если им хочется, но не покину могилы матери и отца...

— Достаточно, Хетти, достаточно, — перебил ее охотник. — Я передам им все, что вы сказали, и ручаюсь, что они останутся довольны. А теперь, Джудит, ваш черед высказаться, и тогда мое поручение будет выполнено.

Джудит, видимо, не хотелось отвечать, что несколько заинтриговало посла. Зная ее характер, он никак не думал, что она окажется малодушной Хетти или Уа-та-Уа. И, однако, в ее манерах чувствовалось некоторое колебание, которое слегка смутило Зверобоя. Даже теперь, когда ей предложили высказаться, она, видимо, не решалась и раскрыла рот не раньше, чем всеобщее глубокое молчание дало ей понять, с какой тревогой они ожидают ее слов. Наконец она заговорила, но все еще с сомнением и неохотно.

— Скажите мне сперва... скажите нам сперва, Зверобой, — начала она, повторяя слова для большей выразительности, — как повлияют наши ответы на вашу судьбу? Если вы должны пасть жертвой за нашу отвагу, то нам бы следовало выражаться более сдержанным языком. Как вы думаете, какими последствиями грозит это вам?

— Господи помилуй, Джудит, вы с таким же успехом могли бы спросить меня, в какую сторону подует ветер на будущей неделе или какого возраста будет олень, подстреленный завтра. Могу лишь сказать, что гуроны посматривают на меня довольно сердито, но гром гремит не из каждой тучи и не каждый порыв ветра приносит с собой дождь. Стало быть, гораздо легче задать ваш вопрос, чем ответить на него.

— То же можно сказать и о требовании, которое предъявили мне гуроны, — ответила Джудит, поднимаясь, как будто она приняла наконец бесповоротное решение. — Я сообщу вам мой ответ, Зверобой, после того как мы потолкуем с вами наедине, когда все улягутся спать.

В поведении девушки чувствовалась такая твердость, что Зверобой повиновался. Он сделал это тем охотнее, что небольшая отсрочка не могла особенно повлиять на конечный результат. Сопровождение кончилось, и Непоседа объявил, что собирается тотчас же тронуться в путь. Пришлось, однако, выждать еще около часа, чтобы окончательно спустилась ночная темнота. Все занялись пока своими обычными делами, и охотник снова принялся изучать все достоинства упомянутого нами ружья.

Наконец в девять часов было решено, что Непоседе пора отправляться в дорогу. Вместо того чтобы сердечно проститься со всеми, он угрюмо и холодно произнес несколько слов. Досада на то, что он считал бессмысленным упрямством со стороны Джудит, присоединялась в его душе к чувству унижения, которое ему пришлось испытать в последние дни на озере. Как часто бывает с грубыми и ограниченными людьми, он был

склонен упрекать не себя, а других за свои неудачи.

Джудит протянула ему руку скорее с радостью, чем с сожалением, делавар и его невеста тоже несколько не огорчились, что он покидает их. Лишь одна Хетти обнаружила искреннюю теплоту. Застенчивость и скромность, свойственные ее характеру, заставили ее держаться поодаль, пока Непоседа не спустился в пирог, где Зверобой уже поджидал его. Только тогда девушка перешла в ковчег и неслышной поступью приблизилась к тому месту, откуда готовилась отчалить легкая лодка. Тут порыв чувств победил наконец застенчивость, и Хетти заговорила.

— Прощайте, Непоседа — крикнула она своим слабеньким голоском. — Прощайте, милый Непоседа! Будьте осторожны, когда пойдете через лес, и не останавливайтесь, пока не доберетесь до форта. Гуронов на берегу немногим меньше, чем листьев на деревьях, и они не встретят так ласково сильного мужчину, как встретили меня.

Марч приобрел власть над этой слабоумной, но прямодушной девушкой только благодаря своей красоте. В его душевных качествах она не могла разобраться своим слабым умом. Правда, она находила Марча несколько грубоватым, иногда жестоким, но таким же был и ее отец. Стало быть, заключала Хетти, мужчины, вероятно, все на один лад. Нельзя, однако же, сказать, что она по-настоящему его любила. Этот человек впервые разбудил в Хетти чувство, которое, без сомнения, превратилось бы в сильную страсть, если бы Марч постарался раздуть тлеющую искру. Но он почти никогда не обращал на нее внимания и грубо отзывался о ее недостатках.

Однако на этот раз все оставшиеся в «замке» так холодно распростились с Непоседой, что ласковые слова Хетти невольно растрогали его.

Сильным движением весла он повернул пирогу и пригнал ее обратно к ковчегу. Хетти, мужество которой возросло после отъезда ее героя, не ожидала этого и застенчиво попятилась назад.

— Вы добрая девочка, Хетти, и я не могу уехать, не пожав вам на прощание руку, — сказал Марч ласково. — Джудит, в конце концов, ничем не лучше вас, хоть и выглядит чуточку красивее. А что касается разума, то если честность и прямоту в обращении с молодым человеком надо считать признаком ума, то вы стоите дюжины таких, как Джудит, да и большинства молодых женщин, которых я знаю.

— Не говорите плохо о Джудит, Гарри! — возразила Хетти умоляюще. — Отец умер, и мать умерла, и мы теперь остались совсем одни. Сестра не должна дурно говорить о сестре и не должна позволять это другому. Отец лежит в озере, мать — тоже, и мы не знаем, когда нас самих туда опустят.

— Это звучит очень разумно, дитя, как почти все, что вы говорите. Ладно, если мы еще когда-нибудь встретимся, Хетти, вы найдете во мне друга, что бы там ни утверждала ваша сестра. Признаться, я недолюбливал вашу матушку, потому что мы совсем по-разному смотрели на многие вещи, зато ваш отец — старый Том — и я подходили друг к другу, как меховая куртка к хорошо сложенному мужчине. Я всегда полагал, что старый Плавающий Том Хаттер славный парень, и готов повторить это перед лицом всех врагов как ради него, так и ради вас.

— Прощайте, Непоседа, — сказала Хетти, которой теперь так же страстно хотелось ускорить отъезд молодого человека, как она желала удержать его всего за минуту перед тем; впрочем, она не могла дать себе ясного отчета в своих чувствах. — Прощайте, Непоседа, будьте осторожны в лесу. Я прочитаю ради вас главу из библии, прежде чем лягу спать, и помяну вас в своих молитвах.

Это означало затронуть тему, которая не находила отклика в душе Марча; поэтому, не говоря более ни слова, он сердечно пожал руку девушке и вернулся в пирог. Минуту спустя оба искателя приключений уже находились в сотне футов от ковчега, а еще через пять или шесть минут окончательно исчезли из виду. Хетти глубоко вздохнула и присоединилась к сестре и делаварке.

Некоторое время Зверобой и его товарищ молча работали веслами. Решено было, что

Непоседа высадится на берег в том самом месте, где он впервые сел в пирогу в начале нашей повести.

Гуруны не очень бдительно охраняли это место, и, кроме того, надо было надеяться, что Непоседе там легко будет ориентироваться в лесу. Не прошло и четверти часа, как они достигли цели и очутились в тени, отбрасываемой берегом, в непосредственной близости от намеченного пункта; тут они перестали грести, чтобы на прощание пожать друг другу руку. При этом они старались, чтобы их не услышал какой-нибудь индеец, который мог бы в это время случайно бродить по соседству.

— Попытайся убедить офицеров выслать отряд против гурунов, как только доберешься до форта, Непоседа, — начал Зверобой, — и лучше всего, если ты сам вызовешься проводить их. Ты знаешь тропинки и очертания озера и можешь это сделать лучше, чем обыкновенные разведчики. Сперва иди прямо к гуронскому лагерю и там ищи следы, которые должны броситься тебе в глаза. Одного взгляда на хижину и ковчег будет достаточно, чтобы судить, в каком положении находятся делавар и женщины. На худой конец, тут представляется хороший случай напасть на след мингов и дать этим негодяям урок, который они надолго запомнят. Для меня, впрочем, это не имеет значения, потому что моя участь решится раньше, чем сядет солнце, но для Джудит и Хетти это очень важно.

— А что будет с тобой, Натаниэль? — спросил Непоседа с интересом, обычно не свойственным ему, когда речь шла о чужих делах. — Что будет с тобой, как ты думаешь?

— Тучи собрались черные и грозные, и я стараюсь приготовиться к самому худшему. В сердца мингов вселилась жажда мести, и стоит им немного разочароваться в своих надеждах на грабеж, или на пленных, или на возвращение Уа-та-Уа — и мне не избежать пыток.

— Это скверное дело, и надо помешать ему, — ответил Непоседа, который не видел различия между добром и злом, как это обычно бывает с себялюбивыми и грубыми людьми. — Какая жалость, что старик Хаттер и я не сняли скальпа со всех тварей в их лагере в ту ночь, когда мы первый раз сошли на берег! Если бы ты не остался позади, Зверобой, нам бы это удалось. Тогда бы и ты не очутился теперь в таком отчаянном положении.

— Скажи лучше, что жалеешь о том, что вообще взялся за эту работу. Тогда бы у нас не только не дошло до драки с индейцами, но Томас Хаттер остался бы жив, и сердца дикарей не пылали бы жаждой мщения. Девушку убили тоже очень некстати, Гарри Марч, и ее смерть лежит тяжелым бременем на нашем добром имени.

Все это было столь несомненно и казалось теперь столь очевидным самому Непоседе, что он молча опустил весло в воду и начал гнать пирогу к берегу, как бы спасаясь от терзающих его угрызений совести.

Через две минуты нос лодки легко коснулся прибрежного песка. Выйти на берег, вскинуть на плечи котомку и ружье и приготовиться к походу на все это Непоседе потребовалась одна секунда, и, проворчав прощальное приветствие, он уже тронулся с места, когда вдруг какое-то внезапное наитие принудило его остановиться.

— Неужели ты и впрямь хочешь отдаться в руки этих кровожадных дикарей, Зверобой? — сказал он с гневной досадой, к которой, однако, примешивалось гораздо более благородное чувство. — Это будет поступок безумного или дурака.

— Есть люди, которые считают безумием держать свое слово, и есть такие, которые смотрят на это совсем иначе, Гарри Непоседа. Ты принадлежишь к первым, я — ко вторым. Я получил отпуск, и, если только мне не изменят силы и разум, я вернусь в индейский лагерь завтра до полудня.

— Что значит слово, данное индейцу, или отпуск, полученный от тварей, которые не имеют ни души, ни имени!

— Если у них нет ни души, ни имени, то у нас с тобой есть и то и другое, Гарри Марч. Прощай, Непоседа, быть может, мы никогда больше не встретимся, но желаю тебе никогда не считать данное тобой честное слово за мелочь, с которой можно не считаться, лишь бы избежать телесной боли или душевной муки.

Теперь Марчу хотелось возможно скорей уйти прочь.

Ему были чужды благородные чувства товарища, и он ушел, проклиная безрассудство, побуждающее человека идти навстречу собственной гибели. Зверобой, напротив, не выказывал никаких признаков волнения. Он спокойно постоял на берегу, прислушиваясь, как неосторожно Непоседа пробирается сквозь кусты, неодобрительно покачал головой и затем направился обратно к пироге. Прежде чем снова опустить весло в воду, молодой человек бросил взгляд на пейзаж, открывавшийся перед ним при свете звезд. Это было то самое место, с которого он впервые увидел озеро. Тогда оно во всем своем великолепии золотилось под яркими лучами летнего полдня; теперь, покрытое тенями ночи, оно казалось печальным и унылым. Горы поднимались кругом, как черные ограды, заслонявшие весь мир, и слабый свет, еще мерцавший на самой середине водной глади, мог служить недурным символом слабости тех надежд, которые сулило Зверобоем его собственное будущее. Тяжело вздохнув, он оттолкнул пирогу от берега и уверенно двинулся обратно к ковчегу и «замку».

Глава 24

*Мед часто переходит в желчь, сияние
И радость — в тьму и горькое страданье,
В позор открытый — тайна наслаждения,
В невольный пост обжорства скрытый пир,
Надутый титул — в рубище из дыр,
А сладость речи — в горькое смущенье.*
Шекспир, «Похищение Лукреции»

Джудит с тайным нетерпением поджидала на платформе возвращения Зверобоя. Когда он подъехал к «замку», Уа-та-Уа и Хетти уже покоились глубоким сном на постели, принадлежавшей двум сестрам, а делавар растянулся на полу в соседней комнате. Положив ружье рядом с собой и закутавшись в одеяло, он уже грезил о событиях последних дней. В ковчеге горела лампа; эту роскошь семья позволяла себе в исключительных случаях.

Судя по форме и материалу, лампа эта была из числа вещей, хранившихся прежде в сундуке.

Лишь только девушка разглядела в темноте очертания пироги, она перестала беспокойно расхаживать взад и вперед по платформе и остановилась, чтобы встретить молодого человека. Она помогла ему привязать пирогу; было ясно, что она хочет скорее начать разговор. Когда все необходимое было сделано, она в ответ на вопрос Зверобоя рассказала, каким образом устроились на ночлег товарищи. Он слушал ее внимательно, ибо по серьезному и озабоченному виду девушки легко было догадаться, что какая-то важная мысль таится в ее уме.

— А теперь, Зверобой, — продолжала Джудит, — вы видите, я зажгла лампу и поставила ее в каюте. Это делается у нас только в особых случаях, а я считаю, что сегодняшняя ночь самая значительная в моей жизни. Не согласитесь ли вы последовать за мной, посмотреть то, что я покажу вам, и выслушать то, что я хочу сказать?

Охотник был несколько озадачен, однако ничего не возразил и вместе с девушкой прошел в комнату, где горел свет. Возле сундука стояли два стула; на третьем находилась лампа, а поблизости — стол, чтобы складывать на нем вещи, вынутые из сундука. Все это было заранее подготовлено девушкой; в своем лихорадочном нетерпении она старалась по возможности устранить всякие дальнейшие проволочки. Она даже сняла уже все три замка, и теперь осталось лишь поднять тяжелую крышку, чтобы снова добраться до сокровищ, таившихся в сундуке.

— Я отчасти понимаю, в чем дело, — заметил Зверобой, — да, отчасти я это понимаю. Но почему здесь нет Хетти? Теперь, когда Томас Хаттер умер, она стала одной из хозяек всех этих редкостей, и ей надо было бы присутствовать при том, как их будут

вынимать и рассматривать.

— Хетти спит, — ответила Джудит поспешно. — К счастью, красивые платья и прочие богатства ее не прельщают. Кроме того, сегодня вечером она уступила мне свою долю, так что я имею право распоряжаться как мне угодно всеми вещами, которые лежат в сундуке.

— Но разве бедняга Хетти может делать такие подарки, Джудит? — спросил молодой человек. — Есть хорошее правило, запрещающее принимать подарки от тех, кто не знает их цены. С людьми, на чей рассудок сам бог наложил тяжелую руку, надо обходиться, как с детьми, которые еще не понимают собственных выгод.

Джудит была слегка задета этим упреком, да еще исходившим от человека, которого так уважала. Но она почувствовала бы это гораздо острее, будь ее совесть не свободна от корыстных расчетов по отношению к слабоумней и доверчивой сестре. Однако теперь не время было сердиться или начинать спор, и Джудит сдержала мгновенный порыв гнева, желая скорее заняться тем делом, которое она задумала.

— Хетти несколько не пострадает, — кротко ответила Джудит. — Она знает не только то, что я намерена сделать, но и то, зачем я это делаю. Итак, садитесь, поднимите крышку сундука, и на этот раз мы доберемся до самого дна. Если только не ошибаюсь, мы найдем там то, что сможет разъяснить нам историю Томаса Хаттера и моей матери.

— Почему Томаса Хаттера, а не вашего отца, Джудит? К покойникам надо относиться с таким же почтением, как и к живым.

— Я давно подозревала, что Томас Хаттер — не отец мне, хотя думала, что он, быть может, отец Хетти. Но теперь выяснилось, что он не отец нам обоим: он сам признался в этом в свои предсмертные минуты. Я достаточно взрослая, чтобы помнить лучшую обстановку, чем та, которая окружала нас здесь, на озере. Правда, она так слабо запечатлелась в моей памяти, что самая ранняя часть моей жизни представляется мне похожей на сон.

— Сны — плохие руководители, когда надо разбираться в действительности, — возразил охотник наставительно. — Не связывайте с ними никаких расчетов и никаких надежд. Хотя я знал индейских вождей, которые считали, что от снов бывает польза.

— Я не жду от них ничего для моего будущего, мой добрый друг, но не могу не вспоминать того, что было в прошлом. Впрочем, не стоит понапрасну тратить слов: через полчаса, быть может, мы узнаем все или даже больше того, что мне хотелось бы знать.

Зверобой, понимавший нетерпение девушки, уселся на стул и начал опять вынимать вещи из сундука. Само собой разумеется, все, что они рассматривали в прошлый раз, оказалось на месте, но вызывало уже гораздо меньше интереса и замечаний, чем тогда, когда впервые было извлечено на свет божий. Джудит даже равнодушно отложила в сторону пышное платье из парчи, ибо перед ней была теперь цель гораздо более высокая, чем удовлетворение пустого тщеславия, и ей не терпелось поскорее добраться до еще скрытых и неведомых сокровищ.

— Это мы уже видели, — сказала она, — и не будем тратить время, чтобы все разворачивать снова. Но сверток, который вы держите в руках, Зверобой для нас новинка, и в него мы заглянем. Дай бог, чтобы он помог бедной Хетти и мне разгадать, кто мы такие.

— Ах, если бы свертки могли говорить, они раскрыли бы поразительные секреты! — ответил молодой человек, спокойно разворачивая грубую холстину. — Впрочем, я не думаю, чтобы здесь скрывался какой-нибудь семейный секрет; это всего-навсего флаг, хотя не берусь сказать, какого государства.

— И флаг тоже должен что-нибудь да значить, — подхватила Джудит. — Разверните его пошире, Зверобой, посмотрим на его цвет.

— Ну, знаете ли, мне жаль прапорщика, который таскал на плече эту простыню и маршировал с ней во время похода. Из нее, Джудит, можно выкроить штук двенадцать знамен, которыми так дорожат королевские офицеры. Это знамя не для прапорщика, а, прямо скажу, для генерала.

— Может быть, это корабельный флаг, Зверобой, я знаю, на кораблях бывают такие

флаги. Разве вы никогда не слышали страшных историй о том, что Томас Хаттер был связан с людьми, которых называют буканьерами.

— Бу-кань-ера-ми? Нет, я никогда не слыхивал такого слова. Гарри Непоседа говорил мне, будто Хаттера обвиняли в том, что он прежде водился с морскими разбойниками. Но, господи помилуй, Джудит, неужели вам приятно будет узнать такое про человека, который был мужем вашей матери, если он даже и не был вашим отцом?

— Мне будет приятно все, что даст возможность узнать, кто я такая, и растолкует сны моего детства. Муж моей матери? Да, должно быть, он был ее мужем, но почему такая женщина, как она, выбрала такого человека, как он, — это выше моего разума. Вы никогда не видели моей матери, Зверобой, и не знаете, какая огромная разница была между ними.

— Такие вещи случаются, да, они случаются, хотя, право, не знаю почему. Я знал самых свирепых воинов, у которых были самые кроткие и ласковые жены в целом племени; а с другой стороны, самые злющие, окаянные бабы доставались индейцам, созданным для того, чтобы быть миссионерами. — Это не то, Зверобой, совсем не то. О, если бы удалось доказать, что... Нет, я не могу желать, чтобы она не была его женой, этого ни одна дочь не пожелает своей матери... А теперь продолжайте, посмотрим, что скрывается в этом свертке такой странной четырехугольной формы.

Развязав холстину, Зверобой вынул небольшую, изящной работы шкатулку. Она была заперта. Ключа они не нашли и решили взломать замок, что Зверобой быстро проделал с помощью какого-то железного инструмента. Шкатулка была доверху набита бумагами.

Больше всего там было писем; потом показались разрозненные страницы каких-то рукописей, счета, заметки для памяти и другие документы в том же роде. Ястреб не налетает на цыпленка так стремительно, как Джудит бросилась вперед, чтобы овладеть этим кладезем доселе сокрытых от нее сведений. Ее образование, как читатель, быть может, уже заметил, было значительно выше, чем ее общественное положение. Она быстро пробежала глазами исписанные листки, что говорило о хорошей школьной подготовке. В первые минуты казалось, что она очень довольна, и, смеем прибавить, не без основания, ибо письма, написанные женщиной в невинности любящего сердца, позволяли Джудит гордиться теми, с кем она имела полное основание считать себя связанной узами крови. Мы не намерены приводить здесь эти послания целиком и дадим лишь общее представление об их содержании, а это легче всего сделать, описав, какое действие производили они на поведение, внешность и чувства девушки, читавшей их с такой жадностью.

Как мы уже говорили, Джудит осталась чрезвычайно довольна письмами, раньше всего попавшимися ей на глаза. Они содержали переписку любящей и разумной матери с дочерью, находящейся с ней в разлуке. Писем дочери здесь не было, но о них можно было судить по ответам матери. Не обошлось и без увещаний и предостережений. Джудит почувствовала, как кровь прилила к ее вискам и озноб пробежал по телу, когда она прочитала письмо, в котором дочери указывалось на неприличие слишком большой близости — очевидно, об этом рассказывала в письмах сама дочь — с одним офицером, «который приехал из Европы и вряд ли собирался вступить в честный законный брак в Америке»; об этом знакомстве мать отзывалась довольно холодно. Как это ни странно, но все подписи были вырезаны из писем, а имена, попадавшие в текст, вычеркнуты с такой старательностью, что разобрать что-нибудь было невозможно. Все письма лежали в конвертах, по обычаю того времени, но ни на одном не было адреса. Все же письма хранились благоговейно, и Джудит почудилось, что на некоторых из них она различает следы слез. Теперь она вспомнила, что видела не раз эту шкатулку в руках у матери незадолго до ее смерти. Джудит догадалась, что шкатулка попала в большой сундук вместе с другими вещами, вышедшими из обихода, когда письма уже больше не могли оставлять матери ни горя, ни радости.

Потом девушка начала разбирать вторую пачку писем; эти письма были полны уверений в любви, несомненно продиктованных истинной страстью, но в то же время в них сквозило лукавство, которое мужчины часто считают позволительным, имея дело с

женщинами. Джудит пролила много слез, читая первые письма, но сейчас негодование и гордость заставили ее сдержаться. Рука ее, однако, задрожала, и холодок пробежал по всему ее телу, когда она заметила в этих письмах поразительное сходство с любовными посланиями, адресованными когда-то ей самой. Один раз она даже отложила их в сторону и уткнулась головой в колени, содрогаясь от рыданий. Все это время Зверобой молча, но внимательно наблюдал за ней. Прочитав письмо, Джудит передавала его молодому человеку, а сама принималась за следующее. Но это ничего не могло дать ему; он совсем не умел читать. Тем не менее он отчасти угадывал, какие страсти боролись в душе красивого создания, сидевшего рядом с ним, и отдельные фразы, вырывавшиеся у Джудит, позволяли ему приблизиться к истине гораздо больше, чем это могло быть приятно девушке.

Джудит начала с самых ранних писем, и это помогло ей понять заключающуюся в них историю, ибо они были заботливо подобраны в хронологическом порядке, и всякий, взявший на себя труд просмотреть их, узнал бы грустную повесть удовлетворенной страсти, сменившейся холодностью и, наконец, отвращением. Лишь только Джудит отыскала ключ к содержанию писем, ее нетерпение не желало больше мириться ни с какими отсрочками, и она быстро пробегала глазами страницу за страницей. Скоро Джудит узнала печальную истину о падении своей матери и о каре, постигшей ее. В одном из писем Джудит неожиданно нашла указание на точную дату своего рождения. Ей даже стало известно, что ее красивое имя дал ей отец — человек, воспоминание о котором было так слабо, что его можно было принять скорее за сновидение. О рождении Хетти упоминалось лишь однажды; ей имя дала мать. Но еще задолго до появления на свет другой дочери показались первые признаки холодности, предвещавшие последовавший вскоре разрыв.

С той поры мать, очевидно, решила оставлять у себя копии своих писем. Копий этих было немного, но все они красноречиво говорили о чувствах оскорбленной любви и сердечного раскаяния. Джудит долго плакала, пока наконец не должна была отложить эти письма в сторону; она буквально ослепла от слез. Однако вскоре она снова взялась за чтение. Наконец ей удалось добраться до писем, которыми, по всей вероятности, закончилась переписка ее родителей.

Так прошел целый час, ибо пришлось просмотреть более сотни писем и штук двадцать прочитать от первой строки до последней. Теперь проникательная Джудит знала уже всю правду о рождении своем и сестры. Она содрогнулась. Ей показалось, что она оторвана от всего света, и ей остается лишь одно — провести всю свою дальнейшую жизнь на озере, где она видела столько радостных и столько горестных дней.

Осталось просмотреть еще одну пачку писем. Джудит увидела, что это переписка ее матери с неким Томасом Хови. Все подлинники были старательно подобраны, каждое письмо лежало рядом с ответом, и, таким образом, Джудит узнала о ранней истории отношений этой столь неравной четы гораздо больше, чем ей бы самой хотелось. К изумлению — чтобы не сказать к ужасу — дочери, мать сама заговорила о браке, и Джудит была почти счастлива, когда заметила некоторые признаки безумия или, по крайней мере, душевного расстройства в первых письмах этой несчастной женщины. Ответные письма Хови были грубы и безграмотны, хотя в них явственно сказывалось желание получить руку женщины, отличавшейся необычайной привлекательностью. Все ее минувшие заблуждения он готов был позабыть, лишь бы добиться обладания той, которая во всех отношениях стояла неизмеримо выше его и, по-видимому, имела кое-какие деньги. Последние письма были немногословны. В сущности, они ограничивались краткими деловыми сообщениями: бедная женщина убеждала отсутствующего мужа поскорее покинуть общество цивилизованных людей, которое, надо думать, было столь же опасно для него, как тягостно для нее. Случайная фраза, вырвавшаяся у матери, объяснила Джудит причину, побудившую ту решиться выйти замуж за Хови, или Хаттера: то было желание мести — чувство, которое часто приносит больше зла обиженному, чем тому, кто заставил его страдать. В характере Джудит было достаточно сходного с характером ее матери, чтобы она сумела понять это чувство.

На этом кончалось то, что можно назвать исторической частью документов. Однако среди прочих бумаг сохранилась старая газета с объявлением, обещавшим награду за выдачу нескольких пиратов, в числе которых был назван некий Томас Хови. Девушка обратила внимание и на объявление и на это имя: то и другое было подчеркнуто чернилами. Но Джудит не нашла ничего, что помогло бы установить фамилию или прежнее пребывание жены Хаттера. Как мы уже упоминали, все даты и подписи были вырезаны из писем, а там, где в тексте встречалось сообщение, которое могло бы послужить ключом для дальнейших поисков, все было тщательно вычеркнуто. Таким образом, Джудит увидела, что все надежды узнать, кто были ее родители, рушатся и что ей придется в будущем рассчитывать только на себя. Воспоминания об обычной манере держаться, о беседах и постоянной скорби матери заполняли многочисленные пробелы в тех фактах, которые предстали теперь перед дочерью настолько ясно, чтобы отбить охоту к поискам новых подробностей. Откинувшись на спинку стула, девушка попросила своего товарища закончить осмотр других вещей, хранившихся в сундуке, потому что там могло найтись еще что-нибудь важное.

— Пожалуйста, Джудит, пожалуйста, — ответил терпеливый Зверобой, — но если там найдутся еще какие-нибудь письма, которые вы захотите прочитать, то мы увидим, как солнце снова взойдет, прежде чем вы доберетесь до конца. Два часа подряд вы рассматриваете эти клочки бумаг.

— Они мне рассказали о моих родителях, Зверобой, и определили мое будущее. Надеюсь, вы простите девушку, которая знакомится с жизнью своих отца и матери, и вдобавок впервые. Очень жалею, что заставила вас так долго не спать.

— Не беда, девушка, не беда! Если речь идет обо мне, то не имеет большого значения, сплю я или бодрствую. Но, хотя вы очень хороши собой, Джудит, не совсем приятно сидеть так долго и смотреть, как вы проливаете слезы. Я знаю, слезы не убивают, и многим людям, особенно женщинам, полезно бывает иногда поплакать. Но все-таки, Джудит, я предпочел бы видеть, как вы улыбаетесь.

Это галантное замечание было вознаграждено ласковой, хотя и печальной улыбкой, и девушка попросила своего собеседника закончить осмотр сундука. Поиски по необходимости заняли еще некоторое время, в течение которого Джудит собралась с мыслями и снова овладела собой. Она не принимала участия в осмотре, предоставив заниматься им молодому человеку, и лишь рассеянно поглядывала иногда на различные вещи, которые он доставал. Впрочем, Зверобой не нашел ничего интересного или ценного. Две шпаги, какие тогда носили дворяне, несколько серебряных пряжек, несколько изящных принадлежностей женского туалета — вот самые существенные находки. Тем не менее Джудит и Зверобой одновременно пришли на ум, что эти вещи могут пригодиться при переговорах с ирокезами, хотя молодой человек предвидел — здесь трудности, которые не столь ясно представляла себе девушка.

— А теперь, Зверобой, — сказала Джудит, — мы можем поговорить о том, каким образом освободить вас из рук гуронов. Мы с Хетти охотно отдадим любую часть или все, что есть в этом сундуке, лишь бы выкупить вас на волю.

— Ну что ж, это великодушно, это очень щедро и великодушно. Так всегда поступают женщины. Когда они подружатся с человеком, то ничего не делают наполовину; они готовы уступить все свое добро, как будто оно не имеет никакой цены в их глазах. Однако, хотя я благодарю вас обеих так, словно сделка уже состоялась и Расщепленный Дуб или какой-нибудь другой бродяга уже явился сюда, чтобы скрепить договор, существуют две важные причины, по которым договор этот никогда не будет заключен; а поэтому лучше сказать все начистоту, чтобы не пробуждать неоправданных ожиданий у вас или ложных надежд у меня.

— Но какие же это причины, если мы с Хетти готовы отдать эти безделки для вашего спасения, а дикари согласятся принять их?

— В том-то и штука, Джудит, что, хотя вам и пришла в голову верная мысль, однако она сейчас совсем неуместна. Это все равно как если бы собака побежала не по следу, а в обратную сторону. Весьма вероятно, что минги согласятся принять от вас все, что находится

в этом сундуке, и вообще все, что вы им можете предложить, но согласятся ли они заплатить за это — дело другое. Скажите, Джудит: если бы кто-нибудь велел вам передать, что вот, мол, за такую-то и такую-то цену он согласен уступить вам и Хетти весь этот сундук, стали бы вы ломать голову над такой сделкой или же тратить на это много слов?

— Но этот сундук и все, что в нем находится, принадлежит нам. Чего ради покупать то, что и так уже наше!

— Совершенно так же рассуждают минги; они говорят, что сундук принадлежит им, и никого не хотят благодарить за ключ от него.

— Я понимаю вас, Зверобой; но все же мы еще владеем озером и может продержаться здесь, пока Непоседа не пришлет нам солдат, которые выгонят врагов. Это вполне может удаться, если к тому же вы останетесь с нами, вместо того чтобы возвращаться к мингам и снова сдаться им в плен, как вы, по-видимому, собираетесь.

— Если бы Гарри Непоседа рассуждал таким образом, было бы совершенно естественно: ничего лучшего он не знает и вряд ли способен чувствовать и действовать иначе. Но, Джудит, спрашиваю вас по совести: неужели вы могли бы по-прежнему уважать меня, как, надеюсь, уважаете сейчас, если бы я нарушил свое обещание и не вернулся в индейский лагерь?

— Уважать вас больше, чем сейчас, Зверобой, мне было бы нелегко, но я уважала бы вас — так мне кажется, так я думаю — ничуть не меньше. За все сокровища целого мира я не соглашусь подстрекнуть вас на поступок, который изменил бы мое мнение о вас.

— Тогда не убеждайте меня нарушить данное слово, девушка. Отпуск — великая вещь для воинов и для таких лесных жителей, как мы. И какое горькое разочарование потерпели бы старый Таменунд и Ункас, отец Змея, и все мои индейские друзья, если бы я, выйдя в первый раз на тропу войны, опозорил себя. Совесть — моя царица, и я никогда не спорю против ее повелений.

— Я думаю, вы правы, Зверобой, — печальным голосом сказала девушка после долгого размышления. — Такой человек, как вы, не должен поступать так, как поступили бы на его месте люди себялюбивые и нечестные. В самом деле, вы должны вернуться обратно. Не будем больше говорить об этом. Если бы даже мне удалось убедить вас сделать что-нибудь, в чем вы стали бы раскаиваться впоследствии, я бы сама пожалела об этом не меньше, чем вы. Вы не вправе будете сказать, что Джудит... Ей-богу, не знаю, какую фамилию я теперь должна носить!

— Почему это, девушка? Дети носят фамилию своих родителей, что совершенно естественно, они ее получают словно в подарок; и почему вы и Хетти должны поступать иначе? Старика звали Хаттером, и фамилия обеих его дочек должна быть Хаттер, по крайней мере до тех пор, пока вы не вступите в законный и честный брак.

— Я Джудит, и только Джудит, — ответила девушка решительно, — и буду так называться, пока закон не даст мне права на другое имя! Никогда не буду носить имени Томаса Хаттера, и Хетти тоже, по крайней мере с моего согласия. Теперь я знаю, что его настоящая фамилия не была Хаттер, но если бы даже он тысячу раз имел право носить ее, я этого права не имею. Хвала небу, он не был моим отцом, хотя, быть может, у меня нет оснований гордиться моим настоящим отцом.

— Это странно, — сказал Зверобой, пристально глядя на взволнованную девушку. Ему очень хотелось узнать, что она имеет в виду, но он стеснялся расспрашивать о делах, которые его не касались. — Да, это очень странно и необычайно. Томас Хаттер не был Томасом Хаттером, его дочери не были его дочками. Кто же такой Томас Хаттер и кто такие его дочери?

— Разве вы никогда не слышали сплетен о прежней жизни этого человека? — спросила Джудит. — Хотя я считалась его дочерью, но эти толки доходили даже до меня.

— Не отрицаю, Джудит, нет, я этого не отрицаю. Как я уже говорил вам, рассказывали про него всякую всячину, но я не слишком легковверен. Хотя я и молод, но все-таки прожил на свете достаточно долго, чтобы знать, что существуют двоякого рода репутации. В одних

случаях доброе имя человека зависит от него самого, а в других — от чужих языков. Поэтому я предпочитаю на все смотреть своими глазами и не позволяю первому встречному болтуну исполнять должность судьи. Когда мы странствовали с Гарри Непоседой, он говорил довольно откровенно обо всем вашем семействе. И он намекал мне, что Томас Хаттер погулял по морю в свои молодые годы. Полагаю, он хотел сказать этим, что старик пользовался чужим добром.

— Он сказал, что старик был пиратом, — так оно и есть, не стоит таиться между друзьями. Прочитайте это, Зверобой, и вы увидите, что Непоседа говорил сущую правду. Томас Хови стал впоследствии Томасом Хаттером, как это видно из писем.

С этими словами Джудит с пылающими щеками и с блестящими от волнения глазами протянула молодому человеку газетный лист и указала на объявление колониального губернатора.

— Спаси вас бог, Джудит, — ответил охотник, смеясь, — вы с таким же успехом можете попросить меня напечатать это или, на худой конец, написать. Ведь все мое образование я получил в лесах; единственной книгой для меня были величавые деревья, широкие озера, быстрые реки, синее небо, ветры, бури, солнечный свет и другие чудеса природы. Эту книгу я могу читать и нахожу, что она исполнена мудрости и познаний.

— Умоляю вас, простите меня, Зверобой, — сказала Джудит серьезно, смутившись при мысли, что своими неосторожными словами она уязвила гордость своего собеседника. — Я совсем позабыла ваш образ жизни; во всяком случае, я не хотела оскорбить вас.

— Оскорбить меня? Да разве попросить меня прочитать что-нибудь, когда я не умею читать, — значит оскорбить меня? Я охотник, я теперь, смею сказать, понемногу начинаю становиться воином, но я не миссионер, и поэтому книги и бумаги писаны не для меня. Нет, нет, Джудит, — весело рассмеялся молодой человек, — они не годятся мне даже на пыжи, потому что ваш замечательный карабин «оленебой» можно запыжить лишь кусочком звериной шкуры. Иные люди говорят, будто все, что напечатано, — это святая истина. Если это в самом деле так, то, признаюсь, человек неученый кое-что теряет.

И тем не менее слова, напечатанные в книгах, не могут быть более истинными, чем те, которые начертаны на небесах, на лесных вершинах, на реках и на родниках.

— Ладно, во всяком случае Хаттер, или Хови, был пиратом. И так как он не отец мне, то и его фамилия никогда не будет моей.

— Если вам не по вкусу фамилия этого человека, то ведь у вашей матери была какая-нибудь фамилия. Вы смело можете носить ее.

— Я не знаю ее. Я просмотрела все эти бумаги, Зверобой, в надежде найти в них какой-нибудь намек на то, кто была моя мать, но отсюда все следы прошлого исчезли, как след птицы, пролетевшей в воздухе.

— Это очень странно и очень неразумно. Родители должны дать своему потомству какое-нибудь имя, если даже они не могут дать ему ничего другого. Сам я происхожу из очень скромной семьи, хотя все же мы не настолько бедны, чтобы не иметь фамилии. Нас зовут Бампо, и я слышал (тут легкое тщеславие заставило зарумяниться щеки охотника)... я слышал, что во время оно Бампо занимали более высокое положение, чем теперь.

— Они никогда не заслуживали этого больше, чем теперь, Зверобой, и фамилия у вас хорошая. И я и Хетти — мы тысячу раз предпочли бы называться Хетти Бампо или Джудит Бампо, чем Хетти и Джудит Хаттер.

— Но ведь это невозможно, — добродушно возразил охотник, — разве только одна из вас согласится выйти за меня замуж.

Джудит не могла сдержать улыбку, заметив, как просто и естественно разговор перешел на ту тему, которая всего больше интересовала ее. Случай был слишком удобен, чтобы пропустить его, хотя она коснулась занимавшего ее предмета как бы мимоходом, с истинно женской хитростью, в данном случае, быть может, извинительной.

— Не думаю, чтобы Хетти когда-нибудь вышла замуж, Зверобой, — сказала она. — Если ваше имя суждено носить одной из нас, то, должно быть, это буду я.

— Среди Бампо уже встречались красавицы, Джудит, и если бы вы теперь приняли это имя, то люди, знающие нашу семью, ни чуточки не удивились бы.

— Не шутите, Зверобой. Мы коснулись теперь одного из самых важных вопросов в жизни женщины, и мне хотелось бы поговорить с вами серьезно и вполне искренне. Забывая стыд, который заставляет девушек молчать, пока мужчина не заговорит с ней первый, я выскажусь совершенно откровенно, как это и следует, когда имеешь дело с таким благородным человеком. Как вы думаете, Зверобой, могли бы вы быть счастливы с такой женой, как я?

— С такой женой, как вы, Джудит? Но какой смысл рассуждать о подобных вещах! Такая женщина, как вы, то есть достаточно красивая, чтобы выйти замуж за капитана, утонченная и, как я полагаю, довольно образованная, вряд ли захочет сделаться моей женой. Думается мне, что девушки, которые чувствуют, что они умны и красивы, любят иногда пошутить с тем, кто лишен этих достоинств, как бедный делаварский охотник.

Это было сказано мягко, но вместе с тем в его голосе чувствовалась легкая обида. Джудит сразу заметила это.

— Вы несправедливы, если предполагаете во мне подобные мысли, — ответила она с живостью. — Никогда в моей жизни я не говорила так серьезно. У меня было много поклонников. Зверобой, — право, чуть ли не каждый неженатый траппер или охотник, появлявшийся у нас на озере за последние четыре года, предлагал мне руку и сердце. Ни одного из них я и слушать не хотела, быть может, к счастью для меня. А между ними были очень видные молодые люди, как вы сами можете судить по вашему знакомому, Гарри Марчу.

— Да, Гарри хорош на взгляд, хотя, быть может, не так хорош с точки зрения рассудка. Я сперва думал, что вы хотите выйти за него замуж, Джудит, право! Но, когда он уходил отсюда, я убедился, что нет на свете хижины настолько просторной, чтобы вместить вас обоих.

— Наконец-то вы судите обо мне справедливо, Зверобой! За такого человека, как Непоседа, я никогда не могла бы выйти замуж, если бы даже он был в десять раз красивее и в сто раз мужественнее, чем он есть.

— Но почему, Джудит, почему? Признаюсь, мне любопытно знать, чем такой молодой человек, как Непоседа, мог не угодить такой девушке, как вы.

— В таком случае, вы узнаете, Зверобой, — сказала девушка, радуясь случаю перечислить те достоинства, которые так пленяли ее в собеседнике. Этим способом она надеялась незаметно подойти к теме, близкой ее сердцу. — Во-первых, красота в мужчине не имеет большого значения в глазах женщины, только бы он не был калека или урод.

— Я не могу целиком согласиться с вами, — возразил охотник задумчиво, ибо он был весьма скромного мнения о своей собственной внешности. — Я заметил, что самые видные воины обычно берут себе в жены самых красивых девушек племени. И наш Змей, который иногда бывает удивительно хорош собой в своей боевой раскраске, до сих пор остался общим любимцем делаварских девушек, хотя сам он держится только за Уа-та-Уа, как будто она единственная красавица на земле.

— Если молодой человек достаточно силен и проворен, чтобы защищать женщину и не допускать нужды в дом, то ничего другого не требуется от него. Великаны, вроде Непоседы, могут быть хорошими гренадерами, но как поклонники они стоят немного. Что касается лица, то честный взгляд, который является лучшей порукой за сердце, скрытое в груди, имеет больше значения, чем красивые черты, румянец, глаза, зубы и прочие пустяки. Все это, быть может, хорошо для девушек, но не имеет никакой цены в охотнике, воине или муже. Если и найдутся такие глупые женщины, то Джудит не из их числа.

— Ну знаете, это просто удивительно! Я всегда думал, что красавицы льнут к красавцам, как богачи к богачам.

— Быть может, так бывает с мужчинами, Зверобой, но далеко не всегда это можно сказать о нас, женщинах. Мы любим отважных мужчин, но вместе с тем нам хочется, чтобы

они были скромны; нам по душе ловкость на охоте или на тропе войны, готовность умереть за правое дело и неспособность ни на какие уступки злу. Мы ценим честность — язык, который никогда не говорит, чего нет на уме, — и сердце, которое любит и других, а не только самого себя. Всякая порядочная девушка готова умереть за такого мужа, тогда как хвастливый и двуличный поклонник скоро становится ненавистным как для глаз, так и для души.

Джудит говорила страстно и с большой горечью, но Зверобой не обращал на это внимания, весь поглощенный новыми для него чувствами. Человеку столь скромному было удивительно слышать, что все те достоинства, которыми, несомненно, обладал он сам, так высоко превозносятся самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел. В первую минуту Зверобой был совершенно ошеломлен. Он почувствовал естественную и весьма извинительную гордость. Затем мысль о том, что такое создание, как Джудит, может сделаться спутницей его жизни, впервые мелькнула в его уме. Мысль эта была так приятна и так нова для него, что он на минуту погрузился в глубокое раздумье, совершенно забыв о красавице, которая сидела перед ним, наблюдая за выражением его открытого, честного лица. Она наблюдала так внимательно, что нашла неплохой, хотя не совсем подходящий, ключ к его мыслям. Никогда прежде такие приятные видения не проплывали перед умственным взором молодого охотника. Но, привыкнув главным образом к практическим делам и не имея особой склонности поддаваться власти воображения, он вскоре опомнился и улыбнулся собственной слабости. Картина, нарисованная его воображением, постепенно рассеялась, и он опять почувствовал себя простым, неграмотным, хотя безупречно честным человеком. Джудит с тревожным вниманием глядела на него при свете лампы.

— Вы необыкновенно красивы, вы обворожительны сегодня, Джудит! — воскликнул он простодушно, когда действительность одержала наконец верх над фантазией. — Не помню, чтобы мне когда-нибудь случалось встречать такую красивую девушку, даже среди делаварок; не диво, что Гарри Непоседа ушел отсюда такой грустный и разочарованный.

— Скажите, Зверобой, неужели вы хотели бы видеть меня женой такого человека, как Гарри Марч?

— Кое-что можно сказать в его пользу, а кое-что — и против него. На мой вкус, Непоседа не самый лучший из мужей, но боюсь, что большинство молодых женщин относятся к нему менее строго.

— Нет, нет, даже не имея фамилии, Джудит никогда не захочет называться Джудит Марч! Все, что угодно, лучше, чем это!

— Джудит Бампо звучало бы гораздо хуже, девушка; не много найдется имен, которые так приятны для уха, как Марч.

— Ах, Зверобой, во всех подобных случаях для уха звучит приятно то, что приятно сердцу! Если бы Натти Бампо назывался Генри Марчем и Генри Марч — Натти Бампо, я, вероятно, любила бы имя Марч больше, чем теперь. Или, если бы он носил ваше имя, я бы считала, что Бампо звучит ужасно.

— Вот это правильно, и в этом вся суть. Знаете, у меня врожденное отвращение к змеям, и я ненавижу самое это слово, тем более что миссионеры говорили мне, будто при сотворении мира какая-то змея соблазнила первую женщину. Но с тех пор как Чингачгук заслужил прозвище, которое он теперь носит, это же слово звучит в моих ушах приятнее, чем свист козодоя в тихий летний вечер.

— Это настолько верно, Зверобой, что меня, право, удивляет, почему вы считаете странным, что девушка, которая сама, быть может, недурна, вовсе не стремится, чтобы ее муж имел это действительное или мнимое преимущество. Для меня внешность мужчины ничего не значит, только бы лицо у него было такое же честное, как сердце.

— Да, честность — дело великое; и те, кто легко забывают об этом вначале, часто бывают вынуждены вспомнить это под конец. Тем не менее на свете найдется много людей, которые больше привыкли подсчитывать настоящие, а не будущие барыши. Они думают, что первое — достоверно, а другое — еще сомнительно. Я, однако, рад, что вы судите обо всем

этом так правильно.

— Я действительно так сужу, Зверобой, — ответила девушка выразительно, хотя женская деликатность все еще не позволяла ей напрямик предложить свою руку, — и могу сказать от всей души, что скорее готова верить мое счастье человеку, на чью правдивость и преданность можно положиться, чем лживому и бессердечному негодяю, хотя бы у него были сундуки с золотом, дома и земли... да, хотя бы он даже сидел на королевском троне...

— Это хорошие слова, Джудит, да, это очень хорошие слова! Но уверены ли вы, что чувство согласится поддержать с ними компанию, если вам действительно будет предложен выбор? Если бы с одной стороны стоял изящный франт в красном кафтане, с головой, пахнувшей, как копыта мускусного оленя, с лицом, гладким и цветущим, как ваше собственное, с руками, такими белыми и мягкими, как будто человек не обязан зарабатывать себе хлеб в поте лица своего, и с походкой, такой легкой, какую могут создать только учителя танцев и беззаботное сердце, а с другой стороны стоял бы перед вами человек, проводивший дни свои под открытым небом, пока лоб его не стал таким же красным, как щеки, человек, пробиравшийся сквозь болота и заросли, пока руки его не огрубели, как кора дубов, под которыми он спит, человек, который брел по следам, оставленным дичью, пока походка его не стала такой же крадущейся, как у пантеры, и от которого не разит никаким приятным запахом, кроме того, какой дала ему сама природа в свежем дуновении лесов, — итак, если бы два таких человека стояли перед вами, как вы думаете, кому из них вы отдали бы предпочтение?

Красивое лицо Джудит зарумянилось, ибо тот образ франтоватого офицера, который собеседник нарисовал с таким простодушием, прельстил когда-то ее воображение, хотя опыт и разочарование потом не только охладили ее чувства, но и научили ее совсем другому. Румянец сменился тотчас же смертельной бледностью.

— Бог свидетель, — торжественно ответила девушка, — если бы два таких человека стояли передо мной — а один из них, смею сказать, уже находится здесь, — то, если я только знаю мое собственное сердце, я бы выбрала второго! Я не желаю мужа, который в каком бы то ни было смысле стоял бы выше меня.

— Это очень приятно слышать, Джудит, и может даже заставить молодого человека позабыть свое собственное ничтожество. Однако вряд ли вы думаете то, что говорите. Такой мужчина, как я, слишком груб и невежествен для девушки, у которой была такая ученая мать. Тщеславие — вещь естественная, но оно не должно выходить за границы рассудка.

— Значит, вы не знаете, на что способна женщина, у которой есть сердце. Вы совсем не грубы, Зверобой, и нельзя назвать невежественным человека, который так хорошо изучил все, что находится у него перед глазами. Когда дело касается наших сердечных чувств, все является перед нами в самом приятном свете, а на мелочи мы не обращаем внимания или вовсе забываем их. И так всегда будет с вами и с женщиной, которая полюбит вас, если даже, по мнению света, у нее и есть некоторые преимущества перед вами.

— Джудит, вы происходите из семьи, которая занимала гораздо более высокое положение, чем моя, а неравные браки, подобно неравной дружбе, редко кончаются добром. Я, впрочем, говорю для примера, так как вряд ли вы считаете, что такое дело между нами и впрямь возможно.

Джудит вперила свои темно-синие глаза в открытое и честное лицо Зверобоя, как бы желая прочесть, что творится в его душе. Она не заметила и тени задней мысли и должна была признать, что он считает этот разговор простой шуткой и отнюдь не догадывается о том, что сердце ее действительно серьезно задето. В первую минуту она почувствовала себя оскорбленной, затем поняла, как несправедливо было бы ставить в вину охотнику его смирение и крайнюю скромность.

Новое затруднение придало их отношениям особую остроту и еще более усилило интерес девушки к молодому человеку. В этот критический момент новый план зародился в ее уме. С быстротой, на которую способны люди, наделенные изобретательностью и решительностью, она тотчас же приняла план, надеясь раз и навсегда связать свою судьбу с

судьбой Зверобоя. Однако, чтобы не обрывать разговор слишком резко, Джудит ответила на последнее замечание молодого человека так серьезно и искренне, как будто ее первоначальное намерение осталось неизменным.

— Я, конечно, не имею права хвастать моим родством после всего, что мы узнали сегодня ночью, — сказала она печально. — Правда, у меня была мать, но даже имя ее мне неизвестно, а что касается отца, то, пожалуй, мне лучше никогда о нем не знать.

— Джудит, — сказал Зверобой, ласково беря ее за руку, с искренностью, которая пролагала себе путь прямо к сердцу девушки, — лучше нам прекратить сегодня этот разговор! Усните, и пусть вам приснится все то, что вы сегодня видели и чувствовали. Завтра утром некоторые грустные вещи могут вам показаться более веселыми. Прежде всего, ничего не делайте под влиянием сердечной горечи или с намерением отомстить самой себе за обиды, причиненные вам другими людьми. Все, что сказано было сегодня ночью, останется тайной между мной и вами, и никто не выведает у меня этой тайны, даже Змей. Если ваши родители были грешны, пусть их дочка останется без греха. Вспомните, что вы молоды, а молодость всегда имеет право надеяться на лучшее будущее. Кроме того, вы гораздо умнее, чем большинство девушек, а ум часто помогает нам бороться с разными трудностями. Наконец, вы чрезвычайно красивы, а это, в конце концов, тоже немалое преимущество... А теперь пора немного отдохнуть, потому что завтра кое-кому из нас предстоит трудный день.

Говоря это, Зверобой поднялся, и Джудит вынуждена была последовать его примеру. Они снова заперли сундук и расстались в полном молчании. Джудит легла рядом с Хетти и делаваркой, а Зверобой разостлал одеяло на полу.

Через пять минут молодой человек погрузился в глубокий сон. Джудит долго не могла уснуть. Она сама не знала, горевать ей или радоваться неудаче своего замысла. С одной стороны, ее женская гордость ничуть не пострадала; с другой стороны, она потерпела неудачу или, во всяком случае, должна была примириться с необходимостью отсрочки, а будущее казалось таким темным. Кроме того, новый смелый план занимал ее мысли. Когда наконец дремота заставила ее смежить глаза, перед ней пронеслись картины успеха и счастья, созданные воображением, которое вдохновлялось страстным темпераментом и неистощимой изобретательностью.

Глава 25

*Но темная упала тень
На грезы утреннего сна,
Закрыла туча ясный день,
А жизнь — окончена она!
Нет больше песен и труда —
Источник высох навсегда.*
Маргарет Дэвидсон

Уа-та-Уа и Хетти поднялись на рассвете, когда Джудит еще спала. Делаварке понадобилось не больше минуты, чтобы закончить свой туалет. Она уложила простым узлом свои длинные черные, как уголь, волосы, туго подпоясала ситцевое платье, облежавшее ее гибкий стан, надела на ноги украшенные пестрыми узорами мокасины. Нарядившись таким образом, она предоставила своей подруге заниматься хлопотами по хозяйству, а сама вышла на платформу подышать свежим утренним воздухом. Там она нашла Чингачгука, который рассматривал берега озера, горы и небо с внимательностью лесного жителя и со степенной важностью индейца.

Встреча двух влюбленных была проста и исполнена нежности. Вождь был очень ласков с невестой, хотя в нем не чувствовалось мальчишеской увлеченности или торопливости,

тогда как в улыбке девушки, в ее потупленных взглядах сказывалась застенчивость, свойственная ее полу. Никто из них не произнес ни слова; они объяснялись только взглядами и при этом понимали друг друга так хорошо, как будто использовали целый словарь. Уа-та-Уа редко выглядела такой красивой, как в это утро. Она очень посвежела, отдохнув и умывшись, чего часто бывают лишены в трудных условиях жизни в лесу даже самые юные и красивые индейские женщины. Кроме того, Джудит за короткое время не только успела научить девушку некоторым ухищрениям женского туалета, но даже подарила ей кое-какие вещицы из своего гардероба. Все это Чингачгук заметил с первого взгляда, и на миг лицо его осветилось счастливой улыбкой. Но затем оно тотчас же стало снова серьезным, тревожным и печальным. Стулья, на которых сидели участники вчерашнего совещания, все еще оставались на платформе; поставив два из них у стены, вождь сел и жестом предложил подруге последовать его примеру. В течение целой минуты он продолжал хранить задумчивое молчание со спокойным достоинством человека, рожденного, чтобы заседать у костра советов, тогда как Уа-та-Уа украдкой наблюдала за выражением его лица с терпением и покорностью, свойственными женщине ее племени. Затем молодой воин простер руку вперед, как бы указывая на величие озера, гор и неба в этот волшебный час, когда окружающая панорама развertyвалась перед ним при свете раннего утра. Девушка следила за этим движением, улыбаясь каждому новому пейзажу, встававшему перед ее глазами.

— У-у-ух! — воскликнул вождь, восхищаясь видом, непривычным даже для него, ибо он тоже в первый раз в своей жизни был на озере. — Это страна Маниту! Она слишком хороша для мингов, но псы этого племени целой стаей воют теперь в лесу. Они уверены, что делавары крепко спят у себя за горами.

— Все, кроме одного, Чингачгук. Один здесь, и он из рода Ункасов.

— Что один воин против целого племени! Тропа к нашим деревням очень длинна и извилиста, и мы должны будем идти по ней под пасмурным небом. Я боюсь и того, Жимолость Холмов, что нам одним придется идти по ней.

Уа-та-Уа поняла намек, и он заставил ее опечалиться, хотя ушам ее было приятно слышать, что воин, которого она так любит, сравнивает ее с самым благоуханным из всех диких цветов родного леса. Она хранила молчание, хотя и не могла подавить радостную улыбку.

— Когда солнце будет там, — продолжал делавар, показывая на небо в самом зените, — великий охотник нашего племени вернется к гурунам, и они поступят с ним, как с медведем, с которого сдирают шкуру и жарят, даже если желудок у воинов полный.

— Великий Дух может смягчить их сердца и не позволит им быть такими кровожадными. Я жила среди гурунов и знаю их. У них есть сердце, и они не забудут своих собственных детей; ведь их дети тоже могут попасть в руки делаваров.

— Волк всегда воет; свинья всегда жрет. Они потеряли несколько воинов, и даже их женщины требуют мести. У бледнолицего глаза, как у орла, он проник взором в сердце мингов и не ждет пощады. Облако окутывает его душу, хоть этого и не видно по его лицу.

Последовала долгая пауза; Уа-та-Уа тихонько взяла руку вождя, как бы ища его поддержки, хотя не смела поднять глаз на его лицо. Оно стало необычайно грозным под действием противоречивых страстей и суровой решимости, которые теперь боролись в груди индейца.

— Что же сделает сын Ункаса? — застенчиво спросила наконец девушка. — Он вождь и уже прославил свое имя в совете, хотя еще так молод. Что подсказывает ему сердце? И повторяет ли голова те слова, которые говорит сердце?

— Что скажет Уа-та-Уа в тот час, когда мой самый близкий друг подвергается смертельной опасности? Самые маленькие птички поют всего слаще, всегда бывает приятно послушать их песню. В моих сомнениях я хочу услышать Лесного Королька. Его песнь проникает гораздо глубже, чем в ухо.

Девушка почувствовала глубокую признательность, услышав такую похвалу из уст любимого. Другие делавары часто называли девушку Жимолостью Холмов, однако никогда

слова эти не звучали так сладостно, как теперь, когда их произнес Чингачгук. И лишь он один назвал ее Лесным Корольком, и лишь он пожелал узнать ее мнение, а это была величайшая честь. Она стиснула его руку обеими руками и ответила:

— Уа-та-Уа говорит, что ни она, ни Великий Змей никогда не смогут смеяться или спать, не видя во сне гуронов, если Зверобой умрет под томагавками, а друзья ничего не сделают, чтобы спасти его. Она скорее одна пустится в дальний путь и вернется обратно к родительскому очагу, чем позволит такой темной туче омрачить ее счастье.

— Хорошо! Муж и жена должны иметь одно сердце, должны глядеть на все одними глазами и питать в груди одни и те же чувства.

Мы не станем передавать здесь их дальнейшую беседу. Совершенно ясно, что она касалась Зверобоя и надежд на его спасение, но о том, что они решили, сказано будет позднее. Юная чета еще продолжала разговаривать, когда солнце поднялось над вершинами сосен и свет ослепительного летнего дня затопил долину, озеро и склоны гор. Как раз в эту минуту Зверобой вышел из каюты и поднялся на платформу. Прежде всего он бросил взгляд на безоблачное небо, потом на всю панораму вод и лесов; и только после этого он дружески кивнул своим друзьям и весело улыбнулся девушке.

— Ну, — сказал он, как всегда, спокойным и приятным голосом, — тот, кто видит, как солнце спускается на западе, и кто встает достаточно рано поутру, может быть уверен, что оно снова появится на востоке, подобно волку, окруженному охотниками. Смею сказать, Уа-та-Уа, ты много раз видела это зрелище, и, однако, тебе никогда не пришло на ум спросить, какая этому может быть причина.

Чингачгук и его невеста с недоумением поглядели на великое светило и затем обменялись взглядами, как бы отыскивая решение внезапно возникшей загадки. Привычка притупляет непосредственность чувства даже там, где речь идет о великих явлениях природы.

Эти простые люди до сих пор еще ни разу не пытались объяснить событие, повторяющееся перед ними ежедневно. Однако внезапно поставленный вопрос поразил их обоих, как новая блестящая гипотеза может поразить ученого.

Чингачгук один решился ответить.

— Бледнолицые все знают, — сказал он. — Могут они объяснить нам, почему солнце скрывает свое лицо, когда оно уходит на ночь?

— Ага, вот к чему сводится вся наука краснокожих! — сказал охотник смеясь; ему было безразлично, что он может доказать превосходство своего народа, разрешив эту трудную проблему. — Слушай, Змей, — продолжал он более серьезно и совершенно просто, — это объясняется гораздо легче, чем воображаете вы, индейцы. Хотя нам кажется, будто солнце путешествует по небу, оно на самом деле не двигается с места, а земля вертится вокруг него. Всякий может понять это, если встанет, к примеру сказать, на мельничное колесо, когда оно движется: тогда он будет поочередно то видеть небо, то нырять под воду. Во всем этом нет никакой тайны, действует одна только природа. Вся трудность в том, чтобы привести землю в движение.

— Откуда мой брат знает, что земля вертится? — спросил индеец. — Может ли он видеть это?

— Ну, признаюсь, это хоть кого собьет с толку, делавар. Много раз я пробовал, и мне это никогда по-настоящему не удавалось. Иногда мне мерещилось, что я могу это видеть, но потом опять вынужден был сознаться, что это невозможно. Однако земля действительно вертится, как говорят все наши люди, и ты должен верить им, потому что они умеют предсказывать затмения и другие чудеса, которые приводят в ужас индейцев.

— Хорошо! Это правда: ни один краснокожий не станет отрицать этого. Когда колесо вертится, глаза мои могут это видеть, но они не видят вращения земли.

— Это зависит от упрямства наших чувств. Верь только тому, что видишь, говорят они, и множество людей действительно верят только тому, что видят. И, однако, вождь, это совсем не такой хороший довод, как кажется на первый взгляд. Я знаю, ты веришь в

Великого Духа. И, однако, ручаюсь, ты не смог бы показать, где ты видишь его.

— Чингачгук может видеть Великого Духа во всех добрых делах, Злого Духа — в злых делах. Великий Дух — на озере, в лесу, в облаках, в Уа-та-Уа, в сыне Ункаса, в Таменунде, в Зверобое. Злой Дух — в мингах. Но нигде я не могу видеть, как вертится земля.

— Неудивительно, что тебя прозвали Змеем! В твоих словах всегда видны острый ум и глубокая проницательность. А между тем твой ответ уклоняется от моей мысли. По делам Великого Духа ты заключаешь, что он существует. Белые заключают о вращении земли по тем последствиям, которые происходят от этого вращения. Вот и вся разница. Подробностей я тебе объяснить не могу. Но все бледнолицые убеждены, что так оно и есть.

— Когда солнце поднимется завтра над вершиной этой сосны, где будет мой брат Зверобой? — спросил делавар торжественно.

Охотник встрепнулся и поглядел на своего друга пристально, хотя и без всякой тревоги. Потом знаком велел ему следовать за собой в ковчег, чтобы обсудить этот вопрос вдали от тех, чьи чувства, как он боялся, могли бы возобладать над рассудком. Там он остановился и продолжал беседу в более доверительном тоне.

— Не совсем осторожно с твоей стороны, Змей, — начал он, — спрашивать меня об этом в присутствии Уа-та-Уа. Да и белые девушки могли нас услышать. Ты поступил неосторожно, вопреки всем твоим обычаям. Ну ничего. Уа, кажется, не поняла, а остальные не услышали... Легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Ни один смертный не может сказать, где он будет, когда завтра подымится солнце. Я задам тебе тот, же вопрос, Змей, и хочу послушать, что ты ответишь.

— Чингачгук будет со своим другом Зверобоем. Если Зверобой удалится в страну духов, Великий Змей поползет вслед за ним; если Зверобой останется под солнцем, тепло и свет будут ласкать их обоих.

— Я понимаю тебя, делавар, — ответил охотник, тронутый простодушной преданностью друга. — Такой язык понятен, как и всякий другой; он исходит из сердца и обращается прямо к сердцу. Хорошо так думать и, быть может, хорошо так говорить, но совсем нехорошо будет, если ты так поступишь, Змей. Ты теперь не один на свете — хотя нужно еще переменить хижину и совершить другие обряды, прежде чем Уа-та-Уа станет твоей женой, — вы уже и теперь все равно что обвенчаны и должны вместе делить радость и горе. Нет, нет, нельзя бросать Уа-та-Уа только потому, что между мной и тобой прошло облако немного темнее, чем мы могли предвидеть!

— Уа-та-Уа — дочь могикан, она знает, что надо повиноваться мужу. Куда пойдет он, пойдет и она. Мы оба будем с великим охотником делаваров, когда солнце поднимется завтра над этой сосной.

— Боже тебя сохрани, вождь! Это сущее безумие! Неужели вы можете переделать натуру мингов? Неужели твои грозные взгляды или слезы и красота Уа-та-Уа превратят волка в белку или сделают дикую кошку кроткой, как лань? Нет, Змей, образумься и предоставь меня моей судьбе. В конце концов, нельзя уж так быть уверенным, что эти бродяги непременно будут пытаться меня.

Они еще могут жалиться, хотя, говоря по правде, трудно ожидать, чтобы минг отказался от злобы и позволил милосердию восторжествовать в своем сердце. И все же никто не знает, что может случиться, и такое молодое существо, как Уа-та-Уа, не смеет зря рисковать своей жизнью. Брак совсем не то, что воображают о нем некоторые молодые люди. Если бы ты был еще не женат, делавар, я бы, конечно, ждал, что от восхода солнца до заката ты неумоимо, как собака, бегущая по следу, станешь рыскать вокруг лагеря мингов, подстерегая удобный случай помочь мне и сокрушить врагов. Но вдвоем мы часто бываем слабее, чем в одиночку, и надо принимать все вещи такими, каковы они есть в действительности, а не такими, какими нам хотелось бы их видеть.

— Слушай, Зверобой, — возразил индеец с важным и решительным видом, — что сделал бы мой бледнолицый брат, если бы Чингачгук попал в руки гуронов? Пробрался бы в деревни делаваров и там сказал бы вождям, старикам и молодым воинам: «Глядите, вот Уа-

та-Уа, она цела и невредима, хотя немного устала; а вот Зверобой: он меньше устал, чем Жимолость, потому что он гораздо сильнее, но он тоже цел и невредим!» Неужели ты так поступил бы на моем месте?

— Ну, признаюсь, ты меня озадачил! Даже минг не додумался бы до такой хитрости. Как это тебе пришло в голову задать такой вопрос!.. Что бы я сделал? Да, во-первых, Уа-та-Уа вряд ли оказалась бы в моем обществе, потому что она осталась бы возле тебя, и, стало быть, все, что ты говоришь о ней, не имеет никакого смысла. Если бы она не ушла со мной, то не могла бы и устать; значит, я не мог бы произнести ни единого слова из всей твоей речи. Итак, ты видишь, Змей, рассудок говорит против тебя. И тут нечего толковать, так как восставать против рассудка не пристало вождю с твоим характером и твоей репутацией.

— Мой брат изменил самому себе — он забыл, что говорит с человеком, заседавшим у костров совета своего народа, — возразил индеец ласково. — Когда люди говорят, они не должны произносить слов которые входят в одно ухо и выходят из другого. Слова их не должны быть пушинками, такими легкими, что ветер, неспособный даже вызвать рябь на воде, уносит их прочь. Брат мой не ответил на мой вопрос: когда вождь задает вопрос своему другу, не подобает толковать о другом.

— Я понимаю тебя, делавар, я достаточно хорошо понимаю, что ты имеешь в виду, и уважение к правде не позволяет мне отрицать это. Все же ответить тебе не так легко, как ты, по-видимому, думаешь, и вот по какой причине. Ты хочешь знать, что бы я сделал, если бы у меня на озере была невеста, как у тебя, и если бы мой друг находился в лагере гуронов и ему угрожали пытки. Не так ли?

Индеец молча кивнул головой, как всегда невозмутимый и степенный, хотя глаза его блеснули при виде смущения собеседника.

— Ну так вот: у меня никогда не было невесты, я никогда не питал ни к одной молодой женщине тех нежных чувств, какие ты питаешь к Уа-та-Уа, хотя довольно хорошо отношусь к ним всем, вместе взятым. Все же мое сердце, как это говорится, свободно, и, следовательно, я не могу сказать, что бы я сделал в этом случае. Друг сильно тянет в свою сторону, Змей, это я могу сказать по опыту, но, судя по всему, что я видел и слышал о любви, я склонен думать, что невеста тянет сильнее.

— Правда, но невеста Чингачгука не тянет его к хижинам делаваров, она тянет к лагерю гуронов.

— Она благородная девушка; ножки и ручки у нее не больше, чем у ребенка, а голосок звонкий, как у дрозда-пересмешника; она благодарная девушка и достойна своих предков, но что из этого следует, Змей? Я все-таки полагаю, что она не изменила своего решения и не хочет стать женой гулона. Чего же ты добиваешься?

— Уа-та-Уа никогда не будет жить в вигваме ирокеза! — ответил Чингачгук резко. — У нее маленькие ножки, но они могут увести ее к деревням ее народа; у нее маленькие ручки, но великая душа. Когда придет время, брат мой увидит, что мы можем сделать, чтобы не позволить ему умереть под томагавками мингов.

— Не действуй опрометчиво, делавар, — сказал охотник серьезно. — Вероятно, ты поступишь по-своему, и, в общем, это правильно, потому что ты никогда не будешь счастлив, если ничего не попытаешься сделать. Но не действуй опрометчиво. Я знаю, что ты не покинешь озеро, пока не решится моя судьба. Но помни, Змей, ни одна из попыток, которые способны изобрести минги, не может смутить мой дух, как мысль, что ты и Уа-та-Уа попали в руки врагов, стараясь сделать что-нибудь для моего спасения.

— Делавары осторожны. Зверобой не должен бояться, что они бросятся во вражеский лагерь с завязанными глазами.

На этом разговор и кончился. Хетти вскоре объявила, что завтрак готов, и все уселись вокруг простого, накрашенного стола. Джудит последняя заняла свое место.

Она была бледна, молчалива, и по лицу ее легко было заметить, что она провела мучительную, бессонную ночь.

Завтрак прошел в молчании. Женщины почти не прикасались к еде, но у мужчин

аппетит был обычный.

Когда встали из-за стола, оставалось еще несколько часов до момента прощания пленника со своими друзьями.

Горячее сочувствие Зверобою и желание быть поближе к нему заставило всех собраться на платформе, чтобы в последний раз поговорить с ним и выказать свое участие, предупреждая его малейшие желания.

Сам Зверобой внешне был совершенно спокоен, разговаривал весело и оживленно, хотя избегал всяких намеков на важные события, ожидавшие его в этот день.

Только по тону, которым он говорил о смерти, можно было догадаться, что мысли его невольно возвращаются к этой тяжелой теме.

— Ах, — сказал он вдруг, — сделайте мне одолжение, Джудит, сойдем на минутку в ковчег! Я хочу поговорить с вами.

Джудит повиновалась с радостью, которую едва могла скрыть.

Пройдя за охотником в каюту, она опустилась на стул. Молодой человек сел на другой стул, взяв в руки стоявший в углу «оленебой», который она подарила ему накануне, и положил его себе на колени. Еще раз осмотрев с любовным вниманием дуло и затвор, он отложил карабин в сторону и обратился к предмету, ради которого и завел этот разговор.

— Насколько я понимаю, Джудит, вы подарили мне это ружье, — сказал он. — Я согласен взять его, потому что молодой женщине ни к чему огнестрельное оружие. У этого карабина славное имя, и его по праву должен носить человек опытный, с твердой рукой, — ведь самую добрую славу легко потерять из-за беспечного и необдуманного поведения.

— Ружье не может находиться в лучших руках, чем сейчас, Зверобой. Томас Хаттер редко давал из него промах, а у вас оно будет...

— «Верной смертью», — перебил охотник смеясь. — Я знавал когда-то охотника на бобров, у него было ружье, которому дали такое прозвище, по все это было лишь бахвальство, ибо я видел делаваров, которые на близком расстоянии посылали свои стрелы так же метко. Однако я не отрицаю моих способностей... ибо это способности, Джудит, а не натура... я не отрицаю моих способностей и, следовательно, готов признаться, что ружье не может находиться в лучших руках, чем сейчас. Но как долго оно в них останется? Говоря между нами, мне не хотелось бы, чтобы это слышали Змей и Уа-та-Уа, но вам можно сказать всю правду, потому что ваше сердце вряд ли будет так страдать от этой мысли, как сердца людей, знающих меня дольше и лучше. Итак, спрашиваю я: долго ли мне придется владеть этим ружьем? Это серьезный вопрос, над которым стоит подумать, и, если случится то, что, по всей вероятности, должно случиться, «оленебой» останется без хозяина.

Джудит слушала его с кажущейся невозмутимостью, хотя внутренняя борьба почти до конца истощила ее силы. Зная своеобразный нрав Зверобоя, она заставила себя сохранять внешнее спокойствие, хотя, если бы его внимание не было приковано к ружью, человек с такой острой наблюдательностью вряд ли мог не заметить душевной муки, с которой девушка выслушала его последние слова. Тем не менее необычайное самообладание позволило ей продолжать разговор, не обнаруживая своих чувств.

— Что же вы мне прикажете делать с этим оружием, — спросила она, — если случится то, чего вы, по-видимому, ожидаете?

— Именно об этом хотел я поговорить с вами, Джудит, именно об этом. Вот Чингачгук, правда, далек от совершенства по части обращения с ружьем, но все же он достоин уважения и постепенно овладевает этим искусством. Кроме того, он мой друг — быть может, самый близкий друг, потому что мы никогда не ссорились, хоть у нас и разные природные склонности. Так вот, мне бы хотелось оставить «оленебой» Змею, если что-нибудь помешает мне прославить своим искусством ваш драгоценный подарок, Джудит.

— Оставьте его кому хотите, Зверобой: ружье ваше и вы можете распоряжаться им как угодно. Если таково ваше желание, то Чингачгук получит его, в случае если вы не вернетесь обратно.

— А спросили вы мнения Хетти по этому поводу? Право собственности переходит от

родителей ко всем детям, а не к одному из них.

— Если вы желаете руководствоваться велениями закона, Зверобой, то, боюсь, что ни одна из нас не имеет права на это ружье. Томас Хаттер не был отцом Хетти, так же как он не был и моим отцом. Мы только Джудит и Хетти, у нас нет другого имени.

— Быть может, так говорит закон, в этом я мало смыслю. По вашим обычаям, все вещи принадлежат вам, и никто здесь не станет спорить против этого. Если Хетти скажет, что она согласна, я окончательно успокоюсь на этот счет. Правда, Джудит, у вашей сестры нет ни вашей красоты, ни вашего ума, но мы должны оберегать права даже обиженных богом людей.

Девушка ничего не ответила, но, подойдя к окошку, подозвала к себе сестру. Простодушная, любящая Хетти с радостью согласилась уступить Зверобойю право собственности на драгоценное ружье. Охотник, по-видимому, почувствовал себя совершенно счастливым, по крайней мере до поры до времени; снова и снова рассматривал он ценный подарок и наконец выразил желание испытать на практике все его достоинства, прежде чем сам он вернется на берег. Ни один мальчик не спешил испробовать новую трубу или новый лук со стрелами с таким восторгом, с каким наивный лесной житель принялся испытывать свое новое ружье. Выйдя на платформу, он прежде всего отвел делавара в сторону и сказал ему, что это прославленное ружье станет его собственностью, если какая-нибудь беда случится со Зверобоем.

— Это, Змей, для тебя лишнее основание быть осторожным и без нужды не подвергать себя опасности, — прибавил охотник. — Для вашего племени обладание таким ружьем стоит хорошей победы. Минги позеленеют от зависти, и, что еще важнее, они уже не посмеют больше бродить без опаски вокруг деревни, где хранится это ружье; поэтому береги его, делавар, и помни, что на твоём попечении теперь находится вещь, обладающая всеми достоинствами живого существа без его недостатков. Уа-та-Уа должна быть и, без сомнения, будет очень дорога тебе, но «оленебой» станет предметом любви и поклонения всего вашего народа.

— Одно ружье стоит другого, Зверобой, — возразил индеец, несколько уязвленный тем, что друг оценил его невесту ниже, чем ружье. — Все они убивают, все сделаны из дерева и железа. Жена мила сердцу; ружье хорошо для стрельбы.

— А что такое человек в лесу, если ему нечем стрелять? В самом лучшем случае он становится жалким траппером, а не то ему приходится вязать веники и плести корзины. Такой человек умеет сеять хлеб, но никогда не узнает вкуса дичи и не отличит медвежьей ветчины от кабаньей... Ну ладно, друг! Подобный случай, быть может, никогда не представится нам, и я непременно хочу испытать это знаменитое ружье. Принеси-ка сюда твой карабин, а я испробую «оленебой», чтобы мы могли узнать все его скрытые достоинства.

Это предложение, отвлекшее присутствующих от тяжелых мыслей, было принято всеми с удовольствием.

Девушки с готовностью вынесли на платформу весь запас огнестрельного оружия, принадлежавшего Хаттеру. Арсенал старика был довольно богат: в нем имелось несколько ружей, всегда заряженных на тот случай, если бы пришлось внезапно пустить их в ход. Оставалось только подсыпать на полки свежего пороха, что и было сделано общими силами очень быстро, так как женщины по части оборонительных приготовлений обладали не меньшим опытом, чем мужчины.

— Теперь, Змей, мы начнем помаленьку: сперва испытаем обыкновенные ружья старика Тома и только потом — твой карабин, а затем — «оленебой», — сказал Зверобой, радуясь тому, что снова держит в руках ружье и может показать свое искусство. — Птиц здесь видимо-невидимо: одни плавают на воде, другие летают над озером и как раз на нужном расстоянии от замка. Покажи нам, делавар, пичужку, которую ты намерен пугнуть. Да вон, прямо к востоку, я вижу, плывет селезень. Это проворная тварь, она умеет нырять в мгновение ока; на ней стоит попробовать ружье и порох.

Чингачгук не отличался многословием. Лишь только ему указали птицу, он прицелился и выстрелил. При вспышке выстрела селезень мгновенно нырнул, как и ожидал Зверобой, и пуля скользнула по поверхности озера, ударившись о воду в нескольких дюймах от места, где недавно плавала птица. Зверобой рассмеялся своим сердечным смехом, но в то же время приготовился к выстрелу и стоял, зорко наблюдая за спокойной водной гладью. Вот на ней показалось темное пятно, селезень вынырнул, чтобы перевести дух, и взмахнул крыльями. Тут пуля ударила ему прямо в грудь, и он, мертвый, опрокинулся на спину. Секунду спустя Зверобой уже стоял, опираясь прикладом своего ружья о платформу, так спокойно, как будто ничего не случилось, хотя он и смеялся своим обычным беззвучным смехом.

— Ну, это еще не бог весть какое испытание для ружей, — сказал он, как бы желая умалить свою собственную заслугу. — Это не свидетельствует ни за, ни против ружья, поскольку все зависело от быстроты руки и верности глаза. Я захватил птицу врасплох, иначе она могла бы снова нырнуть, прежде чем пуля настигла ее. Но Змей слишком мудр, чтобы придавать значение таким фокусам; он давно к ним привык. Помнишь, вождь, как ты хотел убить дикого гуся, а я подстрелил его прямо у тебя под носом? Впрочем, такие вещи не могут поссорить друзей, а молодежи надо иногда позабавиться, Джудит... Ага, теперь я опять вижу птицу, какая нам требуется, и мы не должны упускать удобный случай. Вон там, немного севернее, делавар!

Индеец посмотрел в ту сторону и вскоре заметил большую черную утку, с величавым спокойствием плававшую на поверхности воды. В те далекие времена, когда лишь очень немногие люди нарушали своим присутствием гармонию пустыни, все мелкие озера, которыми изобилует внутренняя часть Нью-Йорка, служили прибежищем для перелетных птиц. Мерцающее Зеркало, подобно другим водоемам, некогда кишело всевозможными видами уток, гусей, чаек и гагар. После появления Хаттера Мерцающее Зеркало по сравнению с другими озерами, более далекими и уединенными, опустело, хотя в нем еще продолжали гнездиться разные породы птиц, как гнездятся они там и по сие время. В ту минуту из «замка» можно было увидеть сотни птиц, дремавших на воде или купавших свои перья в прозрачной стихии. Но ни одна из них не представляла собой такой подходящей мишени, как черная утка, на которую Зверобой только что указал своему другу. Чингачгук не стал тратить слов понапрасну и немедленно приступил к делу. На этот раз он целился старательно, и ему удалось перебить утке крыло. Она с криком поплыла по воде, быстро увеличивая расстояние, отделявшее ее от врагов.

— Надо покончить с мучениями этой твари! — воскликнул Зверобой, видя, что птица тщетно старается взмахнуть раненым крылом. — Для этого здесь найдутся и ружье и глаз.

Утка все еще барахталась в воде, когда роковая пуля нагнала ее, отделив голову от шеи так чисто, словно ее отрубили топором. Уа-та-Уа испустила было тихий крик восторга, обрадованная успехом молодого индейца, но, увидев теперь превосходство его друга, насупилась. Вождь, напротив, издал радостное восклицание, и улыбка его говорила о том, что он искренне восхищен и нисколько не завидует сопернику.

— Не обращай внимания на девчонку, Змей, пусть ее сердится, мне от этого ни холодно ни жарко, — сказал Зверобой смеясь. — Для женщин довольно естественно принимать к сердцу победы и поражения мужа, а вы теперь, можно сказать, все равно что муж и жена. Однако постреляем немного в птиц, которые носятся у нас над головой; предлагаю тебе целить в летящую мишень. Вот это будет настоящее испытание: оно требует меткого ружья, как и меткого глаза.

На озере водились орлы, которые живут вблизи воды и питаются рыбой. Как раз в эту минуту один из них парил на довольно значительной высоте, подстерегая добычу; его голодные птенцы высовывали головы из гнезда, которое можно было различить на голой вершине сухой сосны. Чингачгук молча направил новое ружье на эту птицу и, тщательно прицелившись, выстрелил. Более широкий, чем обычно, круг, описанный орлом, свидетельствовал о том, что пуля пролетела недалеко от него, хотя и не попала в цель. Зверобой, который целился так же быстро, как и метко, выстрелил, лишь только заметил

промах своего друга, и в ту же секунду орел понесся вниз так, что не совсем ясно было, ранен он или нет. Сам стрелок, однако, объявил, что промахнулся, и предложил приятелю взять другое ружье, ибо по некоторым признакам был уверен, что птица собирается улететь.

— Я заставил его вильнуть книзу, Змей; думаю, что перья были немного задеты, но он еще не потерял ни капли крови. Впрочем, это старое ружьишко не годится для такой стрельбы. Живо, делавар, бери свой карабин, а вы, Джудит, дайте мне «оленебой»! Это самый подходящий случай испытать все его качества.

Соперники приготовились, а девушки стояли поодаль, с нетерпением ожидая, чем кончится состязание. Орел описал широкий круг и, снова поднявшись ввысь, пролетел почти над самым «замком», но еще выше, чем прежде. Чингачгук посмотрел на него и объявил, что немисливо попасть в птицу по отвесной линии кверху. Но тихий ропот Уа-та-Уа наставил его изменить свое решение, и он выстрелил. Результат, однако, показал, что он был прав, так как орел даже не изменил направление своего полета, продолжая чертить в воздухе круги и спокойно глядя вниз, как будто он презирал своих врагов.

— Теперь, Джудит, — крикнул Зверобой, смеясь и весело поблескивая глазами, — посмотрим, можно ли называть «оленебой» также и «убей орла»!.. Отойди подальше, Змей, и гляди, как я буду целиться, потому что этому следует учиться.

Зверобой несколько раз наводил ружье, а птица тем временем продолжала подниматься все выше и выше. Затем последовали вспышка и выстрел. Свинцовый посланец помчался кверху, и в следующее мгновение птица склонилась набок и начала опускаться вниз, взмахивая то одним, то другим крылом, иногда описывая круги, иногда отчаянно барахтаясь, пока наконец, сделав несколько кругов, не свалилась на нос ковчега. Осмотрев ее тело, обнаружили, что пуля попала между крылом и грудной костью.

Глава 26

*И каменная грудь ее без стона
На каменное ложе возлегла,
Здесь спал слуга бесстрастного закона,
Восстановитель и добра и зла,
И счет долгам рука его вела —
Тот счет, где жизнь и смерть стояли рядом,
Тот счет, которого коснувшись взглядом,
Забилась в ужасе она, как перед адом.*
Джайлс Флетчер

— Мы поступили легкомысленно, Змей. Да, Джудит, мы поступили очень легкомысленно, убив живое существо из пустого тщеславия! — воскликнул Зверобой, когда делавар поднял за крылья огромную птицу, глядевшую на врагов в упор своим тускнеющим взглядом — тем взглядом, которым беспомощные жертвы всегда смотрят на своих убийц. — Это больше пристало двум мальчишкам, чем двум воинам, идущим по тропе войны, хотя бы и первый раз в жизни. Горе мне! Ну что же, в наказание я покину вас немедленно, и когда останусь один на один с кровожадными мингами, то, вероятнее всего, мне придется вспомнить, что жизнь сладка даже зверям, бродящим по лесу, и птицам, летающим в воздухе... Подите сюда, Джудит! Вот «оленебой». Возьмите его обратно и сохраните для рук, более достойных владеть таким оружием.

— Я не знаю рук более достойных, чем ваши, Зверобой, — ответила девушка поспешно. — Никто, кроме вас, не должен прикасаться к этому оружию.

— Если речь идет о моей ловкости, вы, быть может, и правы, девушка, но мы должны не только уметь пользоваться огнестрельным оружием, но и знать, когда можно пускать его в ход. Очевидно, последнему я еще не научился, поэтому возьмите ружье. Вид умирающего и страждущего создания, хотя это только птица, внушает спасительные мысли человеку,

который почти уверен, что его последний час наступит до заката солнца. Я бы пожертвовал всеми утехами тщеславия, всеми радостями, которые мне доставляют моя рука и глаз, если бы этот бедный орел мог снова очутиться в гнезде со своими птенцами.

Слушатели были поражены порывом внезапного раскаяния, охватившим охотника, и вдобавок раскаяния в поступке, столь обыкновенном, ибо люди редко задумываются над физическими страданиями беззащитных и беспомощных животных. Делавар понял слова, сказанные его другом, хотя вряд ли мог понять одушевляющие того чувства; он вынул острый нож и поспешил прекратить страдания орла, отрезав ему голову.

— Какая страшная вещь — сила, — продолжал охотник, — и как страшно обладать ею и не знать, как ею пользоваться! Неудивительно, Джудит, что великие мира сего так часто изменяют своему долгу, если даже людям маленьким и смиренным трудно бывает поступать справедливо и удаляться от всякого зла. И как неизбежно один дурной поступок влечет за собой другой! Если бы я не был обязан немедленно вернуться к моим мингам, я бы отыскал гнездо этой твари; хотя бы мне пришлось блуждать по лесу две недели подряд; впрочем, гнездо орла нетрудно найти человеку, который знает повадки этой птицы; но все равно я бы согласился две недели скитаться по лесу, лишь бы отыскать птенцов и избавить их от лишних страданий.

В это время Зверобой не подозревал, что тот самый поступок, за который он так строго осуждал себя, должен был оказать решающее действие на его последующую судьбу. Каким образом проявилось это действие, мы не станем рассказывать здесь, ибо это будет ясно из последующих глав. Молодой человек медленно вышел из ковчега с видом кающегося грешника и молча уселся на платформе. Тем временем солнце поднялось уже довольно высоко, — и это обстоятельство, в связи с обуревавшими его теперь чувствами, побудило охотника ускорить свой отъезд. Делавар вывел для друга пирогу, лишь только узнал о его намерении, а Уа-та-Уа позаботилась, чтобы ему было удобно. Все это делалось не напоказ; Зверобой отлично видел и оценил искренние побуждения своих друзей. Когда все было готово, индейцы вернулись и сели рядом с Джудит и Хетти, которые не покидали молодого охотника.

— Даже лучшим друзьям сплошь и рядом приходится расставаться, — начал Зверобой, увидев, что все общество снова собралось вокруг него. — Да, дружба не может изменить путей провидения, и каковы бы ни были наши чувства, мы должны расстаться. Я часто думал, что бывают минуты, когда слова, сказанные нами, остаются в памяти у людей прочнее, чем обычно, и когда данный нами совет запоминается лучше именно потому, что тот, кто говорит, вряд ли сможет заговорить снова. Никто не знает, что может случиться, и, следовательно, когда друзья расстанутся с мыслью, что разлука продлится, чего доброго, очень долго, не мешает сказать несколько ласковых слов на прощанье. Я прошу вас всех уйти в ковчег и возвращаться оттуда по очереди; я поговорю с каждым отдельно и, что еще важнее, послушаю, что каждый из вас хочет сказать мне, потому что плох тот советник, который сам не слушает чужих советов.

Лишь только было высказано это пожелание, индейцы немедленно удалились, оставив обеих сестер возле молодого человека. Вопросительный взгляд Зверобоя заставил Джудит дать объяснение.

— С Хетти вы можете поговорить, когда будете плыть к берегу, — сказала она быстро. — Я хочу, чтобы она сопровождала вас.

— Разумно ли это, Джудит? Правда, при обыкновенных обстоятельствах слабоумие служит защитой среди краснокожих, но, когда те разъярятся и станут помышлять только о мести, трудно сказать, что может случиться. Кроме того...

— Что вы хотите сказать, Зверобой? — спросила Джудит таким мягким голосом, что в нем чувствовалась почти нежность, хотя она старалась изо всех сил обуздать свое волнение.

— Да просто то, что бывают такие зрелища, при которых лучше не присутствовать даже людям, столь мало одаренным рассудком и памятью, как наша Хетти. Поэтому, Джудит, лучше позвольте мне отплыть одному, а сестру оставьте дома.

— Не бойтесь за меня, Зверобой, — вмешалась Хетти, понявшая общий смысл разговора. — Говорят, я слабоумная, а это позволяет мне ходить повсюду, тем более что я всегда ношу с собой библию... Просто удивительно, Джудит, как самые разные люди — трапперы, охотники, краснокожие, белые, минги и делавары — боятся библии!

— Я думаю, у тебя нет никаких оснований опасаться чего-нибудь худого, Хетти, — ответила сестра, — и потому настаиваю, чтобы ты отправилась в гуронский лагерь вместе с нашим другом. Тебе от этого не будет никакого вреда, а Зверобою может принести большую пользу.

— Теперь не время спорить, Джудит, а потому действуйте по-своему, — ответил молодой человек. — Приготовьтесь, Хетти, и садитесь в пирогу, потому что я хочу сказать вашей сестре несколько слов на прощание.

Джудит и ее собеседник сидели молча, пока Хетти не оставила их одних, после чего Зверобой возобновил разговор спокойно и деловито, как будто он был прерван каким-то заурядным обстоятельством.

— Слова, сказанные при разлуке, и притом, быть может, последние слова, которые удастся услышать из уст друга, не скоро забываются, — повторил он, — и потому, Джудит, я хочу поговорить с вами как брат, поскольку я недостаточно стар, чтобы быть вашим отцом. Во-первых, я хочу предостеречь вас от ваших врагов, из которых двое, можно сказать, следуют за вами по пятам и подкарауливают вас на всех дорогах. Первый из этих врагов — необычайная красота, которая так же опасна для некоторых молодых женщин, как целое племя мингов, и требует величайшей бдительности. Да, не восхищения и не похвалы, а недоверия и отпора. Красоте можно дать отпор и даже перехитрить ее. Для этого вам надо лишь вспомнить, что она тает, как снег, и когда однажды исчезает, то уж никогда не возвращается вновь. Времена года сменяются одно другим, Джудит, и если у нас бывает зима с ураганами и морозами и весна с утренними холодами и голыми деревьями, зато бывает и лето с ярким солнцем и безоблачным небом, и осень с ее плодами и лесами, одетыми в такой праздничный наряд, какого ни одна городская франтиха не найдет во всех лавках Америки. Земля никогда не перестает вращаться, и приятное сменяет собой неприятное. Но иное дело — красота. Она дается только в юности и на короткое время, и поэтому надо пользоваться ею разумно, а не злоупотреблять ею. И так как я никогда не встречал другой молодой женщины, которую природа так щедро одарила красотой, то я предупреждаю вас, быть может, в мои предсмертные минуты: берегитесь этого врага!

Джудит было так приятно слушать это откровенное признание ее чар, что она многое могла бы простить человеку, сказавшему подобные слова, кто бы он ни был. Да и сейчас, когда она находилась под влиянием гораздо более высоких чувств, Зверобою вообще нелегко было бы обидеть ее; поэтому она терпеливо выслушала ту часть речи, которая неделю назад возбудила бы ее негодование.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Зверобой, — ответила девушка с покорностью и смирением, несколько удивившими охотника, — и надеюсь извлечь пользу из ваших советов. Но вы назвали только одного врага, которого я должна бояться; кто же второй враг?

— Второй враг отступает перед вашим умом и способностью здраво рассуждать, Джудит, и я вижу, что он не так опасен, как я раньше предполагал. Однако раз уж я заговорил об этом, то лучше честно договорить все до конца. Первый враг, которого надо опасаться, Джудит, как я уже сказал, — ваша необычайная красота, а второй враг — то, что вы прекрасно знаете, что вы красивы. Если первое вызывает тревогу, то второе еще более опасно.

Трудно сказать, как долго продолжал бы в простоте душевной разглагольствовать в том же духе ничего не подозревавший охотник, если бы его слушательница не залилась внезапными слезами, отдавшись чувству, которое прорвалось на волю с тем большей силой, чем упорней она его подавляла. Ее рыдания были так страстны и неуправляемы, что Зверобой немного испугался и очень огорчился, увидав, что слова его подействовали гораздо сильнее, чем он ожидал. Даже люди суровые и властные обычно смягчаются, видя внешние признаки

печали, но Зверобойю с его характером не нужно было таких доказательств сердечного волнения, чтобы искренне пожалеть девушку. Он вскочил как ужаленный, и голос матери, утешающей своего ребенка, вряд ли мог звучат ласковей, чем те слова, которыми он выразил свое сожаление в том, что зашел так далеко.

— Я хотел вам добра, Джудит, — сказал он, — и совсем не намеревался так вас обидеть. Вижу, что я хватил через край. Да, хватил через край и умоляю вас простить меня. Дружба — странная вещь. Иногда она укоряет за то, что мы сделали слишком мало, а иногда бранит самыми резкими словами за то, что мы сделали слишком много. Однако, признаюсь, я пересоллил, и так как я по-настоящему и от всей души уважаю вас, то рад сказать это, потому что вы гораздо лучше, чем я вообразил в своем тщеславии и самомнении.

Джудит отвела руки от лица, слезы ее высохли, и она поглядела на собеседника с такой сияющей улыбкой, что молодой человек на один миг совершенно онемел от восхищения.

— Перестаньте, Зверобой! — поспешно сказала она. — Мне больно слышать, как вы укоряете себя. Я больше сознаю мои слабости теперь, когда вижу, что и вы их заметили. Как ни горек этот урок, он не скоро будет забыт. Мы не станем говорить больше об этом, чтобы делавар, или Уа-та-Уа, или даже Хетти не заметили моей слабости. Прощайте, Зверобой, пусть бог благословит и хранит вас, как того заслуживает ваше честное сердце.

Теперь Джудит совершенно овладела собой. Молодой человек позволил ей действовать, как ей хотелось, и когда она пожала его жесткую руку обеими руками, он не воспротивился, но принял этот знак почтения так же спокойно, как монарх мог бы принять подобную дань от своего подданного или возлюбленная от своего поклонника. Чувство любви загло румянцем и осветило лицо девушки, и красота ее никогда не была столь блистательна, как в тот миг, когда она бросила прощальный взгляд на юношу. Этот взгляд был полон тревоги, сочувствия и нежной жалости. Секунду спустя Джудит исчезла в каюте и больше не показывалась, хотя из окошка сказала делаварке, что их друг ожидает ее.

— Ты достаточно хорошо знаешь натуру и обычаи краснокожих, Уа-та-Уа, чтобы понять, почему я обязан вернуться из отпуска, — начал охотник на делаварском наречии, когда терпеливая и покорная дочь этого племени спокойно приблизилась к нему. — Ты, вероятно, понимаешь также, что вряд ли мне суждено когда-нибудь снова говорить с тобой. Мне надо сказать лишь очень немного. Но это немного — плод долгой жизни среди вашего народа и долгих наблюдений над вашими обычаями. Женская доля вообще тяжела, но должен признаться, хотя я и не отдаю особого предпочтения людям моего цвета, что женщине живется тяжелее среди краснокожих, чем среди бледнолицых. Неси свое бремя, Уа-та-Уа, как подобает, и помни, что если оно и тяжело, то все же гораздо легче, чем бремя большинства индейских женщин. Я хорошо знаю Змея, знаю его сердце — он никогда не будет тираном той, которую любит, хотя и ждет, конечно, что с ним будут обходиться как с могиканским вождем. Вероятно, в вашей хижине случатся и пасмурные дни, потому что такие дни бывают у всех народов и при любых обычаях; но, держа окна сердца раскрытыми настезь, ты всегда оставишь достаточно простора, чтобы туда мог проникнуть солнечный луч. Ты приходишь из знатного рода, и Чингачгук — тоже. Не думаю, чтобы ты или он позабыли об этом и опозорили ваших предков. Тем не менее любовь — нежное растение и никогда не живет долго, если его орошают слезами. Пусть лучше земля вокруг вашего супружеского счастья увлажняется росой нежности.

— Мой бледнолицый брат очень мудр; Уа сохранит в памяти все, что его мудрость возвестила ей.

— Это очень разумно, Уа-та-Уа. Слушать хорошие советы и запоминать их — вот самая надежная защита для женщины. А теперь попроси Змея прийти и поговорить со мной. Я буду вспоминать тебя и твоего будущего мужа, что бы ни случилось со мной, и всегда буду желать вам обоим всех благ и в этом и в будущем мире.

Уа-та-Уа не пролила ни единой слезинки на прощание, но в ее черных глазах отражалось пылавшее в груди чувство, и красивое лицо было озарено выражением решимости, представлявшим резкий контраст с ее обычаями. Минуту спустя делавар

приблизился к своему другу легкой и бесшумной поступью индейца.

— Поди сюда, Змей, вот сюда, немного подальше, чтобы нас не могли видеть женщины, — начал Зверобой, — я хочу сказать тебе кое-что, чего никто не должен подозревать, а тем более подслушать. Ты хорошо знаешь, что такое отпуск и кто такие минги, чтобы сомневаться или питать ложные надежды на счет того, что, по всем вероятностям, произойдет, когда я вернусь обратно в их лагерь. Итак, несколько слов будет достаточно... Во-первых, вождь, я хочу сказать тебе об Уа-та-Уа. Я знаю, что, по обычаям вашего народа, женщины должны работать, а мужчины охотиться, но во всем надо знать меру. Впрочем, что касается охоты, то я не вижу оснований, по которым здесь следовало бы ставить какие-нибудь границы, но Уа-та-Уа принадлежит к слишком хорошему роду, чтобы трудиться без передышки. Люди с вашим достатком и положением никогда не будут нуждаться в хлебе, картофеле или других овощах, которые рождаются на полях. Поэтому, надеюсь, твоей жене никогда не придется брать в руки лопату. Ты знаешь, я не совсем нищий, и все, чем владею, будь то припасы, шкуры, оружие или материи, — все это дары Уа-та-Уа, если не вернусь за своим добром в конце лета. Пусть это будет приданым для девушки. Думаю, нет нужды говорить тебе, что ты обязан любить молодую жену, потому что ты уже любишь ее, а кого человек любит, того он, по всей вероятности, будет и ценить. Все же не мешает напомнить, что ласковые слова никогда не обижают, а горькие обижают сплошь да рядом. Я знаю, ты мужчина, Змей, и потому охотнее говоришь у костра совета, чем у домашнего очага, но все мы иногда бываем склонны немножко забыться, а ласковое обхождение и ласковое слово всего лучше помогают нам поддерживать мир в хижине, так же как на охоте.

— Мои уши открыты, — произнес делавар степенно. — Слова моего брата проникли так далеко, что никогда не смогут вывалиться обратно. Они подобны кольцам, у которых нет ни конца, ни начала. Говори дальше: песня королька и голос друга никогда не наскучат.

— Я скажу еще кое-что, вождь, но ради старой дружбы ты извинишь меня, если я теперь поговорю о себе самом. Если дело обернется плохо, то от меня, по всем вероятностям, останется только кучка пепла, поэтому не будет особой нужды в могиле, разве только из пустого тщеславия. На этот счет я не слишком привередлив, хотя все-таки надо будет осмотреть остатки костра, и если там окажутся кости, то приличнее будет собрать и похоронить их, чтобы волки не глодали их и не выли над ними. В конце концов, разница тут невелика, но люди придают значение таким вещам...

— Все будет сделано, как говорит мой брат, — важно ответил индеец. — Если душа его полна, пусть он облегчит ее на груди друга.

— Спасибо, Змей, на душе у меня довольно легко. Да, сравнительно легко. Правда, я не могу отделаться от некоторых мыслей, но это не беда. Есть, впрочем, одна вещь, вождь, которая кажется мне неразумной и неестественной, хотя миссионеры говорят, что это правда, а моя религия и цвет кожи обязывают меня верить им. Они говорят, что индеец может мучить и истязать тело врага в полное свое удовольствие, сдирать с него скальп, и резать его, и рвать на куски, и жечь, пока ничего не останется, кроме пепла, который будет развеян на все четыре стороны; и, однако, когда зазвучит труба, человек воскреснет снова во плоти и станет таким же, по крайней мере по внешности, если не по своим чувствам, каким он был прежде.

— Миссионеры — хорошие люди, они желают нам добра, — ответил делавар вежливо, — но они плохие знахари. Они верят всему, что говорят, Зверобой, но это еще не значит, что воины и ораторы должны открывать свои уши. Когда Чингачгук увидит отца Таменунда, стоящего перед ним со скальпом на голове и в боевой раскраске, тогда он поверит словам миссионера.

— Увидеть — значит поверить, это несомненно. Горе мне! Кое-кто из нас может увидеть все это гораздо скорее, чем мы ожидаем. Я понимаю, почему ты говоришь об отце Таменунда, Змей, и это очень тонкая мысль. Таменунд — старик, ему исполнилось восемьдесят лет, никак не меньше, а его отца подвергли пыткам, скальпировали и сожгли, когда нынешний пророк был еще юнцом.

Да, если бы это можно было увидеть своими глазами, тогда действительно было бы нетрудно поверить всему, что говорят нам миссионеры. Однако я не решаюсь спорить против этого мнения, ибо ты должен знать, Змей, что христианство учит нас верить, не видя, а человек всегда должен придерживаться своей религии и ее учения, каковы бы они ни были.

— Это довольно странно со стороны такого умного народа, как белые, — сказал делавар выразительно. — Краснокожий глядит на все очень внимательно, чтобы сперва увидеть, а потом понять.

— Да, это звучит убедительно и льстит человеческой гордости, но это не так глубоко, как кажется на первый взгляд. Однако из всего христианского учения, Змей, всего больше смущает и огорчает меня то, что бледнолицые должны отправиться на одно небо, а краснокожие — на другое. Таким образом, те, кто жили вместе и любили друг друга, должны будут разлучиться после смерти.

— Неужели миссионеры действительно учат этому своих белых братьев? — спросил индеец с величайшей серьезностью. — Делавары думают, что добрые люди и храбрые воины все вместе будут охотиться в чудесных лесах, к какому бы племени они ни принадлежали, тогда как дурные индейцы и трусы должны будут пресмыкаться с собаками и волками, чтобы добывать дичину для своих очагов.

— Удивительно, право, как люди по-разному представляют себе блаженство и муку после смерти! — воскликнул охотник, отдаваясь течению своих мыслей. — Одни верят в неугасимое пламя, а другие думают, что грешникам придется искать себе пищу с волками и собаками. Но я не могу больше говорить обо всем этом: Хетти уже сидит в пироге и мой отпуск кончается. Горе мне! Ладно, делавар, вот моя рука. Ты знаешь, что это рука друга, и пожмешь ее как друг, хотя она и не сделала тебе даже половины того добра, которого я тебе желаю.

Индеец взял протянутую руку в горячо ответил на пожатие. Затем, вернувшись к своей обычной невозмутимости, которую многие принимали за врожденное равнодушие, он снова овладел собой, — чтобы расстаться с другом с подобающим достоинством. Зверобой, впрочем, держал себя более естественно и не побоялся бы дать полную волю своим чувствам, если бы не его недавний разговор с Джудит.

Он был слишком скромнен, чтобы догадаться об истинных чувствах красивой девушки, но в то же время слишком наблюдателен, чтобы не заметить, какая борьба совершалось в ее груди. Ему было ясно, что с ней творится что-то необычайное, и с деликатностью, которая сделала бы честь человеку более утонченному, он решил избегать всего, что могло бы повлечь за собой разоблачение этой тайны, о чем впоследствии могла пожалеть сама девушка. Итак, он решил тут же пуститься в путь.

— Спаси тебя бог, Змей, спаси тебя бог! — крикнул охотник, когда пирога отчалила от края платформы.

Чингачгук помахал рукой. Потом, закутавшись с головой в легкое одеяло, которое он носил обычно на плечах, словно римлянин тогу, он медленно удалился внутрь ковчега, желая предаться наедине своей скорби и одиноким думам.

Зверобой не вымолвил больше ни слова, пока пирога не достигла половины пути между «замком» и берегом.

Тут он внезапно перестал грести, потому что в ушах его прозвучал кроткий, музыкальный голос Хетти.

— Почему вы возвращаетесь к гурунам, Зверобой? — спросила девушка. — Говорят, я слабоумная, и таких они никогда не трогают, но вы так же умны, как Гарри Непоседа; Джудит уверена даже, что вы гораздо умнее, хотя я не понимаю, как это возможно.

— Ах, Хетти, прежде чем сойти на берег, я должен поговорить с вами — главным образом о том, что касается вашего собственного блага. Перестаньте грести или лучше, чтобы минги не подумали, будто мы замыслиаем какую-нибудь хитрость, гребите полегоньку; пусть пирога только чуть двигается. Вот так!.. Ага, я теперь вижу, что вы тоже умеете притворяться и могли бы участвовать в каких-нибудь военных хитростях, если бы

хитрости были законны в эту минуту. Увы! Обман и ложь — очень худые вещи, Хетти, но так приятно одурачить врага во время честной, законной войны! Путь мой был короток и, по-видимому, скоро кончится, но теперь я вижу, что воину не всегда приходится иметь дело с одними препятствиями и трудностями. Тропа войны тоже имеет свою светлую сторону, как большинство других вещей, и мы должны быть только достаточно мудры, чтобы заметить это.

— А почему ваша тропа войны, как вы это называете, должна скоро кончиться, Зверобой?

— Потому, дорогая девушка, что отпуск мой тоже кончается. По всей вероятности, и моя дорога и отпуск кончатся в одно и то же время; во всяком случае, они следуют друг за дружкой по пятам.

— Я не понимаю ваших слов, Зверобой, — ответила девушка, несколько сбита с толку. — Мать всегда уверяла, что люди должны говорить со мной гораздо проще, чем с другими, потому что я слабоумная. Слабоумные не так легко все понимают, как те, у кого есть рассудок.

— Ладно, Хетти, я отвечу вам совсем просто. Вы знаете, что я теперь в плену у гуронов, а пленные не могут делать все, что им захочется...

— Но как вы можете быть в плену, — нетерпеливо перебила девушка, — когда вы находитесь здесь, на озере, в отцовской лодке, а индейцы — в лесу, и у них нет ни одной лодки? Тут что-то не так, Зверобой!

— Я бы от всего сердца хотел, Хетти, чтобы вы были правы, а я ошибался, но, к сожалению, ошибаетесь вы, а я говорю вам сущую истину. Каким бы свободным я ни казался вашим глазам, девушка, в действительности я связан по рукам и ногам.

— Ах, какое это несчастье — не иметь рассудка! Ей-богу, я не вижу и не понимаю, отчего это вы в плену и связаны по рукам и ногам. Если вы связаны, то чем опутаны ваши руки и ноги?

— Отпуском, девочка! Это такие путы, которые связывают крепче всякой цепи. Можно сломать цепь, но нельзя нарушить отпуск. Против веревок и цепей можно пустить в ход ножи, пилу и разные уловки, но отпуск нельзя ни разрезать, ни распилить, ни избавиться от него при помощи хитрости.

— Что же это за вещь — отпуск, который крепче пеньки или железа? Я никогда не видела отпуска.

— Надеюсь, вы никогда его не почувствуете, девочка. Эти узы связывают наши чувства, поэтому их можно только чувствовать, но не видеть. Вам понятно, что значит дать обещание, добрая маленькая Хетти?

— Конечно, если обещаешь сделать что-нибудь, то надо это исполнить. Мать всегда исполняла обещания, которые она мне давала, и при этом говорила, что будет очень дурно, если я не стану исполнять обещаний, которые я давала ей или кому-нибудь еще.

— У вас была очень хорошая мать, дитя, хотя, быть может, кое в чем она и согрешила. Значит, по-вашему обещания нужно исполнять. Ну так вот, прошлой ночью я попал в руки мингов, и они позволили мне приехать и повидаться с моими друзьями и передать послание людям моего собственного цвета, но все это только с условием, что я вернусь обратно сегодня в полдень и вытерплю все пытки, которые может измыслить их мстительность и злоба, в отплату за жизнь воина, который пал от моей пули, и за жизнь молодой женщины, которую подстрелил Непоседа, и за другие неудачи, которые их здесь постигли. Надеюсь, вы теперь понимаете мое положение, Хетти?

Некоторое время девушка ничего не отвечала, но перестала грести, как будто новая мысль, поразившая ее ум, не позволяла ей заниматься чем-нибудь другим. Затем она возобновила разговор, явно очень озабоченная и встревоженная.

— Неужели вы считаете индейцев способными сделать то, о чем вы только что говорили, Зверобой? — спросила она. — Они показались мне ласковыми и безобидными.

— Это до некоторой степени верно, если речь идет о таких, как вы, Хетти, но совсем

другое дело, когда это касается врага, и особенно владельца довольно меткого карабина. Я не хочу сказать, что они питают ко мне ненависть за какие-нибудь прежние мои подвиги: это значило бы хвастаться на краю могилы, но без всякого хвастовства можно сказать, что один из самых храбрых и ловких их вождей пал от моей руки. После такого случая все племя станет попрекать их, если они не отправят дух бледнолицего поддержать компанию духу краснокожего брата, — разумеется, предполагая, что он может нагнать его. Я, Хетти, не жду от них пощады. Мне больше всего жаль, что такое несчастье постигло меня на моей первой тропе войны. Но все равно это должно случиться рано или поздно, и каждый солдат должен быть к этому готов.

— Гуроны не причинят вам вреда, Зверобой! — вскричала взволнованная девушка. — Это грешно и жестоко. Я взяла библию, чтобы объяснить им это. Неужели вы думаете, что я стану спокойно смотреть, как вас будут мучить?

— Надеюсь, что нет, добрая Хетти, надеюсь, что нет, а потому, когда настанет эта минута, прошу вас уйти и не быть свидетельницей того, чему помешать вы не можете, но что, конечно, огорчит вас. Однако я бросил весла не для того, чтобы рассуждать здесь о моих горестях и затруднениях, но для того, девушка, чтобы поговорить немножко о ваших делах.

— Что вы можете сказать мне, Зверобой? С тех пор, как умерла матушка, мало кто говорит со мной о моих делах.

— Тем хуже, бедная девочка, да, тем хуже, потому что с такими, как вы, надо почаще говорить, чтобы вы могли спастись от западни и обмана. Вы еще не забыли Гарри Непоседу, насколько я понимаю?

— Забыла ли я Гарри Марча?! — воскликнула Хетти, вздрогнув. — Как могла я позабыть его, Зверобой, если он наш друг и покинул нас только вчера ночью! Большая яркая звезда, на которую мать любила подолгу глядеть, мерцала над вершиной вон той высокой сосны на горе, когда Гарри сел в пирогу. Я знаю, ум у меня слабый, но он никогда не изменяет мне, если дело касается бедного Гарри Непоседы. Джудит никогда не выйдет замуж за Марча, Зверобой.

— В этом вся суть, Хетти, та суть, до которой я хочу добраться. Вероятно, вы знаете, что молодым людям естественно любить друг друга, особенно когда встречаются юноша и девушка. Ну так вот: девушка ваших лет, круглая сирота, которая живет в пустыне, посещаемой только охотниками и трапперами, должна остерегаться опасностей, которые, быть может, и не снились ей.

— Но какое зло может причинить мне мой ближний? — ответила Хетти по-детски просто, хотя щеки ее немного зарумянились. — Библия учит любить ненавидящих нас, и почему бы нам не любить тех, кто вовсе не думает нас ненавидеть!

— Ах, Хетти, любовь, о которой толкуют миссионеры, совсем не та любовь, которую я имею в виду! Ответьте мне на один вопрос, дитя, как вы думаете, можете вы когда-нибудь стать женой и матерью?

— С таким вопросом нельзя обращаться к молодой девушке, и я не отвечу на него, — сказала Хетти укоризненным тоном, каким мать выговаривает ребенку за неприличный поступок. — Если вы хотите сказать что-нибудь о Непоседе, я послушаю, но вы не должны говорить о нем дурно: его здесь нет, а об отсутствующих не говорят дурно.

— Ваша мать дала вам столько хороших наставлений, Хетти, что все мои страхи в значительной мере рассеялись. И все-таки молодая женщина, не имеющая родителей, но не лишенная красоты, всегда должна быть осторожной в тех местах, где не соблюдают ни права, ни закона. Я ничего дурного не хочу сказать о Непоседе, в общем, он неплохой человек на свой лад, но вы должны знать кое-что; вам, быть может, не особенно приятно будет это выслушать, но все же об этом надо сказать: Марч влюблен в вашу сестру Джудит.

— Ну и что же? Все восхищаются Джудит, она так хороша собой, и Непоседа не раз говорил, что хочет на ней жениться. Но из этого ничего не выйдет, потому что Джудит Непоседа не нравится. Ей нравится другой, и она говорит о нем во сне, хотя вы не должны спрашивать меня, кто он, потому что за все золото и все бриллианты, которые только есть в

короне короля Георга, я не назову его имени. Если сестры не станут хранить секреты друг друга, на кого же можно тогда положиться?

— Конечно, я не прошу вас сказать это, Хетти, да и мало было бы от этого пользы человеку, который стоит одной ногой в могиле. Ни голова, ни сердце не отвечают за то, что человек говорит во сне.

— Мне хотелось бы знать, почему Джудит так часто говорит во сне об офицерах, о честных сердцах и о лживых языках, но, вероятно, она не желает мне этого сказать, потому что я слабоумная. Не правда ли, странно, Зверобой, что Джудит не нравится Непоседа, хотя это самый brave молодой человек из всех, кто когда-либо приходил на озеро, и он не уступает ей в красоте? Отец всегда говорил, что из них выйдет самая прекрасная пара во всей стране, хотя мать недолюбливала Марча.

— Ладно, бедная Хетти, трудно все это вам растолковать, а потому я не скажу больше ни слова, хотя то, что я хотел сказать, тяжестью лежит у меня на сердце. Беритесь снова за весла, девушка, и поплывем прямо к берегу, потому что солнце уже высоко и отпуск мой вот-вот кончится.

Теперь пирога направились прямо к мысу, где, как хорошо знал Зверобой, враги поджидали его; он даже начал побаиваться, что опоздает и не поспеет вовремя. Хетти, заметившая его нетерпение, хотя и не понимавшая толком, в чем тут дело, помогала ему очень усердно, и вскоре стало ясно, что они поспеют к сроку. Только тогда молодой человек начал грести медленнее, а Хетти снова начала болтать, как всегда, просто и доверчиво, но нам нет надобности воспроизводить здесь их дальнейшую беседу.

Глава 27

*Ты поработала сегодня, смерть, но все же
Еще работы хватит! Адские врата
Наполнены толпой, но дважды десять тысяч
Невинных душ не ведают в своих домах,
Что лишь побагровеет запад, как они
Войдут в мир скорби...*
Саути

Человек, привыкший наблюдать за небесными светилами, мог бы предсказать, что через две-три минуты солнце достигнет зенита, когда Зверобой высадился на берег, там, где гуруны теперь расположились лагерем, почти прямо против «замка».

Лагерь этот очень напоминал тот, который мы уже описали выше, только почва здесь была более ровная и деревья росли не так густо. Два эти обстоятельства делали мыс очень удобным местом для стоянки. Пространство под древесными ветвями напоминало тенистую лесную лужайку, неподалеку протекал прозрачный ручей, поэтому индейцы и охотники очень любили посещать эту часть берега. Повсюду здесь виднелись следы костров, что в девственном лесу встречается редко. На берегах здесь не было густых зарослей кустарника, и внимательный взор мог сразу охватить все, что творится под свисавшими над водой деревьями.

Для индейского воина долг чести — сдержать свое слово, если он обещал вернуться и встретить смерть в назначенный час.

Однако считается неприличным появляться до наступления срока, выказывая этим женское нетерпение. Нельзя злоупотреблять великодушием врага, но лучше всего являться точно, минута в минуту. Драматические эффекты такого рода сопровождают все наиболее важные обряды аборигенов Америки, и, без сомнения, эта склонность, присущая и более цивилизованным народам, коренится в самой природе человека. Все мы высоко ценим личную отвагу, но, если она соединяется с рыцарской самоотверженностью и строгим

соблюдением чести, она кажется нам вдвойне привлекательной. Что касается Зверобоя, то хотя он и гордился своей кровью белого человека и иногда отступал от индейских обычаев, но все же гораздо чаще подчинялся этим обычаям и бессознательно для себя заимствовал понятия и вкусы краснокожих — в вопросах чести они были его единственными судьями. На этот раз ему не хотелось проявлять лихорадочной поспешности и возвращаться слишком рано, ибо в этом как бы заключалось молчаливое признание, что он потребовал себе для отпуска больше времени, чем в действительности ему было нужно. С другой стороны, он был не прочь несколько ускорить движение пироги, чтобы избежать драматического появления в самый последний момент. Однако совершенно случайно молодому человеку не удалось осуществить это намерение, и, когда он сошел на берег и твердой поступью направился к группе вождей, восседавших на стволе упавшей сосны, старший из них взглянул в просвет между деревьями и указал своим товарищам на солнце, только что достигшее зенита.

Дружное, но тихое восклицание удивления и восхищения вырвалось из всех уст, и угрюмые воины поглядели друг на друга: одни — с завистью и разочарованием, другие — поражаясь этой необычайной точности, а некоторые — с более благородным и великодушным чувством. Американский индеец выше всего ценит нравственную победу: стоны и крики жертвы во время пыток приятнее ему, чем трофеи в виде скальпа; и самый трофей значит в его глазах больше, чем жизнь врага. Убить противника, но не принести с собой доказательств победы считается делом не особенно почетным. Таким образом, даже эта грубые властители лесов, подобно своим более образованным братьям, подвигающимся при королевских дворах или в военных лагерях бледнолицых, подменяют воображаемыми и произвольными понятиями чести сознания своей правоты и доводы разума.

Когда гуруны толковали о том, возвратится ли пленник, мнения их разделились. Большинство утверждало, что бледнолицый не придет по доброй воле обратно, чтобы подвергнуться мучительным пыткам. Но некоторые, самые старые, ожидали большего от человека, уже выказавшего столько смелости, — хладнокровия и стойкости. Зверобой был отпущен не потому, что индейцы надеялись на выполнение данного им обещания, а скорее потому, что они хотели набросить тень на делаваров, воспитавших в своей деревне человека, проявившего преступную слабость. Гуруны предпочли бы, чтобы их пленником был Чингачгук и чтобы именно он доказал свое малодушие, но бледнолицый приемный ненавистного племени мог с успехом заменить делаvara. Желая как можно торжественнее отпраздновать свою победу, в случае если охотник не появится в назначенный час, в лагере созвали всех воинов и разведчиков. Все племя — мужчины, женщины и дети собралось вместе, чтобы быть свидетелем предстоящего зрелища. Гуруны предполагали, что в «замке» теперь находятся только Непоседа, делавар и три девушки. «Замок» стоял на виду, недалеко от индейской стоянки; при дневном свете за ним было легко наблюдать. Поэтому у краснокожих не было оснований опасаться, что кто-нибудь из скрывающихся в «замке» сможет незаметно ускользнуть. Гуруны приготовили большой плот с бруствером из древесных стволов, чтобы, как только решится судьба Зверобоя, немедленно напасть на ковчег или на «замок», в зависимости от обстоятельств. Старейшины полагали, что слишком рискованно откладывать отступление в Канаду позднее ближайшего вечера. Короче говоря, они хотели немедленно тронуться в путь, к далеким водам озера Онтарио, как только покончат со Зверобоем и ограбят «замок». Картина, открывшаяся перед Зверобоем, имела весьма внушительный вид. Все старые воины сидели на стволе упавшего дерева, с важностью поджидая приближения охотника. Справа стояли вооруженные молодые люди, слева — женщины и дети. Посредине расстилалась довольно широкая поляна, окруженная со всех сторон деревьями. Поляна эта была заботливо очищена от мелких кустиков и бурелома. Очевидно, здесь уже не раз останавливались индейские отряды: везде виднелись следы костров. Лесные оводы даже в полдень кидали свою мрачную тень, а яркие лучи солнца, пробиваясь сквозь листья, повсюду бросали светлые блики. Весьма возможно, что мысль о готической архитектуре впервые зародилась при взгляде на такой пейзаж. Во всяком случае,

поскольку речь идет об игре света и тени, этот храм природы производил такое же впечатление, как и наиболее знаменитые творения искусства человека.

Как это часто бывает у туземных бродячих племен, два вождя почти поровну разделили между собой главную власть над детьми леса. Правда, на почетное звание вождя могли бы притязать еще несколько человек, но те, о ком мы говорим, пользовались таким огромным влиянием, что, когда мнение их было единодушно, никто не дерзал оспаривать их приказаний; а когда они расходились во взглядах, племя начинало колебаться, подобно человеку, потерявшему руководящий принцип своего поведения. По установившемуся обычаю и, вероятно, соответственно самой природе вещей, один вождь был обязан своим авторитетом обширному уму, тогда как другой выдвинулся главным образом благодаря своим физическим качествам. Один из них, старший летами, прославился своим красноречием в прениях, мудростью в совете и осторожностью в действиях, тогда как его главный соперник, если не противник, был храбрец, отличавшийся на войне и известный своей свирепостью. В умственном отношении он ничем не выделялся, если не считать хитрости и изворотливости на тропе войны. Первый был уже знакомый читателю Расщепленный Дуб, тогда как второго называли *la Panthere* на языке Канады, или Пантерой на языке английских колоний. Согласно обычаю краснокожих, прозвище это обозначало особые свойства воина, в самом деле, свирепость, хитрость и предательство были главными чертами его характера. Кличку свою он получил от французов и очень ценил ее.

Из нашего дальнейшего повествования читатель скоро узнает, насколько эта кличка была заслужена. Расщепленный Дуб и Пантера сидели бок о бок в ожидании пленника, когда Зверобой поставил свой мокасина на прибрежный песок. Ни один из них не двинулся и не проронил ни слова, пока молодой человек не достиг середины лужайки и не возвестил о своем прибытии. Он заговорил твердо, хотя с присущей ему простотой.

— Вот я, минги, — сказал Зверобой на делаварском наречии, понятном большинству присутствующих. — Вот я, а вот и солнце. Оно так же верно законам природы, как я — моему слову. Я ваш пленник; делайте со мной что хотите. Мои отношения с людьми и землей покончены. Мне теперь остается только встретить мою судьбу, как подобает белому человеку.

Ропот одобрения послышался даже среди женщин, и на мгновение возобладало сильное, почти всеобщее желание принять в качестве равноправного члена племени человека, проявившего такую силу духа. Но некоторые были против этого, особенно Пантера и его сестра Сумаха, прозванная так за многочисленность своего потомства³⁸; она была вдовой Рыси, павшего недавно от руки пленника. Врожденная свирепость Пантеры не знала никаких пределов, тогда как страстное желание мести мешало Сумахе проникнуться более мягким чувством. Иначе обстояло дело с Расщепленным Дубом. Он встал, протянул руку и приветствовал пленника с непринужденностью и достоинством, которые сделали бы честь любому принцу. Он был самый мудрый и красноречивый во всем отряде, поэтому на нем лежала обязанность первым отвечать на речь бледнолицего.

— Бледнолицый, ты честен, — сказал гуронский оратор. — Мой народ счастлив, что взял в плен мужчину, а не вороватую лисицу. Теперь мы знаем тебя и будем обходиться с тобой как с храбрецом. Если ты убил одного из наших воинов и помогал убивать других, то взамен ты готов отдать собственную жизнь. Кое-кто из моих молодых воинов думал, что кровь бледнолицего слишком жидка и не захочет литься под гуронским ножом. Ты доказал, что это не так: у тебя мужественное сердце. Приятно держать в своих руках такого пленника. Если мои воины скажут, что смерть Рыси не должна быть забыта, что он не может отправиться в страну духов один и что надо послать врага ему вдогонку, они вспомнят, что он пал от руки храбреца, и пошлют тебя вслед за ним с такими знаками нашей дружбы, которые не позволят ему устыдиться твоего общества. Я сказал. Ты понимаешь, что я сказал!

³⁸ Сумах — очень плодovitый кустарник. Североамериканский вид сумаха чрезвычайно ядовит.

— Правильно, минг, все правильно, как в евангелии, — ответил простодушный охотник. — Ты сказал, а я понял не только твои слова, но и твои затаенные мысли. Смею заявить вам, что воин, по имени Рысь, был настоящий храбрец, достойный вашей дружбы и уважения, но я чувствую себя достойным составить ему компанию даже без удостоверения, полученного из ваших рук. Тем не менее вот я здесь и готов подвергнуться суду вашего совета, если, впрочем, все это дело не решено гораздо раньше, чем я успел вернуться обратно.

— Наши старики не станут рассуждать в совете о бледнолицем, пока снова не увидят его в своей среде, — ответил Расщепленный Дуб, несколько иронически оглядываясь по сторонам. — Они полагают, что это значило бы говорить о ветрах, которые дуют куда им угодно и возвращаются только тогда, когда сочтут это нужным. Лишь один голос прозвучал в твою защиту, Зверобой, и он остался одиноким, как песнь королька, чья подруга подбита соколом.

— Благодарю за этот голос, кому бы он ни принадлежал, минг, и скажи, что это был настолько нерадивый голос, насколько все другие были лживы. Для бледнолицего, если он честен, отпуск такая же святыня, как и для краснокожего. И, если бы даже это было иначе, я все равно никогда не опозорил бы делаваров, среди которых, можно сказать, я получил все мое образование.

Впрочем, всякие слова теперь бесполезны. Вот я, делайте со мной, что хотите.

Расщепленный Дуб одобрительно кивнул головой, и вожди начали совещаться. Как только совещание кончилось, от вооруженной группы отделились трое или четверо молодых людей и разбрелись в разные стороны. Потом пленнику объявили, что он может свободно разгуливать по всему мысу, пока совет не решит его судьбу. В этом кажущемся великодушии было, однако, меньше истинного доверия, чем можно предположить на первый взгляд; упомянутые выше молодые люди уже выстроились в линию поперек мыса, там, где он соединялся с берегом, о том же, чтобы бежать в каком-нибудь другом направлении, не могло быть и речи. Даже пирогу отвели и поставили за линией часовых в безопасном месте. Эти предосторожности объяснялись не столько отсутствием доверия, сколько тем обстоятельством, что пленник, сдержав свое слово, больше ничем не был связан, и если бы теперь ему удалось убежать от своих врагов, это считалось бы славными достойным всяческой похвалы подвигом. В самом деле, дикари проводят такие тонкие различия в вопросах этого рода, что часто предоставляют своим жертвам возможность избежать пыток, полагая, что для преследователей почти так же почетно снова поймать или перехитрить беглеца, когда все силы его возрастают под влиянием смертельной опасности, как и для преследуемого — ускользнуть, в то время как за ним наблюдают так зорко.

Зверобой отлично знал это и решил воспользоваться первым удобным случаем. Если бы он теперь увидел какую-нибудь лазейку, он устремился бы туда, не теряя ни минуты. Но положение казалось совершенно безнадежным. Он заметил линию часовых и понимал, как трудно прорваться сквозь нее, не имея оружия. Броситься в озеро было бы бесполезно: в пироге враги легко настигли бы его; не будь этого, ему ничего не стоило бы добраться до «замка» вплавь. Прогуливаясь взад и вперед по мысу, он тщательно искал, где бы можно было спрятаться. Но открытый характер местности, ее размеры и сотни бдительных глаз, устремленных на него, — хотя те, кто смотрели, и притворялись, будто совсем не обращают на него внимания, — заранее обрекали на провал любую такую попытку. Стыд и боязнь неудачи не смущали Зверобоя; он считал до некоторой степени долгом чести рассуждать и действовать, как подобает белому человеку, но твердо решил сделать все возможное для спасения своей жизни. Все же он колебался, хорошо понимая, что, прежде чем идти на такой риск, следует взвесить все шансы на успех. Тем временем дела в лагере шли, по-видимому, своим обычным порядком.

В стороне совещались вожди. На совете они разрешили присутствовать Сумахе, потому что она имела право быть выслушанной как вдова павшего воина. Молодые люди лениво бродили взад и вперед, с истинно индейским терпением ожидая результата переговоров,

тогда как женщины готовились к пиру, которым должно было окончить день — все равно, окажется ли он счастливым или несчастным для нашего героя. Никто не выказывал ни малейших признаков волнения, и, если бы не чрезвычайная бдительность часовых, посторонний наблюдатель не заметил бы ничего, указывающего на действительное положение вещей. Две-три старухи перешептывались о чем-то, и их хмурые взгляды и гневные жесты не сулили Зверобойу ничего хорошего. Но в группе индейских девушек, очевидно, преобладали совсем другие чувства: взгляды, бросающиеся исподтишка на пленника, выражали жалость и сочувствие. Так прошел целый час.

Часто труднее всего переносить ожидание. Когда Зверобой высадился на берег, он думал, что через несколько минут его подвергнут пыткам, изобретенным индейской мстительностью, и готовился мужественно встретить свою участь. Но отсрочка показалась ему более тягостной, чем непосредственная близость мучений, и он уже начал серьезно помышлять о какой-нибудь отчаянной попытке к бегству, чтобы положить конец этой тревожной неопределенности, как вдруг его пригласили снова предстать перед судьями, опять сидевшими в прежнем порядке.

— Убийца Оленей, — начал Расщепленный Дуб, лишь только пленник появился перед ним, — наши старики выслушали мудрое слово; теперь они готовы говорить.

Ты — потомок людей, которые приплыли сюда со стороны восходящего солнца, мы — дети заходящего солнца.

Мы обращаем наши лица к Великим Пресным Озерам³⁹, когда хотим поглядеть в сторону наших деревень. Быть может, на восходе лежит мудрая, изобилующая всеми богатствами страна, но страна на закате тоже очень приятна. Мы больше любим глядеть в эту сторону. Когда мы смотрим на восток, нас охватывает страх: пирога за пирогой привозит сюда все больше и больше людей по следам солнца, как будто страна ваша переполнена и жители ее льются через край. Красных людей осталось уже мало, они нуждаются в помощи. Одна из наших лучших хижин опустела — хозяин ее умер. Много времени пройдет, прежде чем сын его вырастет настолько, чтобы занять его место. Вот его вдова, она нуждается в дичи, чтобы прокормиться самой и прокормить своих детей, ибо сыновья ее еще похожи на молодых реполовов, не успевших покинуть гнездо. Твоя рука ввергла ее в эту страшную беду. На тебе лежат обязанности двоякого рода: одни — по отношению к Рыси, другие — по отношению к его детям. Скальп за скальп, жизнь за жизнь, кровь за кровь — таков один закон, но другой закон повелевает кормить детей. Мы знаем тебя, Убийца Оленей. Ты честен; когда ты говоришь слово, на него можно положиться. У тебя только один язык, он не раздвоен, как у змеи. Твоя голова никогда не прячется в траве, все могут видеть ее. Что ты говоришь, то и делаешь. Ты справедлив. Когда ты обидишь кого-нибудь, ты спешешь вознаградить обиженного. Вот Сумаха, она осталась одна в своей хижине, и дети ее плачут, требуя пищи; вот ружье, оно заряжено и готово к выстрелу. Возьми ружье, ступай в лес и убей оленя; принеси мясо и положи его перед вдовой Рыси; накорми ее детей и стань ее мужем. После этого сердце твое перестанет быть делаварским и станет гуронским; уши Сумахи больше не услышат детского плача; мой народ снова найдет потерянного воина.

— Этого я и боялся, Расщепленный Дуб, — ответил Зверобой, когда индеец кончил свою речь, — да, я боялся, что до этого дойдет. Однако правду сказать недолго, и она положит конец всем ожиданиям на этот счет. Минг, я белый человек и рожден христианином, и мне не подобает брать жену среди краснокожих язычников. Этого я не сделал бы и в мирное время, при свете яркого солнца, тем более я не могу это сделать под грозowymi тучами, чтобы спасти свою жизнь. Я, быть может, никогда не женюсь и проживу всю жизнь в лесах, не имея собственной хижины; но если уж суждено случиться такому, только женщина моего цвета завесит дверь моего вигвама. Я бы охотно согласился кормить малышей вашего павшего воина, если бы мог это сделать, не навлекая на себя позора; но это

³⁹ Великие Пресные Озера — озера Канады: Эри, Онтарио и Гурон, на берегах которых жили гуроны.

немыслимо, я не могу жить в гуронской деревне. Ваши молодые люди должны убивать дичь для Сумахи, и пусть она поищет себе другого супруга, не с такими длинными ногами, чтобы он не бегал по земле, которая ему не принадлежит. Мы сражались в честном бою, и он пал; всякий храбрец должен быть готов к этому. Ты ждешь, что у меня появится сердце минга; с таким же основанием ты можешь ждать, что на голове у мальчика появятся седые волосы или на сосне вырастет черника. Нет, минг, я белый, когда речь идет о женщинах, и я делаю во всем, что касается индейцев.

Едва Зверобой успел замолчать, как послышался общий ропот. Особенно громко выражали свое негодование пожилые женщины, а красавица Сумаха, которая по летам годилась в матери нашему герою, вопила громче всех. Но все эти изъяснения неудовольствия должны были отступить перед свирепой злобой Пантеры. Суровый вождь считал позором, что сестре его дали позволение стать женой бледнолицего ингиза. Лишь после настойчивых просьб неутешной вдовы он с большой неохотой согласился на этот брак, вполне соответствовавший, впрочем, индейским обычаям. Теперь его жестоко уязвило, что пленник отверг оказанную ему честь. В глазах гурона засверкала ярость, напоминавшая о хищном звере, имя которого он носил.

— Собака бледнолицый! — воскликнул он по-ирокезски. — Ступай выть с дворняжками твоей породы на ваших пустых охотничьих угодьях!

Эти злобные слова сопровождались действием. Он еще не кончил говорить, когда рука его поднялась и томагавк просвистел в воздухе. Если бы громкий голос индейца не привлек внимания Зверобоя, это мгновение, вероятно, было бы последним в жизни нашего героя. Пантера метнул опасное оружие с таким проворством и такой смертоносной меткостью, что непременно раскроил бы череп пленнику. К счастью, Зверобой вовремя протянул руку и так же проворно ухватил топор за рукоятку.

Томагавк летел с такой силой, что, когда Зверобой перехватил его, рука невольно приняла положение, необходимое для ответного удара. Трудно сказать, что сыграло главную роль: быть может, почувствовав в своих руках оружие, охотник поддался жажде мести, а может быть, внезапная вспышка досады превозмогла его обычное хладнокровие и выдержку. Как бы там ни было, глаза его засверкали, на щеках проступили красные пятна, и, собрав все свои силы, Зверобой метнул томагавк в своего врага. Удар этот был нанесен так неожиданно, что Пантера не успел ни поднять руку, ни отвести голову в сторону: маленький острый топор поразил его прямо между глазами и буквально раскроил ему голову. Силач рванулся вперед, подобно раненой змее, бросившейся на врага, и в предсмертных судорогах вытянулся во весило рост на середине лужайки. Все устремились, чтобы поднять его, забыв на минуту о пленнике. Решив сделать последнюю отчаянную попытку спасти свою жизнь, Зверобой пустился бежать с быстротой оленя. Тотчас же вся орда — молодые и старые, женщины и дети, — оставив безжизненное тело Пантеры, с тревожным воем устремилась в погоню за бледнолицым. Как ни внезапно произошло событие, побудившее Зверобоя, предпринять этот рискованный шаг, оно не застало его врасплох. За минувший час он хорошо все обдумал и точно и до мелочей рассчитал все возможности, сулившие ему успех или неудачу. Таким образом, с первой же секунды он овладел собой и подчинил все свои движения контролю рассудка. Исключительно благодаря этому он добился первого и очень важного преимущества: успел благополучно миновать линию часовых и достиг этого с помощью очень простого приема, который, однако, заслуживает особого описания.

Кустарник на мысу был гораздо более редким, чем в других местах побережья. Объяснялось это тем, что на мысу часто разбивали свои стоянки охотники и рыбаки. Густые заросли начинались там, где мыс соединялся с материком, и они тянулись далее длинной полосой к северу и к югу. Зверобой бросился бежать на юг. Часовые стояли немного поодаль от чащи, и, прежде чем до них донеслись тревожные сигналы, он успел скрыться в густом кустарнике. Однако бежать в зарослях было совершенно невозможно, и Зверобой на протяжении сорока или пятидесяти ярдов пришлось брести по воде, которая доходила ему до колен и была для него таким же препятствием, как и для преследователей. Заметив наконец

удобное место, он пробрался сквозь линию кустов и углубился в лес.

В Зверобоя стреляли несколько раз, когда он шел по воде; когда же он показался на опушке леса, выстрелы участились. Но в лагере царил страшный переполох, ирокезы в общей сумятице палили из ружей, не успев прицелиться, и Зверобой удалось ускользнуть невредимым. Пули свистели над его головой, сбивали ветки совсем рядом с ним, и все же ни одна пуля не задела даже его одежды. Проволочка, вызванная этими бестолковыми попытками, оказала большую услугу Зверобой: прежде чем среди преследователей установился порядок, он успел обогнать на сотню ярдов даже тех, кто бежал впереди. Тяжелое оружие затрудняло погоню за охотником.

Наспех выстрелив, в надежде случайно ранить пленника, лучшие индейские бегуны отбросили ружья в сторону и приказали женщинам и мальчикам поднять их скорее и зарядить снова.

Зверобой слишком хорошо понимал отчаянный характер борьбы, в которую он ринулся, чтобы потерять хоть одно из таких драгоценных мгновений. Он знал также, что единственная надежда на спасение состоит в том, чтобы бежать по прямой линии. Поверни он в ту или в другую сторону — и численно значительно превосходивший неприятель мог бы его настигнуть. Поэтому он взял направление по диагонали и стал взбираться на холм, который был не слишком высок и не слишком крут, но все же показался достаточно утомительным человеку, убегавшему от смертельной опасности. Там Зверобой начал бежать медленнее, чтобы иметь возможность время от времени переводить дух. В тех местах, где подъем был особенно крутой, охотник переходил даже на мелкую рысь или на быстрый шаг. Сзади выли и скакали гуроны, но он не обращал на них внимания, хорошо зная, что им также предстоит одолеть те же препятствия, прежде чем они взберутся наверх. До вершины первого холма было уже совсем недалеко, и по общему строению почвы Зверобой понял, что придется спуститься в глубокий овраг, за которым лежало подножие второго холма. Смело поднявшись на вершину, он жадно огляделся по сторонам, отыскивая, где бы укрыться. Почва на гребне холма была совершенно ровная, перед ним лежало упавшее дерево, а утопающий, как говорится, хватается за соломинку. Дерево свалилось параллельно оврагу по ту сторону вершины, где уже начинался спуск. Забиться под него, тесно прижавшись к стволу, было делом одного мгновения. Однако, прежде чем спрятаться от своих преследователей, Зверобой выпрямился во весь рост и издал торжествующий клич, как бы радуясь предстоящему спуску. В следующую секунду он скрылся под деревом.

Лишь осуществив свою затею, молодой человек почувствовал, каких страшных усилий это ему стоило. Все тело его трепетало и пульсировало, сердце билось учащенно, словно было готово вот-вот выскочить из грудной клетки, легкие работали, как кузнечные мехи. Однако мало-помалу он отдышался, и сердце его стало биться спокойнее и медленнее. Вскоре послышались шаги гуронов, поднимавшихся по противоположному склону, а угрожающие крики возвестили затем об их приближении. Достигнув вершины, передовые испустили громкий вопль, потом, опасаясь, как бы враг не убежал, они один за другим стали перепрыгивать через упавшее дерево и помчались вниз по склону, надеясь, что успеют заметить беглеца прежде, чем он доберется до дна оврага. Так они следовали друг за другом, и Натти временами казалось, что уже все гуроны пробежали вперед. Однако тут же появлялись другие, и он насчитал не менее сорока человек, перепрыгнувших через дерево. Все гуроны спустились наконец на дно оврага, на сотню футов ниже его, а некоторые уже начали подниматься по склону другого холма, когда вдруг сообразили, что сами толком не знают, какого направления им следует держаться. Это был критический момент, и человек с менее крепкими нервами или менее искушенный во всех ухищрениях индейской войны, наверное, вскочил бы на ноги и пустился наутек. Но Зверобой этого не сделал. Он по-прежнему лежал, зорко наблюдая за всем, что творилось внизу.

Теперь гуроны напоминали сбившуюся со следа стаю гончих собак. Они мало говорили, но рыскали повсюду, осматривая сухие листья, покрывавшие землю, как гончие, выслеживающие дичь. Множество мокасин, оставивших здесь следы, сильно затрудняли

поиски, хотя отпечаток ноги ступающего на носках индейца легко, отличить от более свободного и широкого шага белого человека. Убедившись, что позади не осталось ни одного преследователя, и надеясь ускользнуть потихоньку. Зверобой внезапно перемахнул через дерево и упал по другую его сторону. По-видимому, это прошло незамеченным, и надежда воскресла в душе пленника. Желая убедиться, что его не видят, Зверобой несколько секунд прислушивался к звукам, доносившимся из оврага, а затем, встав на четвереньки, начал карабкаться на вершину холма, находившуюся не далее десяти ярдов от него.

Охотник рассчитывал, что эта вершина скроет его от гуронов. Перевалив за гребень холма, он встал на ноги и пошел быстро и решительно в направлении, прямо противоположном тому, по которому только что бежал. Однако крики, доносившиеся из оврага, вскоре встревожили его, и он снова поднялся на вершину, чтобы осмотреться. Его тотчас же заметили, и погоня возобновилась. Так как по ровному месту бежать было не в пример легче, то Зверобой не спускался с гребня холма. Гуроны, догадавшись по общему характеру местности, что холм скоро должен понизиться, помчались вдоль оврага, ибо этим путем было легче всего опередить беглеца. В то же время некоторые из них повернули к югу, чтобы воспрепятствовать охотнику бежать в этом направлении, тогда как другие направились прямо к озеру, чтобы отрезать ему возможность отступления по воде.

Положение Зверобоя стало теперь еще гораздо более серьезным. Он был окружен с трех сторон, а с четвертой лежало озеро. Но он хорошо обдумал все свои шансы и действовал совершенно хладнокровно даже в самый разгар преследования. Подобно большинству крепких и выносливых пограничных жителей, Зверобой мог обогнать любого индейца. Они были опасны для него главным образом своей численностью. Он ничего не боялся бы, если бы ему пришлось бежать по прямой линии, имея весь отряд позади себя, но теперь у него не было, да и не могло быть такой возможности. Увидев, что впереди идет спуск к оврагу, Зверобой сделал крутой поворот и со страшной быстротой понесся вниз, прямо к берегу. Некоторые из преследователей, совсем запыхавшись, взобрались на холм, но большинство продолжало бежать вдоль оврага, все еще не потеряв надежды обогнать пленника.

Теперь Зверобой задумал другой, уже совершенно безумный по своей смелости план. Отбросив мысль найти спасение в лесной чаще, он кратчайшим путем кинулся к тому месту, где стояла пирога. Если бы Зверобоем удалось туда добраться, благополучно избежав ружейных пуль, успех был бы обеспечен. Никто из воинов не взял с собой ружья, и Зверобоем угрожали только выстрелы, направленные неумелыми руками женщин или какого-нибудь мальчика-подростка; впрочем, большинство мальчиков также участвовали в погоне. Казалось, все благоприятствовало осуществлению этого плана. Бежать приходилось только под гору, и молодой человек мчался с быстротой, сулившей скорый конец всем его мучениям.

По дороге к берегу Зверобоем попало несколько женщин и детей. Правда, женщины пытались бросать ему под ноги сухие ветви, однако, ужас, внушенный его отважной расправой с грозным Пантерой, был так велик, что никто не рисковал подойти к нему достаточно близко. Охотник счастливо миновал их всех и добрался до окраины кустов. Нырнув в самую чащу, наш герой снова очутился на озере, всего в пятидесяти футах от пироги. Здесь он перестал бежать, ибо хорошо понимал, что всего важнее теперь перевести дыхание. Он даже остановился и освежил запекшийся рот, зачерпнув горстью воду. Однако нельзя было терять ни мгновения, и вскоре он уже очутился возле пироги. С первого взгляда он увидел, что весла из нее убрали. Все усилия его оказались напрасными. Это так озадачило охотника, что он уже готов был повернуть обратно и со спокойным достоинством направиться на глазах у врагов в лагерь. Но адский вой, какой способны издавать только американские индейцы, возвестил о приближении погони, и восторжествовал его инстинкт самосохранения.

Направив нос пироги в нужном направлении, молодой человек вошел в воду, толкая лодку перед собой. Потом, сосредоточив все усилия и всю свою ловкость в одном последнем

напряжении, он толкнул ее, а сам прыгнул и свалился на дно так удачно, что нисколько не затормозил движения легкого суденышка. Растянувшись на спине, Зверобой старался отдышаться. Чрезвычайная легкость, которая является таким преимуществом при гребле на пирогах, сейчас были весьма невыгодна. Лодка была не тяжелее перышка, а потому и сила инерции ее оказалась ничтожной, иначе толчок отогнал бы ее по спокойной водной глади на такое далекое расстояние, что можно было бы безопасно гребсти руками.

Отплыви он подальше от берега, Зверобой мог бы привлечь к себе внимание Чингачгука и Джудит, и они не преминули бы явиться к нему на выручку с другими пирогами. Лежа на дне лодки, Зверобой по вершинам деревьев на склонах холмов пытался определить расстояние, отделявшее его от берега. На берегу раздавались многочисленные голоса; охотник слышал, как предлагали спустить на воду плот, который, к счастью, находился довольно далеко, на противоположной стороне мыса.

Быть может, еще ни разу за весь этот день положение Зверобоя не было столь опасным, во всяком случае, несомненно то, что оно даже наполовину не было раньше таким мучительным. Две или три минуты он лежал совершенно неподвижно, полагаясь исключительно на свой слух, зная, что плеск воды непременно долетит до его ушей, если какой-нибудь индеец рискнет приблизиться к нему вплавь. Раза два ему почудилось, что кто-то осторожно плывет, но он тотчас же замечал, что это журчит на прибрежной гальке вода. Вдруг голоса на берегу замолкли, и повсюду воцарилась мертвая тишина — такая глубокая, как будто все вокруг уснуло непробудным сном. Между тем пирога отплыла уже так далеко, что Зверобой видел над собой только синее пустынное небо. Молодой человек не мог больше томиться в неизвестности. Он хорошо знал, что глубокое молчание сулит ему беду. Дикари никогда не бывают так молчаливы, как в ту минуту, когда собираются нанести решительный удар. Он достал нож и хотел прорезать дыру в коре, чтобы поглядеть на берег, но раздумал, боясь, как бы враги не заметили это и не определили бы таким образом, куда им направлять свои пули. В эту минуту какой-то гурон выстрелил, и пуля пронзила оба борта пироги, всего в восемнадцать дюймах от того места, где находилась голова Зверобоя. Это значило, что он был на волосок от смерти, но нашему герою в этот день уже пришлось пережить кое-что похуже, и он не испугался. Он пролежал без движения еще с полминуты и затем увидел, как вершина дуба медленно поднимается над чертой его ограниченного горизонта.

Не постигая, что означает эта перемена, Зверобой не мог больше сдерживать нетерпения. Протасив свое тело немного вперед, он с чрезвычайной осторожностью приложил глаз к отверстию, проделанному пулей, и, к счастью, успел увидеть побережье мыса. Пирога, подгоняемая одним из тех неуловимых толчков, которые так часто решают судьбу людей и конечный исход событий, отклонилась к югу и стала медленно дрейфовать вниз по озеру. Было удачей, что Зверобой сильно толкнул суденышко и отогнал его дальше оконечности мыса, прежде чем изменилось движение воздуха, иначе оно опять подплыло бы к берегу. Даже теперь оно настолько приблизилось к земле, что молодой человек мог видеть вершины двух или трех деревьев. Расстояние не превышало сотни футов, хотя, к счастью, легкое дуновение воздуха с юго-запада начало отгонять пирогу от берега.

Зверобой понял, что настало время прибегнуть к какой-нибудь уловке, чтобы отдалиться от врагов и, если возможно, дать знать друзьям о своем положении. Как это обычно бывает на таких лодках, на каждом конце ее лежало по большому круглому и гладкому камню. Камни эти одновременно служили и скамьей для сидения, и балластом. Один из них лежал в ногах у Зверобоя. Юноше удалось подтянуть ногами его поближе, взять в руки и откатить к другому камню, который лежал на носу пироги. Там камни должны были удерживать легкое судно в равновесии, а он сам отполз на корму. Когда Зверобой покидал берег и увидел, что весла исчезли, он успел бросить в пирогу сухую ветку; теперь она очутилась у него под рукой. Сняв с себя шапку, Зверобой надел ее на конец ветки и поднял над бортом по возможности выше. Пустив в ход эту военную хитрость, молодой человек тотчас же получил доказательство того, как бдительно следят враги за всеми его

движениями: несмотря на то что уловка была самая избитая и заурядная, пуля немедленно пробила ту часть пироги, где поднялась шапка. Охотник сбросил шапку и тут же надел ее на голову. Эта вторая уловка осталась незамеченной, или, что более вероятно, гуроны, заранее уверенные в успехе, хотели взять пленника живьем.

Зверобой пролежал неподвижно еще несколько минут, приложив глаз к отверстию, проделанному пулей, и от всей души радуясь, что он постепенно отплывает все дальше и дальше от берега. Поглядев кверху, он заметил, что вершины деревьев исчезли. Вскоре, однако, пирога начала медленно поворачиваться так, что теперь молодой человек мог видеть сквозь круглую дырочку только дальний конец озера. Тогда он схватил ветку, которая была изогнута таким манером, что можно было грести ею лежа. Опыт этот оказался более удачным, чем смел надеяться охотник, хотя заставить пирогу двигаться по прямой линии было трудно. Гуроны заметили этот маневр и подняли крик. Затем пуля, пробив корму, пролетела вдоль пироги прямо над головой нашего героя.

Судя по этому, беглец решил, что пирога довольно быстро удаляется от берега, и хотел уже удвоить свои старания, когда второй свинцовый посланец с берега попал в ветку над самым бортом и разом лишил его этого подобия весла. Однако звуки голосов доносились все слабее, и Зверобой решил положиться на силу течения, пока пирога не отплывает на недоступное для выстрелов расстояние. Это было довольно мучительным испытанием для нервов, но Зверобой не мог придумать ничего лучшего. Он продолжал лежать на дне пироги, когда вдруг почувствовал, что слабое дуновение воздуха освежает его лицо. Юноша обрадовался, ибо это значило, что поднялся ветерок.

Глава 28

*Ни детский плач, ни слезы матерей
Захватчиков не остановят.
Ни гром небес, ни страшный рев морей,
Не помешает литься крови;
С убийцею приходит вор,
И блещет яростный топор.
И, честолюбием объаты,
К могуществу спешат пираты,
Но алый знак добытой кровью чести
Людей толкает к страху или мести.*

Конгрив

Зверобой уже минут двадцать лежал в пироге и с нетерпением ожидал, что друзья поспешат к нему на помощь.

Пирога находилась в таком положении, что юноша по-прежнему мог видеть только северную и южную части озера. Он предполагал, что находится в каких-нибудь ста ярдах от «замка», в действительности же пирога плыла значительно западнее. Зверобоя тревожила и глубокая тишина; он не знал, чему приписать ее: постепенному увеличению расстояния между ним и индейцами или какой-нибудь новой хитрости. Наконец устав от бесплодных ожиданий, молодой человек закрыл глаза и решил спокойно ждать, что произойдет дальше. Если дикари умеют так хорошо обуздывать свою жажду мести, то и он, по их примеру, будет лежать спокойно, вверив свою судьбу игре течений и ветров.

Прошло еще минут десять, и Зверобоя вдруг показалось, что он слышит тихий шум, как будто что-то шуршит под самым дном пироги. Разумеется, он тотчас же открыл глаза, ожидая увидеть поднимающуюся из воды голову или руку индейца. Вместо этого он заметил прямо у себя над головой лиственный купол. Зверобой вскочил на ноги: перед ним стоял Расщепленный Дуб. Легкий шум под кормой оказался не чем иным, как шуршанием прибрежного песка, к которому прикоснулась лодка. Пирога изменила свое направление из-

за того, что изменились ветер и подводное течение.

— Вылезай! — сказал гурон, спокойным и властным жестом приказывая пленнику сойти на берег. — Мой юный друг плавал так долго, что, вероятно, утомился; надеюсь, он теперь будет бегать, пользуясь только ногами.

— Твоя взяла, гурон! — произнес Зверобой, твердой поступью выйдя из пироги и послушно следуя за вождем на открытую лужайку. — Случай помог тебе самым непредвиденным образом. Я опять твой пленник и надеюсь, ты признаешь, что я так же хорошо умею бегать из плена, как и держать данное слово.

— Мой юный друг — настоящий лось! — воскликнул гурон. — Ноги его очень длинные, они истощили силы моих молодых людей. Но он не рыба, он не может проложить дорогу на озере. Мы не стреляли в него; рыб ловят сетями, а не убивают пулями. Когда он снова превратится в лося, с ним будут обходиться, как с лосем.

— Толкуй, толкуй, Расщепленный Дуб, хвастай своей победой! Полагаю, что это твое право, и знаю, что таковы уж твои природные наклонности; по этому поводу я не стану с тобой спорить, так как все люди должны повиноваться своим природным наклонностям. Однако когда ваши женщины начнут издеваться надо мной и ругать меня, что, я полагаю, вскоре должно случиться, пусть вспомнят, что, если бледнолицый умеет бороться за свою жизнь, пока это законно и не противоречит мужеству, он умеет также отказываться от борьбы, когда чувствует, что для того пришло время. Я твой пленник — делай со мной что хочешь.

— Мой брат долго бегал по холмам и совершил приятную прогулку по воде, — более мягко ответил Расщепленный Дуб, в то же время улыбаясь, чтобы показать свои миролюбивые намерения. — Он видел леса, он видел воду. Что ему больше нравится? Быть может, он достаточно повидал и согласится изменить свое решение и внять голосу рассудка?

— Говори прямо, гурон: у тебя что-то есть на уме. Чем скорее ты выразишься, тем скорее услышишь мой ответ.

— Вот это сказано напрямик! Речь моего бледнолицего друга не знает никаких влияний, хотя на бегу он настоящая лисица. Я буду говорить с ним; уши его теперь раскрыты шире, чем прежде, и веки не сомкнуты. Сумаха стала беднее, чем когда-либо. Прежде она имела брата, и мужа, и детей. Пришло время, и муж отправился в поля, богатые дичью, ничего не сказав ей на прощание; он покинул ее одну с детьми. Рысь был хорошим мужем. Приятно было поглядеть на олени туши, на диких уток, гусей и медвежье мясо, которые висели зимой в его хижине. Теперь все это кончилось: к жаркому времени ничего не сохраняется. Кто возобновит эти запасы? Иные полагали, что брат не позабудет сестру и ближайшей зимой он позаботится, чтобы хижина ее не пустовала. Мы все так думали. Но Пантера забыл и последовал за мужем сестры по тропе смерти. Оба они теперь спешат обогнать друг друга, чтобы скорее достигнуть полей, богатых дичью. Одни думают, что Рысь бежит быстрее, другие считают, что Пантера прыгает дальше. Сумаха уверена, что оба так проворны и ушли уже так далеко, что ни один из них не вернется обратно. Кто будет кормить ее малышей? Человек, который велел мужу и брату покинуть хижину, чтобы там для него освободилось достаточно места, — великий охотник, и мы знаем, что женщина никогда не будет нуждаться.

— Ах, гурон, я слышал, что некоторые люди спасали себе жизнь таким способом, и знал также других, которые предпочли бы смерть плену такого рода! Что касается меня, то я не ищу ни смерти, ни брака.

— Пусть бледнолицый обдумает мои слова, пока наши люди соберутся для совета. Ему скажут, что должно случиться потом. Пусть он вспомнит, как тяжело бывает терять мужа или брата... Ступай! Когда ты будешь нам нужен, прозвучит имя Зверобоя.

Этот разговор происходил с глазу на глаз. Из всей орды, недавно толпившейся здесь, остался только Расщепленный Дуб. Остальные куда-то исчезли, захватив с собой всякую утварь — одежду, оружие и прочее лагерное имущество. На месте, где недавно был раскинут лагерь, не осталось никаких следов от толпы, которая недавно тут кишела, если не считать

золы от костров, да лежанок из листьев, и земли, еще хранившей на себе отпечатки ног. Столь внезапная перемена сильно удивила и встревожила Зверобоя, ибо ничего подобного он не видел во время своего пребывания среди делаваров. Он, однако, подозревал, и не без основания, что индейцы решили переменить место стоянки и сделали это так таинственно с нарочитой целью попутать его.

Закончив свою речь, Расщепленный Дуб удалился и исчез между деревьями, оставив Зверобоя в одиночестве. Человек, непривычный к сценам такого рода, мог бы подумать, что пленник получил теперь полную возможность действовать как ему угодно. Но молодой охотник, хотя и несколько удивленный таким драматическим эффектом, слишком хорошо знал своих врагов, чтобы вообразить, будто он находится на свободе. Все же он не знал, как далеко зайдут гуроны в своих хитростях, и решил при первом же удобном случае проверить это на опыте. С равнодушным видом, отнюдь не выражавшим его истинные чувства, начал он бродить взад и вперед, постепенно приближаясь к тому месту, где он высадился на берег; затем он внезапно ускорил шаги и стал пробираться сквозь кустарники к побережью. Пирога исчезла, и Зверобой нигде не нашел даже следов ее, хотя обошел северную и южную оконечности мыса и осмотрел берега в обоих направлениях. Было ясно, что дикари куда-то с тайным умыслом угнали пирогу.

Только теперь Зверобой по-настоящему понял, каково его положение. Он был пленником на этой узкой полоске земли и, находясь, без сомнения, под бдительным надзором, мог спастись только вплавь. Подумав об этом рискованном средстве, он решил от него отказаться, заранее зная, что за ним погонятся в пироге и что шансы его на успех совершенно ничтожны.

Блуждая по берегу, Зверобой набрел на небольшую кучку срезанных кустарников. Приподняв верхние ветви, он нашел под ними мертвое тело Пантеры. Охотник знал, что труп пролежит здесь до тех пор, пока дикари не найдут подходящее место для похорон, где покойнику не будет угрожать скальпель. Зверобой жадно поглядел на «замок», но там, казалось, все было тихо и пустынно. Чувство одиночества и заброшенности овладело им.

— Такова воля божия, — пробормотал молодой человек печально, отходя от берега и снова вступая под сень леса. — Такова воля божия! Я надеялся, что дни мои не прервутся так скоро, но, в конце концов, это пустяки. Несколько лишних зим — и все равно жизнь моя должна кончиться по закону природы. Горе мне! Человек молодой и деятельный редко верит в возможность смерти, пока она не оскалит свои зубы прямо в лицо и не скажет, что час его пришел.

Произнося этот монолог, охотник медленно шел по мысу и вдруг, к своему изумлению, заметил Хетти, очевидно поджидавшую его возвращения. Лицо девушки, обычно подернутое лишь тенью легкой меланхолии, было теперь огорченное и расстроенное. Она держала в руках библию. Подойдя ближе, Зверобой заговорил.

— Бедная Хетти, — сказал он, — мне недавно пришлось так туго, что я совсем позабыло вас, а теперь мы встречаемся, быть может, только для того, чтобы вместе поговорить о неизбежном. Но мне хотелось бы знать, что случилось с Чингачгуком и Уа.

— Почему вы убили гурона, Зверобой? — сказала девушка с упреком. — Неужели вы забыли заповедь, которая говорит: «Не убий!» Мне сказали, что вы убили и мужа, и брата этой женщины.

— Это правда, добрая Хетти, это истинная правда. Не стану отрицать того, что случилось. Но вы должны помнить, девушка: на войне считается законным многое, что незаконно в мирное время. Мужа я застрелил в открытом бою, или, вернее сказать, открыт был я, потому что у него было весьма недурное прикрытие, а брат сам навлек на себя гибель, бросив свой томагавк в безоружного пленника. Вы были при этом, девушка.

— Я все видела, и мне очень грустно, что это случилось, ибо я надеялась, что вы не станете платить ударом на удар, а постараетесь добром воздать за зло.

— Ах, Хетти, это, быть может, хорошо для миссионеров, но с такими правилами небезопасно жить в лесах! Пантера жаждал моей крови и был настолько глуп, что дал мне

оружие в ту самую минуту, когда покушался на мою жизнь. Было бы неестественно не поднять руку в таком состязании, это только опозорило бы меня. Нет, нет, я готов каждому человеку воздать должное и надеюсь, что вы засвидетельствуете это, когда вас будут расспрашивать о том, что вы видели сегодня.

— Разве, Зверобой, вы не хотите жениться на Сумахе теперь, когда она лишилась и мужа, и брата, которые кормили ее?

— Неужели у вас такие понятия о браке, Хетти? Разве молодой человек может жениться на старухе? Это противно рассудку и природе, и вы сами поймете это, если немного подумаете.

— Я часто слышала от матери, — возразила Хетти, отвернувшись, — что люди никогда не должны вступать в брак, если они не любят друг друга гораздо крепче, чем братья и сестры; я полагаю, вы именно это имеете в виду. Сумаха стара, а вы молоды.

— Да, и она краснокожая, а я белый. Кроме того, Хетти, представьте, что вы вышли замуж за человека ваших лет и вашего положения — например, за Гарри Непоседу (Зверобой позволил себе привести этот пример только потому, что Гарри Марч был единственный молодой человек, знакомый им обоим), — и представьте, что он пал на тропе войны; неужели вы согласились бы выйти замуж за его убийцу?

— О, нет, нет, нет! — ответила девушка, содрогаясь. — Это было бы грешно и бессердечно, и ни одна христианка не решилась бы на такой поступок. Я знаю, что никогда не выйду замуж за Непоседу, но, если бы он был моим мужем, я бы ни за кого не вышла после его смерти.

— Я так и знал, что вы поймете меня, когда вдумаетесь во все эти обстоятельства. Для меня невозможно жениться на Сумахе. Я думаю, что даже смерть будет гораздо приятнее и естественнее, чем женитьба на такой женщине...

— Не говорите так громко, — перебила его Хетти. — Я полагаю, ей неприятно будет слышать это. Я уверена, что Непоседа женился бы даже на мне, лишь бы избежать пыток, хотя я слабоумная; и меня бы убила мысль, что он предпочитает лучше умереть, чем стать моим мужем.

— Что вы, девочка! Разве можно сравнивать вас с Сумахой? Ведь вы хорошенькая девушка, с добрым сердцем, приятной улыбкой и ласковыми глазами. Непоседа должен был бы гордиться, обвенчавшись с вами в самые лучшие и счастливые дни своей жизни, а вовсе не для того, чтобы избавиться от беды. Однако послушайтесь моего совета и никогда не говорите с Непоседой об этих вещах.

— Я не скажу ему об этом ни за что на свете! — воскликнула девушка, испуганно оглядываясь вокруг и краснея, сама не зная почему. — Мать всегда говорила, что молодые женщины не должны навязываться мужчинам и высказывать свои чувства, пока их об этом не спросят. О, я никогда не забываю того, что говорила мне мать!

Какая жалость, что Непоседа так красив! Не будь он так красив, я думаю, он меньше нравился бы девушкам и ему легче было бы сделать свой выбор.

— Бедная девочка, бедная девочка, все это довольно ясно! Не будем больше говорить об этом. Если бы вы были в здравом уме, то пожалели бы, что посвятили постороннего человека в ваш секрет... Скажите мне, Хетти, что случилось с гурунами? Почему они оставили вас на этом мысу и вы бродите здесь, словно и вы пленница?

— Я не пленница, Зверобой, я свободная девушка и хожу везде, где мне вздумается. Никто не посмеет обидеть меня. Нет, нет, Хетти Хаттер ничего не боится, она в хороших руках. Гуруны собрались вон там в лесу и внимательно следят за нами обоими, за это я могу поручиться: все женщины и даже дети стоят на карауле. Мужчины хоронят тело бедной девушки, убитой прошлой ночью, и стараются сделать так, чтобы враги и дикие звери не могли найти ее. Я сказала им, что отец и мать лежат в озере, но не согласилась показать, в каком месте, так как мы с Джудит совсем не желаем, чтобы язычники покоились на нашем семейном кладбище.

— Горе нам! Это ужасно быть живым и полным гнева, с душой, охваченной

яростью, — а через какой-нибудь час убраться в подземную яму, прочь от глаз человеческих. Никто не знает, что может с ним случаться на тропе войны...

Шуршание листьев и треск сухих веток прервали слова Зверобоя и возвестили о приближении врагов. Гуроны столпились вокруг места, которое должно было стать сценой для предстоящего представления. Обреченный на пытку охотник оказался теперь в самой середине круга. Вооруженные мужчины расположились среди более слабых членов отряда с таким расчетом, что не осталось ни одного незащищенного пункта, сквозь который пленник мог бы прорваться. Но пленник больше и не помышлял о бегстве: недавняя попытка показала ему, что немыслимо спастись от такого множества преследователей. Он напряг все душевные силы, чтобы встретить свою участь спокойно и мужественно, не выказывая ни малодушной боязни, ни дикарского бахвальства.

Расщепленный Дуб снова появился в кругу индейцев и занял свое прежнее председательское место. Несколько старших воинов стали около него. Теперь, когда брат Сумахи был убит, не осталось ни одного признанного вождя, который мог бы своим опасным влиянием поколебать авторитет старика. Тем не менее, достаточно неизвестно, как слабо выражено монархическое, или деспотическое начало в политическом строе североамериканских индейских племен, хотя первые колонисты, принешие с собой в Западное полушарие свои собственные понятия, часто именовали вождей этих племен королями и принцами. Наследственные права, несомненно, существуют у индейцев, но есть много оснований полагать, что поддерживаются они скорее благодаря личным заслугам и приобретенным достоинствам, нежели только по правам рождения. Впрочем, Расщепленный Дуб и не мог похвалиться особенно знатным происхождением, ибо он возвысился исключительно благодаря своим талантам и проницательности.

Если не считать воинских заслуг, то красноречие является наиболее надежным способом приобрести популярность как среди цивилизованных, так и среди диких народов. И Расщепленный Дуб, подобно многим своим предшественникам, возвысился столько же умением искусно льстить своим слушателям, сколько своими познаниями и строгой логичностью своих речей. Как бы там ни было, он пользовался большим влиянием и имел на то основания. Подобно многим людям, которые больше рассуждают, чем чувствуют, гурон не склонен был потакать свирепым страстям своего народа: придя к власти, он обычно высказывался в пользу милосердия при всех взрывах мстительной жестокости, которые не раз случались в его племени. Сейчас ему тоже не хотелось прибегать к крайним мерам, однако он не знал, как выйти из затруднительного положения. Сумаха негодовала на Зверобоя за то, что он отверг ее руку, гораздо больше, чем за смерть мужа и брата, и вряд ли можно было ожидать, что женщина простит мужчину, который столь откровенно предпочел смерть ее объятиям. А без ее прощения трудно было надеяться, что племя согласится забыть потери, нанесенные ему, и даже самому Расщепленному Дубу, хотя и склонному к снисходительности, судьба нашего героя представлялась почти бесповоротно решенной.

Когда все собрались вокруг пленника, воцарилось внушительное молчание, особенно грозное своим глубоким спокойствием. Зверобой заметил, что женщины и мальчики мастерят из смолистых сосновых корней длинные щепки: он хорошо знал, что сначала их воткнут в его тело, а потом подожгут. Два или три молодых человека держали в руках лыковые веревки, чтобы стянуть ему руки и ноги. Дымок отдаленного костра свидетельствовал о том, что готовят пылающие головни, а несколько старших воинов уже пробовали пальцем лезвие своих томагавков. Даже ножи, казалось, от нетерпения ерзали в ножнах, желая поскорее начать кровавую и безжалостную работу.

— Убийца Оленей, — начал Расщепленный Дуб, правда без малейших признаков сочувствия или жалости, но с несомненным спокойствием и достоинством. — Убийца Оленей, пришло время, когда мой народ должен принять окончательное решение. Солнце уже стоит прямо над нашими головами; соскучившись ожиданием, оно начало опускаться за сосны по ту сторону долины. Оно спешит в страну наших французских отцов: оно хочет напомнить своим детям, что хижины их пусты и что пора им вернуться домой. Даже

бродячий волк имеет берлогу и возвращается в нее, когда хочет повидать своих детенышей.

Ирокезы не беднее волков. У них есть деревни, и вигвамы, и поля, засеянные хлебом; добрые духи устали караулить их в одиночестве. Мой народ должен вернуться обратно и заняться своими делами. Какое ликование поднимется в хижинах, когда наш клич прозвучит в лесу! Но это будет клич печали, ибо он возвестит о потерях. Прозвучит также клич о скальпах, но только один раз. Мы добыли скальп Водяной Крысы; его тело досталось рыбам. Зверобой должен сказать, унесем ли мы второй скальп на нашем шесте. Две хижины опустели, скальп — живой или мертвый — нужен каждой двери.

— Тогда захвати с собой мертвый скальп, гурон, — ответил пленник твердо, хотя без всякой напыщенности. — Я полагаю, мой час пришел, и пусть то, что должно свершиться, свершится скорее. Если вы хотите пытать меня, постараюсь выдержать это, хотя ни один человек не может отвечать за свою натуру, пока не отведал мучений.

— Бледнолицая дворняжка начинает поджимать хвост! — крикнул молодой болтливый дикарь, носивший весьма подходящую для него кличку Красный Ворон. Это прозвище он получил от французов за постоянную готовность шуметь. — Он не воин: он убил Рысь, глядя назад, чтобы не видеть вспышки своего собственного ружья. Он уже хрюкает, как боров; когда гуронские женщины начнут мучить его, он будет пищать, как детеныш дикой кошки. Он — делаварская баба, одевшаяся в шкуру ингиза.

— Болтай, парень, болтай! — возразил Зверобой невозмутимо. — Больше ни на что ты не способен, и я вправе не обращать на это внимание. Слова могут раздражать женщин, но вряд ли они сделают ножи более острыми, огонь более жарким или ружье более метким!

Тут вмешался Расщепленный Дуб; выбрав Красного Ворона, он приказал связать Зверобоя. Это решение было вызвано не боязнью, что пленник убежит или же не сможет иначе выдержать пытку, но коварным желанием заставить его почувствовать собственное бессилие и поколебать его решимость, расслабляя ее исподволь и понемногу.

Зверобой не оказал сопротивления. Охотно и почти весело он подставил свои руки и ноги; по приказу вождя их стянули лыковыми веревками, стараясь причинить как можно меньше боли. Распоряжение это было отдано втайне, в надежде, что пленник согласится наконец избавиться себя от более серьезных телесных страданий и возьмет Сумаху в жены. Скрутив Зверобоя так, что он не мог двинуться, его привязали к молоденькому деревцу, чтобы он не упал. Руки его были вытянуты вдоль бедер и все тело опутано веревками, так что он, казалось, совсем прирос к дереву. С него сорвали шапку, и он стоял, готовясь как можно лучше выдержать предстоящее ему испытание.

Однако, прежде чем дойти до последней крайности, Расщепленный Дуб захотел еще раз испытать твердость пленника, попробовав уговорить его пойти на соглашение. Достигнуть этого можно было только одним способом, ибо считалось необходимым согласие Сумахи там, где шло дело об ее праве на мечь. Женщине предложили выступить вперед и отстаивать свои притязания; итак, она должна была играть главную роль в предстоящих переговорах. Индейские женщины в молодости обычно бывают кротки и покорны, у них приятные, музыкальные голоса и веселый смех; но тяжелая работа и трудная жизнь в большинстве случаев лишают их всех этим качеств, когда они достигают того возраста, который для Сумахи уже давно миновал. Под влиянием злобы и ненависти голоса индианок грубеют, а если они еще выйдут из себя, их пронзительный визг становится нестерпимым. Впрочем, Сумаха была не совсем лишена женской привлекательности и еще недавно слыла красавицей. Она продолжала считать себя красавицей и сейчас, когда время и непосильный труд разрушительно подействовали на ее внешность.

По приказу Расщепленного Дуба женщины, собравшиеся вокруг, старались уверить безутешную вдову, что Зверобой, быть может, все-таки предпочтет войти в ее вигвам, чем удалиться в страну духов. Все это вождь делал, желая ввести в свое племя величайшего охотника всей тамошней местности и вместе с тем дать мужа женщине, с которой, вероятно, будет много хлопот, если ее требования на внимание и заботу со стороны племени останутся неудовлетворенными.

Сумахе передали тайный совет войти внутрь круга и обратиться к чувству справедливости пленника, прежде чем ирокезы приступят к крайним мерам. Сумаха охотно согласилась; индейской женщине так же лестно стать женой знаменитого охотника, как ее более цивилизованным сестрам — отдать свою руку богачу. У индейских женщин над всем господствует чувство материнского долга, поэтому вдова не испытывала того смущения, которому у нас не чужда была бы даже самая отважная охотница за богатыми женихами. Сумаха выступила вперед, держа за руки детей.

— Вот видишь, я перед тобой, жестокий бледнолицый, — начала женщина. — Твой собственный рассудок должен подсказать тебе, чего я хочу. Я нашла тебя; я не могу найти ни Рыси, ни Пантеры. Я искала их на озере, в лесах, в облаках. Я не могу сказать, куда они ушли.

— Нет сомнения, что оба твоих воина удалились в поля, богатые дичью, и в свое время ты снова увидишь их там. Жена и сестра храбрецов имеет право ожидать такого конца своего земного поприща.

— Жестокий бледнолицый, что сделали тебе мои воины? Зачем ты убил их? Они были лучшими охотниками и самыми смелыми молодыми людьми в целом племени! Великий Дух хотел, чтобы они жили, пока они не засохнут, как ветви хемлока, и не упадут от собственной тяжести...

— Ну-ну, добрая Сумаха, — перебил ее Зверобой, у которого любовь к правде была слишком сильна, чтобы терпеливо слушать такие преувеличения даже из уст опечаленной вдовы, — ну-ну, добрая Сумаха, это значит немного хватить через край, даже по вашим индейским понятиям. Молодыми людьми они давно уже перестали быть, так же как и тебя нельзя назвать молодой женщиной; а что касается желания Великого Духа, то это прискорбная ошибка с твоей стороны, потому что, чего захочет Великий Дух, то исполняется. Правда, оба твоих воина не сделали мне ничего худого. Я поднял на них руку не за то, что они сделали, а за то, что старались сделать. Таков естественный закон: делай другим то, что они хотят сделать тебе.

— Это так! У Сумахи только один язык: она может рассказать только одну историю. Бледнолицый поразил гуронов, чтобы гуроны не поразили его. Гуроны — справедливый народ; они готовы забыть об этом. Вожди закроют глаза и притворятся, будто ничего не видят. Молодые люди поверят, что Пантера и Рысь отправились на дальнюю охоту и не вернулись, а Сумаха возьмет своих детей на руки, пойдет в хижину бледнолицего и скажет: гляди, это твои дети, так же как мои; корми нас, и мы будем жить с тобой.

— Эти условия для меня не подходят, женщина; я сочувствую твоим потерям, они, несомненно, тяжелые, но я не могу принять твои условия. Если бы мы жили по соседству, мне было бы нетрудно снабжать тебя дичью. Но, говоря по чести, стать твоим мужем и отцом твоих детей у меня нет ни малейшего желания.

— Взгляни на этого мальчика, жестокий бледнолицый! У него нет отца, который учил бы его убивать дичь или снимать скальпы. Взгляни на эту девочку. Какой юноша придет искать себе жену в вигвам, где нет хозяина? У меня еще осталось много детей в Канаде, и Убийца Оленей найдет там столько голодных ртов, сколько может пожелать его сердце.

— Говорю тебе, женщина, — воскликнул Зверобой, которого отнюдь не соблазняла картина, нарисованная вдовой, — все это не для меня! О сиротах должны позаботиться твои родственники и твое племя, и пусть бездетные люди усыновят твоих детей. Я не имею потомства, и мне не нужна жена. Теперь ступай, Сумаха, оставь меня в руках вождей.

Нет нужды распространяться о том, какой эффект произвел этот решительный отказ. Если что-либо похожее на нежность таилось в ее груди — а, вероятно, ни одна женщина не бывает совершенно лишена этого чувства, — то все это исчезло после столь откровенного заявления. Ярость, бешенство, уязвленная гордость, целый вулкан злобы взорвались разом, и Сумаха, словно от прикосновения магического жезла, превратилась в бесноватую. Она огласила лесные своды пронзительным визгом, потом подбежала прямо к пленнику и схватила его за волосы, очевидно собираясь вырвать их с корнем. Понадобилось некоторое

время, чтобы заставить ее разжать пальцы. К счастью для Зверобоя, ярость Сумахи была слепа: совершенно беспомощный, он находился всецело в ее власти, и если бы женщина лучше владела собой, то последствия могли оказаться роковыми. Ей удалось только вырвать две-три пряди его волос, прежде чем молодые люди успели оттащить ее.

Оскорбление, нанесенное Сумахе, было воспринято как оскорбление целому племени, не столько, впрочем, из уважения к женской чувствительности, сколько из уважения к гуронам. Сама Сумаха считалась такой же неприятной особой, как то растение, у которого она позаимствовала свое имя. Теперь, когда погибли два ее главных защитника — ее муж и брат, — никто уже не старался скрыть своего отвращения к сварливой вдове. Тем не менее племя считало долгом чести наказать бледнолицего, который холодно пренебрег гуронской женщиной и предпочел умереть, чем облегчить для племени обязанность поддерживать вдову и ее детей. Расщепленный Дуб понял, что молодым индейцам не терпится приступить к пыткам, и, так как старые вожди не обнаружили ни малейшей охоты разрешить дальнейшую отсрочку, он вынужден был подать сигнал для начала адского дела.

Глава 29

*Медведь не думал больше о цепях,
О том, что псы порвут его бока.
Нетронутый олень лежал в кустах,
Кабан не слышал щелканья кнута,
И тихо было все, и жизнь легка.*

Лорд Дорсет

У индейцев в таких случаях существовал обычай подвергать самым суровым испытаниям терпение и выдержку своей жертвы. С другой стороны, индейцы считали долгом чести не обнаруживать страха во время пытки, которой подвергали их самих, и притворяться, что они не чувствуют физической боли. В надежде ускорить свою смерть они даже подстрекали врагов к самым страшным пыткам. Чувствуя, что они не в силах больше переносить мучения, изобретенные такой дьявольской жестокостью, перед которой меркли все самые адские ухищрения инквизиции, многие индейские воины язвительными замечаниями и издевательскими речами выводили своих палачей из терпения и таким образом скорее избавлялись от невыносимых страданий. Однако этот остроумный способ искать убежища от свирепости врагов в их же собственных страстях был недоступен Зверобою. У него были особые понятия об обязанностях человека, и он твердо решил лучше все вынести, чем опозорить себя.

Как только вожди решили начать, несколько самых смелых и проворных молодых ирокезов выступили вперед с томагавками в руках. Они собирались метать это опасное оружие, целя в дерево по возможности ближе к голове жертвы, однако стараясь не задеть ее. Это было настолько рискованно, что только люди, известные своим искусством обращаться с томагавком, допускались к такому состязанию, иначе преждевременная смерть пленника могла внезапно положить конец жестокой забаве.

Пленник редко выходил невредимым из этой игры, даже если в ней принимали участие только опытные воины; гораздо чаще плохо рассчитанный удар приносил смерть. На этот раз Расщепленный Дуб и другие старые вожди не без основания опасались, как бы воспоминание о судьбе Пантеры не подстрекнуло какого-нибудь сумасбродного юнца покончить с победителем тем же способом и, может быть, тем же самым оружием, от которого погиб ирокезский воин. Это обстоятельство само по себе делало пытку томагавками исключительно опасной для Зверобоя.

Но, видимо, юноши, приступившие сейчас к состязанию, больше старались показать свою ловкость, чем отомстить за смерть товарищей. Они были в возбужденном, но отнюдь

не в свирепом расположении духа, и Расщепленный Дуб надеялся, что, когда молодежь удовлетворит свое тщеславие, удастся спасти жизнь пленнику.

Первым вышел вперед юноша, по имени Ворон, еще не имевший случая заслужить более воинственное прозвище. Он отличался скорее чрезмерными претензиями, чем ловкостью или смелостью. Те, кто знал его характер, решили, что пленнику грозит серьезная опасность, когда Ворон стал в позицию и поднял томагавк. Однако это был добродушный юноша, помышлявший лишь о том, чтобы нанести более меткий удар, чем его товарищи. Заметив, что старейшины обращаются к Ворону с какими-то серьезными увещаниями, Зверобой понял, что у этого воина довольно неважная репутация. В самом деле, Ворону, вероятно, совсем не позволили бы выступить на арене, если бы не уважение к его отцу, престарелому, весьма заслуженному воину, оставшемуся в Канаде. Все же наш герой полностью сохранил самообладание. Он решил, что настал его последний час и что нужно благодарить судьбу, если нетвердая рука поразит его прежде, чем начнется пытка.

Приосанясь и несколько раз молодежато размахнувшись, Ворон наконец метнул томагавк. Оружие, завертевшись, просвистело в воздухе, срезало щепку с дерева, к которому был привязан пленник, в нескольких дюймах от его щеки и вонзилось в большой дуб, росший в нескольких ярдах позади. Это был, конечно, плохой удар, о чем возвестил смех, к великому стыду молодого человека. С другой стороны, общий, хотя и подавленный, ропот восхищения пронесся по толпе при виде твердости, с какой пленник выдержал этот удар. Он мог шевелить только головой, ее нарочно не привязали к дереву, чтобы мучители могли забавляться и торжествовать, глядя, как жертва корчится и пытается избежать удара. Зверобой обманул все подобные ожидания, стоя неподвижно, как дерево, к которому было привязано его тело. Он даже не прибегнул к весьма естественному и обычному в таких случаях средству — не зажмурил глаза; никогда ни один, даже самый старый и испытанный краснокожий воин не отказывался с большим презрением от этой поблажки собственной слабости.

Как только Ворон прекратил свою неудачную ребяческую попытку, его место занял Лось, воин средних лет, славившийся своим искусством владеть томагавком. Этот человек отнюдь не отличался добродушием Ворона и охотно принес бы пленника в жертву своей ненависти ко всем бледнолицым, если бы не испытывал гораздо более сильного желания щегольнуть своей ловкостью. Он спокойно, с самоуверенным видом стал в позицию, быстро нацелился, сделал шаг вперед и метнул томагавк. Видя, что острое оружие летит прямо в него, Зверобой подумал, что все кончено, однако он остался невредим. Томагавк буквально пригвоздил голову пленника к дереву, зацепив прядь его волос и глубоко уйдя в мягкую кору. Всеобщий вой выразил восхищение зрителей, а Лось почувствовал, как сердце его немного смягчается: только благодаря твердости бледнолицего пленника он сумел так эффектно показать свое искусство. Место Лося занял Попрыгунчик, выскочивший на арену, словно собака или расшалившийся козленок. Это был очень подвижный юноша, его мускулы никогда не оставались в покое; он либо притворялся, либо действительно был не способен двигаться иначе, как вприпрыжку и со всевозможными ужимками. Все же он был достаточно храбр и ловок и заслужил уважения соплеменников своими подвигами на войне и успехами на охоте. Он бы давно получил более благородное прозвище, если бы один высокопоставленный француз случайно не дал ему смешную кличку. Юноша по наивности благоговейно сохранял эту кличку, считая, что она досталась ему от великого отца, живущего по ту сторону обширного Соленого Озера.

Попрыгунчик кривлялся перед пленником, угрожая ему томагавком то с одной, то с другой стороны, в тщетной надежде испугать бледнолицего. Наконец Зверобой потерял терпение и заговорил впервые с тех пор, как началось испытание.

— Кидай, гурон! — крикнул он. — Твой томагавк позабудет свои обязанности. Почему ты скачешь, словно молодой олень, который хочет показать самке свою резвость? Ты уже взрослый воин, и другой взрослый воин бросает вызов твоим глупым ужимкам. Кидай, или гуронские девушки будут смеяться тебе в лицо!

Хотя Зверобой к этому и не стремился, но его последние слова привели Попрыгунчика в ярость. Нервозность, которая делала его столь подвижным, не позволяла ему как следует владеть и своими чувствами. Едва с уст пленника сорвались его слова, как индеец метнул томагавк с явным желанием убить бледнолицего. Если бы намерение было менее смертоносным, то опасность могла быть большей. Попрыгунчик целился плохо; оружие мелькнуло возле щеки пленника и лишь слегка задело его за плечо. То был первый случай, когда бросавший старался убить пленника, а не просто напугать его или показать свое искусство. Попрыгунчика немедленно удалили с арены и его горячо упрекли за неуместную торопливость, которая едва не помешала потехе всего племени.

После этого раздражительного юноши выступили еще несколько молодых воинов, бросавших не только томагавки, но и ножи, что считалось гораздо более опасным. Однако все гуроны были настолько искусны, что не причинили пленнику никакого вреда. Зверобой получил несколько царапин, но ни одну из них нельзя было назвать настоящей раной. Непокколебимая твердость, с какой он глядел в лицо своим мучителям, внушала всем глубокое уважение. И когда вожди объявили, что пленник хорошо выдержал испытание ножом и томагавком, ни один из индейцев не проникся к нему враждебным чувством, за исключением разве Сумахи и Попрыгунчика. Эти двое, правда, продолжали подстрекать друг друга, но злоба их пока не встречала отклика. Однако все же оставалась опасность, что рано или поздно и другие придут в состояние бесноватости, как это обычно бывает во время подобных зрелищ у краснокожих.

Расщепленный Дуб объявил народу, что пленник показал себя настоящим мужчиной; правда, он жил с делаварами, но не стал бабой. Вождь спросил, желают ли гуроны продолжать испытания. Однако даже самым кротким женщинам жестокое зрелище доставляло такое удовольствие, что все в один голос просили продолжать. Хитрый вождь, которому хотелось заполучить славного охотника в свое племя, как иному европейскому министру хочется найти новые источники для обложения податями населения, старался под всевозможными предлогами вовремя прекратить жестокую забаву. Он хорошо знал, что если дать разгореться диким страстям, то остановить расхोлившихся индейцев будет не легче, чем запрудить воды Великих Озер в его родной стране. Итак, он призвал к себе человека пять лучших стрелков и велел подвергнуть пленника испытанию ружьем, указав в то же время, что они должны поддержать свою добрую славу и не осрамиться, показывая свое искусство.

Когда Зверобой увидел, что отборные воины входят в круг с оружием наготове, он почувствовал такое же облегчение, какое испытывает несчастный страдалец, который долго мучается в течение тяжелой болезни и видит наконец несомненные признаки приближающейся смерти. Малейший промах был бы роковым — выстрелить нужно было совсем рядом с головой пленника; при таких условиях отклонение на дюйм или на два от линии прицела сразу решало вопрос жизни, и смерти.

Во время этой пытки не допускались вольности, которые допускал даже Гесслер, приказавший стрелять по яблоку⁴⁰. Опытному индейскому стрелку в таких случаях разрешалось наметить себе цель, находившуюся на расстоянии не шире одного волоса от головы пленника. Бедняги часто погибали от пуль, выпущенных слишком торопливыми или неискусными руками, и нередко случалось, что индейцы, раздраженные мужеством и насмешками своей жертвы, убивали ее, поддавшись неудержимому гневу. Зверобой отлично знал все это, ибо старики, коротая долгие зимние вечера в хижинах, часто рассказывали о битвах, о победах своего народа и о таких состязаниях. Теперь он был твердо уверен, что час его настал, и испытывал своеобразное печальное удовольствие при мысли, что ему суждено пасть от своего любимого оружия — карабина. Однако тут произошла небольшая заминка.

Хетти Хаттер была свидетельницей всего, что тут происходило. Жестокое зрелище на

⁴⁰ Легенда рассказывает, что Рудольф Гесслер, наместник австрийского императора в Швейцарии, заставил знаменитого охотника Вильгельма Телля сбить стрелой из лука яблоко с головы своего собственного сына...

первых порах так подействовало на ее слабый рассудок, что совершенно парализовало ее силы, но потом она немного оправилась и вознегодовала при виде мучений, которым индейцы подвергали ее друга. Застенчивая и робкая, как молодая лань, эта прямодушная девушка становилась бесстрашной, когда речь шла о милосердии. Уроки матери и порывы ее собственного сердца заставили девушку забыть женскую робость и придали ей решительность и смелость. Она вышла на самую середину круга, кроткая, нежная, стыдливая, как всегда, но в то же время отважная и непоколебимая.

— За что вы мучаете Зверобоя, краснокожие? — спросила она. — Что такого он сделал, что вы позволяете себе играть его жизнью? Кто дал вам право быть его судьями? А что если какой-нибудь из ваших ножей или томагавков ранит его? Кто из вас возьмется вылечить эту рану? А ведь, обижая Зверобоя, вы обижаете вашего собственного друга; когда мой отец и Гарри Непоседа отправились на охоту за вашими скальпами, он не захотел присоединиться к ним и остался в пирог. Мучая этого юношу, вы мучаете своего друга.

Гуруны внимательно выслушали Хетти, и один из них, понимавший по-английски, перевел все, что она сказала, на свой родной язык. Узнав, чего желает девушка, Расщепленный Дуб ответил ей по-ирокезски, а переводчик тотчас же перевел его слова по-английски.

— Мне приятно слышать речь моей дочери, — сказал суровый старый оратор мягким голосом и улыбаясь так ласково, будто он обращался к ребенку. — Гуруны рады слышать ее голос, они поняли то, что она сказала. Великий Дух часто говорит с людьми таким языком. Но на этот раз глаза ее не были открыты достаточно широко и не видели всего, что случилось. Зверобой не ходил на охоту за нашими скальпами, это правда. Отчего же он не пошел за ними? Вот они на наших головах, и смелый враг всегда может протянуть руку, чтобы овладеть ими. Гуруны — слишком великий народ, чтобы наказывать людей, снимающих скальпы. То, что они делают сами, они одобряют и у других. Пусть моя дочь оглянется по сторонам и сосчитает моих воинов. Если бы я имел столько рук, сколько их имеют четыре воина вместе, число их пальцев было бы равно числу моего народа, когда мы впервые пришли в вашу охотничью область. Теперь не хватает целой руки. Где же пальцы? Два из них срезаны этим бледнолицым. Гуруны хотят знать, как он это сделал: с помощью мужественного сердца или путем измены, как крадущаяся лиса или как прыгающая пантера?

— Ты сам знаешь, гурон, как пал один из них. Я видела это, да и вы все тоже. Это было кровавое дело, но Зверобой несколько не виноват. Ваш воин покушался на его жизнь, а он защищался. Я знаю, Добрая Книга бледнолицых говорит, что это несправедливо, но все мужчины так поступают. Если вам хочется знать, кто лучше всех стреляет, дайте Зверобою ружье, и тогда увидите, что он искуснее любого из ваших воинов, даже искуснее всех их, вместе взятых.

Если бы кто-нибудь мог смотреть на подобную сцену равнодушно, его очень позабавила бы серьезность, с какой дикари выслушали перевод этого странного предложения. Они не позволили себе ни единой насмешки, ни единой улыбки. Характер и манеры Хетти были слишком святы для этих свирепых людей. Они не думали издеваться над слабоумной девушкой, а, напротив, отвечали ей с почтительным вниманием.

— Моя дочь не всегда говорит, как вождь в совете, — возразил Расщепленный Дуб, — иначе она не сказала бы этого. Два моих воина пали от ударов нашего пленника; их могила слишком мала, чтобы вместить еще и третьего. Гуруны не привыкли сваливать своих покойников в кучу. Если еще один дух должен покинуть здешний мир, то это не будет дух гурона — это будет дух бледнолицего. Ступай, дочь, сядь возле Сумахи, объята скорбью, и позволь гуронским воинам показать свое искусство в стрельбе, позволь бледнолицему показать, что он не боится их пуль.

Хетти не умела долго спорить и, привыкнув повиноваться старшим, послушно села на бревно рядом с Сумахой, отвернувшись от страшной сцены, которая разыгрывалась на середине круга.

Лишь только закончился этот неожиданный перерыв, воины стали по местам,

собираясь показать свое искусство. Перед ними была двойная цель: испытать стойкость пленника и похвастаться своей меткостью в стрельбе в таких исключительных условиях. Воины расположились недалеко от своей жертвы. Благодаря этому жизнь пленника не подвергалась опасности. Но, с другой стороны, именно благодаря этому испытание для его нервов становилось еще более мучительным. В самом деле, лицо Зверобоя было отдалено от ружейных дул лишь настолько, чтобы его не могли опалить вспышки выстрелов. Зверобой смотрел своим твердым взором прямо в направленные на него дула, поджидая рокового посланца. Хитрые гуроны хорошо учили это обстоятельство и старались целиться по возможности ближе ко лбу пленника, надеясь, что мужество изменит ему и вся шайка насладится триумфом, увидев, как он трепещет от страха. В то же время каждый участник состязания старался не ранить пленника, потому что нанести удар преждевременно считалось таким же позором, как и вовсе промахнуться.

Выстрел быстро следовал за выстрелом; пули ложились рядом с головой Зверобоя, не задевая, однако, ее. Пленник был невозмутим: у него ни разу не дрогнул ни единый мускул, ни разу не затрепетали ресницы. Эту непоколебимую выдержку можно было объяснить тремя разными причинами. Во-первых, в ней сказывалась покорность судьбе, соединенная с врожденной твердостью духа, ибо наш герой убедил себя самого, что он должен умереть, и предпочитал такую смерть всякой другой. Второй причиной было его близкое знакомство с этим родом оружия, знакомство, избавлявшее Зверобоя от всякого страха перед ним. И, наконец, в-третьих, изучив в совершенстве законы стрельбы, он мог заранее, глядя на ружейное дуло, с точностью до одного дюйма определить место, куда должна была попасть пуля. Молодой охотник так точно угадывал линию выстрела, что, когда гордость наконец в нем перевесила другие чувства и когда пять или шесть стрелков выпустили свои пули в дерево, он уже больше не мог сдерживать своего презрения.

— Вы называете это стрельбой, минги, — воскликнул он, — но среди делаваров есть старые бабы, и я знаю голландских девчонок на Мохоке, которые могут дать вам сто очков вперед! Развяжите мне руки, дайте мне карабин, и я берусь пригвоздить к дереву самый тонкий волосок с головы любого из вас на расстоянии ста ярдов и даже, пожалуй, на расстоянии двухсот, если только можно будет видеть цель, и сделаю это девятнадцатью выстрелами из двадцати, то есть, вернее, двадцатью из двадцати, если ружье бьет достаточно точно.

Глухой угрожающий ропот встретил эту хладнокровную насмешку. Воины пришли в ярость, услышав подобный упрек из уст человека, который настолько презирал их искусство, что даже глазом не моргнул, когда ружья разряжались у самого его лица, едва не обжигая его.

Расщепленный Дуб увидел, что наступает критический момент, но хитрый старый вождь все еще не терял надежды заполучить в свое племя знаменитого охотника и вовремя вмешался, предупредив этим свирепую расправу, которая неизбежно должна была кончиться убийством. Он вошел в самую середину разъяренной толпы и, заговорив со своей обычной убедительной и изворотливой логикой, сразу же укротил разбушевавшиеся страсти.

— Я вижу, как обстоит дело, — сказал он. — Мы подобны бледнолицым, которые запирают на ночь свои двери из страха перед краснокожими. Они задвигают двери на такое множество засовов, что огонь охватывает их дома и сжигает их, прежде чем люди успевают выбраться на улицу. Мы слишком крепко связали Зверобоя; путы мешают его членам дрожать и глазам закрываться. Развяжите его — тогда мы увидим, из чего сделано его тело.

Желая добиться во что бы то ни стало успешного выполнения какого-нибудь плана, мы нередко хватаемся за любое средство, каким безнадёжным оно бы ни казалось. Так было и с гуронами. Предложение вождя было встречено благосклонно; несколько рук сразу принялись за работу, разрезая и развязывая лыковые веревки, опутавшие тело нашего героя. Через полминуты Зверобой был уже совершенно свободен, как час назад, когда он пустился бежать по склону горы. Понадобилось некоторое время, чтобы восстановилось кровообращение. Только после этого он мог снова двигать руками и ногами, совершенно

онемевшими от слишком тугих пут.

Расщепленный Дуб охотно допустил это под предлогом, что тело бледнолицего скорее обнаружит признаки страха, если вернется в свое нормальное состояние.

В действительности же хитрый вождь хотел с помощью еще одной отсрочки дать остыть свирепым страстям, уже начавшим пробуждаться в сердцах молодых людей.

Хитрость удалась. Зверобой растирал себе руки, притопывал ногами и вскоре восстановил свое кровообращение; к нему опять вернулась физическая сила, словно с ним ничего не случилось.

В расцвете лет и здоровья люди редко думают о смерти. Так было и со Зверобоем. Еще совсем недавно, связанный по рукам и ногам, он имел основания предполагать, что стоит на грани, отделяющей мир живых от мира усопших. И вдруг он очутился на свободе, в него влились новые силы, и он опять владел своим телом. Зверобоем казалось, что он внезапно вернулся к жизни. Снова воскресли надежды, от которых он лишь недавно отрекся. Все его планы изменились. Сейчас наш герой подчинялся законам природы; мы старались показать, как он уже собрался покориться судьбе, но у нас не было намерения изобразить его жаждущим смерти. С той самой минуты, когда чувства его ожили, он стал напряженно думать, как обмануть врагов, и опять стал проворным, находчивым и решительным жителем лесов. Ум его сразу обрел свою природную гибкость.

Освободив Зверобоя от пут, гуроны расположились вокруг него сомкнутым кольцом. Чем труднее было поколебать его мужество, тем сильнее индейцам этого хотелось. От этого теперь зависела честь племени, и даже женщины уже не чувствовали сострадания к мученику. Мягкие и мелодичные голоса девушек смешались с угрожающими криками мужчин: обида, нанесенная Сумахе, внезапно превратилась в оскорбление, нанесенное всем гуронским женщинам. Шум все возрастал, и мужчины немного отступили назад, знаками давая понять женщинам, что на некоторое время уступают им пленника. Таков был распространенный обычай. Женщины насмешками и издевательствами доводили жертву до иступления, а затем внезапно передавали ее обратно в руки мужчин. Пленник обычно бывал уже в таком состоянии духа, что с трудом переносил телесные муки. Сейчас за выполнение этой задачи взялась Сумаха, славившаяся своей сварливостью. Кроме того, вероятно для соблюдения приличий и поддержания моральной дисциплины, отряд сопровождали две или три старые карги вроде Медведицы. К таким мерам нередко прибегают не только в диком, но и в цивилизованном обществе. Бесполезно рассказывать здесь обо всем, что могут изобрести для достижения своей гнусной цели жестокость и невежество. Единственная разница между этим взрывом женского гнева и подобными же сценами, встречающимися в нашей среде, сводилась к форме выражений и к эпитетам: гуронские женщины обзывали пленника именами известных им самых гнусных и презренных животных.

Но Зверобой, слишком занятый своими мыслями, не обращал внимания на ругань разъяренных баб. При виде такого равнодушия бешенство их возрастало все сильнее и сильнее, и вскоре фурии обессилели от неистовства. Заметив, что опыт кончился полным провалом, вмешались воины, чтобы положить конец этой сцене. Сделали они это главным образом потому, что уже начали готовиться к настоящим пыткам, собираясь испытать мужество пленника жесточайшей телесной болью. Однако внезапное и непредвиденное сообщение, которое принес разведчик, мальчик лет десяти-двенадцати, мгновенно прервало все приготовления. Этот перерыв теснейшим образом связан с окончанием нашей Истории, и мы должны посвятить ему особую главу.

Глава 30

*Так судишь ты — таких не счесть —
О том, что было и что есть.
Да, урожай велик,
Но был он вспахан не сохой*

*И собран ясною рукой,
Что держит меч и штык.*
Скотт

Зверобой сначала не мог понять, чем вызвана эта внезапная пауза; однако последовавшие затем события вскоре все объяснили. Он заметил, что волновались главным образом женщины, тогда как воины стояли, опершись на ружья, с достоинством чего-то ожидая. Тревоги, очевидно, в лагере не было, хотя случилось что-то необычное. Расщепленный Дуб, ясно отдавая себе отчет во всем происходящем, движением руки приказал кругу не размыкаться и каждому оставаться на своем месте. Через одну-две минуты выяснилась причина таинственной паузы: толпа ирокезов расступилась, и на середину круга вышла Джудит.

Зверобой был изумлен этим неожиданным появлением. Он хорошо знал, что наделенная живым умом девушка не могла рассчитывать на то, что подобно своей слабоумной сестре, она избежит всех тягот плена. Но он изумился еще больше, увидев костюм Джудит. Она сменила свои простые, но изящные платья на уже знакомый нам богатый парчовый наряд. Но этого мало: часто видя гарнизонных дам, одетых по пышной и торжественной моде того времени, и изучив самые сложные тонкости этого искусства, девушка постаралась дополнить свой костюм различными безделушками, подобранными с таким вкусом, который удовлетворил бы требования самой взыскательной щеголихи. И туалет и внешность Джудит совершенно отвечали тогдашнему идеалу женского изящества. Цель, которую она себе поставила — поразить бесхитростное воображение дикарей и заставить их поверить, будто в гости к ним пожаловала знатная, высокопоставленная женщина, — могла быть ею достигнута даже в обществе светских людей, привыкших разбираться в такого рода вопросах. Не говоря уже о редкой природной красоте, Джудит отличалась необычайной грацией, а уроки матери отучили ее от редких и вульгарных манер. Итак, можно сказать, роскошное платье выглядело на ней не хуже, чем на любой даме. Из тысячи столичных модниц вряд ли нашлась бы хоть одна, которая могла носить с большим изяществом блестящие, ярко окрашенные шелка и тонкие кружева, чем прекрасное создание, чью фигуру они теперь облегали. Джудит хорошо рассчитала эффект, который должно было произвести ее появление. Очутившись внутри круга, она уже была до известной степени вознаграждена за ужасный риск: ирокезы встретили ее изъявлениями восторга и изумления, отдавая дань ее прекрасной внешности. Угрюмые старые воины издавали свое любимое восклицание: «У-у-ух». Молодые люди были поражены еще сильнее, и даже женщины не могли удержаться от громких восторженных восклицаний. Этим бесхитростным детям леса редко случалось видеть белую женщину из высшего круга, а что касается ее платья, то никогда такое великолепие не блистало перед их глазами. Самые яркие мундиры французов и англичан казались тусклыми по сравнению с роскошью этой парчи. Исключительная красота девушки усиливала впечатление, производимое богатыми тканями, а великолепный наряд подчеркивал и оттенял ее красоту. Сам Зверобой был, по-видимому, ошеломлен как этой блестящей картиной, так и необыкновенным хладнокровием, с каким девушка отважилась на этот опасный шаг. Все с нетерпением ожидали, как объяснит посетительница цель своего визита, остававшуюся для большинства присутствующих неразрешимой загадкой.

— Кто из этих воинов главный вождь? — спросила Джудит у Зверобоя, заметив, что все ожидают, когда же она начнет переговоры. — Дело мое слишком важное, чтобы сообщить его человеку низшего ранга. Сперва объясните гуронам, что я говорю. Затем ответьте на вопрос, который я задам.

Зверобой спокойно повиновался, и все жадно выслушали перевод первых слов, произнесенных этим необыкновенным существом. Никто не удивился требованию женщины, которая, судя по внешности, занимала высокое общественное положение. Расщепленный

Дуб дал понять красивой гостье, что первое место среди ирокезов принадлежит ему.

— Я полагаю, гурон... — продолжала Джудит, играя свою роль с достоинством, которое могло бы сделать честь любой актрисе, ибо она постаралась придать своим манерам оттенок снисходительной любезности, однажды подмеченною у жены генерала в сходной, хотя и более мирной обстановке, — я полагаю, что ты здесь главный начальник. На лице твоём я вижу следы дум и размышлений. К тебе и будет обращена моя речь.

— Пусть Лесной Цветок говорит, — вежливо ответил старый вождь. — Если слова ее будут так же приятны, как ее внешность, они никогда не покинут моих ушей: я буду слушать их долго после того, как канадская зима убьет все цветы и заморозит все летние беседы.

Этот ответ не мог не доставить большого удовольствия девушке с характером Джудит; он не только помог ей сохранить самообладание, но и польстил ее тщеславию. Невольно улыбнувшись, несмотря на желание соблюдать величайшую сдержанность, она начала приводить в исполнение свой замысел.

— Теперь, гурон, — сказала она, — выслушай мои слова. Глаза твои говорят тебе, что я не простая женщина. Не скажу, что я королева этой страны, — она живет далеко, за морями, — но под властью наших милостивых монархов найдется немало особ, занимающих высокий пост; я одна из них. Какой именно пост, не стоит говорить здесь, вы не поймете меня. Вы должны верить вашим собственным глазам. Вы видите, кто я такая; вы должны понять, что, слушая мои слова, вы слушаете женщину, которая может стать вашим другом или врагом. Все зависит от того, как вы ее примете.

Она говорила смелым и решительным тоном, поистине изумительным в данных обстоятельствах. Зверобой перевел ее слова на индейский язык. Ирокезы выслушали его почтительно и серьезно, что, видимо, сулило успех замыслам девушки. Но мысль индейца трудно проследить до самых ее истоков. Джудит, колеблясь между надеждой и боязнью, тревожно ожидала ответа. Расщепленный Дуб был опытный оратор и, прежде чем начать говорить, выдержал небольшую паузу, что вполне соответствовало индейским понятием о приличии. Пауза эта свидетельствовала о том, что он глубоко уважает собеседницу и взвешивает в уме каждое ее слово, чтобы придумать достойный ответ.

— Дочь моя прекраснее, чем дикие розы Онтарио; голос ее приятен для ушей, как песнь королька, — произнес осторожный и хитрый вождь, который один из всей группы индейцев не был обманут роскошным и необычным нарядом Джудит. — Птица колибри ростом не больше пчелы, однако перья ее пестры, как хвост павлина. Великий Дух иногда одевает в самый яркий наряд самых маленьких животных, и он же покрывает лося грубой шерстью. Все это выше понимания бедных индейцев, им доступно только то, что они видят и слышат; без сомнения, у моей дочери очень большой вигвам где-нибудь на озере; гуроны не заметили его в своем невежестве.

— Я уже сказала тебе, вождь, что бесполезно называть мой ранг и мое местопребывание, вы все равно не поймете меня. Вы должны верить вашим собственным глазам. Разве покрывало, которое я ношу на плече, похоже на покрывало обыкновенных женщин? В таких украшениях появляются только жены и дочери вождей. Теперь слушайте и узнайте, почему я пришла к вам одна и какое дело привело меня сюда. У ингизов, так же как и у гурунов, есть молодые воины. Только их гораздо больше, вы хорошо это знаете.

— Ингизов много, как листьев на деревьях. Каждый гурон знает это.

— Я понимаю тебя, вождь. Если бы я привела сюда мою свиту, это могло бы вызвать ссору. Мои молодые воины и ваши гневно глядели бы друг на друга, особенно если бы мои воины увидели, что бледнолицый привязан к столбу для пыток. Он — великий охотник, и его очень любят во всех дальних и ближних гарнизонах. Из-за него дело дошло бы до схватки и обратный путь гурунов в Канаду был бы окрашен кровью.

— Пролилось уже так много, крови, — возразил вождь угрюмо, — что она слепит наши глаза. Мои люди видят, что все это кровь, гурунов.

— Несомненно. И все же больше гурунской крови пролилось бы, если бы я пришла окруженная бледнолицыми. Я слышала о Расщепленном Дубе и подумала, что лучше

отпустить его с миром обратно в его селения, чтобы он мог оставить там своих женщин и детей. Если он потом поможет вернуться за нашими скальпами, мы встретим его. Он любит зверей из кости и маленькие ружья. Глядите, я принесла их сюда, чтобы показать ему. Я его друг. Когда он уложит эти вещи с другим своим добром, он направится в свое селение, прежде чем мои молодые воины успеют нагнать его. И он покажет своему народу в Канаде, какие богатства можно добыть здесь теперь, когда наши великие отцы, живущие по ту сторону Соленого Озера, послали друг другу боевые топоры. А я уведу великого охотника: он нужен мне, чтобы снабжать мой дом дичью.

Джудит, достаточно хорошо знакомая с индейской манерой красно говорить, старалась выражаться глубокомысленно, и это удавалось ей лучше, чем она сама ожидала. Зверобой добросовестно служил переводчиком и делал это тем охотнее, что девушка старательно избегала прямой лжи. Такова была дань, уплаченная ею отвращению молодого человека ко всякого рода обману, который он считал низостью, недостойной белого человека. Возможность получить еще двух слонов и уже упомянутые нами пистолеты, один из которых недавно вышел из потребления, произвела сильное впечатление на гуронов. Однако Расщепленный Дуб выслушал это предложение совершенно равнодушно, хотя еще недавно пришел в восторг, узнав о существовании тварей с двумя хвостами. Короче говоря, этот хладнокровный и проницательный вождь был не так легковверен, как его подданные, и с чувством собственного достоинства, которое показалось бы излишним большей части цивилизованных людей, отказался от взятки, потому что не желал поступать по указке дарительницы.

— Пусть моя дочь оставит этих двуххвостых свиней себе на обед на тот случай, если у нее не будет дичи, — сухо ответил он. — Пусть оставит у себя и маленькие ружья с двумя дулами. Гуроны бьют оленей, когда чувствуют голод, а для сражения у них есть длинные ружья. Этот охотник не может теперь покинуть моих молодых людей: они желают знать, такое ли у него мужественное сердце, как он хвастает...

— Это я отрицаю, гурон! — с горячностью перебил его Зверобой. — Да, это я отрицаю, потому что это противоречит правде и рассудку. Никто не слышал, чтобы я хвастался, и никто не услышит, если вы даже с меня живого сдерете кожу и станете жарить мое трепещущее мясо с помощью всех ваших адских выдумок. Я человек скромный, я ваш злополучный пленник, но я не хвастун, у меня нет к этому склонности.

— Юный бледнолицый хвастает тем, что он не хвастун, — возразил хитрый вождь. — Должно быть, он прав. Я слышу пение весьма странной птицы. У нее очень красивые перья. Ни один гурон не видывал таких перьев. Но им будет стыдно вернуться к себе в деревню и сказать своему народу, что они отпустили пленника, заслушавшись пением этой птицы, а имени птицы назвать не сумеют. Они не знают, королек это или пересмешник. После этого молодым людям прикажут ходить в лес не иначе, как в сопровождении матерей, которые будут называть им имена птиц.

— Вы можете спросить мое имя у вашего пленника, — сказала девушка, — Меня зовут Джудит. И о Джудит много говорится в книге бледнолицых, которая называется библией. Если я птица с красивыми перьями, то у меня все же есть имя.

— Нет, — ответил коварный гурон, внезапно заговорив довольно правильно по-английски. Он хотел этим доказать, что до сих пор только притворялся, будто не понимает этого языка. — Я не спрошу у пленника. Он устал, он нуждается в отдыхе. Я спрошу мою дочь со слабым умом. Она говорит правду. Поди сюда, дочь, отвечай. Твое имя Хетти?

— Да, так меня зовут, — ответила девушка, — хотя в библии написано «Эсфирь».

— Значит, твое имя тоже написано в библии. Все написано в библии. Ладно. Как ее имя?

— Джудит. Так пишется в библии, хотя отец иногда называл ее Джуди. Это моя сестра Джудит, дочь Томаса Хаттера, которого вы называли Водяной Крысой, хотя он вовсе был не водяной крысой, а таким же человеком, как вы сами; он жил в доме на воде, и этого, должно быть, вам достаточно.

Улыбка торжества засветилась на сморщенной физиономии вождя, увидевшего, каким успехом увенчалось его обращение к правдолюбивой Хетти. Что касается самой Джудит, то, как только сестру ее подвергли допросу, она увидела, что все пропало, ибо никакими знаками и даже увещаниями нельзя было заставить солгать правдивую девушку. Джудит знала также, что отныне тщетны будут все попытки выдать дикарям дочь Водяной Крысы за принцессу или знатную даму. Она поняла, что ее смелый и остроумный план кончился неудачей по самой простой и естественной причине. Тогда она обратила свой взгляд на Зверобоя, молчаливо заклиная его спасти их обоих.

— Ничего не выйдет, Джудит, — сказал молодой человек в ответ на этот взгляд, значение которого он понял. — Ничего не выйдет. Это была смелая мысль, достойная жены генерала (в это время Расщепленный Дуб отошел на некоторое расстояние и не мог слышать их разговора), но этот минг не совсем обыкновенный человек, и его нельзя обмануть такими затейливыми хитростями. Все должно иметь обычный вид, чтобы облако могло затуманить его глаза. Слишком трудно заставить его поверить, будто королева или важная дама живет в здешних горах. Без сомнения, он догадался, что красивое платье, в которое вы одеты, принадлежит к числу вещей, награбленных вашим отцом или тем, кто считался когда-то вашим отцом.

— Во всяком случае, Зверобой, мое присутствие здесь защитит вас на некоторое время. Они вряд ли посмеют вас мучить у меня на глазах.

— Почему не посмеют, Джудит? Неужели вы думаете, что они будут больше считаться с бледнолицей женщиной, чем со своими скво? Правда, ваш пол, по всей вероятности, избавит вас от пыток, но он не спасет вас от плена и, быть может, не спасет даже вашего скальпа. Мне бы очень хотелось, чтобы вы не приходили сюда, добрая Джудит; мне от этого нет проку, а вам это может причинить большой вред.

— Я разделю вашу судьбу! — воскликнула девушка, охваченная великодушным порывом. — Они не сделают вам никакого вреда, пока я стою здесь и могу помешать этому... Кроме того...

— Что вы хотите сказать, Джудит? Каким образом можете вы помешать дьявольским ухищрениям индейской жестокости?

— Не знаю, Зверобой, — ответила девушка с твердостью, — но я умею страдать с моими друзьями и умер с ними, если это будет неизбежно.

— Ах, Джудит, страдать вам, быть может, придется, но вы не умрете, пока не наступит ваш час! Вряд ли такую красивую женщину, как вы, может ожидать что-либо более страшное, чем судьба жены одного из вождей, если, впрочем, при ваших склонностях вы согласитесь стать подругой индейца. Поэтому было бы гораздо лучше, если бы вы остались в ковчеге или в замке. Но что сделано, то сделано. Однако, что вы хотели сказать вашим «кроме того»?

— Опасно говорить об этом сейчас, Зверобой, — ответила девушка скороговоркой, проходя мимо него с беззаботным видом. — Лишние полчаса теперь для нас — все. Ваши друзья не теряют понапрасну времени.

Охотник ответил ей благодарным взглядом. Затем он снова повернулся к своим врагам, как бы готовясь встретить ожидавшие его пытки. После краткого совещания вожди пришли к окончательному решению. Хитрость Джудит сильно поколебала гуманные намерения Расщепленного Дуба. Девушка добилась результатов, прямо противоположных ее ожиданиям. Это было весьма естественно: индеец не мог простить, что его едва не одурачила неопытная девушка. В это время уже все поняли, кто такая Джудит; слава о ее красоте способствовала разоблачению. Что касается необычайного наряда, то он потерял свое обаяние, так как все были заинтересованы таинственными животными с двумя хвостами.

Итак, когда Расщепленный Дуб снова поглядел на пленника, на лице у него было уже совсем другое выражение. Он не хотел больше щадить бледнолицего и не был склонен далее откладывать самую страшную часть пыток. Эта перемена в настроении старого вождя быстро сообщилась молодым людям, и они деятельно занялись последними

приготовлениями к ожидаемому зрелищу. Они поспешно сложили возле молодого деревца сухие ветви, заострили щепки, чтобы воткнуть их в тело пленника, а затем поджечь, и приготовили веревки, чтобы привязать его к дереву. Все это они проделали в глубоком молчании. Джудит, затаив дыхание, следила за каждым их шагом, тогда как Зверобой стоял неподвижно, словно сосна на холме. Впрочем, когда воины приблизились к нему с веревками в руках, молодой человек поглядел на Джудит, как бы спрашивая, что она посоветует ему — сопротивляться или уступить. Выразительным жестом она посоветовала ему последнее, и минуту спустя его во второй раз привязали к дереву. Теперь он был беспомощной мишенью для любого оскорбления или злодеяния, которое только могли придумать его мучители. Ирокезы действовали очень торопливо, не произнося ни единого слова. Потом они зажгли костер, с нетерпением ожидая, чем все это кончится.

Индейцы не намеревались сжечь Зверобоя. Они просто хотели подвергнуть его физическую выносливость наиболее суровому испытанию. Для них важнее всего было унести его скальп в свои деревни, но предварительно им хотелось сломить его мужество, заставить его стонать и охать. По их расчетам, от разгоревшегося костра вскоре должен был распространиться нестерпимый жар, не угрожающий, однако, непосредственной опасностью пленнику. Но, как это часто бывает в подобных случаях, расстояние было высчитано неправильно, и пламя начало поднимать свои раздвоенные языки так близко от лица жертвы, что через несколько секунд это могло привести к роковому исходу. И тут вмешалась Хетти. Пробившись с палкой в руках сквозь толпу, она разбросала во все стороны пылающие сучья. Несколько рук поднялось, чтобы повалить дерзкую на землю, но вожди вовремя остановили своих разъяренных соплеменников, напомнив им, с кем они имеют дело. Сама Хетти не понимала, какой опасности она подвергается. Совершив этот смелый поступок, девушка нахмурила брови и стала оглядываться по сторонам, как бы упрекая насторожившихся дикарей за их жестокость.

— Благослови тебя бог, милая сестра, за этот смелый поступок! — прошептала Джудит, слишком ослабевшая сама, чтобы что-либо предпринять. — Само небо внушило тебе эту мысль.

— Это было очень хорошо задумано, Джудит, — подхватил пленник, — это было очень хорошо задумано и вполне своевременно, хотя, в конце концов, может оказаться и весьма несвоевременным. То, что должно случиться, пусть уж лучше случится поскорее. Если бы я вдохнул полный рот этого пламени, никакие человеческие силы не могли бы спасти мне жизнь. А вы видите: на этот раз они так обвязали мой лоб, что я не имею возможности двигать головой. У Хетти были хорошие намерения, но, быть может, лучше было бы позволить огню сделать свое дело.

— Жестокие, бессердечные гуруны! — воскликнула Хетти в припадке негодования. — Вы хотите сжечь человека, словно березовое полено!

Движением руки Расщепленный Дуб приказал снова собрать разбросанные головни. Ирокезы принесли еще дров; даже женщины и дети усердно собирали сухое топливо. Пламя уже вновь начало разгораться, как вдруг какая-то индейская женщина прорвалась в круг, подбежала к костру и ногой разбросала горящие ветви. Ирокезы ответили на эту новую неудачу страшным воем; но, когда виновная обернулась и они узнали в ней делаварку, у всех вырвался крик удовольствия и изумления.

С минуту никто не думал о продолжении жестокого дела.

И молодые и старые столпились вокруг девушки, спеша узнать причину ее неожиданного возвращения. В этот критический момент Уа-та-Уа успела что-то шепнуть Джудит, незаметно сунула ей в руку какую-то вещицу и затем стала отвечать на приветствия гуронских девушек, которые очень любили ее. Джудит снова овладела собой и быстро принялась за дело. Маленький остро отточенный нож, который Уа-та-Уа дала ей, перешел в руки Хетти, потому что это казалось самым безопасным и наименее подозрительным способом передать оружие Зверобою. Но слабоумие бедной девушки расстроило тонкие расчеты ее подруг. Вместо того чтобы незаметно перерезать путы, стягивавшие руки

пленника, а затем спрятать нож в его одежде, чтобы он мог пустить его в ход в наиболее подходящий момент, Хетти на глазах у всех принялась резать веревки, стягивающие голову Зверобоя, чтобы он снова не подвергся опасности задохнуться от дыма. Конечно, гуроны заметили это и схватили Хетти за руки, когда она успела освободить от веревок только плечи пленника. Это открытие сразу навлекло подозрение на Уа-та-Уа. К удивлению Джудит, смелая девушка при допросе, не колеблясь, призналась в своем участии в том, что произошло.

— А почему бы мне и не помочь Зверобоем? — спросила она твердым голосом. — Он брат делаварского вождя; и у меня делаварское сердце... Поди сюда, негодный Терновый Шип, и смой ирокезскую раскраску с своего лица! Встань перед гуронами, ворона! Ты готов есть трупы твоих собственных мертвецов, лишь бы не голодать... Поставьте его лицом к лицу со Зверобоем, вожди и воины; я покажу вам, какого негодяя вы приняли в свое племя.

Эта смелая, полная убежденности речь, произнесенная на их собственном языке, произвела глубокое впечатление на гуранов. Изменники всегда внушают недоверие, и хотя трусливый Терновый Шип всячески старался прислужиться к своим врагам, его раболепие обеспечило ему в лучшем случае презрительное снисхождение с их стороны. Желание сделать Уа-та-Уа своей женой когда-то побудило его изменить родному племени и предать девушку в руки неприятеля, но среди товарищей он нашел серьезных соперников, вдобавок презиравших его за измену. Короче говоря, Терновому Шипу позволили остаться в гуронском лагере, но он находился под таким же бдительным надзором, как и сама Уа-та-Уа. Он редко появлялся перед вождями и старательно избегал Зверобоя, который до этой минуты не подозревал о его присутствии. Однако, услышав свое имя, изменник почувствовал, что прятаться более невозможно. Лицо Тернового Шипа было так густо размазовано ирокезскими цветами, что, когда он появился в центре круга, Зверобой его с первого взгляда не узнал. Изменник принял вызывающий вид и надменно спросил, в чем его обвиняют.

— Спроси об этом самого себя, — ответила Уа-та-Уа с задором, хотя во всех ее движениях вдруг почувствовалась какая-то неуверенность, словно она чего-то ожидала.

Это сразу заметили и Зверобой и Джудит.

— Спроси об этом твое собственное сердце, трусливый предатель делаваров! Не выступай здесь с невинным лицом. Пойди погляди в ручей — увидишь вражескую раскраску на твоей лживой шкуре, — потом приди обратно и похвастай, как ты убежал от своего племени и взял французское одеяло для покрыва. Размалой себя пестро, как колибри, — все равно ты останешься черным, как ворона.

Уа-та-Уа, живя у гуранов, всегда была так кротка, что теперь они с удивлением слушали ее негодующую речь. Что касается виновного, то кровь закипела в его жилах, и счастье хорошенькой делаварки, что не в его власти было осуществить месть, которую он уже замыслил, несмотря на всю свою любовь к ней.

— Что вам нужно от Тернового Шипа? — спросил он дерзко. — Если бледнолицый устал от жизни, если он боится индейских пыток, приказывай, Расщепленный Дуб: я пошлю его по следу воинов, которых мы потеряли...

— Нет, вождь, нет, Расщепленный Дуб! — с живостью перебила Уа-та-Уа.

— Зверобой ничего не боится, и меньше всего он боится вороны. Развяжите его, разрежьте его путы, поставьте его лицом к лицу с этой каркающей птицей, тогда мы увидим, кто из них устал от жизни.

Уа-та-Уа рванулась вперед, чтобы освободить Зверобоя, но один пожилой воин остановил ее, повинувшись знаку Расщепленного Дуба. Вождь с подозрением следил за всеми движениями девушки, потому что, даже когда она говорила как нельзя более развязно, в ней чувствовалась какая-то неуверенность. Она чего-то ждала, и это не могло ускользнуть от внимательного наблюдателя. Она хорошо играла свою роль, но два или три старика сразу поняли, что она только играет. Итак, ее предложение развязать Зверобоя было отвергнуто, и опечаленную Уа-та-Уа оттащили от дерева в ту самую минуту, когда она уже начинала надеяться на успех. В это время ирокезы, сбившиеся было в беспорядочную толпу, снова

расположились в порядке по кругу. Расщепленный Дуб объявил, что старики намерены возобновить пытку: отсрочка продолжалась слишком долго и не привела ни к каким результатам.

— Погоди, гурон! Погодите, вожди! — воскликнула Джудит, сама не понимая, что она говорит, и желая любым способом выиграть время. — Ради бога, еще только минуту!

Слова эти были прерваны другим, еще более необычайным происшествием. Какой-то молодой индеец одним прыжком прорвался сквозь ряды гуронов и выскочил на середину круга с величайшей уверенностью и отвагой, которая граничила почти с безумием. Пять или шесть часовых в различных отдаленных пунктах все еще наблюдали за озером, и Расщепленный Дуб в первую минуту подумал, что один из них прибежал с каким-то важным донесением. Движения незнакомца были так быстры, его боевой наряд, сводившийся, как у античной статуи, к простой повязке вокруг бедер, имел так мало внешних отличий, что сразу невозможно было понять, кто он: враг или друг. В три прыжка этот воин очутился рядом со Зверобоем и в мгновение ока перерезал стягивающие того веревки. Только после этого незнакомец повернулся, и изумленные гуроны увидели благородное лицо, стройное тело и орлиный взор юного воина в раскраске делаваров. В каждой руке он держал по карабину; приклады ружей покоились на земле, а с одного из них свисали патронная сумка и пороховница Зверобоя. Это был знаменитый карабин «оленебой». Смело и вызывающе глядя на толпу вокруг него, индеец вручил его законному владельцу. Присутствие двух вооруженных людей в их среде ошеломило гуронов. Их собственные ружья, незаряженные, валялись под деревьями, и они могли сейчас защищаться только ножами и томагавками. Однако они достаточно хорошо владели собой, чтобы не обнаружить страха. Казалось мало вероятным, чтобы с такими небольшими силами можно было отважиться напасть на такой сильный отряд. Гуроны ожидали, что за этой смелой выходкой последует какое-нибудь необычайное предложение. Незнакомец не обманул их ожиданий: он приготовился говорить.

— Гуроны, — сказал он, — земля очень обширна, Великие Озера тоже обширны; за ними достаточно простора для ирокезов; на этой стороне достаточно простора для делаваров. Я Чингачгук, сын Ункаса, родич Таменунда. Это моя невеста; этот бледнолицый — мой друг. На мое сердце легла тяжесть, когда я потерял его. Я последовал за ним в ваш лагерь поглядеть, чтобы с ним не случилось ничего худого. Все делаварские девушки поджидают Уа. Они дивятся, почему ее нет так долго. Позвольте распроститься с вами и идти нашей дорогой.

— Гуроны, это ваш смертельный враг, Великий Змей, которого вы ненавидите! — крикнул Терновый Шип. — Если он вырвется отсюда, кровью будет отмечен каждый след ваших мокасин отсюда до самой Канады. Я гурон и душой и телом.

С этими словами изменник метнул свой нож в обнаженную грудь делаvara. Быстрым движением руки Уа-та-Уа, стоявшая рядом, отклонила удар, и опасное оружие вонзилось острием в ствол сосны. В следующий миг такое же оружие блеснуло в руке Змея и погрузилось в сердце предателя. Не прошло и минуты с тех пор, как Чингачгук ворвался в круг, и вот уже Терновый Шип, сраженный наповал, рухнул, как бревно. События следовали с такой невероятной быстротой, что гуроны еще не успели прийти в себя. Но гибель Тернового Шипа заставила их опомниться. Раздался боевой клич, и вся толпа пришла в движение. В этот миг из леса донеслись необыкновенные звуки; все гуроны — и мужчины и женщины — остановились, насторожив уши, с лицами полными ожидания. Звуки были мерные и тяжелые, как будто по земле молотили цепями. Что-то показалось между деревьями, и вскоре на опушке леса появился военный отряд, маршировавший ровным шагом. Солдаты шли в атаку, пурпур королевских мундиров алел среди ярко-зеленой листвы. Трудно описать сцену, которая последовала за этим. Гуроны смешались в беспорядке. Паника и отчаяние овладели ими; лихорадочно пытались они как-нибудь спастись. Из глоток гуронов вырвался яростный вопль; ему ответило веселое «ура». Ни один мушкет, ни одна винтовка еще не выстрелили, хотя твердый и мерный топот продолжался, и было видно, как перед шеренгой, насчитывавшей не меньше шестидесяти человек, сверкают

штыки. Гуруны очутились в очень невыгодном положении: с трех сторон их окружала вода, а с четвертой путь к отступлению был отрезан грозным, хорошо обученным врагом. Воины бросились к своему оружию, и затем все находившиеся на мысу мужчины, женщины, дети — начали искать прикрытия.

Среди всеобщей отчаянной сумятицы только Зверобой сохранил хладнокровие и присутствие духа. Прежде всего он поспешил спрятать Джудит и Уа-та-Уа за древесными стволами и стал отыскивать Хетти, но ее увлекла за собой толпа гурунских женщин. Потом охотник бросился к флангу отступающих гурунов, бежавших к южной оконечности мыса в надежде спастись по воде. Зверобой улучил минуту, когда два его недавних мучителя оказались на одной линии, и его карабин первый нарушил тишину этой ужасной сцены. Пуля пронзила обоих. Это вызвало беглый огонь со стороны гурунов: в общем шуме раздался боевой клич Змея. Вышколенные солдаты не ответили на огонь гурунов. Один только выстрел раздался из рядов англичан: это выпалил Непоседа. Англичане двигались молча, если не считать короткой и быстрой команды и тяжелого, грозного топота марширующих войск. Затем послышались крики, стоны и проклятия, которыми обычно сопровождается штыковой бой. Это страшное, смертельное оружие пресытилось мщением. Разыгравшаяся здесь сцена принадлежала к числу тех, которые часто повторяются и в наши дни и во время которых ни возраст, ни пол не избавляют людей от дикой расправы.

Глава 31

*Утром цветы живут,
Но умирают в ночь.
Все, что творится тут,
Завтра уходит прочь.
Молния блещет так:
Вспышка — и снова мрак!*
Шелли

Вряд ли стоит подробно рисовать перед читателем картину, которую представляла собой земля, избранная злополучными гурунами для их последней стоянки. К счастью для людей чувствительных или не слишком смелых, стволы деревьев, листва и дым скрыли большую часть происходившего, а ночь вскоре распростерла свой покров над озером и над всей бесконечной пустыней, которая в ту эпоху с незначительными перерывами тянулась от отмелей Гудзона до берегов Тихого океана.

Перенесем действие нашей повести на другой день, когда на землю вновь вернулся свет, такой ласковый и улыбающийся, как будто не произошло ничего особенного.

Когда на следующее утро встало солнце, на берегах Мерцающего Зеркала уже исчезли все следы борьбы и тревог. Ужасные события минувшего вечера не оставили ни малейшего отпечатка на неподвижной глади озера, и часы продолжали неумоимо бежать спокойной чередой, ни в чем не нарушая порядка, начертанного природой. Птицы по-прежнему колыхались на воде или парили над вершинами горных сосен, готовые броситься вниз на добычу по непреложным законам своей природы. Короче говоря, ничто не изменилось, если не считать того, что в «замке» и вокруг него закипела жизнь. Перемена, происшедшая там, поразила бы даже самого рассеянного наблюдателя. Часовой в мундире королевского стрелкового полка мерной поступью расхаживал взад и вперед по платформе, а человек двадцать солдат толпились вокруг дома или сидели в ковчеге. Ружья, составленные в козлы, находились под охраной другого часового. Два офицера смотрели на берег в столь часто упоминавшуюся нами подзорную трубу. Их взгляды были прикованы к тому роковому мысу, где между деревьями еще мелькали красные мундиры: это солдаты рыли могилы, совершая печальный обряд погребения. По некоторым рядовым было видно, что победа досталась не

без сопротивления. У младшего офицера рука висела на перевязи.

Его товарищ, командовавший отрядом, более счастливо отделался. Он-то и смотрел в трубу, наблюдая за берегом.

Сержант подошел с рапортом. Он назвал старшего офицера капитаном Уэрли, а младшего — прапорщиком Торнтоном. Вскоре читателю станет ясно, что капитан и был тот самый офицер, чье имя упоминалось с таким раздражением в последнем разговоре между Джудит и Непоседой. Это был мужчина лет тридцати пяти, краснощекий, с резкими чертами лица. Его военная выправка и элегантный вид легко могли пленить воображение такой неопытной девушки, как Джудит.

— Должно быть, Крэг осыпает нас благословениями, — равнодушно заметил капитан, обращаясь к прапорщику и складывая трубу, которую затем передал своему денщику. — И, говоря по правде, не без оснований: конечно, гораздо приятнее быть здесь и ухаживать за мисс Джудит Хаттер, чем хоронить индейцев на берегу, как бы ни был романтичен окружающий пейзаж и блистательна одержанная победа... Кстати, Райт, ты не знаешь, Дэвис еще жив?

— Он умер десять минут назад, ваша честь, — ответил сержант, к которому был обращен этот вопрос. — Я сразу понял, чем это кончится, когда увидел, что пуля попала ему в живот. Я еще не встречал человека, который мог бы выжить, после того как ему просверлили дыру в желудке.

— Да, после этого будет не до лакомств, — заметил Уэрли, зевая. — Но знаете, Артур, две бессонные ночи подряд чертовски действуют на способность человека. Я поглупел, словно голландский священник на Мохоке. Надеюсь, рука вас не очень беспокоит, милый мальчик?

— Как видите, она заставляет меня немножко гримасничать, сэр, — ответил юноша смеясь, хотя его физиономия морщилась от боли. — Но это можно вытерпеть. Надеюсь, Грэхэм скоро улучит несколько минут, чтобы осмотреть мою рану.

— А ведь эта Джудит Хаттер премилое создание, Торнтон, и не моя вина, если ее красотой не будут восхищаться в лондонских парках, — продолжал Уэрли, мало интересовавшийся раной своего собеседника. — Ах, да! Ваша рука! Совершенно верно! Ступайте в ковчег, сержант, и скажите доктору Грэхэму, что я приказал ему осмотреть рану мистера Торнтон, как только он управится с бедным малым, у которого перебита нога... Прелестное создание! Она была похожа на королеву в своем парчовом платье. Я вижу, здесь все изменилось: отец и мать умерли, сестра умирает, если уже не умерла, из всего семейства уцелела только наша красавица. Если брать на круг, это была очень удачная экспедиция, и обещает она закончиться гораздо приятнее, чем обычно кончаются стычки с индейцами.

— Должен ли я предположить, сэр, что вы готовы покинуть знамя великой армии холостяков и закончить кампанию браком?

— Я, Уэрли, стану новобрачным?! Ей-богу, милый мальчик, вы плохо знаете великую армию, о которой говорите, если способны вообразить подобную вещь! Я полагаю, что в колониях иногда встречаются женщины, которыми капитан легкой пехоты не должен пренебрегать, но их нельзя найти ни здесь, на горах возле этого озера, ни даже на той голландской речке, где мы стоим гарнизоном. Правда, мой дядя-генерал однажды соблаговолил выбрать для меня невесту в Йоркшире, но она была совсем некрасива, а я не соглашусь жениться даже на принцессе, если она не будет хорошенькой.

— А если она хорошенькая, то вы готовы жениться даже на нищей?

— Ну, это мысль, достойная прапорщика! Любовь в шалаше — это старая погудка на новый лад, которую приходится слышать в сотый раз. Мы не из тех, что женятся, мой милый мальчик. Возьмем нашего командира, старого сэра Эдвина. Хотя он уже полный генерал, но никогда не думал о женитьбе; а если мужчина вот-вот дослужится до генерал-лейтенантского чина, избежав брака, то он уже почти в безопасности. Стало быть, помощник командира тоже уже посвящен в холостяки, как я сказал однажды моему кузену-епископу. Майор — вдовец, он отведал брачной жизни в течение двенадцати месяцев, когда был еще

юнцом, и теперь мы считаем его одним из самых надежных наших людей. Из десяти капитанов только один еще колеблется, и он, бедняга, всегда считался в полковом штабе своего рода *memento mori* для нашей молодежи. Что касается младших офицеров, то еще ни один из них не рискнул заявить, что хочет представить свою супругу полковому собранию... Но ваша рука, кажется, вас беспокоит... Пойдем посмотрим, что случилось с Грэхэмом.

Хирург, сопровождавший отряд, занимался совсем не тем, что предполагал капитан. Когда бой кончился, солдаты подобрали мертвых и раненых. Среди них оказалась бедная Хетти. Она была смертельно ранена ружейной пулей. Никто не знал, как это произошло. Вернее всего, это была несчастная случайность.

Сумаха, все старухи и несколько гуронских девушек были заколоты штыками в самый разгар схватки, когда трудно было отличить мужчин от женщин, которые носят приблизительно одинаковую одежду. Большинство воинов погибло на месте. Некоторым удалось, однако, бежать, а двое или трое были взяты живыми.

Что касается раненых, то штык избавил хирурга от лишних хлопот. Расцепленный Дуб уцелел, но был ранен и находился в плену. Капитан Уэрли и молодой прапорщик прошли мимо него, направляясь в ковчег. Старый индеец в горделивом молчании сидел на краю баржи с перевязанной головой и ногой; на лице его, однако, незаметно было никаких признаков уныния или отчаяния. Несомненно, он оплакивал гибель своего племени, но при этом сохранял достоинство, подобающее воину и вождю.

Офицеры застали хирурга в главной каюте ковчега. Он только что отошел от соломенного тюфяка, на котором лежала Хетти. На обезображенном оспой лице шотландца было необычное для него выражение грустного сожаления. Все его усилия не имели успеха: пришлось отказаться от надежды на то, что девушка проживет хотя бы еще несколько часов. Доктор Грэхэм привык к сценам предсмертной агонии, они не производили на него особого впечатления. Но, когда он увидел, что кроткая юная Хетти, по своему умственному развитию стоявшая ниже большинства белых женщин, переносит мучения с твердостью, которой мог бы позавидовать закаленный воин или прославленный герой, он был до такой степени взволнован этим зрелищем, что даже стыдился в этом признаться.

— Совершенно необычайный случай в лесу, и вдобавок у пациентки, которая не совсем в здравом уме, — заметил он с резким шотландским акцентом, когда Уэрли и прапорщик вошли в каюту. — Я надеюсь, джентльмены, что, когда наступит наш час, мы с такой же покорностью согласимся принять пенсию на том свете, как эта бедная полоумная девушка.

— Есть ли какая-нибудь надежда, что она оправится от этой раны? — спросил Уэрли, поглядывая искоса на смертельно бледную Джудит.

Впрочем, как только он вошел в каюту, на щеках у девушки выступили два красных пятна.

— Не больше, чем у Карла Стюарта⁴¹ стать королем Англии. Подойдите поближе и судите сами, джентльмены. В душе этой бедной девушки происходит в некотором роде тяжба между жизнью и смертью, что делает ее предметом, достойным внимания философа... Мистер Торнтон, теперь я к вашим услугам. Мы осмотрим вашу рану в соседней комнате и тем временем пофилософствуем вволю о причудах человеческого духа.

Хирург и прапорщик удалились, а Уэрли внимательно осмотрелся по сторонам, стараясь угадать настроение людей, собравшихся в каюте. Бедная Хетти полулежала на своей постели. На лице ее, хранившем просветленное выражение, можно было, однако, заметить признаки близкой смерти. Возле нее находились Джудит и Уа-та-Уа. Джудит сидела, охваченная глубокой печалью. Делаварка стояла, готовая оказать любую помощь. Зверобой, совершенно невредимый, стоял в ногах постели, опершись на свой карабин.

⁴¹ Карл Стюарт — внук низвергнутого короля Иакова II, претендент на английский престол. В 1745 году, опираясь на содействие французов, он поднял восстание среди племени горной Шотландии, но был разбит англичанами и спасся бегством.

Воинственный пыл на его лице уступил место обычному открытому, благожелательному выражению, к которому теперь примешивались жалость и мужественная скорбь. Змей занимал задний план картины, прямой и неподвижный, как статуя, внимательно наблюдая за всеми. Непоседа дополнял группу; он сидел на стуле возле двери с видом человека, который чувствует неуместность своего присутствия, но стыдится покинуть свое место.

— Кто этот человек в красном? — спросила Хетти, заметив капитанский мундир. — Скажи мне, Джудит: ведь это друг Непоседы?

— Это офицер, командир военного отряда, который спас нас всех от рук гуронов, — тихо ответила сестра.

— Значит, я тоже спасена? А мне казалось, будто здесь говорили, что меня застрелили и я должна умереть. Умерла мать, умер отец, но ты жива, Джудит, и Гарри тоже. Я очень боялась, что Гарри убьют, когда услышала, как он кричит в толпе солдат...

— Ничего, ничего, милая Хетти, — перебила ее Джудит, старавшаяся в эту минуту больше чем когда-либо сохранить тайну сестры. — Гарри невредим, и Зверобой невредим, и делавары тоже невредимы.

— Как это случилось, что они застрелили бедную девушку, а мужчин не тронули? Я не знала, что гуроны так злы, Джудит.

— Это была случайность, бедная Хетти, печальная случайность, только и всего. Ни один человек не решился бы причинить тебе какой-нибудь вред.

— Я очень рада. Мне это казалось странным: я слабоумная, и краснокожие никогда прежде не делали мне ничего худого. Мне было бы тяжело думать, что они переменялись ко мне. Я очень рада, Джудит, что они не сделали ничего худого Непоседе... Знаете, Зверобой, очень хорошо, что пришли солдаты, потому что огонь жжется.

— В самом деле, это было великое счастье, сестра.

— Мне кажется, Джудит, ты знакома с некоторыми из этих офицеров; ты прежде часто встречалась с ними.

Джудит ничего не ответила; она закрыла лицо руками и застонала. Хетти поглядела на нее с удивлением, но, подумав, что Джудит горюет о ней, постаралась ласково утешить сестру.

— Не тревожься обо мне, милая Джудит, — сказала любящая и чистосердечная девушка. — Если я умру, не беда: отец с матерью умерли, и то, что случилось с ними, может случиться и со мной. Ты знаешь, в нашей семье я всегда занимала последнее место — значит, не многие будут помнить обо мне, когда я исчезну в озере.

— Нет, нет, бедная, милая Хетти! — воскликнула Джудит в неудержимом порыве скорби. — Я, во всяком случае, всегда буду помнить о тебе. И с радостью... о, с какой радостью я поменялась бы с тобой, чистым, добрым созданием!

До сих пор капитан Уэрли стоял, прислонившись к дверям каюты, но, когда эти слова, полные такой печали и, быть может, раскаяния, вырвались у красивой девушки, он удалился медленно и задумчиво. Проходя мимо прапорщика, корчившегося от боли, пока хирург делал ему перевязку, капитан не обратил на него никакого внимания.

— Вот моя библия, Джудит! — сказала Хетти торжественно. — Правда, я больше не могу читать; что-то делается с моими глазами: ты кажешься мне такой тусклой, далекой, и Непоседа тоже, когда я гляжу на него; право, никогда бы не говорила, что Гарри Марч может казаться таким тусклым. Отчего это, Джудит, я так плохо вижу сегодня? Мать всегда говорила, что у меня самые хорошие глаза во всей нашей семье. Да, это правда... Ум у меня слабый, люди называли меня полупомешанной, но глаза очень хорошие...

Джудит опять зарыдала; на этот раз никакое себялюбивое чувство, никакая мысль о прошлом не примешивалась к ее скорби. Это была чистая, сердечная печаль, вызванная любовью к сестре. Она с радостью пожертвовала бы собственной жизнью, лишь бы спасти Хетти. Однако это не было в человеческой власти, и ей оставалось только горевать. В это время Уэрли вернулся в каюту, повинаясь побуждению, которому не мог противиться, хотя и чувствовал, что он с великой охотой навсегда бы покинул Американский континент. Вместо

того чтобы остановиться у двери, он так близко подошел к ложу страдальцы, что очутился прямо у нее перед глазами. Хетти еще не потеряла способность различать крупные предметы, и ее взор устремился на него.

— Не вы ли тот офицер, который прибыл сюда с Непоседой? — спросила она. — Если так, то мы все должны поблагодарить вас, потому что, хотя я и ранена, все остальные спаслись. Значит, Гарри Марч рассказал вам, где нас найти и как сильно мы нуждаемся в вашей помощи?

— Весть о появлении индейцев принес нам курьер союзного племени, — ответил капитан, радуясь случаю облегчить свои чувства подобием дружеской беседы. — И меня немедленно послали отрезать им путь. Разумеется, вышло очень удачно, что мы встретили Гарри Непоседу, как вы называете его, он служил нам проводником; к счастью также, мы скоро услышали выстрелы — как теперь я узнал, это просто стреляли в цель, — они не только заставили нас ускорить наш марш, но и привели нас именно туда, куда следовало. Делавар увидел нас на берегу, если не ошибаюсь, в подзорную трубу. Он и Уа-та-Уа, как зовут его скво, оказали нам большую услугу. Право, это было весьма счастливое совпадение обстоятельств, Джудит.

— Не говорите мне больше о счастье, сэр! — хриплым голосом ответила девушка, снова закрывая лицо руками. — Для меня весь мир полон скорби. Я хотела бы никогда больше не слышать о ружьях, солдатах и вообще о людях.

— Разве вы знакомы с моей сестрой? — спросила Хетти, прежде чем смущенный офицер успел собраться с мыслями для ответа. — Откуда вы знаете, что ее зовут Джудит? Вы правы, потому что у нее действительно такое имя. А я Хетти, и мы обе дочери Томаса Хаттера.

— Ради всего святого, милая сестрица, ради меня, любимая Хетти, — воскликнула Джудит умоляюще, — не говори больше об этом!

Хетти, как видно, была удивлена, но, привыкнув повиноваться, прекратила неуместный и мучительный допрос капитана Уэрли. Ум ее обратился к будущему, в значительной мере потеряв из виду сцены прошлого.

— Мы недолго пробудем в разлуке, Джудит, — сказала она. — Когда ты умрешь, тебя тоже принесут и похоронят в озере рядом с матерью.

— Жаль, Хетти, что я уже давно не лежу там!

— Нет, Джудит, это невозможно: только мертвый имеет право быть похороненным. Грешно было бы похоронить тебя или тебе самой похоронить себя, пока ты еще жива. Когда-то я хотела похоронить себя, но бог удержал меня от этого греха.

— Ты... ты, Хетти Хаттер, думала о таком деле? — воскликнула Джудит, глядя на сестру в неопишемом изумлении, ибо она хорошо знала, что уста Хетти не произносили ни единого слова, которое бы не было безусловной правдой.

— Да, Джудит, — ответила умирающая девушка с покорным видом провинившегося ребенка. — Но я надеюсь, что бог простит мне это прегрешение. Это случилось вскоре после смерти матери; я чувствовала, что потеряла своего лучшего друга на земле, и, быть может, даже единственного друга. Правда, Джудит, вы с отцом были очень ласковы со мной, но ведь я слабоумная. Я знала, что буду вам только в тягость; да и вы так часто стыдились такой сестры и дочери. А очень тяжело жить на свете, когда все смотрят на тебя свысока. Вот я и подумала, что, если мне удастся похоронить себя рядом с матерью, я буду чувствовать себя гораздо счастливее в озере, чем в хижине.

— Прости меня, прости меня, дорогая Хетти! На коленях умоляю тебя о прощении, милая сестрица, если какое-нибудь мое слово или поступок внушили тебе эту безумную, жестокую мысль!

— Встань, Джудит. На коленях ты должна стоять перед богом, а не передо мной. Совершенно также я чувствовала себя, когда умирала моя мать. Я вспоминала все, чем огорчала ее, и готова была целовать ее ноги, умоляя о прощении. Вероятно, так чувствуешь всегда рядом с умирающими; хотя теперь, думая об этом, я не помню, чтобы у меня было

такое чувство, когда умирал отец.

Джудит встала, закрыла лицо передником и заплакала. Затем последовала долгая, тянувшаяся более двух часов пауза, в продолжение которой капитан Уэрли несколько раз входил в каюту. Как видно, ему было не по себе, когда он отсутствовал, но оставаться здесь долго он тоже был не в силах. Он отдал несколько приказаний, и солдаты засуетились, особенно когда лейтенант Спрэг, закончив свою неприятную обязанность хоронить мертвецов, прислал с берега вестового спросить, что ему делать дальше со своим отрядом. Во время этого перерыва Хетти ненадолго заснула, а Зверобой и Чингачгук покинули ковчег, желая поговорить наедине. Но не прошло и получаса, как хирург вышел на платформу и с взволнованным видом, которого прежде никогда не замечали у него товарищи, объявил, что больная быстро приближается к своему концу. Все снова собрались в каюте. Любопытство, а быть может, и более высокие чувства привлекли сюда людей, которые так недавно были действующими лицами, казалось бы, гораздо более тяжелых и важных событий. Джудит совершенно обессилела от горя, и одна Уа-та-Уа окружала нежной женской заботливостью ложе больной. В самой Хетти не произошло никакой заметной перемены, если не считать общей слабости, которая указывает на скорое приближение смерти. Небольшая доля рассудка, доставшаяся ей в удел, оставалась ясной, как всегда, и в некоторых отношениях ум ее стал даже гораздо деятельнее, чем обычно.

— Не горюй обо мне так сильно, Джудит, — сказала кроткая страдальца. — Я скоро увижу мать; и мне кажется, что я уже вижу ее; лицо у нее такое же ласковое и улыбающееся, как всегда. Быть может, когда я умру, бог вернет мне рассудок, и я стану более достойной подругой для матери, чем прежде. Но почему так темно? Неужели ночь уже наступила? Я почти ничего не вижу. Где Уа?

— Я здесь, бедная девочка. Почему ты меня не видишь?

— Я тебя вижу, но не могу отличить тебя от Джудит. Я думаю, что мне уже недолго придется смотреть на тебя, Уа.

— Это очень жаль, бедная Хетти. Но не беда: у бледнолицых на небо уходят не только воины, но и девушки.

— Где Змей? Я хочу поговорить с ним; дайте мне его руку, вот так! Теперь я чувствую ее. Делавар, ты должен любить и почитать эту женщину. Я знаю, как нежно она любит тебя, и ты должен так же нежно любить ее. Не грози ей, как некоторые ваши мужчины грозят своим женам; будь для нее хорошим мужем. А теперь подведите Зверобоя поближе ко мне, дайте мне его руку.

Требование это было исполнено, и охотник встал у ложа больной, подчиняясь всем ее желаниям с покорностью ребенка.

— Я чувствую, Зверобой, — продолжала она, — хотя не могу сказать почему, что вы и я расстаемся не навсегда. Это странное чувство. Я никогда не испытывала его прежде... Быть может, вы тоже хотите, чтобы вас похоронили в озере? Если так, то я понимаю, откуда у меня это чувство.

— Это вряд ли возможно, девушка, это вряд ли возможно. Моя могила, по всем вероятностям, будет выкопана где-нибудь в лесу, но я надеюсь, что мой дух будет обитать недалеко от вашего.

— Должно быть, так. Я слишком слаба умом, чтобы понимать такие вещи, но я чувствую, что вы и я когда-нибудь встретимся... Сестра, где ты? Теперь я ничего не вижу, кроме мрака. Должно быть, уже ночь наступила...

— Я здесь, рядом с тобой, вот мои руки обнимают тебя, — всхлипывала Джудит. — Говори, дорогая... быть может, ты хочешь что-нибудь сказать или просишь что-нибудь сделать в эту страшную минуту?

В это время зрение окончательно изменило Хетти. Тем не менее смерть приближалась к ней не в сопровождении своих обычных ужасов, а как бы охваченная нежной жалостью. Девушка была бледна, как труп, но дышала легко и ровно; ее голос, понизившийся почти до шепота, оставался, однако, по-прежнему ясным и отчетливым. Когда сестра задала этот

вопрос, румянец разлился по щекам Хетти, впрочем, такой слабый, что его почти невозможно было заметить. Никто, кроме Джудит, не уловил этого выражения женского чувства, не побежденного даже смертью. Джудит сразу поняла, в чем тут дело.

— Непоседа здесь, дорогая Хетти, — прошептала она, низко склонив свое лицо к умирающей, чтобы слова эти не долетели до посторонних ушей. — Хочешь, я позову его попрощаться с тобой?

Нежное пожатие руки было утвердительным ответом, и тогда Непоседу подвели к ложу умирающей. Вероятно, этот красивый, но грубый обитатель лесов никогда не бывал в таком неловком положении, хотя склонность, которую питала к нему Хетти, была слишком чиста и ненавязчива, чтобы в уме его могли зародиться хотя бы малейшие подозрения на этот счет. Он позволил Джудит вложить свою огромную жесткую руку в руки Хетти и стоял, ожидая дальнейшего, в стесненном молчании.

— Это Гарри, милочка, — прошептала Джудит, склоняясь над сестрой. — Поговори с ним и позволь ему уйти.

— Что я должна ему сказать, Джудит?

— Все, что подскажет тебе твоя чистая душа, моя дорогая. Верь своей душе и ничего не бойся.

— Прощайте, Непоседа, — прошептала девушка, ласково пожимая ему руку. — Мне бы хотелось, чтобы вы постарались сделаться немного похожим на Зверобоя.

Слова эти были произнесены с большим трудом; на один миг слабый румянец окрасил щеки девушки, затем пальцы ее разжались, и Хетти отвернулась, как бы покончив все счета с миром. Скрытое чувство, которое связывало ее с этим молодым человеком, чувство, такое слабое, что оно осталось почти незаметным для нее самой и никогда не могло бы зародиться, если бы рассудок обладал большей властью над ее сердцем, уступило место возвышенным мыслям.

— О чем ты думаешь, милая сестрица? — прошептала Джудит. — Скажи мне, чтобы я могла помочь тебе.

— Мать... я вижу теперь мать... она стоит над озером, вся окруженная светом... Почему там нет отца?... Как странно, я могу видеть мать, а не вижу тебя... Прощай, Джудит.

Последние слова она произнесла после некоторой паузы. Сестра склонилась над ней с тревожным вниманием, пока наконец не заметила, что кроткий дух отлетел. Так умерла Хетти Хаттер.

Глава 32

*Не опорочь барона дочь! Ей надо честь блюсти:
Венчаться ей с тобой, злодей! Всесильный бог, прости!
Барон силен, и с ним закон, мне лучше в лес уйти,
Чем в день святой с надеждой злой стать на ее пути,
Нет, прочь мечты! Послушай ты, тому не быть,
Поверь, —
Я лучше в темный лес уйду, один, как дикий зверь!
«Девушка с каштановыми локонами». (Старинная баллада)*

Следующий день был очень печальным, хотя прошел в хлопотах. Солдаты, которые недавно зарывали тела своих жертв, собрались теперь, чтобы похоронить своих товарищей. Эта церемония произвела на всех тягостное впечатление. Время тянулось медленно, пока наконец не наступил вечер, когда решили отдать последний долг останкам бедной Хетти Хаттер. Тело ее опустили в озеро рядом с матерью, которую она так любила и почитала. Хирург Грэхэм, несмотря на все свое вольнодумство, согласился прочитать молитву над ее могилой. Джудит и Уа-та-Уа заливались слезами, а Зверобой не отрываясь смотрел

влажными глазами на прозрачную воду, колыхавшуюся над телом той, чей дух был чище, чем горные родники. Даже делавар отвернулся, чтобы скрыть свое волнение.

По приказанию старшего офицера, все рано легли спать, потому что на рассвете решено было выступить в обратный поход. Впрочем, часть отряда покинула «замок» еще днем, захватив с собой раненых, пленных и трофеи, наблюдение за которыми было поручено Непоседе. Они высадились на том мысу, о котором так часто упоминалось на страницах нашей повести; когда солнце село, этот небольшой отряд уже расположился на склоне длинного, неровного и обрывистого холма, который возвышался над долиной реки Мохок. Это значительно упростило дело: оставшиеся не были стеснены теперь ранеными и багажом, и начальник мог действовать гораздо свободнее.

После смерти сестры Джудит до самой ночи не разговаривала ни с кем, кроме Уа-та-Уа. Все уважали ее горе, и девушки не отходили от тела покойницы. Когда печальный обряд закончился, барабанный бой нарушил тишину, царившую над спокойной гладью озера, а в горах разнеслось эхо. Звезда, недавно служившая сигналом к бегству делаварки, поднялась над таким мирным пейзажем, как будто спокойствие природы никогда не нарушалось трудами или страстями человека. На платформе всю ночь шагал одинокий часовой, а утром, как обычно, пробили зорю.

Вольный уклад жизни пограничных жителей сменился теперь военной точностью и дисциплиной. Наскоро закончив скромную трапезу, весь остальной отряд в стройном порядке, без шума и суматохи начал переправляться на берег. Из офицеров остался только один Уэрли. Крэг командовал передовым отрядом, Торитон был среди раненых, а Грэхэм, разумеется, сопровождал своих пациентов. Сундук Хаттера и наиболее ценные вещи отправили с обозом; в доме осталась только старая рухлядь, которую не стоило брать с собой. Джудит была рада, что капитан, щадя ее чувства, занимается только своими служебными обязанностями и не мешает ей предаваться печальным размышлениям. Решено было, что девушка покинет «замок», но, помимо этого, никаких объяснений ни с той, ни с другой стороны не последовало. Солдаты отплыли на ковчеге во главе с капитаном. Он спросил у Джудит, что она собирается делать, и, узнав, что девушка хочет остаться с Уа-та-Уа до последней минуты, не докучал ей больше расспросами и советами. К берегам Мохока шел только один безопасный путь, и Уэрли не сомневался, что рано или поздно они встретятся по-дружески, если и не возобновят прежних отношений. Когда все собрались на борту, весла погрузились в воду, и неуклюжий, как всегда, ковчег двинулся к отдаленному мысу. Зверобой и Чингачгук вытащили из воды две пироги и спрятали их в «замке». Заколов окна и двери, они выбрались из дома через трап описанным выше способом. У самого палисада в третьей пироге уже сидела Уа-та-Уа; делавар тотчас же присоединился к ней и заработал веслом, оставив Джудит на платформе. Благодаря этому несколько неожиданному поступку Зверобой очутился наедине с плачущей девушкой. Слишком простодушный, чтобы заподозрить что-либо, молодой человек вывел лодку из дока, посадил в нее хозяйку «замка» и отправился с ней по следам своего друга.

Чтобы добраться до мыса, нужно было проехать мимо семейного кладбища. Когда пирога поравнялась с этим местом, Джудит в первый раз за все утро заговорила со своим спутником. Она сказала очень немного: попросила только остановиться на минуту или на две, прежде чем они двинутся дальше.

— Я, быть может, никогда больше не увижу этого места, Зверобой, — сказала она, — а здесь покоятся мои мать и сестра. Как вы думаете: быть может, невинность одной спасет души двух других?

— По-моему, это не так, Джудит, хоть я не миссионер и мало чему учился. Каждый отвечает за свои собственные грехи, хотя сердечное раскаяние может искупить любую вину.

— О, если так, моя бедная мать попала на небеса блаженства! Горько, ах, как горько каялась она в своих прегрешениях!

— Все это превышает моего понимания, Джудит. Я полагаю, что поступать хорошо в этой жизни — все-таки самый надежный способ устроить свои дела на том свете. Хетти была

необыкновенная девушка, в этом должны признаться все знавшие ее.

— Я думаю, что вы правы. Увы, увы! Почему так велика разница между теми, которые были вскормлены одной и той же грудью, спали в одной постели и обитали под одним кровом? Но все равно, отведите пирогу немного дальше к востоку, Зверобой: солнце слепит мне глаза, и я не вижу могил. Могила Хетти вон там, справа от матери, не правда ли?

— Да, Джудит. Вы сами так захотели; и все мы рады исполнять ваши желания, когда они справедливы.

Девушка в течение одной минуты глядела на него с молчаливым вниманием, потом бросила взгляд назад, на покинутый «замок».

— Это озеро скоро совсем опустеет, — сказала она, — и как раз в то время, когда на нем можно жить в безопасности, не то что раньше. События последних дней надолго отобьют охоту у ирокезов снова возвратиться сюда. — Это правда! Да, это действительно так. Я не собираюсь возвращаться сюда, до тех пор пока идет война: по-моему, ни один гуронский мокасин не оставит следа на листьях в этих лесах, пока в их преданиях сохранится память об этом поражении.

— Неужели вы так любите насилие и кровопролитие? Я была о вас лучшего мнения, Зверобой. Мне казалось, что вы способны найти счастье в спокойной домашней жизни, с преданной и любящей женой, готовой исполнять ваши желания. Мне казалось, что вам приятно окружить себя здоровыми, послушными детьми, которые стремятся подражать вашему примеру и растут такими же честными и справедливыми, как вы сами.

— Господи, Джудит, как вы красно говорите! Язык у вас под стать вашей наружности, и чего не может достигнуть вторая, того, наверное, добьется первый. Такая девушка за один месяц может испортить самого отважного воина в целой Колонии.

— Значит, я ошиблась? Неужели, Зверобой, вы действительно больше любите войну, чем домашний очаг и своих близких?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, девушка; да, я понимаю, что вы хотите сказать, хотя не думаю, чтобы вы как следует понимали меня. Мне кажется, я теперь имею право называть себя воином, потому что я сражался и победил, а этого достаточно, чтобы носить такое звание. Не отрицаю также, что у меня есть склонность к этому делу, которое нужно считать достойным и почтенным, если заниматься им, как того требуют наши природные дарования. Но я совсем не кровожаден. Однако молодежь всегда остается молодежью, а минги — мингами. Если бы все здешние молодые люди сидели сложа руки по своим углам и позволяли бродягам шлаться по всей стране — что же, тогда лучше нам всем сразу превратиться во французов и уступить им эту землю. Я не забияка, Джудит, и не люблю войну ради войны, но я не вижу большой разницы между уступкой территории до войны из страха перед войной и уступкой ее после войны, потому что мы не в силах дать отпор, если не считать того, что второй способ все-таки гораздо почетнее и более достоин мужчины.

— Ни одна женщина не захочет, Зверобой, чтобы ее муж или брат сидел в своем углу и покорно сносил обиды и оскорбления, однако она может при этом горевать о том, что он вынужден подвергаться всем опасностям войны. Но вы уже достаточно сделали, очистив эту область от гурунов, ибо главным образом вам обязаны мы славой недавней победы. Теперь выслушайте меня внимательно и ответьте со всей откровенностью, которую тем приятней видеть у представителя вашего пола, чем реже она встречается.

Джудит смолкла, ибо теперь, когда она уже готова была высказаться начистоту, врожденная скромность снова взяла верх, несмотря на все доверие, которое она питала к простодушию своего собеседника. Ее щеки, недавно такие бледные, зарумянились, и глаза загорелись прежним блеском. Глубокое чувство придало необыкновенную выразительность ее лицу и мягкость голосу; красота ее стала еще более пленительной.

— Зверобой, — сказала она после довольно длительной паузы, — теперь не время притворяться, обманывать или лукавить. Здесь, над могилой моей матери, над могилой правдивой, искренней Хетти, всякое притворство было бы неуместно. Итак, я буду говорить с вами без всякого стеснения и без страха остаться непонятой. Мы с вами встретились

меньше недели назад, но мне кажется, будто я знаю вас целые годы. За это короткое время произошло множество важных событий. Скорби, опасности и удачи целой жизни столпились на пространстве нескольких дней! И те, кому пришлось страдать и действовать при подобных обстоятельствах, не могут чувствовать себя чужими друг другу. Знаю: то, что я хочу сказать вам, было бы ложно понято большинством мужчин, но надеюсь, что вы более великодушно истолкуете мое чувство. Хитрость и обман, которые так часто бывают в городах, здесь невозможны, и мы с вами еще ни разу не обманывали друг друга. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Конечно, Джудит; не многие говорят лучше вас, и никто не говорит так приятно. Слова ваши под стать вашей красоте.

— Вы так часто восхваляли мою красоту, что это дает мне смелость продолжать. Однако, Зверобой, девушке моих лет нелегко позабыть полученные в детстве уроки, все свои привычки и прирожденную осторожность и открыто высказать все, что чувствует ее сердце.

— Почему, Джудит? Почему бы женщинам, как и мужчинам, не поступать совершенно открыто и честно со своими ближними? Не вижу причины, почему вы не можете говорить так же откровенно, как говорю я, когда нужно сказать что-нибудь действительно важное.

Неодолимая скромность, которая до сих пор мешала молодому человеку заподозрить истину, вероятно, совсем обескуражила бы девушку, если бы душа ее не стремилась во что бы то ни стало сделать последнее отчаянное усилие, чтобы спастись от будущего, которое страшило ее тем сильнее, чем отчетливее она его себе представляла. Это чувство преодолело все другие соображения, и она, сама себе удивляясь, продолжала упорствовать, поборов свое смущение.

— Я буду, я должна говорить с вами так же откровенно, как говорила бы с милой бедной Хетти, если бы эта кроткая девочка еще была жива, — сказала она, побледнев, вместо того чтобы покраснеть, как могла бы покраснеть на ее месте другая девушка. — Да, я подчиню все мои чувства самому важному из них. Любите ли вы леса и жизнь, которую мы ведем здесь, в пустыне, вдали от хижин и городов, где обитают белые?

— Люблю, Джудит, люблю не меньше, чем любил моих родителей, когда они были живы. Это место могло бы заменить мне целый мир, если бы только война благополучно закончилась и бродяги держались отсюда подальше.

— Тогда зачем же его покидать? У него нет хозяина, по крайней мере хозяина, имеющего на него больше прав, чем я, а я охотно отдаю его вам. Если бы это было целое королевство, Зверобой, я с восторгом сказала бы то же самое. Вернемся сюда, после того как нас благословит священник, который живет в форте, и потом навсегда останемся здесь.

Последовала долгая, многозначительная пауза. Заставив себя высказаться так откровенно, Джудит закрыла лицо обеими руками, а Зверобой, огорченный и удивленный, размышлял о том, что он только что услышал. Наконец охотник нарушил молчание, стараясь придать своему голосу ласковое выражение, так как он боялся обидеть девушку.

— Вы недостаточно хорошо обдумали все это дело, Джудит, — сказал он. — Нет, чувства ваши взволнованы тем, что недавно случилось, и, полагая, что у вас никого больше не осталось на свете, вы слишком торопитесь найти человека, который занял бы место тех, кого вы потеряли.

— Если бы я жила, окруженная целой толпой друзей, Зверобой, я чувствовала бы то же, что чувствую теперь, и говорила бы то же, что говорю, — ответила Джудит, по-прежнему закрывая руками свое красивое лицо.

— Спасибо, девушка, спасибо от всего сердца! Однако я не такой человек, чтобы воспользоваться этой минутной слабостью, когда вы забыли все свои преимущества и вообразили, будто вся земля, со всем, что в ней заключается, сосредоточена в этой маленькой пироге. Нет, нет, Джудит, это было бы неблагородно с моей стороны! То, что вы предлагаете, никогда не может произойти.

— Все это возможно, но я никогда не буду в этом раскаиваться! — возразила Джудит с неудержимым порывом, который заставил ее оторвать руки от глаз. — Мы попросим солдат

оставить наши вещи на дороге; а когда мы вернемся, их легко будет перенести обратно в дом; враги не покажутся на озере по крайней мере до конца войны; ваши меха легко продать в форте. Там вы можете купить все, что нам понадобится, ибо я не хочу возвращаться туда; и, наконец, Зверобой, — прибавила девушка, улыбаясь так нежно и искренне, что решимость молодого человека едва не поколебалась, — в доказательство того, как сильно я хочу быть вашей, как стремлюсь я быть лишь вашей женой, в первый огонь, который мы разведем по возвращении, я брошу парчовое платье и все вещи, которые вы считаете неподходящими для вашей жены.

— Ах, какое вы очаровательное существо, Джудит! Да, вы очаровательное существо: никто не может отрицать этого, не прибегая к лжи. Все эти картины приятны воображению, но в действительности могут оказаться вовсе не такими приятными. Итак, позабудьте все это, и поплывем вслед за Змеем и Уа-та-Уа, как будто между нами ничего не было сказано.

Джудит испытывала чувство жестокого унижения и — что значит гораздо больше — была глубоко опечалена. В твердости и спокойствии Зверобоя было нечто, подсказавшее ей, что все ее надежды рухнули и ее удивительная красота не произвела на этот раз своего обычного действия. Говорят, будто женщины редко прощают тех, кто отвергает их предложения. Но эта гордая, пылкая девушка ни тогда, ни впоследствии не выказала даже тени досады на честного и простодушного охотника. В ту минуту ей важнее всего было убедиться, что между ними не осталось взаимного непонимания. Итак, после мучительной паузы она довела дело до конца, задав вопрос до такой степени прямо, что он не допускал никаких двусмысленных толкований.

— Не дай бог, чтобы когда-нибудь впоследствии мы пожалели о том, что нам сегодня не хватило искренности, — сказала она. — Надеюсь, что мы с вами наконец пойдем друг друга. Вы не хотите взять меня в жены, Зверобой?

— Будет гораздо лучше для нас обоих, если я не воспользуюсь вашей слабостью, Джудит. Мы никогда не сможем пожениться.

— Вы не любите меня... Быть может, в глубине души вы даже не уважаете меня, Зверобой?

— Если речь идет о дружбе, Джудит, я готов для вас на все, готов принести вам в жертву даже мою собственную жизнь. Да, я готов рисковать ради вас, так же как ради Уа-та-Уа, а больше этого я не могу обещать ни одной женщине. Но не думаю, чтобы я любил вас или какую-нибудь другую женщину — вы слышите: я говорю, какую-нибудь другую, Джудит! — настолько, чтобы согласиться покинуть отца и мать, если бы они были живы... Впрочем, они умерли, но это все равно: я не чувствую себя готовым покинуть родителей ради какой-нибудь женщины и прилепиться к ней, как говорит писание.

— Этого довольно, — ответила Джудит упавшим голосом. — Я понимаю, что вы хотите сказать: вы не можете жениться без любви, а любви ко мне у вас нет. Не отвечайте, если я угадала, — я пойму ваше молчание. Это само по себе будет достаточно мучительно.

Зверобой повиновался и ничего не ответил. В течение целой минуты девушка молчала, вперив в него свои ясные глаза, как будто хотела прочитать, что делалось у него в душе. А он сидел, поигрывая веслом, с видом провинившегося школьника. Затем Джудит опустила весло в воду, Зверобой тоже налег на весло, и легкая пирога понеслась вслед за делаваром.

По дороге к берегу Зверобой не обменялся больше ни словом со своей красивой спутницей. Джудит сидела на носу пироги, спиной к охотнику, иначе, вероятно, выражение ее лица заставило бы Зверобоя попытаться ласково утешить девушку. Вопреки всему, Джудит не сердилась на него, хотя на щеках ее густой румянец стыда несколько раз сменялся смертельной бледностью. Скорбь, глубокая сердечная скорбь царила в ее сердце и выражалась так ясно, что этого нельзя было не заметить.

Оба они довольно лениво работали веслами, и ковчег уже причалил к берегу, а солдаты высадились, прежде чем пирога успела достигнуть мыса. Чингачгук обогнал всех и уже вошел в лес до того места, где тропинки разделялись: одна вела в форт, а другая — в делаварские деревни. Солдаты тоже выстроились в походном порядке, предварительно

пустив ковчег по течению, совершенно равнодушные к его дальнейшей судьбе. Джудит на все это не обратила никакого внимания. Мерцающее Зеркало потеряло для нее всю свою привлекательность, и, едва успев ступить на прибрежный песок, она поспешила вслед за солдатами, не бросив назад ни одного взгляда. Даже мимо делаварки она прошла не оглянувшись; это скромное существо так же отвернулось при виде удрученного лица Джудит, как будто чувствуя себя в чем-то виноватой.

— Подожди меня здесь, Змей, — сказал Зверобой, последовав за отвергнутой красавицей. — Я хочу посмотреть, как Джудит нагонит отряд, а потом вернусь к тебе.

Когда они отошли на сотню ярдов, Джудит обернулась и заговорила.

— Пусть будет так, Зверобой, — сказала она печально. — Я понимаю, вы хотите проводить меня, но в этом нет никакой нужды. Через несколько минут я нагоню солдат. Так как вы не можете быть моим спутником на жизненном пути, то я не хочу идти с вами дальше и по этому лесу. Но постойте! Прежде чем мы расстанемся, я хочу задать вам еще один вопрос, и, ради бога, ответьте мне честно. Я знаю, вы не любите ни одной женщины, и вижу только одну причину, по которой вы не можете... не хотите любить меня. Итак, скажите мне, Зверобой...

Тут девушка остановилась, как будто слова, которые она хотела произнести, грозили задушить ее. Потом, собрав всю свою решимость, то краснея, то бледнея при каждом вздохе, она продолжала:

— Скажите мне, Зверобой: то, что говорил Гарри Марч, повлияло как-нибудь на ваши чувства?

Правда всегда была путеводной звездой Зверобоя, он не мог скрывать ее, если даже благоразумие повелевало ему хранить молчание. Джудит прочитала ответ на его лице, и с сердцем, растерзанным сознанием, что она сама во всем виновата, девушка еще раз тяжело вздохнула на прощание и исчезла в лесу.

Некоторое время Зверобой стоял в нерешительности, не зная, что делать дальше, но наконец повернул назад и присоединился к делавару. В эту ночь все трое расположились лагерем у истоков родной реки, а на следующий вечер торжественно вступили в делаварскую деревню. Чингачгук и его невесту встретили с триумфом; все прославляли их спутника и восхищались им, но прошли целые месяцы, полные напряженной деятельности, прежде чем он успел оправиться от удручавшей его скорби.

Начавшаяся в тот год война была долгой и кровавой. Делаварский вождь возвысился среди своего народа так, что имя его никогда не упоминалось без самых восторженных похвал. А тем временем другой Ункас, последний представитель этого рода, присоединился к длинной веренице воинов, носивших это почетное прозвище. Что касается Зверобоя, то под кличкой Соколиный Глаз он так прославился, что ирокезы боялись звука его карабина, как грома Маниту. Его услуги скоро понадобились королевским офицерам. С одним из них, как в походах, так и в частной жизни, он был связан особенно тесно.

Прошло пятнадцать лет, прежде чем Зверобоем удалось снова навестить Мерцающее Зеркало. Америка уже стояла накануне другой, гораздо более серьезной войны, когда он и его верный друг Чингачгук направлялись к фортам на Мохоке, чтобы присоединиться к своим союзникам. Их сопровождал мальчик-подросток, ибо Уа-та-Уа покоилась уже вечным сном под делаварскими соснами, и трое оставшихся в живых были теперь неразлучны.

Они достигли берегов озера в ту минуту, когда солнце уже садилось. Все здесь осталось неизменным: река по-прежнему струилась под древесным сводом; невысокий утес лишь слегка понизился под медленным действием вод; горы в своем природном одеянии, темные и таинственные, по-прежнему поднимались ввысь, а водная поверхность сверкала, словно драгоценный камень.

На следующее утро мальчик нашел пирогу, прибитую к берегу и уже наполовину развалившуюся. Однако ее удалось починить, и вскоре они отплыли, желая обследовать озеро. Они посетили все памятные места, и Чингачгук показал сыну, где находился первоначально лагерь гуронов, из которого ему удалось похитить свою невесту. Здесь они

даже высадились, но все следы становища давно исчезли. Затем они направились к полю битвы и обнаружили человеческие останки. Дикие звери раскопали могилы, и на поверхности валялись кости, омытые летними дождями. Ункас глядел на все это с благоговением и жалостью, хотя индейские предания уже пробудили в его юном уме честолюбие и суровость воина.

Оттуда пирога направилась прямо к отмели, где еще виднелись остатки «замка», превратившегося в живописные руины. Зимние бури давно сорвали крышу с дома, и гниль изъела бревна. Все крепежи были, однако, целы, но стихии не раз бушевали в этом доме, как будто издеваясь над попыткой победить их. Палисад сгнил, так же как сваи, и было очевидно, что еще несколько зим — и бури и ураганы сметут в озеро и окончательно уничтожат постройку, воздвигнутую в пустынных дебрях. Могил найти не удалось. Может быть, вода изгладила всякий след, а может быть, прошло столько времени, что Чингачгук и Зверобой забыли, где находится место последнего успокоения Хаттеров. Ковчег они обнаружили на восточном берегу, куда, вероятно, его прибило северо-западным ветром, который часто дует в этих местах.

Судно лежало на песчаной оконечности длинной косы, расположенной в двух милях от истока; оно быстро разрушилось под действием стихий. Баржа была полна воды, крыша на каюте развалилась, и бревна сгнили. Кое-какая утварь еще сохранилась, и сердце Зверобоя начало биться быстрее, когда он заметил ленту Джудит, реявшую посреди балок. Хотя эта девушка не задела его сердце, все же Соколиный Глаз — так мы должны теперь его называть по-прежнему с искренним участием относился к ее судьбе. Он достал ленту и привязал ее к прикладу «оленебоя», который ему подарила девушка. Немного дальше они нашли другую пирогу, а на мысу и ту, в которой когда-то в последний раз съехали на берег. Пирога, в которой они сидели, и другая, которую им удалось найти на восточном берегу, стояли в «замке». Но стена рухнула, пироги, подгоняемые ветром, проплыли через погрузившийся в воду палисад и были выброшены волнами на берег. Судя по всему этому, никто не заходил на озеро с тех пор, как разыгрались последние события нашей истории. С грустным чувством покидали это место Чингачгук и его друг. Здесь они когда-то вступили на тропу войны, здесь они пережили часы дружбы, нежности и торжества. Молча отправились они в обратный путь, навстречу новым приключениям, таким же волнующим, как те, которыми началась их карьера на этом прекрасном озере. Лишь несколько лет спустя удалось им снова побывать здесь, и делавар нашел тогда на озере свою могилу.

Время и обстоятельства обволокли непроницаемой тайной все связанное с Хаттерами. Они жили, совершали ошибки, умерли, и о них забыли. Никто не испытывал такого интереса к ним, чтобы приподнять завесу, скрывавшую их бесчестие. А время скоро изгладит из памяти даже их имена. История преступлений всегда возмутительна, и, к счастью, немногие любят ее изучать. Такая же судьба постигла Джудит. Посетив однажды гарнизон на Мохоке, Соколиный Глаз всех расспрашивал об этом красивом, но заблудшем создании. Никто не знал ее, никто о ней даже не помнил. Другие офицеры заступили место прежних Уэрли, Крэгов и Грэхэмов.

Только один старый сержант, вернувшийся недавно из Англии, смог рассказать нашему герою, что сэр Роберт Уэрли жил в родовом поместье и что там же была леди необыкновенной красоты, которая имела на него большое влияние, хотя и не носила его имени. Но была ли то Джудит, повторившая ошибку своей молодости, или какая-нибудь другая жертва этого воина, Соколиный Глаз так никогда и не узнал.